

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ:
к 70-летию освобождения Дона
и Северного Кавказа**

**Материалы Международной научной конференции
г. Ростов-на-Дону
6–7 июня 2013 г.**

Ростов-на-Дону
2013

УДК 94(47).07/.08(470.6)(063)
К66

Программа фундаментальных исследований Президиума РАН
«Фундаментальные проблемы модернизации полиэтнического макрорегиона
в условиях роста напряженности»

Редакционная коллегия:

академик **Г.Г. Матишов** (отв. редактор),
д.филос.н. **В.А. Авксентьев**, к.г.н. **Н.И. Голубева**,
д.и.н. **Е.Ф. Кринко** (зам. отв. редактора), д.и.н. **Т.П. Хлынина**,
к.г.н. **Е.Э. Кириллова**, **Т.Г. Курбат**

К66 **Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа:** материалы Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – 456 с. – ISBN 978-5-4358-0058-6.

В материалах сборника рассматриваются события коренного перелома в годы Великой Отечественной войны. Значительное место уделено боевым действиям на юге России в 1942–1943 гг., военной повседневности, проблемам оккупации, сопротивления и коллаборационизма, а также отражению данных событий в исторической памяти населения региона.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех заинтересованных читателей.

УДК 94(47).07/.08(470.6)(063)

ISBN 978-5-4358-0058-6

© ЮНЦ РАН, 2013
© ИСЭГИ ЮНЦ РАН, 2013

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SOUTHERN SCIENTIFIC CENTRE
INSTITUTE OF SOCIAL-ECONOMIC RESEARCH
AND HUMANITIES**

**THE TURNING-POINT
IN THE GREAT PATRIOTIC WAR:
To the 70-Year Anniversary of Liberation
of the Don Region and the Northern Caucasus**

Proceedings of the International Scientific Conference

Rostov-on-Don

6–7 June 2013

**Rostov-on-Don
2013**

UDK 94(47).07/.08(470.6)(063)
M39

Programme of Basic Research of the RAS Presidium “The Basic Problems of Poly-Ethnic Macro-Region Modernization under the Conditions of Tension Growth”

Editorial Board:

Academician RAS **G.G. Matishov** (Managing Editor),
Dr (Philosophy) **V.A. Avksent'ev**, PhD **N.I. Golubeva**,
Dr (History) **E.F. Krinko** (Deputy Managing Editor),
Dr (History) **T.P. Khlynina**, PhD **E.E. Kirillova**, **T.G. Kurbat**

M39 Matishov, G.G. (Ed.) (2013). **The Turning-Point in the Great Patriotic War: to the 70-Year Anniversary of Liberation of the Don Region and the Northern Caucasus**. Proceedings of the International Scientific Conference (Rostov-on-Don, 6–7 June 2013). Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers. 456 p. (in Russian). ISBN 978-5-4358-0058-6

The events of the turning-point during the Great Patriotic War are considered in the proceedings. Significant attention is paid to combat operations in the South of Russia in 1942–1943, war life and everyday activities, problems and issues of occupation, resistance and collaborationism, as well as to the reflection of the considered events in the historical memory of the population of the region.

The publication is intended both for researchers, university teachers, postgraduate and undergraduate students, and readers interested in the subject.

UDK 94(47).07/.08(470.6)(063)

ISBN 978-5-4358-0058-6

© Southern Scientific Centre RAS (2013)
© Institute of Social-Economic Research
and Humanities SSC RAS (2013)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Почти семь десятилетий отделяет нас от того памятного дня, когда закончилась Великая Отечественная война, ставшая одним из наиболее трагических событий не только российской, но и мировой истории. На протяжении всего этого времени тема войны и победы в ней советского народа не прекращала оставаться пространством острых, сначала идеологических, а затем и профессиональных столкновений. На сегодняшний день о Великой Отечественной войне написано, пожалуй, больше, чем по какому бы то ни было другому периоду нашей истории, и это не случайно. Болезненность, с которой переживается переосмысление событий того драматического времени, вызвана не только «сменой вех» в исторической науке и открытием ранее неизвестных широкому исследователю архивных документов. Она связана и с памятью тех, кто ценой неимоверных трудностей и лишений стоял у истоков победы, заплатил потерей своих близких ее высокую цену.

Благодаря совместным усилиям профессиональных исследователей, работников архивов и музеев, поисковым отрядам и ветеранам о Великой Отечественной войне мы стали знать гораздо больше. Постепенно уходят в прошлое белые пятна военных потерь и проваленных операций, восстанавливаются забытые и сознательно предававшиеся забвению имена талантливых полководцев, получает право на научное существование повседневная жизнь населения того времени. Все эти и многие другие актуальные вопросы находятся в центре внимания коллектива исследователей Южного научного центра РАН (ЮНЦ РАН) и входящего в его структуру Института социально-экономических и гуманитарных исследований (ИСЭГИ ЮНЦ РАН). Результатами их деятельности стал не только выход в свет уже получивших высокую оценку специалистов ряда фундаментальных трудов о войне на юге России [1], но и превращение ЮНЦ РАН во всероссийскую площадку обсуждения проблем истории Великой Отечественной войны [2].

Важнейшим событиям в ее истории посвящены материалы Международной научной конференции «Коренной перелом в Великой Отечественной войне», приуроченной к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа от нацистской оккупации. Следует отметить, что это четвертая конференция ЮНЦ РАН и ИСЭГИ ЮНЦ РАН, посвященная истории Великой Отечественной войны. В этом году она проводится в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные про-

блемы модернизации полиэтнического макрорегиона в условиях роста напряженности» на 2012–2014 гг.

В конференции приняли участие исследователи из пяти государств – России, Украины, Германии, Австралии, Израиля. Результаты своих исследований представили историки из Москвы, Киева, Дюссельдорфа, Ньюкасла, Ростова-на-Дону, Донецка, Харькова, Луганска, Краснодара, Ставрополя, Нальчика, Грозного, Владикавказа, Элисты, Великого Новгорода и научных центров других городов. Естественно, что у разных специалистов различные подходы, трактовки, оценки конкретных событий, явлений и личностей, так как они опираются на разную методологию и разные источники, имеют разный профессиональный и жизненный опыт. Но всех их объединяет, безусловно, одно – стремление к поиску объективной научной истины о самом крупном международном конфликте, память о котором и сегодня остается одним из ведущих факторов современной политики и идеологии.

Материалы сборника проливают свет на недостаточно изученные вопросы боевых действий на юге России в 1942–1943 гг. Авторы обращают внимание не только на значимость побед советских войск, но и на тяжесть поражений, прежде всего, горького лета 1942 г., когда Красная армия вынужденно оставила обширные степные пространства Дона и Северного Кавказа. Только в предгорьях Кавказа и на берегах Волги враг был остановлен героическими усилиями советских бойцов и командиров. И именно отсюда берет свое начало наша общая Победа в Великой Отечественной войне. Противник был отброшен, а Красная армия перешла в контрнаступление. Но за Победу пришлось заплатить сотнями тысяч жизней представителей различных народов нашей страны.

Существенное внимание в сборнике уделено вопросам оккупации советских территорий. В советской историографии их трактовка упрощалась и догматизировалась, сводилась исключительно к описаниям всенародной борьбы в тылу врага. Практически ничего не говорилось о коллаборационизме советских граждан. Разные люди по разным причинам пошли на сотрудничество с противником – кто-то сознательно, из чувства неприязни к советскому строю и коммунистической идеологии, а кто-то вынужденно, стремясь сохранить свою жизнь. В любом случае коллаборационизм как переход на сторону врага заслуживает негативной оценки. Немало место в сборнике уделено и борьбе партизан и подпольщиков в условиях нацистской оккупации, в том числе созданию и деятельности «Молодой гвардии» – молодежной подпольной организации в г. Краснодоне.

Все более широкий интерес историков в последние годы вызывают вопросы повседневной жизни советского человека в условиях военного времени. В центре внимания исследователей – нормы и практики питания, взаимоотношения власти и общества, стратегии выживания и государственный патернализм, образы противника и взаимоотношения между женщинами и мужчинами на фронте и тылу. Обращает внимание, что многие доклады,

представленные в виде статей настоящего сборника, написаны на основе раскритиченных архивных документов. Другие авторы опираются на воспоминания самих участников и очевидцев военных событий, их письма и дневники, что свидетельствует о серьезных изменениях в самих подходах в исторической науке, прежде делавшей главный упор на официальные документы.

Еще одним направлением работы конференции стало отражение событий Великой Отечественной войны в исторической памяти советского, современного российского, украинского и других постсоветских обществ. Обращение к данным проблемам свидетельствует об определенных противоречиях в памяти о войне и практиках ее мемориализации. Война нередко была и продолжает оставаться предметом не только профессионального изучения, но и политики памяти.

Материалы сборника вносят значительный вклад в изучение Великой Отечественной войны, раскрывая многочисленные белые пятна ее истории. Выражаю искреннюю надежду, что они будут представлять немалый интерес как для профессиональных исследователей, так и для широких кругов читателей.

Академик Г.Г. Матишов

Примечания:

1. *Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф.* Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. Ростов н/Д, 2010. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д, 2011; Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов н/Д, 2012.
2. Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: мат-лы Междунар. науч. конф. (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог). Ростов н/Д, 2010; Война в истории и судьбах народов юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны): мат-лы Междунар. науч. конф., 1–2 июня 2011 г., Ростов-на-Дону. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011; Народы юга России в отечественных войнах: мат-лы Междунар. науч. конф. (6–7 сентября 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012 и др.

РАЗДЕЛ 1

НОВЫЕ ПОДХОДЫ

И ИСТОЧНИКИ В ИЗУЧЕНИИ КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Академик Г.Г. Матишов

Роль сражений на Кавказе и под Сталинградом в коренном переломе в Великой Отечественной войне

Летом 1942 – осенью 1943 гг. на юге России решалась судьба страны. Здесь разворачивались события, от которых прямо зависел исход Великой Отечественной войны. Решающие сражения шли в большой излучине Дона (07.07–23.08.1942), на астраханском (01.08–28.12.1942), гудермесско-кизлярском (25.08–17.09.1942) и грозненском (02.09–30.12.1942) направлениях, под Орджоникидзе (25.10–13.11.1942) и Сталинградом (17.07.1942–02.02.1943), за Ростов-на-Дону (20–24.07.1942, 08–14.02.1943), на Миус-фронте (17.02–30.08.1943) и «Голубой линии» (13.02–09.10.1943). Они стали ключевыми событиями коренного перелома в войне [1].

Значительное превосходство противника в танках и авиации позволило ему создать на важнейших стратегических направлениях мощные ударные группировки. Победы гитлеровских войск в ходе наступления в большой излучине Дона, под Сталинградом и на Кавказе обеспечивали им выход к нефтяным месторождениям Майкопа, Грозного и Баку. В тылу группы армий «А», наступавшей на Кавказ, находился корпус генерала Г. Фельми. Его задачей являлось дальнейшее наступление на Иран и Ирак, выход к Персидскому заливу и в Индию. Навстречу ему выдвигался Африканский корпус Э. Роммеля, находившийся всего в 100 км от Александрии [2].

В середине августа 1942 г. немецкие войска были остановлены на Астраханском направлении, на расстоянии порядка 100 км от Каспия. Астрахань являлась стратегическим пунктом переброски нефти и грузов по ленд-лизу из Ирана, войск и боевого снаряжения для действующей армии. Самолеты люфтваффе пытались разрушить город, но захватить его против-

нику не удалось. Участок фронта протяженностью до 300 км между сталинградской и кавказской группировками вермахта на протяжении почти пяти месяцев прикрывала усиленная 16-я моторизованная дивизия генерал-майора З. Хенрици. Для противодействия противнику советским командованием была срочно сформирована 28-я армия генерал-лейтенанта В.Ф. Герасименко. Ее основой стала 34-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора И.И. Губаревича, созданная на базе 7-го воздушно-десантного корпуса в Москве и срочно переброшенная на юг. Фактически в ногайских и калмыцких степях с сентября по декабрь 1942 г. шла настоящая рейдовая война. Разведывательные и диверсионные отряды вермахта вышли к Волге сразу в нескольких местах, неоднократно перерезали дорогу Кизляр – Астрахань.

Форсировав Дон и Маныч, противник уже через три недели стремительно приближался к Тереку. 1-я танковая армия захватила Моздок 25 августа 1942 г., нацелившись по левому берегу Терека на Гудермес и Махачкалу. Враг захватил 29 августа узловую железнодорожную станцию Червлённую, в 25 км северо-восточнее Грозного. Взрыв моста через Терек закрыл 40-му немецкому танковому корпусу путь в Дагестан. В район Гудермеса, через Астрахань и Махачкалу, были срочно переброшены из-под Москвы семь гвардейских бригад, сформированных из десантников, а также отдельные морские и курсантские стрелковые бригады, уже имевшие успешный боевой опыт оборонительных и наступательных боев. Прибывшие войска были усилены танковыми батальонами и бригадами, имевшими на вооружении бронетехнику, полученную по «персидскому коридору».

В Наурском и Шелковском районах Орджоникидзевского края (в настоящее время – Чеченской Республики) развернулись масштабные боевые действия с широким использованием танков и авиации. В сентябре – октябре 1-я танковая армия понесла здесь исключительно большие потери, особенно в бронетехнике. Решающее значение в обороне Северо-Восточного Кавказа сыграло Моздокско-Малгобекское сражение. Ингушский город Малгобек в течение октября пять раз переходил из рук в руки. Но глубоко эшелонированная советская оборона оказалась для немецких войск непреодолимой. Недостаточно изучены исследователями сражения на подступах к Грозному. Советские войска, используя естественные преграды, создали семь противотанковых рубежей. Лощины, овраги и рвы долины Алхан-Чурт между Малгобеком и Грозным были заполнены сырой нефтью. При угрозе прорыва немецких танков путь им преграждала стена огня горячей нефти. Противник подверг Грозный 10 и 12 октября мощным ударам с воздуха, в которых участвовало соответственно 130 и 152 самолета люфтваффе. Горящая нефть через прорывы в разрушенных бомбами дамбах потекла в город, расплавляя все, что попадалось на ее пути. Массированные бомбардировки практически сравняли Грозный с землей, но он так и не был захвачен врагом.

Тогда враг решил овладеть Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорогами. Наступление 1-й танковой армии через Эльхотовские ворота нача-

лось 25 октября. Под Нальчиком оборонялась ослабленная боями советская 37-я армия. На 6-километровом участке прорыва вермахт имел 3-кратное превосходство в людях, 11-кратное – в орудиях, 10-кратное – в минометах и абсолютное – в танках. Противник 28 октября занял Нальчик, а 1 ноября перерезал Военно-Осетинскую дорогу у селения Алагир. К исходу следующего дня части вермахта захватили селение Гизель, в 3 км западнее Орджоникидзе. Для решающего удара советское командование перебросило сюда два гвардейских стрелковых корпуса и несколько танковых бригад, основные силы артиллерии и авиации.

Переломным днем в стратегических боях под Орджоникидзе стало 5 ноября 1942 г. В этот день советские войска остановили продвижение противника и перешли в контрнаступление. Гизельская группировка 3-го танкового корпуса была практически полностью окружена. Спасаясь от полного уничтожения, бросая технику, немецкие войска были вынуждены в ночь на 11 ноября поспешно отходить к Дзуарикау. Сломив сопротивление вражеских частей, советские войска овладели Гизелью, а к исходу 12 ноября вышли к реке Фиагдон. Для вермахта 5–6 ноября 1942 г. стали временем невозврата, предгорья Северного Кавказа – местом невозврата, а для Красной армии именно здесь фактически началось освобождение Родины.

В сентябре 1942 г. основные военные события на Волге развернулись вокруг города, носившего имя Сталина. В городе располагались танковый, артиллерийский и нефтеперегонный заводы. Стремление вермахта захватить Сталинград объяснялось также и политическими факторами. Уже 23 августа 1942 г. 14-му танковому корпусу вермахта удалось прорваться к Волге. В сентябре в Сталинграде начались уличные бои. Задача советских войск в оборонительном сражении заключалась в том, чтобы измотать и обескровить ударную группировку врага, создав условия для перехода от обороны к наступлению. Мощную поддержку малочисленным частям 62-й армии оказывала тяжелая артиллерия и полки реактивных минометов с левого берега Волги и ее островов. В руинах Сталинграда немецкие войска утратили присущую им мобильность: танки не могли продвигаться среди каменных развалин. Бой шел за каждый дом.

В разгар уличных сражений в условиях строжайшей секретности шла подготовка к контрнаступлению под Сталинградом. На удалении от Сталинграда заранее было предусмотрено два выжидательных плацдарма для скрытого сосредоточения резервных частей. Плацдарм южной группы находился в Заволжье в плавнях дельты Волги в районе Капустина Яра, Черного Яра, Нижнего Баскунчака, Соленого Баскунчака и др. Сосредоточение северной группировки осуществлялось в районе Саратова, Камышина и в лесах Придонья. Стягивание резервов и их концентрация для стремительного наступления потребовали двух осенних месяцев и остаются практически неизученной страницей Сталинградской битвы. Важно отметить, что разработка и подготовка к проведению двух сражений осуществлялась в один

исторический момент. И сами события на Кавказе и на Волге развивались по общему сценарию. Это позволяет охарактеризовать боевые действия под Орджоникидзе вслед за Сталинградской битвой («Сталинград-I») как «Сталинград-II».

Мощный удар был нанесен 19 ноября с северного плацдарма войсками Юго-Западного фронта. На следующий день, 20 ноября, войска Сталинградского фронта пошли в наступление с юга. Крайне важным оказался выбор направления главных ударов, их внезапность, безошибочное определение слабых мест обороны противника. Юго-Западный и Сталинградский фронты встретились 23 ноября в районе города Калач – хутора Советского и замкнули кольцо окружения под Сталинградом. Окруженная группировка противника составила не 80–85 тыс. чел., как оценивала советская разведка, а почти 250 тыс. чел. [3] Поэтому сразу не удалось расчленить 6-ю армию Ф. Паулюса на две части и уничтожить. Враг использовал для круговой обороны укрепления Сталинградского обвода, созданного в 1941–1942 гг. для защитников города. Несмотря на снабжение по воздуху и попытку прорыва блокады, запасы боеприпасов и продовольствия у 6-й армии иссякали. Войска Донского фронта прорвали оборону противника и 2 февраля 1943 г. принудили окруженную фашистскую армию сдаться.

В декабре 1942 г. группа армий «А» на Кавказе окончательно утратила атакующие возможности и оказалась под угрозой окружения. Общее наступление Северной и Черноморской групп войск Закавказского фронта началось 1 января 1943 г. Навстречу им, в направлении на Ростов и Сальск, наступали войска Южного (бывшего Сталинградского) фронта. Умело маневрируя резервами, фельдмаршал Э. Манштейн остановил в конце января советское наступление на рубежах рек Маныч и Северский Донец. К концу января противник ушел с Северного Кавказа, разделившись на две группы. Главные силы 1-й танковой армии отошли через Ростов в Донбасс, оставшиеся соединения отошли на Таманский полуостров, где объединились с 17-й армией в мощную группировку общей численностью более 20 дивизий.

Советские войска освободили Ростов-на-Дону 14 февраля 1943 г., однако их дальнейшее наступление остановил немецкий оборонительный рубеж протяженностью в 104 км, получивший название Миус-фронт. Он начинался у села Самбек у Таганрогского залива, шел по реке Миус и упирался в город Красный Луч Ворошиловградской (в настоящее время – Луганской) области. Впервые советские войска столкнулись с неприступностью немецких боевых порядков на Миус-фронте еще зимой 1941 г. На протяжении первой половины 1942 г. продолжались безуспешные попытки прорыва обороны противника. По степени неприступности, плотности огня и количеству долговременных укреплений Миус-фронт можно сравнить с такими широко известными оборонительными комплексами, как финская линия Маннергейма, французская линия Мажино, немецкая линия Зигфрида или советская линия Молотова.

В течение весны – лета 1943 г. советские войска неоднократно штурмовали немецкие оборонительные рубежи. Ожесточенное сражение произошло в окрестностях высоты 277,0 (курган Саур-Могила) 30–31 июля 1943 г., на границе Ростовской и Сталинской (в настоящее время – Донецкой) областей. В нем участвовали элитные танковые соединения, снятые немецким командованием в разгар противоборства на Курской дуге. За два дня противник потерял здесь 239 танков и самоходно-артиллерийских установок. Это вдвое выше танковых потерь врага в знаменитой битве под Прохоровкой. Только 18 августа 1943 г. Южный фронт генерал-полковника Ф.И. Толбухина из района села Куйбышево Ростовской области прорвал Миус-фронт, а 30 августа был освобожден Таганрог. В разработке операции участвовал начальник Генерального штаба РККА маршал А.М. Василевский. Необходимым условием успеха стала максимальная концентрация сил, особенно артиллерии и бронетехники, на узком участке прорыва [4].

На Тамани советское продвижение уперлось в еще один мощный оборонительный рубеж «Голубая линия» – «Готенкопф» («Голова гота») протяженностью в 113 км, от Новороссийска через поселок Верхнебаканский, станицу Нижнебаканскую, поселок Саук-Дере, станицы Крымскую и Киевскую до Темрюкского лимана. Восемь оборонительных полос глубиной до 40 км в полной мере учитывали сложный рельеф местности: болотистую дельту Кубани, Адагума, Протоки и других рек, лесисто-холмистую местность в центре с высотами до 200 м, гористую местность в районе Новороссийска. В течение семи месяцев на этом своеобразном «Миус-фронте-II» шли кровопролитные бои. В лобовых атаках советские войска понесли огромные потери, но не добились успеха.

Во второй половине апреля 1943 г. в небе над Кубанью развернулось крупное воздушное сражение, продолжавшееся до 7 июня. В отдельные дни проводилось до 50 групповых воздушных боев с участием 50–100 самолетов с каждой стороны. В этих боях отличились многие советские летчики-асы. Среди них и знаменитый А.И. Покрышкин, на истребителе Р-39 «Аэрокобра» сбивший в апреле – мае 1943 г. 23 самолета люфтваффе в районе «Голубой линии». Войска Северо-Кавказского фронта генерал-полковника И.Е. Петрова 10 сентября пробили казавшуюся неприступной «Голубую линию», а 9 октября полностью освободили Тамань.

Таким образом, в тяжелых боях с августа 1942 г. по октябрь 1943 г. враг был отброшен от границ Дагестана, Чечни, Ингушетии, берегов Каспия, дельты Волги и Астрахани до Крыма и Донбасса, на расстояние более чем в 1 тыс. км. Если внимательно посмотреть на события лета 1942 – осени 1943 гг. на южном фланге советско-германского фронта как части единого процесса противостояния, то становятся заметны масштабы сражений под Сталинградом и на Кавказе и их место в истории крупнейших поражений германского фашизма. Необходимо отметить, что за оборону Кавказа Героями Советского Союза стали 138 чел., а за битву под Сталинградом – 103 чел.

Основные сражения на юге России в 1942–1943 гг. [5]

Сражения	Время	Потери		Количество Героев Советского Союза
		РККА	вермахт	
Битва за Кавказ («Сталинград-II»)	25.07.1942–09.10.1943	1 065 910	421 200	138
Битва за Сталинград («Сталинград-I») *	17.07.1942–02.02.1943	1 129 619	890 522	103
«Миус-фронт» (I)	11.10.1941–30.08.1943	833 000	110 000	38
«Голубая линия» («Миус-фронт-II»)	13.02–09.10.1943	268 513	128 429	69

* Включая потери в большой излучине Дона с 17 июля по 23 августа 1942 г.

В сражениях 1942–1943 гг. произошел коренной перелом в войне, советские войска перешли от стратегической обороны к стратегическому наступлению. Кровавопролитные бои, сопровождавшиеся перемалыванием целых армий, шли в рассматриваемый период на всех направлениях советско-германского фронта, включая западное и северо-западное. Однако поворот в ходе войны произошел именно на юге, где у советских войск появился опыт крупных победоносных сражений. В этих сражениях развивалось и совершенствовалось советское оперативно-тактическое искусство. После настоящего разгрома, который пережила кадровая РККА в первый год войны, руководству страны и всему советскому народу пришлось предпринять колоссальные усилия, чтобы воссоздать ее боевую мощь.

Одержанные победы свидетельствовали о возросшем умении командования в сжатые сроки концентрировать различные рода войск на прорыв вражеской обороны в узкой полосе, организовывать взаимодействие ударных групп, групп прикрытия и резервов, пехоты, бронетанковых войск, кавалерии и авиации. Советские офицеры и генералы стали принимать ответственные решения, прогнозировать их последствия, разумно рисковать. Именно в боях на юге России сформировалась целая плеяда выдающихся полководцев – А.М. Василевский, Р.Я. Малиновский, Ф.И. Толбухин, К.Н. Леселидзе, А.Х. Бабаджанян, Д.Д. Лелюшенко и многие другие. Существенное значение имело успешное применение советскими войсками ленд-лизинговской и трофейной техники. Она вернула Красной армии мощь, мобильность и уверенность в своих силах, обеспечив необходимые военно-технические условия для побед на юге страны. В рационе советских солдат важное место заняли американские тушенка и стуженка.

Анализ событий лета 1942 г. – осени 1943 г.: прорыва немецких войск на юг, кровопролитных битв на Дону, Маныче, Волге, Северном Кавказе, в Приазовье и на Тамани – доказывает, что они сыграли определяющее значение в коренном переломе в ходе Великой Отечественной войны. Победа в жестоких боях на юге была достигнута максимальным напряжением всех

сил, массовым героизмом народа. Между тем, число «официальных» мест памяти (в частности доля городов-героев) здесь намного ниже, чем в центре и на северо-западе страны.

Историческая справедливость должна восторжествовать. Орджоникидзе (Владикавказ) заслуживал высокого звания Города-героя, но так и не получил его. Матвеев Курган и Крымск, Ищерская и Червлённая, Эльхотово и Гизель, а также другие населенные пункты должны стать «Городами воинской славы». Места кровопролитных сражений от Красного Луча в Донбассе до Самбека в Приазовье, от Гудермеса до Моздока, от Нальчика до Орджоникидзе, от Новороссийска до Темрюка фактически являются полями ратной славы всех народов бывшего СССР. Ради памяти более 5 млн погибших солдат и мирных жителей нашего региона дисбаланс в политике памяти должен быть устранен. Сегодня это крайне важно для всех народов многонационального юга России.

Примечания:

1. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов н/Д, 2012.
2. Ибрагимбейли Х.-М. Битва за Кавказ. Крах операции «Эдельвейс». М., 2012. С. 179–180.
3. Сталинградская эпопея. Сб. М., 1968. С. 184.
4. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д, 2011.
5. Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933–1945. М., 2002. С. 350, 354; Шабаетов А.А., Михалев С.Н. Трагедия противостояния. Потери вооруженных сил СССР и Германии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Историко-статистическое исследование). М., 2002. С. 78.

В.И. Афанасенко

ЗАБЫТЫЕ «КОТЛЫ» ИЮЛЯ 1942 г.*

Летом 1942 г. стратегия войны определялась событиями на южном крыле советско-германского фронта. В июле 1942 г. войска Юго-Западного фронта дважды попали в окружение – под Старым Осколом и Миллерово. Они до сих пор остаются без внимания советских и современных российских исследователей, хотя оба «котла» оказали важнейшее влияние на весь ход боевых действий.

* Статья подготовлена в рамках проекта «Сражения в большой излучине Дона (май 1942 г. – август 1943 г.) и их значение в Великой Отечественной войне» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтнического макрорегиона в условиях роста напряженности» на 2012–2014 гг.

Старооскольское окружение (2–6 июля). 28 июня 1942 г. войска нацистской Германии начали первую фазу наступательной операции «Блау». В ночь на 3 июля немецкие танковые дивизии окружили южнее Старого Оскола части 21-й и 40-й армий Брянского и Юго-Западного фронтов. В «котле» оказались семь стрелковых дивизий, одна бригада, части усиления и боевого обеспечения. Среднесуточные потери советских войск составляли 15 516 чел. [1]. От Ямского леса до села Завалишино на полосе в 50 км сражались в окружении около 50 тыс. чел. На каждый километр – по тысяче. На каждый метр – по человеку. Сражаясь, стояли насмерть. Из воспоминаний ветеранов и жителей близлежащих деревень известно, что немцы, не в силах сломить сопротивление советских воинов, применили химическое оружие – снаряды с нервно-паралитическим газом. Об этом говорится в воспоминаниях Д. Гергени (в июле 1942 г. – командира саперного батальона 2-й венгерской армии, расквартированной в Старом Осколе). Он видел трупы наших солдат в скрюченном состоянии по всему Ямскому лесу. Собиравшие их команды венгров работали в противогазах [2].

Своими жизнями воины 45, 62, 160, 212, 227, 297, 301-й стрелковых дивизий и 141-й стрелковой бригады сдержали наступление врага, сковав на несколько дней десять пехотных и одну моторизованную дивизии 7, 29-го немецких и 3-го венгерского армейских корпусов. Наши воины дорожили честью своих полков и дивизий: ни одно знамя воинских формирований, сражавшихся под Старым Осколом, не попало в руки врага. Один пример: в период с 2 по 6 июля 1942 г. 45-я стрелковая дивизия была окружена западнее города Старый Оскол (ныне Белгородской области), где потеряла большую часть личного состава. 7–8 июля остатки 45-й ордена Ленина имени Щорса стрелковой дивизии (731 чел.) вышли из окружения и были направлены в район города Сызрань (станция Бараш) на переформирование. В 1945 г. стало известно, что командир дивизии подполковник В.П. Соколов и комиссар дивизии полковой комиссар Н.А. Гламазда 5 июля 1942 г., находясь в окружении в Атамановских лесах близ города Старый Оскол, *«не желая живыми попасть в плен, покончили с собой»* [3]. Часть войск вывели из окружения заместитель командующего 40-й армией генерал-лейтенант Ф.Ф. Жмаченко и член Военного совета армии бригадный комиссар И.С. Грушецкий. В плен попали около 27 тыс. военнослужащих. В слободах Казацкой, Стрелецкой, Пушкарской и у села Котеневка в июле-октябре 1942 г. существовали четыре лагеря для военнопленных.

226, 297, 301-я стрелковые дивизии 13 июля были расформированы, а остатки 45, 62, 160, 212-й стрелковых дивизий 29–30 июля отведены в тыл на доукомплектование и переформирование. Накануне летнего немецкого наступления в составе 40-й армии состояло на довольствии 80 427 чел. личного состава [4]. В окружение попали четыре дивизии и одна бригада, пять артиллерийских полков усиления – до 40 тыс. бойцов и командиров. Пробились из окружения около 10 тыс. чел. В 21-й армии на 25 июня было

48 007 чел. личного состава. К 17 июля в ее составе вне кольца окружения, на левом берегу Дона осталось 27 878 чел. [5]. Потери армии в Старо-Оскольском «мешке» составили 20 129 советских воинов.

Эти жертвы не были напрасными. «Смертники Ямского леса» задержали на пять дней смену немецких танковых и моторизованных дивизий в Воронеже пехотными соединениями. Этих дней не хватило Гитлеру, чтобы стремительным броском захватить Сталинград и Ростов-на-Дону в середине июля. Поплатился за «простой» командующий группой армий «Юг» (с 9 июля – группы армий «Б») генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок, отправленный в отставку Гитлером 13 июля 1942 г.

Окружение под Миллерово (14–17 июля). В середине июля 1942 г. события на фронте в районе Миллерово – Тарасовки – Каменска развивались трагически для бойцов и командиров РККА. Здесь погибли тысячи наших солдат, десятки тысяч оказались в плену. 9-я армия, теснимая противником, в ночь на 13 июля отводила свои части на рубеж Зеликовка – Плугатарь – Беловодск – Новоалександровка – Колядовка, куда и вышла к 6.00. На рассвете противник ворвался в северную окраину Беловодска, одновременно захватив Верхнюю Чугинку. К 14.00 группа танков с автоматчиками прорвалась в район Красновки и стала распространяться в восточном направлении на Верхнюю Тарасовку. В течение 13 июля части 9-й армии вели уличные бои в Беловодске, а также в районе леса западнее и юго-западнее Беловодска и Ново-Александровки. С 12.00 армия, согласно приказу командования фронта, начала отход в южном направлении на Волошино и Красновку. Не имея взаимодействия с соседями на флангах, 9-я армия потеряла связь и со штабом Южного фронта, также перемещавшимся в этот день из района Ворошиловграда в район города Шахта (поселок Соколово – станица Кундрюченская).

9 танков противника в 14.30 атаковали управление тыла 9-й армии в Красновке. Все отделы управления тыла были выведены, за исключением нескольких уничтоженных танками противника автомашин, погибло несколько человек. Штаб армии к исходу 13 июля совершил переезд из хутора Нижне-Камышенского в Благовещенку. В районе Волошино артиллерийский огонь, а в районе Благовещенки и Сулина – группа танков противника – рассеяли штаб армии, но оперативная группа собралась и продолжила управлять войсками до 15 июля. К 18.00 штабные колонны 9-й армии прибыли в хутора Груцинов и Захаро-Обливский, где установили связь с генералом К.А. Коротеевым и организовали заградительные посты для удержания и приведения в порядок проходивших частей армии.

Немцы перехватили дорогу Миллерово – Каменск возле хутора Верхне-Таловки и захлопнули последнюю «щель» у хутора Водяного (ныне – Россось). Здесь соединились части 1-й и 4-й танковых армий. В кольце окружения оказались соединения и части 9, 28, 38, 57-й общевойсковых,

7-й саперной армий – всего 16 стрелковых, 3 кавалерийских, 1 истребительная дивизии, 11 бригад, 26 артиллерийских и минометных полков, 16 отдельных батальонов. К ним присоединились выдвинутые западнее и севернее Миллерово две дивизии 24-й армии, находившиеся в резерве в районе Каменска. Общая численность окруженной группировки составила более 150 тыс. бойцов и командиров. В оперативных сводках фронта она называлась «группой Лопатина» (по фамилии командующего 9-й армией генерал-майора А.И. Лопатина). После его ранения 15 июля оставшихся возглавил генерал-майор Ф.А. Пархоменко. Остальные командармы: 28-й армии – генерал-майор В.Д. Крюченкин, 38-й – генерал-майор артиллерии К.С. Москаленко, 57-й – генерал-майор Д.Н. Никишев – еще 12 июля оказались за пределами кольца окружения. Судя по имеющимся документам, они бежали, бросив свои войска, как только кольцо начало смыкаться. Окружение создали 3-я танковая (охватом с востока вдоль реки Калитвы), 23-я танковая (с юго-востока) и 297-я пехотная немецкие дивизии (с севера). С запада наступали дивизии 8, 44-го и 51-го немецких и 6-го румынского армейских корпусов. С юга пути отхода перехватили 14-я и 22-я танковые дивизии 3-го танкового корпуса. Всего в блокаде советских войск было задействовано до 20 вражеских дивизий.

О тяжести последствий окружения советских армий под Миллерово свидетельствует директива Ставки ВГК № 170 508 от 14 июля 1942 г.: *«Ставка считает нетерпимым и недопустимым, что Военный совет фронта вот уже несколько дней не дает сведений о судьбе 28, 38 и 57-й армий и 22-го танкового корпуса. Ставке известно из других источников, что штабы указанных армий отошли за Дон, но ни эти штабы, ни Военный совет фронта не сообщают Ставке, куда девались войска этих армий и какова их судьба, продолжают ли они борьбу или взяты в плен. В этих армиях находились, кажется, 14 дивизий. Ставка хочет знать, куда девались эти дивизии. Военный совет фронта обязан добыть все необходимые сведения о положении этих войск и выработать меры помощи им, если они уже не взяты в плен. Ставка считает нетерпимым, что Военный совет отмалчивается и не проявляет заботы о судьбе этих войск. Ставка требует незамедлительного ответа»* [6]. Но какой ответ могли дать Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину Главком Юго-Западного направления и командующий Юго-Западным фронтом маршал С.К. Тимошенко и член Военного совета Н.С. Хрущев из Сталинграда, генералы В.Д. Крюченкин и К.С. Москаленко из окрестностей станиц Вешенской и Качалинской?

«Спасение утопающих – дело рук самих утопающих!» – решили в окруженной и неуправляемой единым центром группировке. И начались импровизации. Сводная автоколонна из разных окруженных частей и полевого управления 9-й армии прорвала 14 июля фронт противника на участке Свободный – Никольская (восточнее Миллерово), прошла под руководством комиссара штаба армии полкового комиссара М.К.Усачева по тылам про-

тивника и 15–16 июля переправилась через Дон в станицах Цимлянской и Константиновской, сосредоточившись в районе хутора Павлова. По данным на 16 июля: *«в район Павлов прибыли: штаб и управление армии – в полном составе, за исключением оперативного, разведывательного и шифровального отделов. Всего 1100 автомашин, из них из других армий (38-й и 28-й армий) – около 500 машин, бойцов вооруженных – 2000, бойцов невооруженных – 3000, орудий – 24, установок ГМП – 26. Кроме того, в районе Каменск из состава частей 9-й армии собрано бойцов и командиров 650 чел, автомашин – 35, пушек – 2»* [7].

Командование Южного фронта пыталось деблокировать «котел» ударом от Каменска через поселки Глубокий и Тарасовский силами сводного танкового корпуса генерал-майора танковых войск В.М. Алексеева. В импровизированное соединение вошли три танковых и одна мотострелковая бригада. В составе 5-й гвардейской, 15-й и 140-й танковых бригад сводного корпуса на 14.00 12 июля имелось 139 танков: 25 KB, 59 Т-34, 55 Т-60 [8]. 41-я мотострелковая бригада, не имевшая автотранспорта, бронетехники и тяжелого вооружения, совершала ночные изнурительные марши в пешем строю. 5-я гвардейская танковая бригада 13–14 июля безуспешно атаковала противотанковые узлы обороны 22-й немецкой танковой дивизии в направлении Тарасовский – Верхне-Таловка. 15-я танковая бригада пыталась наступать вместе с частями 335-й стрелковой дивизии из совхоза Тарасовского на высоты севернее хутора Верхне-Тарасовского, а 140-я танковая бригада потеряла материальную часть 13–14 июля в тяжелых боях с немецкой 14-й танковой дивизией у хутора Колодезного. Контрудар провалился, кольцо окружения осталось замкнутым. Потери сводного корпуса составили 95 танков. К утру 15 июля танковая группа генерала Алексеева переправилась на правый берег Северского Донца в районе Каменска, имея в своем составе 46 танков разных марок.

Окруженная группировка советских войск непрерывно предпринимала попытки прорыва. На реке Калитве главный участок боев был у села Криворожье (немцы удерживали село Екатериновку и высоты южнее на западном берегу Калитвы). Наши войска атаковали вдоль дороги Миллерово – Криворожье, в течение 13–16 июля там была настоящая бойня. Далее на юг немецкая оборона шла фронтом на север, северо-запад, запад по высотам и хуторам: Антоновка, Гремучий, Греков, Колодези, Курно-Липовка, Антоновка, Низовка (ныне – Мартыновка), Грачи, Хохлачи, Архиповка, Карпо-Русский. Из немецких сводок и донесений известно об активных попытках прорыва советских войск 14–16 июля у Низовки. Был прорыв и через хутор Курно-Липовка. Не удался прорыв 15 июля от хутора Хоперский Лог на хутора Грачи и Хохлачи. Далее всех продвинувшийся вглубь кольца окружения, в хутор Карпо-Русский мотоциклетный батальон 3-й танковой дивизии сам оказался в круговой обороне с вечера 13 июля. На следующий день через его позиции прорвались на юг остатки сводного

танкового корпуса генерал-майора Алексеева из-под Тарасовки, а ночью на прорыв пошли остатки 5-го кавалерийского корпуса (30, 34, 60-я кавалерийские дивизии). Настоящая трагедия разыгралась у хутора Нижний Ерохин Каменского района. Часть кавалеристов на дневке в Ерохинской балке (2 км западнее хутора Нижний Ерохин) была окружена подразделениями 14-й танковой дивизии. Боя практически не было, противник артиллерийским, минометным и пулеметным огнем методически расстреливал разбегавшихся по полю бойцов и командиров. Многих кавалеристов немцы взяли в плен и повели в хутор. Обстоятельства гибели воинов 5-го кавалерийского корпуса и его командира генерал-майора Ю.В. Вальца остаются одной из загадок Великой Отечественной войны. До сих пор не найдены списки красноармейцев и командиров, погибших в балке в 2 км западнее хутора. Под хутором Ерохин уже несколько лет ведутся поисковые работы, но могила генерала также не найдена.

15 июля 9-я армия и часть сил 24-й армии продолжали вести ожесточенные бои, прорываясь из района Старой Станицы – Талового на юг к реке Северский Донец. В 12 часов противник атаковал штаб 9-й армии в районе хутора Колодезного. Нарушив работу отделов штаба и рассеяв их личный состав, противник уничтожил узел проводной связи и все радиостанции. При налете на штаб был ранен командующий армией генерал-лейтенант А.И. Лопатин. С этого момента было окончательно потеряно управление войсками, которые прорывались в направлении Каменска отдельными группами, неся большие потери в личном составе и материальной части.

Основные попытки окруженных войск прорваться из Миллеровского «котла» на Каменск вдоль железной и шоссейной дорог были сделаны у северных окраин хуторов Верхне-Таловки и Греко-Петровского. Отступавшая из района Сватово через Старобельск на Миллерово 9-я армия натолкнулась на немцев южнее, юго-западнее и западнее поселка Волошино (30 км западнее Миллерово). Колонны советских войск, выступив из Волошино по дороге Красновка – Тарасовский, попали под огонь немецкой 14-й танковой дивизии, еще 13 июля закрепившейся на высотах севернее села Таловое. Затем колонны войск 9-й армии пошли на восток, к городу Миллерово, но в Греково их шквальным огнем встретил заслон танков все той же 14-й дивизии. Застрявшие на дороге Волошино – Греково войска 9-й армии пытались 13–15 июля пробиться как на восток, так и на юг, но без успеха. Управление войсками было потеряно, они брели, кто куда. Командиры частей растеряли подразделения, подразделения потеряли командиров. Остатки 5-го кавалерийского корпуса сводными группами 30, 34-й и 60-й кавалерийских дивизий попытались в ночь на 16 июля прорвать кольцо окружения противника в направлении хутора Гусев – Калитвенская и выйти в Каменск. Но в ночном марше кавалерийские части действовали самостоятельно и при бое с противником рассыпались, после чего выходили группами.

Очутившись в окружении, без управления, действуя разрозненно, войска 9-й армии не в состоянии были организовать должного сопротивления противнику, создать ударный кулак, пробить брешь и вывести материальную часть, боевую технику и личный состав. Войска в одиночку и группами двигались самотеком. Командиры по приказу и по собственной инициативе вынуждены были уничтожать боеприпасы, боевую технику, приводить в негодность, оставшуюся без ГСМ автотехнику (трактора, тягачи, автомашины), бросать артиллерию, потерявшую упряжки (бойцы и командиры обрезали постромки, забирали лошадей и «верхом по-пешему» уходили на восток). Отходящие колонны, а вернее, толпы войск преследовались не только наземными войсками противника, но и его боевой и разведывательной авиацией. В итоге враг всегда был осведомлен о силе, составе окруженных группировок и направлениях их отхода. Немцы перехватывал пути отхода высадкой десантов, систематической бомбежкой, массированным огнем всех видов оружия уничтожал и рассеивал наши войска. Так 13 июля была разгромлена колонна штаба 175-й стрелковой дивизии 28-й армии, а ее командир, генерал-майор Андрей Данилович Кулешов, пленен.

16 июля 1942 г. начальник штаба 4-й танковой армии проинформировал группу армий «А» о дальнейшем отходе советских колонн на юго-запад и сообщил, *«что Миллерово захвачено атакой с севера почти без боя. На участке 40-го танкового корпуса еще продолжался сильный натиск окруженных советских войск в восточном и южном направлениях: 23-я танковая дивизия, действуя боевыми группами (танки, мотопехота, артиллерия, минометы, саперы), юго-восточнее Миллерово, в районе Шульцовка, высота 172, Дробязкин, решительной атакой разгромила большую колонну советских войск, было захвачено около 7500 пленных; на участке блокирующей 3-й танковой дивизии обстановка была без изменений. На фронте 51-го армейского корпуса (командный пункт – Миллерово), теснящего с запада окруженную советскую группировку, положение к исходу 16 июля было следующим: 297-я пехотная дивизия достигла села Дегтево и высот с отметками 188 и 208 юго-западнее его; 44-я пехотная дивизия – западнее Колодези; части 71-й пехотной дивизии достигли рубежа Миллерово, Мальчевская и отбросили противника на юго-восток. Удалось установить связь с 6-м румынским армейским корпусом».*

17 июля штаб 4-й танковой армии доложил, что остатки советских частей, попавших в окружение, оттесненные с западного фланга на участок 40-го танкового корпуса, уничтожены. В результате в плен попали 21 тыс. чел. [9]. Немецкое командование заявило о захвате 422 орудий, 109 танков, 15 самолетов, 73 450 военнопленных. Из состава 9-й армии на 23 июля 1942 г. вышли из окружения 18,2 тыс. бойцов и командиров. 4 июля 1942 г. в армии состояло на довольствии 76 180 бойцов и командиров [10]. Остальные 58 тыс. чел. не вышли из Миллеровского котла. В целом в составе армий Юго-Западного

фронта 4 июля насчитывалось 193 802 чел. [11]. Потери за 4–12 июля составили 139 644 бойца и командира. После формальной передачи 9, 28, 38-й и 57-й армий расформированного Юго-Западного фронта 12 июля в состав Южного фронта, потери этих армий в Миллеровском котле и при выходе из него составили еще 45 529 чел. [12]. Фактически Юго-Западный фронт под командованием маршала С.К. Тимошенко был разгромлен и добит в Миллеровском окружении. Трагическая тема окружения советских войск под Миллерово требует дальнейшего кропотливого исследования.

Примечания:

1. Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010. С. 106.
2. Гергени Д. Один из первых. М., 1970.
3. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11 458. Д. 844. Л. 413.
4. ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 7. Д. 46. Л. 193–217.
5. ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 209. Д. 41. Л. 323–337.
6. ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 220. Д. 4. Л. 48.
7. ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 2. Л. 176–182.
8. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). М., 1996. С. 308.
9. ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 1010. Л. 233–237.
10. ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 30. Л. 15.
11. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12 462. Д. 15. Л. 113.
12. ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 2. Л. 203, 204.

С.И. Линец

СТРОИТЕЛЬСТВО ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРАСНОЙ АРМИЕЙ В ХОДЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ БОЕВ В 1942 г.

С началом Великой Отечественной войны, осознавая огромное значение Северного Кавказа для судеб страны, Государственный комитет обороны СССР не раз принимал решения, направленные на возведение здесь оборонительных сооружений. В полосе ответственности Северо-Кавказского военного округа, согласно постановлению ГКО СССР № 787сс от 13 октября 1941 г., были сформированы три саперные армии – 8, 9-я и 10-я. По сути, это были структуры, схожие с трудовыми армиями времен Гражданской войны. В каждой саперной армии по штату полагалось иметь не менее 6,3 тыс. чел. гражданского населения. Всего лишь 5 % от этого количества должны были составлять военнослужащие, в первую очередь, военные инженеры и военные строители [1].

В Орджоникидзевском (в настоящее время – Ставропольском) крае строительство оборонительных объектов началось еще осенью 1941 г., когда немецкие войска вторглись на территорию Ростовской области. С 20 октября 1941 г. в районе Ставрополя между селом Бешпагир и хутором Базовая Балка население приступило к возведению противотанкового рва и строительству других оборонительных объектов [2]. Архивные документы сохранили некоторые обобщающие цифры работ по созданию оборонительных сооружений на Ставрополье с осени 1941 г. по лето 1942 г. До 29 января 1942 г. в крае было выполнено 8 767 тыс. кубометров земляных работ. На танкоопасных направлениях под руководством военных инженеров и саперов населением было построено 533,4 км противотанковых рвов, эскарпов и других преград, 2437 пулеметных и пушечных дотов и дзотов, а также открытых огневых площадок [3]. В строительстве оборонительных сооружений, проекты которых предварительно разрабатывали 158 военных инженеров и техников 10-й саперной армии, принимали участие 127 582 жителя Орджоникидзевского края – колхозники, рабочие, служащие, студенты вузов и техникумов, учащиеся старших классов школ, домохозяйки [4].

В начале ноября 1941 г., в соответствии с постановлением ГКО СССР и согласно решению штаба СКВО, создание оборонительных рубежей началось на территории Кабардино-Балкарской АССР. Командование округа определило возможные маршруты движения немецких войск, на которых намечалось создать прочные оборонительные линии. Главными из них стали рубежи по рекам Малка, Баксан и Чегем. Они должны были закрыть для гитлеровцев дорогу Пятигорск – Нальчик и проходы в район Приэльбрусья. Согласно постановлению бюро обкома ВКП(б) и СНК республики от 1 ноября 1941 г., на возведение оборонительных сооружений сроком на 40 дней направлялись 30 тыс. жителей Кабардино-Балкарии [5]. К местам строительства военных укреплений стягивались 5 тыс. подвод, 120 тракторов и 50 автомашин. Все работы велись под руководством командования 10-го Управления оборонительных работ Красной армии. Каждый день на работы выходило до 28 тыс. чел. Они переместили более 1,7 млн кубометров грунта. Но, несмотря на такой энтузиазм участников строительства, завершить сооружение оборонительных линий за отведенные планом 40 дней так и не удалось. Из-за многочисленных трудностей работы были закончены только за 80 дней [6].

Когда в августе 1942 г. немецкие войска вторглись в Кабардино-Балкарскую АССР, работы по строительству оборонительных сооружений были продолжены в районе Нальчика. К этому времени враг прорвал позиции наших войск на ранее созданной линии обороны по реке Малке и двигался к столице Кабардино-Балкарской АССР. Бюро обкома ВКП(б) создало специальную группу из четырех человек для руководства возведением оборонительной линии [7]. Сам факт ее строительства показывает, что

осенью и зимой 1941 г. работы по возведению рубежа обороны так и не были завершены. Снова понадобилось спешно проводить мобилизацию местного населения на оборонные работы, однако в документах не указана его численность. Но по количеству выделенных продуктов питания для участников строительства можно сделать вывод, что речь идет о десятках тысяч жителей Кабардино-Балкарской АССР. За время с 15 августа по 10 сентября 1942 г. на питание населения, мобилизованного на строительство оборонительных рубежей, было направлено 22,6 т хлеба, 6 т картофеля и овощей, 2,6 т мяса, более 6 т других продуктов [8].

В Краснодарском крае строительство ряда оборонительных сооружений также началось еще осенью 1941 г. 2 октября Ставка Верховного Главнокомандования приняла срочное решение о создании на Таманском полуострове укрепленных линий. На следующий день Военный Совет СКВО направил Краснодарскому крайкому ВКП(б) и крайисполкому директивное письмо о мероприятиях в связи с укреплением обороны полуострова. Краевым властям предлагалось в кратчайшие сроки сформировать из местного населения 30 рабочих рот по 250 чел. в каждой, 5–7 транспортных рот по 85 подвод, 10 автомашин и 5 тракторов с прицепами [9]. Однако из-за нехватки людей и, особенно, транспортных средств, работы по возведению оборонительных сооружений проходили крайне медленно и неорганизованно. В декабре 1941 г. бюро Краснодарского крайкома ВКП(б) отмечало, что строительство на Тамани важного объекта оборонного значения *«ведется крайне неудовлетворительно...»* [10].

В связи с резким ухудшением положения наших войск на Крымском фронте и на Нижнем Дону 13 октября 1941 г. ГКО СССР принял постановление «О строительстве оборонных сооружений на территории Краснодарского края» [11]. На этот раз работы планировалось провести практически на всей территории края. Для этого в системе 9-го Главного управления оборонительных работ Наркомата обороны было создано семь полевых строителей. К каждому из них приписывалось несколько районов Краснодарского края. Возведение оборонительных рубежей необходимо было завершить за 5 недель – к 1 декабря 1941 г. О широком размахе работ можно судить по факту привлечения количества рабочей силы: *«оставив в организациях и учреждениях по два-три человека, в зависимости от объема работ, по колхозам взять всех трудоспособных колхозников, оставив только для обслуживания МТФ и женщин с малолетними детьми. Мобилизовать трудоспособное население – мужчин от 16 лет до 55 лет и женщин от 17 лет до 45 лет»* [12]. Это строки из постановления Кушевского райкома ВКП(б). Аналогичные решения были приняты и в других районах края.

Краевая прокуратура осуществляла жесткий контроль над работавшим контингентом, привлекая к уголовной ответственности лиц, уклонявшихся от трудовой повинности. Как всегда, не обошлось без недоработок, ошибок и проявлений прямой халатности со стороны местных органов власти

по организации населения на строительство оборонительных рубежей. Так, в станице Пашковской 2 тыс. рабочих в течение двух дней томились в ожидании начала работ и, в конце концов, были отпущены по домам из-за отсутствия в местах строительства шанцевого инструмента [13].

С наступлением в конце ноября 1941 г. зимних холодов начался массовый уход людей, мобилизованных на строительство оборонительных рубежей. В открытом письме (!), с которым к краевому комитету ВКП(б) обратилось командование 8-й саперной армии, в частности, указывалось: *«Начиная с 26 ноября с.г., началось повальное кем-то организованное бегство. Первым сбежал Ейский район, который увел с рубежа рабочих в порядке около 1000 человек, затем сбежал Лиманский район с его представителем, также увел с собой около 1000 человек, затем сбежал Камышеватский район. Вслед за этим «организованным» бегством начался массовый уход поодиночке рабочих всех районов Вашего края с нашего рубежа»* [14].

Следует отметить, что такая негативная ситуация во многом сложилась из-за просчета властей в планировании сроков строительства оборонительных линий. Вначале было объявлено, что мобилизация на работы осуществляется на 10–15 дней, а на самом деле оказалось, что на 1,5–2 месяца. Многие граждане не имели зимней одежды и обуви, у них закончились все запасы продовольствия. И это притом, что питание трудармейцев в централизованном порядке власти организовали крайне плохо. Следовательно, налицо была нерасторопность военного и местного гражданского руководства, а порой их преступное, безразличное отношение к работающим людям. Командование 8-й саперной армии пыталось исправить положение, обращаясь с настоятельной просьбой к краевым властям помочь удержать разбежавшихся со строительства людей. Неожиданно удивительно выглядела резолюция первого секретаря Краснодарского крайкома ВКП(б) П.И. Селезнева на открытом письме командования 8-й саперной армии: *«Принять решение или написать ответ, что мы не были обязаны давать рабсилу»* [15]. Данный факт показывает, что в годы войны не всегда, к сожалению, подтверждался известный лозунг о единстве народа и армии, фронта и тыла.

30 января 1942 г. по указанию Генерального штаба РККА все строительные работы по возведению оборонительных сооружений на территории Краснодарского края были свернуты [16]. С одной стороны, такое решение было принято ввиду наступившей зимы, когда земляные работы проводить стало чрезвычайно сложно. Но, главным образом, это было следствие стабилизации ситуации на южном крыле советско-германского фронта. К этому времени в 28 районах Кубани было занято для возведения оборонительных сооружений 121 020 га земли, в том числе 12 820 га сельскохозяйственных угодий [17]. Других конечных обобщенных результатов проведенных работ в целом по краю не сохранилось. Вместе с тем обо всех плюсах и минусах в деле реализации заданий по возведению в крае оборонительных сооружений можно судить по отдельным объектам строительства.

Так, 2-е полевое строительство Главного управления оборонительных работ с октября 1941 г. по январь 1942 г. возводило оборонительную линию вдоль реки Кубани от станицы Варениковской до хутора Жаркевичи. Ее общая протяженность составляла 90 км. В строительстве оборонительных сооружений принимали участие 7 районов края. Они должны были выделить 26 тыс. рабочих, 2080 лошадей, 60 тракторов и 40 автомашин [18]. Реально же в работах было задействовано не более 40 % от запланированного количества граждан, в основном, юноши и девушки 15–17 лет, не имевшие никакой строительной квалификации. Остро не хватало каменщиков, плотников, бетонщиков и других специалистов, поэтому производительность труда была крайне низкой: при норме в 2,5–3 кубометра выработка на человека она составляла лишь 1,7–2,1 кубометров в день [19]. Из-за многочисленных трудностей, сопровождавших ход строительства оборонительной линии, неявка на работу в отдельные дни, особенно в январе 1942 г., составляла 50–78 %. Около 400 трудармейцев за самовольный уход с работы было привлечено к ответственности.

В конечном счете, итоги строительства оборонительного рубежа на линии Варениковская – Жаркевичи оказались далекими от плановых заданий. В частности, из 1654 огневых точек различных типов удалось построить только 769 (46 %). К возведению 700 землянок для размещения в них личного состава подразделений РККА так и не приступили. Из общего плана земляных работ в 1383 тыс. кубометров реально было выполнено 717 тыс. кубометров. Противотанковые рвы должны были иметь протяженность в 147,7 км, реально же выкопали всего 70,8 км. Из 900 противотанковых ежей установили лишь 240 [20].

К моменту завершения всех строительных работ из-за подъема подземных вод и раннего паводка часть оборонительных сооружений оказалась затопленной водой. Несмотря на все эти многочисленные недоработки и упущения, комиссия командования СКВО оценила построенный оборонительный рубеж с оценкой *«вполне удовлетворительно»* [21]. До начала боев на территории Краснодарского края оставалось еще более шести месяцев. За это время, особенно весной 1942 г., оборонительный рубеж еще больше пришел в негодность. Тем не менее, во всех отчетах он числился как полностью подготовленный для размещения подразделений советских войск.

Аналогичное положение складывалось и на других оборонительных рубежах. Так, инженерные сооружения на участке от станицы Цимлянской до берега Азовского моря (около 300 км), возведенные населением и военно-строительными организациями СКВО, оказались выведенными из строя весенним паводком [22]. А ведь именно на этом рубеже в конце июля 1942 г. во многом решалась судьба Северного Кавказа.

Летом 1942 г., в связи с быстрым продвижением немецких войск по территории Кубани, строительство оборонительных рубежей в спешном порядке было продолжено. Уже сам этот факт свидетельствует о том, что

все работы по возведению линий обороны, проходившие ранее, закончены так и не были. 1 августа 1942 г. Военный совет СКВО направил Краснодарскому крайкому ВКП(б) и крайисполкому очередное директивное письмо. В нем говорилось о необходимости провести на территории Кубани строительство нового оборонительного рубежа [23]. В первую очередь речь шла о возведении линий обороны вокруг Краснодара, к которому стремительно двигались дивизии 17-й немецкой армии генерал-полковника Р. Руоффа. Для этого требовалось срочно направить на строительные работы не менее 75 тыс. жителей, сотни автомашин и подвод с лошадьми, доставить десятки тонн цемента, металлоконструкций и других материалов [24].

Однако время уже было упущено. Только 3 августа крайком ВКП(б) поручил крайисполкому начать подготовку к работам. Чтобы удержать население на строительных объектах и не допустить его преждевременного ухода дальше в тыл, было принято решение *«приравнять строителей по снабжению мясом и жирами к рабочим промышленных предприятий...»* и повысить норму выдачи хлеба до 800 г в день на человека [25]. Но и это не помогло. Во многом из-за того, что в крае уже почти неделю шла эвакуация, и задержать жителей городов и станций призывами выйти на работы в такое тревожное время было практически невозможно.

7 августа 1942 г. бюро крайкома партии в очередной раз рассмотрело вопрос о возведении оборонительной линии вокруг Краснодара. Было принято решение срочно обеспечить выход на строительные работы еще не менее 20 тыс. чел. [26]. Однако возведение нового оборонительного рубежа вокруг Краснодара так фактически и не началось. Не лучшим образом обстояли дела на тех стройках, которые начались несколькими неделями раньше. Все меньше людей выходило на работы по созданию вокруг Краснодара двух оборонительных обводов: с 30–35 тыс. чел. в день в середине июля 1942 г. – до всего 14–15 тыс. чел. в день в конце месяца [27]. Тревожная обстановка на фронте вызывала растерянность среди населения. Многие кубанцы уже потеряли веру в способность быстро отступавших советских войск остановить врага. 9 августа 1942 г. эти мрачные предчувствия, к сожалению, сбылись. Немецкие войска захватили Краснодар.

Как уже подчеркивалось, точные и полные цифры об объемах произведенных работ по строительству всех оборонительных сооружений на территории Северного Кавказа в 1941–1942 гг. отсутствуют. В архивных документах и в свидетельствах очевидцев тех лет содержатся данные об итогах строительства отдельных оборонительных линий и объектов. Так, в мемуарах бывшего командующего Закавказским фронтом генерала армии И.В. Тюленева приводятся следующие сведения: *«За короткое время было построено около 100 тыс. оборонительных сооружений, из них свыше 70 тыс. огневых точек. Противотанковых рвов было вырыто 660 км, противопехотных препятствий – 316 км, а ходов сообщения и траншей – 1639 км. Для выполнения всей этой работы потребова-*

лось 9 миллионов 150 тыс. человеко-дней, около 500 тыс. куб. м леса, 19 тыс. т цемента, 14 тыс. т железа, 830 т колючей проволоки» [28].

Но это лишь конкретные итоговые показатели масштабов оборонительных работ, проведенных в полосе ответственности Закавказского фронта. Их производили, в основном, трудящиеся Закавказских республик, Дагестана, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. Оборонительные рубежи, возведенные гражданами этих республик, были использованы, как показали последующие события, значительно эффективнее и с большей пользой, чем это имело место на Кубани и на Ставрополье. И проблема здесь заключается не в качестве или количестве построенных оборонительных линий, а в выборе нашим командованием реки Терек как наиболее благоприятного в военно-инженерном отношении рубежа для создания прочной обороны.

Хотя и здесь имели место негативные факты, затруднявшие строительство оборонительных объектов. Численность населения автономных республик, занятого на этих работах, составляла более 100 тыс. чел. Чтобы удержать людей на стройках, нередко применялись принудительные меры. По официальным данным, *«всеми видами служебных нарядов в укрепрайонах было задержано 7514 бежавших с оборонительных работ, которые после проверки снова возвращались в трудовые бригады»* [29].

Труд же сотен тысяч городских и сельских жителей Краснодарского и Ставропольского краев по строительству оборонительных линий оказался, к большому сожалению, практически напрасным. К тому же эти многочисленные сооружения были малоэффективными и по другой причине. О ней уже после войны говорил бывший начальник штаба инженерных войск Северо-Кавказского фронта Б.В. Баданин: *«никакой пользы не принесли и те оборонительные рубежи и заграждения, которые строились без учета реальной обстановки и боевых возможностей войск. Немало было противотанковых рвов и других земляных заграждений, заблаговременно открытых на Кубани и в Ставрополье по рубежам рек и на городских оборонительных обводах, которые легко были преодолены противником и никак не оправдали огромных затрат труда на их устройство»* [30]. Еще более категорично высказался на этот счет бывший начальник оперативного отдела Генерального штаба РККА генерал армии С.М. Штеменко: *«Никаких серьезных, подготовленных к бою оборонительных рубежей южнее Ростова у нас не было»* [31].

Подводя итоги, отметим, что на Северном Кавказе с осени 1941 г. и до середины лета 1942 г. населением и инженерно-саперными подразделениями Красной армии был проделан огромный объем строительных работ по сооружению оборонительных объектов. Однако, как показали последующие события, летом и осенью 1942 г. их боевое использование частями РККА в ходе обороны региона от быстро наступавших немецких войск оказалось крайне незначительным. Поэтому можно сказать, что труд десятков тысяч людей был затрачен во многом практически впустую.

Примечания:

1. Горьков Ю.А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. М., 2002. С. 126.
2. Ставропольские губернские ведомости. 2001. 8 мая.
3. Государственный архив Ставропольского края. Ф. Р-1059. Оп. 1. Д. 25. Л. 1.
4. Там же.
5. Лики войны. Сб. документов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нальчик, 1995. С. 56.
6. Селюнин В.А. Промышленность и транспорт Юга России в войне 1941–1945 гг. Ростов н/Д, 1997. С. 199.
7. Лики войны... С. 110.
8. Там же. С. 111.
9. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий: В 3 кн. Кн. 1. Краснодар, 2000. С. 84–85.
10. Там же. С. 84.
11. Там же. С. 96.
12. Там же. С. 97.
13. Там же. С. 98.
14. Там же. С. 155.
15. Там же. С. 156.
16. Там же. С. 195.
17. Там же. С. 196.
18. Там же. С. 212.
19. Там же. С. 215.
20. Там же. С. 217.
21. Там же.
22. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки: В 4 т. Т. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 370.
23. Кубань в годы Великой Отечественной войны... С. 335.
24. Там же. С. 335–336.
25. Там же. С. 337.
26. Там же.
27. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 43. Д. 970. Л. 93, 52.
28. Тюленев И.В. Через три войны. 2-е изд. М., 1972. С. 166–167.
29. См.: Сидоренко В.П. Особые оборонительные районы Северного Кавказа // Органы внутренних дел на пути к правовому государству. Сб. трудов адъюнктов и соискателей. Вып. 1. СПб., 1993. С. 135.
30. Кубань в годы Великой Отечественной войны... С. 282–283.
31. Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1–2. М., 1989. С. 96.

Г.А. Богданов

БИТВА ЗА КАВКАЗ И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Историческое значение битвы за Кавказ определялось ее органичной связью со Сталинградской битвой и другими сражениями Великой Отечественной войны, которые в совокупности в 1942–1943 гг. окончательно переломили ход войны в пользу СССР, ускорили освобождение советской территории. Операция по захвату Кавказа носила кодовое название «Эдельвейс». Ее план был утвержден 23 июля 1942 г. Предназначенная для захвата Кавказа группа армий «А» многократно превышала советские войска в танках, самолетах, артиллерии, другой боевой технике и в личном составе. Всего в группу армий «А» входило 40 дивизий: 21 пехотная, 3 танковых, 4 моторизованных, 6 горнострелковых, 4 кавалерийских. Командовал войсками опытный военачальник генерал-фельдмаршал В. Лист [1]. В числе командующих армиями, корпусами и дивизиями немецкой группировки были известные генералы Р. Руофф, Э. Клейст, Г. Гот, Г. Фельми, Г. Ланц, В. фон Рихтгофен, Р. Конрад [2]. Уже в ходе проведения операции немецкие войска возглавил сам фюрер А. Гитлер [3].

Советское командование летом 1942 г. допустило крупный просчет в прогнозировании стратегических намерений немецкой армии. Ожидалось, что немцы вновь, как и в 1941 г., нанесут главный удар в направлении Москвы. Поэтому советское командование около половины войск держало против группы армий «Центр». На Кавказе в этот период находилось всего 5–7 % советских дивизий, 2,9 % танковых соединений [4]. Стратегический просчет советского командования обернулся для наших войск, оборонявших Кавказ, рядом серьезных поражений и большими потерями.

Имея значительное превосходство сил, немцы после захвата Ростова 25 июля 1942 г. нанесли мощный удар по Кавказу по трем главным направлениям: 1) на Грозный, Махачкалу, Баку, 2) на Туапсе, Новороссийск, Батуми, 3) на захват Главного Кавказского хребта с выходом к Черному морю и в Грузию. В ходе упорных боев противник продвинулся на 600 км, занял 2/3 территории Северного Кавказа. Уже в августе 1942 г. враг овладел Краснодаром, Майкопом, Ставрополем, Моздоком и вышел на линию: Каспийское море, река Терек, перевалы Кавказа, окрестности Туапсе. Для советской стороны сложилась катастрофическая обстановка. Положение усугублялось тем, что наши войска, сдерживая противника, не имели необходимого оружия и военной техники. Им не хватало 75 тыс. винтовок. В войсках 56-й армии А.А. Гречко не было танков [5]. Такая же ситуация сложилась и в других соединениях Черноморской группы войск Закавказского фронта.

И все же немецко-фашистские войска были остановлены, а затем разбиты в результате принятия кардинальных мер советского командования. Они сводились к следующему:

- *в организационном плане* – к созданию Северо-Кавказского и Закавказского фронтов, выделению в их составе лучших дивизий, корпусов, армий во главе с молодыми, способными военачальниками;
- *в стратегическом и тактическом плане* – командиры всех рангов следовали приемам изматывания противника, истребления его живой силы, уничтожения военной техники на земле, в воздухе и на воде. В битве за Кавказ советские войска применяли разнообразные стратегические и тактические приемы: оборону, засады, контратаки, десанты, наступление [6];
- *в морально-политическом, духовном и социально-экономическом аспекте* – советские войска опирались на поддержку местного населения Кавказа, жителей других регионов страны, которые обеспечивали воинов армии и флота необходимым оружием, боевой техникой, оказывали огромную моральную поддержку. В ходе боевых действий было сформировано 19 национальных дивизий, более 200 истребительных батальонов. Среди командного состава Закавказского фронта насчитывалось более 3 тыс. грузин, около 4 тыс. армян, около 2 тыс. азербайджанцев [7].

Наша победа на Кавказе одержана усилиями народа и армии. Ее источники были заложены в дружбе народов Кавказа (несмотря на очаги националистических выступлений). При обороне Кавказа проявился массовый героизм воинов, который формировался на лучших традициях Отечества и подпитывался благородными идеалами защиты Родины. Достижению победы над врагом способствовали централизация управления, высокая дисциплина, организованность. Нельзя также умалять деятельность советских, партийных, комсомольских, профсоюзных органов и партизанского движения.

В ходе боев за Кавказ, длившихся около полутора лет, осуществили 3 стратегических и 11 крупных фронтовых операций [8]. Важнейшая из них – Северо-Кавказская стратегическая оборонительная операция (25 июля – 31 декабря 1942 г.). В сражении на фронте протяженностью 1 тыс. км принимали участие 4 войсковых объединения: Южный, Северо-Кавказский, Закавказский фронты, Черноморский флот и Азовская военная флотилия. Упорные бои вели 33 советских дивизии, 16 бригад, 1 танковый корпус общей численностью более 600 тыс. чел. Войсками фронтов и направлений командовали И.В. Тюленев, С.М. Буденный, Р.Я. Малиновский, И.И. Масленников; армиями – И.Е. Петров, А.А. Гречко, К.А. Коротеев, Т.К. Коломиец, В.Н. Марцинкевич, Ф.В. Камков, П.М. Козлов, А.И. Рыжов и другие военачальники. В ходе операции советские войска вынуждены были отступить на 400–600 км. Потери наших войск были огромны, составив 373 911 чел. [9].

В Северо-Кавказской стратегической наступательной операции «Дон» (1 января – 4 февраля 1943 г.) приняли участие войска Закавказ-

ского, Южного и Северо-Кавказского фронтов при содействии сил Черноморского флота. Советская группировка состояла из 59 дивизий, 53 бригад, 5 танковых и механизированных корпусов общей численностью в 1,2 млн чел. Советские войска нанесли крупное поражение немецкой группе армий «А», освободили значительную часть территории Северного Кавказа и вышли к рубежам Ростова-на-Дону. Упорные бои вели 9, 18, 37, 44, 46, 47, 56, 58-я общевойсковые советские армии, моряки, летчики 4-й и 5-й воздушных армий и авиакорпуса Е.Я. Савицкого. В небе Кубани в 1943 г. развернулось ожесточенное сражение за обладание господством в воздухе. Победу одержали наши летчики, уничтожив более 1 тыс. самолетов противника [10].

Завершающая стратегическая операция битвы за Кавказ была проведена Северо-Кавказским фронтом с 10 сентября по 9 октября 1943 г. Ее цель заключалась в освобождении Новороссийска и Таманского полуострова. Советским войскам пришлось штурмовать хорошо укрепленную «Голубую линию», которую обороняла 17-я немецкая армия численностью в 400 тыс. чел. [11]. Взламывали оборону противника наши войска под командованием К.Н. Леселидзе, А.А. Гречко, А.А. Гречкина, Г.Н. Холостякова, Л.А. Владимирского, А.С. Потапова, К.А. Вершинина и других военачальников [12].

Сражение за Кавказ завершилось разгромом фашистской группировки. В разработке стратегических операций на Кавказе принимали участие представители Ставки Г.К. Жуков, А.М. Василевский, С.К. Тимошенко, А.И. Антонов, С.М. Штеменко, Н.Г. Кузнецов, командующие фронтами И.Е. Петров, И.В. Тюленев и другие советские генералы. Всего в битве за Кавказ принимали участие 5 командующих фронтами, 20 командующих армиями, 37 командиров корпусов, 173 командира дивизии (ряд из них назначались на должности по 2–3 раза). Исполнение замыслов фронтовых и стратегических операций легло на плечи сотен тысяч солдат и матросов, защищавших Кавказ от немецко-фашистских захватчиков [13].

Дорого советский народ заплатил за победу на Кавказе. В трех стратегических операциях в 1942–1943 гг. в общей сложности принимало участие 2 065 900 чел. Потери личного состава нашей армии и флота составили 593 960 чел., в том числе безвозвратные потери – 276 982 чел. Суточные потери советских войск составили 8 936 чел. РККА в битве за Кавказ потеряла более 42 тыс. офицеров, в том числе безвозвратно более 18 тыс. чел. [14].

Значение победы советских войск на Кавказе выразилось в том, что она: 1) сорвала планы гитлеровского командования по захвату нефтеносных районов страны, дававших более 80 % нефти; 2) предотвратила блокаду Черноморского флота и не позволила разрушить коммуникации с Ираном, через который поступала помощь по ленд-лизу; 3) вынудила Турцию, державшую на границе 26 дивизий, воздержаться от нападения на СССР;

4) освободила народы республик, краев и областей Кавказа от порабощения Германией [15].

Постигая место и роль битвы за Кавказ, можно сделать вывод о том, что ее историческое значение в событиях Великой Отечественной войны занижено. Видимо, в свое время советское руководство, не желая показывать свои промахи на Кавказе, решило в определенной мере приглушить величие этого сражения. Затем была сделана неудачная попытка показать значительную роль битвы на Кавказе через возвеличивание личности Л.И. Брежнева.

В условиях появления новых подходов к осмыслению прошедших событий необходимо переосмысление данного сражения и его исторического значения. По своим масштабам, стратегическому значению (борьба за нефтеносные районы), количеству войск (с обеих сторон участвовало более 3 млн чел.), протяженности фронта (более 1 тыс. км), уровню боевой подготовки армий, использованию военной техники и оружия, ожесточенности боев и их продолжительности (15 месяцев) битва за Кавказ достойна находиться в одном ряду со сражениями под Москвой, Сталинградом, Курском.

Примечания:

1. Гречко А.А. Битва за Кавказ. М., 1967. С. 45–85; Его же. Годы войны. М., 1976. С. 161–164.
2. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 1974. С. 63, 73–74, 149.
3. Рябов В.С. Путь мужества и славы. М., 1982. С. 136–144.
4. Карпов В.В. Полководец. М., 1989. С. 232, 219–364.
5. Карпов В.В. Генералиссимус. В 2 т. М., 2002. Т. 2. С. 488–500, 539.
6. История военного искусства для военных академий. М., 1984. С. 175, 179, 180.
7. Битва за Кавказ. 1942–1943 гг. М.; Владикавказ, 2002.
8. Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1968. С. 54–92.
9. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 179–180.
10. Савицкий Е.Я. Полвека с небом. М., 1988. С. 3–5, 79–108.
11. Покрышкин А.И. Познать себя в бою. М., 1987. С. 226–332.
12. Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. В 2 т. Т. 2. М., 1997. С. 260, 300, 308, 320.
13. История Великой Отечественной войны. В 6 т. Т. 2. М., 1963. С. 454–467. Т. 3. С. 84–85, 352–361.
14. Гриф секретности снят... С. 180–183, 194.
15. Вторая мировая и Великая Отечественная война: актуальные проблемы социальной истории. Материалы Международ. науч. конф. 28–31 мая 2002 года. Майкоп, 2002.

А.Ю. Безугольный

ЗАОБЛАЧНЫЙ ФРОНТ: БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКИХ ВОЙСК В РАЙОНЕ ЭЛЬБРУСА В 1942 г.

Бои в районе горы Эльбрус в 1942 г. являются одним из эпизодов оборонительного сражения войск Закавказского фронта летом и осенью 1942 г. Рассмотрение боев в районе Эльбруса возможно только в контексте общего оборонительного сражения и, в частности операций войск 46-й армии на перевалах Главного Кавказского хребта.

Гора Эльбрус – высочайшая вершина Кавказа и Европы. Представляет собой двухвершинный конус потухшего вулкана. Высота западной вершины – 5633 м, восточной – 5595 м; разделяющая их седловина имеет высоту около 5350 м. Эльбрус покрыт фирновой шапкой, от которой в стороны опускаются многочисленные (более 50) ледники, питающие истоки рек Кубань, Малка, Баксан. В непосредственной близости к Эльбрусу находятся перевальные точки: Чипер (3292 м), Чипер-Азау (3428 м), Хотю-Тау (3546 м), Донгуз-Орун-Баши (3198 м), Бечо (3375 м). Западнее Эльбруса находятся важнейшие перевалы Марухский, Нахар, Клухорский, Домбай, за которые развернулись тяжелые бои.

В середине августа 1942 г. немецкие войска и их союзники вышли к предгорьям западной части Главного Кавказского хребта. Предназначенная для захвата Кавказа немецкая группа армий «А» наступала в трех направлениях: 1) 1-я танковая армия действовала в направлении Грозный – Махачкала – Баку; 2) 17-я армия – вдоль черноморского побережья на Сухуми и Батуми; 3) 49-й горнострелковый корпус (1-я и 4-я горнострелковые дивизии) – из района Невинномыска и Черкесска через перевалы Главного Кавказского хребта, имея целью выйти в район Сухуми и Зугдиди и облегчить продвижение 17-й армии вдоль Черноморского побережья. Кроме того, 2-я румынская горнострелковая дивизия должна была наступать восточнее горы Эльбрус по Военно-Грузинской дороге на Тбилиси.

Основные операции битвы за Кавказ развернулись на черноморском и грозненско-бакинском направлениях – там, где условия местности позволяли массированно применять пехотные, танковые и моторизованные соединения при поддержке авиации. Боевые действия на перевалах носили второстепенный характер, однако в случае успеха могли способствовать наступлению противника на основных направлениях. Из-за исключительно сложных, часто экстремальных природно-климатических условий считалось, что широкомасштабное использование здесь войск невозможно. Первоначально советское командование вообще фактически не включало центральную, высокогорную часть Главного Кавказского хребта в план обороны, не готовило перевалы и проходы в инженерном отношении и не занимало их войсками (за исключением Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорог). К тому же предпола-

гальось, что оборона территории Северного Кавказа станет зоной ответственности Северо-Кавказского фронта. Однако в ходе тяжелых боев в июне-июле 1942 г. войска Северо-Кавказского фронта были значительно истощены и с трудом прикрывали только причерноморское направление. Огромная полоса от Майкопа до Каспийского моря осталась не занята организованными советскими войсками, и ее оборона была поручена Закавказскому фронту, выполнявшему до этого задачи по прикрытию советско-турецкой границы и оккупации северной части Ирана.

Однако с началом сражения за Кавказ ситуация в высокогорье складывалась совсем иначе. Части немецкого 49-го горно-стрелкового корпуса, не встречая сопротивления, быстро продвигались к перевалам центральной части Главного Кавказского хребта. Движение происходило по основным путям, ведущим через хребет к побережью Черного моря: по долине Кубани – на перевалы Хотю-Тау и Нахар; по долине реки Теберда – к перевалам Клухорскому и Домбай-Ульгену; по долинам рек Маруха и Большой Зеленчук – на перевалы Мурухский и Наур; по долине реки Большая Лаба – на группу перевалов Санчаро и Псеашхо. К 14 августа 1942 г. передовые части 1-й немецкой горнострелковой дивизии вышли на рубеж Верхняя Теберда – Зеленчукская – Сторожевая.

Директивой командующего фронтом генерала армии И.В. Тюленева № 00263/оп от 23 июня 1942 г. оборона подступов к перевалам Главного Кавказского хребта была возложена на войска 46-й армии. 29 июля 1942 г. командующий фронтом уточнил задачу: *«Для обороны основных проходов через Главный Кавказский хребет занять и оборонять:*

а) Военно-Грузинскую дорогу и все проходы через хребет к востоку от нее до Ботлих – силами 414-й стрелковой дивизии;

б) дорогу на Сталинири [в настоящее время Цхинвали – А.Б.] через Рокский перевал – одним пехотным училищем;

в) Военно-Осетинскую дорогу – частями 392-й стрелковой дивизии;

г) проход через хребет в разграничительных линиях: справа – гора Дых-Тау, Чхороцку, Хоби; слева – Нижегородская (40 км севернее пер. Белореченский), Лазаревская – оборонять войсками 3-го стрелкового корпуса 46-й армии» [1].

Перечисленные войска перебрасывались из Закавказья, причем прежние задачи с них не снимались, что стало причиной чрезмерного растягивания линии обороны и раздробления соединений на части. К тому же в начале августа из состава 46-й армии на другие участки фронта пришлось перебросить сразу две дивизии – 392-ю и 389-ю. В итоге, к середине августа 1942 г. перевалы прикрывали части 63-й кавалерийской дивизии и 3-го стрелкового корпуса 46-й армии (сформирован 7 июня 1942 г. в составе 394-й стрелковой и 20-й горнострелковой дивизий, 1-го и 2-го Тбилисского и Сухумского пехотных училищ).

В районе Эльбруса находились части 394-й стрелковой дивизии и 63-й кавалерийской дивизии: перевалы Клухорский и Нахар прикрывались стрел-

ковым батальоном 815-го стрелкового полка 394-й стрелковой дивизии; Марухский перевал – стрелковой ротой 810-го стрелкового полка; перевалы Бечо и Донгуз-Орун-Баши – двумя эскадронами 63-й кавалерийской дивизии.

Как видно, в бой на перевалы были направлены фактически те части, которые имелись в распоряжении командующего Закавказского фронтом на тот момент, в условиях тяжелой обстановки, складывавшейся на других участках обороны. Особенно неуместным было использование в условиях высокогорья кавалерии. В постановлении Военного совета фронта № 0012 от 28 августа 1942 г. отмечалось, что *«лошади являются обузой для бойцов и значительное число личного состава частей отрывается для обслуживания коней, не говоря уже о затруднениях, связанных с доставкой фуража»* [2].

К середине августа 1942 г. части 3-го стрелкового корпуса и 63-й кавалерийской дивизии только что сосредоточились на перевалах, а некоторые находились еще на южных склонах в движении к намеченным районам для занятия обороны. Однако понимание серьезности складывавшегося положения еще не пришло. Были случаи, когда отдельные подразделения находились в населенных пунктах и на кочевьях на удалении от 5 до 20 км от перевалов и фактически никакой обороны на перевалах не организовывали. Так, считалось, что 214-й кавалерийский полк 63-й кавалерийской дивизии еще 12 августа занял перевалы Бечо и Донгуз-Орун-Баши, а на самом деле, как выяснилось, *«перевалы занимают одним каввзводом, а все части полка находятся на обратном скате перевала, не ведя абсолютно никакой оборонной работы»* [3].

Командование фронтом и 46-й армии первое время не проявляли должной настойчивости в организации и укреплении обороны. Командир и штаб 3-го стрелкового корпуса не организовали ни обороны, ни разведки на подступах к перевалам с севера. В результате этого советское командование не знало ни сил противника, подходившего к перевалам, ни обстановки, в которой разворачивались первые боевые действия высланных на перевалы отрядов. Связи с ними не было, радиостанции в условиях горной местности оказались непригодны.

Поэтому появление противника на перевалах оказалось для советских штабов неожиданным. Только 17 августа штабу 46-й армии стало известно, что 1-й батальон 815-го полка 15 августа вступил в бой на северных склонах Клухорского перевала. Складывалась нервная обстановка. Силы противника, которые ранее недооценивались, теперь стали сильно переоцениваться. Например, в одном из донесений сообщалось, что через перевал Гвандра уже к 23 августа спустилось до пехотной дивизии противника, хотя такими силами противник на этом направлении не обладал [4]. Самая опасная ситуация складывалась на Клухорском перевале, где противник преодолел перевальную точку и начал распространяться на юг, на территорию Грузии. Для усиления обороны перевала были выдвинуты дивизионные резервы,

которые к месту боев подошли только 22 августа, когда батальон 815-го полка в неравном бою отступил на 10–12 км южнее перевала. Подобное положение было и на других перевалах: противник либо упредил наши части в занятии перевалов, либо сбил прикрывавшие их мелкие подразделения. С 17 августа по 2 сентября противнику удалось захватить почти все перевалы на участке от горы Эльбрус до Умпырского перевала. На клухорском и санчарском направлениях немцы вышли на южные склоны перевалов, продвинувшись на 10–25 км и создав реальную угрозу г. Сухуми и советским коммуникациям вдоль Черноморского побережья.

На эльбрусском направлении части 1-й немецкой горнострелковой дивизии 18 августа вышли на южные склоны Эльбруса и захватили перевалы Хотю-Тау и Чипер-Азау, а также овладели туристскими базами «Кругозор» и «Приют Одиннадцати». Перевал Хотю-Тау немцы успели переименовать в честь командира горных стрелков – в «Перевал генерала Конрада». Однако попытка противника спуститься в Баксанское ущелье, с тем, чтобы нанести удар во фланг и тыл войскам советской 37-й армии, которые вели тяжелые бои на рубеже рек Баксан и Гунделен, не удалась, как не удалось немецким войскам продвинуться и в южном направлении, к верховьям реки Ингур. Здесь они были встречены подразделениями 8-го моторизованного полка НКВД и 63-й кавалерийской дивизии.

20 августа Ставка Верховного Главнокомандования директивой № 170 579 потребовала от командования фронта принять срочные меры к усилению обороны перевалов. Часть перевалов и проходов приказывалось взорвать и завалить, причем организовать завалы в нескольких точках, сделав их непригодными к движению на десятки километров. В директиве, подписанной И.В. Сталиным, указывалось: *«Глубоко ошибаются те командиры, которые думают, что Кавказских хребет сам по себе является непреодолимой преградой для противника... Перевалы Кавказского хребта, если их прочно не оборонять, легко проходимы, особенно в данное время года»* [5].

На основании указаний Ставки ВГК штабом фронта был разработан подробный план обороны Главного Кавказского хребта и директивой № 00530/оп от 23 августа поставлены задачи войскам по усилению обороны хребта. В частности, для обороны района перевала Бечо (южнее Эльбруса) было приказано к 1 сентября сформировать стрелковую бригаду, которая должна была сменить 63-ю кавалерийскую дивизию, выводившуюся в резерв армии. Оборона Клухорского и Марухского перевалов возлагалась на 394-ю стрелковую дивизию.

Через несколько дней на перевалы приехал нарком внутренних дел Л.П. Берия, имевший мандат полномочного представителя Государственного комитета обороны СССР – высшего исполнительного органа власти в стране в период Великой Отечественной войны. По инициативе Берии в организации обороны произошли большие изменения. Был создан временный штаб – Оперативная группа по обороне Главного Кавказского хребта под коман-

дованием сотрудника НКВД генерал-майора Г.А. Петрова. Петрову были подчинены все войсковые штабы, включая штаб 46-й армии. На конкретных перевалах назначались ответственные начальники из числа сотрудников НКВД, имевшие при себе группы оперативных работников, координировавших боевую деятельность войск в условиях их большого разброса и затрудненной связи. Фактически общевойсковые части выводились из подчинения своих штабов и переходили в оперативное подчинение работникам НКВД. В частности, на перевале Бечо начальником обороны был назначен полковник Н.Т. Маликов, при котором было 14 работников НКВД. В подчинение Маликова поступили оборонявшие перевал 4-й эскадрон 214-го кавалерийского полка и полуэскадрон 220-го кавалерийского полка 63-й кавалерийской дивизии. На Клухорском перевале руководство обороны перешло полковнику П.И. Беликову, при котором находилось 15 оперативных работников НКВД. Оборона перевала возлагалась на подразделения 808-го стрелкового полка 394-й стрелковой дивизии, 220-го кавалерийского полка 63-й кавалерийской дивизии и вновь сформированной 155-й стрелковой бригады [6].

Помимо строевых частей, приказом Военного совета Закавказского фронта № 0535/оп от 24 августа к 28 августа были сформированы и высланы на перевалы Клухорский, Бечо, а также в верховья реки Баксан, бравшей свое начало с южных склонов Эльбруса, маневренные отряды численностью не менее 200 чел. каждый из добровольцев, военнослужащих войск НКВД и местных жителей. Отряды должны были вести диверсионные действия в ближнем тылу противника [7]. 28 августа постановлением Военного совета фронта было решено, *«используя опыт противника»*, формировать отряды профессионалов-альпинистов. Эти отряды также приняли участие в боях на перевалах [8].

Последовал приказ немедленно приступить к формированию отрядов альпинистов из наиболее здоровых и обученных бойцов. Особое внимание было обращено на организацию бесперебойного снабжения боеприпасами, продовольствием и теплым обмундированием войск, действовавших в горах.

На эльбрусском направлении активные боевые действия продолжались в течение месяца, до середины сентября 1942 г. В результате боев враг был отброшен на южные склоны Эльбруса к «Приюту Одиннадцати», базе «Кругозор» и перевалу Чипер-Азау, непосредственно примыкавшему к юго-западным отрогам. Здесь противник перешел к обороне, прекратив дальнейшее наступление.

13–15 сентября 1942 г. части 63-й кавалерийской дивизии были сменены частями 242-й горнострелковой дивизии. Несмотря на активные попытки свежими силами сбросить противника с перевалов, этого не удалось [9]. Также не имел успеха рейд отряда 37-й армии, направленного из района Баксанского ущелья в обход горы Эльбрус с севера с задачей разрушения коммуникаций противника, идущих от Клухори (Карачаевска) к перевалам Главного Кавказского хребта. В районе селения Хурзук отряд вступил в бой

с крупной частью противника, понес большие потери и вынужден был отойти. В дальнейшем, в связи с наступлением зимы в горах активность войск на этом направлении прекратилась и дальнейшие боевые действия обеих сторон свелись к поискам разведчиков.

На перевалах Клухорский и Нахар в середине сентября также велись тяжелые наступательные бои. К 17 сентября части 394-й дивизии достигли рубежа 500 м южнее перевала Нахар. Продвижение наших частей сдерживали две роты альпийских егерей, усиленных большим количеством минометов [10]. Бои здесь прекратились в конце сентября, с началом сезона снежных буранов и обвалов.

В конце 1942 г., когда определилось стратегическое поражение немецких войск и их союзников под Сталинградом, верховное командование вермахта приняло решение отвести войска из предгорий Северного Кавказа, чтобы избежать их окружения наступающими в сторону Ростова-на-Дону советскими войсками. Горнострелковые части были сняты с перевалов и без боя отошли.

Примечания:

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 209. Оп. 1063. Д. 642. Л. 87.
2. Там же. Д. 644. Л. 47–50.
3. Там же. Д. 654. Л. 81–83об.
4. Там же. Д. 644. Л. 103.
5. Там же. Д. 192. Л. 147.
6. Там же. Д. 644. Л. 70–70об.
7. Там же. Л. 39–40.
8. Там же. Л. 50.
9. Там же. Д. 689. Л. 54.
10. Там же.

А.Ф. Роменский

Пять попыток прорыва Миус-фронта

В конце ноября 1941 г. противник захватил Ростов-на-Дону и отбросил Красную армию на левый берег Дона. Понимая, насколько это серьезно, советское командование срочно подтянуло войска из Закавказья. И уже через неделю под их натиском войска генерала Э. фон Клейста оставили Ростов, но надежно закрепились на рубеже реки Миус, используя естественные высоты неприступного Донецкого кряжа. Именно здесь, по территории нынешних Неклиновского, Матвеево-Курганского и Куйбышевского районов Ростовской области, а также Сталинской (ныне Донецкой)

и Ворошиловградской (ныне Луганской) областей Украины с 1941 г. по 1943 г. проходила линия фронта.

Противник создал глубокоэшелонированную (до 10–30 км) полосу стратегической обороны, все огневые точки которой были привязаны к неприступным высотам, скалам и обрывам правого берега реки Миус. На протяжении 104 км система обороны включала минные поля и проволочные заграждения шириной до 200 м, цепи дотов, дзотов, пулеметных гнезд. На 1 кв. км приходилось до 20–30 оборонительных сооружений, а еще бесконечные траншеи и противотанковые рвы в несколько рядов. Этот рубеж должен был закрепить угольный Донбасс за Германией. Гитлер не сомневался в его надежности и даже рассматривал его как «новую восточную границу Третьего рейха».

Преследуя отходившие части 1-й танковой армии, войска Южного фронта к исходу 2 декабря 1941 г. вышли на рубеж реки Миус в полосе Куйбышево – Ряженое – балка Копани – Курлацкое – Самбек – Вареновка, где встретили подготовленную оборону противника. Измотанные двухнедельным наступлением, без регулярного питания и обогрева, стрелковые войска и кавалерия 3–5 декабря неоднократно атаковали опорные пункты противника на господствующих высотах, практически не имея поддержки артиллерии и танков. Почти вся артиллерия 56-й армии осталась на левом берегу Дона из-за отсутствия переправ.

Советское командование ввело в бой свежую 54-ю танковую бригаду. За три дня в боях за высоту 65,1 и 78,9 западнее хутора Курлацкого она потеряла 84 танка сгоревшими и подбитыми. Наступление уперлось в заранее подготовленные оборонительные рубежи Миус-фронта. Между тем, в связи с прорывом 4-го армейского корпуса генерала Шведлера в центре оборонительной полосы 12-й армии и захватом г. Дебальцево на ее усиление были спешно переброшены 30, 38-я кавалерийские, 176-я и 218-я стрелковые дивизии, 71-я отдельная мотострелковая бригада НКВД, а из полосы Юго-Западного фронта – 6-й кавалерийский корпус.

С 10 по 15 декабря войска 56-й и 9-й армий предприняли вторую попытку ликвидировать таганрогский плацдарм противника, освободить город и порт. Все атаки советских войск были отражены с большими потерями. Только 31-я Сталинградская дивизия за эти дни потеряла более 3,3 тыс. чел. В ходе ожесточенных боев 25–29 декабря в полосе Ольховатка – Куйбышево ударные группировки РККА форсировали Миус и продвинулись на 10–15 км. Но в результате контратак двух пехотных и двух танковых дивизий противника к исходу 29 декабря советские войска отошли на исходные рубежи, понеся большие потери. Миусский рубеж, остановивший наступление Красной армии, спас дивизии армии Клейста от полного разгрома. Противник усиленно укреплял свою оборону на правом берегу реки Миус, в руках врага остался Таганрог. Войска перешли к обороне, война ушла в землю.

К 8 марта 1942 г. советские военачальники решили сделать Сталину подарок – форсировать Миус. В Москве эту затею поддержали и выделили кой-какие резервы – только что сформированную танковую бригаду и 3-й гвардейский стрелковый корпус. Его основу составили 2-я гвардейская стрелковая дивизия и четыре только сформированные отдельные морские стрелковые бригады. Командование 56-й армии решило поддержать гвардейский корпус с флангов измотанными в предыдущих боях 30-й Иркутской, 339-й Ростовской и 347-й Краснодарской стрелковыми дивизиями и 13-й курсантской стрелковой бригадой. Наличие в ударной группе четырех дивизий и шести бригад, 260 орудий и 60 танков вселяло уверенность в успехе наступления, которое готовилось в страшной спешке и суматохе. Передислокация соединений вдоль фронта и смена частей на передовой не осталась незамеченной противником. С высоких миусских круч вся глубина советской обороны отлично просматривалась. К намеченной дате не успели подвезти боеприпасы и подтянуть войска, начало наступления перенесли на 7 марта, а затем, вследствие густого тумана, сплошной пеленой затянувшего и наши, и вражеские позиции, на 8 марта.

Наступление четырех дивизий и шести бригад, составивших ударную группировку, началось в 5 часов утра. 339-я стрелковая дивизия двумя полками форсировала Миус, но у подножия высоты 105,7 атака захлебнулась. Вечером, израсходовав боеприпасы, 339-я стрелковая дивизия отошла на исходные рубежи, потеряв тысячи погибших. Из района Матвеева Кургана в направлении хуторов Степановского, Грунтовского, Новоселовского и высоты 101,0 начали атаку моряки 76-й и 68-й стрелковых бригад. 76-я бригада захватила северо-западный гребень высоты и вышла к балке Литвинова, продвинувшись на 3 км. 68-я бригада овладела хутором Новоселовским и вышла на юго-западные склоны. Днем танки противника контратаковали моряков, которые практически «голыми руками» брали высоту.

После неудачного первого дня наступления командование 56-й армии решило ввести в бой резервы: 81-ю отдельную морскую стрелковую бригаду и 13-ю курсантскую стрелковую бригаду. Безуспешные атаки наших войск продолжались 9 и 10 марта. Обескровленные роты, в которых оставалось по 10–15 активных штыков, проползали 300–400 м до проволочного заграждения и минных полей, где их порыв гас под огнем пристрелявших каждый метр немецких пулеметчиков, артиллеристов и минометчиков. По неполным данным за три первых дня наступления общие потери составили более 13 тыс. чел. Стало ясно, что на этом участке немецкую оборону уже не прорвать. В штабе армии решили новый удар нанести южнее, между хутором Седовским и селом Курлацкое. Сюда в течение трех суток стянули гвардейский корпус, наспех пополненный маршевыми ротами, уцелевшие и отремонтированные танки 63-й бригады.

14 марта начался второй этап Таганрогской наступательной операции. После артподготовки и заключительного залпа «катюш» три стрелковые

дивизий и четыре бригады поднялась в атаку с большой задержкой – сказалась острейшая нехватка командиров в звене взвод – рота – батальон, почти поголовно выбитых в предыдущие дни наступления. Эта задержка позволила противнику прийти в себя после артиллерийского обстрела и открыть шквальный огонь из всего оружия. Только к исходу 16 марта трехсуточный бой затих без всяких результатов, части ударной группы 56-й армии стали приводить себя в порядок.

С 23 по 26 марта 1942 г. ударная группа войск 56-й армии проводила третий этап Таганрогской наступательной операции. Главные усилия прилагались для захвата ключевого опорного пункта противника на высоте 107,6, обозначенного на карте как курган Солёный. Спешно пополненные 68, 76, 13-я бригады вместе с гвардейцами 2-й стрелковой дивизии пошли в атаку через широкую балку Копани при поддержке двух рот легких танков. Трое суток не утихал жестокий бой. Последний резерв – свежая 102-я отдельная стрелковая бригада, неся огромные потери, ворвалась было на гребень кургана Солёный. Противник немедленно организовал контратаку, пустив с флангов две группы танков, по шесть-восемь машин, и автоматчиков. Потеряв 1571 моряка, бригада откатилась на исходные позиции. Следом отошли и соседние части, обескровленные до предела. 28 марта войска ударной группы перешли к обороне на тех же рубежах, которые занимали перед началом наступления. Тысячи погибших моряков и пехотинцев остались навечно под кручами миусских высот. Таганрогская операция в марте 1942 г. осталась неизвестной страницей войны. Не любят вспоминать о ней и немногие уцелевшие участники тех трагических боев. Слишком велики были жертвы. И нет в том вины морских пехотинцев, они сделали все, что могли в тех условиях.

Следующая попытка штурма Миус-фронта пришлось на 1943 г., после второго освобождения Ростова-на-Дону от противника. 18–19 февраля стрелковые и кавалерийские соединения 5-й ударной армии вышли на левый берег Миуса на фронте Куйбышево – Ясиновский. Части 4-го гвардейского механизированного корпуса, форсировав Миус, с боями продвигались в направлении Анастасиевки и 18 февраля с ходу овладели этим населенным пунктом. Однако 3-й гвардейский механизированный корпус и стрелковые соединения 2-й гвардейской армии не выдержали темп наступления. Выйдя на левый берег Миуса, они дальше продвинуться не смогли. Противник успел подтянуть дополнительные силы и закрыть брешь, пробитую в его обороне 4-м гвардейским механизированным корпусом. В районе Анастасиевки танкисты, в ожидании подхода остальных войск фронта, заняли круговую оборону. В течение нескольких дней они вели тяжелые бои. В ночь на 22 февраля 4-й гвардейский механизированный корпус получил приказ командарма пробиваться на соединение с войсками 2-й гвардейской армии, в оперативное подчинение которой он в это время поступил. Сбивая на своем пути вражеские заслоны, наши части двигались на восток. 23 фев-

раля они вышли на левый берег Миуса. Прорвать сходу фронт на рубеже реки Миус ей не удалось, и с 8 марта советские войска перешли к активной обороне. Линия фронта на этом направлении вновь застыла почти на полгода.

17 июля после артиллерийской подготовки советские войска прорвали фронт на 2–6 км, а на следующий день заняли рубеж между населенными пунктами Степановка – Мариновка. Но противник подтянул резервы, перебросив на Миус-фронт отборные части и соединения, в том числе танковые дивизии из-под Курска и Харькова, а также авиацию и сам перешел в контрнаступление. Советское наступление захлебнулось уже в четвертый раз. Правда, оно позволило оттянуть силы противника от Орловско-Курского сражения.

Причины неудач советского наступления были связаны с тем, что противник опирался на хорошо подготовленную в инженерном отношении полевую оборону, умело маневрировал силами и средствами. Немецкое командование умело снимало подразделения со спокойных участков и быстро перебрасывало их к местам вклинения, не допуская прорыва обороны. Советское командование к лету 1943 г. не имело опыта прорыва оборудованной в инженерном отношении полосы обороны. Поэтому действовало шаблонно, обеспечивая наступление 3–4-кратным превосходством в людях и танках в полосе прорыва и продолжительной огневой подготовкой. В ряде случаев при такой подготовке, особенно при наступлении на слабо развитую в инженерном отношении оборону или против слабого противника (итальянские, румынские, венгерские части), это обеспечивало успех. Но немецкие войска по своей огневой мощи значительно превосходили своих союзников. Немецкая пехота в обороне создавала плотность огня из стрелкового оружия до 8–9 пуль на погонный метр (при норме в 3–4), имела 63 противотанковых орудия, не считая 74 орудий полевой артиллерии. Простое численное превосходство наступающей стороны в людях и танках гасилось огнем обороняющихся.

В результате наступающая сторона несла большие потери, теряла превосходство. Пулеметы и противотанковые средства в сочетании с минно-взрывными и другими инженерными препятствиями становились непроходимыми. Нужны были новые методы прорыва обороны, атакующих необходимо было усиливать инженерно-штурмовыми подразделениями, самоходными (штурмовыми) орудиями непосредственной поддержки пехоты, подавлявшими бы прямой наводкой пулеметные точки. Танки к 1943 г. в связи с резким усилением противотанковой артиллерии сами нуждались в защите, так как противотанковую артиллерию (к 1943 г. немецкие противотанковые пушки поражали средние советские танки с 1,5 км) нужно было уничтожать до выхода атакующих танков на дальность поражения.

18 августа 1943 г. войска Южного фронта перешли в пятое наступление на Миус-фронт. Предварительно была проведена 70-минутная артподго-

товка, в которой участвовали 1,5 тыс. артиллерийских орудий и минометов. В результате была нарушена система огня противника на переднем крае. Поддержку с воздуха оказывала 8-я воздушная армия, в состав которой входило 924 самолета. Только в первый день наступления советская авиация провела 19 групповых боев, совершила 919 самолето-вылетов и сбила 12 самолетов противника. Советские пехота и танки овладели немецкими позициями и продвинулись вперед. Особенно успешно продвигались войска 5-й ударной армии. Ее части прорвали оборону противника на участке Дмитриевка – Куйбышево шириной 16 км и продвинулись вглубь на 10 км. 2-я гвардейская армия овладела рядом опорных пунктов в 2–3 км западнее Миуса. Части 28-й армии захватили важный опорный пункт Петрополье. Главная полоса вражеской обороны была преодолена.

19 августа у села Куйбышево 4-й гвардейский механизированный корпус выдвинулся за линию фронта на 20 км и подошел к Амвросиевке. Немецкое командование стало принимать меры к ликвидации нависшей угрозы. Не имея оперативных резервов, оно спешно перебрасывало к основанию нашего клина резервы дивизий, действовавших на пассивных участках фронта, а также батальоны береговой охраны с побережья Азовского моря и тыловые подразделения. Это делалось с целью создать на флангах 5-й ударной армии, узким клином глубоко пробившейся в оборону врага, сильные группы пехоты и танков и решительными встречными ударами с севера и с юга отрезать ее войска и закрыть образовавшуюся брешь.

20 августа до трех пехотных полков и 70 танков противника нанесли два встречных удара с севера и юга на хутор Семеновский и село Алексеевку. В результате основание прорыва сузилось до 3 км. В случае соединения северной и южной групп противника южнее хутора Семеновского создавалась серьезная угроза окружения наших войск, вышедших к реке Крынке. Не имея необходимых резервов, немецкое командование сделало ставку на удары с воздуха, стремясь хотя бы остановить наступление 5-й ударной армии, чтобы иметь время подтянуть резервы и восстановить положение. 19 августа усилия основной массы частей люфтваффе, базировавшихся перед Южным и Юго-Западными фронтами, были перенесены на участок прорыва. В воздухе разгорелись ожесточенные схватки. 20 августа советские летчики провели 40 воздушных боев, в ходе которых сбили 38 вражеских самолетов. От них не отставали штурмовики и бомбардировщики, наносившие удары по пехоте, танкам, артиллерии противника.

Рано утром 21 августа соединения 5-й ударной армии (126, 387-я стрелковые дивизии и 140-я танковая бригада), а также 4-го гвардейского механизированного корпуса (36-я танковая и 14-я механизированная бригады) нанесли удар по контратакующему противнику и к исходу 21 августа восстановили положение, вновь заняв хутор Семеновский. К этому времени сюда подошел 2-й гвардейский механизированный корпус. После ожесточенного боя он очистил от противника село Алексеевку.

В итоге четырехдневных напряженных боев вражеские потери, по советским данным (вероятно, завышенным), составили до 7 тыс. солдат и офицеров, 28 танков и 26 орудий. Противник, не выдержав удара наших войск, вынужден был отойти за реку Крынку, сохранив за собой плацдарм на левом берегу реки в районе Успенской. Удерживая свой рубеж на реке, немецкое командование одновременно подготовило новый удар по выдвинувшимся вперед войскам 5-й ударной армии. На этот раз оно хотело контратакой с севера в направлении Успенской соединить разобщенные северную и южную группировки. Этот план имел шансы, так как противнику удалось перебросить из Крыма 13-ю танковую дивизию. К тому же в район боев спешно подтягивались части группы армий «Центр»: 9-я танковая и 258-я пехотная дивизии.

Собрав резервы с соседних участков фронта, противник всеми силами пытался задержать советское наступление. 23 августа части 13-й танковой дивизии контратаковали 3-й гвардейский стрелковый корпус. Однако благодаря залпу «катюш» контратака была отбита. В то же время 4-й гвардейский механизированный корпус перешел в наступление из района Колпаковки. Его 14-я и 15-я механизированные бригады внезапным ударом овладели важным узлом немецкой обороны – Донецко-Амвросиевкой. Части 1-го гвардейского стрелкового корпуса 2-й гвардейской армии, продвинувшись вперед, создали непосредственную угрозу группировке противника в районе станции Успенской. Рокадная железная дорога от станции Кутейниково на Таганрог была перерезана в двух местах. Теперь таганрогская группировка немцев могла снабжаться только по приморским дорогам или по Азовскому морю.

28 августа 96-я гвардейская стрелковая дивизия начала штурм Саур-Могилы – господствующей высоты над всем Миус-фронтом. 29 августа советские войска почти захватили вершину, но контратака врага оттеснила нападавших. Высота окончательно была взята утром 31 августа. За день до этого, 30 августа был освобожден Таганрог. Миус-фронт был окончательно прорван.

Таким образом, Миус-фронт надолго задержал продвижение Красной армии на южном направлении. Всего на Миус-фронте с 1941 по 1943 гг. советские войска потеряли более 800 тыс. чел. Масштабы потерь противника в боях на Миус-фронте намного скромнее [1]. Многие исследователи продолжают по крупицам собирать информацию о тех событиях. Со дна Миуса подняты танки, на полях боев проводятся раскопки. Все это помогает нам сегодня восстановить полную картину тех трагических событий, о которых так долго умалчивали, почтить память незаслуженно забытых героев.

Примечания:

1. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. Ростов н/Д, 2010. С. 155.

А.Ю. Кудряков

Действия штурмовых групп при прорыве Миус-фронта: по материалам поисковых военно-археологических исследований

Более 15 лет поисковики работают на рубежах легендарного Миус-фронта. За это время найдены останки сотен солдат и офицеров Красной армии, представителей разных родов войск и соединений: танкистов, кавалеристов, пехотинцев, артиллеристов. Среди них особенно выделяются останки бойцов групп особого назначения. Такие группы существенно отличаются от других частей и подразделений РККА. Прежде всего, в них попадали военнослужащие, имевшие боевой опыт и боевые награды, бывшие еще редкостью в 1943 г. Они имели особую экипировку, часто использовали элементы трофейного немецкого снаряжения. Вооружены были только автоматами или автоматическими винтовками, в обязательном порядке имели холодное оружие для траншейного боя и увеличенный запас гранат и патронов. В состав группы обязательно входили снайперы, пулеметчики, связисты. Медицинских работников в их составе не удалось обнаружить. Отметим, что поисковики находят останки групп, как правило, в глубине обороны противника.

Имена многих участников групп, числившихся до настоящего момента без вести пропавшими, удалось установить при помощи заполненных смертных медальонов (у тех, кто воевал с начала войны) или сведений о наградах. Работая в архивах, по крупицам воссоздавая историю подвига этих забытых бойцов, стало возможным узнать, в каких именно отрядах они воевали и погибли, прорывая немецкую оборону на р. Миус.

Рассматриваемые подразделения РККА назывались штурмовыми отрядами или группами прорыва. Говоря современным языком, это были подразделения спецназа, формировавшееся для решения специальных задач командования. Широко известным примером работы штурмового отряда служит боевая операция сводной группы капитана Гукаса Мадояна. Его подразделение 8 февраля 1943 г. в ходе штурма Ростова-на-Дону вклинилось в глубокую оборону противника, заняло железнодорожный вокзал и до 14 февраля, т.е. почти неделю удерживало занятый плацдарм, отбив более 30 атак противника. В штурмовую группу 159-й стрелковой бригады под командованием Мадояна входили только добровольцы, понимавшие, что шанс выжить у них в таком бою минимален. Не так давно поисковики объединения «Миус-Фронт» на месте боя отряда Мадояна в самом центре Ростова, в железнодорожных мастерских, нашли останки офицера группы, младшего лейтенанта Конькова, руководившего пулеметным огнем прикрытия. До сих пор он числился без вести пропавшим.

В ходе наступления Красной армии на Миус в 1943 г. тактическое применение штурмовых групп продолжилось. В их задачи входило:

- 1) скрытое или под прикрытием заградительного огня проникновение вглубь обороны противника,
- 2) захват ключевых опорных пунктов вражеской обороны,
- 3) удержание захваченных позиций до подхода основных сил,
- 4) стягивание на себя частей и резервов противника и ослабление, таким образом, других участков вражеской обороны,
- 5) нарушение немецких коммуникаций.

Работа с документами Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, общение с ветеранами боев и обобщенные данные военной археологии позволили установить особенности формирования и действий штурмовых групп на Миус-фронте. Как уже отмечалось, такие группы набирались только из добровольцев, членов ВКП(б) и ВЛКСМ, физически крепких и выносливых солдат и офицеров, имевших боевой опыт. Численность групп прорыва варьировалась от 50 до 100 чел., в зависимости от места действия, специфики местности, локальных задач. Штурмовой отряд состоял из подразделений управления и связи, групп пулеметчиков и снайперов. Основным оружием штурмовых групп был ПППШ-41 с рожком на 30 патронов, снайперская винтовка Мосина, пулемет Дегтярёва, личное, в том числе холодное оружие. Были также распространены трофейные образцы, зачастую использовались немецкие ракетницы и пистолеты Вальтер П-38. У каждого добровольца штурмового отряда в вещмешке находился максимальный запас гранат и патронов и минимум продуктов питания. Экипировка бойца штурмового подразделения похожа на экипировку разведчика и представляла синтез всего самого удобного и практичного из униформы советской и немецкой армий: советский ватник или гимнастерку, поверх нее немецкую разгрузку, но с отечественными подсумками, на ногах немецкие, реже лендлизовские ботинки. Каска СШ-40 практически не находила применения, но вот заточенная саперная лопатка была за поясом у каждого.

В разное время поисковым объединением «Миус-Фронт» были найдены останки солдат нескольких штурмовых отрядов. На настоящий момент наиболее полную информацию удалось собрать о действиях групп прорыва, которыми командовали капитан Александр Иванович Байбаков, лейтенант Хоментовский и младший лейтенант Виктор Семенович Панин.

В задачу 248-й стрелковой дивизии полковника Н.З. Галая входило взять села Петрополье и Подгорное, форсировать Миус и захватить господствующие над рекой высоты. За первый день наступления 18 августа 1943 г. 248-я стрелковая дивизия форсировала Миус и смогла продвинуться вперед лишь на 300 м. Две трети бойцов дивизии легло на минных полях под пулеметным огнем противника. В ночь на 19 августа штурмовая группа капитана А.Н. Байбакова, состоявшая из добровольцев 899-го стрелкового полка, под прикрытием артиллерийского огня проползла по заросшей кустарником балке и ворвалась в самый центр немецкой обороны у села Петрополье – на господствующую высоту «Черный ворон» с отметкой 135,9. Враг, засевший в этом опорном пункте, был уничтожен.

Штурмовой группе нужно было удержать высоту до подхода основных сил 248-й стрелковой дивизии. И бойцы группы Байбакова ценой своих жизней эту задачу выполнили. Более 10 атак противника отразили наши солдаты. Резервы 15-й авиаполевой дивизии противника вместе с танками пытались отбить высоту. Капитан Байбаков был убит в рукопашной схватке, когда враг ворвался на командный пункт штурмового отряда. Из 120 чел. погибло 98 чел., остальные были ранены, но высоту удержали. С потерей высоты «Черный ворон» вся непобедимая немецкая оборона в этом районе рассыпалась как карточный домик.

Соседняя 271-я Горловская стрелковая дивизия за сутки наступления потеряла больше половины своего состава убитыми и ранеными. В ночь на 19 августа из добровольцев была сформирована штурмовая группа лейтенанта Хоментовского. Она состояла из 50 бойцов, в том числе 20 офицеров, старшин, сержантов. Скрытно группе удалось проникнуть на 3 км вглубь обороны 336-й пехотной дивизии вермахта. Обойдя село Русское по балкам, штурмовая группа Хоментовского утром 19 августа захватила один из опорных пунктов второй линии вражеской обороны. Чтобы выбить оттуда советских солдат, немецкое командование сняло с других участков части 17-й и 294-й дивизий, тем самым, ослабив там свою оборону. Полдня сражался в окружении отряд лейтенанта Хоментовского. Но основные силы 271-й стрелковой дивизии так и не смогли пробиться к своей штурмовой группе. В 14.00 группа Хоментовского вызвала огонь своей артиллерии на себя. Сотни взрывов реактивных снарядов, выпущенных «катюшами», сравняли с землей немецкие опорные точки, на которых сошлись в рукопашной бойцы лейтенанта Хоментовского и немецкие grenадеры. Все добровольцы штурмовой группы погибли. Только спустя 67 лет останки лейтенанта Хоментовского и его боевых товарищей были найдены и торжественно захоронены поисковиками. На траурной церемонии присутствовал консул Украины в Ростовской области.

Действия штурмовой команды младшего лейтенанта В.С. Панина были направлены на захват и удержание плацдарма у хутора Новобахмутского. Этот отряд был выделен из состава 49-й гвардейской стрелковой дивизии полковника В.Ф. Маргелова. Группа численностью до 100 чел. скрытно в ночь с 19 на 20 августа через минные поля и проволочные заграждения подошла вплотную к Новобахмутскому и захватила окраины этого населенного пункта. Хутор расположен на возвышенности, и захват его раскалывал немецкую оборону на Миусе пополам. Враг, собрав все имеющиеся резервы – поваров, коноводов, почтальонов, а также легкораненых – пытался выбить штурмовую группу лейтенанта Панина из поселка, ликвидировать советский плацдарм. Но гвардейцы, используя немецкие окопы и пулеметные гнезда, держались. 17 контратак предпринял противник, но так и не сумел уничтожить штурмовую группу. Наши солдаты, отражая яростный натиск, использовали противотанковые пушки немцев, захваченные у хутора и трофейные пулеметы. Во второй половине дня 20 августа на плацдарм, удерживавшийся группой Панина, подошли основные части 49-й гвардейской стрелковой дивизии. Группа, к этому времени

была практически полностью уничтожена, погиб и ее командир. Хоронить тела героев было некогда и некому. Так и лежали они на дне немецких окопов почти 70 лет, выполнив свою боевую задачу, свой долг до конца.

И еще один пример действий группы прорыва на этом участке фронта. Крушение Миус-фронта стало следствием захвата частями 96-й гвардейской стрелковой дивизии укреплений на господствующей высоте – кургане Саур-Могила. Атака немецких позиций началась 29 августа, но результатов не дала. И только действия штурмовой группы младшего лейтенанта Шевченко и старшины Кораблева позволили захватить этот стратегический узел обороны врага. Под покровом темноты, на рассвете 30 августа 1943 г., просочившись сквозь боевые порядки противника, отряд гвардейцев проник на самую вершину Саур-Могила и закрепился там. Фашисты в течение 12 часов непрерывно атаковали, пытаясь вернуть захваченные штурмовой группой позиции. Отряд Шевченко выстоял, несмотря на обстрел артиллерии и минометов. Атаки с воздуха сменяли удары танками и самоходными орудиями. Но группа прорыва выстояла до подхода главных сил Красной армии. К вечеру 30 августа Саур-Могила была полностью очищена от неприятеля, над главной высотой Миус-фронта взвилось боевое красное знамя 96-й гвардейской стрелковой дивизии.

Подводя итог краткому анализу действий штурмовых групп на Миус-фронте, можно сделать вывод, что прорыв неприступной линии немецкой обороны стал возможен во многом благодаря их боевой работе, их подвигам и самопожертвованию. В настоящее время курганы и высоты, балки и поля Примиусья – это огромный ландшафтный памятник мужеству и отваге бойцам-добровольцам штурмовых групп. Надеемся, что в скором будущем эти места получают официальный статус «Поля ратной славы братских народов России и Украины». А пока поисковая и научная исследовательская работа пусть будет данью памяти и уважения героям Миус-фронта.

А.Ю. Баженов

ФОРМИРОВАНИЕ ЧАСТЕЙ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ ИЗ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХЬИ РАЙОНОВ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941–1942 гг.*

Вопрос об участии казаков в Великой Отечественной войне, пожалуй, можно назвать одним из самых спорных в истории нашей Родины. Казалось бы, неоспоримый факт того, что казаки наряду с другими народами СССР

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-11-34007а «Документы Архивного фонда Волгоградской области о политике советско-партийного руководства в отношении донского казачества на территории современной Волгоградской области в сер. 1920-х – нач. 1940-х гг.»

внесли свой вклад в дело разгрома фашистской Германии, в настоящий момент подвергается сомнению. В последнее десятилетие на волне гласности и вседозволенности в многочисленных статьях и монографиях делается упор исключительно на службе казаков в рядах вермахта, забывая при этом, что основная масса казачества служила все-таки в рядах РККА и честно отдала стране свой воинский долг. Особую роль в советской кавалерии сыграли дивизии, сформированные из казаков-ополченцев. Данное движение развернулось с осени 1941 г. и охватило все области проживания казаков. Однако до настоящего времени данный вопрос не был достаточно освещен.

Сталинградский стрелковый корпус народного ополчения являлся одним из наиболее крупных ополченских формирований Поволжья. В его состав входили Сталинградская и Астраханская стрелковые дивизии, сводная Донская кавалерийская дивизия казачьих сотен, Дубовский и Камышинский стрелковые полки, а также некоторые специальные подразделения. Корпус был создан спустя несколько недель после начала войны, имел 12 тыс. бойцов и командиров. Им командовал председатель Сталинградского областного исполкома И.Ф. Зименков [1].

Создание казачьих формирований в Сталинградской области началось с 15 казачьих сотен 4-взводного состава, с целью подготовки отрядов самообороны и оказания помощи истребительным батальонам в борьбе с возможными парашютными десантами. Сотни укомплектовывались колхозниками, служащими и интеллигенцией – в первую очередь добровольцами, а при некомплекте привлекались в обязательном порядке лица, призываемые по мобилизации возрастов. Командирами сотен назначались «проверенные» лица, заместителей командиров по политической части набирали из политсостава запаса, командиров взводов – из бывших партизан, участников Гражданской войны и младшего начсостава запаса кавалерийских частей. Командиром дивизии был назначен полковник запаса Никифор Федорович Цепляев [2].

На предприятиях Сталинграда и области для воинов Сталинградского корпуса народного ополчения было изготовлено 16 тыс. комплектов обмундирования, 6 тыс. саперных лопат, 2 тыс. пар ботинок и сапог, 2 тыс. шинелей, 1,5 тыс. комплектов стеганых фуфаяк и брюк, 5 тыс. пар белья. Казаки донских районов Сталинградской области активно помогали снаряжать сводную Донскую кавалерийскую дивизию, входившую в состав Сталинградского корпуса народного ополчения. Они передали ей 1,7 тыс. лошадей, 200 повозок, 5 тыс. овчин, около 3 тыс. пар валенок.

Все расходы, связанные с формированием (обмундированием, снаряжением и проч.) и обучением народных ополченцев, производились за счет местных средств и областного бюджета. Введение однообразной формы в казачьей дивизии было желательным, но не обязательным. Наркомат обороны СССР средств на формирование народного ополчения не выделял. Конский состав, конское снаряжение и тачанки для сотен должны были выделять колхозы.

В результате этого при уборке урожая было очень трудно держать эти сотни в постоянной боевой готовности. Все имевшиеся в наличии огнестрельное оружие, шашки, седла использовались также на обеспечение казачьих сотен. Недостающие боевое вооружение должно было производиться за счет средств Наркомата обороны по мере надобности [3].

Процесс создания ополченских формирований, в том числе и в казачьих районах Сталинградской области, сопровождался их напряженной боевой и политической подготовкой. Необходимость организации боевой учебы добровольцев диктовалась тем, что огромное количество людей, влившихся в народное ополчение, прежде не служили в Красной армии. Вследствие этого многие из них не имели никакой военной подготовки. По тематическому содержанию программы обучения ополченцев составлялись с учетом принадлежности ополченских формирований к определенному роду войск. Программами определялись основные направления боевой и политической подготовки. Одним из них являлась общевоинская подготовка, другим – огневая, третьим – тактическая. Важное место в обучении ополченцев военному делу занимала политическая подготовка.

Казачи-ополченцы, в отличие от остальной части Сталинградского корпуса, были переведены на казарменное положение. Это было продиктовано особенностями подготовки конников-ополченцев. При организации боевого обучения в кавалерийских ополченских частях и подразделениях, с одной стороны, значительное место отводилось отработке приемов владения клинком, а с другой – изучению основ ведения оборонительного и наступательного боя, как в конном, так и в пешем строю. Исходя из подвижного, маневренного характера кавалерии большое место в боевой подготовке конников ополченцев отводилось усвоению принципов взаимодействия с другими родами войск, в частности с пехотой и танками.

В качестве примера можно привести учебный лагерный сбор сводной Донской кавалерийской дивизии казачьих сотен, состоявшийся осенью 1941 г. в станице Михайловской. Он длился 3 дня. На этом сборе ополченцы изучали тактику оборонительного и наступательного боя мелких кавалерийских подразделений, провели двусторонние полковые учения, в ходе которых отрабатывали вопросы взаимодействия между кавалерийскими подразделениями и кавалеристов с другими родами войск.

В целях подготовки и переподготовки командно-начальствующий состав казачьей дивизии народного ополчения от командира полка и выше был вызван с 15 августа 1941 г. на 45-дневные сборы при Новочеркасской кавалерийской школе. В целом, командно-начальствующий состав от основной должности в гражданском учреждении не освобождался, но некоторых командиров освободили распоряжением обкома и облисполкома. В этом случае содержание им выплачивалось местными властями из средств местного или областного бюджета [4]. В дальнейшем подготовка казачьих частей совершенствовалась в соответствии с указаниями заместителя Наркома обо-

роны СССР Маршала Советского Союза Г.И. Кулика, которые выражались в следующем:

«а) уметь производить глубокий рейд в тыл противника, действовать по разгрому и уничтожению баз снабжения, штабов и других важных объектов по опыту действий первой Конной Армии в гражданской войне.

б) уметь организовать и проводить партизанские действия в тылу противника по примеру действий русской конницы в отечественной войне 1812 г., уметь организовывать партизанские отряды и поднимать восстания в тылу врага.

Пехоту нужно было научить вести бой в окружении. Для этой цели рекомендуется использовать опыт борьбы командиров и бойцов Красной Армии, публикуемый в нашей партийной и советской печати»[5].

Так как сроки обучения устанавливались уплотненными, то практически этот вопрос лучше всего было разрешить таким образом, чтобы для занятий отводились в течение недели 4 дня, продолжительностью не менее 3 часов и в выходной – 6 часов [6]. Все занятия, как правило, проводились в поле. Для втягивания бойцов ополченцев с первого дня практиковались марши с выкладкой, вначале облегченной и постепенно доводившейся до нормы [7].

Весной 1942 г. перед частями и подразделениями народного ополчения были поставлены новые задачи. Внимание командиров, комиссаров и политработников было обращено на необходимость устранения условностей, на приближение всей учебной подготовки к боевой деятельности, на усиление подготовки одиночного бойца и на обработку, в первую очередь, боевых действий небольших подразделений – отделения, взвода [8].

В частях народного ополчения была установлена строгая дисциплина. Как было сказано в документе: *«Подразделения народноополчения во всем должны равняться на героическую Красную Армию. Командир, политработник должен быть примером дисциплинированности, строевой выправки и физической подготовленности. Укрепление авторитета начсостава является основной задачей командиров частей и их заместителей по политчасти. Волевой, инициативный, культурный, политически грамотный командир – основа авторитета командира, политработника»* [9].

Несмотря на эти предписания, отмечались многочисленные случаи, когда командиры, политработники и бойцы в обращении по службе друг с другом допускали внеуставные отношения: курили при разговоре со старшим командиром, руки держали в кармане и т.д. Перед командирами частей и политработниками была поставлена задача объявить самую решительную борьбу с нарушениями воинской дисциплины, не оставляя без внимания ни одного такого случая, вплоть до позорного исключения нарушителей из рядов народного ополчения.

В результате всех проведенных мероприятий к апрелю 1942 г. бойцы дивизии получили достаточную военно-строевую подготовку и были готовы

выполнять поставленные перед ними задачи. Сводной Донской кавалерийской дивизии казачьих сотен было присвоено наименование 15-й Донской казачьей кавалерийской дивизии. Закончив формирование, дивизия во второй половине апреля 1942 г. передислоцировалась из-под Сталинграда в район Сальска, а к концу первой декады июня ее части сосредоточились в районе станицы Ленинградской. 11 июня 1942 г. дивизия была включена в состав 17-го добровольческого казачьего кавалерийского корпуса [10].

Первые оборонительные позиции корпуса находились на побережье Таганрогского залива. В начале мая 1942 г. в боевых порядках корпуса побывал маршал С.М. Будённый. Он дал ряд советов и рекомендаций по организации обороны. 27 июля командование 15-й кавалерийской дивизии получило из штаба корпуса приказ выйти в район Ново-Батайска и, заняв оборону по южному берегу реки Кагальник, не допустить форсирования реки противником на участке Ново-Батайск – Самарское – Качевань [11]. 28 июля конники-добровольцы вступили в первый бой с наступающими немецко-фашистскими войсками.

Таким образом, 15-я Донская казачья кавалерийская дивизия, созданная на территории Сталинградской области из казаков придонских районов, представляла собой яркий пример ополченческих соединений. Формированию ополченческих формирований придавалось большое значение, так как они позволяли привлечь в случае острой необходимости большую массу работников сельского хозяйства и промышленности, которые не были до этого мобилизованы в виду их особой важности для производства.

Особенность обучения казаков-ополченцев заключалась в том, что помимо боевой подготовки они работали в колхозах и совхозах. Несмотря на это бойцы дивизии получили прекрасную подготовку и были хорошо вооружены и экипированы. Наши земляки прекрасно проявили себя в ходе боевых действий, а 15-я кавалерийская дивизия была переименована в 11-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию.

Примечания:

1. Колесник А.Д. Ополченские формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. М., 1988. С. 35.
2. Государственный архив Волгоградской области. Ф. 2115. Оп. 3. Д. 22. Л. 65.
3. Там же. Л. 66.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же. Л. 33.
7. Там же. Л. 21.
8. Там же. Л. 22.
9. Там же. Л. 34.
10. Колесник А.Д. Ополченские формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. М., 1988. С. 252.
11. Там же. С. 184.

У.Б. Очиров

Военные мобилизации в Калмыцкой АССР в 1941–1943 гг.

До начала Великой Отечественной войны система воинского учета и мобилизации в Калмыкии, как и во многих регионах страны, не относилась к числу лучших. До 1939 г. руководство страны не прилагало к решению этой проблемы кардинальных усилий: для армии мирного времени новобранцев было более чем достаточно, и военкомы имели право при излишке призывников зачислять их в запас, не призывая на военную службу. В военкоматах явно не хватало кадров для создания всеохватной системы учета военнообязанных. Например, в 1936 г. (еще до начала массовых репрессий в Красной армии) областным военкоматом Калмыцкой АССР руководил капитан, а городским и районными военкоматами – старшие лейтенанты и лейтенанты. Военные инспекторы улусных комитетов ВКП(б) зачастую не могли исполнять свои обязанности, так как параллельно с этим занимались другой работой. Ситуацию заметно осложняли неблагоприятные географические и экономические условия: широкие пространства, низкая плотность населения, слабая развитость дорожной сети и систем связи, кочевой образ жизни калмыков (переход к оседлости завершился только к 1939 г.). В результате малочисленные райвоенкоматы не могли охватить подотчетные им территории и наладить работу по полному учету военнообязанных. Например, по данным на 23 марта 1936 г. на учете облвоенкомата состояло 14 323 военнообязанных [1], что для региона с населением в 190 тыс. чел. составляет всего 7,5 %.

26 января 1939 г. вышло постановление СНК СССР № 5с, согласно которому учет военнообязанных стал вестись по месту жительства и был жестко увязан с системой прописки. Смена места жительства автоматически отражалась в статистике военкомата, причем процедура выписки и становления на учет была значительно упрощена. Более внимательно и ответственно к мобилизационной работе стали относиться и местные органы власти. Тем не менее, кадровую проблему до конца решить не удалось: к июню 1941 г. в республике на 13 улусов имелось всего 8 райвоенкоматов.

К началу Великой Отечественной войны на срочной военной службе находилось 4 432 призывника из Калмыкии [2]. Абсолютное большинство из них относилось к контингенту 1919–1921 гг. рождения, частично 1922 г.р. Несколько десятков человек из числа ранее отслуживших резервистов было призвано в ходе так называемых учебных сборов в мае 1941 г.

Первая мобилизация в Калмыкии началась сразу нападения Германии на СССР. Согласно мобилизационным планам, сначала следовало призвать военнообязанных 1-й категории, т.е. резервистов, уже отбывших срок действительной службы. 23 июня 1941 г. в большинстве регионов страны (в том числе и в Калмыцкой АССР) начался призыв военнообязанных 1-го разряда

(в возрасте до 35 лет – 1905–1918 гг. рождения) 1-й категории, разделенных на три очереди. В августе начался призыв военнообязанных 2-го разряда (в возрасте до 45 лет – 1895–1904 гг. рождения) 1-й категории. Хотя большинство призванных являлись уже отслужившими резервистами, в число мобилизованных попали также новобранцы, добровольцы и т.д. Например, в Калмыкии 3 октября 1941 г. мобилизовали 14 сандружинниц.

Всего в Калмыкии в ходе мобилизаций 1-го и 2-го разряда 1-й категории в период с 23 июня по 4 октября 1941 г. было призвано 5 259 чел. (267 – старшего и среднего командно-начальствующего состава, 764 – младшего командно-начальствующего состава, 3 772 – рядовых, 242 новобранца, 200 добровольцев-комсомольцев и 14 сандружинниц) [3]. Большую часть из них направили во вновь формируемые объединения Северо-Кавказского военного округа (далее – СКВО) – 56-ю и 57-ю армии. Позже командарм-57 Д.И. Рябышев вспоминал, что 349-ю стрелковую дивизию комплектовали *«астраханские рыбаки, проходившие обучение в территориальных частях»* [4]. Часть мобилизованных, направленных в Орджоникидзевский край, пошла на формирование 189-го Калмыцкого кавалерийского полка и двух эскадронов 192-го Ставропольского кавалерийского полка, вошедших в состав 70-й кавалерийской дивизии [5]. Эти полки также комплектовались из резервистов 1-й категории 1 и 2-го разрядов. Например, Западный объединенный райвоенкомат 10 сентября 1941 г. направил в состав 70-й кадивизии 278 призывников (у всех в личных делах есть отметки о принятии присяги в 1918–1937 гг.), в том числе 9–1915–1921 гг. рождения, 269–1900–1914 гг. рождения [6].

Следует отметить, что призывной контингент 1 и 2-го разряда отнюдь не был исчерпан этими мобилизациями. К 1 октября 1941 г. на учете в Калмыцком военкомате оставалось еще 725 чел. комначсостава и 22 526 призывников 1896–1921 гг. рождения, большинство из которых относилось ко 2-й категории (ранее не проходивших срочную службу). Кроме того, в списках Калмыцкого военкомата значилось 1 467 допризывников 1922 г.р., 1 650–1923 г.р., 2 090–1924 г.р. [7].

15 сентября 1941 г. Государственный комитет обороны СССР вынес постановление № 675 о мобилизации 625 тыс. забронированных военнообязанных 1-й категории (не старше 37 лет) и юношей 1922 г.р. [8]. По плану наркоматы должны были направить от 10 до 30 % из числа забронированных; более трети вновь мобилизованных оказались из числа железнодорожников; большие контингенты предоставили НКВД, наркоматы черной металлургии, угольной промышленности и земледелия. Однако в Калмыкии забронированных было не так много, поэтому в ходе этой мобилизации призывались в основном новобранцы 1922 г.р.

17 сентября ГКО выпустил постановление № 690 «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР», согласно которому все мужчины в возрасте от 16 до 50 лет должны были пройти краткий курс всеобщего обучения. Практическая работа по реализации постановления легла на воен-

коматы. В Калмыкии эта работа частично началась еще до выхода постановления после получения письма инспектора кавалерии генерал-полковника О.И. Городовикова, в котором предлагалось сформировать в колхозах кавалерийские группы для проведения допризывной подготовки. В составе этих групп числилось более 2 тыс. юношей [9]. Всего же к концу 1941 г. военную подготовку в Калмыкии получили 16 190 чел. [10].

Мобилизационные ресурсы Калмыкии на 1 октября 1941 г.*

Рай(гор)военкомат	военнообязанные 1896–1921 гг. рождения			военнообязанные 1922–1924 гг. рождения			
	1 кат.	2 кат.	всего	1922 г.	1923 г.	1924 г.	Всего
Западный	706	2 118	2 824	95	150	200	445
Приютненский	509	2 646	3 155	247	231	265	743
Сарпинский	369	2 070	2 439	270	205	228	703
Малодербетовский	317	1 260	1 577	152	153	181	486
Приволжский	446	2 888	3 334	215	198	221	634
Черноземельский	139	1 389	1 528	106	92	89	287
Долбанский	694	2 019	2 713	187	253	317	757
Лаганский	471	3 115	3 586	115	250	332	697
Элистинский	314	1 781	2 095	80	118	257	455
Итого	3 965	19 286	23 251	1 467	1 650	2 090	5 207

* Данные по Яшалтинскому улусу учтены в графе Западного военкомата, по Троицкому улусу – Приютненского, по Кетченеровскому улусу – Сарпинского, по Юстинскому улусу – Приволжского, по Улан-Хольскому улусу – Лаганского, так как в названных улусах райвоенкоматов не было.

13 ноября 1941 г. вышло постановление ГКО № 894 о формировании в ряде национальных регионов страны 20 кавдивизий и 15 стрелковых бригад из призывников в возрасте до 40 лет. В их числе были и две Калмыцкие кавдивизии (по 3,5 тыс. чел. каждая) – 110-я и 111-я. Имевшихся ресурсов было более чем достаточно: по данным на 1 октября 1941 г. на учете в Калмыцком облвоенкомате значился 8 241 калмык 1901–1921 гг. рождения [11], притом, что специальные подразделения дивизий (почти четверть штата) разрешалось комплектовать из лиц некоренной национальности. Согласно разнарядке, направленной 21 ноября в военкоматы, предполагалось призвать 6 939 чел. Однако значительная часть призывников оказалась отправлена на строительство Донского оборонительного рубежа (10 тыс. чел.), железной дороги Кизляр–Астрахань (6,2 тыс. чел.) и других объектов оборонного значения. По данным на 20 января 1942 г., вместо необходимых по штату 3 447 чел. (в том числе 452 – младшего начальствующего состава и 2 745 рядовых) в 110-й дивизии значилось 2 507 чел. (в том числе 77 старшин и сержантов и 2 310 рядовых), а в 111-й дивизии – 2 597 чел. (в том числе 2 446 рядовых) [12]. Однако руководство республики полагало, что после возвращения молодежи со строительных работ сможет восполнить образовавшийся дефицит. 26 ноября из СКВО был выделен новый военный округ – Сталинградский

(далее – СталВО), в состав которого вошла и Калмыцкая АССР. По данным К.Н. Максимова, за период октября – декабря 1941 г. в Калмыкии было мобилизовано 8 390 призывников, а также 129 медработников [13].

В начале 1942 г. работа по формированию 110-й и 111-й дивизий продолжилась, и к середине февраля они практически были укомплектованы людьми, за исключением младшего начальствующего состава. Недостающих сержантов предполагалось подготовить за счет рядовых, набранных сверх комплекта. К 23 февраля в 110-й дивизии числилось 159 старшин и сержантов и 2 982 рядовых, в 111-й, соответственно, 140 и 3 136. Однако к этому времени штаты кавдивизий были увеличены с 3 447 чел. до 4 494 чел. В результате некомплект личного состава в 110-й дивизии достиг 951 чел. (в том числе 557 сержантов и старшин), а в 111-й, соответственно 816 чел. (576 чел.). 23 февраля 1942 г. военкомат Калмыцкой АССР составил разнарядку на призыв еще 1,7 тыс. чел. для укомплектования соединения по новым штатам [14].

К началу марта 111-я кавдивизия была, наконец, укомплектована личным составом – 4 644 чел. (при штате 4 494 чел.) [15]. Однако в этот момент Ставка ВГК приняла решение о расформировании 20 кавдивизий, в том числе 111-й. Выбор именно этой дивизии, которая, в отличие от 110-й, имела даже сверхкомплект личного состава, носил случайный характер. Тем не менее, ее расформирование позволило укомплектовать 110-ю дивизию, которая, завершив подготовку, в мае выступила на фронт. Оставшиеся «излишки» передали в 15-й запасной кавалерийский полк в Ворошиловск (в настоящее время – Ставрополь) и в 16-ю запасную стрелковую бригаду в Котельниково, а также в распоряжение СталВО и Крымского фронта.

Помимо этого, в число мобилизованных, согласно приказа № 0442/2212 Наркомата рыбной промышленности СССР, вошел и рыбный флот Каспийского бассейна, переведенный *«на положение военизированный службы»*. Точная численность калмыцких рыбаков, отмобилизованных таким образом, пока не известно, но, по косвенным признакам, она составила около 3 тыс. чел. Всего в январе – марте 1942 г. было мобилизовано 6 347 чел., а общая численность с начала войны составила более 20 тыс. чел. [16], при этом имели место всего 8 случаев уклонения от мобилизации и 21 – дезертирства [17].

В 1942 г. мобилизационные ресурсы СССР оказались заметно исчерпанными; пришлось поднять призывной возраст до 50 лет и произвести призыв 18-летней молодежи. Появились категории *«не годные к службе, но годные к физическому труду»*. Ряд статей, предоставляющих освобождение от призыва по приказу НКО № 184 1940 года, был отменен. Например, слепые на один глаз и со зрением 0,8 на другой стали считаться годными к нестроевой, а имевшие хронический гастрит – к строевой службе [18]. ГКО, изыскивая резервы, принял ряд постановлений о наборе на тыловую службу женщин, в том числе 25 тыс. девушек в возрасте 19–25 лет в состав Военно-морского флота. Согласно разнарядке, приложенной к постановлению № 1703сс от 5 мая

1942 г., Калмыкия должна была направить 150 девушек в Каспийскую военную флотилию [19], хотя уже в первый день в военкоматы республики поступило 1 200 заявлений. 25 июня 230 девушек были направлены в состав ВМФ [20].

По нашим данным, другие мобилизации в Калмыкии с апреля по июль 1942 г. не осуществлялись, однако численность военнообязанных, состоявших на учете, сократилась на 6 тыс. чел. По данным на 1 августа на учете значилось всего 6 513 военнообязанных (в том числе 1 108 чел. в возрасте от 45 до 50 лет), а также 2 201 призывник 1924 г.р. и 1 744 призывника 1925 г.р. [21]. Поскольку положение на фронте летом 1942 г. осложнилось, 26 июля ГКО принял постановление № 2100сс, в котором приказывалось передать на фронт 930 тыс. чел. из тыловых частей и флота, из рабочих колонн и лагерей, из числа «забронированных» и трудпоселенцев, а также объявлялось о призыве юношей 1924 г.р. [22], которые по правилам того времени считались 17-летней молодежью. Мобилизация проходила в сложных условиях: враг подошел к границам Калмыкии, 1 августа вторгся на территорию Западного улуса, 5 августа – занял Абганерово и Плодовитое, 12 августа – Элисту. Военкоматы прифронтовых регионов обязаны были производить мобилизацию всех оставшихся призывников, за исключением забронированных, эвакуированных со своими предприятиями, поэтому Калмыцкий облвоенкомат не только призвал молодежь, но и вывез за пределы региона все «мобилизационные ресурсы», какие только смог. В ходе мобилизации было призвано 2 965 чел., а еще 5 594 военнообязанных 1891–1925 гг. рождения были эвакуированы [23]. По всей видимости, все они или большая часть (за исключением нестроевых и имеющих отсрочку по болезни) оказались мобилизованы на военную службу. Часть призывников направили в состав 159-й стрелковой бригады, формируемой из уроженцев СталВО, но большинство мобилизованных отправили за пределы округа. Более подробные данные об этой мобилизации приведены в таблице 2.

В ходе операции «Фишрайер» немцы и румыны оккупировали большую часть территории СталВО. Управление округа пришлось эвакуировать в Астрахань, а в начале сентября его преобразовали в управление 28-й армии (3-го формирования). Тем не менее, за этим объединением было сохранены права округа на той части территории, которая осталась неоккупированной.

В течение сентября – ноября 1942 г. официально мобилизаций в Калмыкии не было, но на территории республики осуществлялся набор пополнений для 110-й Калмыцкой дивизии: сняли бронь с 1 тыс. чел. *«не старше 40 лет из числа 3 тыс. отмобилизованных рыбаков Калмыцкой АССР»*, собирали необученных призывников 1925 г.р., добровольцев, части старших возрастов, не призванных ранее. Впрочем, в статистике военкоматов 28-й армии эти мобилизации не нашли отражения. Всего в 1942 г. по данным К.Н. Максимова, было мобилизовано 16 880 чел. [24], при этом от мобилизации уклонились 106 военнообязанных и 66 призывников [25].

**Сведения о призыве и вывозе военнообязанных Калмыкии
в августе 1942 г. ***

	строевые до 45 лет	строевые от 45 до 50 лет	нестроевые	спецучет	отсрочки по болезням	всего	призывники 1924 г. рожд.	призывники 1925 г. рожд.
Было на учете к 1 августа 1942 г.	570	1 108	2 433	2 300	102	6 513	2 201	1 744
Призвано на военную службу	346	268	764	118	0	1 496	968	457
Эвакуировано за пределы региона	177	752	1 309	1 595	44	3 877	784	893
Осталось в оккупированных улусах	47	56	184	150	34	471	389	339
Осталось в неоккупированных улусах	0	32	176	433	28	669	60	55

* В таблице не учтен старший и средний начальствующий состав (421 чел., в том числе 48 – в возрасте до 45 лет, 183 – в возрасте от 45 до 50 лет, 17 – годные к нестроевой службе, 173 – спецучет).

20 декабря 1942 г. ГКО принял постановление № 2640сс о призыве юношей 1925 г.р., а также передаче на фронт 637 тыс. чел. из тыловых частей, флота, «гражданских» наркоматов, лагерей и 200 тыс. чел. из Средне-Азиатского военного округа, которые ранее не призывались [26]. На территории Калмыкии, где мобилизационные ресурсы были практически исчерпаны, в основном призывали юношей 1925 г.р. К сожалению, отдельных данных по республике у нас пока нет, поэтому приведем общую статистику по 28-й армии. В ходе мобилизации, прошедшей с 4 по 15 января 1943 г. на территории Астраханского округа и 5 улусов Калмыкии, на призывные пункты явилось 6 080 юношей, 57 – не явились по уважительной причине (болезни, командировки, в заключении). Из явившихся признано годными к строевой 4 987 чел. (в том числе 128 забронированных), годными к нестроевой – 536, годными к физическому труду – 32; признаны негодными – 299 чел., получили отсрочки по болезни – 211, отсеяно по национальному признаку – 1, по политико-моральным соображениям – 23. Из числа призванных 28-я армия направила 2,4 тыс. чел. в 37-ю запасную стрелковую бригаду Приволжского военного округа, 1701 чел. – в Сталинградский корпусной район ПВО (туда же отправили 370 добровольцев 1925 г.р., набранных ранее), 310 чел. – в рабочую команду [27].

После освобождения территории Калмыкии от фашистов военкоматы вновь приступили к своей работе. Предельный возраст для военнообязанных достиг 55 лет, вновь был проведен набор девушек, на этот раз в Войска ПВО. В июле 1943 г. было набрано 450 девушек, которые после обучения были направлены в 1568-й (Архангельск) и 1569-й (Гомель) зенитно-

артиллерийские полки. К 1 мая 1943 г. в списке военнообязанных значилось 3 810 чел., включая 1 210 военнообязанных в возрасте 51–55 лет и 1 033 забронированных. Кроме того, готовился призыв 2 826 новобранцев 1926 г.р. [28]. 2 июля 1943 г. Калмыкия вошла в состав восстановленного СталВО, а после его расформирования 15 октября 1943 г. – в состав СКВО.

13 октября 1943 г. ГКО выпустило постановление № 4322сс об отправке на фронт из тыловых частей 195 тыс. чел., а также о призыве юношей 1926 г.р. В Калмыкии из 1 855 призывников, находившихся на учете, было мобилизовано 1 742 (в том числе 85 годных к нестроевой) [29]. На призывной пункт по неизвестной причине не явился 1 чел., находились в море 38 рыбаков, были сняты с учета или получили отсрочку по болезни – 32, получили отсрочку из-за *«невозмужалости»* – 36, не призвано *«по политико-моральным соображениям»* и *«национальному признаку»* – 6 [30]. В военкоматах начался учет допризывников 1927 г.р., но в декабре 1943 г. Калмыцкая АССР была ликвидирована.

Примечания:

1. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 59. Л. 4–5.
2. Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М., 2010. С. 70.
3. НАРК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 616. Л. 63.
4. Рябышев Д.И. Первый год войны. М., 1967. С. 127.
5. Илишкин Н.У., Оглаев Ю.О. Родина помнит. Элиста, 1988. С. 118–119.
6. НАРК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1020. Л. 57–62.
7. Там же. Д. 1018. Л. 6.
8. Постановление № ГКО-675с от 15 сентября 1941 г. «О призыве военнообязанных, пользующихся отсрочками по мобилизации, и граждан 1922 года рождения». URL: <http://www.soldat.ru/doc/gko/text/0675.html>.
9. Калмыкия в годы Великой Отечественной войны. Элиста, 2005. С. 70.
10. Максимов К.Н. Указ. соч. С. 74.
11. НАРК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1018. Л. 5.
12. Там же. Д. 1122. Л. 21.
13. Максимов К.Н. Указ. соч. С. 71.
14. НАРК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1122. Л. 10.
15. Там же. Д. 1123. Л. 1.
16. Максимов К.Н. Указ. соч. С. 88.
17. Калмыкия в Великой Отечественной войне: документы и материалы. 3-е изд. Элиста, 2005.
18. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 56. Оп. 12216. Д. 3. Л. 2.
19. Постановление № ГОКО-1703сс от 5 мая 1942 г. «О мобилизации девушек-комсомолок и некомсомолок добровольцев в Военно-Морской флот». URL: <http://www.soldat.ru/doc/gko/text/1703.html>.
20. Максимов К.Н. Указ. соч. С. 88.

21. НАРК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 743. Л. 100.
22. Постановление № ГОКО-2100сс от 26 июля 1942 г. URL: <http://www.soldat.ru/doc/gko/text/2100.html>.
23. НАРК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 743. Л. 100.
24. Максимов К.Н. Указ. соч. С. 345.
25. НАРК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 853. Л. 33.
26. Постановление № ГОКО-2640 от 20 декабря 1942 г. «Об обеспечении людскими ресурсами нужд Красной Армии». URL: <http://www.soldat.ru/doc/gko/text/2640.html>.
27. ЦАМО РФ. Ф. 56. Оп. 12216. Д. 5. Л. 139.
28. НАРК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 853. Л. 32, 58.
29. ЦАМО РФ. Ф. 56. Оп. 12216. Д. 30. Л. 12.
30. Максимов К.Н. Указ. соч. С. 317.

К.Н. Максимов

КАЛМЫКИ-ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В истории Калмыкии периода Великой Отечественной войны пробелом, оказавшимся результатом длительного табу, до сих пор остается вопрос о военнопленных уроженцах республики. Эта тема – одна из самых драматичных страниц истории Калмыкии не только военного времени, но и всего ее последующего периода, ибо судьбы нескольких тысяч военнопленных – уроженцев Калмыкии остаются неизвестны. Их родственники, по стереотипам, сложившимся со времен принятия сталинских приказов о военнопленных как предателях, никак не могут преодолеть синдром страха, осознанно или неосознанно не предоставляя информации об этой категории военнослужащих. Например, в «Книгу памяти» Яшкульского района Республики Калмыкия, составленную в 2010 г., по неполным данным, включены 1353 фамилии участников Великой Отечественной войны. Из них безвозвратные потери составили 730 чел. (54 %), в том числе погибшие – 309 чел., без вести пропавшие – 418 чел., попавшие в плен – всего 3 чел.

В имеющейся зарубежной и отечественной историографии большей частью акцентируется внимание на общем количестве советских военнослужащих, попавших в плен, погибших и выживших в фашистских концлагерях, на том, в каких условиях они содержались и как использовались нацистами. В зарубежной историографии, особенно в трудах немецких историков, теме советских военнопленных пристальное внимание стало уделяться с 1960-х гг. С этого времени появились основательные труды Ш. Датнера, К. Штрайта, У. Ширера, Р.-Д. Мюллера и других авторов [1].

В отечественной историографии вопросы плена советских военнослужащих длительное время не освещались. Завеса тайн над этой темой стала открываться лишь в начале 1990-х гг. Первые публикации появились в «Военно-историческом журнале». Общим людским потерям, понесенным СССР в годы Великой Отечественной войны, в том числе и попавшим в плен, было посвящено специальное исследование военных историков под редакцией Г.Ф. Кривошеева. О трагедии плена говорится и в других работах [2]. В последние десятилетия в связи с открытием доступа к ранее секретным фондам архивов само количество исторических исследований о советских военнопленных существенно возрастает. Особый интерес историки проявляют к проблеме сотрудничества военнопленных с фашистами. На основе дополнительных источников приводятся новые данные о людских потерях, в том числе и погибшим в фашистских концлагерях [3]. Используется комплексный подход к изучению трагических судеб советских военнопленных в 1941–1945 гг. [4].

В зарубежной и отечественной историографии до сих пор ведутся дискуссии о количестве людских потерь СССР в Великой Отечественной войне. По подсчетам авторов новейшего справочного издания, безвозвратные потери списочного состава военнослужащих составили 8 668 400 чел. (в том числе пропало без вести и попало в плен 4 559 000 чел.). По данным Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий, в плену оказались 4 069 600 солдат и офицеров Красной армии. По сведениям немецкого историка К. Штрайта, общее число советских военнослужащих, оказавшихся в плену у немцев, составляло 5 734 528 чел. Профессор Рурского университета Б. Бонвеч указывает на две официальные цифры, свидетельствующие о количестве советских военнопленных в Германии – 5 246 тыс. чел. по данным Главного командования сухопутных войск и 5 744 тыс. чел. по данным военной разведки. Он отмечает, что официальных данных по числу погибших в немецких лагерях не существует [5].

В 28 крупных концлагерях (всего их было более 100) 17 (из 21) военных округов Германии на 1 ноября 1944 г., по данным английской разведки, находилось 784 395 советских военнопленных. Помимо этого, в Германии числилось 57 строительных рабочих батальонов, укомплектованных военнопленными [6]. В фашистских концлагерях, по данным К. Штрайта, погибли более 57,8 % советских военнопленных, или 3300 тыс. чел. По мнению Б. Бонвеча, не совсем известна судьба 2,8 млн чел. Согласно подсчетам отечественных исследователей, 2,5 млн советских военнопленных не дожили до освобождения. Действительно, архивные данные свидетельствуют о высокой смертности военнопленных в фашистских концлагерях. В концлагере г. Терезин к сентябрю 1942 г. находилось 5,7 тыс. военнопленных, к апрелю следующего года только в результате сыпного тифа умерли 2050 чел., осталось в живых всего 1,8 тыс. чел. В лагере Бельзен только в марте 1945 г. умерли 18 016 советских военнопленных, за 6 дней апреля – 3913 чел. Всего, по неполным

данным сводки № 45 Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР на 1 февраля 1946 г., количество выживших в фашистских концлагерях советских военнопленных составляло 2 016 480 чел. [7].

Авторы новейшего справочного издания масштабы потерь личного состава Красной армии в годы Великой Отечественной войны определили расчетным способом с помощью коэффициента пропорциональности (в процентах). На этой основе, используя учетно-статистический метод, они вывели количественные данные о потерях по тем или иным признакам (хронологическому, локальному, демографическому и т.д.). Поэтому получили сведения о безвозвратных потерях личного состава РККА по национальностям, взяв среднегодовой расчетный показатель погибших в бою и умерших от ран в госпиталях в процентах – 17,5 % за всю войну. В связи с этим безвозвратные потери калмыков в годы Великой Отечественной войны, по их расчетам, составили 4 тыс. чел. [8].

Между тем уроженцы Калмыкии, служившие в основном в стрелковых, кавалерийских соединениях и частях, воевали и гибли в самые трудные времена (в военно-стратегическом отношении) Великой Отечественной войны (с 22 июня 1941 г. по 18 ноября 1942 г. и с 19 ноября 1942 по 31 декабря 1943 г.). В эти периоды процент погибших солдат и офицеров в боях и скончавшихся от полученных ран в госпиталях составлял в среднем до 23,3 % в год (19,6 % + 3,7 %), а общие людские потери достигли 19 700 700 чел. (67,7 %), из них безвозвратные – 8 708 400 чел. (44,2 %), санитарные – 10 992 300 чел. (55,8 %) [9].

За этот период войны из находившихся на действительной службе и призванных на фронт 43 210 уроженцев Калмыкии общие потери составили 27 741 чел. (64,2 %), из них безвозвратные – 18 038 чел. (65 %), санитарные – 9703 чел. (35 %). Погибли в боях и умерли в госпиталях от ран и болезней 7018 чел. (38,9 % от безвозвратных), попали в плен и пропали без вести 11 020 чел. (61,1 %) уроженцев Калмыкии. Ныне в обобщенном компьютерном банке данных, составленных на основании материалов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ), в числе безвозвратных потерь указаны лишь 8 108 фамилии (93 повторяются, т.е. 8015) уроженцев Калмыцкой АССР, призванных в 1941–1943 гг. В данном списке, по моим подсчетам, погибших уроженцев Калмыкии – 3473 чел. (43,3 %), пропавших без вести – 3758 чел. (46,9 %), попавших в плен – 784 чел. (9,8 %), из них умерли в фашистских концлагерях 125 чел. [10].

В документальном сборнике, изданном в 1995 г., на основании различных источников опубликованы 1812 фамилии, имена и отчества уроженцев Калмыцкой АССР, погибших, умерших от ран, без вести пропавших и попавших в плен в годы Великой Отечественной войны. В этом сборнике, по моим подсчетам, фамилии, имена и отчества 404 чел. совпадают с электронной информацией ЦАМО РФ. Таким образом, исследователи ныне располагают сведениями о 9423 (54,5 % от реальных безвозвратных) уроженцах Калмыкии,

оказавшихся в числе безвозвратных потерь в Великой Отечественной войне. По моим подсчетам, из 9423 чел. безвозвратных потерь: 4115 чел. погибли, 4455 чел. пропали без вести, в плен попали всего лишь 853 чел. Эти опубликованные данные явно не отражают реальную картину безвозвратных потерь уроженцев Калмыкии, особенно вызывает сомнение последняя цифра, ибо общее число уроженцев Калмыкии, попавших в плен и пропавших без вести, как выше указано, составляло 11 020 чел. При анализе данных о безвозвратных потерях следует иметь в виду не только сохранившийся синдром страха у родственников за попавшего в плен, но и особенности отчетов командования воинских частей о потерях личного состава. Скрывая количество попавших в плен, они увеличивали в безвозвратных потерях численность без вести пропавших.

Всего участвовало в Великой Отечественной войне 25 747 калмыков (19,1 % всей численности калмыков СССР), в том числе из Калмыцкой АССР 21 219 чел., из других краев и областей 4618 чел. На войне погибли и умерли в госпиталях 6204 калмыка, попали в плен и пропали без вести в основном в 1941–1942 гг. 8248 чел., т.е. безвозвратные потери к концу войны составили 14 452 чел. (56,1 %). Судя по указанной дате в сведениях о каждом военнослужащем, оказавшемся в числе безвозвратных потерь, значительное количество уроженцев Калмыкии погибли, пропали без вести и попали в плен в мае 1942 г. Военнослужащих Калмыкии постигла в мае трагедия, по всей вероятности, в результате тяжелого поражения Крымского фронта, окружения противником наших войск в барвенковском выступе, 6-й и 57-й армий и группы генерала Л.В. Бобкина, провала Харьковской наступательной операции Юго-Западного и Южного фронтов.

В ходе победоносного завершения Великой Отечественной войны последовало массовое освобождение советских военнопленных из фашистских концлагерей. Советская сторона начала готовиться к приему своих военнопленных. 18 января 1945 г. начальник тыла Красной армии генерал армии А.В. Хрулев и Уполномоченный СНК СССР по делам репатриации генерал-полковник Ф.И. Голиков разослали военным советам фронтов и военных округов директиву, определявшую порядок возвращения бывших военнопленных и гражданских лиц, освобожденных советскими войсками. Находившиеся в плену военнослужащие РККА рядового и сержантского состава направлялись в специальные армейские проверочные пункты, после чего в установленном порядке следовали в армейские и фронтовые запасные части (позднее, согласно инструкции, калмыков распределяли в спецкомендатуру Новосибирской области). Офицерский состав, а также все, служившие в немецкой армии и строевых немецких формированиях «власовцы», полицейские и другие лица, вызывавшие подозрения – в спецлагеря НКВД СССР. Гражданское население – во фронтовые специальные проверочные пункты и пограничные проверочно-фильтрационные пункты НКВД. Мужчин призывного возраста после проверки направляли в запасные части

фронтовых военных округов, остальных – к месту жительства (с запретом направления в Москву, Ленинград, Киев); жителей приграничных областей – в проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ) НКВД; детей-сирот – в детские учреждения наркоматов просвещения и здравоохранения союзных республик [11].

Военные советы фронтов, согласно решению Государственного комитета обороны СССР от 11 мая 1945 г., сформировали в тыловых районах 90 лагерей по 10 тыс. чел. каждый. 2-й Белорусский фронт в январе – мае 1945 г. освободил из фашистских концлагерей 97 176 советских военнопленных, в том числе 159 калмыков (6 офицеров, 25 сержантов, 128 рядовых). В числе освобожденных из плена советских военнослужащих войсками трех Белорусских фронтов в марте – мае 1945 г. были 12 офицеров, 57 сержантов, 320 рядовых калмыцкой национальности. Среди освобожденных войсками четырех Украинских фронтов в феврале – мае того же года находились 33 офицера, 37 сержантов, 2241 рядовой калмык [12]. К началу мая 1945 г. из фашистских концлагерей были освобождены и помещены в советские проверочно-фильтрационные лагеря 3779 военнопленных калмыков – 144 офицеров, в том числе 21 чел. политического состава, 537 сержантов и 3098 рядовых.

По директиве ГКО и НКВД СССР все, без исключения, военнослужащие, находившиеся свыше трех часов в окружении противника, в плену, подлежали проверке в особых отделах фильтрационных лагерей. ПФЛ, вспоминал офицер В.И. Баранов, бывший военнопленный, проходивший фильтрацию, были огорожены колючей проволокой, проверяемые содержались как заключенные, снабжались по низким нормам питания, направлялись на трудные работы. Охрану лагерей нес личный состав кадровых дивизий НКВД СССР [13]. 1 декабря 1945 г. в ПФЛ НКВД СССР находились: на 4 шахтах Ростовской области (ПФЛ № 048) – 2251 чел., на шахтах Московской области (ПФЛ № 174) – 8602 чел., Молотовской (в настоящее время – Пермской) области (ПФЛ № 0302) – 16 692 чел., Тульской области (ПФЛ № 0308) – 6179 чел., г. Прокопьевска (ПФЛ № 0315) – 17 688 чел., бокситовых рудниках Североуральска (ПФЛ № 0305) – 2296 чел., в системе «Беломорстроя» (ПФЛ № 0313) – 10361 чел. и т.д. [14]. В течение 1945 г. через ПФЛ прошли 278 699 военнопленных, из них отправили в народное хозяйство 140 600 чел., в запасные дивизии – 9637 чел., в рабочие батальоны – 40 036 чел., к месту жительства – 21 471 чел., в спецлагеря – 30447 чел., арестовали 8728 чел., умерли 8210 чел., бежали 1032 чел. [15].

В период прохождения фильтрации до 1 декабря 1945 г. 9 офицеров и 15 сержантов умерли, а число рядовых калмыков увеличилось на 530 чел. (нет сведений об умерших) при уточнении с данными ПФЛ фронтов. К этому времени фильтрацию успели пройти 7 офицеров, 138 сержантов и 1215 рядовых калмыков-военнопленных. По данным на 1 марта 1946 г. Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, в числе репатрииро-

ванных 1 263 101 советского военнопленного значилось 4303 калмыка (135 офицеров, 523 сержантов и 3645 рядовых). С учетом умерших в ПФЛ 24 чел., всего из фашистских концлагерей были освобождены 4327 военнопленных-калмыков [16]. Следовательно, с вычетом вернувшихся из военного плена и с учетом умерших в Широкалге НКВД СССР, безвозвратные потери воинов-калмыков за годы Великой Отечественной войны составили почти 11 тыс. чел. (41,5 % от общего числа призванных на фронт, а в целом по РККА – 38,1 %). Однако из репатриированных в СССР военнопленных калмыков многие не вернулись к семьям из ПФЛ. В январе 1949 г. на учете в спецпоселении находились вместе с семьями 1531 бывший военнопленный калмык [17].

В соответствии с постановлением ГКО № 9871 с от 18 августа 1945 г. «О направлении на работу в промышленность военнослужащих Красной Армии, освобожденных из немецкого плена, и репатриантов призывного возраста» советские военнопленные фактически были приравнены к изменникам родины, т.е. к лицам, перешедшим во время Великой Отечественной войны на сторону врага и служившим в фашистской армии, в «Русской освободительной армии» и «национальных легионах». Бывших военнопленных свели в рабочие батальоны и вместе с предателями отправили на 6 лет на спецпоселения [18]. Во исполнение указанного постановления ГКО всю эту категорию лиц решениями СНК СССР от 21 декабря 1945 г. и Совета Министров СССР от 29 марта 1946 г. передали из НКВД СССР Наркомату угольной промышленности и Министерству черной металлургии СССР в качестве постоянных кадров их предприятий, расположенных в Сибири и на Урале. С завершением работы фильтрационные комиссии по проверке репатриантов, согласно приказу Министерства внутренних дел и Министерства государственной безопасности СССР № 001113/00536 от 9 декабря 1946 г. с 1 февраля 1947 г. были упразднены [19].

Согласно постановлению Совета Министров СССР № 3857–1763 сс от 7 марта 1951 г., указанные спецпоселенцы по отбытии 6-летнего срока подлежали освобождению, за исключением (по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1951 г.) представителей народов, выселенных на спецпоселение навечно. Однако через год Совет Министров СССР (постановление № 1206–394 сс от 5 марта 1952 г.) изменил свое предыдущее постановление № 3857–1763 сс. Он решил оставить и закрепить на три года спецпоселенцев из числа бывших военнослужащих, попавших во время войны в плен и служивших в немецкой армии, в специальных формированиях, «власовцев», работавших на предприятиях и стройках МВД СССР, а также министерств угольной и нефтяной промышленности в Сахалинской области. Но они получили статус вольнонаемных с льготами и преимуществами, установленными для рабочих и служащих предприятий истроек МВД СССР, министерств угольной и нефтяной промышленности. Им разрешалось вызывать членов своих семей. Фактически они остались в состоянии спецпоселенцев. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1951 г., распространивший

на них действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны», по-прежнему сохранялся. В случае самовольного ухода с указанных предприятий они привлекались к судебной ответственности [20].

ЦК КПСС и Совет Министров СССР в совместном постановлении № 898–490 с от 29 июня 1956 г. «Об устранении грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей» справедливо отмечали, что *«советские воины в Великой Отечественной войне героически сражались с фашистскими захватчиками, честно и самоотверженно выполнили свой долг перед Родиной. Однако в силу тяжелой обстановки, сложившейся в первый период войны, значительное количество советских военнослужащих, находясь в окружении и исчерпав все возможности к сопротивлению, оказались в плену у противника... Советские воины, оказавшись в плену, сохранили верность Родине, вели себя мужественно и стойко переносили тяготы плена и издевательства гитлеровцев»*. Все это в полной мере относится и к оказавшимся в плену калмыкам в годы Великой Отечественной войны, умершим, а также выжившим в фашистских концлагерях 4327 солдатам, сержантам и офицерам. Однако в полном объеме права бывших военнопленных и репатриированных гражданских лиц были восстановлены лишь с принятием 24 января 1995 г. Указа Президента Российской Федерации «О восстановлении законных прав российских граждан – бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период».

Примечания:

1. Датнер Ш. Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во Второй мировой войне. М., 1963; Штрайт К. «Они нам не товарищи ...»: Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / Пер. с нем. М., 2009; Ширер У. Взлет и падение Третьего Рейха: в 2 т. Т. 2. М., 2010; Мюллер Р.-Д. На стороне вермахта. Иностранные пособники Гитлера во время «крестового похода против большевизма» 1940–1945 гг. М., 2012 и др.
2. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993; Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. Народ и война. М., 1999. С. 168–204 и др.
3. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000; Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. М., 2004; Смыслов О.С. Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. М., 2006; Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2009 и др.

4. Смыслов О.С. Плен. Жизнь и смерть в немецких лагерях. М., 2009; Дембицкий Н.П. Судьба пленных // Война и общество, 1941–1945. В 2 кн. Кн. 2. М., 2004; Вторая мировая война: Взгляд из Германии. Сб. статей М., 2005; Война на уничтожение: Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы. Материалы междунаро. науч. конф. (Москва, 26–28 апреля 2010 года). М., 2010 и др.
5. Великая Отечественная без грифа секретности ... С. 50–51; Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. Народ и война. С. 172; Штрайт К. Указ. соч. С. 8; Бонвеч Б. Советские военнопленные между Сталиным и Гитлером // Война на уничтожение: Нацистская политика ... С. 121.
6. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 85. Л. 121.
7. Там же. Д. 933. Л. 60. Д. 284. Л. 117, 241. Д. 285. Л. 166.
8. Штрайт К. Указ. соч. С. 8; Бонвеч Б. Указ. соч. С. 122; Великая Отечественная без грифа секретности... С. 52, 376.
9. Великая Отечественная без грифа секретности... С. 24, 37, 71.
10. Память – Санл. Документальное издание. Т. 4. Элиста, 2010.
11. ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 4а. Д. 7. Л. 31.
12. Там же. Оп. 6. Д. 130. Л. 25, 30, 64, 89. Д. 126, 128, 129, 131, 132, 133.
13. Баранов В.И. Смерш: Будни фронтового контрразведчика. М., 2008. С. 100–103.
14. ГАРФ. Ф. Р-9408. Оп. 1. Д. 17. Л. 34, 40, 48, 49, 51, 52, 56, 57, 59.
15. Там же. Д. 23. Л. 45.
16. Там же. Оп. 6. Д. 284. Л. 43, 52, 236.
17. Там же. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 489. Л. 5.
18. Там же. Д. 372. Л. 106–107, 126.
19. Там же. Л. 107–108.
20. Там же. Л. 83–85.

И.В. Киселев

Словацкая моторизованная дивизия в боях на Кубани (август 1942 г. – февраль 1943 г.)

24 июля 1942 г. войска немецкой группы армий «А» захватили Ростов-на-Дону, началась битва за Кавказ. В числе соединений противника, отличившихся при взятии города и захвате плацдармов на южном берегу реки Дон, оказалась и 1-я пехотная (моторизованная) дивизия словацкой армии, часто именуемая «Быстрой дивизией» [1]. Это соединение возникло в августе 1941 г. в ходе реорганизации словацких войск после первых боев на советско-германском фронте. В состав дивизии вошли 20-й и 21-й пехотные и 11-й артиллерийский полки, 11-й разведывательный, 12-й танковый и 11-й

зенитно-артиллерийский батальоны, части обеспечения, штатная численность которых составляла около 9 тыс. чел. [2]. На вооружении словаков находилась техника и снаряжение чехословацкой армии, отличавшаяся своим качеством, а также немецкая артиллерия и трофейный советский транспорт. Немалым был и боевой опыт – ко времени вступления на Кубань за плечами «Быстрой дивизией» были бои на Украине, в том числе в районе Уманского котла и на Миус-фронте. Ее командиром с 25 апреля 1942 г. являлся генерал Йозеф Туранец, считавшийся идейным сторонником словацкого национализма [3].

Словацкая дивизия завершила переправу через реку Дон 30 июля 1942 г. Ее задачей стало прикрытие правого фланга и тыла моторизованной дивизии СС «Викинг», действовавшей в составе 1-й танковой армии и вырвавшейся далеко вперед. К этому времени силы армии уже прорвали оборону войск Северо-Кавказского фронта и последние стремительно откатывались на юг. Поэтому серьезного сопротивления на своем пути словаки не встретили – разрозненные группы красноармейцев и редкие налеты советской авиации казались лишь незначительной помехой наступающим. 2 августа передовые части «Быстрой дивизии» вступили в село Белая Глина, а сутки спустя миновали станицу Новопокровскую и вышли к окраинам Кропоткина. Здесь наступающий противник столкнулся с сопротивлением ослабленных войск 12-й советской армии, сломить которое удалось к вечеру 4 августа совместными усилиями словаков, эсесовцев из дивизии «Викинг» и егерей 101-й дивизии. В районе Кропоткина словацкие солдаты взяли около 500 пленных, захватили склады со стрелковым вооружением и бензином, а также несколько артиллерийских орудий, автомашин и тракторов. «Сражение за Кропоткин» стало самым крупным успехом словацких войск на Кубани.

После подхода отставших тылов и окончательного вытеснения советских подразделений с правого берега реки Кубань, словацкая моторизованная дивизия переправилась через нее и 9 августа оказалась севернее станицы Темиргоевской. Продолжая двигаться вслед за частями дивизии «Викинг», словаки без каких-либо затруднений форсировали реку Лаба и вступили в станицу Белореченскую. Только 13 августа при переправе через реку Белая словацкий авангард столкнулся с отступающими подразделениями 12-й советской армии. Следующей задачей для «Быстрой дивизии» стало обеспечение стыка 198-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса и моторизованной дивизии СС «Викинг» 57-го танкового корпуса (в середине августа ее сменила 101-я егерская дивизия 44-го армейского корпуса). Ведя наступление в районе станиц Имеретинская – Черноморская, словацкие подразделения встретили нараставшее сопротивление 353-й стрелковой дивизии и 68-й морской бригады. А в районе станиц Кутаисская – Абхазская части Красной армии вели уже активные оборонительные действия, сопровождавшиеся контратаками [4].

К концу августа «Быстрая дивизия сумела закрепиться на позициях северо-западнее и севернее селения Кутаис, где окончательно втянулась в позиционные бои с 395-й стрелковой дивизией и 68-й морской стрелковой

бригадой. Последние опирались на подготовленную оборону в горно-лесной местности, поэтому дальнейшие попытки словаков продвинуться вперед успеха не имели. Не помогли ни поддержка немецкой артиллерии и авиации, ни действия соседних соединений вермахта.

С этого времени словацкие позиции уже не представляли собой сплошной линии фронта. Между батальонами 20-го и 21-го пехотных полков появились разрывы, через которые в их тыл стали проникать диверсионно-разведывательные группы красноармейцев и партизан [5]. Их активные действия в конце августа – начале сентября 1942 г. вынудили словаков уже-сточить режим в своем тылу, прибегнуть к показательным казням тех, кто оказался захвачен в плен во время диверсий. При этом различий между воен-нослужащими Красной армии и партизанами не делалось. Затруднения иного рода создавали словакам пересеченная местность и неразвитая дорожная сеть. Все это мешало снабжению передовых частей боеприпасами и снаряжением, эвакуации раненых и восполнение потерь. К тому же словацкие солдаты ока-зались чувствительны к длительному пребыванию на фронте и все больше надеялись на свою замену свежими силами с родины.

Тем не менее, после включения в состав дивизии 31-го гаубичного артил-лерийского полка словацкая моторизованная дивизия приняла участие в новом немецком наступлении. Накануне его, 23 сентября 1942 г. ее очеред-ным командиром стал полковник Штефан Юрех. А уже 24 сентября, при под-держке артиллерии и авиации, силы 20-го и 21-го пехотных полков словаков вместе с подразделениями 198-й пехотной дивизии немцев атаковали позиции 395-й стрелковой дивизии. Они были оборудованы полевыми укреплениями, прикрыты артиллерийским и минометным огнем, проволочными и минными заграждениями. Тем не менее, после нескольких дней тяжелых боев против-ник сумел прорвать советскую оборону на хребте Котх и проникнуть в долину реки Хатыпс. Дальнейшее продвижение немцев и словаков натолкнулось на массированные контратаки советских войск, получивших подкрепления [6].

14 октября словаки вновь перешли в наступление силами группы под-полковника Микуласа Маркуса в составе двух батальонов пехоты, усиленных саперами, противотанковыми и зенитными орудиями. Нанеся удар на стыке 395-й стрелковой дивизии и 68-й стрелковой бригады, группа Маркуса сумела закрепиться возле села Хатыпс. Наметившийся прорыв противника вынудил советские войска оставить нефтепромыслы в районе Кура-Цеце и отступить на юг. Но советские контратаки вновь не позволили противнику развить успех. В довершение всего, в середине октября 1942 г. резко ухудшилась погода, выпал первый снег, дороги стали совершенно непроходимы. Вместо продол-жения наступления на Туапсе немцам пришлось заняться перегруппировкой сил. «Быстрая дивизия» получила участок фронта вдоль реки Псекупс от села Фанагорийского до горы Кочканова, по соседству с частями 125-й и 198-й пехотных дивизий вермахта [7]. В последние дни октября здесь развернулись позиционные бои словаков и 30-й стрелковой дивизией, которые с перемен-

ным успехом продолжались до конца 1942 г. Проверкой на прочность стало для обеих сторон наводнение в Псекупской долине 30–31 ноября. Именно в этот период начались первые переговоры советских командиров с отдельными словацкими солдатами и офицерами. Рост антивоенных настроений среди последних продолжался. Даже командир словацкой дивизии Штефан Юрех не скрывал своих антифашистских взглядов и высказывал сомнения в необходимости участия своих соотечественников в борьбе с СССР.

Однако массовых случаев перехода словаков на сторону Красной армии в 1942 г. не наблюдалось. Напротив, словацкие части не раз имели дело с советскими перебежчиками, несколько десятков которых оказались на службе в тыловых частях «Быстрой дивизии». Отношения между ними и словацкими солдатами оказались достаточно дружественными – сказывалось родство языков. Вполне миролюбиво (по крайней мере, поначалу), относились к словакам жители станиц, сел и аулов Краснодарского края и Адыгейской автономной области. Командование дивизии старалось поддерживать эту лояльность, пресекая мародерство и не допуская репрессий в отношении населения.

Изменение обстановки на Северном Кавказе в начале 1943 г. стало серьезным испытанием для словацкой моторизованной дивизии. Командование Закавказского фронта и Черноморской группы войск, получив директиву Ставки ВГК о проведении операции «Горы», 16 января развернуло наступление силами 56-й армии западнее Горячего Ключа [8]. Сняв оборону 9-й кавалерийской дивизии румын, ударная группа советских войск за трое суток преодолела половину расстояния до Краснодара и реки Кубань, создав угрозу для устойчивости обороны 17-й армии немцев. В ответ противник спешно стянул к месту прорыва все имевшиеся под рукой резервы, сформировал из них ударные группы и стал контратаковать на флангах наступающей советской группировки. Одна такая группа, собранная из подразделений 125-й пехотной дивизии немцев и моторизованной дивизии словаков, вступила в бой с частями 32-й и 55-й гвардейских стрелковых дивизий в районе станиц Пензенской и Саратовской 18 января 1943 г. Контрудары противника задержали наступление 56-й армии на краснодарском направлении до начала февраля [9]. Но словакам дорого обошлись эти бои. Участвовавшие в них батальон 20-го пехотного полка, дивизион 11-го артиллерийского полка, танковая и саперная роты попали в окружение в районе станицы Пензенской. От уничтожения их спасли лишь действия частей 125-й немецкой пехотной дивизии, но основная масса словацкой техники оказалась потеряна. К тому же войска вплотную приблизились к шоссе Горячий Ключ – Краснодар, единственной тыловой коммуникации «Быстрой дивизии».

Между тем, основные силы дивизии оставались на реке Псекупс, юго-восточнее Горячего Ключа. Угроза их окружения вместе с частями 44-го армейского корпуса заставила немцев начать отступление и на этом рубеже. К тому же, их командование не без основания опасалось прекращения сопротивления словаков и даже их перехода на сторону советских войск.

О последнем задумывались и в штабе «Быстрой дивизии», но реализовать свои намерения то ли не решились, то ли не сумели. Вечером 26 января части дивизии оставили передний край и устремились на север, вдоль берега реки Псекупс. Поначалу отход словацких частей шел без особых помех. Но, по мере приближения к Краснодару, боевой дух «Быстрой дивизии» стал катастрофически снижаться. Все меньше доверяя своим союзникам, немцы стали отбирать у них автомашины и артиллерию. Часть оружия и транспорта словаки бросили или уничтожили сами [10].

К 1 февраля 1943 г. «Быстрая дивизия» заняла позиции на правом берегу реки Кубань между станицами Пашковская и Старокорсунская. Но ее боеспособность оказалась настолько низкой, что командование 17-й немецкой армии поспешило избавиться от союзника, пока тот окончательно не превратился во врага. Словацкие части были введены в тыл и 4 февраля расположились в районе станиц Ивановская и Новомышастовская. Оттуда они стали отправляться в Крым. Три четверти личного состава дивизии вывезла немецкая транспортная авиация, одна четверть и остатки техники эвакуировались морем через Керченский пролив.

К 12 февраля все подразделения некогда «быстрой» дивизии покинули Кубань. Местом их сосредоточения и переформирования стал Крым. Впрочем, многие словацкие военнослужащие не последовали за своими частями. Уже в январе 1943 г. были отмечены случаи их перехода на сторону советских войск. Последующее отступление дивизии от Горячего Ключа до Ивановской сопровождалось дезертирством словацких солдат и младших командиров. Нередко они пряталась у местного населения, дожидаясь прихода Красной армии. Вот как об этом записал в своем дневнике военный журналист К.М. Симонов: *«Жители удостоверяют, что словаки действительно прятались у них от немцев, что немцы расстреливали тех, кто прятался, собираясь сдаться русским. Говорят, что сами словаки просили поскорей привести кого-нибудь из русских солдат на квартиру, чтобы там сдаться им в плен»* [11].

Итак, в 1942 г. словацкая моторизованная дивизия прошла по Кубани путь большинства соединений противника: стремительное наступление в августе, втягивание в изнурительные и малорезультативные бои за предгорья Кавказа в сентябре-октября и позиционная борьба в ноябре-декабре. За это время «Быстрая дивизия» потеряла в боях на Кубани около 500 чел. убитыми и ранеными, хотя советская разведка оценила их в 2,5 тыс. офицеров и солдат [12]. При этом ее численность не только не сократилась, но, и напротив, возросла. Благодаря прибытию маршевых пополнений и приданию новых частей, к 14 ноября дивизия насчитывала более 9 тыс. чел. Все это время «славянские союзники фюрера» вполне справлялись с поставленными перед ними тактическими задачами. Оценкой действий словацкой дивизии немецким командованием стало награждение в августе 1942 г. Й. Туранца Рыцарским крестом. Помимо него Железные кресты осенью 1942 г. получили 13 офицеров, два унтер-офицера и 11 солдат дивизии.

Но с начала 1943 г. положение в словацких подразделениях на Кубани стало меняться. В течение месяца недавно боеспособное соединение просто разложилось, его солдаты и офицеры не скрывали свое желание прекратить участие в войне на стороне Третьего Рейха. Таких метаморфоз не произошло на Кавказе даже с румынскими войсками, о невысоких боевых качествах которых часто приходится слышать. В итоге, к 19 марта 1943 г. в дивизии насчитывалось 6627 солдат и офицеров. На их вооружении находилось 5,5 тыс. единиц стрелкового оружия, 31 артиллерийское орудие и миномет, и лишь один танк.

Стало ли все это следствием неудач немцев на юге России или сказалось длительное пребывание «Быстрой дивизии» на передовой – сказать однозначно нельзя. Возможно, сыграли свою роль симпатии словаков к России, но не стоит их преувеличивать: человеческое отношение к гражданскому населению и военнопленным вполне сочеталось у них с активным участием в «Крестовом походе» против большевизма. Поэтому участие словацкой моторизованной дивизии в битве за Кавказ, как и присутствие словацких войск на советско-германском фронте в целом, требует дальнейшего изучения. Существенным и едва ли не единственным исследованием этой проблемы на русском языке стала диссертация П. Шмидта. Гораздо шире данная тема представлена в новейших трудах словацких исследователей. Но они, как и источники словацкого происхождения, практически не изучались в России.

Примечания:

1. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть. 1942–1943 гг. М., 2005. С. 30.
2. Rychla divize [1941–1943]. URL: <http://forum.valka.cz/viewtopic.php/t/39223>.
3. Klimen K., Naklad B. Slovenska Armada. 1939–1945. Praha, 2003. S. 94–95.
4. Stbrany V. Boj o kotu 260. (Slovenska Rychla divizia na Kaukaze v auguste a septembri 1942.) // Slovenska republika 1939–1945 ocami mladych historikov II. Trnava, 2003. S. 236.
5. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. В 2 кн. Кн. 1. Краснодар, 2000. С. 498.
6. Пятигорский Э.И. История – это то, что было... Туапсе, 1992. С. 267.
7. Micianik P. Slovenska armada v tazeni proti Sovietskemu zväzu III (1941–1944). Rychla divizia. Banská Bystrica, 2009. S. 258.
8. Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). М., 1999. С. 256.
9. Гречко А.А. Битва за Кавказ. М., 1967. С. 258–259.
10. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. В 2 кн. Кн. 2. Ч. 1. Краснодар, 2005. С. 57.
11. Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. 1942–1945 годы. М., 2005. С. 190.
12. Шмидт П. История боевых действий частей Красной армии против словацких войск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 гг.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Курск, 2009. С. 19.

В.П. Трут

КУРСКАЯ БИТВА: ИЗВЕСТНЫЕ СОБЫТИЯ И НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ

Вторая мировая и ее центральная составляющая Великая Отечественная войны являются эпохальными событиями мировой и отечественной истории. Необходимо особо отметить, что общественно-политическая и научно-теоретическая актуальность проблематики этих войн возрастает по мере приближения 70-летнего юбилея их окончания. Данная тема, безусловно, станет одной из центральных в общественно-политических и научных дискуссиях на различных политических, научных, культурных и иных международных форумах в 2015 г.

В этом году отмечается 70-летие одного из основных событий Великой Отечественной и всей Второй мировой войны, ознаменовавшего собой окончание коренного перелома в войне – грандиозной Курской битвы. По своему значению, масштабам, силам и напряженности борьбы, по военному и политическому значению, она во многом не имеет себе равных не только в войне, но и в целом в истории.

Курская битва включала в себя Курскую стратегическую оборонительную операцию (5–23 июля 1943 г.), Орловскую стратегическую наступательную операцию «Кутузов» (12 июля – 18 августа 1943 г.), Белгородско-Харьковскую стратегическую наступательную операцию «Румянцев» (3–23 августа 1943 г.).

Немецкое военно-политическое руководство планировало нанести поражение советским войскам в районе Курского выступа и овладеть стратегической инициативой на всем советско-германском фронте. В оперативном приказе Верховного главнокомандования вермахта № 6, пописанном Гитлером 6 апреля 1943 г., говорилось: *«Я решил... провести операцию "Цитадель". Этой операции придается решающее значение. На направлении главных ударов должны быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов»* [1]. При успешном развитии данной операции приказ предусматривал развитие наступления на юго-восточном (на Ростов и Кавказ) или северо-восточном (на Москву) направлениях, а также переброску ударной группировки немцев в Италию для отражения высадки союзников [2].

По плану операции предусматривалось нанесение встречных ударов групп войск «Центр» и «Юг» из районов Орла и Харькова в общем направлении на Курск, с целью окружения и уничтожения советских войск Центрального и Воронежского фронтов на Курском выступе. Для этого немецким командованием были сосредоточены очень значительные силы – 56 дивизий, в том числе 16 танковых и моторизованных, что позволяло достичь огромной концентрации сил и средств на ограниченном участке фронта. На Курском выступе, протяженность которого составляла 14 % советско-германского фронта,

сосредотачивалось 20 % пехотных, 70 % танковых и 30 % моторизованных дивизий, 65 % авиации, дислоцированной на Восточном фронте. В общей сложности немецкая группировка в этом районе насчитывала 900 тыс. солдат и офицеров, 10 тыс. орудий и минометов, 2,7 тыс. танков и самоходных орудий, более 2 тыс. самолетов [3].

По плану советского командования вначале планировалась стратегическая оборона на заранее подготовленных рубежах. Многоэшелонированная оборона должна была максимально ослабить противника. Затем ожидался переход в общее стратегическое наступление. При этом войскам Центрального фронта под командованием генерала К.К. Рокоссовского должны были, отразив наступление группы армий «Центр» на орловском направлении, перейти в контрнаступление и занять Орёл. Армиям Воронежского фронта под командованием генерала Н.Ф. Ватутина предписывалось, отбив наступление группы армий «Юг» со стороны Белгорода, перейти в наступление на Харьков. В тылу Центрального и Воронежского фронтов сосредотачивался Степной фронт, являвшийся стратегическим резервом Ставки ВГК, войска которого должны были в случае необходимости ликвидировать возможные вражеские прорывы и, самое главное, стать основной ударной силой в советском контрнаступлении. Главная стратегическая ударная группировка врага на основном в то время участке советско-германского фронта должна была подвергнуться полному разгрому, что создавало необходимые условия для развития широкомасштабного наступления в направлении на Украину. Советская группировка насчитывала 1,9 млн солдат и офицеров, 26,5 тыс. орудий и минометов, почти 5 тыс. танков и самоходных орудий, 2,9 тыс. самолетов [4].

В ходе Курской стратегической оборонительной операции (5–23 июля 1943 г.), являвшейся первым этапом Курской битвы и включавшей в себя фронтовые оборонительные операции на орловско-курском и белгородско-курском направлениях, войска Воронежского, Центрального, а затем и Степного фронтов ценой больших усилий отразили наступление немецких ударных группировок и в ходе напряженных боев фактически их обескровили. По своему размаху и напряженности Курская стратегическая оборонительная операция стала одним из крупнейших сражений Второй мировой войны. Советские войска в ходе операции потеряли 177 847 солдат и офицеров, в том числе 70 330 чел. убитыми [5].

В период Орловской стратегической наступательной операции «Кутузов» (12 июля – 18 августа 1943 г.), включавшей в себя Болховско-Орловскую и Кромско-Орловскую фронтовые наступательные операции, советские войска нанесли серьезное поражение немецкой группе армий «Центр», освободили значительную территорию, в том числе г. Орёл, ликвидировали важный в стратегическом отношении орловский выступ противника. В результате этого вся ситуация на центральном участке советско-германского фронта сильно изменилась в пользу советских войск, возникли предпосылки для

последующего наступления в брянском направлении и в дальнейшем на Белоруссию. Советские войска в ходе этой операции потеряли 429 890 солдат и офицеров, в том числе 112 529 чел. составили безвозвратные потери [6].

В период Белгородско-Харьковской стратегической наступательной операции «Румянцев» (3–23 августа 1943 г.), явившейся завершающей операцией всей Курской битвы, войска Воронежского и Степного фронтов прорвали мощные оборонительные рубежи немецких войск на харьковском направлении, разгромили сильную белгородско-харьковскую группировку противника, освободили города Белгород и Харьков, создали условия для последующего наступления на Левобережную Украину. Потери советских войск в период данной операции составили 255 566 солдат и офицеров, в том числе 71 611 чел. убитыми [7].

Несмотря на значительную работу, проведенную исследователями по глубокому и обстоятельному изучению Курской битвы в целом, ее отдельных составных частей и различных важных событий, вплоть до настоящего времени многие аспекты данного эпохального сражения и его ключевые эпизоды продолжают оставаться не до конца выясненными, вызывая напряженные научные дискуссии. Примером в данном отношении может служить знаменитое Прохоровское сражение. Вышедшие в последнее время содержательные и всесторонние исследования по данному вопросу, в частности, работы В.Н. Замулина и Л.Н. Лопуховского [8], не только не сняли, а наоборот, обострили целый ряд дискуссионных вопросов данной темы [9]. Это красноречиво свидетельствует о сложности и многоаспектности исследуемой проблемы. В ходе содержательных и плодотворных научных дискуссий по целому ряду вопросов Курской битвы исследователи не обратили внимания на некоторые принципиально важные, по нашему мнению, аспекты.

Во-первых, располагая сведениями о значительном превосходстве советских войск в численности и основных видах вооружений, о наличии в районе операции «Цитадель» мощных, глубокоэшелонированных и отлично подготовленных в минно-фортификационном отношении советских оборонительных позиций, опытное немецкое командование не допустило и мысли о возможности отмены или хотя бы частичного изменения данной операции. По всей видимости, для этого у него имелись очень веские основания. Ставка при этом делалась на силу и невиданную до того времени военнотехническую мощь германских войск, особенно танковых частей, оснащенных самыми современными образцами техники. В этом плане достаточно провести всесторонний тактико-технический анализ участвовавших в сражении образцов советской и германской бронетехники, боевой подготовки и общей воинской выучки личного состава. В частности, 2-му танковому корпусу СС в составе элитных танковых дивизий «Дас Райх», «Мертвая голова», «Адольф Гитлер» и 4-й немецкой танковой армии, укомплектованных модернизированными танками Т-IV и не имевшими на тот период аналогов в советской армии танками Т-VI «Тигр», Т-V «Пантера», тяжелыми самоходными артил-

лерийскими установками «Фердинанд», первоначально именовавшимися «Тиграми Порше», противостояли советские танковые части, практически не имевшие в своем составе тяжелых танков. Так, например, в участвовавшей в танковом сражении под Прохоровкой советской 5-й гвардейской танковой армии имелось всего лишь 27 английских тяжелых танка МК-4 «Черчилль», 7 из которых находились в ремонте, 1 КВ, 11 СУ-152 и 20 СУ-122. В то же время 30 % ее состава вообще составляли легкие танки Т-70, практически непригодные для борьбы не только с тяжелыми, но и средними немецкими танками и предназначенные в основном для разведки, связи и борьбы с пехотой противника.

Под Курск немецкое командование направило действительно свои лучшие войска с лучшим командным составом. В битве применялись самые передовые элементы стратегического планирования армейских операций и тактические приемы. Например, на участках прорыва советской обороны концентрировалось большое количество бронетехники, причем самых современных конструкций, в качестве тарана использовались «Тигры», лобовую броню которых не могли пробивать советские танковые и даже противотанковые орудия, а за ними двигались волны средних танков и пехоты на бронетранспортёрах. Перед их наступлением на узком участке фронта противником концентрировал значительное количество пикирующей и бомбардировочной авиации, строившейся группами и начинавшей непрерывные бомбежки и штурмовки наземных целей. Советские солдаты прозвали этот вражеский тактический прием «чёртовым колесом». За некоторое время до окончания авианалета на передовые рубежи атаки выдвигались мощные бронетанковые силы, и не успевшим оправиться после мощной бомбежки советским солдатам приходилось буквально сразу же вступать в неравную схватку с танками противника. По многочисленным свидетельствам участников тех событий и с той, и с другой стороны, немцы под Курском наносили по позициям советских войск невиданные до этого по мощи таранные танковые удары, устоять перед которыми представлялось попросту невозможным.

Во-вторых, советским командованием планировалось измотать немецкие ударные части в оборонительных сражениях на Курской дуге, а затем не просто перейти в решительное крупномасштабное наступление, но окружить неприятельские ударные группировки и полностью их уничтожить. Соответствующие силы и средства для этого были подготовлены и развернуты (Степной фронт и части резерва Ставки ВГК). Почему же не удалось реализовать этот план? Ответ очевиден – никто просто не предполагал, что противнику удастся прорвать мощную глубокоэшелонированную оборону, как это произошло в действительности в полосе Воронежского фронта. Для ликвидации вражеского прорыва, создавшего непосредственную угрозу тыловой обороне фронта, Ставка ВГК направила сюда 5-ю гвардейскую общевойсковую и 5-ю гвардейскую танковые армии, изначально предназна-

чавшиеся для контрнаступления и стратегического окружения войск противника. Почему, несмотря на ввод в сражение двух резервных армий, а это более 100 тыс. солдат и офицеров, 700 танков и САУ, противник не был разгромлен? Эти армии в ходе ожесточенных боев понесли большие потери и ни о каком их использовании в качестве ударных сил по окружению войск противника не могло быть и речи. По воспоминаниям командующего 5-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенанта П.А. Ротмистрова: *«И.В. Сталин, когда узнал о наших потерях, пришел в ярость, ведь танковая армия по плану Ставки предназначалась для участия в контрнаступлении и была нацелена на Харьков. А тут – надо опять ее значительно пополнять. Верховный решил было снять меня с должности и чуть ли не отдать под суд»* [10].

В-третьих, в период Курской битвы были допущены ошибки командующим Воронежским фронтом генералом Н.Ф. Ватутиным при планировании и проведении оборонительного этапа операции.

В-четвертых, историки не обращали внимания на причины неудач советских контрнаступательных действий 8 и, особенно, 12 июля на Воронежском фронте, имевших серьезные негативные последствия для дальнейшего развития сражения на данном участке Курской битвы.

В-пятых, негативное значение для действий советских частей имел отсутствие необходимых сведений о противнике и недостаточный, а иногда и ошибочный анализ ситуации. В частности, именно из-за этого 5-я гвардейская танковая армия под Прохоровкой фактически потерпела поражение. Трагические последствия имела ошибочная атака советской 99-й таковой бригады 2-й танковой армии позиций 183-й советской стрелковой дивизии.

В-шестых, следует по-новому рассмотреть, причем во всех ракурсах и деталях, на проявленные в данной битве мужество и героизм советских солдат и офицеров, их воинское мастерство, стойкость, бесстрашие, готовность к самопожертвованию во имя победы над врагом. Например, настоящий подвиг совершил 19-летний наводчик орудия старший сержант Михаил Борисов, в одиночку подбивший 7 немецких танков. Трое солдат-бронбойщиков, безымянная фотография которых находится в Центральном музее Вооруженных сил, уничтожили только в один день сражения под Прохоровкой из своих ПТР Дегтярёва с расстояний в несколько десятков метров по 5 немецких танков. Механик-водитель 2-го батальона 181-й танковой бригады А. Николаев вместе с заряжающим Ф. Черновым пошли на своем подбитом танке на смертельный таран вражеского танка. Всего только за один день 12 июля в танковом сражении под Прохоровкой, по свидетельству бывшего начальника разведки 2-го танкового корпуса В.Ф. Ивановского, советские танкисты совершили 20 танковых таранов.

Таким образом, вплоть до настоящего времени в истории Курской битвы имеются многие исследовательские лакуны, нуждающиеся в дальней-

шем глубоком, обстоятельном, всестороннем, целенаправленном изучении и анализе. Дальнейшая поступательная работа историков по всестороннему, обстоятельному и объективному исследованию, анализу и основанных на них общих оценочных суждений и итоговых выводов по проблематике Великой Отечественной войны в целом и ее крупнейшего сражения – Курской битвы, в частности, самым непосредственным образом будет способствовать как решению актуальных дискуссионных вопросов отечественной истории, так и формированию научно обоснованных подходов по данной проблематике в научно-образовательной сфере.

Примечания:

1. Цит. по: Самсонов А.М. Вторая мировая война. 1939–1945. М., 1985. С. 293.
2. Балашов А.И., Рудаков Г.П. История Великой Отечественной войны. СПб., 2005. С. 213.
3. История войн и военного искусства. М., 1970. С. 211.
4. Балашов А.И., Рудаков Г.П. Указ. соч. С. 214. Таблица 5.2.
5. Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных Сил. Статистическое исследование. М., 2001. С. 285.
6. Там же. С. 286.
7. Там же. С. 287.
8. См.: Замулин В.Н. Прохоровка – неизвестное сражение великой войны. М., 2005; Лопуховский Л.Н. Прохоровка. Без грифа секретности. М., 2005.
9. См.: Военная энциклопедия. М., 2003. Т. 7. С. 67, 68; Сафир В. Еще раз о Прохоровском сражении. Две книги – два подхода. URL. <http://www.volk59.narod.ru/Safir.htm>.
10. Свердлов Ф.Д. Неизвестное о советских полководцах. М., 1995. С. 56.

Б.Н. Ковалев

**КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
И ИСПАНСКИЕ СОЛДАТЫ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ**

Сталинградская битва, освобождение Дона и Северного Кавказа от гитлеровских оккупантов: все эти события стали не только началом коренного перелома в Великой Отечественной войне. Победы Красной армии на юге России заставили задуматься многих союзников Третьего рейха. Начался процесс, в результате которого страны-сателлиты нацистской Германии стали сокращать свое военное присутствие на Восточном фронте. Одной из первых это предприняла Испания, которая официально в войне не участвовала,

но послала в Россию добровольческую «Голубую дивизию», через которую прошли почти 46 тыс. испанских военнослужащих. Свое название это формирование получило от одного из атрибутов формы испанской фаланги: голубых гимнастеров.

В истории Второй мировой войны испанская «Голубая дивизия» – это даже не страничка, а небольшой абзац. Однако в последнее время особый интерес исследователей стали привлекать материалы, связанные с позицией союзников Третьего рейха в «крестовом походе народов Европы против ига жидо-большевизма». В боевых действиях против нашей страны приняли участие союзные вермахту вооруженные силы Финляндии, Румынии, Италии, Словакии и Венгрии. Кроме этого, во многих европейских странах существовали различные пронацистские партии и движения, такие, как Национал-социалистическая рабочая партия Дании, Фламандский национальный союз в Бельгии, Национальное единение в Норвегии, Национал-социалистическое движение в Нидерландах, Испанская фаланга.

Пытаясь представить события на Восточном фронте как противостояние добра и зла, цивилизации и варварства, горячий сторонник призыва в армию добровольцев из числа родственных немцам народов, Г. Гиммлер способствовал созданию иностранных легионов в составе СС. Поскольку волонтеры не могли сыграть сколь либо серьезной военной роли в советско-германском противостоянии, они использовались, в первую очередь, как подтверждение слов Гитлера о начале строительства Новой Европы без евреев и коммунистов. Большинство частей было задействовано на относительно стабильном участке советско-германского фронта – Волховском. Так в 1941–1942 гг. под Новгородом дислоцировались добровольческий легион «Нидерланды» (с января 1942 г.), добровольческий легион «Фландрия» (с ноября 1941 г.), добровольческий корпус «Дания» (с мая 1942 г.), легион «Норвегия» (с марта 1942 г.) [1].

Особое место среди них занимала испанская «Голубая дивизия». Руководство Испании с большим воодушевлением восприняло известие о нападении Германии на СССР. Уже 22 июня 1941 г. испанский министр иностранных дел Серрано Суньер сообщил германскому послу в Мадриде Эбергарду фон Штореру, что *«испанское правительство выражает глубочайшее удовлетворение в связи с началом борьбы против большевистской России»*. Суньер обратился к германскому правительству с просьбой дать возможность добровольцам из числа членов фаланги принять участие в борьбе против общего врага. 24 июня министр иностранных дел Германии Риббентроп известил своего представителя в Мадриде о том, что *«Германское правительство с радостью и удовлетворением примет формирования добровольцев испанской фаланги»* [2].

В тот же день Суньер публично обратился к членам фаланги с призывом поднимать добровольцев на войну против СССР. Немцы рассчитывали на то, что политика Суньера неизбежно приведет Испанию к войне на стороне

Третьего рейха. Но Франсиско Франко отлично осознавал, что его страна еще не оправилась после гражданской войны, а испанское общество весьма нестабильно. В этих условиях он решил ограничиться лишь посылкой добровольцев на Восточный фронт во главе с генералом Агустином Муньосом Грандесом.

В Испании о Муньосе Грандесе написано немало книг. Кто-то называет его «харизматический генерал» и «самый выдающийся испанский полководец XX века», а кто-то видит в нем человека, который был еще более убежденным фалангистом, чем сам Ф. Франко. Быть может, именно поэтому каудильо Испании, как хитрый и изощренный политик, направил Муньоса Грандеса в Россию. Не только за славой и боевыми орденами, но и просто подальше от большой политики.

Испанские солдаты получили обмундирование, которое отличалось от обычной немецкой пехотной формы только особым нарукавным знаком выше локтя. На знаке дивизии специалисты фашистской геральдики изобразили щит с черной каймой. Середину щита пересекала горизонтальная желтая полоса на красном фоне, а на ней красовался четырехконечный черный крест и пять перекрещивающихся стрел, брошенных веером наконечниками вверх. Замысловатое сооружение венчала надпись «Испания». Отныне соединение стало называться 250-й пехотной дивизией вермахта. Однако даже в официальных документах она надолго сохранила свое первоначальное название «Голубая», хотя никто из ее участников уже не носил голубых рубашек и красных беретов.

В ночь с 11 на 12 октября 1941 г. первый батальон испанцев занял свои позиции на передовой. Всего «Голубая дивизия» отвечала за участок фронта протяженностью 50 км в районе Новгорода. Испанский штаб располагался в Григорово. Большинство испанцев были уверены, что они пришли в Россию освобождать русских, а не поработать, и впоследствии очень сокрушались, что русские этого не понимают. Солдаты «Голубой дивизии», имевшие свежий опыт гражданской войны, сознавали, что в России есть и большевики, и их противники. Недаром своих врагов на фронте они называли не «русские», а «красные». «Голубая дивизия» была в какой-то мере той Европой, от которой русские антибольшевики ждали вместе спасения и поддержки в своем восстании против Сталина.

Советские органы государственной безопасности сразу же заинтересовались новым союзником гитлеровцев. Советская агентура сообщала в Ленинград следующее: *«В военном городке вблизи деревни Григорово размещался штаб немецких разведывательных органов, в котором находились Гурский-Мухамедов Олег Константинович, бывший офицер царской армии. Эмигрировал за границу. После разгрома белых банд в 1921–22 г. проживал в г. Прага, Чехословакия, уроженец г. Севастополь, где имел собственное поместье. При формировании добровольческой Голубой дивизии в Испании добровольно вступил в нее офицером-лейтенантом и в таком виде прибыл в Новгород в составе Голубой дивизии, где занимал пост в испанской разведке. Так же он работал переводчиком и комендантом военного городка.*

Начальником испанской разведки был капитан Мартинес, родом из Барселоны. Кроме того, в Голубой дивизии в разведке находились Константинов Константин Александрович, Старецкий Юрий Александрович. Все они эмигранты, бывшие офицеры, бывшие дворяне» [3]. Таким образом, среди солдат «Голубой дивизии» были не только люди, мечтавшие отомстить Советскому Союзу за его помощь республиканцам в годы гражданской войны в Испании, но и русские белоэмигранты, увидевшие возможность взять реванш за поражение в гражданской войне.

У немцев сложилось вполне определенное представление об испанских солдатах. Немцы относились к своим союзникам с нескрываемым презрением, а за низкие боевые качества фалангистов всячески ругали их. По мнению немцев, в «Голубой дивизии» каждый солдат воевал с гитарой в одной руке и с винтовкой в другой: гитара мешала стрелять, а винтовка – играть. 5 января 1942 г. во время очередной «застольной беседы» в кругу своих единомышленников Гитлер заметил: *«Нашим солдатам испанцы представляются бандой бездельников. Они рассматривают винтовку как инструмент, не подлежащий чистке ни при каких обстоятельствах. Часовые у них существуют только в принципе. Они не выходят на посты, а если и появляются там, то только чтобы поспать. Когда русские начинают наступление, местным жителям приходится будить их» [4].*

Б. Монастырский в очерке «Смелые рейды», повествуя о действиях истребительного отряда 225-й стрелковой дивизии, рассказал о примечательном эпизоде. Это было 14 ноября 1941 г. в деревне Большой Донец близ озера Ильмень: «Бойцы Фролов и Пчелин узнали, что в крайней избе живут испанцы. Они без шума захватили вышедшего во двор испанского солдата и привели его к командиру группы Новожилову... Взятый в плен испанец оказался очень разбитным и общительным малым. Он знал много русских слов, легко запоминал новые и выразительно иллюстрировал свою речь жестами и мимикой. Из рассказов испанца выяснилось, что он кавалерист. В их эскадроне было первоначально 320 сабель. Теперь оставалось только 120 человек и 100 лошадей. Остальные были перебиты во время налета советской авиации, когда эскадрон шел походной колонной из Новгорода к Ильменю. Кое в чем пленный “темнил”. То он уверял, что генерал Франко посадил его в тюрьму за принадлежность к компартии, то признавался, что поступил в “Голубую дивизию” добровольно. Но ясно было одно: война в России его явно не устраивала, и он был искренне рад, что попал в плен. Пленный гневно говорил о своем эскадронном командире: “Капитано – сволочь! Жрет курятину, масло, пьет дорогое вино да еще обкрадывает солдат, которым выдают всего 200 граммов сухарей в день» [5]. Косвенно справедливость этого заявления подтвердил А. Гитлер в своих «застольных беседах»: *«Что вызывает сожаление в испанских солдатах, это различие в отношениях между офицерами и солдатами. Испанские офицеры живут припеваючи, а солдаты вынуждены вести самое жалкое существование» [6].*

Уже в первых разведсводках штаба 52-й армии в октябре – ноябре 1941 г. на основании опроса перебежчиков и военнопленных, захваченных документов и т.д. делался вывод, что среди солдат «Голубой дивизии» имелось немало бывших уголовников и иных деклассированных элементов. В дальнейшем эти сведения неоднократно подтверждались. Военнопленный солдат 262-го полка, был твердо убежден, что большинство солдат дивизии – воры и аферисты, которые занимались грабежом у себя на родине. В своих показаниях многие военнопленные сообщали, что кража в дивизии – обычное явление. Чаще всего солдаты крали продукты друг у друга [7].

В документах оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг», сотрудники которого производили оценку культурных ценностей, оказавшихся на оккупированной территории нашей страны, таким образом оценивается поведение испанских солдат в Новгороде: *«3 марта 1942 года. Церковь Михаила Архангела. Единственная церковь, в которой в большевистские времена проводились богослужения. Испанцы силой ворвались вовнутрь, ограбили ее и разорили...»*

14 марта 1942 года. В Историческом музее и в Музее русского искусства (оба в Кремле) нет больше никаких произведений искусства. Часть строений используется солдатами испанской дивизии для жилья и складов...

14 марта 1942 года. Церковь Федора Стратилата на Ручью (Торговая сторона). Построена в 1360 г... Иконостас частично употреблен на топливо испанскими солдатами» [8].

О жизни «Голубой дивизии» существуют интересные «Русские тетради» Дионисио Ридруэхо, в которых детально описаны весь путь дивизии и ее военные действия под Новгородом до начала 1942 г. Есть в этой книге и места, посвященные сдаче испанцев в плен. В одном из них автор излагает содержание советской листовки, призывающей испанцев сдаваться русским, которая подписана *«именами четырех или пяти наших ребят, попавших во власть врага»*, и продолжает: *«К ним прибавлено два имени, перешедших добровольно. Это факт, который уже имел прецедент. Несколько солдат – четыре или пять – действительно перешли к врагу. Это не следствие нервного кризиса. Дело идет о случаях преднамеренных. Коммунисты – героические люди, нужно признать это, которые завербовались в наши ряды. Мы никогда не видели их потерявшими присутствие духа. Сомневаюсь, тем не менее, что их верность будет оценена большевиками»* [9].

Косвенным подтверждением справедливости этих сомнений Ридруэхо служит следующее замечание батальонного комиссара Северо-Западного фронта Л. Дубовицкого в сообщении Совинформбюро от 23 ноября 1941 г., где о перебежчиках – солдатах «Голубой дивизии» Эмилио Родригесе и Антонио Пелайо Бланко говорится, что они *«очень недовольны тем, что их считают обычными военнопленными и содержат с немцами»* [10]. В дальнейшем его зловещее предсказание полностью сбылось. В Боровическом лагере военнопленных рядом содержались как убеж-

денные фалангисты, так и солдаты, добровольно перешедшие на сторону Красной армии.

За время нахождения на новгородской земле дивизия регулярно принимала участие в боевых действиях против Красной армии и понесла большие потери. Готовясь к штурму Ленинграда, предполагавшемуся в сентябре, командование немецкой группы армий «Север» подтянуло к городу ряд новых соединений, в том числе и испанские части. С 20 августа 1942 г. подразделения «Голубой дивизии» небольшими группами со знаменами стали уходить на запад, а к 26 августа дивизия была полностью снята с фронта в районе Новгорода и по железной дороге переброшена под Ленинград. Там она заняла свое место в кольце блокады вокруг города на Неве.

В этих условиях Гитлер был вполне удовлетворен испанскими солдатами и особенно их командиром. 5 сентября 1942 г. в очередной «застольной» беседе он сообщил своим сотрапезникам: *«Я думаю, что одним из наших лучших решений за все время было разрешение испанскому легиону сражаться на нашей стороне. При первой же возможности я награжу Муньоса Грандеса железным крестом с дубовыми листьями и бриллиантами. Это воздастся сторицей. Солдаты, какими бы они ни были, всегда полны энергии, имея храброго командира. Когда для легиона придет время возвратиться в Испанию, мы по-королевски вооружим и снабдим его. Дадим легиону гору трофеев и кучу пленных русских генералов. И потом легион триумфальным маршем вступит в Мадрид, и его престиж будет недостижим»* [11].

Какую же цель преследовал Гитлер, когда он собирался придать дивизии и ее командиру «недостижимый престиж»? Гитлера давно не устраивали некоторые особенности режима Франко. Его настораживало растущее влияние католической церкви и явное тяготение лидеров «новой» фаланги к реставрации монархии. Убеденным католикам и монархистам он собирался противопоставить так называемых «идеалистов старой фаланги», не признававших ни на небе, ни на земле иного кумира, кроме фашизма. А Муньос Грандес, с его опытом войны против СССР, против коммунистической идеологии был, по мнению Гитлера, как раз тем энергичным человеком, который мог бы *«улучшить ситуацию»* в Испании [12].

В декабре 1942 г. Муньос Грандес окончательно вернулся в Испанию, где был произведен в генерал-лейтенанты. Он стал самым молодым обладателем этого чина в испанской армии. Его отметили высшей наградой фаланги «Пальмовой ветвью», а в 1943 г. назначили начальником военного кабинета Франко.

Испанская франкистская пропаганда внушала испанцам, что СССР первым напал на их страну, поддержав в гражданской войне республиканское правительство и направив за Пиренеи не только военную технику, но и многие сотни «добровольцев». Следовательно, как рассуждали многие фалангисты, в 1941 г., после нападения Германии на СССР у них появилась возможность «вернуть должок». Однако после Сталинградской битвы генерал

Франко стал думать о возможности отзыва «Голубой дивизии» с Восточного фронта. Делал он это при постоянном давлении на него со стороны англо-американских дипломатов. После успехов РККА в ходе летней кампании 1943 г. в начале октября Франко объявил о переходе Испании от статуса «невоюющей страны» к нейтралитету.

Вывод дивизии с линии фронта начался 12 октября. К двадцатым числам она была снята с фронта и временно отведена в район Нарвы, а затем в район Кенигсберга. При этом экстремистские элементы фаланги повели энергичную агитацию за вербовку добровольцев в «Германский иностранный легион», который должен находиться исключительно под германским командованием. В результате «Голубая дивизия» была расформирована, но в составе вермахта остался «Голубой легион» из 2,5 тыс. чел. До конца января 1944 г. легион находился в районе неподалеку от железнодорожной станции Любань, где в ходе начавшегося вскоре наступления РККА был практически стерт с лица земли. После этого убежденные испанские антикоммунисты воевали с частями Красной армии на всей протяженности фронта: от Балтийского моря до Черного. Всего «Голубая дивизия» в России потеряла 3934 чел. убитыми, 8466 чел. ранеными, 326 чел. пропавшими без вести.

Генерал Муньос Грандес и его подчиненные, наверное, вполне искренне считали, что у них идет «своя война»: против коммунистов, против Сталина. Самое важное, что рядом с ними, в одном строю стояли гитлеровцы. И они стреляли не в абстрактного «большевика или масона», а в конкретного русского солдата, в партизана, которые защищали свой родной дом от иноземных пришельцев.

Примечания:

1. См. Уильямсон Г. СС – инструмент террора. Смоленск, 1999.
2. Цит. по: Крестовый поход на Россию. М., 2005. С. 333.
3. Служба регистрации архивных фондов УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 19344. Материалы о немецких разрушениях и зверствах деятельности разведывательных и контрразведывательных органах противника в районах Ленинградской области и подвергавшихся оккупации. Л. 107–108.
4. Тревор-Ропер Х. Застольные беседы Гитлера. М., 2004. С. 188.
5. Монастырский Б. Смелые рейды. Л., 1967. С. 101–102.
6. Тревор-Ропер Х. Указ. соч. С. 188.
7. Цит. по: Крестовый поход на Россию. С. 350.
8. Картотека «Z» Оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг». М., 1998. С. 261, 262, 268.
9. Ridruejo D. Los cuadernos de Rusia. Barcelona, 1976. P. 116.
10. Цит. по: Крестовый поход на Россию. С. 342.
11. Тревор-Ропер Х. Застольные беседы Гитлера. С. 632–633.
12. Пожарская С.П. Тайная дипломатия Мадрида. М., 1971. С. 116.

Ю.В. Артюхин

ЕЙСКАЯ ВОЕННО-МОРСКАЯ БАЗА: СТАНОВЛЕНИЕ И УЧАСТИЕ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ В 1941–1943 гг.

Ейский порт с парными молами и подходным каналом, построенный в начале XX в., предназначался для обеспечения каботажного плавания и отправки грузов на иностранные пароходы. Но социально-политические события XX в. не раз превращали его в военно-морскую базу (ВМБ). Впервые порт стал местом базирования Азовской военной флотилии в апреле 1918 г. В июне того же года здесь формировался красный десант для взятия Таганрога. Десант был разгромлен, но флотилия успела уйти в Ейск. Командованием немецких войск, занимавших северное побережье, были сделаны определенные выводы. Турецкий крейсер «Гемедия» обстрелял порт и город [1]. На косе Белосарайской немцы установили дальнобойную батарею для контроля над проливом между косами.

В 1918 г. южное побережье Таганрогского залива контролировалось красными отрядами, а северное – немцами. Боевые действия осуществлялись через водную акваторию залива. Такое же расположение противоборствующих сил было характерно и для периодов осени 1941 – июля 1942 гг. и февраля-октября 1943 г. И на этих этапах военного противостояния с Германией боевые действия осуществлялись через акваторию шириной не более 50 км. Близость противника предопределяла чрезвычайную остроту военного положения города и порта. Поэтому история Ейской ВМБ в определенной степени уникальна.

В июле 1931 г. в Ейск из Севастополя перебазировали морское авиационное училище. В 1932 г. в Севастополе испытали первый советский гидросамолет МБР-2, производившийся в Таганроге. С учетом появления в Ейске летного училища было принято решение использовать Ейскую косу в качестве базы гидросамолетов. В архиве Ейского управления градостроительства удалось отыскать старый топографический план, отражающий ситуацию на косе в конце 1940-х гг., когда несколько модернизированных гидросамолетов после освобождения Ейска вновь вернулись на косу. Схема обустройства гидродрома в этот период почти не отличалась от предвоенной.

Участок оконечности косы протяженностью 920 м был огорожен колючей проволокой. На ее оконечности заложили монолитный бетонный фундамент для зенитной установки. На противоположной, внутренней стороне территории возвели бетонный дот с сектором обстрела на юго-запад. Учитывая, что коса после строительства ограждающих молов порта в 1904 г. стала размываться, берег Таганрогского залива в пределах гидродрома защитили от волнового воздействия деревянным свайным рядом с бутовой отмосткой. На оконечности косы был возведен свайный пирс для швартовки судов и, возможно, гидросамолетов. В 320 м юго-западнее

огражденной оконечности на асфальтобетонной площадке гидродрома размером 90×130 м размещались самолеты. От гидродрома в сторону Ейского лимана отходили три бетонных пандуса для спуска и подъема самолетов. В сторону Таганрогского залива возвели еще один пандус, обеспечивавший на оголовке глубину 1,5–1,6 м. К северу от гидродрома располагалась казарма, два кирпичных строения для размещения штаба и офицерского состава. На южном фланге на берегу лимана находилась резервная бетонная площадка с пандусом. Вторым важным авиационным объектом был аэродром и инфраструктура Ейского авиационного училища им. И.В. Сталина. Аэродром размещался в пределах обширной падины (степного блюдца) на западной окраине Ейска.

В соответствии с решением Государственного комитета обороны СССР 20 июля 1941 г. была образована Азовская военная флотилия (АВФ). Ее формирование завершилось 12 августа 1941 г. [2]. В состав флотилии входили дивизионы канонерских лодок (3 судна), сторожевых катеров (8 судов) и 87-я отдельная истребительная авиаэскадрилья (9 самолетов И-15). Флагманский командный пункт приказано было расположить в Мариуполе. 6 октября 1941 г. Мариуполь подвергся массовой бомбежке, а на следующий день на окраине города появились немецкие танки. К 8 октября в Ейск были перебазированы штаб и весь состав флотилии [3]. Но главную базу, из-за большой опасности бомбардировок Ейска, расположили в станице Приморско-Ахтарской. Штаб флотилии разместили в блиндаже по улице Свободы, 26/77, примерно в 200 м от берега моря. На южной окраине станицы еще в дореволюционное время была возведена пристань длиной около 200 м, хотя ее оголовок достигал глубины всего 1,6–1,7 м [4]. К пристани подходил канал глубиной 3,3 м, который заиливался в год на 0,3–0,5 м. Моряки считали: *«Порт Ахтари был в общем-то не удобен для главной базы – более или менее крупные корабли не могли подходить к причалу»* [5]. База находилась в станице с октября 1941 по август 1942 гг. В русле Дона и его дельте действовал Отдельный Донской отряд флотилии [6].

С наступлением морозов положение флотилии осложнилось. Суда оказались заблокированными в Ейском порту, а в Ахтарях ситуация была еще тяжелее. Толщина льда в Таганрогском заливе достигала 0,8–1 м. В этих условиях командование вынуждено было развертывать дополнительные силы противовоздушной обороны. На высоком коренном берегу Ейска в створе улицы Свердлова на монолитном фундаменте было установлено зенитное орудие, а по периметру порта располагались 2–3 передвижные зенитные установки. Большую помощь в отражении воздушных налетов на порт оказывали зенитная артиллерия бронепоезда и самолеты прикрытия. Три зенитные установки и прожектор на автомобильном шасси размещались в садах между улицей Б. Хмельницкого и поселком Широчанкой [7]. Для обеспечения прикрытия базы с воздуха уже осенью были обустроены дополнительные взлетно-посадочные полосы в селах Кухаривке и Симоновке,

станции Новоминской. В селе Александровке базировалась истребительная эскадрилья (по другим данным – авиаполк), имея не только полосу с твердым покрытием, но и капитальные здания казармы, столовой, техмастерских [8]. Потребность в создании дополнительных взлетно-посадочных полос объяснялась тем, что аэродром летного училища располагался вблизи берегового обрыва и в первую очередь попадал в полосу бомбардировок немецких самолетов. В результате бомбардировок часть капитальных строений училища им. И.В. Сталина была разрушена или сожжена, что хорошо видно на фотографиях 1944–1945 гг. [9].

После первого захвата и последующего освобождения Ростова-на-Дону была развернута система обороны берега вплоть до реки Кагальник. Она включала несколько береговых батарей и части 17-го казачьего кавалерийского корпуса [10]. Охрана западного берегового сектора обеспечивалась местными формированиями. Непосредственно перед войной Ейский район разделили на Щербиновский, Лиманский, Ейский и Камышеватский. Станицы Камышеватская и Должанская после захвата немцами Северного Приазовья фактически оказались пограничными. В Камышеватском районе был сформирован истребительный батальон, исполнявший и функции погранотряда [11].

Система обороны косы Долгой включала несколько рядов колючей проволоки на восточном берегу, минные поля и артиллерийскую батарею. На западном берегу косы было установлено три бетонных дота [12]. Вооруженные патрули ежедневно обследовали косу и прикорневые участки. На косе Камышеватской находилось два бетонных дота и несколько полос колючей проволоки. С моря прикрытие осуществляли суда АВФ.

Возникновение сплошного ледового покрова создавало предпосылки для прорыва немцев на Кубань. Для срыва этих планов в Ейск и соседние с ним села южного побережья залива были переброшены 5 саперных и инженерно-саперных батальонов под руководством полковника И.Г. Старинова, а также 14-й отряд водных заграждений под командованием капитан-лейтенанта Ц.Л. Куникова [13]. Они устраивали минные ловушки, совершали диверсионные рейды на северное побережье залива. На участке западнее Ейского лимана ситуация была иной. Военнослужащие Ейской базы и мобилизованные жители Ейска прорубили полынью от мыса Вылазки почти до подводной отмели косы Сазальникской, протяженностью 20 км. Льдины укладывались в виде вертикальной двухметровой ледовой стены – бруствера, позволявшего обеспечить хоть какое-то укрытие в случае боевых стычек с немцами [14]. Водно-ледовое препятствие поддерживалось в течение всей зимы, несмотря на жестокие морозы и ветры.

Сотрудниками НКВД Камышеватского района по льду забрасывались разведгруппы в окрестности Мариуполя. Через городских подпольщиков им удалось установить, что немцами создана школа абвера для подготовки и засылки агентов на Кубань [15]. Благодаря разведанным в районе станиц

Должанской и Камышеватской не раз задерживали немецких агентов и диверсантов, переброшенных как по льду, так и самолетами.

В августе 1942 г. войска вермахта, преодолев сопротивление наших частей, заняли плацдарм на левом берегу Дона, а к 5 августа вышли к станции Староминской. 7 августа немецкие и румынские части заняли село Александровку, а затем и поселок Широчанку [16]. Морские пехотинцы 144-го и 305-го отдельных батальонов, Ейский сводный истребительный батальон, усиленный бойцами 661-й батареи и старошербиновского истребительного эскадрона, занимали оборонительный рубеж по северной окраине поселка Широчанки. При поддержке артиллерии канонерских лодок «Буг» и «Днестр» защитники города выбили немцев и румын из поселка. Бои должны были обеспечить эвакуацию Ейской ВМБ в соответствии с приказом Военного совета фронта. С 8 на 9 августа 1942 г. позиции немецких и румынских частей подверглись артиллерийскому обстрелу судов, бронепоезда и подвижных зенитных установок. Противник отступил к хутору Щербиновскому. Это позволило прорваться сводному полку численностью 2440 чел. с подвижным составом и боеприпасами в сторону поселка Ясенская Переправа. АВФ под общим руководством командира Ейской ВМБ контр-адмирала С.Ф. Белоусова перебазировалась через Приморско-Ахтарскую в Темрюк, а затем в Черное море. Всего было вывезено 1200 чел., 20 орудий, 260 т боеприпасов [17].

Перед эвакуацией в Ейске были взорваны железнодорожный вокзал, Дом Красной армии и флота, электростанция, нефтебаза, мельницы, завод «Молот» и др. [18]. На аэродроме училища были подожжены склады с горючим. В селе Александровке взорваны здания и взлетно-посадочная полоса аэродрома [19]. До сих пор историки и краеведы затрудняются объяснить причины подрыва крупнейшего в стране здания Дома Красной армии и флота. Вероятно, существенное значение имело наличие в составе внутренней отделки панно с изображением И.В. Сталина. Но была и другая важная причина – подземный ход, связывавший это здание с берегом моря и некоторыми сооружениями на территории летного училища. В дореволюционные времена в Ейске была построена разветвленная подземная дренажная сеть и подземные ходы, связывавшие подвалы церквей [20]. Некоторые участки подземных сооружений ныне удастся осмотреть при образовании провалов. По дренажной галерее, предназначенной для отвода ливневых вод, можно было свободно пройти из центра города до водонапорной башни рядом с училищем [21].

В начале февраля 1943 г. войска РККА, преодолев сопротивление немцев в районе оборонительного рубежа у г. Азов, вошли на территорию Щербиновского и Ейского районов. 3 февраля нарком ВМФ подписал приказ о воссоздании АВФ. Причем главную базу приказано было развернуть в Ейске. В город перебазировали главный штаб, политотдел, хотя флота еще не было. Суда в основном были сосредоточены в пор-

тах Черного и Каспийского морей. Перебазирование из Черного моря было невозможно, так как немцы контролировали Керченский пролив. Переводу судов из Каспийского моря мешали обломки ферм взорванных ростовских мостов. Обсуждался вопрос о доставке судов в Ейск по железной дороге. Однако и тут были серьезные препятствия – взорванный железнодорожный вокзал и пути в Ейске, демонтированные и вывезенные румынами железнодорожные рельсы на перегоне Старощербиновская – Староминская, заминированная акватория, подходной канал порта и подводный склон в пределах Ейской косы. Немецкие контактные мины извлекали вплоть до начала 1960-х гг. Ход боевых действий на северном побережье Азовского моря и в пределах укрепленной линии «Готенкопф» («Голубой линии») требовал скорейшего использования судов АВФ. Саперные части активизировали работу по расчистке фарватера у Ростова, а власти Кубани мобилизовали население на восстановление железнодорожных путей.

К концу апреля на железнодорожных платформах в акваторию Ейского порта были доставлены и спущены на воду 5 сторожевых катеров типа МО, а в конце мая еще 12 бронекатеров, 7 тральщиков, 2 торпедных катера с реактивными установками, 12 полуглиссеров [22]. Но существовали проблемы безопасной швартовки судов в гавани. Ейский порт вообще характеризуется высоким уровнем заносимости акватории. Учитывая, что не менее 3 лет не проводились дноуглубительные работы, глубина у причалов уменьшилась как минимум на 1,5–2 м. Решение вопроса осложнялось отсутствием землечерпалок и грунтоотвозных шаланд, которые были переоборудованы в тральщики и болиндеры. Проблема была решена только в конце 1944 – начале 1945 гг., когда пароход ледокольного класса «Фанагория», размывая отложившиеся илы винтами, пробил небольшой подходной канал. До этого приходилось швартоваться с наветренных сторон молов и вблизи ворот гавани.

30 марта в штаб флотилии поступили сведения о высадке немцами тактического десанта на Ачуево-Черноерковском участке дельты Кубани. Примерно в это же время по данным авиа- и морской разведок в море и портах, занятых врагом, было обнаружено до 20 самоходных барж, 3 тральщика, 35 сторожевых катеров и значительное количество разнокалиберных вооруженных плавсредств [23]. Приходилось считаться с вероятностью высадки немецкого десанта на Ейском полуострове, особенно учитывая возможности быстроходных и хорошо вооруженных десантных барж типа F (MFP) [24]. Поэтому на побережье, как и в 1941 г., было установлено несколько артиллерийских батарей, созданы локальные оборонительные сооружения. На ейские аэродромы перебазировались авиационные части как приданные Азовской флотилии, так и подчинявшиеся фронту [25]. Несколько самолетов типа МБР-2 перевели в акваторию Бейсугского лимана для осуществления разведки в тылу Ейской ВМБ.

В апреле и мае 1943 г. обострились бои на Миус-фронте и северном фланге «Голубой линии». Командование требовало участия в них морских сил. Поэтому некоторые суда перевели в Приморско-Ахтарскую. Оттуда они выходили в Темрюкский залив и наносили артиллерийские удары по врагу на пространстве от Ачуева до станицы Голубицкой, высаживали десанты.

Изыскания, проводимые автором на этом участке в 1970–2000 гг., позволили выявить специфические черты немецких оборонительных сооружений на Вербяной косе (северный фланг «Голубой линии»). Изучение топопланов, старых карт и аэрофотоснимков 1947 г. показало, что в приурезовой зоне участка станица Голубицкая – хутор Сладковский немцами было возведено до десятка бетонных дотов с сектором обстрела в сторону моря. Пространство между ними занимали артиллерийские позиции. Но в тыльной части косы, особенно в пределах гирл, соединявших море с внутренними лиманами, сооружались сдвоенные доты, позволявшие простреливать водные пространства лиманов и контролировать гирла. Некоторые из гирл и части акватории лиманов углублялись для обеспечения захода немецких катеров. Такая система обороны немцев предназначалась для предупреждения нападения на укрепленные позиции на Вербяной косе из плавневой зоны и при высадке десантов с моря.

20 июня фашисты ночью выслали 7 катеров, которые должны были внезапно ударить по Ейскому порту и береговой инфраструктуре. Однако дежурным силам флотилии удалось не только отразить нападение, но и нанести урон немецким плавсредствам [26]. До 3–4 десантных барж и катеров и поныне покоятся на подводном склоне залива на удалении в 1–3 км от Ейского порта.

После очищения ото льда основной части Таганрогского залива немцы в целях подавления активности флотилии нанесли по Ейску и базе серию бомбоштурмовых ударов. Наиболее масштабной и разрушительной была бомбардировка города 26 апреля. По свидетельству штаба АВФ, в порту было потоплено 3 сейнера, мотобот, повреждены причалы. В городе оказались разрушенными 100 домов, рыбзавод, холодильник, железнодорожное полотно. Судя по фотографиям, сохранившимся в архивах Ейского порта, наиболее пострадал западный мол. Через огромные проломы море сбрасывало в гавань массы ила и песка, усложняя навигацию.

Ейская ВМБ сыграла решающую роль в нарушении морских коммуникаций немцев между Бердянском, Мариуполем и Таганрогом. 29 августа 1943 г. совместными усилиями авиации и кораблей Азовской флотилии был нанесен удар по неприятельским плавсредствам, находящимся в гавани Таганрога [27]. 30 августа советские войска прорвали оборонительную линию немцев и овладели Таганрогом. К этому времени в Ейск из состава Каспийской военной флотилии были переданы несколько боевых судов. С 6 по 10 сентября Азовская военная флотилия, действуя с Ейской базы, участвовала в освобождении Мариуполя.

Примечания:

1. Архив муниципального образования Ейский район. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 514. Л. 1–66.
2. Свердлов А.В. На море Азовском. М., 1966. С. 8.
3. Перекрест Т.П. Не славы ради. М., 1970. С. 12–19.
4. Морская карта Азовского моря. [Б.м.], 1935 // Личный архив бывшего капитана Таганрогского порта П.К. Ханахбеева. Карта составлена Гидрографическим отделом Управления Военно-морских сил РККА.
5. Перекрест Т.П. Указ. соч. С. 51.
6. Федотова Т.А. Азов и Приазовье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Азов, 1995. С. 44–49.
7. Респондент: Руденченко Владимир Акимович, 1934 г.р, записан Ю.В. Артюхиным в Ейске в 2012 г.
8. Респондент: Кириенко Галина Михайловна, 1957 г.р., учитель истории сош села Александровка. Записана Ю.В. Артюхиным в г. Ейке в 2011 г. Рассказ Г.М. Кириенко основывается на письменных воспоминаниях учителей и местных жителей, собранных ее коллегами в 1950–1960-е гг.
9. Мы уходили, и мы вернулись (из рукописи П.П. Кохана «Они строили училище Ейское») // Приазовские степи. 2005. 9 июля.
10. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне 1941/1942 гг., 1943 г. 2-е испр. и доп. изд. Ростов н/Д, 2011. С. 104.
11. Воспоминания сотрудника Камышеватского отдела НКВД Ткачева М.З. // Фонды Камышеватского отдела краеведческого музея Ейского района. С. 1–5.
12. Респондент: Кенебас Иван Маркович, 1924 г.р., рыбак рыболовецкого колхоза станицы Должанской Ейского района. Записан А.А.Терещенко в станице Должанской в 2010 г.
13. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Указ. соч. С. 74.
14. Климентьев Г.В. С любовью о Ейске. Краснодар, 1998. С. 152–153.
15. Воспоминания сотрудника Камышеватского отдела НКВД Ткачева М.З. С. 3.
16. Зинченко В. Огонь ведут канонерки // Речник Дона. 2000. Апрель. С. 16.
17. Там же. С. 17.
18. Иванов А.Ф. Взорванный город // Деловой Ейск. 2013. 30 января.
19. Респондент: Кириенко Галина Михайловна...
20. Респондент: Подставка Петр Михайлович, председатель горисполкома г. Ейска в 1990–1992 гг. Записан Ю.В. Артюхиным в Ейске в 2005 г. Занимаясь решением проблемы ливневых подтоплений города, П.М. Подставка собирал сведения о подземных коммуникациях и от старожилов узнал о существовании еще с дореволюционного времени сети подземных ходов.
21. Респондент: Рябоштан Евгений Яковлевич, 1945 г.р. Записан Ю.В. Артюхиным в Ейске в 2001 г.
22. Свердлов А.В. Указ. соч. С. 100; Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. Кн. 2. Хроника событий 1943 г. Краснодар, 2011. С. 91.

23. Свердлов А.В. Указ. соч. С. 103.
24. Широкоград А.Б. Битва за Черное море. М., 2005. С. 536.
25. Свердлов А.В. Указ. соч. С. 100–101.
26. Там же. С. 108.
27. Там же. С. 118–119.

Д.Н. Санин

Бой за станицу Егорлыкскую 23–25 января 1943 г.

25 января исполнилось 70 лет со дня освобождения станицы Егорлыкской от фашистских захватчиков – одного из самых ярких событий Егорлыкского района. Это были радостные и в то же время горестные дни. Казалось, что быстрое и долгожданное освобождение совсем близко. Однако части Северо-Кавказского и Южного фронтов не смогли сходу взять станицу и ввязались в тяжелые бои с отборными частями противника – дивизией СС «Викинг» – на несколько дней.

В 20.30 22 января части подвижной конно-механизированной группы генерал-лейтенанта Н.Я. Кириченко (4-й гвардейский Кубанский и 5-й гвардейский Донской казачьи кавалерийские корпуса) и танковая группа подполковника Титова (24 боевых танка), вступив в пределы Ростовской области, продолжали преследовать противника [1]. 221-й отдельный танковый полк, совершив марш в 100 км, утром 22 января занял станцию Развильное и отрезал отход противнику по железнодорожной магистрали в Тихорецком направлении [2]. 134-й танковый полк с боем захватил село Песчанокосское. 221-й и 134-й танковые полки получили приказ захватить станицу Егорлыкскую и железнодорожную станцию Атаман, с задачей ударить по тылам Сальской группировки противника, окружить и пленить ее, а с выходом на магистраль Тихорецк – Ростов закрыть 1-й танковой армии противника путь к донской столице [3].

С утра 23 января шел мелкий дождь, дороги размякли и затрудняли движение танков, автотранспорта, обозов и двигавшейся в промокших валенках пехоте. Несмотря на плохие погодные условия, 44-ая армия и конно-механизированная группа Н.Я. Кириченко продолжали преследовать противника в направлении Красная Поляна – Жуковка – Летник. Танковая группа Титова двигалась в сторону Егорлыкской. В 21.00 23 января 1943 г. 221-й отдельный танковый полк по приказу командира танковой группы с ходу без разведки вошел в Егорлыкскую, но при отсутствии пехоты не смог закрепиться и вынужден был отойти на 1,5 км южнее станицы, где и занял оборону [4].

К 23.00 достиг станицы и 134-й танковый полк. Для прикрытия его правого фланга взвод средних танков по приказу и.о. командира полка майора

Белозерцева выдвинулся к железной дороге в районе разъезда Прощального. Основные силы полка выдвинулись на Егорлыкскую, но в 2 км южнее станицы попали под артиллерийский и минометный огонь противника. В ходе тяжелой атаки 134-му танковому полку удалось захватить южную окраину станицы, но удержать ее без поддержки артиллерии и пехоты он не смог и вынужден был отойти на 1,5 км юго-восточнее Егорлыкской в молодой лесопитомник [5]. Противник, разведав, что южная окраина станицы свободна, подтянул самоходные пушки и противотанковые орудия. На рассвете 24 января 1943 г. было обнаружено сосредоточение 134-го танкового полка. И когда полк без разведки и артиллерийской подготовки в 8.00 пошел в наступление, эсэсовцы сожгли 8 машин и подбили один малый танк. В результате боя погибли 22 чел. и 7 чел. были ранены. От тяжелого ранения скончался в госпитале майор Белозёрцев.

В командование полком вступил начальник штаба майор Ю. Кочетков. Полк вернулся в лесопитомник и занял оборону [6]. Помощь 134-му танковому полку оказал подошедший 863 истребительно-противотанковый артиллерийский полк. Он провел артиллерийскую подготовку в течении 30 минут. К этому времени подошла советская пехота, и противник обрушил весь свой огонь на нее. Не выдержав артиллерийского огня, пехота в беспорядке отошла. Танки 134-го полка с 10.00 до 16.00 продолжали вести бой одни [7].

Целый день 24 января вел бой с противником и находившийся левее 221-й отдельный танковый полк майора Дьяченко. Во время боя танкисты уничтожили дальнобойное и 45-мм орудия, 2 транспортера с пушками, штабной автобус, легковую автомашину, до 50 солдат и офицеров противника. 221-й полк потерял подбитыми 2 танка Т-34 [8]. Всего за день потери двух советских танковых полков составили 13 танков подбитыми и сгоревшими.

Несмотря на тяжелый бой, длившийся целый день, 221-му и 134-му танковым полкам не удалось занять Егорлыкскую. В. Тике в своей книге так описывает бой 24 января: «В 2.00 24 января первый советский танк открыл огонь. Через 45 минут первые шесть танков Т-34 вошли в Егорлыкскую. За ними следовало немного пехоты. По приказу боевое охранение дивизии СС “Викинг” на окраине станицы пропустило их без единого выстрела. Танки прошли в середину станицы. На станичной площади они заняли круговую оборону, которую прикрывала пехота. Некоторые танки советов расположились и на улицах. Немецкие танки штурмбаннфюрера Мюленкампа в засаде ожидали рассвета. Для каждого немецкого танка был назначен свой танк противника, приказания были даны по рации, которые находились в каждом немецком танке. С рассветом батальону полка “Нордланд” дивизии СС “Викинг” удалось подбить несколько танков, находившихся в центре станицы. Другие шесть танков двинулись к окраине, чтобы вступить в бой, но это был бег сквозь строй, все танки были побиты. Всего танковый батальон полка “Нордланд” подбил 13 танков. Некоторые танки, которые были с незначительными повреждениями, фашистские отряды подрывников подорвали» [9].

По воспоминаниям жителей станицы, после этих боев много подбитых и сгоревших танков стояло вокруг станицы и по ее улицам. Несколько танков стояло по улице Орджоникидзе, два – в районе механизированного тока, несколько – в районе улиц Гагарина и Орджоникидзе и два – в районе железнодорожной станции Атаман. Это были танки Т-34 и танки американского производства типа М3Л «Стюарт» и М3С «Ли». Раненых танкистов эсэсовцы взяли в плен и, облив керосином, сожгли заживо. На улице Орджоникидзе героической смертью погиб командир танка лейтенант Павел Богданов. После зверских пыток, ничего не добившись, его облили бензином и сожгли [10].

Командование полка, чтобы исправить создавшуюся ситуацию, решило обойти станицу справа и слева, оседлать подходившие к ней дороги и зажать врага со всех сторон. К этому времени к станице вдоль железной дороги со стороны Сальска подошли части 79-й отдельной стрелковой бригады Средне-Азиатского военного округа, а с юга, со стороны хутора Буденного – 1-й и 2-й батальоны 52-й отдельной стрелковой бригады [11].

Три группы танков под командованием начальника штаба 134-го полка майора Ю. Кочеткова и комиссара полка С. Калашникова отправились в обход. Пересекли железную дорогу, затем грунтовую, и в ложбине в 100 м от нее устроили засаду из трех танков с командованием. Остальные танки пошли дальше в обход, к следующим дорогам. Засада уничтожила появившиеся на грунтовой дороге грузовые машины. Противник разгадал маневр полка, подтянул артиллерию и танки с направления железнодорожного разъезда и Козловой балки, отделения Егорлыкского зерносовхоза и хутора Дудукалов и открыл ураганный огонь из тяжелой артиллерии по советским танкам. Они очутились в огневом кольце. Полк в течение трехчасового боя отразил восемь танковых атак противника, несмотря на ураганный артиллерийский огонь, удерживая в течение дня отрезанные им коммуникации [12]. Один средний танк из группы был сожжен. Грохот артиллерийского боя и танковых моторов был настолько силен, что жители станицы вынуждены были укрыться в вырытых еще в 1941 г. щелях и подвалах. Пламя горящих танков и черный дым заволокли строения, и трудно было различить, где и что горит.

В 15.00 противник, удерживая позиции, для поддержки своих частей вызвал авиацию. 6 тяжелых бомбардировщиков при поддержке истребителей в течение часа бомбили боевые порядки советских танков. Четыре бомбы были сброшены на комендантский взвод [13]. Не остались незамечены и три танка у железной дороги. Летчики вели себя нагло, спускались, чуть ли не до земли, обстреливали советские танки из пулеметов и сбрасывали бомбы. Экипажи вместе с командованием полка укрылись под танками. Но после взрывов первых же бомб у командиров, видимо, началась паника. Трижды орденосец майор Кочетков бросился бежать в сторону от танка, и осколком разорвавшейся рядом бомбы был убит. Комиссар Калашников тоже хотел

убежать в сторону, но лейтенант Дементьев схватил его за шинель и не дал подняться. Танкисты вынесли весь ужас взрывов под танками, когда от бомб содрогалась земля. Пострадал лишь один средний танк, у которого согнуло пушку [14].

После бомбежки вплотную к танкам попытался подскочить бронетранспортер противника с пушкой. Танкисты открыли по нему огонь, но бронетранспортер сумел уйти. Ко всем дорогам противник подтягивал силы, но встречал отпор советских танков и отходил. До 20.00 полк удерживал свои позиции. Командование 134-м полком принял комиссар С. Калашников. Бойцы-пехотинцы и штрафники из 79-й отдельной стрелковой бригады при поддержке артиллерии также отчаянно бились с противником за железнодорожный вокзал. Бой стих только в ночь на 26 января, когда 2-й батальон «Нордланд» и полк «Вестланд» покинули станицу [15]. Они пошли в обход на село Октябрьское, так как части РККА перерезали главное шоссе на Ростов.

Во время боев за станицу погибло 25 танкистов группы Титова. Потери 79-й отдельной стрелковой бригады составили 8 чел. убитыми и 18 ранеными. Противник потерял до 50 солдат и офицеров. Советские танкисты сожгли 7 автомашин, 4 бронемашины, 5 мотоциклов и 2 танка [16]. В боях отличились экипажи 1-й танковой роты лейтенанта Безгинова, командира взвода лейтенанта Кошелева, командира 3-й роты лейтенанта Кислова, командиров танков лейтенанта Гаврилюка, лейтенанта Сапруна, лейтенанта Шаповалова [17]. Многие танкисты и пехотинцы за освобождение станицы были награждены правительственными наградами. Медалями «За отвагу» – сержант Гордей Васильевич Суханов и водитель бронемашины красноармеец Никита Петрович Балабин. Медалями «За боевые заслуги» – старший повар роты отдельного батальона автоматчиков 79-й стрелковой бригады старший сержант Николай Михайлович Завизин, красноармеец Михаил Васильевич Кануников и другие [18]. Бойцы и командиры разных частей Северо-Кавказского и Южного фронтов – танкисты и кавалеристы, автоматчики и артиллеристы – еще в течение нескольких дней вели бои за освобождение района. Плечом к плечу сражались за Родину русские, украинцы, казахи, туркмены, таджики, грузины, евреи. Только 28 января Совинформбюро сообщило, что враг окончательно изгнан с Егорлыкской земли, советские войска овладели районным центром станицей Егорлыкской и железнодорожной станцией Атаман [19]. Память о славных освободителях малой родины навсегда останется в сердцах егорлычан.

Примечания:

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 3470. Оп. 1. Д. 166. Л. 33.
2. ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 572 454. Д. 1. Л. 17.
3. ЦАМО РФ. Ф. 51. Оп. 932. Д. 357. Л. 58.

4. ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 572 454. Д. 1. Л. 18.
5. ЦАМО РФ. Ф. 134. Оп. 667 995. Д. 1. Л. 28.
6. Там же. Л. 24.
7. Там же.
8. ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 572 454. Д. 1. Л. 18.
9. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть. 1942–1943 гг. М., 2005. С. 342.
10. Респондент: Мартынов Петр Мартынович, 1947 г.р. Записан Д.Н. Саниным в станицы Егорлыкской 10 декабря 2012 г. П.М. Мартынов в своем интервью опирался на воспоминания матери, проживавшей в станице Егорлыкской в 1941–1945 гг.
11. ЦАМО РФ. Ф. 1855. Оп. 1. Д. 1а. Л. 14.
12. ЦАМО РФ. Ф. 134. Оп. 667 995. Д. 1. Л. 30.
13. Там же. Л. 24
14. Егорлыкский районный музей трудовой и боевой славы. Воспоминания участника освобождения станицы Егорлыкской Н. Дементьева о боевых действиях 134 отдельного танкового полка (январь 1943 г.). С. 10–11.
15. Тике В. Указ. соч. С. 343.
16. ЦАМО РФ. Ф. 1493. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.
17. ЦАМО РФ. Ф. 134. Оп. 667 995. Д. 1. Л. 30.
18. ЦАМО РФ. Ф. 1493. Оп. 2. Д. 13. Л. 51.
19. От Советского Информбюро. Вечернее сообщение от 27 января // Известия. 1943. 28 января.

В.В. Гришин

Золотые Звезды Александра Ивановича Покрышкина (к 100-летию со дня рождения легендарного аса Второй мировой войны)

Среди имен военных летчиков имя Александра Ивановича Покрышкина стоит особняком. Имея один из самых высоких официальных результатов по числу воздушных побед, он был автором, проводником и носителем новых тактических построений и приемов воздушного боя, нестигаемым борцом с рутиной, образцом бойца – искусного, яростного и благородного. Природная мудрость, честность, твердость характера и, как следствие, высокое гражданское мужество отличали поступки этого человека, определяли величие и невзгоды его вдохновенной судьбы.

А.И. Покрышкин родился 6 марта 1913 г. в семье рабочего в городе Новониколаевске (ныне Новосибирск). Мечта о летной профессии овладела им еще в раннем детстве. Но чтобы попасть в летную школу, надо было иметь рабочую специальность. Несмотря на протесты отца, закончив 7-й класс, Саша поступил в техническое училище, затем добровольно ушел в Красную

армию, поступил в авиационную школу в Перми. Но во время обучения она поменяла профиль, и в 1933 г. Покрышкин получил специальность авиационного техника. Досконально изучив материальную часть, стал отличным специалистом, и теперь уже руководство не хотело отпускать воентехника 2-го ранга А.И. Покрышкина. Но тот был неукротим: в сентябре 1938 г., во время отпуска, за 17 дней освоил годичную программу аэроклуба и экстерном на «отлично» сдал экзамен. Его целеустремленность одних пугала, других восхищала, но Покрышкина отпустили в летное училище. Снова на «отлично», менее чем через год в 1939 г. окончил знаменитую Качинскую военную авиационную школу летчиков и получил направление в 55-й истребительный авиационный полк, дислоцировавшийся в районе города Бельцы, вблизи от советско-румынской границы.

Радость полетов, сознание важности выполняемого дела, воинское братство сделали его жизнь счастливой, наполнили ее энергией и вдохновением. Александр систематически занимался самообразованием, изучал физику и физиологию, математику и начертательную геометрию, теорию полетов и военную историю. За два месяца до начала войны 55-й истребительный авиаполк, летавший до этого на И-16, был перевооружен на новенькие МиГ-3. Покрышкин взлетел на новой машине одним из первых, оценил ее достоинства, указал на опасный конструктивный дефект, устраненный позднее в серии.

С июня 1941 г. старший лейтенант А.И. Покрышкин находился в действующей армии. Боевое крещение получил в первые же дни войны, будучи заместителем командира эскадрильи 55-го истребительного авиаполка. 23 июня при разведке переправ через Прут его пара встретила пятерку самолетов «Мессершмит-109». Отбивая атаку на ведомого, на выходе из пикирования короткими очередями Покрышкин зажег один из «мессеров». Завороженный видом своего первого поверженного врага, сам попал под удар немецкого истребителя, но ушел на бреющем полете и посадил поврежденную машину на свой аэродром.

3 июля 1941 г. летчик был сбит над Прутом огнем зенитной артиллерии, одержав к тому времени не менее 5 побед в воздухе на МиГ-3, проведя десяток штурмовок на И-16. Находясь в санчасти после приземления подбитой машины на лесную опушку, завел тетрадь, озаглавив ее «Тактика истребителей в бою». Эти заметки, вырезки, схемы стали началом покрышкинской науки побеждать. К сожалению, это достояние не издано полностью, но по своему влиянию на судьбы тысяч людей, на сам ход воздушной войны, несравнимо ни с какими другими теоретическими построениями или практическими указаниями.

Стремясь достигнуть максимальных высот в освоении самолета, Покрышкин все силы и знания отдавал совершенствованию своего боевого и летного мастерства. Например, вначале он плохо стрелял по «конусу», но постоянные тренировки вывели его в ряд лучших снайперов полка. Учитывая

то обстоятельство, что летчики в воздухе хуже выполняли правые развороты, избегая их, он намеренно тренировался именно в резких маневрах в правую сторону. Вообще, резкому маневрированию в схватках Покрышкин уделял большое внимание, и, чтобы выдерживать значительные перегрузки в полете, усиленно занимался спортом. В перерывах между тренировками Покрышкин даже подсчитал, сколько времени уходит на изменение положения истребителя с момента воздействия летчиком на ручки управления – в бою все представлялось важным.

Несмотря на внешнюю суровость, ему, как истинному летчику, был свойствен взвешенный и точный юмор; любил шутки и не обижался на остроты в свой адрес, ценил юмористов. По натуре Покрышкин был очень сдержан и деликатен. Соратники и близкие свидетельствовали, что брань в его устах была невозможна ни при каких обстоятельствах: ни в азарте воздушного боя, ни при промахах других людей, ни при домашних неурядицах. А честность и принципиальность летчика нередко служили причиной конфликтов с вышестоящим начальством.

Фронтная слава Покрышкина опередила его официальное признание. По возвращении в часть ему поручили переучивание молодежи с И-16 на МиГ-3 и по личному распоряжению командира полка В. Иванова он знакомил пополнение с тактическими находками, автором которых был сам: с разомкнутым боевым порядком, с прицельной атакой сверху на большой скорости, так называемым «соколиным ударом», с эшелонированием по высоте. А потом начались тяжелые бои над Ростовом...

Танковые и моторизованные дивизии генерала Э. фон Клейста ворвались в Ростов-на-Дону 21 ноября 1941 г., но надолго задержаться в городе немцам было не суждено. Благодаря важным разведанным, которые сумел добыть А.И. Покрышкин в сложном полете в условиях ограниченной видимости, когда нижняя кромка облаков опускалась до 30 метров, советское командование своевременно узнало о расположении немецких частей и направлении их главного удара. Мастерство и зоркость летчика избавили Красную армию от новых потерь.

Летая на штурмовку вражеских позиций и сопровождение бомбардировщиков, Покрышкин все чаще задумывался о методах воздушных схваток, заносил свои мысли в дневник. Осенью 1941 г. он писал: *«Главной причиной неудач при сопровождении бомбардировщиков была малая скорость истребителей. И как следствие этого – ведение боя на горизонтальных маневрах. Вывод следовал один: сопровождение бомбардировщиков, особенно устаревших конструкций, надо выполнять только на большой скорости. Для получения ее необходимо сопровождающим звеньям и парам полет производить змейкой, выше и сзади бомбардировщиков, эшелонируясь по высоте. При этом пары и звенья истребителей, по моим взглядам, должны строить змейку навстречу друг другу, для взаимного прикрытия. Это способ сопровождения методом "ножниц"»*.

После тяжелых сражений 1941 г. 55-й истребительный авиаполк был отведен в тыл на переформирование и приказом наркома обороны от 7 марта 1942 г. № 70 преобразован в 16-й гвардейский истребительный авиаполк. 216-я истребительная авиационная дивизия (с 17 июня 1943 г. – 9-я гвардейская истребительная авиадивизия), неся потери и не получая новых самолетов, к осени оказалась совершенно измотанной. 16-й гвардейский истребительный авиаполк, в котором воевал Покрышкин, сдав потрепанные машины, отбыл на переформирование – осваивать новую технику. Переучившись в 25-м запасном авиационном полку и в марте 1943 г. получив в Тегеране американские Р-39 «Аэрокобры», 9 апреля полк приступил к боевой работе с Краснодарского аэродрома.

Поистине звездной стала для А.И. Покрышкина весна 1943 г. – воздушное сражение на Кубани. По концентрации самолетов и плотности воздушных боев Кубанское сражение было самым напряженным во Второй мировой войне: за 2 месяца здесь сбили более 800 немецких самолетов. Именно здесь проявились недюжинные способности Покрышкина как летчика-истребителя. Он первым широко использовал боевой порядок под названием «кубанская этажерка» и способствовал его внедрению во все подразделения истребительной авиации СССР. Он разработал и внедрил также и другие элементы воздушного боя, такие как выход из-под удара противника на вираже нисходящей «бочкой» с потерей скорости. Зазевавшийся враг проскакивал мимо цели и оказывался в прицеле. *«Ищи противника, – учил Покрышкин. – Не он тебя, а ты его должен найти. Внезапность и инициатива – это победа. Атакуй смело, решительно. Маневрируй так, чтобы обмануть, перехитрить врага. Если не сбил – сорви его замысел. Этим ты уже достигнешь многого».*

Тем временем воздушное сражение над Кубанью разгоралось. Летать приходилось до 5 раз в день. И редкий вылет проходил без встречи с противником. В этих боях проявилось не только его летное мастерство. Он показал себя талантливым организатором и командиром. Многие его тактические приемы были взяты на вооружение в авиационных частях. Так, во время патрулирования, советский ас никогда не летал по прямой, чтобы не терять скорость в небольшой зоне. Его истребитель передвигался волнообразно, по траектории наклонного эллипса.

По официальным данным, Покрышкин сбил в небе Кубани 16 вражеских самолётов, но фактически это число было гораздо больше: около 30. Здесь же летчик провел несколько выдающихся по результативности боев. В памятный день, 12 апреля, в районе Крымской он сбил 4 Ме-109. Свидетелем этого боя был генерал К.А. Вершинин, и А.И. Покрышкину не только засчитали сбитые машины, но и наградили вторым орденом Красного Знамени. Позднее он уничтожил еще 3 вражеских самолета и довел число сбитых за день машин до 7. За исключением легендарного боя А. Горовца, сбившего 9 фашистских самолетов (не имевшего, кстати говоря, подтверждения в оперативных документах

полка) история советской авиации не знает таких примеров. Через несколько дней Покрышкин сбил 3 пикировщика Ю-87 в одном бою, а 28 апреля в составе восьмерки, разогнав 3 девятки Ю-87, сбил 5 из них. Атаковал он излюбленным «соколиным ударом» – сверху, на высокой скорости, с крутым переменным профилем пикирования, чтобы затруднить прицеливание стрелкам.

К маю 1943 г. командир эскадрильи 16-го гвардейского истребительного авиаполка 216-й смешанной авиационной дивизии 4-й воздушной армии Северо-Кавказского фронта капитан А.И. Покрышкин, имея на счету 363 боевых вылета, был самым опытным советским пилотом на Кубани. 24 мая за мужество и воинскую доблесть, проявленные в боях с врагами, он был удостоен звания Героя Советского Союза. 24 августа 1943 г. за 455 боевых вылетов и 30 лично сбитых к июлю самолетов противника командир эскадрильи 16-го гвардейского истребительного авиаполка 9-й гвардейской истребительной авиационной дивизии гвардии майор А.И. Покрышкин был награжден второй медалью «Золотая Звезда». 19 августа 1944 г. за 550 боевых вылетов и участие к маю в 137 воздушных боях, в которых лично сбил 53 самолета противника, исполняющий обязанности командира 16-го гвардейского истребительного авиаполка 9-й гвардейской истребительной авиадивизии 8-й воздушной армии 1-го Украинского фронта гвардии подполковник А.И. Покрышкин первым в стране был награжден третьей медалью «Золотая Звезда».

До конца войны А.И. Покрышкин оставался единственным трижды Героем Советского Союза. Г.К. Жуков был награжден третьей медалью «Золотая Звезда» 1 июня 1945 г., а И.Н. Кожедуб – 18 августа того же победного года. Продолжая летать во главе групп летчиков своей дивизии, Покрышкин последние боевые вылеты совершил уже над Берлином. К концу войны он совершил более 650 боевых вылетов, и участвуя в 156 воздушных боях, официально сбил 53 вражеских самолета лично и 6 – в составе группы. В военно-исторической и мемуарной литературе встречаются предположения о значительно большем количестве фактически одержанных им побед – 72, 90, более 100. Так, новосибирские исследователи скрупулезно изучили всю боевую деятельность своего великого земляка: проанализировали его дневники, боевые документы полка, воспоминания соратников, прочие источники. И пришли к выводу, что А.И. Покрышкин за время войны уничтожил 94 вражеских самолета: 91 подбил и 3 уничтожил на земле.

Война рождает не только героев, но и мыслителей, полководцев. Яркой личностью в этом ряду стоит великий русский летчик А.И. Покрышкин. Именно он с первых дней войны начал тщательно анализировать причины побед и поражений в воздушных боях с люфтваффе. Новые приемы тактики воздушного боя, применяемые А.И. Покрышкиным, быстро воспринимались его боевыми товарищами и в то же время настороженно – некоторыми

«отцами-командирами». На протяжении всей войны Покрышкин совершенствовал теорию воздушного боя. Его фронтовые альбомы с рисунками и записями сохранились и находятся в Центральном музее Вооруженных Сил России. Тактика воздушного боя, разработанная А.И. Покрышкиным, особенно проявила себя в воздушном сражении на Кубани. Ее применяли летчики не только полка и дивизии, в которых он воевал, но и истребители 8-й воздушной армии, а затем она была принята на вооружение всей истребительной авиации Красной армии.

После войны А.И. Покрышкин осваивал реактивную технику. Одним из первых начал летать на МиГ-9. В совершенстве овладел и другими типами реактивных истребителей. Когда летом 1945 г. Покрышкину предложили поступить в академию ВВС, он со свойственной ему решимостью отказался и попросил направить его в Военную академию имени М.В. Фрунзе, где мог получить более широкие знания. Многим запомнился эпизод, когда в практических оружейных стрельбах тремя снарядами А. Покрышкин с В. Лавриненковым достигли абсолютного результата. Никто из сдававших тогда зачет, включая опытных артиллеристов, не смог повторить их успеха. Академию ас окончил в 1948 г. с золотой медалью.

По окончании академии Покрышкин был назначен заместителем командира корпуса в Ржев. Лишь в 1953 г. А.И. Покрышкин получил генеральское звание и через год был назначен в Ростов-на-Дону начальником авиации армии ПВО. Окончив с отличием академию Генерального штаба, он стал командующим 8-й отдельной армией ПВО и пробыл в этой должности 10 лет. И во время учебы в академии и позднее, до 1963 г., летал практически на всех типах советских истребителей. В августе 1968 г. был назначен заместителем Главкома ПВО страны. Но отношения с командующим – Маршалом Советского Союза П.Ф. Батицким не сложились, и его служба в этой должности была особенно сложной. Когда представилась возможность, он перешел на должность председателя ДОСААФ и с энтузиазмом занялся военно-патриотической работой. С 1972 г. ему присвоено звание Маршал авиации. С 1981 г. включен в Группу генеральной инспекции Министерства обороны СССР. Депутат Верховного Совета СССР 2–10 созывов, член Президиума Верховного Совета СССР в 1979–1984 гг. Умер 13 ноября 1985 г., похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

А.И. Покрышкин является автором книг «Крылья истребителя», «Твоя почетная обязанность», «Небо войны», «Познать себя в бою», «Тактика истребительной авиации». Награжден 6 орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, 4 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова 2-й степени, орденами Отечественной войны 1-й степени, 2 орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» 3-й степени, многочисленными медалями и иностранными орденами. Является почетным гражданином Новосибирска, где одна из улиц носит его имя. На родине Героя также установлен бронзовый бюст.

В одном из частных авиационных музеев Франции находится фронтовая «Аэрокобра», а в Музее Великой Отечественной войны в Кишиневе стоит МиГ-17, на котором А.И. Покрышкин летал в послевоенное время.

В своей жизни А.И. Покрышкин с честью выдержал испытание «медными трубами» и сполна хлебнул горечи их оборотной стороны – зависти чиновников к славе народного Героя. Здесь и ПВО вместо ВВС, и задержанные на 10 лет генеральские звезды, и непрерывная череда командировок. Он был «Заслуженным военным летчиком Франции», но так и не стал, как и И.Н. Кожедуб, «Заслуженным военным летчиком СССР».

Многочисленные примеры из боевых действий в годы Великой Отечественной войны показывают, что советские летчики, противопоставляя количественно превосходящему противнику свой высокий моральный дух, лучшую тактику воздушного боя, побеждали его. Для летчика-истребителя всегда должно быть девизом суворовское правило: «Бить противника не числом, а умением». В годы Великой Отечественной войны была разработана и проверена практически советская наступательная тактика воздушного боя. Эта тактика в своей основе применена и к новой реактивной технике. Обучить летчика наступательной тактике воздушного боя означает научить его сбивать вражеские самолеты. Основными положениями наступательной тактики воздушного боя является превосходство в высоте, скорости, маневре и огне. Это возможно в том случае, если летчик-истребитель подготовлен в вопросах тактики воздушного боя, имеет высокий моральный дух и правильно использует лётно-тактические преимущества своего самолета. С изменением боевой техники тактика боевого применения также изменяется. Из нее берется все лучшее, что соответствует новой боевой технике, включается ряд новых тактических приемов.

Какой должна быть организационно-штатная структура ВВС и авиации ВМФ России и как следствие – какие количественные параметры будут ей заданы? Таков первый и главный вопрос, на который следует ответить при изучении планов перевооружения. Между тем, в настоящее время наши ВВС переживают не самый стабильный период, поскольку продолжается их реформирование. Ныне потребность ВВС России в создании самолета пятого поколения осознают отнюдь не все, однако она довольно существенна, как с военной, так и с экономической точки зрения. Проходящий испытания Т-50 разработки КБ Сухого по своим характеристикам является тяжелой машиной с взлетным весом, значительно превышающим 30 т. В настоящее время анонсировано приобретение 60 таких истребителей в 2016–2020 гг., а в следующем десятилетии они полностью заменят имеющийся парк самолетов Су-27, составив наряду с Су-35 основу российской истребительной авиации. Задача лётного состава истребительной авиации – изучить опыт Великой Отечественной войны и применять его в создании новой тактики, соответствующей новой реактивной технике.

С.А. Санеев

ДЕВУШКИ В НЕБЕ НОВОРОССИЙСКА

На фоне общей картины боев за освобождение Новороссийска остается практически неизвестной роль, сыгранная в них девушками-авиаторами. Между тем, из трех существовавших женских авиационных полков в Красной армии два воевали над Новороссийском. Формирование женских авиаполков началось по инициативе Героя Советского Союза Марины Михайловны Расковой. В начале сентября 1941 г. она обратилась с рапортами в правительство, ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ о необходимости создания женских авиачастей. Инициатива была поддержана, а Раскову назначили командиром формирующейся авиагруппы. Девушек отзывали из Гражданского Воздушного флота, аэроклубов ОСОАВИАХИМА, авиационной промышленности. Штурманов готовили из летчиц, имевших мало часов налета, и студенток московских вузов [1].

Девушек-летчиц прибыло столько, что решено было создать три авиаполка: истребительный, дневных и ночных бомбардировщиков. М.М. Раскова мечтала из этих полков сформировать женскую авиационную дивизию [2]. Приказ Народного комиссара обороны СССР № 0099 «О сформировании женских авиационных полков ВВС Красной Армии» был отдан 8 октября 1941 г. и гласил: *«В целях использования женских летно-технических кадров приказываю к 1 декабря 1941 г. сформировать и подготовить к боевой работе:*

1. *586-й истребительный авиационный полк на самолетах Як-1 по штату № 015/174, дислокация г. Энгельс.*
2. *587-й авиационный полк ББ на самолетах Су-2 по штату № 015/159. Формирование полка произвести при 10-м запасном авиаполку – Каменка.*
3. *588-й ночной авиационный полк на самолетах У-2 по штату №. 015/186, дислокация – г. Энгельс.*
4. *Командующему ВВС Красной Армии укомплектовать формируемые авиаполки самолетами и летно-техническим составом из числа женщин cadres ВВС КА, ГВФ и Осоавиахима» [3].*

17 октября девушек перевезли в авиационное училище в г. Энгельс под Саратовом, а 7 ноября они приняли военную присягу. На основании проверочных полетов произвели распределение девушек по полкам. Первым был подготовлен 586-й истребительный авиаполк (командир – капитан Т.А. Казаринова). Вооруженный 24 самолетами Як-1, изготовленными на Саратовском комбайновом заводе, он в начале 1942 г. вошел в Саратовский дивизионный район ПВО и приступил к охране железнодорожного моста через Волгу и других объектов города [4]. В феврале 1943 г. полк перебазировался в Воронеж, а с сентября пошел на Запад. Участвовал в освобождении Украины, Молдавии, Венгрии, где и встретил Победу. Всего летчики

полка произвели 4419 боевых вылетов, провели 125 воздушных боев, сбили 38 самолетов противника [5].

В мае 1942 г. 588-й ночной легкомоббардировочный авиационный полк (командир – майор Е.Д. Бершанская) в составе 119 девушек вылетел на Южный фронт. 27 мая он вошел в 218-ю ночную бомбардировочную дивизию (командир – полковник Д.Д. Попов) 4-й воздушной армии (командующий – генерал-майор авиации К.А. Вершинин), а с 10 июня начал боевую работу. Полк прошел тяжкий путь отступления от Донбасса и Сальских степей, через Кубань и Ставрополье до гор Кавказа. С августа по декабрь 1942 г. летчики воевали под Владикавказом, базирясь на аэродроме около станицы Ассиновской. В конце 1942 г. за бои по обороне Кавказа 588-й авиаполк был представлен к званию гвардейского [6].

С формированием третьего полка вышла задержка. Девушки летали на самолетах Ут-2, Р-5, Су-2. Но Су-2 сняли с производства, пришлось осваивать бомбардировщик СБ. Только в июле 1942 г. полк получил пикирующие бомбардировщики Пе-2 [7]. За три месяца была освоена сложная в управлении машина, и к ноябрю 1942 г. полк был готов к выполнению боевых заданий. Экипажи самолетов были смешанные: летчики и штурманы – девушки, стрелки и техники, обслуживавшие самолет – мужчины. 587-й полк пикирующих бомбардировщиков (командир – майор М.М. Раскова) вылетел на фронт и вошел в состав 270-й бомбардировочной авиадивизии Донского фронта. Зимняя погода не позволила до конца года приступить к боевым вылетам. Во время перелета 4 января самолет М.М. Расковой попал в полосу тумана и разбился, экипаж погиб. Командиром полка стала командир 2-й эскадрильи старший лейтенант Е.Д. Тимофеева. Полк бомбил позиции окруженной в Сталинграде армии Ф. Паулюса. Но после первого боевого вылета прибыл новый командир полка майор В.В. Марков. По окончании Сталинградской битвы полк вывели на пополнение и передали в состав 223-й бомбардировочной дивизии 2-го бомбардировочного корпуса Резерва Ставки ВГК (командир – генерал-майор авиации В.А. Ушаков) [8].

С Нового года перешел в наступление и Закавказский фронт, где воевал 588-й ночной легкомоббардировочный авиационный полк. 8 февраля 1943 г. на общем построении полка на аэродроме в станице Челбасской командир дивизии генерал-майор Д.Д. Попов зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении полку звания 46-го гвардейского. Женский полк стал первым гвардейским полком в 4-й воздушной армии. 4 марта 46-й гвардейский полк перелетел на аэродром у станицы Пашковской. С этого аэродрома девушки начали работать над Новороссийском. Первый вылет 23 апреля оказался неудачным, погибла Е.И. Носаль. 24 мая 1943 г. ей посмертно было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Штурман И. Каширина сумела привести самолет на аэродром [9].

По воспоминаниям Героя Советского Союза Р. Гашевой: *«Очень сложны были полеты на Новороссийск: то густая дымка, то низкая облачность, да еще*

восходящие и нисходящие потоки воздуха. Однажды после удачного бомбометания по вражеским траншеям нас резко потянуло вниз. На мгновение я оторвалась от сиденья и поползла влево. За какие-то доли секунды мы потеряли четыреста метров, а впереди черная стена горного хребта, через который нам нужно перевалить. Разворачиваемся, уходим в море и кружим, кружим, набирая нужную высоту, и опять быстро ее теряем». 11 мая полк перелетел на аэродром у станицы Ивановской. Он бомбил объекты противника на всем протяжении «Голубой линии» и в пригородах Новороссийска, но на сам город девушек перестали посылать [10].

В апреле 1943 г. в небе Кубани развернулись крупные воздушные сражения. По решению Ставки ВГК на Кубань был переброшен из резерва 2-й бомбардировочный авиакорпус [11]. Входивший в его состав 587-й полк пикирующих бомбардировщиков 27 апреля расположился на аэродроме около станицы Выселки. На следующий день произвел свой первый вылет на бомбежку врага. Задачами полка были бомбардировка вражеских позиций в районе станиц Киевской и Крымской. Им в прикрытие выделялись разные истребительные части, в том числе и под командованием А.И. Покрышкина, который, правда, в своих мемуарах об этом не упоминал.

После освобождения станицы Киевской полк работал по целям в районе Новороссийска – станиц Крымской, Неберджаевской, хутора Верхнего Адагума, наносил бомбовые удары по противнику в районе Новороссийска. За успешные боевые действия на Донском и Северо-Кавказском фронтах в мае полку было присвоено имя Героя Советского Союза Марины Расковой. За бои на Кубани многие девушки-летчики и штурмана были награждены орденами Красной Звезды, а стрелки – медалями. Все пять девушек, ставшие впоследствии Героями Советского Союза, воевали в небе над Новороссийском [12].

2 июля 2-й бомбардировочный корпус перевели в район Курской дуги. За успешные действия на Кубани и Курской дуге приказом наркома обороны от 23 сентября 1943 г. 587-й полк был преобразован в 125-й гвардейский бомбардировочный полк им. Героя Советского Союза Марины Расковой. Он освобождал Белоруссию и Прибалтику. В июле 1944 г. за отличия в боях при форсировании реки Березины и освобождении города Борисова полку присвоено почетное наименование Борисовский. За образцовое выполнение заданий командования и проявленные при этом доблесть и мужество при овладении городом Инстербургом полк был награжден орденом Кутузова 3-й степени, за овладение городом-крепостью Пиллау – ордена Суворова 3-й степени [13].

Отдельной эскадрилье 46-го гвардейского полка ночных бомбардировщиков довелось участвовать в освобождении Новороссийска. В начале сентября 8 экипажей: Амосовой – Розановой, Макаровой – Белик, Поповой – Рябовой, Тихомировой – Лошмановой, Смирновой – Сумароковой, Жигуленко – Голубевой, Парфеновой – Пасько и Санфировой – Гашевой

с техниками под командованием заместителя командира полка по политической части гвардии майора Е.Я.Рачкевич перебазировались на аэродром морской авиации под Геленджиком. На аэродроме так же базировались авиация Черноморского флота и ночные бомбардировщики 889-го полка (командир – майор К.Д. Бочаров) 4-й воздушной армии. Поскольку он имел на вооружении такие же самолеты У-2, девушки ласково называли его экипажи «братцами». Сразу же между ними началось негласное соревнование: кто сделает больше боевых вылетов и у кого будет выше эффективность ударов.

Первый вылет на Новороссийск произошел в ночь на 10 сентября. Подлетев к городу за 15–20 минут до начала артиллерийской подготовки, летчики барражировали на разной высоте, заглушая шум двигателей катеров. С началом артподготовки, набрав высоту и выключив двигатели, беззвучно планировали на врага и сбрасывали бомбы. Время полета было небольшим, дозаправка бензином не требовалась. После посадки вооруженцы подвешивали бомбы и через две минуты самолет поднимался в воздух. За ночь девушки делали до девяти вылетов.

Полеты требовали большого искусства, отваги и выдержки. Маршрут проходил над морем, горами и ущельями. Воздушные течения и восходящие потоки часто менялись. По воспоминаниям С. Амосовой: *«День за днем шла напряженная боевая работа. Нам особенно доставалось, когда наши По-2 пролетали вблизи Новороссийска: по самолетам била корабельная артиллерия, стреляли береговые батареи, зенитные орудия, расположенные в городе. Иногда аэродром обстреливали дальнобойные орудия. Между нами и летчиками-черноморцами установилось своеобразное взаимодействие: днем наносили удары по врагу они, а ночью мы»* [14].

Шесть ночей подряд летали девушки в Новороссийск. Им приходилось сбрасывать не только бомбы, но и боеприпасы, продовольствие, медикаменты десантникам 393-го батальона морской пехоты Ботылева, попавшим в окружение в районе элеватора и клуба им. И.В. Сталина (ныне – клуб портовиков). Во второй половине ночи на 15 сентября закончился заготовленный запас бомб. Тогда вооруженцы полка стали вооружать самолеты трофейными немецкими бомбами, лежавшими на аэродроме [15].

16 сентября Новороссийск был освобожден. Указом Верховного Главнокомандующего от 16 сентября 1943 г. 889-му ночному легкобомбардировочному полку было присвоено почетное наименование Новороссийского. Но о восьми экипажах 46-й гвардейского полка в приказе ничего не было сказано [16]. Девушки до 19 сентября поддерживали наступление наших войск на Анапу, подавляли огневые средства и уничтожая катера противника. После чего возвратились в полк, перелетевший в станцию Маевскую.

За участие в освобождении Новороссийска летчиков и штурманов наградили орденами Боевого Красного Знамени [17]. Из 16 летчиков и штурма-

нов, освобождавших Новороссийск, 11 чел. стали Героями советского Союза. Трое из них – посмертно. 9 октября за отличия в боях за освобождение Таманского полуострова приказом Верховного Главнокомандующего 46-й гвардейский полк получил почетное наименование Таманский.

Затем полк участвовал в освобождении Крыма, Белоруссии, Польши, Германии. 24 апреля 1944 г. за участие в освобождении Феодосии полк был награжден орденом Красного Знамени. За освобождение Белоруссии – орденом Суворова 3-й степени. 23 летчикам и штурманам полка было присвоено звание Героя Советского Союза. Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант Ирина Федоровна Себрова оказалась самым результативным летчиком, совершив 1004 боевых вылета. Ночным бомбардировщикам звание Героя Советского Союза присваивали за 300 боевых вылетов. В 46-м гвардейском авиаполку к этому званию представляли за 600 вылетов. Более 250 девушек были награждены орденами и медалями [18].

Французские летчики из полка «Нормандия – Неман», на одной из встреч с советскими летчиками-женщинами, желая выразить свое преклонение перед их подвигами, сказали: *«Если бы можно было собрать цветы всего мира и положить их к вашим ногам, то даже этим мы не смогли бы выразить свое восхищение советскими девушками-летчицами»*.

Примечания:

1. Маркова Г.И. Взлет. М., 1986. С. 69, 73–75.
2. Кравцова Н. Вернись из полета. М., 1979. С. 7–10.
3. 587-й бомбардировочный авиационный полк им. М. Расковой. 125-й гвардейский бомбардировочный Борисовский орденов Суворова и Кутузова авиационный полк им. М. Расковой // Авиаторы Второй мировой. URL: <http://www.allaces.ru/cgi-bin/s2.cgi/sssr/struct/p/bap587.dat>.
4. Литвинова (Розанова) Л. Летят сквозь годы. М., 1965. С. 57.
5. 586-й истребительный авиационный полк. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/586-й_истребительный_авиационный_полк.
6. Вершинин К.А. Четвертая воздушная. М., 1975. С. 138–139.
7. Маркова Г.И. Указ. соч. С. 92.
8. Вотинцева А.С. «Пешки» на боевом курсе // Высоты огневой юности. М., 1990. С. 241–245.
9. Ракобольская И., Кравцова Н. Нас называли ночными ведьмами. Так воевал женский 46-й гвардейский полк ночных бомбардировщиков. 2-е изд., доп. М., 2005. С. 216.
10. Там же. С. 231.
11. Вершинин К.А. Четвертая воздушная. М., 1975. С. 216, 231.
12. Вотинцева А.С. Указ. соч. С. 246–247, 253.
13. 587-й бомбардировочный авиационный полк им. М. Расковой. 125-й гвардейский бомбардировочный Борисовский орденов Суворова и Кутузова авиационный полк им. М. Расковой.

14. Ракобольская И., Кравцова Н. Указ. соч. С. 250.
15. Магид А.С. Гвардейский Таманский авиационный полк. М., 1960. С. 189–193.
16. «Подвиг Новороссийска» (Сб. документов и материалов). Краснодар, 1974. С. 240.
17. Литвинова Л.Н. «Летят сквозь годы...». Документальная повесть. М., 1965. С. 132.
18. 46-й гвардейский ночной бомбардировочный авиационный полк. URL: ru.wikipedia.org/wiki/46-й_гвардейский_ночной_бомбардировочный_полк.

В.А. Невежин

СТАЛИНСКАЯ «СТРАТЕГИЯ БАНКЕТА»: ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ В КРЕМЛЕ В ЧЕСТЬ СОЮЗНИКОВ (1943 г.)

В 1943 г., главным образом благодаря крупным победам Красной армии в сражении под Сталинградом в Курской битве, наступил коренной перелом во Второй мировой войне. Успехи, достигнутые СССР и его союзниками на фронтах войны против государств «оси», стали толчком для активизации дипломатических отношений между ними. Для закрепления договоренностей между союзниками И.В. Сталин практиковал организацию в Кремле дипломатических приемов (банкетов). Несколько таких приемов было устроено в 1943 г. В предлагаемой статье пойдет речь о поводах для устройства таких приемов и о специфике их протокола.

После нападения Германии на СССР международное положение коренным образом изменилось. СССР превратился в главного военно-политического партнера западных держав – Великобритании и США. В процессе формирования и дальнейшего развития антигитлеровской коалиции установились личные контакты И.В. Сталина, как главы государства, с лидерами стран, входивших в антифашистский боевой союз. Он обладал необходимой легитимностью для организации дипломатических приемов с их участием, в ходе которых обсуждались и решались важнейшие вопросы ведения союзниками войны против гитлеровской Германии и ее сателлитов.

Официальные дипломатические приемы с приглашением на них членов дипломатического корпуса устраивались в 1941–1945 гг. в Кремле для глав государств, правительств, ответственных работников ведомств в соответствии с основными правилами протокола, действующими в каждом государстве. Одним из важных поводов для их организации являлось подписание двусторонних или многосторонних договоров и соглашений основополагающего характера в рамках антигитлеровской коалиции. Помимо этого, дипломатиче-

ские приемы практиковались с целью оказания почестей или гостеприимства высшим государственным должностным лицам, находившимся с визитом в СССР в составе официальных делегаций.

Настоятельная необходимость координации военной, политической и дипломатической деятельности, конечной целью которой являлось достижение победы над общим врагом, потребовала постоянного обмена мнениями между руководителями союзных стран. В 1941–1942 гг. Москва превратилась в своеобразную Мекку, которую в период Великой Отечественной войны постоянно посещали их представители [1]. Но в апреле 1943 г., после того, как немцы вскрыли захоронения польских офицеров, казненных по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) в Катыни, Геббельс оповестил на весь мир о причастности Сталина к этому преступлению. Со своей стороны, советское руководство обвинило поляков, требовавших расследования всех обстоятельств Катынской трагедии, в сговоре с гитлеровцами в ущерб межсоюзническим отношениям. 27 апреля 1943 г. Советский Союз разорвал дипломатические отношения с польским правительством в изгнании, находившимся в Лондоне [2].

В этих обстоятельствах Москва пошла на усиление контактов с правительством Чехословакии в изгнании, также находившимся в Лондоне. Весной 1943 г. возникла идея подписания советско-чехословацкого договора о взаимопомощи наподобие того, какой был заключен между СССР и Великобританией 26 мая 1942 г., и предусматривавшего союзнические отношения в общей совместной борьбе против Германии и ее сателлитов. Однако Великобритания не одобрила этой идеи. Лишь в октябре 1943 г., в ходе Московской конференции министров иностранных дел трех держав, в результате дебатов между В.М. Молотовым и А. Иденом было, наконец, принято решение о возможности подписания советско-чехословацкого договора, проект которого прошел предварительное обсуждение.

Упомянутая выше конференция министров иностранных дел трех государств – членов антигитлеровской коалиции: СССР, Великобритании и США проходила с 19 по 30 октября 1943 г. Советскую делегацию на ней возглавлял В.М. Молотов, американскую – государственный секретарь К. Хэлл, британскую – А. Иден. Впервые главы внешнеполитических ведомств трех великих союзных держав имели возможность непосредственно за столом переговоров обсудить важнейшие вопросы ведения войны против Германии и ее сателлитов, а также различные проблемы послевоенного устройства мира. Были созданы предпосылки для организации встречи «в верхах» лидеров трех держав-членов антигитлеровской коалиции (И.В. Сталина, Ф.Д. Рузвельта и У. Черчилля), которая открылась месяц спустя в Тегеране. По завершении Московской конференции вечером 30 октября 1943 г. в Кремле состоялся дипломатический прием [3].

Все дипломатические приемы 1941–1945 гг. в честь лидеров государств-членов антигитлеровской коалиции устраивались в парадном

Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца. Он был отделан светлыми шелковыми шпалерами и золотой лепкой в стиле барокко. Стены под потолком украшали вензеля императрицы Екатерины II с девизом «За любовь и отечество» [4]. Убранство этого парадного кремлевского помещения соответствовало торжественности проводимых предусмотренных дипломатическим протоколам мероприятий: *«Зал был заставлен столами, украшенными красными гвоздиками и сервированными серебром и сверкающим фарфором»* [5].

Одна из важных протокольных норм, которая напрямую затрагивает церемониал дипломатических приемов – это проблема рассадки хозяев и гостей за обеденным столом. Рассадка на всех видах протокольных мероприятий, особенно при визитах на высшем уровне, осуществляется в полном соответствии с общепринятыми правилами вежливости и церемониала. Принцип рассадки исходит из строго соблюдения признанного служебного или общественно-политического положения гостей [6].

При подготовке банкетов сотрудникам протокольной службы Народного комиссариата иностранных дел СССР требовалось приложить все свои умение и опыт, чтобы выбрать соответствующий значимости зарубежного гостя вариант рассадки хозяев и гостей за главным столом. Так, во время банкета 30 октября 1943 г. главный стол *«тянулся вдоль стены, обтянутой зеленоватыми муаровыми обоями»*. Справа от И.В. Сталина сидел К. Хэлл, слева – А. Гарриман. С В.М. Молотовым соседствовали А. Иден и посол Великобритании в Москве А.К. Керр. Советские переводчики В.М. Бережков и В.Н. Павлов занимали места, соответственно, около К. Хэлла и А.К. Керра [7].

11 декабря 1943 г., согласно предварительной договоренности, достигнутой на Московской конференции относительно подписания союзнического соглашения между СССР и Чехословакией, чехословацкий президент Э. Бенеш и сопровождавшие его лица прибыли в Москву. Он был встречен с такими же почестями, какие незадолго до того, в октябре 1943 г. оказывались главам внешнеполитических ведомств Великобритании и США. Э. Бенеша и посла ЧСР в СССР З. Фирлингера принял Председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин. Вечером того же дня Калинин устроил в Кремле прием в честь президента Чехословакии, на котором присутствовал и И.В. Сталин.

Начальник канцелярии чехословацкого президента Я. Смутны так описывал момент появления главы чехословацкой делегации в Кремле перед началом банкета: *«Приветствуемый и сопровождаемый офицерами, по лестнице со шпалерами солдат, по галерее зала заседаний Советов со статуей Ленина в передней части и через зал рядом с накрытым для банкета столом, д-р Бенеш был введен в меньший зал, где собрались гости, генералы и сотрудники Наркоминдела в черных парадных мундирах»*. Из этого описания следует, что Э. Бенеш и сопровождавшие его лица прошли через Зал заседаний, где про-

ходили съезды большевистской партии, миновали Георгиевский зал и вошли в Екатерининский зал, который, как уже упоминалось выше, для проведения официальных дипломатических приемов.

Вслед за этим появились М.И. Калинин и И.В. Сталин. По словам Я. Смутного, это была живописная процессия. Во главе ее шел Калинин, за ним, немного позади, Сталин, сопровождаемый маршалами, генералами и соратниками по Политбюро ЦК ВКП(б) (Смутны назвал их *«цивильными коммунистами»*). Начальник канцелярии чехословацкого президента, очевидно, хорошо представлявший все тонкости дипломатического протокола, отмечал: это *«несколько театральное появление замышлялось для [произведения] эффекта на ожидавших гостей, которые уже со стороны и довольно приличное время должны были смотреть на приходящего Сталина»* [8].

В роли хозяина стола (тамады) на приеме 11 декабря 1943 г. выступал В.М. Молотов. В данной связи следует особо подчеркнуть, что И.В. Сталин никогда не выступал первым на больших кремлевских приемах, которые устраивались в 1930–1940-е гг. для представителей советской элиты. На этих банкетах он никогда не исполнял и функции тамады. В полной мере этот относилось и к дипломатическим приемам, которые проходили в период Второй мировой войны в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца (хотя, как будет отмечено ниже, иногда встречались и исключения из этого правила).

Функции тамады и на больших кремлевских приемах, и дипломатических раутах, чаще всего доверялись В.М. Молотову, главе советского внешнеполитического ведомства. Современники и очевидцы событий были едины во мнении о том, что по своему характеру Молотов был человеком сухим и в какой-то степени даже страдал занудством. Адмирал Н.Г. Кузнецов так писал по этому поводу: *«По характеру сухой, редко улыбающийся и угрюмый человек, он даже при просмотре какой-нибудь кинокомедии в присутствии Сталина и гостей был официален и не допускал никаких “вольностей”»* [9]. Аналогичным образом описывал своего «шефа» проработавший 10 лет под его началом во внешнеполитическом ведомстве В.И. Ерофеев: *«Вообще, В.М. был по натуре человеком сухим, жестким, желчным, часто занудным. Шуток не любил и не понимал, а его редкие собственные попытки пошутить выглядели натужными, искусственными»* [10]. Не случайно поэтому, тосты Молотова, которые он произносил на кремлевских приемах и на дипломатических раутах, как правило, не отличались остроумием, были официальными и однообразно-скучными. В какой-то мере это сказывалось и на общей атмосфере, царившей на дипломатических приемах. Я. Смутны отмечал по этому поводу, имея в виду банкет в кремле 11 декабря 1943 г.: *«Все происходило как бы по обязанности, со скуки, лишь для самих русских. За себя поднимали тосты, себя приветствовали, сами себя развлекали, если вообще говорили. Только много пили, когда произносили тосты [...]». Во время ужина последовал бесконеч-*

ный ряд тостов, которые сплошь произносил Молотов: за Красную Армию, за Сталина, за Калинина, за всех присутствовавших маршалов по очереди, за чехословацкую армию и т.д.»

И.В. Сталин на приеме в честь Э. Бенеша 11 декабря 1943 г. стремился продемонстрировать свою неприязнь к английским и французским союзникам, которые именовались «империалистами» и представлялись недоброжелателями не только Советского Союза, но и малых европейских стран (в частности, Чехословакии). В то же время он стремился доказать, что СССР всегда строго придерживается заключенных межгосударственных соглашений и верен партнерам, заключающим с ним дипломатические договоры [11].

После подписания советско-чехословацкого договора Э. Бенеш с 13 по 22 декабря 1943 г. вел официальные переговоры с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым, в ходе которых обсуждались перспективы разностороннего сотрудничества между Чехословакией и СССР, вопросы организации чехословацких воинских частей на советской территории; судьба Германии и Венгрии после окончания войны; отношения к Австрии, Румынии, Югославии, Франции, Италии и т.д.

22 декабря в 20.00 состоялся обмен ратификационными грамотами, после чего И.В. Сталин устроил прием в честь Э. Бенеша. На приеме присутствовало 46 чел., из них 13 – представителей Чехословакии [12]. Церемониал этого банкета как бы повторял протокольную часть ужина 11 декабря, только на этот раз в роли хозяина стола выступил сам Сталин. Он провозглашал тосты в адрес отдельных лиц, занимавших места за гостевым столом, и каждый из отмеченных им спешил навстречу тамаде, как только тот поднимался со своего места.

Члены чехословацкой делегации были буквально ошеломлены меню из 16-ти блюд, которые было им предложено. Кушанья, поданные участникам кремлевского дипломатического приема 22 декабря 1943 г., были поистине экзотическими:

«Холодная закуска:

Икра зернистая, икра паюсная – расстегайки

Семга

Салат “паризьен”

Поросенок холодный с хреном

Масло

Огурцы кавказские

Горячая закуска:

Плов из молочного барашка

Стерлядь миньер с каперсами

Обед: суп-крем из пулярды (пулярки)

Кансоте профитроль

Пирожки разные

*Нельма разварная, соус муслин
Индейка, цыпята, куропатки с красной капустой
Валованчики Маседуан
Пломбир ореховый
Мороженое фруктовое*

Кофе, ликеры, фрукты, петифур, сыры разные, миндаль» [13].

Подававшиеся на дипломатических приемах И.В. Сталина потрясающие (даже для искушенных иностранных государственных деятелей и дипломатов) угощения, а также разнообразные спиртные напитки способствовали снятию имевшегося напряжения, делая неформальной, а порой и просто дружественной, атмосферу застолья.

Разрядке атмосферы дипломатических приемов способствовали и импровизированные концерты, которые устраивались для их участников. В военные годы многие профессиональные музыканты и исполнители, солисты Большого театра находились в эвакуации либо являлись участниками фронтовых бригад, выступая перед бойцами и командирами близи передовой. Поэтому нелегкая задача встала перед Н.С. Власиком, начальником личной охраны И.В. Сталина и заместителем директора ГАБТ Ф. Петровым, когда им было поручено организовать концерт в честь участников Московской конференции 30 октября 1943 г. В конечном счете, удалось собрать группу артистов, в основном, солистов Большого театра: скрипача Д.Ф. Ойстраха, певцов И.С. Козловского, С.Я. Лемешева, М.Д. Михайлова, М.О. Рейзена, певиц В.В. Барсову, Н.Д. Шпиллер, а также А.И. Райкина. У аккомпаниатора А.Д. Макарова не оказалось хорошего костюма, поэтому он одолжил фрак у Д.Ф. Ойстраха. Кроме того, Макарову пришлось аккомпанировать скрипачу без нот, буквально по памяти. Однако концерт прошел успешно, а Сталин по достоинству оценил их добросовестный труд [14].

Дипломатические приемы, которые устраивал И.В. Сталин в Кремле для лидеров и представителей союзных держав в военный в период вообще и, в частности, в переломном 1943 г., во многом способствовали налаживанию непосредственных личных контактов с зарубежными государственными деятелями и дипломатами, представлявшими страны-участницы антигитлеровской коалиции, укреплению этого боевого союза. В то же время они являлись одной из практикуемых форм общения в советской политической среде. Эти застолья относились к разряду мероприятий государственного масштаба, сыгравших решающую роль в деле еще большего упрочения позиций СССР на международной арене в год перелома во Второй мировой войне.

Примечания:

1. Невежин В.А. Дипломатические приемы Сталина в Кремле 1941–1945 гг. // Проблемы массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию начала Великой Отечественной войны. Материалы VII Международ. науч. конф. Краснодар, 2012. С. 340–356.

2. Внешняя политика СССР. Сб. документов. Т. 5 (июнь 1941 – сентябрь 1945 гг.). М., 1947. С. 269.
3. Документы внешней политики СССР. 1942. Т. XXV. В 2 кн. Кн. 1. М., 2010.
4. Невежин В.А. Застольные речи Сталина. Документы и материалы. М.– СПб., 2003. С. 334–338.
5. Большой Кремлевский дворец. Изд. 2-е, доп. М., 2010. С. 203–209.
6. Невежин В.А. Застольные речи Сталина... С. 335.
7. Лядов П.Ф. История российского протокола. М., 2003. С. 124.
8. Невежин В.А. Застольные речи Сталина... С. 336–340.
9. Там же. Документ № 85.
10. Кузнецов Н.Г. Крутые повороты: Из записок адмирала. М., 1995. С. 94–95.
11. Ерофеев В.И. Дипломат: книга воспоминаний. М., 2005. С. 116.
12. Невежин В.А. Застольные речи Сталина... Документ № 85.
13. Там же. С. 374.
14. Переговоры Э. Бенеша в Москве (декабрь 1943 г.) / Пер. документов и вступ. ст. В.В. Марьиной // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 7–8, 20, прим. 3.
15. Рыбин А. Рядом со Сталиным в Большом театре (Записки военного коменданта). М., [б.г.]. С. 67–68.

С.А. Кислицын

Б.А. Двинский во главе Ростовской области накануне и во время Великой Отечественной войны

История Великой Отечественной войны изучена далеко не полностью. Советские схемы ее освещения устарели, новые подходы зачастую грешат приблизительностью и очернительством. Если ранее деятельность Всесоюзной коммунистической партии большевиков объявлялась главным источником победы, то в постсоветскую эпоху историки об этой роли или молчат, или доказывают, что партия была чуть ли не тормозящим фактором. Всесторонняя оценка роли Коммунистической партии – дело будущего. В данной работе предпринята попытка показать деятельность политического руководителя Ростовской области Б.А. Двинского во время войны.

Борис Александрович Двинский родился в 1894 г. в обеспеченной семье судейского чиновника. В 1917 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. С 1917 г. работал в г. Талдым учителем, затем в партийных органах. Но в 1925 г. его взяли в аппарат И.В. Сталина в секретный, позднее особый отдел. Б.А. Двинский был помощником генерального секретаря «для особых поручений».

В 1937 г. Б.А. Двинский был направлен в только что образованную Ростовскую область, где стал вторым секретарем обкома партии. Он дол-

жен был осуществлять контроль над деятельностью опального чекиста Е.Г. Евдокимова, ставшего первым секретарем обкома ВКП(б), а в перспективе сменить его на этом посту, что и произошло через год. После ареста Евдокимова Двинский продолжил репрессивную политику в отношении старых партийных кадров. Сохранились его телеграммы о расширении квот на аресты кадров, на высылку раскулаченных и т.д. Ответом на его просьбы было, например, решение Сталина: *«Разрешить Ростовскому обкому ВКП(б) и УНКВД по Ростовской области передать на рассмотрение тройки по делам кулаков и контрреволюционных элементов дела участников вскрытых контрреволюционных групп, увеличив для этой цели лимит на 5 тыс. человек, в том числе по первой категории на 3 500 человек»* [1]. Однако, бесспорно, деятельность Б.А. Двинского не исчерпывалась репрессивными акциями. Он занимался социально-экономическими аспектами жизни области и другими вопросами. Со своими обязанностями справлялся достаточно успешно и был включен в состав ЦК ВКП(б) и Верховного Совета СССР.

Когда началась Великая Отечественная война, областная парторганизация осуществляла под его руководством широкомасштабную деятельность по мобилизации усилий трудящихся на дело победы. Именно в период войны Б.А. Двинский наряду с другими партийными руководителями проявил свои лучшие качества. На фронте были Л.И. Брежнев, М.А. Бурмистенко, К.С. Грушевой, П.И. Доронин, А.А. Епишев, В.Г. Жаворонков, А.А. Жданов, С.Б. Задионченко, П.З. Калинин, Я.Э. Калнберзин, А.П. Кириленко, А.А. Кузнецов, Г.Н. Куприянов, Д.З. Мануильский, П.К. Пономаренко, З.Т. Сердюк, А.Ю. Снечук, М.А. Суслов, Н.С. Хрущев, Т.Ф. Штыков, А.С. Щербаков и другие партийный руководители. В целях усиления политической работы в войсках ЦК ВКП(б) поднял роль военных советов фронтов, округов, армий, флотов и флотилий. Среди членов военных советов 3 чел. были членами Политбюро ЦК ВКП(б), 10 – членами ЦК ВКП(б), 26 – кадровыми политработниками. Б.А. Двинский, имевший звание бригадного комиссара, был членом Военного совета 56-й армии, оборонявшей Ростов-на-Дону, а после второй сдачи города летом 1942 г. – членом военных советов 1-й и 3-й гвардейских армий в период Сталинградской битвы.

По решению Государственного комитета обороны СССР в Ростове 26 октября 1941 г. был создан городской комитет обороны, которым стал руководить Б.А. Двинский (сменив на этом посту И.П. Кипаренко). На территории Ростовской области при его непосредственном участии было сформировано более 70 истребительных батальонов численностью 100–200 чел. каждый, организовано около 70 партизанских отрядов и групп, объединивших до 5 тыс. чел. Комитет обороны руководил строительством оборонительных сооружений, эвакуацией населения, заводов, фабрик, учебных заведений, ценного имущества, скота. По решению Военного совета Северо-Кавказского военного округа и Ростовского обкома партии 9 августа 1941 г. была создана 339-я Ростовская стрелковая дивизия. В середине июля 1941 г. был создан

Ростовский стрелковый полк народного ополчения. Его подразделения показали высокие моральные качества в боях, хотя в военном отношении они значительно уступали строевым частям и несли большие потери.

20 ноября 1941 г. Ростов-на-Дону был захвачен немецкими войсками. Но уже через неделю советские войска в ходе контрнаступления отбили город. 1 декабря 1941 г. из Москвы на имя Б. А. Двинского пришла шифротелеграмма от имени И.В. Сталина. В ней огульно и бездоказательно утверждалось, что *«ростовские военные и партийные организации оборону Ростова вели из рук вон плохо и преступно легко сдали Ростов. Оборонительная линия перед Ростовом была уступлена противнику без сколько-нибудь серьезного сопротивления. В самом Ростове не было сделано необходимых заграждений. Чердаки, крыши, верхние этажи домов не были использованы для уничтожения противника гранатами, пулеметным и ружейным огнем. Никакого сопротивления рабочих в Ростове Вами не было организовано. Все это является грубейшей ошибкой ростовских военных и партийных организаций»* [2]. Двинский, неожиданно для Сталина, фактически не согласился с такими утверждениями и косвенно, но понятно намекнул, что в новых условиях судьба городов решается полевыми армиями, а не неподготовленными в военном отношении рабочими ополчениями в уличных боях. В телефонограмме первого секретаря обкома ВКП(б) Двинского на имя Сталина из Ростова 5 декабря 1941 г., в частности, сообщалось: *«Длинно рассказывать все детали, но факт тот, что одни части были смяты, другие уже в самом городе отступали, дрогнув. Город был окружен с трех сторон, по всем направлениям сил не хватало, наступление 37-й и 9-й армий страшно запаздывало, и у нас не было ни одного человека в резерве во время внутригородской обороны. Нависла угроза беспрепятственного открытия дороги на другой берег. Нынешний успех удался, так как враг был сильно истощен борьбой за Ростов, и нам было чем ударить с юга. В самом Ростове дрались, и крепко дрались... Товарищ Сталин! В 65-ти километрах от Таганрога мы сдерживали врага в течение 43-х дней, и он был наказан. Тяжело слышать слова о позорной сдаче, когда удалось вернуть крупный город и выгнать врага»* [3].

Не все местные руководители выдержали испытание. Так, в октябре 1941 г. в связи с угрозой Ростову секретарь Ростовского обкома партии Б. Ромой бежал из города и был исключен из партии с формулировкой *«за малодушие и трусость»*. О маршале Советского Союза Г.И. Кулике, представителе Ставки на Южном фронте Б.А. Двинский писал И.В. Сталину 22 февраля 1942 г.: *«На словах Кулик все время подчеркивал свою веру в конечную победу Советского Союза под Вашим руководством, лишь бы только производилось больше оружия ("вот, не слушали меня, старого артиллериста, когда я требовал отпускать больше средств на вооружение")*. На деле он, да и другие военные, не верили в защитимость от танковой атаки врага и в эффективность простейших средств борьбы против них. Так, 17 октября меня, как секретаря обкома партии, вызвали в штаб СКВО и Кулик, только что при-

ехавший с поля боя, заявил мне, что силы наши после упорного сражения под Таганрогом истрачены, противник идет танками на Ростов, что задержать противника до города нельзя, будем давать городской бой, а я, как секретарь обкома, должен вывести безоружное население из города, чтобы не мешали бою и не гибли зря. Так и было сделано – не без паники в городе: кого могли, вывели за Дон, причем некоторые “активисты” убежали значительно дальше. Однако никакие танки на Ростов не пошли; видимо, противник понес такие потери, что ему пришлось потом долго собираться с силами....» [4]. Некоторые публицисты считают сообщение Двинского «доносом» на Кулика [5], но это не так. Речь шла о судьбах страны, и было недопустимо утаивать отсутствие полководческих способностей у маршала Г.И. Кулика.

Проверка Генеральным штабом РККА состояния рубежей обороны Ростова показала, что до первого занятия противником Ростова было построено всего 21 огневое сооружение без увязки системы огня. Но это вряд ли можно поставить в вину лично Б.А. Двинскому, тем более что Ростов был единственным городом, где в это время удалась контрнаступательная операция. В дальнейшем городской комитет обороны делал все возможное для строительства оборонительных рубежей Ростова. Так, из 72 постановлений, принятых комитетом в период с начала декабря 1941 г. по июнь 1942 г., 32 решения были посвящены вопросам оборонительного строительства. На строительные работы было мобилизовано 43 тыс. ростовчан. 8 декабря 1941 г. для мобилизации сил и средств города и координации деятельности военных и гражданских организаций было создано управление ростовских обводов. Ему удалось наладить выпуск сборных конструкций долговременных огневых сооружений. Однако враг во время нового наступления просто обошел оборонительные сооружения.

Были и другие проблемы. В телеграмме Б.А. Двинского И.В. Сталину от 16 июня 1942 г. говорится: *«Первое. В районах Ростовской области, которые были оккупированы немцами, до сих пор находятся семьи изменников, ушедших с немецкими войсками, когда их прогнали из Ростова и ряда районов. Теперь в этих районах стоят части Красной Армии, сооружены оборонительные укрепления, и эти семьи, настроение которых, конечно, плохое, надо выселить, и поскорей, так как держать их тут становится все опасней и опасней. Всего таких семейств по освобожденным от оккупации районам и городу Ростову мы определили 1447...» [6].* Способ решения данной проблемы был типичным для районов боевых действий.

Б.А. Двинский много внимания уделял казачьему вопросу. 15 июля 1941 г. Ростовский обком ВКП(б) принял постановление о создании Донской казачьей добровольческой кавалерийской дивизии. В постановлении предлагалось приступить к комплектованию казачьих сотен из добровольцев непризывного возраста, но владевших оружием; выделить конский состав и оснастить казаки сотни обозно-вещевым довольствием (тачанками, седлами, сбруей) за счет колхозов и совхозов; утвердить командиров полков и сотен и т.д. На

4 августа 1941 г. было подано 21 337 заявлений казаков о приеме в ополчение. 2 сентября 1941 г. Ростовский обком ВКП(б) принял постановление «О проведении слетов красных партизан, донских казаков». В нем давалась политическая установка: *«1. Обратить внимание на то, что в современных условиях должна быть всемерно усилена работа среди донского казачества, направленная к тому, чтобы сосредоточить все усилия казаков на отпор немецким захватчикам. Надо иметь в виду, что враг всеми способами будет разлагать казачество (сбрасывание листовок, подсылка эмигрантов, агитаторов и пр.), а потому мы должны усилить свою большевистскую, советскую патриотическую агитацию и пропаганду среди казачества»*. 3 января 1942 г. Ростовский обком ВКП(б) обсудил вопрос «О ходе формирования Донской добровольческой казачьей дивизии». Он принял решение привлечь к доукомплектованию Донской дивизии большее число районов, чем было предусмотрено в предыдущих решениях. Обком ВКП(б) утвердил разнарядку по 50 районам области, согласно которой надлежало отобрать для Донской дивизии дополнительно 1580 чел. и 1880 лошадей.

В сентябре 1942 г. немецкое командование группы армий «Юг» стало формировать свои казачьи части из изменников Родины. Для идеологического обоснования этой акции нацистами была разработана теория, согласно которой казаки являлись потомками остготовов, владевших причерноморским краем во II–IV вв. и, следовательно, не славянами, а самостоятельным народом германского корня, «сохраняющим прочные кровные связи со своей германской прародиной». 25 января 1943 г. П.Н. Краснов подписал обращение, в котором призывал казачество на борьбу против большевиков на стороне нацистов. В этом документе абсолютизировалось этническая самобытность казаков, но не было сказано ни одного слова о России [7].

Ростовский обком ВКП(б) принял решение, обязывавшее райкомы партии усилить взаимодействие с казачеством. Районные газеты рассказывали на своих страницах о подвигах казаков-гвардейцев. Было принято совместное постановление Ростовского обкома ВКП(б) и облисполкома о принятии шефства Ростовской областью над частями 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса. В целом, большинство донского казачества выступила на защиту Отечества. Альтернативная точка зрения [8] не имеет серьезного документального подтверждения.

Со второй половины февраля 1943 г., после освобождения Ростова-на-Дону, вновь начал выполнять свои функции Ростовский комитет обороны и Ростовский обком партии во главе с Б.А. Двинским [9]. С 16 февраля 1943 г. по 22 января 1944 г. комитет обороны принял 70 постановлений по кадровой проблеме, строительству, укреплению правопорядка, восстановлению промышленных и транспортных предприятий, кооперированию и т.д. [10].

Необходимо отметить профессиональные и личные качества Б.А. Двинского. Тепло вспоминали о нем как об управленце и человеке Н.С. Хрущев, маршалы А.А. Гречко и И.Х. Баграмян и другие советские руко-

водители и военачальники. В частности, генерал армии Г.И. Хетагуров писал: *«Особенно понравился мне Б.А. Двинский – бывший секретарь Ростовского обкома партии, человек твердого характера и больших организаторских способностей»* [11]. Нередко встречались и такие оценки: *«это простой в обращении, обаятельный человек. Все практические вопросы работы я решил с ним легко и быстро»* [12].

В 1944 г. хорошо проявивший себя в области Б.А. Двинский получил повышение – он стал наркомом (с марта 1946 г. – министром) заготовок СССР. В 1950–1951 гг. он занимал должность заместителя председателя Бюро Совета Министров СССР по сельскому хозяйству. В 1951–1952 гг. был помощником заместителя председателя Совета Министров СССР Г.М. Маленкова по вопросам заготовок сельскохозяйственных продуктов. В 1952–1954 гг. – заместителем заведующего отделом ЦК КПСС. После XX съезда КПСС карьера сталинского выдвиженца закончилась.

Б.А. Двинский являлся типичным представителем второго – сталинского – поколения большевистской политической элиты со всеми присущими для нее позитивными и негативными особенностями. Он, как и многие другие секретари обкомов, был полностью вписан в партийно-политическую систему, и своей деятельностью отразил все ее качества. Несомненно, что он, как и руководство правящей партии, внес в целом большой вклад в победу советского народа в Великой Отечественной войне. На наш взгляд, в честь 70-летия Победы следует установить в Ростове-на-Дону мемориальную доску в честь председателя Ростовского городского комитета обороны Б.А. Двинского.

Примечания:

1. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об увеличении лимита по кулацкой операции Ростовскому обкому ВКП(б)» // Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. М., 2004. С. 538.
2. См.: Зенькович Н.А. XX век. Высший генералитет в годы потрясений. М., 2005; Жирнов Е. Злоупотребляя званием маршала Советского Союза // Коммерсантъ Власть. 2011. 20 февраля. № 7 (961).
3. Жирнов Е. Указ. соч.
4. Там же.
5. Кисин С. Обком звонит в колокол. 2. Уклонисты, «кардиналы», партизаны... // Вестник. Экономика, инфраструктура. инвестиции. 2007. № 5 (12).
6. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 11. Д. 66. Л. 47.
7. Пятый Донской. Воспоминания ветеранов 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского Краснознаменного Будапештского корпуса. Ростов н/Д, 1979.
8. Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. М., 2010. С. 209.
9. Двинский Б.А. Все наши силы на восстановление народного хозяйства. Доклад секретаря Ростовского обкома ВКП(б) т. Б.А. Двинского на пленуме

- обкома ВКП (б) // Молот. 1943. 2 марта; Его же. О задачах областной партийной организации в связи с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Доклад секретаря Ростовского обкома ВКП(б) т. Б.А. Двинского на пленуме обкома ВКП (б) // Молот. 1943. 5 сентября; Кипаренко И.П. О ходе выполнения постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Доклад председателя исполкома областного Совета депутатов трудящихся на VII сессии Ростовского областного Совета депутатов трудящихся // Молот. 1943. 23 ноября и др.
10. Селюнин В.А. Воссоздание органов управления в освобожденных районах Юга России (1943–1944 гг.) // Мы победу приближали, как могли. Материалы междунаро. науч. конф., посв. Великой Отечественной войне (с акцентом на события 1943 г.). Москва, 18–19 апреля 2003. Смоленск, 2003.
 11. Хетагуров Г.И. Исполнение долга. М., 1977.
 12. [Воспоминания Степана Михайловича Дроздова] // Вперед. Муниципальная общественно-политическая газета Сергиево-Посадского района. 2005. 1 ноября.

РАЗДЕЛ 2

ОККУПАЦИЯ, СОПРОТИВЛЕНИЕ И КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ

В.Ф. Семистяга

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ УССР и РСФСР НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

Невзирая на ожесточенное сопротивление Красной армии, войска нацистской Германии к осени 1941 г. оккупировали практически всю Украинскую ССР, за исключением узкой полосы Подонцовья на востоке республики. Правительство, партийно-политическое руководство, ряд организаций и ведомств УССР, а также штабные учреждения Юго-Западного фронта разместились на территории Ворошиловградской (в настоящее время – Луганской) области. Надеясь на перелом в ходе боевых действий, они в сложных прифронтовых условиях пытались выполнять возложенные на них функции. Однако очередное тяжелое поражение РККА весной-летом 1942 г. под Харьковом и в Крыму, последовавшая затем полная оккупация Украины и стремительный прорыв немецких войск к Волге и Кавказу поставили страну на грань катастрофы. И только в результате мобилизации всех сил и средств на отпор врагу в ходе Второй мировой войны в 1943 г. произошел коренной перелом. Начало ему положило грандиозное Сталинградское сражение. Разгром отборных частей вермахта, а также союзных итальянских и румынских войск в ходе битвы положил начало освобождению Украины от оккупантов. Все это достаточно полно отражено в историко-мемуарной и научной литературе.

Вместе с тем, события, происходившие в районе украино-российского порубежья накануне и во время Сталинградской битвы, до сих пор в должной степени не исследованы. Об этом свидетельствуют специальные работы, посвященные событиям того времени. Среди них выделяется коллективное исследование еще советского периода украинских историков И. Кураса

и А. Кентия, в котором на документальной основе проанализированы формирование и оперативная деятельность Украинского штаба партизанского движения (далее – УШПД). В том числе – подготовка партизанских кадров через систему курсов и школ УШПД в Ворошиловграде и Саратове [1]. Деятельности бывших выпускников Ворошиловградской спецшколы УШПД – подпольщиков-молодогвардейцев посвящены исследования С. Косенко [2], В. Левченко [3], В. Семистяги [4]. Не обойдена эта тема и в истории деятельности органов государственной безопасности на Луганщине [5]. Особое место при анализе и реконструкции уже далеких от нас событий занимают новые наработки А. Кентия и В. Лозицкого [6], а также уникальный сборник документов, подготовленный совместно украинскими и российскими историками «Родня» [7]. Но в научном отношении данная тема по-прежнему актуальна. Поэтому автор данной работы, стремясь восполнить пробел в исследовании событий, происходивших во второй половине 1942 – начале 1943 гг. на Ворошиловградщине, не только использует новую документальную базу, но и обращает особое внимание на противостояние немецких и советских спецслужб, на развенчивание мифов и победных реляций отечественных историков о поразительных успехах советских спецслужб в борьбе с коварным и опытным противником.

Документы свидетельствуют, что, начиная боевые действия на Востоке, военно-политическое руководство Германии четко определило место и роль партизанской борьбы в вооруженном противостоянии с СССР. А поэтому, осознав реальную угрозу со стороны коммунистического повстанческого движения – предприняло ряд упреждающих мер. К сожалению, только крушение надежд изгнать врага с оккупированных территорий к концу 1942 г. заставило советское руководство изменить отношение к состоянию партизанской борьбы. Однако этот процесс протекал медленно и непоследовательно. И, тем не менее, на территории Ворошиловградской области при Военном совете Юго-Западного фронта начал формироваться УШПД. Возглавил его заместитель наркома внутренних дел УССР Т. Строкач. Он же возглавил и 4-е Управление НКВД УССР, занимавшееся организацией партизанской борьбы, которое базировалось в Ворошиловграде.

Здесь же в областном центре 15 марта 1942 г. 4-м Управлением НКВД УССР была сформирована спецшкола для подготовки организаторов партизанских отрядов и радистов. Для нее создали мощную материально-техническую базу. С целью обеспечения радиосвязи с диверсионными группами, зафронтовой агентурой и партизанскими отрядами соорудили радиостанцию мощностью 250 ватт. Одновременно шло строительство еще двух таких же радиостанций в Ворошиловграде и Воронеже. Для работы в тылу врага только завод № 139 изготовил и передал 4-му Управлению НКВД УССР 100 портативных раций специальной конструкции [8].

1 апреля школа приступила к работе. 20 июня 1942 г. ее передали в ведение УШПД. Подготовленные здесь кадры сыграли большую роль в развитии

партизанского движения на всей оккупированной врагом территории СССР и стран Восточной Европы. Только в июне 1942 – декабре 1943 гг. из ее стен было выпущено 64 % от общего количества подготовленных специалистов УШПД. При этом главный упор делался на обучение их минно-подрывному делу и радиосвязи, что соответственно составляло 57 % и 28 % всех выпускников школ УШПД [9]. Особое внимание уделялось и парашютному делу. Перед отправкой для выполнения заданий выпускники школы учились десантироваться с самолетов в условиях, приближенных к боевым на аэродромах Воронежской, Ростовской и Ворошиловградской областей.

В условиях активных военных действий выпуски специалистов были ускоренными, что не могло не отразиться на выполнении боевых задач. Особенно это касалось радистов: в условиях недостаточного количества радиоаппаратуры при большом контингенте тех, кто ею овладевал, часть выпускников была плохо подготовлена для двухсторонней радиосвязи. Если лучшие из них принимали по радиции 100–110, а передавали 80–90 знаков латинского текста в минуту, то третья часть едва принимала 75–85, а передавала 60–70 знаков. У других показатели были вообще посредственными [10]. Поэтому для выполнения боевых задач руководство НКВД формировало группы из части выпускников московских и лучших выпускников Ворошиловградской спецшколы. Это давало возможность избежать провала, так как радиоаппаратура и питание к ней были у обоих радистов, и работать они могли только в паре. К сожалению, в непредвиденной ситуации это приводило к трагическим последствиям...

Когда нависла угроза захвата частями вермахта Ворошиловграда, школу эвакуировали на станцию Трубецкую, затем в Сальск и, наконец, в Сталинград. Решением Военного совета Юго-Западного фронта сюда эвакуировали и УШПД. Однако военная ситуация вынудила перебазировать школу в Энгельс, а затем в Саратов, где также разместились украинские ведомства и организации. В Саратове школа находилась в помещении Ремесленного училища № 17 по улице Цыганской, № 150, и по-прежнему готовила специалистов для УШПД. К сожалению, и здесь ее деятельность находилась в поле зрения спецслужб противника. Об этом свидетельствует докладная записка начальника отдела контрразведки «Смерш» Приволжского военного округа Казанцева заместителю начальника Главного управления «Смерш» Наркомата обороны СССР П. Мешеку.

Как выяснилось, в числе десантированных во вражеский тыл 11 бывших слушателей после приземления перешли для работы в органы немецкой разведки, а 3 выпускника отказались идти на выполнение спецзадания. Бывший слушатель школы А.М. Бледнов, выполняя спецзадание, 25 октября 1942 г. был арестован немецкой контрразведкой. На допросах он дал развернутые показания о себе, перечислил всех слушателей спецшколы, сотрудничая с врагом, дезинформировал УШПД. С целью переброски в советский тыл, был оставлен в Ворошиловграде до прихода частей Красной армии [11].

Ворошиловградский период – самый сложный и драматический в деятельности спецшколы. Вопреки близости фронта, эвакуации личного состава и материально-технической базы в 1942 г. здесь подготовили 221 радиста и 1203 подрывников. В основном, это были представители Донбасса. В частности, ворошиловградец Перекотий после седьмого класса в 1940 г. поступил в железнодорожный техникум в областном центре, откуда со второго курса весной 1942 г. пошел в спецшколу. Окончив ее досрочно, уже в августе-сентябре 1942 г. отличился как радист оперативной группы при Сталинградском фронте. За эти и другие подвиги был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, медалями «За боевые заслуги», «Партизану Отечественной войны» 1-й степени, другими боевыми наградами.

Выполняя специальные задачи, отличились и девушки, как, например, Любовь Шевцова, чей подвиг самоотверженной службы отчизне – пример для многих поколений молодежи. Предметом особой гордости школы стали члены подпольного Ворошиловградского горкома и обкома комсомола, связанные ЦК ЛКСМ Украины, молодогвардейцы В. Третьякевич, Ю. Алексенцев, В. Сериков, В. Загоруйко, В. Левашов, С. Левашов, Л. Шевцова. Они не только были лучшими курсантами, которые досрочно освоили программу курсов, но и проявили мужество и героизм при выполнении своего долга и клятвы.

Школа являлась «крепким орешком» для абвера и других спецслужб Германии и Италии. Они постоянно пытались обнаружить ее место базирования, уничтожить материально-техническую базу, личный состав, захватить живыми при выполнении специальных заданий кого-либо из ее выпускников, перевербовать их, заслать свою агентуру в школу, заполучить списки курсантов, преподавателей и т.п. В этом они преуспели. Задача облегчилась тем, что Ворошиловград был оккупирован и стал особой зоной юрисдикции вермахта.

Как свидетельствуют документы, по далеко не полным данным, на территории Ворошиловградской области в 1942–1943 гг. действовали два немецких разведывательных органа – разведывательный пункт абвера «Герес-группа Б», дислоцировавшаяся в городе Старобельск и главный отряд абвера № 101 «Аусенштелле Эрнст», находившийся в Алчевске, а также 29 различных контрразведывательных и карательных органов оккупантов. Особенно много их было в Ворошиловграде, где в период оккупации функционировало 17 контрразведывательных органов противника [12]. Среди них особенно преуспел старобельский абверовский контрразведывательный пункт «Мельдекопф-Танн». Его сотрудники летом-осенью 1942 г. задержали и перевербовали несколько десятков радистов и агентов 4-го Управления НКВД УССР. С их помощью была парализована деятельность подпольных резидентур НКВД и оставленного партийно-комсомольского подполья. Вступив в радиоигру с советской разведкой, абверовцы не только дезинформировали ее, но и занялись заброской перевербованной агентуры в северо-восточных приграничных районах Ворошиловградской области через линию фронта на советскую территорию

с заданиями по военной разведке, согласовав эти переброски с пунктами военной разведки «Еіне-С». Этот провал советских разведывательных органов – результат не только халатности, но и прямого предательства агента 4-го Управления НКВД С.Н. Козюбердина, выпускника Московской спецшколы. Зная лично многих выпускников Ворошиловградской спецшколы, Козюбердин возглавил абверовскую резидентуру в Ворошиловграде, занимаясь поиском советских разведчиков и законспирированного подполья по всей территории области, в первую очередь в Ворошиловграде и Краснодаре.

19 января 1943 г. заместитель наркома внутренних дел УССР С. Савченко информировал Н. Хрущева: *«Из добытых нами сведений, заслуживающих полного доверия, немецким контрразведывательным органам полностью известны весь личный состав радистов, обучавшихся на курсах в Ворошиловграде, а равно и агентура, подготовлявшаяся там же для использования Украинским штабом партизанского движения и ЦК КП(б)У в тылу противника.*

Точно так же немецким контрразведывательным органам известны связи по оккупированной территории большинства этой агентуры, которые взяты под соответствующий контроль на предмет ликвидации ее в случае появления в тылу у них.

Значительная часть радистов и агентов из числа подготовлявшихся Вами в Ворошиловграде после выброски их в тыл немецкими контрразведывательными органами задержана, часть из них ликвидирована, а часть перевербована и работает в пользу немцев.

О конкретных лицах, провалившихся и перевербованных немцами, сообщим дополнительно...» [13].

Безусловно, это был тяжелый удар для школы и ее руководства. Сегодня достоверно известно, что немецкие и итальянские спецслужбы устроили настоящую охоту на выпускников первого выпуска школы, в первую очередь на В. Загоруйко и Л. Шевцову [14]. Они были разысканы и замучены вместе с членами подпольной краснодонской патриотической молодежной организации «Молодая гвардия». Но никаких сведений от них так и не получили.

Реконструкция событий того времени свидетельствует, что в конце 1942 – начале 1943 гг. немцы усилили борьбу против партизан и подпольщиков. Их контрразведывательные органы путем вербовки и использования ценной агентуры, осуществления широкомасштабных агентурных мероприятий, стремились вскрыть антинемецкие подпольные организации, предупредить и парализовать развитие партизанского движения. С этой целью организовывались новые специальные органы для борьбы с движением сопротивления, формировались лжепартизанские подразделения и т.п.

Например, в Сталино (в настоящее время – Донецк) был создан «Генеральный штаб службы безопасности при СД», который в городах Донбасса имел «вспомогательные органы». В промышленных центрах также создавались «зондергруппы» (особые группы), укомплектованные проверенной агентурой, а в сельскохозяйственных районах – специальные оперативно-информационные

центры с курсовой резидентурой и агентурно-осведомительной сетью по селам. Для выявления партизан и подпольных патриотических организаций, их связей, конспиративных квартир, мест базирования и дислокации широко использовалась агентура, завербованная из числа коммунистов, комсомольцев, убежденных противников советского строя, дезертиров из партизанских отрядов и РККА.

Показательными в этом отношении являются мероприятия, осуществленные немецкой контрразведкой на стыке нынешних Луганской, Белгородской, Воронежской областей Украины и России. В частности, после освобождения от оккупантов частями РККА Троицкого района на севере Луганщины сюда из немецкого тыла со своим штабом вышел полковник Нивский, именовавший себя командиром партизанского полка. Опергруппа УШПД и органы НКГБ установили, что Нивский – это Вилл, эстонец, завербованный в начале войны в лагере для военнопленных немецкой контрразведкой для борьбы с партизанским движением. В августе 1942 г. его под видом полковника, командированного из Полтавы «Штабом партизанских сил», немцы прислали для насаждения лжепартизанских групп из своей агентуры в указанном регионе. Выполнив задание, Вилл (Нивский) был направлен в Троицкий район для связи с *«подпольным райкомом КП(б)У»*, возглавляемым немецким агентом Ткаченко. Совместно они сформировали лжепартизанский полк из диверсантов, полицейских и прочей немецкой агентуры. Действуя, согласно инструкций немецкой контрразведки, составили вымышленные отчеты о своей «боевой» деятельности, представив «однополчан» к боевым наградам. Они полностью контролировали в районе весь партийно-советский аппарат. Партизаны Науменко, Воробьев, Круглов, Вера Воробьева, Мария Балаба, Вакшин-Рощин и другие обвинили подпольный райком в предательстве и связях с врагом. Опасаясь разоблачения, Ткаченко и Вилл (Нивский) утвердили вопрос о расстреле «заговорщиков» на заседании бюро райкома. Командование 111-й стрелковой дивизии РККА подтвердило это решение. В расстрелах партизан-патриотов приняли участие Вилл (Нивский) и его агентура. После их разоблачения по делу арестовали более 20 чел. 12 из них военный трибунал войск НКВД Украинского округа приговорил к расстрелу, а остальных к длительным срокам тюремного заключения [15].

Ныне не подлежит сомнению, каким путем была вскрыта врагом подпольная патриотическая организация молодежи в Краснодаре, известная под названием «Молодая гвардия». Основная причина провала подпольщиков – не предательское заявление молодогвардейца Г. Почепцова в карательные органы оккупантов, а профессиональная деятельность спецслужб врага. Фактов об этом более чем достаточно. Во-первых, из многочисленных свидетельств оставшихся в живых молодогвардейцев и их родственников известно, что ядро подпольщиков в поисках партизан, оперировавших по Донцу, глубокой осенью 1942 г. вышло на связь с группой лиц под командованием некоего генерал-майора – руководителя Ворошиловградского и Ростовского

областных партизанских отрядов. По его требованию, якобы для выяснения благонадежности, группа О. Кошевого передала ему установочные данные на тех, кто собирался уйти в партизаны. Одновременно, в свою очередь, молодежи доверительно сообщили о том, что руководитель подполья В. Третьякевич – провокатор, повинный в гибели партизанского отряда под Ворошиловградом. Все это привело к дезорганизации молодежного подполья. Когда же пришло время уходить краснодонцам в партизаны, выяснилось, что вышеуказанных партизанских формирований не существует...

Известно также, что группа О. Кошевого вышла на связь с партийным подпольем в г. Каменске Ростовской области. Как следствие, молодогвардейцам пришлось выкупать из Каменской полиции связную «Оксану» (Ольгу Иванцову). Безуспешные попытки историков в течение 70 лет выяснить кто эти подпольщики, привели к неожиданному открытию. Это были те же самые «партизаны», однако «базировались» они не в лесах по Донцу и не в Каменске, а в самом Краснодоне.

Во-вторых, Л. Шевцова была арестована не 8 января 1943 г. в Ворошиловграде, как это описано в литературе, а 1 января в Краснодоне одним из слушателей Ворошиловградской спецшколы агентом группа «Мельдекопф-Танн». В документах зафиксировано, что предал ее Михаил Павлик, бывший радист 4-го Управления НКВД, также перевербованный «Танном». В-третьих, анализ документов показывает, что в Ворошиловграде и Краснодоне активную розыскную работу по выявлению агентуры 4-го Управления НКВД проводил некто «Александр», он же Александр Малый, бывший радист УШПД. В-четвертых, в поисках радиции для связи с «Центром» штаб «Молодой гвардии» вышел на бывших радисток УШПД в Старобельске, в то время перевербованных «Танном» и работавших на абвер и т.п.

Таким образом, игнорирование государственно-политическими структурами реалий войны в канун и во время Сталинградской битвы привело к ничем не оправданным потерям и затягиванию военных действий в приграничных районах Украины и Российской Федерации.

Примечания:

1. Курас И.Ф., Кентий А.В. Штаб непокорённых: (Украинский штаб партизанского движения в годы Великой Отечественной войны). К., 1988. С. 248–263.
2. Косенко С.І. Прометей Краснодона. К., 1968.
3. Левченко В.Н. «Буря» на связь не вышла // Единожды приняв присягу...: рассказы о чекистах. Донецк, 1990. С. 48–56.
4. Семистяга В.Ф. «На зв'язок не вийшов»: Нові документальні свідчення про молодогвардійця Володимира Загоруйка // Бахмутський шлях. 1995. № 1/2. С. 33–36; Его же. З історії школи особливого призначення Українського штабу партизанського руху // З архівів ВУЧК – ГПУ – НКВД – КГБ. 1997. № 1/2. С. 384–390.

5. Щит и меч государства: Страницы органов госбезопасности на Луганщине. Луганск, 2010. С. 95–102, 112, 119.
6. Кентій А., Лозицький В. Війна без пощади і милосердя: партизанський рух у тилу вермахта в Україні (1941–1944). К., 2005.
7. Родня. Полиция и партизаны, 1941–1944. На примере Украины. Киев, 2011.
8. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 1. Д. 23. Л. 19–20.
9. Курас И.Ф., Кентий А.В. Штаб непокорённых... С. 258
10. Отраслевой архив Службы Безопасности Украины (далее – ОА СБ Украины). Д. 83582. Л. 42–43.
11. Родня. Полиция и партизаны, 1941–1944. С. 224–226.
12. Щит и меч государства... С. 106.
13. ЦГАОО Украины. Ф. 74. Оп. 22, д. 74. Л. 8.
14. ОА СБ Украины. Д. 28454. Т. 1. Л. 47–49, 62–63. Т. 2. Л. 43. Д. 2457. Л. 217–218. Д. 51741. Л. 9, 11, 34, 52 об., 99–99 об.
15. ЦГАОО Украины. Ф. 62. Оп. 1, Д. 275. Л. 65–72.

А.И. Тетуев

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ В КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ АССР И ДЕПОРТАЦИЯ БАЛКАРСКОГО НАРОДА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)*

Изучение, обобщение и осмысление причин этнической депортации народов СССР в конце 1930-х – начале 1940-х гг. имеет большое научно-практическое значение. За последние годы по этой теме опубликован ряд работ, представляющих значительный интерес [1]. В основу оценки причин принудительного выселения народов в них положены материалы XX съезда КПСС, где говорится: *«причины массового выселения со своих родных мест целых народов, никак не диктовались военными соображениями, поскольку в 1943 г. на фронтах Великой Отечественной войны определился коренной перелом в ходе войны»* [2].

Вместе с тем некоторые исследователи придерживаются иной точки зрения на данную проблему, аргументируя депортации прежде всего военными событиями, обстановкой на фронте и в тылу, замыслами немецких спецслужб и результатами их деятельности, а также ролью «бандформирований» в планах врага [3]. В сущности, они оправдывают указы Президиума Верховного

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 12-11-07007 а/ Ю «Проблемы зарубежной диаспоры карачаевцев и балкарцев: возникновение, эволюция и современность».

Совета СССР о выселении целых народов. Нельзя отрицать факты коллаборационизма, как это сегодня делают некоторые исследователи, но тем более недопустимо преувеличивать это явление, как это делалось в 1942–1946 гг. в оправдание насильственного выселения народов. Поэтому выявление объективных предпосылок и основных причин этнических депортаций является актуальной проблемой.

Анализ архивных и опубликованных материалов позволяет восстановить сам ход принудительного переселения народов и его масштаба. Во второй половине 1930-х гг. усилилась вероятность новой мировой войны, и советское руководство начало превентивную борьбу с «пятой колонной» в СССР, т.е. вероятными, по его мнению, пособниками агрессора в предстоявшей войне с нацистской Германией. В этих целях активно используются политические репрессии и этнические депортации.

Первый этап этнических депортаций осуществлялся в предвоенный период и первый год войны. Выселение народов в это время носило превентивный характер и имело целью не допустить их перехода на сторону врага, т.е. стать коллаборационистами. Жертвами сталинского синдрома «пятой колонны» стали советские народы (российские корейцы, поляки, немцы, финны-ингерманландцы, турки-месхетинцы, греки, болгары, турки и т.д.), вина которых заключалась лишь в том, что они имели этническое родство с народами, имевшими собственные государства, которые оказались враждебно настроенными к СССР. Так, еще до войны были выселены из районов компактного проживания советские корейцы, в 1939–1941 гг. – поляки. С началом войны депортации подверглись советские немцы и финны. В виде превентивной меры была ликвидирована АССР немцев Поволжья. Из-за подозрения, что захватчики получают помощь и поддержку с их стороны, все население республики (свыше 300 тыс. чело.) было согнано со своих земель и выслано в различные области Сибири и Казахстана. Всего за 1941–1942 гг. из Поволжья, Украины и Крыма было депортировано 1,2 млн немцев. Из них формировались трудовые армии и рабочие колонны, которые привлекались к строительству заводов и железных дорог [4].

Второй этап этнических депортаций народов пришелся на конец 1943–1945 гг. и носил репрессивно-наказательный характер за сотрудничество их отдельных представителей с немецко-фашистскими оккупантами. В 1943–1944 гг. были депортированы карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары. Все эти народы были лишены автономных государственных образований. В Указе Президиума Верховного Совета СССР «О переселении балкарцев, проживающих в Кабардино-Балкарской АССР, и о переименовании КБАССР в Кабардинскую АССР» указывается, что *«в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками территории Кабардино-Балкарской АССР многие балкарцы изменили Родине, вступали в организованные немцами вооруженные отряды и вели подрывную работу против частей Красной Армии, оказывали фашистским оккупантам помощь*

в качестве проводников на Кавказских перевалах, а после изгнания Красной Армией с Кавказа войск противника вступали в организованные немцами банды для борьбы против Советской власти». Из документа следует, что обвинения в адрес отдельных групп людей незаконно были перенесены на целый народ, в том числе на женщин, стариков и детей [5]. Сходные обвинения были предъявлены и другим репрессированным народам.

Война во все времена, у всех народов рождала не только героев, но выявляла трусов, дезертиров и предателей, бандитов. Коллаборационизм имел место во всех без исключения оккупированных регионах СССР. Обвинение всего балкарского народа в «пособничестве оккупантам» и «бандитизме» не имеет каких-либо оснований. К 8 марта 1944 г. (моменту депортации) балкарцев насчитывалось 44360 чел., из них 4974 чел. находилось на фронтах Великой Отечественной войны, что составляло 11,2 % их общей численности. Тысячи воинов-балкарцев были награждены орденами и медалями, двое удостоились высшей государственной награды – звания Героя Советского Союза. Кроме того, из общего числа репрессированных балкарцев 52 % составляли дети, 30 % – женщины, 18 % – мужчины – вернувшиеся с войны инвалиды, старики, оставленные по брони советские и партийные работники, сотрудники органов государственной безопасности и внутренних дел [6].

Отдельные проявления пособничества фашистам в период оккупации Кабардино-Балкарской АССР с 10 августа 1942 г. и до 11 января 1943 г. связаны с деформациями в политической и социально-экономической жизни страны. В результате органы НКВД и НКГБ вышли из подчинения закону и обществу. Они творили произвол и насилие над многими честными людьми страны, и Кабардино-Балкария не была в этом смысле исключением. Постоянная закулисная борьба за власть породила такие уродливые явления, как доноительство, навешивание ярлыков не только на отдельные личности, но и на большие группы людей. Так, освобожденный в марте 1941 г. от должности председателя Президиума Верховного Совета автономной республики А.Г. Мокаева был объявлен неблагонадежным и обвинен в создании в селениях Балкарии повстанческих групп, способных выступить в тылу Красной армии в случае возникновения войны между СССР и капиталистическими странами. За три месяца до начала войны А.Г. Мокаева объявили отцом-основателем будущего бандповстанческого движения. Он был арестован в начале ноября 1941 г., осужден в 1943 г. после Черекских событий, а реабилитирован посмертно только в 1958 г. [7].

Ошибки и просчеты командиров РККА при проведении боевых операций способствовали дезертирству. Это особенно проявилось в июле-августе 1942 г., когда 115-я Кабардино-Балкарская дивизия вела бои против превосходивших ее по силе танковых частей немецких войск. По мере отступления 37-й армии и приближения фронта к Кабардино-Балкарской АССР количество дезертиров увеличивалось, они скрывались в горах.

Ухудшение социально-экономического положения трудящихся, кризис партийно-государственных структур в оккупированной гитлеровцами Кабардино-Балкарии, ошибки, допущенные при легализации дезертиров, убийства мирных жителей привели к обострению криминогенной ситуации в Черекском районе. Под предлогом захвата дезертирами районного центра селения Мухол, зенитной пушки, а также убийства нескольких красноармейцев около селения Сауту, командование 37-й армии и 11-й стрелковой дивизии НКВД издало преступные приказы, которые спровоцировали геноцид мирного населения Черекского района.

С 27 ноября по 4 декабря 1942 г. сводный отряд 11-й стрелковой дивизии НКВД под командованием капитана Накина с участием около 15 партизан Объединенного партизанского отряда Кабардино-Балкарии под предлогом борьбы с бандитизмом в Черекском ущелье расстреляли около 700 жителей (поименно удалось установить 377 чел., в том числе 155 детей до 16 лет), сожгли не менее 519 домов с имуществом и хозяйственными постройками, угнали значительное количество скота. Впоследствии факты массового расстрела командование дивизии и армии обосновало тем, что *«бандиты якобы активно сопротивлялись отряду Накина»*. Это не соответствует действительности, так как отряд Накина вел войну с мирным населением. До 4 декабря 1942 г. красноармейцами не был убит ни один «бандит» [8].

Карательная акция Красной армии вызвала ответную реакцию у жителей, которые с оружием в руках стали защищать себя от истребления. Впоследствии их в официальных документах стали называть «бандповстанцами». В 1943 г. районные органы власти по указанию партийного и советского руководства республики задокументировали трагические события актами как «злодеяние немцев» и «их пособников-бандитов» Черекского района. В результате в исторической и мемуарной литературе указанные события оказались искаженными.

По предложению общественного объединения «Ныггыш» в июле 1990 г. Президиум Верховного Совета Кабардино-Балкарской Республики создал комиссию по изучению материалов о событиях в Черекском ущелье в 1942 г. (ее председателем являлся автор данной статьи). На основе изучения документов Центрального государственного архива Советской Армии (в настоящее время – Российский государственный военный архив), Центрального архива министерства обороны Российской Федерации, Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики, Центра документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики, архивов КГБ и МВД Кабардино-Балкарской Республики, воспоминаний участников и очевидцев Черекских событий комиссия выявила основные факторы, приведшие к трагедии. Рассмотрев результаты работы комиссии, Президиум Верховного Совета Кабардино-Балкарской Республики 19 ноября 1992 г. признал факт истребления мирного населения в Черекском ущелье в ноябре-декабре 1942 г. актом геноцида. На основе работы комиссии был опубликован сборник статей, воспоминаний и документов [9].

Несмотря на это, исследователи А. Крекотнев, П. Смирнов, С.П. Аренин и другие в своих работах искажают события, имевшие место в Черекском ущелье, рассматривают проблему депортации в годы Великой Отечественной войны через призму военной необходимости, как способ предотвращения «пятой колонны» в тылу [10]. В работе В.Д. Дзидзоева, Э.Б. Сакиева указывается без ссылок на источники, что горные стрелки дивизии «Эдельвейс» учинили зверскую расправу над мирным населением высокогорного аула Верхняя Балкария Черекского района Кабардино-Балкарской АССР, расстреляв 310 балкарцев, в том числе 148 детей в возрасте от года до 15 лет [11].

К осени 1943 г. основные очаги бандитизма в республике были ликвидированы, но власти республики без объективных оснований драматизировало ситуацию, что подталкивало руководство страны к принятию репрессивных мер. Об этом свидетельствует справка «О состоянии балкарских районов Кабардино-Балкарской АССР», направленная 23 февраля 1944 г. наркому внутренних дел СССР Л.П. Берии. Справка содержала сведения о хозяйственной деятельности, но главное внимание в ней уделялось борьбе чекистов с бандитскими группами: *«Несмотря на большую помощь Балкарии, оказывавшуюся Советским правительством и партией, часть населения балкарских районов проявляла враждебное отношение к Советской власти»*. В подкрепление приводились данные: *«о вооруженном выступлении в 1929 году в Эльбрусском районе, так называемом Чегемском восстании в 1930 году»*, а так же материалы агентурных дел, сведения об аресте членов *«контрреволюционной националистической организации»* из руководителей-балкарцев – председателя Президиума Верховного Совета КБАССР – Х.Г. Мокаева, председателя Чегемского райисполкома Х. Аппаева (впоследствии реабилитированы посмертно). Кроме того в документе указываются *«бежавшие с фронта дезертиры из 115 Нацкавдивизии из Ростова до 700 человек, из которых большая часть идет за счет балкарцев, с оружием в руках, составив ядро бандитских групп* [выделено мной – А.Т.]». В заключении справки указывалось: *«Исходя из вышеизложенного, считаем необходимым решить вопрос о возможности переселения балкарцев за пределы КБАССР* [выделено мной – А.Т.]» [12].

Основное содержание указанной справки относительно враждебного отношения к советской власти и коллаборационизма балкарского народа не соответствует действительности. Численность «бандформирований» сильно преувеличена. Так, когда после войны были подведены окончательные итоги их численности, то, по данным МВД Кабардинской АССР, на территории республики в период немецко-фашистской оккупации якобы действовало *«50 вооруженных банд в составе 1170 человек, из них балкарцев – 763»*. В то же время в горах скрывалось 27 групп «дезертиров» в составе 357 чел., среди которых не было балкарцев. На территорию республики в 1943–1944 гг. гитлеровцы забросили 13 парашютно-диверсионных групп в составе 89 чел., из них балкарцев – 20 чел. [13].

В государственных архивах нами не обнаружены данные о национальном составе дезертиров из 115-й кавалерийской дивизии. В списках потерь личного состава 115-й кавалерийской дивизии более 2 тыс. воинов разных национальностей (убитыми, ранеными, без вести пропавшими) [14]. Тем не менее, в справке «О состоянии балкарских районов КБАССР», направленной на имя Л.П. Берии 23 февраля 1944 г., утверждается, что якобы большинство из них были балкарцы. К заведомо ложной информации государственные органы власти прибегали для того, чтобы снять с себя ответственность за грубейшие просчеты и ошибки в борьбе с оккупантами. Кроме того, эта фальсификация была необходима для обоснования выселения балкарского народа.

Депортации мусульманских народов были осуществлены с учетом планировавшихся сталинским режимом антитурецких акций, в том числе военных операций. Руководство СССР настораживали не столько военные возможности мусульманских народов Северного Кавказа и тюркских народов Южного Кавказа и Крыма, сколько их возможная консолидация и солидарность против вероятных действий СССР в отношении Турции [15].

Главной целью, которая преследовалась проведением преступных депортационных мероприятий, явилось по замыслу руководства СССР, предупреждение и профилактика возможных негативных проявлений, возникновения очагов нестабильности и социальной напряженности как угрозы государственной безопасности. Кроме того, принудительное переселение малых народов служило цели ускорения ассимиляционных процессов в советском обществе. Проводя переселенческую политику, советское государство преследовало и экономические цели. Ставилась задача освоения трудodefицитных регионов страны путем увеличения численности населения и повышения производительности за счет дешевой рабочей силы. Неслучайно основными ареалами вселения депортированных были малозаселенные прежде Казахстан, Средняя Азия, Западная Сибирь.

По данным НКВД СССР, к осени 1944 г. общее число выселенных за время войны составило 1 514 000 чел. Тысячи представителей репрессированных народов – карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы воевали в рядах РККА. Однако репрессии затронули и их. По всем фронтам были изданы специальные приказы о направлении их в тыловые воинские части, на поселение или аресте по обвинению в измене родине.

Балкарцы были разбросаны на огромных просторах Средней Азии и Казахстана. В марте 1944 г. в Казахской ССР было расселено 25 тыс. балкарцев, в Киргизской ССР – 15 тыс. балкарцев. Отдельные группы семей были направлены в Узбекскую ССР, Таджикскую ССР, Иркутскую область и в районы Дальнего Севера. Всего на спецпоселении в сентябре 1944 г. находилось 39,4 тыс. балкарцев [16].

Таким образом, причины депортации народов кроются в природе сталинской тоталитарной системы. Развитие страны и республики в предвоенные

годы было сложным и противоречивым. Обострение криминогенной обстановки в Кабардино-Балкарии объяснялось объективными и субъективными причинами. Имелись возможности стабилизации обстановки без принудительного выселения балкарского народа, тем более, что в конце 1943 – начале 1944 гг. основные очаги бандитизма в основном были ликвидированы. Главным аргументом явилось преувеличение численности бандгрупп и подготовка на их основе документальной базы депортации.

Примечания:

1. Азаматов К.Т., Темиржанов М.Э., Темукуев Б.Б., Тетуев А.И., Чеченов И.М. Черекская трагедия. Нальчик, 1994; Алиев К.-М.И. В зоне Эдельвейса. М.–Ставрополь, 2005; Сабанчиев Х.-М.А. Балкарцы: выселение и возвращение. Нальчик, 2008; Бугай Н.Ф. Берия – Сталину: «Согласно вашему указанию». М., 1995; Бугай Н.Ф., Гонов А.М. В Казахстан и Киргизию из Приэльбрусья (20–50-е годы). Нальчик, 1997; Бугаев А.М. Почему И. Сталин выселял народы? (постановка проблемы) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 3. С. 88–91; Алафаев А.А. Скрытые цели сталинских депортаций // Преподавание истории в школе. 2009. № 1. С. 26–28; Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.
2. О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева к XX съезду КПСС 25 февраля 1956 года // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 151–152.
3. Вылцан М.А. Депортация народов в годы Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1995. № 3; Сидоренко В.П. Войска НКВД на Кавказе в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1999; Марченко Г.В. Государственная национальная политика на Северном Кавказе (20–40-е гг. XX в.). Ростов н/Д, 2002; Пыхалов И.В. За что Сталин выселял народы. Сталинские депортации – преступный произвол или справедливое возмездие? М., 2008; Синицын Ф.Л. Соппротивление народов СССР депортациям // Вопросы истории. 2011. № 2; Смирнов П.А. Депортация как способ борьбы с «пятой колонной» в годы Великой Отечественной войны. URL: [www/chekist.ru](http://chekist.ru).
4. Бугай Н.Ф. Берия – Сталину: «Согласно вашему указанию». С. 14, 20, 27, 36–45.
5. Сабанчиев Х.-М.А. Балкарцы: выселение и возвращение. С. 274.
6. Там же. С. 59.
7. Управление центра документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики далее – УЦДНИ КБР). Ф. 1. Оп. 1. Д. 296. Л. 10.
8. Азаматов К.Т., Темиржанов М.Э., Темукуев Б.Б., Тетуев А.И., Чеченов И.М. Указ. соч. С. 20–38.
9. Там же. С. 188–191.
10. Крекотнев А. Погиб в бою // Ветеран. 2009. № 10; Аренин С.П. Борьба органов НКВД с бандитизмом и дезертирством в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Северо-Кавказского региона): Автореф.

- дисс... канд. ист. наук. Саратов, 2010; Смирнов П. Депортация как способ борьбы с «пятой колонной в годы Великой Отечественной войны». URL: www.stalinism.ru/index2.php.
11. Дзидзоев В.Д., Сакиев Э.Б. В поисках исторической истины (к вопросу анализа традиционных оценок участия мусульманских народов Северного Кавказа в Великой Отечественной войне // Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны (к 60-летию Великой победы). Материалы регион. науч.-практ. конф. Нальчик, 2005. С. 36.
 12. УЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 679. Л. 1–5.
 13. Архив Министерства внутренних дел Кабардино-Балкарской республики. Ф. 2. Оп. 1. Д. 116, 172 об.
 14. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 58. Оп. 818 883. Д. 1890.
 15. Бугаев А.М. Почему И. Сталин выселял народы? С. 88–91; Алафаев А.А. Скрытые цели сталинских депортаций. С. 26–28.
 16. Сабанчиев Х.-М.А. Балкарцы: выселение и возвращение. С. 291, 292, 297; Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943–1957). Материалы и документы. Черкесск, 1993. С. 16, 169–174.

О.В. Ратушняк

КАЗАЧИЙ СТАН: ОТ СОЗДАНИЯ ДО ВЫДАЧИ

Создание казачьих воинских частей, сотрудничавших с гитлеровским оккупационным режимом на территории СССР, было обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, вермахт не справлялся со всеми задачами, стоявшими перед оккупантами, и было решено часть этих задач переложить на добровольческие части. Во-вторых, на оккупированных казачьих землях нашлось немало лиц, в основном казачьего происхождения, изъявивших желание пойти на службу к оккупантам. Сотрудничество казаков с немцами выразилось в организации как воинских частей, так и системы управления в казачьих областях.

Целью данной статьи является анализ так называемого Казачьего стана как одного из явлений Второй мировой войны. Осенью 1942 г. в г. Новочеркасске для создания и координации деятельности казачьих частей был создан штаб Донского войска. Здесь же была создана и одна из воинских казачьих частей, которую возглавил донской казак полковник С.В. Павлов. В скором времени С.В. Павлов обрел поддержку в лице бывшего донского атамана генерала П.Н. Краснова. Находясь в эмиграции, тот с первых же дней Великой Отечественной войны выразил готовность и желание сотрудничать с немцами в деле борьбы с советской властью. Призывал он к этому сотрудничеству как казаков-эмигрантов, так и казаков, проживавших на территории СССР.

П.Н. Краснов давал рекомендации и С.В. Павлову по формированию казачьих частей и организации деятельности повстанческого движения на Дону, направленного против советской власти.

Находясь в Таганроге, штаб Донского войска обратил внимание на информационное обеспечение деятельности казачьих частей, поддерживая издание журнала «Донская волна». Большой проблемой в организации казачьих частей было отсутствие молодежи, особенно среди офицерского состава. Так, командиром одного из полков был назначен 70-летний казачий полковник Елкин [1].

Отступая вместе с немцами на восток, С.В. Павлов, возглавивший штаб Донского войска в качестве походного атамана, продолжил формирование донских частей. В целях восстановления казачьих традиций и поддержания морального духа бойцов каждую часть должен был окормлять священник. К лету 1943 г. казаки в количестве около 3 тыс. чел. под командованием С.В. Павлова расположились в Кировограде. Еще около 7 тыс. казаков размещались в Проскурове (ныне – Хмельницкий). С.В. Павлов пытался заручиться поддержкой не только П.Н. Краснова, но и других лидеров казачьей эмиграции. Так, в августе 1943 г. он писал генералу Е.И. Балабину, атаману Общеказачьего объединения в Чехии: *«Военной мощью германского народа нам, пережившим советчину, предоставлено великое счастье совместно бороться против нашего 25 летнего врага... Постоянная борьба за эти годы нас закалила ... У нас у всех один путь – борьба с большевизмом. С нами Великая Германия и – победа. Мы призываем Вас господин генерал, помочь казачьей стихии через Германское Верховное Командование»* [2].

10 ноября 1943 г. начальником штаба германского верховного командования В. Кейтелем и имперским министром восточных областей А. Розенбергом была подписана декларация, в которой казаки объявлялись верными соратниками и союзниками германской армии. За ними признавались различные права и привилегии. В случае невозможности проживания в родных краях германское руководство обещало устроить *«казачью жизнь на востоке Европы, под защитой Фюрера»*, обеспечив их всем необходимым [3].

По-видимому, в это время и был создан Казачий стан. Его образовали не только воинские части, но и гражданские лица из числа беженцев из казачьих областей и краев (включая женщин и детей), не только донцы, но и кубанцы, терцы. Всего Казачий стан насчитывал около 18 тыс. чел. С подачи П.Н. Краснова С.В. Павлов был назначен походным атаманом казачьих войск. В соответствии с декларацией от 10 ноября 1943 г., казакам предоставлялась возможность разместиться в районе села Балино Каменец-Подольской области. С этого момента основной заботой С.В. Павлова стала организация жизни и деятельности Казачьего стана и обеспечение безопасности казаков – гражданских лиц.

С.В. Павлов был включен в состав Главного управления казачьих войск, созданного по приказу командующего добровольческими войсками генерала

Э. Кестринга 31 марта 1944 г. Однако только казаки немного наладили свою жизнь на предоставленной им территории, как в начале июня 1944 г. поступил новый приказ о передислокации Казачьего стана в район Барановичи – Новогрудок (Белоруссия). Основными причинами принятия такого решения были: во-первых, наступление советских войск, во-вторых, стремление путем размещения казаков в месте активного действия партизан обеспечить безопасность данного района, представлявшего стратегическое значение для немецкого командования.

На новом месте дислокации С.В. Павловым была создана стройная система гражданского и военного управления. Казаки, принадлежавшие к одному войску, селились своим станицами, которые объединялись в отделы и округа. Строевые казаки были объединены в составе 11 казачьих полков. Здесь была создана и Казачья епархия, которую возглавил протоиерей В. Григорьев [4]. В июне 1944 г. в одной из стычек с партизанами С.В. Павлов был убит. Казачий стан возглавил войсковой старшина Т.И. Доманов. Он также был назначен членом Главного управления казачьих войск от Донского войска и исполняющим обязанности походного атамана [5].

23 июня 1944 г. советские войска начали операцию «Багратион». Значительная роль в данной операции отводилась активным действиям партизанских отрядов, в большом количестве находившихся на территории Белоруссии. В июле 1944 г. Казачий стан вместе с германскими войсками отступил дальше на запад, на территорию Польши. При этом казаки не только охраняли от нападения партизан своих стариков, женщин и детей, но и выполняли боевые задачи германского командования, обеспечивая, в частности, охрану значимых путей сообщений, по которым проводилась эвакуация и переброска войск. За выполнение поставленных задач Т.И. Доманов был награжден германским крестом, а казаки представлены к другим наградам. Как видно из письма М.А. Ковалева, начальника сводной казачьей группы в Праге, С.В. Маракуеву, отход Казачьего стана в район Гродно начался своевременно и прошел благополучно. При этом М.А.Ковалев ссылается на информацию, полученную от атамана Кубанского казачьего войска генерала В.Г. Науменко, который вскользь упомянул только об одном трагическом случае (бомбардировки одной из казачьих колонн, во время которой погибли 65 кубанских казаков) [6]. В то же время С.В. Маракуев, ссылаясь на другие источники, говорит о разгроме казаков в районе Барановичей и о вине в этом В.Г. Науменко, который до последнего задерживал эвакуацию казаков [7]. По-видимому, это связано с тем, что казаки прорывались несколькими группами и В.Г. Науменко, упомянув об одной, «забыл» упомянуть о другой. После отступления из Белоруссии в Польшу Казачий стан насчитывал около 15–17 тыс. чел., включая стариков, женщин и детей [8].

Во время пребывания на территории Польши один из полков Казачьего стана (в основном, состоявший из кубанских казаков) принял участие в подавлении восстания в Варшаве. Однако Польша ненадолго стала местом пре-

бывания казаков. Еще 6 июля 1944 г. было принято решение о переброске Казачьего стана на северо-восток Италии. В конце июля – начале августа первые группы казаков прибыли в Карнию и Понтеббу. К концу сентября 1944 г. численность Казачьего стана в Италии составляла 15 590 чел. В октябре – ноябре к ним присоединились еще 6,7 тыс. казаков [9].

Основная причина переброски казаков в северо-восточную Италию заключалась в стремлении немецкого командования обеспечить здесь, как и в Белоруссии, порядок силами казаков. Данная территория, как и Белоруссия, была наводнена партизанами, чему в немалой степени способствовали местные условия (в Белоруссии – леса, в Северной Италии – горы). Стратегически данная территория была важна для германского командования, так как обеспечивала определенную связь между Балканами и Центральной Европой и находилась на пути англо-американских войск, продвигавшихся с юга Аппенинского полуострова. Немцы прекрасно понимали, что, как и в Белоруссии, казаки, защищая свои семьи от партизан, фактически будут обеспечивать безопасность и поддерживать порядок в местах своего размещения. Это видно и из приказа генерала П.Н. Краснова от 17 сентября 1944 г., в котором говорилось, что казачьи части походного атамана Т.И. Доманова *«имеют особое назначение очистить от партизан и бандитов временную казачью землю для поселения на ней казачьих семей и для охраны их на этой земле»* [10].

В Казачий стан были направлены и казаки-эмигранты в возрасте от 35 лет (казаки-эмигранты в возрасте от 18 до 35 лет зачислялись в состав казачьей конной дивизии) [11]. Некоторые из них перебирались в Италию вместе со своими семьями. Этому способствовала и «реклама» данной территории как казачьей земли, предоставленной казакам Третьим рейхом до момента возвращения их в родные края. Здесь, в Северной Италии произошло своеобразное воссоединение казаков, оказавшихся в эмиграции в 1920 г., с казаками, ушедшими за границу вместе с отступавшими фашистскими войсками. Было даже несколько случаев воссоединения семей. Расположение казаков было по-прежнему организовано по войсковому принципу. Поселившись в Северной Италии, казаки перенесли сюда не только свои обычаи и традиции, но и свои названия. Так села Олессио, Каваццо и Тразагис стали называться Новочеркасском, Краснодаром и Новороссийском (соответственно) [12]. Практически все казаки в возрасте от 18 до 45 лет находились в составе воинских частей. Более старшие казаки (от 45 до 70 лет), способные носить оружие, несли караульную службу по охране своих станиц в составе специального охранного батальона. Молодые казаки (16–17 лет) проходили подготовку в учебной военной школе и юнкерском училище. Подростки (14–16 лет) обучались и трудились в созданной военно-ремесленной школе [13].

В конце 1944 г. – начале 1945 г. началась активная «борьба за казаков» между генералом П.Н. Красновым и генералом А.А. Власовым. В февра-

ле 1945 г. в противовес Управлению казачьих войск, созданному при германском министерстве восточных областей, при Комитете освобождения народов России (КОНР) было создано свое Управление казачьих войск. Со временем его поддержали исполняющий обязанности атамана Всевеликого войска Донского генерал Г.В. Татаркин, атаман Кубанского казачьего войска генерал В.Г. Науменко и ряд других знаковых фигур казачьей эмиграции. Т.И. Доманов, опираясь на поддержку П.Н. Краснова, первоначально отрицательно относился к вхождению в КОНР и поддержке Русской освободительной армии (РОА). Однако во второй половине апреля 1945 г. в силу ряда причин принял решение признать руководство А.А. Власова и войти в состав КОНР [14]. Причины принятия подобного решения Т.И. Домановым были, по-видимому, следующие: во-первых, среди части казачества были популярны идеи борьбы с большевиками не под началом вермахта, а в составе РОА; во-вторых, поддержка генерала А.А. Власова и КОНР со стороны ряда казачьих лидеров, в том числе В.Г. Науменко, Г.В. Татаркина и др.; в-третьих, расчет на то, что борьба с советским режимом положительно скажется на их судьбе после поражения Германии и сдачи западным союзникам СССР.

Действия союзников по антигитлеровской коалиции и активизация партизанского движения в Северной Италии поставили перед руководством Казачьего стана вопрос о его эвакуации. В начале мая казаки начали свой переход через Альпы на территорию Австрии. Уже в Австрии, расположившись в долине реки Драва между городами Лиенц и Обердраубург, Казачий стан капитулировал перед английскими войсками. Большинство казаков, конечно же, страшила перспектива возвращения в СССР, и они рассчитывали своей капитуляцией перед англичанами избежать выдачи. Однако, в соответствии с договоренностью между представителями «большой тройки», достигнутой еще в феврале 1945 г. в ходе Ялтинской конференции, союзники должны были вернуть в СССР всех его бывших граждан.

28 мая 1945 г. большинство казачьих офицеров (половина из которых относились к эмиграции 1920 г.) под предлогом проведения совещания были вывезены англичанами из лагерей и переданы представителям НКВД и советского военного командования. История сохранила достаточно много свидетельств о тех трагичных днях, когда проходила выдача казаков. Англичанам пришлось пустить в ход все средства, включая оружие и танкетки.

Выдача казаков проходила вплоть до середины июня 1945 г. Зная, что их ждет при возвращении в СССР, многие казаки готовы были идти на все, чтобы не вернуться. Однако значительное количество казаков было возвращено в СССР.

Примечания:

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5761. Оп. 1. Д. 27. Л. 59.
2. Там же. Д. 10. Л. 128.

3. На казачьем посту. Берлин, 1943. № 14. С. 2.
4. Шкаровский М.В. Казачий стан в Северной Италии и его церковная жизнь // Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции: Международ. науч. конф. М., 2006. С. 191–192.
5. ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 27. Л. 178–178об.
6. ГАРФ. Ф. 5842. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–3об.
7. ГАРФ. Ф. 6532. Оп. 1. Д. 89. Л. 20об.
8. Крикунов П. Казаки. Между Гитлером и Сталиным. М., 2005. С. 445.
9. Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 192–193.
10. ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 10. Л. 342об.
11. Там же. Д. 27. Л. 178об.
12. Баутдинов Г. Казаки в Италии // Новое время. 1992. № 45. С. 29.
13. На казачьем посту. Берлин, 1945. № 42. С. 10–11.
14. Хоффман Й. История власовской армии / Пер. с нем. Париж, 1990. С. 64–66.

Д.Н. Титаренко

СОВЕЩАНИЕ 18 ДЕКАБРЯ 1942 г. В МИНИСТЕРСТВЕ ОККУПИРОВАННЫХ ВОСТОЧНЫХ ОБЛАСТЕЙ: ПОПЫТКА ПРЕОДОЛЕТЬ КРИЗИС

При характеристике нацистского оккупационного режима на территории Советского Союза одним из ключевых является вопрос о факторах, приведших к его краху. Помимо военных поражений кризис нацистов во многом был предопределен той политикой, которая проводилась на оккупированной территории. Основными ее проявлениями, способствовавшими делегитимации оккупационного режима, стали уничтожение советских военнопленных и мирного населения, прежде всего евреев, репрессии по отношению к советскому партийному и хозяйственному активу, экономическая эксплуатация оккупированных областей, игнорирование социальных, политических и духовных запросов местного населения.

Однако было бы ошибочным полагать, что в высших военных, политических, экономических кругах нацистской Германии не предпринималось попыток взвешенного, объективного анализа ситуации, которая сложилась на оккупированной территории. Определенное представление о степени осознания частью руководства Третьего рейха проблем, с которыми оно столкнулось на оккупированной территории, вариантах выхода их кризисной ситуации дают материалы масштабного совещания, состоявшегося в Берлине в Министерстве оккупированных восточных областей 18 декабря 1942 г. при участии представителей командования вермахта, органов военного управления, военно-хозяйственных структур, действовавших на территории СССР.

Данное совещание вызвало достаточно значительный резонанс среди разных инстанций, о чем свидетельствует ряд документов, выявленных в фондах Федерального (Берлин) и Федерального военного (Фрайбург) архивов Германии [1]. Протоколы совещания, информационные и докладные записки по его итогам, составленные представителями разных структур и ведомств, служат взаимодополняющими источниками, которые дают представление о характере обсуждения вопросов, ключевых факторах, оказывавших влияние на ситуацию в оккупированных областях.

Министерство оккупированных восточных территорий было представлено на совещании, помимо министра Розенберга, его заместителем доктором Мейером, уполномоченным министра по особым поручениям, личным референтом министра, адъютантом министра, руководителями главных управлений «Политика» и «Администрация», начальниками отделов прессы и просвещения, «Кавказ» и «Остланд», начальниками групп экономического сотрудничества и лесного дела, двумя начальниками отделов в группах экономического сотрудничества и продовольствия, референтом министерства по военным вопросам. Со стороны вермахта в совещании приняли участие представители оперативного штаба Верховного командования вооруженными силами Германии, управления тыла, организационного отдела генерального штаба сухопутных войск, экономического штаба «Восток», представители командования тыловых районов групп армий «Север», «Центр», «Б», групп армий «Б» и «А». Всего в совещании, согласно спискам участников, приняло участие 32 чел.

Совещание началось в малом зале заседаний Министерства оккупированных восточных территорий по адресу: Берлин, Унтер-ден-Линден, 63. После короткого приветственного слова Розенберга состоялось обсуждение вопросов, обмен мнениями по следующим проблемам, указанным в программе совещания: «Различия в положении в 1941 и 1942 гг. – отношение и настроение населения – снабжение и питание – сельскохозяйственные проблемы – церковь, культура, школа – работа на местах и вербовка оstarбайтеров для Рейха – транспортные вопросы – цены – зарплата – денежная система – политические желания населения – отношение к военнопленным и перебежчикам и их использование» [2]. После перерыва на обед дискуссия была продолжена в Общественном доме на Тиргартенштрассе, 28–29. По ее окончании для участников совещания в Службе уполномоченного по контролю за духовным и мировоззренческим воспитанием НСДАП на Бисмаркштрассе, 1 была организована демонстрация нового выпуска советского киножурнала и советского кинофильма. Обмен мнениями носил открытый характер, с осознанием серьезности момента, что, очевидно, объяснялось как значительным опытом, накопленным на оккупированной территории к тому времени, так и временем проведения совещания: неудача немецких войск под Сталинградом для людей, обладавших информацией, каковыми были участники совещания, была достаточно очевидной.

В центре состоявшихся дискуссий был вопрос о необходимости новой экономической, социальной, административной политики на оккупированной территории. Как показывает протокол совещания, в своем приветственном слове Розенберг коснулся перспектив создании самостоятельного русского государства, отметив опасность реализации этих планов, которые могли бы в будущем угрожать интересам Германии. Деление на рейхскомиссариаты по национально-территориальному признаку, по мнению министра, должно было минимизировать эту угрозу. Во вступительном слове было констатировано, что ключевыми факторами, негативно влиявшими на настроения жителей оккупированной территории, стало отношение к военнопленным и меры по принудительному рекрутированию населения для работы в Германии [3].

Касаясь вопросов трудового использования, занятости населения в тыловой зоне групп армий «Север» и «Центр», отмечалось, что методы принудительного привлечения населения к работам имели следствием рост партизанской угрозы. Вывоз населения на работу в Германию превысил все допустимые пределы, при этом он, в частности, в тыловом районе группы армий «Б», приобрел характер «постыдного соревнования немецких организаций за эту рабочую силу» [4]. В качестве существенного фактора, значительно осложнявшего ситуацию с использованием оstarбайтеров, расценивалось распространение информации о плохом обращении с ними в Германии. Именно поэтому для оперативного тыла вермахта, по мнению начальника экономического штаба «Восток» Штапфа, использование «колониальных методов» в процессе вербовки населения должно было быть категорически запрещено. С целью изменения ситуации в этой сфере командующий тыловым районом группы армий «Центр» Шенкендорф предложил установить определенный срок для выполнения трудовой повинности в Германии, работу в определенном регионе с целью обеспечения более тесной связи с родиной и перспектив на возвращение [5].

Значительное внимание на совещании было уделено вопросам обеспечения порядка на оккупированной территории силами самого населения. Отмечая позитивный опыт, накопленный полицейскими подразделениями в тыловой зоне группы армий «Центр» в плане борьбы с партизанами, указывалось на то, что «высокие потери убитыми являются свидетельством твердости и надежности этих войск» [6]. В то же время как серьезная проблема расценивалось отсутствие для русского населения по обе стороны фронта единого политического лозунга о его будущем. В качестве выхода генерал Шенкендорф предложил организацию на оккупированной территории автономии по типу протектората. В частности, предусматривалось создание центрального органа самоуправления либо же нескольких органов подобного характера для разных областей под общим немецким военным руководством, что в целом соответствовало озвученным во вступительном слове Розенберга планам [7].

В центре дискуссий оказались и вопросы участия населения оккупированных территорий в войне на стороне вермахта. Представитель группы армий

«Б» гауптман Паулс сделал акцент на том, что «с теми, кто борется за нас, нельзя обращаться как с колониальным народом» [8]. Этот тезис во многом был созвучен с мнением генерала Кестринга, который, будучи включенным в список участников совещания от группы армий «А», но, не имея возможности лично принять в нем участия, передал письмо с изложением своей позиции. В частности, в нем содержались следующие положения: «1. Россия может и должна быть побеждена русскими... 3. Русское пространство должно быть включено в Новую Европу...» [9]. Безусловно, в основе таких выводов Кестринга – крупного эксперта по Советскому Союзу, бывшего военного атташе в Москве – лежало глубокое знание ситуации и менталитета народов, населявших СССР [10].

Учитывая то, что в качестве одного из ключевых факторов, влиявших на настроения населения, выступала ситуация со снабжением, многие из присутствовавших в своих выступлениях коснулись этого вопроса. По сравнению с предшествующим годом ситуация со снабжением была расценена как несколько ухудшившаяся. Констатировались значительные нормы натуральных реквизиций, при этом отмечалось, что зачастую «крестьяне вынуждены отдавать свою лошадь, свой скот и даже последнюю корову» [11]. В соответствии с данными, которые привел в своем выступлении представитель тылового района группы армий «Север», за невыполнение поставок 27 тыс. крестьян угрожали штрафные санкции, однако при этом 24 тыс. из них владели лишь одной коровой. Однако, несмотря на это, положение на селе выглядела значительно лучше, нежели в городе, где ситуация со снабжением оценивалась как тяжелая. Было отмечено, что в случае, если последнюю проблему решить не удастся, то ликвидировать «черный рынок» и «фантастические цены» не удастся. По информации представителя тылового района группы армий «Б» оберста Гильххаузен цена 1 кг хлеба составляла 60–80 руб., 1 кг масла – 800 руб., 10 картофелин – 50 руб. При этом размер заработной платы рабочего составлял 200 руб., машинистки – 400 руб., бухгалтера – 700 руб. При характеристике социального положения населения докладчики коснулись и вопросов состояния здравоохранения, в частности, высокого уровня детской смертности, крайне неудовлетворительного обеспечения населения одеждой и обувью [12].

Отмечая необходимость завоевания симпатий крестьянства, участники совещания предложили наиболее перспективные пути аграрных преобразований. Так, в своих выступлениях оберст Гильххаузен и начальник экономического штаба «Восток» генерал Штапф отметили необходимость фактического проведения аграрной реформы путем создания земельных товариществ, выдачи документов, которыми бы гарантировалось наделение землей лиц, проявивших себя в борьбе с партизанами, лиц с особыми заслугами, перебежчиков из Красной армии. В то же время один из руководителей отдела Министерства оккупированных восточных территорий Кюпер обратил внимание на нецелесообразность увеличения земельных

наделов, мотивируя это тем, что тогда «крестьянин будет тратить свои силы на них, а не в общинном хозяйстве» [13]. В качестве фактора, который мог бы оказать позитивное влияние на население, рассматривалось введение права частной собственности на небольшие предприятия и ремесленные мастерские.

Участники совещания отмечали неурегулированность вопросов, связанных со снабжением членов семей военнослужащих добровольческих частей вермахта и обеспокоенность этим со стороны добровольцев. Учитывая обесценивание денег, имевшее место на оккупированной территории, было выдвинуто предложение использовать для оплаты и помощи этим категориям населения товары широкого потребления [14].

Достаточно высокую оценку участников совещания получила деятельность местного административного аппарата. Как отмечалось в выступлении, касавшемся ситуации в зоне группы армий «Центр», органы местного самоуправления показали себя в качестве способных решать стоявшие перед ними задачи. В то же время командующий тыловым районом группы армий «Север» генерал Роквес весьма критично оценил практику замены руководящего эстонского персонала на немцев, поскольку последние далеко не всегда проявляли необходимый уровень компетентности [15].

Определенное внимание на совещании представителями вермахта было уделено состоянию образовательной сферы и положению церкви на оккупированной территории. Констатируя рост негативных настроений населения и осознавая необходимость принятия соответствующих мер, военными предлагалось, в зависимости от региона и местности, открыть четырехклассные школы в селе и семиклассные в городе, включая и ремесленные школы. При открытии школ, по мнению генерала Шенкендорфа, следовало исходить из того, что они должны были восполнить дефицит профессиональных рабочих [16]. Характеризуя позицию церкви на оккупированной территории, участники совещания констатировали, что она не проявляла никаких признаков нелояльности к власти.

Следует отметить, исходя из стенограммы совещания, существенное ухудшение настроений населения в тыловых зонах практически всех групп армий. Помимо вышеперечисленных факторов, важную роль играли случаи плохого отношения к населению со стороны войск, прежде всего «беспощадные реквизиции», а также отсутствие устраивающих население оккупированных территорий «единых целевых установок» [17]. Все это парализовало наблюдавшуюся с самого начала готовность населения к сотрудничеству и способствовало росту партизанского движения.

В то же время, несмотря на достаточно тяжелую ситуацию, участники совещания высказали определенный оптимизм относительно возможности изменения ситуации на оккупированной территории при отказе от применявшихся до этого насильственных, колониальных методов. Как отметил в своем выступлении представитель тылового района группы армий «Б», «дальней-

шая работа как в военном, так и в гражданском секторах возможна лишь совместно с населением, но ни в коем случае против него» [18].

Выводы совещания были обобщены и уже 21 декабря 1942 г. поданы в виде подготовленной Розенбергом докладной записки на имя Гитлера. В конце ее министр отметил, что «в большинстве докладов представителей вермахта, исходя из опыта, который они приобрели на фронте, и особенно учитывая огромную роль местного населения, акцентировалось внимание на необходимости отнестись к ситуации максимально серьезно. К ним присоединились руководители сельского хозяйства и промышленности...» [19]. Как представляется, наличие документа, подготовленного на основании анализа ситуации в различных регионах оккупированной части СССР, должно было бы побудить адресата взвешенно и вдумчиво отнестись к данной информации. Однако, вероятней всего, этот документ так и остался без соответствующей оценки. В отношении реакции Гитлера на докладную записку Розенберга известно, что «по информации, заслуживающей доверия, фюрер прочитал лишь 2 страницы этого сообщения, остальные перелистал и отложил» [20].

В то же время ряд предложений, выдвинутых в этом документе, все-таки в тех или иных формах был реализован позже. Это, в частности, касается указаний Геббельса по вопросам «обращения с европейскими народами», отданных им в середине февраля 1943 г., декларации «О частной собственности на землю», принятой летом 1943 г., решений о создании Русской освободительной армии, Комитета освобождения народов России во главе с Власовым. Очевидно, проходившие во время совещания обсуждения позволили окончательно выкристаллизоваться идеям, которые стали ключевыми для офицерской оппозиции в рядах вермахта. Следует отметить, что среди участников совещания было несколько человек, причастных к будущему заговору 20 июля 1944 г., в том числе и одна из ключевых его фигур – граф Штауффенберг, представлявший в декабре 1942 г. организационный отдел генерального штаба сухопутных войск.

Однако все эти меры оказались слишком запоздалыми и половинчатыми. Нежелание Гитлера прислушиваться к мнению экспертов, имманентно присущее ему, догматичность в оценке событий предопределили усугубление ситуации. Подходящий для Германии шанс, когда можно было, адекватно отреагировав на предложения министерства Розенберга и военных с Восточного фронта, попробовать затянуть войну, изменив отношение к населению оккупированных областей, был безвозвратно упущен.

Примечания:

1. Автор выражает искреннюю признательность Немецкой службе академических обменов (DAAD) и Институту открытого общества (OSI) за предоставленную возможность в течение 2007 и 2008 гг. провести поисковую работу в немецких архивах и библиотеках.
2. Bundesarchiv, Berlin (далее – BA). R 6/6. Bl. 76.

3. Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg (далее – BA-MA). RH 22/77. Bl. 6.
4. BA. NS 19/2605. Bl. 3.
5. BA-MA. RH 22/77. Bl. 10.
6. BA. NS 19/2605. Bl. 3.
7. BA-MA. RH 22/77. Bl. 5.
8. BA-MA. RH 22/77. Bl. 8.
9. BA. R 58/225. Bl. 246.
10. Залесский К. Вермахт. Сухопутные войска и верховное командование. М., 2005. С. 236.
11. BA. NS 19/2605. Bl. 3.
12. BA. R 58/225. Bl. 241–242.
13. BA-MA. RH 22/77. Bl. 10.
14. BA. NS 19/2605. Bl. 4.
15. BA-MA. RH 22/77. Bl. 5.
16. BA-MA. RH 22/77. Bl. 7.
17. BA. R 58/225. Bl. 243.
18. BA. R 58/225. Bl. 245.
19. BA. NS 19/3758. Bl. 5.
20. BA. NS 19/3758. Bl. 2.

Н.Г. Кашеварова

Ростов-на-Дону в 1942–1943 гг. в ДОНЕСЕНИЯХ СОТРУДНИКОВ ОПЕРАТИВНОГО ШТАБА РОЗЕНБЕРГА

Для исследователей истории Великой Отечественной войны, прежде всего стран, оккупированных нацистами, среди документов гитлеровской Германии этого периода большое значение имеют не только материалы военных структур, государственных органов управления, но и документация различных организаций, которые создавались на определенный срок для выполнения отдельных задач. Значительное место среди них занимают материалы Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга (далее Штаб) (1940–1945), который занимался вывозом культурных ценностей с территорий оккупированных нацистами стран, а также сбором материалов научного и справочного содержания с целью их дальнейшего использования.

В архиве Оперативного штаба, две наибольшие части которого хранятся в Центральном государственном архиве органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВО Украины, ф. 3676, 3676) и в Федеральном архиве в Берлине (NS 30) [1] нами было обнаружено несколько документов о Ростове-на-Дону и его окрестностях. Они невелики, но содержат ряд вне-

чатлений сотрудников Штаба от увиденного в городе во второй половине 1942 г., сразу после захвата города немецкими войсками, и в феврале 1943 г., перед его освобождением от немецких оккупантов. Ростов занимал в планах Штаба особое место и интерес к нему определялся рядом причин. Прежде всего Ростов являлся большим городом, региональным центром, где было сосредоточено большое количество вузов, учреждений культуры и науки, располагающих значительными ценными книжными, музейным и иными собраниями. Штаб не исключал, что в перспективе Ростов мог стать сборным пунктом для конфискованных культурных ценностей, которые планировалось вывезти из других городов юга России – Краснодара, Пятигорска, Кисловодска. Он оказался в непосредственной близости от линии фронта, в итоге так и не был передан под гражданское управление, и в значительной мере пострадал от военных действий. Это, в свою очередь, требовало от Штаба срочных мер по осмотру учреждений науки, образования и культуры, их собраний, проведения охранных мер, чтобы сохранить их для рейха, отбора и вывоза ценных материалов. Кроме того, сотрудникам Штаба было известно, что сюда при эвакуации частично были вывезены собрания музеев Крымского полуострова. Не последнюю роль сыграло и то, что культурные ценности этого региона интересовали и представителей других структур, в частности, отдельных военных и хозяйственных служб, команд СС, которые в условиях военных действий имели преимущество.

В целом же подготовка отчетов и донесений о текущем положении на оккупированных территориях входила в компетенцию органов оккупационной власти. Но это во многом и определяло их характер – например, они обезличены, хотя и содержат много информации, касающейся, прежде всего, практических моментов организации управления оккупированными территориями. Сотрудники Штаба же были гражданскими лицами, не военными и не служащими органов оккупационной власти. Их рабочие текущие донесения о положении дел содержат сравнительно немного стратегической информации, в основном детали о повседневности военных будней и оккупации, однако они имеют выраженный индивидуальный характер и отражают личностное восприятие. Кроме того, в подобных источниках освещены и существующие сложности в отношениях немецких военных служб, гражданской администрации, других нацистских организаций, что проявлялось на разных уровнях, например, в деле экономической эксплуатации, культурного грабежа, отношения к местному населению. На содержание этих документов влияла не только профессиональная принадлежность должностного лица, например, было ли оно военным служащим или гражданским специалистом, определенную роль играли факторы личного характера: уровень образования, общей культуры, задачи и степень вовлеченности в процесс управления.

В целом, среди документов Оперативного штаба донесений о буднях оккупации немного. Повседневная жизнь немецких гражданских специалистов была мало связана с реалиями жизни местного населения, организация их

пробытия тут подчинялась правилам поведения немецких служащих в рамках их внутренней службы и условиям военного времени. Они находились во враждебной им среде, что также повлияло на присутствующий в донесениях определенный уровень субъективизма. Нельзя не отметить и огромную роль идеологической подготовки. Все вышеуказанное в полной мере отражено в донесениях сотрудников Штаба, не только о Ростове-на-Дону, но и о других городах оккупированных Украины, России, Белоруссии. Так как составление подобных донесений в непосредственные задачи Штаба не входило, то вначале не существовало и соответствующего официального вида документа. Лишь со временем появились два вида донесения, которые назывались «Донесение о пережитом» (Erlebnisbericht) и «Путевые заметки» (Reise-Beobachtungen).

В основном, сведения о Ростове-на-Дону отложились в документах мобильных команд «Ростов» и «Ростов/Дон». Существование двух команд с разным личным составом, которые приезжали в город в различное время, объясняется тем, что в первое время Штаб не располагал в Ростове помещениями для работы сотрудников и хранения конфискованных материалов. Впоследствии Штабу удалось получить ряд помещений в здании на улице Пушкинской, 129 (по другим данным – на Пушкинской, 121 [2], но, скорее всего, это ошибка), еще два здания служили хранилищами и пунктами просмотра книжных собраний: в Библиотечном переулке, 3 и на улице Большой Садовой, 55 [3]. В целом, о существовании в архиве Штаба вышеуказанных документов известно исследователям [4]. Но до сих пор не вся имеющаяся в них информация была актуализирована и введена в научный оборот. В основном эти документы привлекали внимание исследователей судьбы перемещенных и утраченных музейных и библиотечных коллекций, поэтому имеющиеся сведения были лишь выборочно использованы, например, при подготовке очерков по истории библиотек Ростовской области [5].

Первые поездки сотрудников Штаба в Ростов носили ознакомительный характер и пока не имели целью создание здесь стационарного подразделения. Одним из первых в город приехал сотрудник Штаба Ганс Рёк, а именно 25 июля 1942 г., на следующий день после взятия города немецкими войсками. Такая срочность объяснялась необходимостью оценить состояние культурных учреждений города на предмет разрушений, по возможности закрепить право Штаба на распоряжение уцелевшими культурными ценностями, а также определить перспективы дальнейшей работы. Дорога Г. Рёка лежала через Мариуполь и Таганрог, где он присоединился к поездке руководителя местного подразделения пропаганды вермахта, который направлялся из Мариуполя в Ростов. О своих первых впечатлениях Г. Рёк написал следующее: *«Город горел во многих местах и, как подтвердил многочасовой осмотр города, очень пострадал от масштабных разрушений. В центре не было здания, которое оказалось бы неповрежденным, разве что рабочие поселения в окрестностях мало пострадали»* [6]. Эта поездка заняла один день и оказалась не очень удачной – стационарные части вермахта еще не заняли весь город из-за

проверки отдельных его районов, на берегу Дона в пределах границ города все еще шли бои, поэтому Г. Рёк не успел осмотреть библиотеки и музеи, и в конце дня был вынужден вернуться в Таганрог. Но полученная им информация послужила основанием для организации следующей поездки.

10 августа 1942 г. по тому же маршруту из Киева в Ростов через Полтаву, Днепропетровск, Запорожье и Таганрог отправилось другое подразделение Оперативного штаба – мобильная команда «Ростов/Дон» в составе трех человек: Вильяма Пишке, помощника и переводчика Вильгельма Викберга и водителя Теодора Шлюгера. Во время поездки В. Пишке вел служебные заметки. Они начинаются днем выезда из Киева, где располагалась Главная рабочая группа «Украина», и становятся более подробными на подъезде к Ростову. Первое, на что обратил особое внимание В. Пишке – это настроение населения окружающей сельской местности, которые вызывали беспокойство немецких властей. Он писал, что, несмотря на приход немцев, в бывших колхозах до сих пор на руководящих должностях находились *«бывшие партийные активисты»*, которые в советское время пользовались авторитетом у местного населения. С одной стороны, они к немцам относились недружелюбно, но боялись остаться без средств к существованию, поэтому были вынуждены приспособливаться к новой власти. При этом В. Пишке в свойственной оккупантам манере подчеркивал, что ликвидация советской колхозной системы невыгодна для Третьего рейха, а так как в разгаре была уборка урожая, местному населению *«следует уяснить себе, что чем больше и усерднее они будут работать на новую власть, тем больше они смогут получить»*.

Следующая часть заметок посвящена непосредственно Ростову-на-Дону. В. Пишке впечатлило состояние города: *«Ростов при въезде представляет собой удручающую картину. Зимой прошлого года очень много зданий было повреждено и сожжено партизанами [7], потом с 8 по 23 июля город непрерывно подвергался налетам наших бомбардировщиков. Все, что есть, это лишь руины между жалкими остатками сохранившихся зданий, которые также почти все без исключения стоят без оконных стекол»*. Но более гнетущее впечатление на него произвело состояние местного населения, оказавшегося в результате военных действий в тяжелых условиях существования. Он отмечал, что большинство ростовчан жило в чрезвычайной нужде, целые семьи ютились в небольших уцелевших помещениях, в крайне негигиенических условиях. Они голодали, по словам Пишке, потому что в городе почти не осталось провизии. Значительная ее часть затонула в Дону, а цены на оставшиеся продукты резко взлетели. К тому же, как он подчеркивал, местное население было настроено настороженно по отношению к немцам. Пишке пояснял это тем, что в ноябре 1941 г., во время кратковременного освобождения города советскими войсками, органы НКВД применили карательные меры по отношению к тем жителям Ростова, которые не отнеслись враждебно к оккупантам. Люди боялись и более всего были заинтересованы в том, чтобы

выжить, на их настроения влияло расположение линии фронта. Эту часть своих заметок он подытожил так: *«единственными заботами мирного населения на данный момент являются продукты питания и обеспечение горючим материалом для зимнего периода»*. Не обошел он вниманием и вопросы, связанные с другими аспектами повседневной жизни: *«В сельской местности местами можно увидеть еще сохранившиеся церкви, и то потому, что большевики использовали их в качестве складских помещений. В остальном же можно увидеть только руины или остатки фундамента, которые до сих пор разбираются для использования в качестве строительного материала»*. В самом же Ростове к тому времени *«из многих церквей заново были открыты только две, другие либо используются в хозяйственных целях, либо [находятся в слишком плохом состоянии]»* [8].

Характер данных заметок свидетельствуют о том, что Пишке находился под влиянием официальной немецкой идеологии, не связывал напрямую бедственное положение местного населения с войной, с действиями оккупантов, а усматривал во многом вину советской власти. Например, он писал о контрасте между довоенными условиями проживания большей части местного населения и партийных работников, объяснял масштабные разрушения плохим состоянием зданий и улиц города до войны, а также работой диверсантов, как, например, гибель библиотеки университета в количестве 600 тыс. томов вскоре после того, как немецкие части вошли в Ростов в ноябре 1941 г. К тому же, многие сотрудники Штаба были забронированными специалистами и что такое война узнавали только при выполнении рабочих заданий в непосредственной близости от линии фронта.

Пишке в качестве приложения к этим заметкам оставил также донесение о состоянии ряда библиотек, институтов и подразделений университета, музеев, составленное в результате осмотра ряда учреждений. Оно содержит краткие сводные сведения о каждом из них: физическое состояние здания, наличие каких-либо собраний и сохранившихся материальных ценностей, имя руководителя [9]. Его же донесение о состоянии Ботанического сада Ростова, о котором упоминается в этом документе, к сожалению, в архиве Штаба не обнаружено.

Осенью 1942 г. сотрудники Штаба продолжили осмотр библиотек, музеев, высших учебных заведений Ростова-на-Дону. Среди них были сотрудники особой команды «Ростов» – уже упомянутый Ганс Рёк (руководитель), Эрнст Каулих (помощник), Отто Климантат (как водитель и переводчик), а также несколько сотрудников двух особых штабов (зондерштабов) при Оперативном штабе Розенберга – «Древняя история» и «Библиотеки». Последние не имели полномочий для конфискации собраний, это могли сделать только представители рабочих групп Оперативного штаба. Но они собирали данные об их состоянии и ценности, поэтому сотрудником особого штаба «Библиотеки» А. Гимпелем был подготовлен отчет о состоянии библиотечных собраний Ростова-на-Дону [10]. Сведения о поездке руково-

дителя особого штаба «Древняя история» Ганса Райнерта по ряду областей юга России имеются в документах в виде вторичной информации. Пока среди сохранившихся документов Штаба не обнаружено содержательных отчетов или донесений, связанных с Ростовом, Краснодаром и другими городами юга России. Сохранился лишь обобщенный отчет особого штаба «Древняя история» о работе за 1942 г., где вскользь упоминается, например, о попытках восстановить местные музеи в Анапе, Краснодаре [11], однако без каких-либо фактических данных.

10 января 1943 г. находившийся в тот момент в Ростове сотрудник Штаба Ернст Каулих согласно распоряжению военного командования получил приказ об эвакуации из города. Он не смог забрать с собой конфискованные материалы, находившиеся в помещении службы Розенберга по улице Пушкинской. Они были перемещены на первый этаж здания, опечатаны и переданы под охрану вермахта [12]. Однако Фридрих Шюллер и Ганс Рёк, рискнувшие вернуться в Ростов во время боев за город 13 февраля, чтобы забрать эти материалы, нашли здание разграбленным. Уцелели только остатки размещенных здесь собраний, в частности, фотоархива. Ф. Шюллер писал в своем донесении: *«Несмотря на противоречивую информацию о расположении врага в городе и на ведущих к нему дорогах, мы решили поехать туда. [...] Дорога в Ростов несла на себе следы тяжелой борьбы: воронки от бомб, разбитый транспорт и бронемашин, погибшие лошади, разбросанное военное имущество разного рода. Отдельные машины из-за обстрела были продырявлены, как решето. [...] Около Самбека дорога из-за большевистского наступления накануне была перегорожена, но сегодня она вновь была свободна. Мимо нас шли бесконечные колонны военных машин и беженцев на телегах. Дорога местами покрыта льдом. [...] На дороге перед въездом в Ростов стоят отдельные орудия и противотанковые пушки и они развернуты [в сторону] моря. Тут и там лежат замерзшие тела красноармейцев. Город окутан облаком дыма. Повсюду можно видеть пылающие дома и автопарки. По-прежнему слышны взрывы, [звуки] которых сотрясают землю. Противник держит город под артиллерийским обстрелом. Со стороны Дона слышны единичные залпы пулемета. Центр города уже полностью очищен; здесь нейтральная зона. Вокруг в развалинах бродят гражданские лица. Необходимо торопиться, и надо считаться с тем, что большевики опять вошли в город. С огнестрельным оружием на взводе мы подъехали к бывшему зданию службы Оперативного штаба на ул. Пушкинской. Здание еще стоит, но пустует до 4-го этажа и разграблено. В одной комнате на полу разбросаны разбитые пластинки фотоархива [...] Охранные мероприятия в двух главных библиотеках города (Центральной и им. Карла Маркса) [13] по указанным причинам более невозможны. [...] Позднее мы узнали от одного майора, командира арьергардной команды саперов, что еще накануне около вокзала, расположенного недалеко от службы Штаба, и на улицах города шли ожесточенные бои, и что военные части в городе несли неоднократные потери из-за нападений*

партизан» [14]. В связи с освобождением юга России от немецких оккупантов сотрудники Штаба покинули город, а последняя команда была распущена к маю 1943 г.

Все вышеупомянутые документы наравне с другими подобными им материалами, как Штаба, так и других служб, могут послужить не только источниками в исследовании вопросов перемещения культурных ценностей, но и своеобразной иллюстрацией восприятия оккупантами повседневности войны, поэтому они заслуживают дальнейшего изучения, но в то же время и критического подхода. Гражданские специалисты, в данном случае сотрудники Штаба, чаще всего не осознавали масштаба происходящего и своей причастности к нему. Как правило, они воспринимали окружающее в интерпретации, предписанной им нацистской идеологией и пропагандой, согласно которой даже расстрелы мирного населения считались оправданными. Сотрудники Штаба полагали, что выполняют свой гражданский долг, способствуют ожидаемой победе над большевизмом. Однако само понятие «победа над большевизмом», которым оправдывались все предпринимаемые меры, выступало довольно расплывчатым. Характер восприятия менялся со второй половины 1943 г., когда все более очевидным становилось грядущее поражение Третьего рейха. Но даже при этом, как правило, отсутствовали сомнения в положительной оценке и законности собственных действий, являвшихся, по сути, культурным грабежом и уничтожением исторического наследия стран Восточной Европы.

Примечания:

1. Коллекция документов Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга. URL: http://err.tsdavo.org.ua; Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg. URL: http://startext.net-build.de:8080/barch/Midosasearch/NS30_25600/index.htm.
2. Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области. Ф. 513. Оп. 1. Д. 6. Л. 55 об.
3. ЦГАВО Украины. Ф. 3676. Оп. 2. Д. 11. Л. 43.
4. См. например: Кашеварова Н.Г. Документы Оперативного штаба Розенберга по истории Юга России во время Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: Материалы Международ. науч. конф. (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог). Ростов н/Д, 2010. С. 154–159.
5. Сводный каталог утраченных ценностей Российской Федерации. Кн. 1. Воронежская, Курская, Псковская, Ростовская области, Северный Кавказ, Смоленская область. URL: http://lostart.ru/ru/svodnyj_katalog/knigi/tom11/kniga1.
6. ЦГАВО Украины. Ф. 3676. Оп. 2. Д. 11. Л. 1.
7. Тут и далее речь идет о членах различных диверсионных подразделений, действовавших в немецком тылу.
8. ЦГАВО Украины. Ф. 3676. Оп. 2. Д. 11. Л. 10–11.
9. Там же. Л. 12–16.

10. Там же. Оп. 1. Д. 106. См. также: Кашеварова Н.Г. Библиотеки и музеи Ростова-на-Дону и Таганрога осенью 1942 г. в донесениях Александра Гимпеля – сотрудника Оперативного штаба Розенберга // Война в истории и судьбах народов юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны): Материалы Международ. науч. конф. (1–2 июня 2011 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2011. С. 219–223.
11. ЦГАВО Украины. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 211. Л. 202.
12. Там же. Оп. 2. Д. 31. Л. 41.
13. Центральная библиотека и областная библиотека им. К. Маркса.
14. ЦГАВО Украины. Ф. 3676. Оп. 2. Д. 31. Л. 27–28.

А.В. Дружинина

ОБСТАНОВКА В КРАСНОДОНЕ В ПЕРИОД НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (июль 1942 – февраль 1943 гг.)

Строки из стихотворения Сергея Острового, написанного в 1946 г., на долгие десятилетия стали визитной карточкой подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия», которая боролась с немецко-фашистскими захватчиками, оккупировавшими в июле 1942 г. небольшой шахтерский город Краснодон Ворошиловградской (в настоящее время – Луганской) области Украинской ССР:

*«Это было в Краснодоне,
В грозном зареве войны.
Комсомольское подполье
Поднялось за честь страны».*

В сентябре 2012 г. на Украине состоялось торжественное празднование 70-летия со дня создания краснодонского подполья. Однако еще с начала «перестройки» под влиянием гласности и до настоящего времени – под влиянием вседозволенности, прививаемой Интернетом, продолжают высказываться мнения, опровергающие само существование и деятельность «Молодой гвардии». В частности, делается упор на то, что бороться в Краснодоне было не с кем и незачем, так как «новый порядок», организованный немцами якобы был чрезвычайно лоялен к местному населению.

К сожалению, архивных материалов о Краснодоне в период немецко-фашистской оккупации не так много, как, казалось бы, должно быть, учитывая огромную роль «Молодой гвардии» в патриотическом воспитании советской молодежи. Однако даже небольшой пласт архивных документов о положении в Ворошиловградской области в 1942 г. позволяет представить

обстановку в небольшом шахтерском городке, спустя год прославившемся легендарными молодоговардейцами.

20 июля 1942 г. в Краснодар вошли немецкие части. *«20-го числа проснулась в 4 часа, – вспоминала Валерия Борц. – Доносится глухой шум моторов. По улице промчались танкетки и мотоциклы. Вот они, наши «освободители» [1].* В этот день будущая участница подпольной организации «Молодая гвардия» Нина Кезикова записала в дневнике: *«Ой, какая сила, просто страшно смотреть... Идут обозы, пехота и разная смесь. Видела немцев. Ой, такие противные!... Понемногу начинают забирать кое-что: где теленка, где гусенка... Ну ничего, как-нибудь переживем» [2].*

Первыми были вывешены распоряжения коменданта: *«Приказываю всем, кто имеет огнестрельное или холодное оружие, сдать его в комендатуру г. Краснодона по истечении 24-х часов. Кто уклонился от сдачи, будет немедленно расстрелян. Приказываю явиться для регистрации всем коммунистам, комсомольцам и евреям. За неявку – расстрел. Запрещаю появляться населению на улицах после 6 часов вечера» [3].* На заборах висели немецкие агитационные плакаты, изображавшие советских девушек, нашедших приют в Германии, листовки с фабрированными фотографиями: *«Немцы купаются в Неве», «Гуляют по улицам Сталинграда» [4].*

Во время вступления немцев в город Сергей Тюленин был на улице, наблюдал за движением немецких частей. Через несколько часов он прибежал в квартиру и, по воспоминаниям сестры Надежды, возмущенно сказал: *«Нет, с этим мириться нельзя... Ты обрати внимание, какой у них бандитский и гнусный вид. У каждого из них на шее болтается женский шарф или повязка. Подумаешь, получили трофеи и от кого же? От безоружных женщин. Ты посмотри, какими они чувствуют себя хозяевами: заходят в квартиры, забирают все, что им нравится. Они охотятся за курами, забирают яйцо, масло и различные продукты. Они заставляют наших женщин приносить воду для них и для их лошадей за 3 километра. Они уже успели развесить свои гнусные приказы... Нужно срывать эти приказы, а этих гадов уничтожать» [5].*

На учет количества населения был направлен приказ об обязательной регистрации в управе только прибывших в город или село граждан или проживших в населенном пункте более трех суток. Отметка о регистрации ставилась в удостоверение личности. Жители, готовые предоставить жилье, должны были получить разрешение в управе, обязательно указав причины приезда посетителя. Отмечалось, что нарушители приказа будут строго караться, а тех, кто окажет приют красноармейцам и партизанам, подвергнут расстрелу [6].

В августе в населенных пунктах был вывешен приказ о борьбе с партизанами: предписывалось за вознаграждение земельными участками и деньгами выдавать партизан и партизанские отряды. При этом говорилось, что за каждого убитого немца или полицейского будут братья заложники. Был распространен и другой приказ: на запрет хранения холодного и огнестрельного оружия, в том числе перочинных ножей и бритв [7].

Борьбе уже не просто с партизанами, но с «бандами» посвящалось другое объявление: *«Кто возьмет к себе на квартиру участника банды или парашютиста, не заявляет о его квартировании, снабжает продуктами питания или знает его убежище и не заявляет, или вообще чем-нибудь ему помогает, арестовывается и беспрекословно расстреливается»*. Далее в обращении к крестьянам говорилось: *«Заботьтесь сами о безопасности ваших семейств, ваших продуктов питания и ваших сел. Каждый в отдельности Вы слабы, объединяясь в самооборону вашего села вы будете достаточно сильны, а с помощью полиции прекратите преступную деятельность банд. Мы пришли, чтобы помочь вам в этом»* [8].

На здании райкома партии был вывешен огромный германский флаг, указатели на перекрестках дорог и вывески на некоторых зданиях переписаны по-немецки [9]. Жизнь в городе остановилась: прекратили работу шахты, предприятия, больницы, отделения связи, магазины, школы, клубы, библиотеки, радиотрансляция. Обстановка в городе была тяжелой. Отсутствовали элементарные бытовые удобства, например, бездействовал водопровод, и приходилось воду носить из соседних деревень, преодолевая расстояние в несколько километров. Не подавалась электроэнергия, за исключением нескольких десятков домов в центре города, в которых размещались оккупанты и их учреждения [10].

По воспоминаниям жены красноармейца Анны Рукавицыной, жители города *«не выходили из квартир и с ужасом через окна всматривались в окрестности города. На улицах никто не появлялся. В городе воцарились тишина. Настроение взрослых передавалось детям»* [11]. Нина Иванцова рассказывала: *«Сразу бросилось в глаза – рынок далеко не тот, что раньше. Картошку продавали на штуки, крупу – на столовые ложки. Цены просто баснословные: килограмм хлеба стоил двести пятьдесят рублей, конины – сто рублей, сала – около семи тысяч. Одна свекла среднего размера – двадцать рублей, стакан соли – двести рублей. Кусок хлеба выменивали на туфли, платя, костюмы»* [12].

Немецкие власти требовали прекратить торговлю на базарах, руководствуясь псевдозаботой о населении, которое отправлялось за продуктами в села за сто и более километров от дома. Говоря о недопустимости занятия дорог толпами жителей, отмечалось: *«Несмотря на то, что они, благодаря физической усталости и влиянию погоды, в особенности зимой, могут заболеть и лучше могли бы использовать время, потерянное на столь продолжительное путешествие, в собственном хозяйстве или производстве, они зря заполняют дороги, требуют от добродушных военных, которые должны выполнять другие задания, чтобы их подвезли, а так же отбирают от крестьянина часть его дорогого рабочего времени»* [13].

Однако люди не по своей прихоти занимались «менкой»: в городах работало только 5 % населения, получавшие 300 г хлеба, *«на 25–30 % ячменный с устюками и половой»* [14], при этом мельницы были взяты под контроль,

так как обеспечивали фашистский гарнизон мукой. Допускались к помолу и местные жители, оставляя при этом мельнику половину привезенного для помола зерна. Но большинство краснодонцев обходилось самодельными ручными машинками [15].

Сестра молодогвардейца Анатолия Попова Лидия Владимировна вспоминала: *«Мы жили бедно, гнали самогон из буряка и продавали, а что делать, жить-то как-то надо: 150 рублей только булка хлеба была, а двоих детей надо было прокормить»* [16]. В этих условиях бедноты и голода жители шли выменивать хлеб у колхозников, который сохранился у них с прошлого года, и никакие меры не могли их остановить. В сентябре в течение двух недель немецкие заградительные отряды и полиция повально отбирали хлеб, вещи и даже тележки у людей,двигавшихся за хлебом. Тем не менее, люди находили новые дороги и переправы, двигаясь на восток, даже когда фронт двигался на запад [17].

К тому же, даже при описании «нового порядка» как райской жизни, действия власти говорили сами за себя. Так, в поселке Семейкино двум домохозяйкам дали принародно по 25 плетей за то, что те сломали по несколько початков кукурузы на огороде совхоза, где они работали. В селах Просянном, Гермашевке, Лимаревке и ряде других избивали десятки людей за опоздание или слабые темпы работы на дорогах. За сбор колосков на полях совхоза ворошиловградского завода имени Октябрьской революции в одно сентябрьское воскресенье полицейские избили более десятка женщин плетями, секли также и детей. В селе Лимаревка Беловодского района немцы обнаружили пропажу какого-то крючка из автомастерской. Кто-то сказал, что он взят двумя мальчиками-школьниками. Пособники оккупантов ворвалась в школу в момент занятия, вытащили из класса двух девятилетних «виновников», увезли в мастерскую и избили их до полусмерти [18].

Многие ожидали будущего со страхом. Валя Борц записала в дневнике: *«Начались массовые расстрелы коммунистов. Я боюсь за папу. Только ветер прошумит, пробежит кошка, а мне кажется, что это идут за папой. Тяжело мне! Ох, как тяжело. Нет, так нельзя...»*. [19]

В августе в городе за отказ от регистрации в полиции и на бирже труда были проведены массовые аресты коммунистов, комсомольцев, орденосцев, старых партизан и беспартийных активистов. В их числе оказались и будущие коммунисты-подпольщики, например, М.Г. Дымченко, которую выпустили через три дня, принудив ежедневно отмечаться в полиции [20]. Был задержан у себя дома на шахте имени Энгельса Николай Петрович Бараков, его выпустили через сутки [21], что было вполне понятно, поскольку он представил себя как сына профессора, принадлежавшего к привилегированному классу царской России [22]. С.Г. Яковлева вместе с семьей под конвоем доставили в Краснодон, требовали, чтобы он назвал коммунистов, которые должны работать вместе с ним, но через неделю выпустили, обязав отмечаться каждый день на регистрации и установив за ним слежку [23].

В начале сентября в Краснодон приехал с инспекционной проверкой из г. Сталино (в настоящее время – Донецк) руководитель жандармерии и полиции в Донбассе бригаденфюрер СС Деринг. На секретном совещании ответственных работников жандармерии округа он признал, что *«политическое разложение русского народа невозможно»*, и потребовал от начальника окружной жандармерии Ренатуса как можно скорее ликвидировать саботаж на предприятиях [24]. Однако пресечь его не удалось, и это вызывало обеспокоенность у фашистского командования. Ренатус и комендант Краснодона Гедеман издали приказ о расстреле задержанных и уже около месяца бывших в полиции шахтеров и коммунистов.

Среди казненных были начальник шахты № 22, коммунист с 1917 г. А.А. Валько, начальник шахты № 5 Г.Ф. Лаукьянц, парторг этой же шахты С.С. Ключов, начальник пятого участка шахты № 12 П.Н. Зимин [25], парторги угольных предприятий С.О. Ключов и С.К. Бесчасный, следователь П.М. Миронов, председатель райпотребсоюза В.П. Петров (отец молодого гвардейца) и другие. В полицию также были доставлены участники Изваринского партизанского отряда, в их числе дочь комиссара отряда, расстрелянного ранее, Евгения Саранча [26].

Из акта районной комиссии по расследованию злодеяний немецких фашистов в Краснодонском районе в период с 20 июля 1942 г. по 14 февраля 1943 г., датированного 20 июля 1943 г.: *«28 сентября 1942 года в 11 часов ночи из камеры полицейского управления было взято 32 человека советских граждан. Все 32 человека были обнаружены во вскрытой могиле в Парке имени Комсомола. Они были связаны друг с другом (руки обмотаны проволокой), загнаны в ущелье, приспособленное для укрытия машин. Здесь после зверских издевательств их живыми стоя засыпали землей»* [27]. Участники этой расправы – бывший заместитель начальника Краснодонской районной полиции Орлов и полицейский Лукьянов на следствии показали, что доставили арестованных в парк имени Комсомола, связали их за руки по пять человек, загнали в яму и открыли беспорядочную стрельбу. Некоторые были убиты наповал, а отдельные только ранены, их достреливали уже в яме. По заявлению Лукьянова, когда пристреливать им надоело, остальных жертв закопали живыми [28].

Одновременно с карательными мерами немцы устраивали в клубах города вечера с танцами, в парке проводили массовые гуляния, а через несколько дней начали мобилизацию молодежи в Германию. Агитация сделала свое дело, и первые составы почти полностью набирались из добровольцев [29].

Жители по-разному относились к новой власти. Были и такие, кто с радостью еще до оккупации прибегал к соседям и со слезами на глазах довольно говорил: *«Скоро придут наши освободители, и наконец-то заживем как прежде!»* [30]. В августе 1942 г. на базарной площади состоялся парад казаков: маленьким четырехугольником выстроились мужчины и старики в казачьей форме, из Первомайки и прилегавших к Краснодону сел их съехалось немно-

гим более сотни. Перед строем казаков на площади восседал эсэсовец, окруженный толпой полицейских. После команды «Смирно!» немец на ломаном русском языке произнес речь, в которой поблагодарил казаков за помощь немецкой армии, обещал полную свободу их действий и в заключение призвал на борьбу с врагом. Парад казаков смотрели несколько прохожих и толпа мальчишек [31].

С другой стороны, одна из краснодонок вспоминала: *«При оккупации немцами нашего города нам жилось тяжело. Немцы кричали: капут русский, капут Сталин, Кавказ занят, Баку занят, Волга немецкий, Москва – немецкий. Не имея от своих людей ничего, мы, советские люди, были подавлены, морально угнетены»* [32]. Настроения населения можно также понять из одного эпизода, произошедшего уже во время бегства полиции из села Волошино: в помещение влетел полицейский и обратился к начальнику *«господин полицейский»*, на что старик-колхозник, бывший в тот момент подводчиком, сказал: *«Господин-то господин, да товарищи догоняют»* [33]. Однако наиболее красноречиво охарактеризовал новые порядки местный немец, живший в селе Бобриково Ворошиловградской области, который ранее приветствовал приход своих, но после того, как они забрали 6 ульев меда, выкинув пчел на мороз, 30 пудов картофеля, обувь и одежду его жены, сказал: *«Я таких немцев еще не видел и видеть не желаю. Я от них отказываюсь. Это не немцы, а какие-то звери в образе человека»* [34].

Кроме того, жители Краснодона могли сравнить «новую жизнь» с дооккупационной. Например, в 1940 г. трест «Краснодонуголь» дал стране 2 435 520 т угля. Перед войной в Краснодоне, рабочих поселках и селах района было 5 средних, 10 неполно-средних и 22 начальных школы, где 360 учителей обучали 11 983 учащихся. Работали 3 больницы на 328 коек, две поликлиники, санэпидстанции, две детских консультации, 8 амбулаторий, 10 медпунктов, 13 детских яслей на 564 места. В городе и поселках действовали 15 клубов, 29 красных уголков, 40 библиотек с книжным фондом 100 тыс. экземпляров. Краснодонцы выписывали в 1940 г. 43 тыс. газет и журналов, 3 радиоузла обслуживали 2 тыс. радиоточек [35].

Таким образом, очевидно, что с вступлением в Краснодонский район немецко-фашистских войск и установлением нового режима жизнь краснодонцев полностью изменилась. Часть жителей радостно приняла перемены, однако большинство населения было фактически поставлено в условия выживания, не только по причине обнищания краснодонцев, но и в результате борьбы немецких властей с партизанами. Кроме того, агрессивная антипропаганда советского строя при постоянном восхвалении побед немецкой армии негативно отражалась на моральном состоянии населения. Подавляющее большинство населения Краснодона, во-первых, сохранило верность советской власти, во-вторых, не только не получило материальной выгоды от нового режима, но и находилось в условиях постоянного ограбления немецкими властями. Именно с расчетом на этих людей – в том числе и для того, чтобы

поддержать их морально – в городе и окрестных поселках были организованы группы сопротивления, включавшие в себя комсомольцев, которые объединились в подпольную организацию «Молодая гвардия».

Примечания:

1. Вспомним всех поимённо. Сб. воспоминаний. Донецк, 1986. С. 87.
2. Свет пламенных сердец: Сб. документов. Донецк, 1989. С. 40.
3. Государственный архив Луганской области (далее – ГАЛО). Ф. П-179. Оп. 1. Д. 344. Л. 15.
4. Там же.
5. Российский архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 53. Д. 331. Л. 100об.
6. ГАЛО. Ф. Р-1717. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.
7. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАОО Украины). Ф. 166. Оп. 2. Д. 121. Л. 77–78.
8. ГАЛО. Ф. Р-1717. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.
9. Иванцов К. Старшая сестра. Донецк, 1988. С. 10.
10. Левашов В. Брат мой – друг мой. Неопубликованная рукопись // Личный архив А.В. Дружининой.
11. ГАЛО. Ф. П-1790. Оп. 1. Д. 265. Л. 119.
12. Иванцов К. Старшая сестра. Донецк, 1988. С. 10.
13. ГАЛО. Ф. Р-1717. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.
14. ЦГАОО Украины. Ф. 166. Оп. 2. Д. 121. Л. 80.
15. Иванцов К. Указ. соч. С. 16.
16. Респондент: Попова Лидия Владимировна, 1928 г.р. Записана А.В. Дружининой 6 июля 2000 г. в г. Краснодар Луганской области, Украина.
17. ЦГАОО Украины. Ф. 166. Оп. 2. Д. 121. Л. 80.
18. Там же. Л. 76.
19. ЦГАОО Украины. Ф. 7. Оп. 10. Д. 85. Л. 127.
20. Аптекарь Р. Записки из фашистских застенков: «Мы будем бороться до конца» // Слава Краснодона. 1989. 19 декабря.
21. Тимофеева И. Бессмертны в сердце народа // Луганская правда. 1964. 30 мая.
22. Аптекарь Р.М. Бараков Н.П. Краснодар, 2002. С. 14.
23. Павликова (Яковлева) К.С. Таким я помню своего отца // Слава Краснодона. 1998. 18 августа.
24. Васильев В.Н. Противостояние // Военно-исторический журнал. 1990. № 4. С. 68.
25. Народная война в тылу фашистских оккупантов на Украине 1941–1944 гг. Киев, 1985. С. 65.
26. Аптекарь Р., Чапанская Г. «В моей судьбе ты стала главной, родная улица моя...» // Ижица / Еженедельная общественно-политическая газета. Луганск. 2004. 4 августа.
27. Центральный государственный архив высших органов власти Украины (далее – ЦГАВО Украины). Ф. 3538. Оп. 1. Д. 51. Л. 44.

28. Косенко С.И. Героическая быль // Луганская правда. 1967. 9 сентября.
29. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 343. Л. 38.
30. Косенко С.И. Героическая быль // Луганская правда. 1967. 3 сентября.
31. Респондент: Минаев Владимир Петрович, 1932 г.р. Записан А.В. Дружининой 3 октября 2002 г. в г. Краснодоне Луганской области, Украина.
32. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 332. Л. 26.
33. ЦГАОО Украины. Ф. 166. Оп. 2. Д. 121. Л. 84.
34. ГАЛО. Ф. П-1790. Оп. 1. Д. 237. Л. 77.
35. Краснодон за 50 лет // Слава Краснодона. 1967. 4 февраля.

В.С. Яновский

ЭВАКУАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПОСЕЛКА НИЖНИЙ БАКСАН ЛЕТОМ – ОСЕНЬЮ 1942 г.

События Великой Отечественной войны сопровождались невиданными ранее по своим масштабам эвакуациями учебных заведений, предприятий, целых поселков и городов. И вот одна такая, во многом уникальная эвакуация, вызванная угрозой гитлеровской оккупации, была осуществлена для спасения немногим менее 1,5 тыс. жителей высокогорного поселка Нижний Баксан в конце лета и осенью 1942 г.

В конце 1930-х гг. близ старого балкарского аула Герхожан, возле вольфрамово-молибденовых месторождений, возник небольшой поселок, названный Нижним Баксаном. С 1955 г. и по настоящее время он известен как город Тырныауз. Поселок в первые годы своего существования был очень чистым и весьма благоустроенным: квартиры со всеми удобствами, дом культуры, десятилетняя школа, больница, поликлиника, почта, баня, магазины, детский сад, большая и благоустроенная столовая. При доме культуры функционировали хоровые, танцевальные, рисовальные и другие кружки, художественная самодеятельность, кинозал. Электроэнергией поселок снабжался от построенной в 1936 г. БаксанГЭС. Отопление в зданиях обеспечивала поселковая котельная. Население в то время преобладало русское, но жили также кабардинцы и балкарцы, представители других народов. Поскольку государство окружало особой заботой такие предприятия, как вольфрамово-молибденовый комбинат, то вся инфраструктура поселка исправно функционировала почти до осени 1942 г. Вызванные военным временем изменения в жизни коснулись только тех семей, из которых кто-либо был призван на фронт [1].

Ситуация изменилась с 25 июля 1942 г., когда начался захват гитлеровцами территории Северного Кавказа. Жители Нижнего Баксана стали получать по радио тревожные вести о том, что оставлены Ростов-на-Дону,

Сальск, Краснодар и другие города. Следует заметить, что эта ситуация не застала врасплох органы НКВД, которые задолго до июля 1942 г. готовились к возможной эвакуации поселка. Жилищное и прочее строительство в Нижнем Баксане было остановлено. Заключенные, силами которых велось это строительство – вывезены. А еще в конце июня – начале июля группа альпинистов и помогавших им учащихся 10 класса поселковой школы ушли в горы прокладывать маршрут для эвакуации в Грузию. Для этих целей был выбран перевал Бечо, который являлся более простым для преодоления, чем большинство других перевалов Главного Кавказского хребта, но в то же время не был столь открытым для возможных налетов гитлеровской авиации как еще более доступный перевал Донгузорунбаши [2].

Жители поселка до последнего надеялись, что эвакуироваться не придется. Особенно беспокоились и боялись эвакуации молодые женщины с детьми дошкольного возраста, а также пожилые люди. Детей ясельного и дошкольного возраста в поселке насчитывалось более 230 чел. [3]. Имели место среди населения поселка и коллаборационистские настроения. Некоторые сотрудники комбината («из бывших») в доверительном кругу знакомых и друзей говорили, что эвакуироваться вовсе не нужно, что коммунисты уйдут, *«придут немцы, и в Нижнем Баксане начнется новая "прекрасная" жизнь»* [4].

Так или иначе, в конце июля стало понятно, что эвакуация неизбежна – гитлеровцы подошли слишком близко, и медлить было уже нельзя. По поселку разошлись слухи о том, что будет взорвана БаксанГЭС, чтобы не оставлять ее врагу. Согласно воспоминаниям участницы эвакуации, Л.Ф. Яновской, официально начало эвакуации объявили 7 августа. Впрочем, многие документальные данные говорят о том, что эвакуация началась 11 августа (если верить наградному листу альпиниста Г. Одноблюдова, подписанному полковником Курашвили – 10 августа) [5]. Из поселка выступила первая партия жителей не только Нижнего Баксана, но и поселка Былым, а также легкораненые бойцы Красной армии из госпиталей Кавказских Минеральных Вод. Каждая очередная группа эвакуировавшихся, ежедневно отправлявшаяся в путь, состояла из 60–100 чел. [6]. Транспорт, снабжение продовольствием, маршрут, инструктаж по технике безопасности были самым тщательным образом проработаны и подготовлены. Инструктаж проводился заранее, а затем уже те, кому предстояло эвакуироваться, забрав деньги, документы и теплую одежду, собирались в условленном месте, откуда грузовиками их увозили в аул Тегенекли. Там для участников эвакуации предусматривалась ночевка в здании школы. А уже на следующее утро эвакуировавшиеся продолжали путь в сторону перевала пешком (по причине отсутствия проезжей дороги в ущелье Юсеньги). В лагере, называемом «Северная Палатка» (у начала подъема непосредственно к перевалу), многие задерживались на несколько дней. Причина заключалась в том, что всех сразу через перевал переводить было нельзя. Людей размещали в больших армейских палатках. Снабжение сухим пайком осуществлялось ежедневно.

Также один раз в день в большом котле варился суп с бараниной для участников эвакуации [7].

За сутки до выхода в дальнейший путь составлялся список примерно из 30 чел. Людей накануне инструктировали, и проинструктированная группа под утро в сопровождении альпинистов отправлялась на перевал. Переход через перевал выглядел следующим образом. Эвакуировавшиеся загружали вещи на ослов, предоставленных балкарцами-проводниками. Ослы более всего подходили здесь в качестве вьючных животных. С лошадьми, которых использовали для перевозки детей и ручной клади до лагеря, на ледник идти было нельзя. До ледника предстояло проходить по узкой и сложной тропе. И только днем каждая очередная группа достигала его. Сам ледник представлял также немало опасностей. Иногда узкая тропа была буквально зажата между глубокими трещинами в ледяном покрове. У ледникового выступа под названием «Куриная Грудка», группы обычно разделялись. Одна часть эвакуировавшихся группами по 5 чел. в сопровождении 2 альпинистов каждая отправлялась наверх по вырубленным во льду ступеням, держась за трос. Этот маршрут подготавливался и обустроивался альпинистами и помогавшими им добровольцами в течение нескольких дней [8]. Другая часть эвакуировавшихся огибала «Куриную Грудку» и поднималась на перевал по крутому заснеженному склону. Таким образом все благополучно достигали перевала. [9].

На перевале очередная группа некоторое время отдыхала и обедала, а затем уже принималось решение о том, как осуществлять спуск. У кого были силы и хотя бы какой-то опыт передвижения по горной местности, спускались самостоятельно к лагерю «Южная Палатка», располагавшемуся с грузинской (южной) стороны Главного Кавказского хребта. Те, у кого были маленькие дети, нанимали прямо здесь грузинских горцев сванов для переноски самых маленьких детей вниз. Остальным зачастую приходилось ждать, пока от «Южной Палатки» приведут ослів. Поэтому женщины, пожилые люди и маленькие дети иногда были вынуждены ночевать на самом перевале [10].

Путь от перевала до «Южной Палатки» обычно занимал целый день. Много времени требовалось на то, чтобы преодолеть сложный и опасный участок ледника с южной стороны от Бечо. Дальше предстояло идти по глинистой тропе до самого лагеря, который располагался на поляне, имевшей форму амфитеатра. Рядом находилась воинская часть. Отсюда участники эвакуации, погрузив кладь на лошадей, предоставленных воинской частью, отправлялись к ближайшему сванскому селу (вероятно – Мазери). Эвакуировавшиеся обычно задерживались там на несколько дней. Ночевали в здании школы. В обычном режиме осуществлялось снабжение сухим пайком и горячей пищей [11].

Из сванского села людей в грузовиках вывозили на равнину – в город Зугдиди. В городе эвакуировавшиеся были размещены в двух школьных зда-

ниях. Одно располагалось в центре города, а другое – на окраине. Зугдиди являлся основным местом сбора на нелегком маршруте эвакуации. Известно, что последняя группа прошла через перевал 2 сентября 1942 г. Примечательно то, что помимо осуществления эвакуации людей, из Баксанского ущелья удалось вынести 18 т молибденового концентрата, который по имеющимся сведениям был распределен в количестве 100–500 г между многими участниками эвакуации. Но в основном эту задачу взяли на себя военные. Комбинат в Нижнем Баксане затем был взорван, чтобы его не смогли эксплуатировать гитлеровцы. Готовить комбинат к уничтожению выпало главному инженеру Э.-Д. Ильницкому, который уже в 1943 г. вернулся на Кавказ и восстановил этот же комбинат к весне 1944 г. [12]. Из Баксанского ущелья в Грузию было также перегнано в общей сложности 30 тыс. голов скота [13]. А комсомолец Я. Евплов вынес из Нижнего Баксана и благополучно доставил в Местийское агентство Госбанка в Сванетии комбинатскую кассу [14].

То, что грандиозная эвакуация была не напрасной, подтверждается тем упорством, с которым гитлеровцы продвигались к линии Главного Кавказского хребта. Уже 18 августа егеря дивизии «Эдельвейс» появились на склонах Эльбруса. С сентября начались бои частей Красной армии с немецкими и румынскими батальонами в Баксанском ущелье, а 2 ноября первые были вынуждены отступить в Закавказье, оставив верховья Баксана гитлеровцам. И только с 1 января 1943 г. началось контрнаступление Красной армии [15].

В один из дней в начале сентября участники эвакуации прибыли на вокзал города Зугдиди, куда был подан пассажирский поезд для отправки людей в Баку. Перед посадкой в поезд люди были тщательно проинструктированы, поскольку поезду предстояло ехать переполненным. Вагоны были купейные и плацкартные. В каждом купе на всех полках, включая третьи (для багажа) и на полу разместилось по 8 чел., считая и детей. Вместо проводников были назначены старшие по каждому вагону для контроля за соблюдением порядка и чистоты. Также старшие по вагону следили за тем, чтобы в туалете всегда была вода. Питание выдавалось сухим пайком, но в вагоне-ресторане готовились горячие блюда. Кипяток брали на станциях. Путь предстоял не длинный по расстоянию, но очень долгий. После проверки наличия всех эвакуированных по составленным спискам поезд отправился в Баку. Состав двигался очень медленно, подолгу стоял на полустанках, где набиралась вода, закупалось продовольствие. Самая большая (двухдневная) остановка была в Тбилиси. Но в город никого не выпускали, поскольку он был на военном положении. Здесь два товарных вагона были наполнены продовольствием для дальнейшего следования. В Баку прибыли ночью, причем состав был подан прямо в порт. Около 10 часов утра началась выгрузка людей, которая продлилась до 4 часов пополудни. Ночевали участники эвакуации прямо под открытым небом, расстелив на земле одеяла [16].

В 5 часов утра следующего дня была подана грузовая баржа для следования к пристани Красноводска. Часть людей разместились в трюме, а другая часть – на палубе под открытым небом. Только в 4 часа вечера второго дня пути баржа подошла к пристани Красноводска. Пассажиры баржи сошли на берег и около полуночи был подан железнодорожный состав с «телячьими вагонами», приспособленными некоторым образом для перевозки людей. Этот состав шел не быстрее, чем закавказский. По-прежнему делалось много остановок на полустанках, чтобы набирать воду из цистерн. Сухой паек и крупы пассажирам выдавались. Ежедневно делались остановки в степи, и люди торопились разжечь костры и приготовить себе горячую пищу. Города проезжали ночью [17].

Приблизительно 20 сентября поезд прибыл в Ташкент. Небольшая часть пассажиров сошла с поезда, так как некоторые бывшие жители Нижнего Баксана получили направления на работу в Средней Азии. Однако основная часть эвакуировавшихся продолжила долгий путь до Красноярска, а затем уже на пароходе по Енисею до Норильска. Там все трудоспособные стали работать на никелевом комбинате. Часть участников эвакуации вместо Норильска была направлена в Забайкалье, где приступила к работе на горнорудных предприятиях Джиды. Имеются сведения и о том, что после освобождения Кавказа многие семьи вернулись в Нижний Баксан, приняли участие в восстановлении комбината и затем продолжали трудиться там, как и до гитлеровской оккупации [18].

Не будет преувеличением сказать, что эвакуация поселка Нижний Баксан стала одной из блестяще проведенных операций времен Великой Отечественной войны. Всего шестеро альпинистов за 23 дня эвакуировали 1,3 тыс. жителей поселка и еще несколько сотен человек, прибывших сюда в начале войны – семьи политработников, ученых из Ленинграда и группу еврейских детей из Украины [19]. При этом за все время эвакуации не произошло ни одного несчастного случая. Никто не погиб. Никто не покалечился. Имена героев-альпинистов Г. Одноблюдова, А. Сидоренко, А. Малеинова, Н. Моренца, Г. Двалишвили, В. Кухтина заслуженно увековечены и записаны на обелиске, находящемся на перевале Бечо [20].

В советский период об этой масштабной эвакуации было написано немало статей и очерков. Однако самыми ценными являются те сведения, которые могут дать лишь живые участники описываемых событий, а их с каждым годом становится все меньше.

Примечания:

1. Респондент: Яновская (Ильвахина) Лилия Федоровна, 1930 г.р. Записана В.С. Яновским в г. Кисловодске Ставропольского края в июне 2002 г.
2. Симонов Е.Д. Слово об Эльбрусе. М., 1983. С. 120. Респондент: Яновская (Ильвахина) Лилия Федоровна...
3. Симонов Е.Д. Указ. соч. С. 126.

4. Респондент: Яновская (Ильвахина) Лилия Федоровна...
5. Симонов Е.Д. Указ. соч. С. 126–127; Заиченко Г.Н. Легендарный переход. URL:http://galina-soleil.narod2.ru/metodicheskaya_kopilka/istoriya_i_kultura_kabardino-balkarii/pereval_becho_1942g_tirniauz.
6. Там же.
7. Респондент: Яновская (Ильвахина) Лилия Федоровна...
8. Жилетежев С. Испытание: главы из документального романа // Литературная Кабардино-Балкария. 2009. № 2. С. 17.
9. Респондент: Яновская (Ильвахина) Лилия Федоровна...
10. Там же.
11. Там же.
12. Толстов В. Эдуард-Доминик, ординарец Котовского. И главный инженер рудника в Норильске // Заполярная правда. 2000. 1 сентября. № 132 (12 370).
13. Заиченко Г.Н. Указ. соч.
14. Симонов Е.Д. Указ. соч. С. 124–125.
15. Кудинов В.Ф. Эльбурская летопись. Нальчик: Эльбрус, 1976.
16. Респондент: Яновская (Ильвахина) Лилия Федоровна...
17. Там же.
18. Лаптев Н. Там, на перевале. Как был совершен необычный переход через горы // Правда. 1986. 29 марта; Эльберд М. Наш дом – Кабардино-Балкария. Нальчик, 1978. С. 30–32; Респондент: Яновская (Ильвахина) Лилия Федоровна...
19. Симонов Е.Д. Указ. соч.
20. Заиченко Г.Н. Указ. соч.

И.Г. Иванцов

ОККУПАЦИЯ ГОРОДА КРАСНОДАРА В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕГО ЖИТЕЛЕЙ

С 9 августа 1942 г. по 12 февраля 1943 г. длилась фашистская оккупация Краснодара. Эти шесть месяцев стали самыми страшными для жителей города, возможно, за всю его историю, оставив глубокий след в памяти населения. Впрочем, в ней отложились не только следы звериной жестокости со стороны немецких и румынских военнослужащих, но и их отдельные гуманные поступки по отношению к жителям оккупированного Краснодара. Жителям хорошо запомнилась не только оккупация, но и предшествовавшие ей события, тяжелый труд по созданию оборонительных сооружений.

По решению Военного совета Южного фронта вокруг Краснодара создавался оборонительный обвод. Десятки тысяч горожан ежедневно привлекались к работам на оборонительных рубежах. Для обеспечения насе-

ления шанцевым инструментом были задействованы многие предприятия города. Заводы имени Калинина и «Октябрь» изготовили 10 тыс. лопат, «Краснолит» и «Пожарпром» – около 300 кирок, завод имени Седина – более 1 тыс. ломов, завод «Компрессор» изготавливал компрессоры с перфокартами. Однако после успешного контрнаступления Красной армии под Ростовом-на-Дону в декабре 1941 г. работы по строительству оборонительного обвода были прекращены [1].

По свидетельству бабушки автора статьи, Людмилы Никифоровны Иванцовой, строительство оборонительного обвода тяжелым грузом легло в основном на женщин. Л.Н. Иванцова жила на квартире по улице Пашковской, в двух дворах от Ильинской церкви и работала на краснодарском хлебозаводе № 2. По ее воспоминаниям: *«Заводское начальство выбрало одиноких и бездетных женщин, и заявило им, что они командированы на оборонительные работы, для рытья противотанковых траншей за городом: "Всем явиться на следующий день со своими лопатами и запасом еды на день. Там будут кормить. Жить тоже будете там". Утром нас туда отвезли на грузовике. И мы, сотни баб, несколько недель рыли траншеи. Мужчин, мобилизованных на работы, было мало. Там были развернуты палатки, но мы часто ходили пешком домой, а ранбо утром возвращались назад. Нами командовал один пожилой военный, который говорил, что с такими бабами никаких тракторов не надо. Питание было очень скудным. Пустой борщ из бураяка и капуста, хлеб и сухари»* [2].

В начале лета 1942 г. с фронта вернулся домой первый муж Н.Н. Иванцовой. Он был комиссован, так как находился на последней стадии туберкулеза, и его отправили умирать домой. А потом немцы почти без боя вошли в город: *«Кажется, в конце августа или начале сентября в калитку кто-то стал стучать. Я пошла открывать. За забором стоял немецкий офицер, и несколько румын и полицаев. Полицай спросили, здесь ли живет отправленный с фронта красноармеец, воевавший против германского войска. Я ответила, что здесь. Они зашли в хату. Муж лежал на кровати, перед ним на полу стояла банка, в которую он харкал слизь пополам с кровью, выплевывая частицы своих легких. Офицер спросил, чем он болен. Я ответила, что туберкулезом. После моих слов их как ветром сдуло. Ушли, а на следующий день полицаи повесили на заборе дощечку с надписью на немецком языке и к нам больше они никогда не заходили. А муж мой через месяц и умер»* [3].

В Краснодаре были созданы лагеря для советских военнопленных, положение которых было крайне тяжелым. В донесениях советской разведки 4 ноября 1942 г. отмечалось, что в лагере военнопленных № 162 на стадионе «Динамо» содержалось до 10 тыс. военнопленных красноармейцев: *«Лагерь обтянут колючей проволокой. Военнопленные ночуют под открытым небом, завшивели, небриты и не стрижены, опухли от голода. Ежедневно их гоняют на работы в сторону аэродрома. Семь дней военнопленным совсем не дают хлеба, вынуждая их записываться в кубанские добровольческие части, форми-*

руемые прибывшими из-за границы старыми офицерами. За малейшую провинность военнопленных зверски избивают...» [4]. Силами военнопленных немцы пытались привести в порядок краснодарский аэродром, который с сентября 1942 по февраль 1943 гг. они пытались использовать для бомбардировки кубанских городов и районов [5].

Еще один лагерь советских военнопленных находился на территории бывшего завода им. Калинина (ныне – торговый центр «Центр города»). По воспоминаниям Веры Федоровны Слюсарь, семья которой проживала в доме по улице Янковского, 108, там насчитывались тысячи пленных. Они были оборванные и голодные, испытывали холод, потому что на дворе стояла осень, а они находились под открытым небом: *«Почти ежедневно, мы, дети собирались стайками и шли туда, неся с собой куски хлеба, сухари, овощи и прочую нехитрую снедь, которую давали родители. Лагерь был огорожен колючей проволокой. Командовали там немцы. Охраняли его румыны и наши русские полицаи, которые запрещали взрослым подходить к ограждениям и бросать пленным еду. За это полагалось наказание, тех людей, кто перекидывал еду, задерживали и могли расстрелять»*. Однако дети быстро подбегали к ограждению, возле которых их уже поджидали пленные, быстро кидали им через проволоку еду и убегали оттуда со всех ног. За ними гнались румыны и полицаи, но никого не могли догнать: *«Дети воспринимали это как своеобразную опасную игру, поскольку тех, кого редко ловили, избивали и волокли в полицию. Когда мой отец узнал, что я туда ходила, он меня сильно побил и запретил из дома даже нос высовывать, да куда там!»*. По словам В.Ф. Слюсарь, с продуктами в городе было плохо: *«Я поднималась рано утром, засветло и пешком со старшей сестрой мы ходили в Поповическую [станцию Калининскую – И.И.] к родственникам... Оттуда мы шли назад и приносили на себе кукурузную муку, иногда картошку и тыкву, морковь, лук. Это здорово нас выручало»* [6].

Действительно положение с продовольствием в городе было тяжелым. Уже к декабрю 1942 г. дороговизна не позволяла приобретать мясо, хлеб, сливочное масло, яйца на рынке. Попытка управления торговли городской управы привлечь частных предпринимателей провалилась, так как заготовленные продукты по дороге в город отбирались немцами. Многие жители сами отправлялись в станицы, где меняли одежду и другие вещи на кукурузу, буряк и другие продукты [7].

Особо гнетущее впечатление, по воспоминаниям В.Ф. Слюсарь, оказывало то, что когда немецкие солдаты обращались к проходившим мимо взрослым мужчинам и женщинам, те в ответ вынуждены были улыбаться. Хуже всего вели себя на улицах оккупированного Краснодара румыны: *«Они позволяли себе и откровенные хулиганства, издевательства, насмешки и даже грабежи граждан на улицах, которые иногда сочетались с наглыми приставаниями к женщинам. В общем, вели себя как обезьяны. Когда я их видела, мне всегда хотелось, чтоб они провалились сквозь землю»* [8].

Одним из самых кошмарных воспоминаний о немецкой оккупации города стали «душегубки». Краснодарцы не сразу узнали о назначении крытых темно-серых грузовиков, которые с 22 августа сначала по пятницам, потом по несколько раз в неделю, а с января 1943 г. по два-три раза в день совершали рейсы в район завода измерительных приборов. Страшное предназначение этих машин фашисты долго пытались держать в строгой тайне. Крытый 6–7-тонный грузовик с дизельным двигателем был обит внутри железом и снабжен в задней части кузова двустворчатой герметически закрывавшейся дверью. На полу имелась решетка, через которую по специальной трубе в кузов поступали отработанные газы, содержащие окись углерода высокой концентрации. Запертые в машине люди задыхались. При посадке фашисты раздевали жертвы, заявляя, что везут их в баню, а вещи оставляют для дезинфекции. В машину загружали одновременно до 60–80 чел. Погрузкой обычно руководил заместитель шефа гестапо, он же начальник тюрьмы, капитан Раббе. Простояв несколько минут во дворе гестапо, машина направлялась к противотанковому рву. Таким способом в Краснодаре было умерщвлено более 7 тыс. чел. [9].

Но в оккупированном Краснодаре происходили и иные события. *«Однажды к нам хлебозавод приехало несколько грузовиков с немецкими солдатами. Офицер зашел в управление и затем нам объявили, что сейчас мы поедem на экскурсии. Многих сняли с работы, и мы погрузились в грузовики. Нас повезли в центр города к зданию краевого НКВД. Возле него уже было оживленно, стояли наши русские люди и множество немцев. Мы слезли, и нас повели внутрь здания. Показывали нам и пыточные камеры, с наборами для мучения людей: плети, дубины, разные щипцы для выдергивания ногтей и многое другое. Но самой страшной была комната, маленькая. Человек туда входил, и его смазывало в фарш. Это была большая мясорубка. Нам немцы через переводчика объясняли, что затем останки под напором воды смывались в трубу, которая затем выходила на середину Кубани и оттуда они попадали в речку. После этого все были очумелые. Затем долго спорили, это наши устроили или фокусы немцев. Правды я не знаю до сих пор».* По воспоминаниям Л.Н. Иванцовой, *«на эту экскурсию немцы хватали людей и на Новом рынке, и на улицах и везли туда, везли... Там побывало не меньше чем полгорода. Много лет уже после войны люди шушукались между собой, боясь делать какие-нибудь твердые выводы. От немцев всего можно было ожидать, особенно после душегубок»* [10].

Конечно, к такому рассказу можно отнестись по-разному. Однако похожее свидетельство записал и С.М. Сивков. Его бабушка, Мария Андреевна Орлова, 1906 г.р., проживала в Ростове-на-Дону в период немецкой оккупации. Она также побывала на «экскурсии» в здании Ростовского областного управления НКВД, где ей точно также показывали и пыточные камеры, и остальной «набор» для получения сведений [11].

Таковы воспоминания жителей Краснодара, переживших оккупацию. По общему мнению информаторов, главным для них и их семей было обычное

желание выжить, приспособившись к режиму оккупантов. Одна женщина работала на хлебозаводе. У второго очевидца, девочки-подростка, работали оба родителя. Открытого сопротивления противнику информаторы не оказывали, да и вряд ли могли это сделать: в городе в период оккупации оставались преимущественно пожилые мужчины, женщины и дети, а подавляющее большинство молодых мужчин воевало на фронте. Тем не менее, большинство жителей надеялись на возвращение советских войск, ждали освобождения и Краснодара, и Кубани, и всей страны в целом.

Примечания:

1. Екатеринбург – Краснодар. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях. Материалы к летописи. Краснодар, 1993. С. 590.
2. Респондент: Иванцова Людмила Никифоровна, 1911 г.р. Записана И.Г. Иванцовым в г. Краснодаре в декабре 1992 г.
3. Там же.
4. Екатеринбург – Краснодар... С. 603.
5. Сивков С.М. Авиация Германии в небе Кубани (с октября 1942 по март 1943 г.) // Война в истории и судьбах народов юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны): Материалы Международ. науч. конф. (1–2 июня 2011 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2011. С. 156–160.
6. Респондент: Вера Федоровна Слюсарь, 1927 г.р. Записана И.Г. Иванцовым в г. Краснодаре в июле 2003 г.
7. Там же.
8. Там же.
9. Екатеринбург – Краснодар... С. 599, 603.
10. Респондент: Иванцова Людмила Никифоровна...
11. Респондент: Орлова Мария Андреевна, 1906 г.р. Записана С.М. Сивковым в г. Ростов-на-Дону в 1972 г.

И.Е. Татаринов

**ОТРАЖЕНИЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ НА СТРАНИЦАХ
ОККУПАЦИОННОЙ ПРЕССЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТ
ВОРОШИЛОВГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В этом году исполнилось 70 лет со дня победы советских войск под Сталинградом. В результате многодневных кровопролитных боев 2 февраля 1943 г. капитулировали последние части окруженной в Сталинграде немецкой группировки. Немцы потеряли около 140 тыс. чел. убитыми, а 91 тыс. чел. сдалась в плен. За годы, прошедшие после этой выдающейся победы, в отечественной и зарубежной историографии накопился достаточный массив источников и литературы, который позволяет осветить самые разнообразные

аспекты этой проблемы. Но материалы оккупационной прессы, посвященные Сталинградской битве пока еще не нашли своего глубокого анализа.

Было бы наивно полагать, что оккупационные издания, созданные и использовавшиеся немецкой военной администрацией для ретрансляции новостей, в основном, пропагандистского характера, являются объективным источником, отображавшим основные вехи Сталинградской битвы. Мы и не ставим своей целью оценку объективности и поиск новых сведений в указанных источниках. Нашей задачей в первую очередь является проанализировать характер освещения данного сражения на страницах оккупационных изданий Ворошиловградской (в настоящее время – Луганской) области. Данная проблематика в той или иной степени нашла свое отражение в советской [1], российской [2] и украинской [3] историографии. В то же время материалы оккупационной прессы Ворошиловградской области пока еще мало исследованы историками.

Ворошиловград практически без боя был занят передовыми отрядами немецкой 17-й армии генерал-полковника Г. Руоффа 17 июля 1942 г. В «Военном дневнике» Ф. Гальдера за 391-й день войны указано следующее: *«Группа армий “Юг”. Противник оставил Ворошиловград. Армия Руоффа преследует отходящего на юг и юго-восток противника...»* [4]. К концу месяца вся территория Ворошиловградской области была оккупирована немцами и их сателлитами. Таким образом, в конце июля 1942 г. вся Украинская ССР была занята врагом. Именно 17 июля 1942 г. считается официальной датой начала и Сталинградского сражения, когда на рубеже рек Чир и Цимла передовые отряды 62-й и 64-й армий Сталинградского фронта встретились с авангардами 6-й немецкой армии.

Практически сразу на оккупированной территории начались мероприятия по созданию органов власти. Создавались городские и сельские управы, комендатуры, различные отделы. На территории Донбасса, которая в течение всего времени оккупации входила в зону ответственности военной администрации, ключевую роль в реализации пропагандистских целей и задач играли пропагандистские структуры вермахта – роты пропаганды и команды пропаганды (т.н. «пропаганда-Штафель» (Propaganda Staffel)) отдела пропаганды U. Всего отдел пропаганды U имел в своем распоряжении 6 таких команд с порядковой буквенной нумерацией от U1 до U6. В Донбассе в разное время действовали «Штафель-пропаганда» U1, U2 и U4. Иногда в документах названия этим единицам давались по месту дислокации: «Пропаганда-Штафель Мариуполь», «Пропаганда-Штафель Сталино», «Пропаганда-Штафель Ворошиловград» [5]. Структура органов оккупационной власти Ворошиловграда имела четкую вертикаль: военная комендатура (фельдкомендатура) – городская управа – институт уполномоченных по районам – сотские. Были созданы торговый, административный, промышленный, финансовый, юридический, жилищный отделы, отдел охраны здоровья, культуры и образования.

Главным средством нацистской пропаганды во время оккупации были газеты. Еще в «Майн кампф» А. Гитлер подчеркивал: *«Роль печати переоценить невозможно. Ведь именно на долю печати выпадает продолжение воспитания людей уже в зрелом возрасте»* [6]. Практически с первых дней пребывания немцев в Ворошиловграде началась интенсивная работа по созданию официального печатного органа оккупантов. Им стала украиноязычная газета «Нове життя» («Новая жизнь»), которая выходила 3 раза в неделю и стоила 1 карбованец. Главным редактором стал профессор Ворошиловградского педагогического института Максим Бернацкий. Вверху на первой странице указывалось, что данное издание являлось органом Ворошиловградской городской управы. Уже через месяц после взятия города 18 августа 1942 г. 6-тысячным тиражом вышел первый номер «Нового життя».

Следует отметить, что газету контролировала цензура со стороны фельдкомендатуры. Ее сотрудник зондерфюрер Эбнер контролировал кроме содержания газетных материалов еще и различного рода сообщения, рекламные объявления и т.д. А с приездом в Ворошиловград отдела пропаганды в середине октября 1942 г. редакция полностью перешла в его подчинение, газета фактически стала рупором отдела пропаганды. Надзор за изданием заключался в проверке всех статей в политическом отношении, и без проверки цензорами номер не печатался. Кроме просмотра уже подготовленной к печати информации цензоры отдела пропаганды Фрич и Бушерт также рекомендовали редактору газеты М. Бернацкому материалы, которые необходимо было поместить в газету, давали указания по корректировке статей путем добавления в них антисоветского содержания [7].

Помимо традиционной антиеврейской риторики в оккупационной прессе центральное место занимали материалы, посвященные немецким победам на сталинградском и кавказском направлениях. Как правило, на первой полосе под рубрикой «Головна квартира фюрера» («Главная ставка фюрера») печатались боевые сводки с полей сражений. В первую очередь, нас интересовал вопрос о масштабах освещения и достоверности публикуемых сведений. Так, уже в № 1 от 18 августа «Нове життя» на первой полосе поместило материал «Разгром советских армий под Калачом», где сообщалось: *«Войска под командованием генерала танковых войск Паулюса при сильной помощи зенитной артиллерии и соединений авиации под командованием генерал-полковника барона Рихтгофена уничтожили в большой излучине Дона на запад от Калача главные силы советско-русской [так в оригинале – И.Т.] 62-й армии и большую часть 1-й танковой армии... В этих боях приняли также участие хорватские войска»* [8]. Очевидно, речь шла об окружении четырех дивизий 62-й армии западнее Калача, части которых вели бои до 14 августа, а затем мелкими группами пробивались из окружения. Характерно, что в указанной публикации не было ни слова о том, что подошедшие из резерва Ставки ВГК три дивизии 1-й гвардейской армии генерал-майора К.С. Москаленко нанесли по наступающим войскам контрудар и остановили дальнейшее продвижение врага.

О приостановке наступления на Сталинград и частичной ликвидации окруженных в котле советских войск речь шла в № 3 «Нове життя» от 23 августа: *«В большой излучине Дона при очистке территории были уничтожены разрозненные вражеские силы»* [9]. При этом точное число уничтоженных не указывалось. Видимо, эффект на читателя должен был оказать сам факт окружения и уничтожения советских войск, а не точное количество потерь. Таким образом, план немецкого командования стремительным ударом с ходу прорваться к Сталинграду был сорван упорным сопротивлением советских войск в большой излучине Дона и недостаточной боевой мощью наступающих.

Сконцентрировав на решающих направлениях основные ударные силы, 19 августа вермахт и войска сателлитов рейха возобновили наступление на Сталинград. Уже 22 августа 6-я армия Ф. Паулюса форсировала Дон и захватила на его восточном берегу плацдарм шириной в 45 км, сосредоточив там шесть дивизий. А 23 августа 14-й танковый корпус генерал-лейтенанта Х.-В. Хубе прорвался к Волге севернее Сталинграда, в районе поселка Рынок, отрезав 62-ю армию от остальных сил Сталинградского фронта. Искключительную активность проявляли люфтваффе, совершившие около 2 тыс. самолето-вылетов и нанешие 22 августа массированный удар по Сталинграду. В результате город подвергся страшным разрушениям: целые кварталы были превращены в руины.

Данные события нашли отражение в №№ 4, 5, 6, 7 и 10 «Нового життя»: *«На Донском фронте не удалось многочисленнее попытки большевиков переправиться на противоположный берег. Наши ВВС потопили на Волге 3 транспорта и поврежден 1 речной пароход... 21 и 22 августа на Волге потоплено 1 буксирный пароход и 2 фрахтовых судна, а 2-й буксир и 4 фрахтовых судна подожжены... На западе от Сталинграда враг проводил жестокие контратаки на наступающий клин, который продвинулся далеко вперед. Введенные в действие воздушные силы отбили врага с большими потерями. Уничтожено 40 танков ... Сталинград в огне!... Немецкий государственный флаг на Эльбрусе»* [10].

Хорошо подготовленное сентябрьское наступление немецких войск с 13 по 26 сентября привело к их прорыву в центр города и выходу к Волге на стыке 62-й и 64-й армий. «Нове життя» в № 19 отреагировало на ожесточенные бои в городе рядом сводок: *«В Сталинграде немецкие войска дошли до Волги. В центре пехота штурмом захватила много укреплений и жилых домов, и при поддержке пикирующих бомбардировщиков дошла до Волги... Наступление [врага – И.Т.] на северном участке отбито»* [11]. В этом же номере газеты была помещена статья «На Сталинград», в которой обосновывалась важность борьбы за этот стратегический центр, в хвалебных тонах описывались немецкие победы.

Вплоть до середины октября в городе шли позиционные бои, которые также описывались в газете, однако уже не в таких восторженных выражениях. Очевидно, что для немецкого командования затяжные бои в Сталинграде

не входили в планы и вызывали тревогу. Утром 14 октября 6-я армия при поддержке 4-го воздушного флота начала решающее наступление на советские позиции у Волги. Вермахт сосредоточил в полосе наступления в районе тракторного завода и завода «Баррикады» три пехотные и две танковые дивизии. «Нове життя» писала: *«Успешные бои в северной части Сталинграда. Контратака советов отбита, уничтожено 98 танков, в основном британского и американского производства... Немецкое войско в заводском городке тракторного завода... В Сталинграде одна танковая дивизия после смелой ночной атаки приблизилась к Волге и вместе с пехотой заняла северную часть городка большого тракторного завода»* [12]. Там же в статье «Решающий момент над Волгой» указывалось, что стратегическая цель достигнута, советский фронт разорван на две части, а СССР лишен важных коммуникаций.

Лишь к 11 ноября немецким войскам удалось захватить южную часть завода «Баррикады» и на участке шириной в 500 м прорваться к Волге. Позиции оборонявшей город 62-й армии теперь состояли из трех изолированных друг от друга небольших плацдармов (наименьший – «остров Людникова»). Локальная победа немецких войск в Сталинграде дорого обошлась наступающим. Немецкие дивизии в результате непрерывных боев сократились более чем на 40 % личного состава. Стало ясно, что после таких потерь немцы уже не могут вести активных боевых действий. В оккупационной прессе несколько сменилась тональность материалов. В № 42 «Нове життя» писало: *«Новые кварталы Сталинграда в немецких руках... Вражеские контратаки отбиты»* [13]. Аналогичная риторика прослеживается и в следующих номерах. Как видим, после перехода немецкого наступления на Сталинград в фазу позиционных боев резко изменилась и тональность военных сводок в ворошиловградской оккупационной прессе. Читателей уже не снабжали донесениями о стремительных темпах наступления «победоносных» немецких войск и громадных потерях СССР. В то же время тираж газеты в этот период увеличился с 6 до 30 тыс. экземпляров.

В сложной ситуации Ставка ВГК приняла решение о нанесении мощного контрудара по позициям врага на широком фронте (операция «Уран»). Юго-Западный фронт имел задачу нанести глубокие удары с плацдармов на правом берегу Дона глубиной наступления около 120 км. Ударная группировка Сталинградского фронта наступала из района Сарпинских озер на глубину 100 км. Ударные группировки обоих фронтов должны были встретиться в районе Калача и окружить основные силы противника под Сталинградом. Донской фронт наносил два вспомогательных удара: из района Клетской на юго-восток и из района Качалинского вдоль левого берега Дона на юг.

Наступление войск Юго-Западного и правого крыла Донского фронтов началось утром 19 ноября после мощной артиллерийской подготовки. Войска 5-й танковой армий быстро прорвали оборону 3-й румынской армии и, разгромив контратаковавшие немецкие войска, вышли на оперативный простор в направлении Калача. 20 ноября в наступление перешли ударные

части Сталинградского фронта, к утру 23 ноября овладев Калачом. В этот же день войска 4-го танкового корпуса Юго-Западного фронта и 4-го механизированного корпуса Сталинградского фронта встретились в районе хутора Советского, замкнув кольцо окружения сталинградской группировки противника в междуречье Волги и Дона. В окружении оказались 6-я и основные силы 4-й танковой армий (22 дивизии и 160 отдельных частей общей численностью 330 тыс. чел.).

Успехи мощного советского наступления практически не нашли своего отражения на страницах ворошиловградской прессы. Например, в №№ 43–47 (22–29 ноября 1942 г.) «Нового життя» цензоры отдела пропаганды разрешили указать, что: *«в районе южнее Сталинграда и большой излучины Дона прекратились отчаянные оборонные бои. Немецкие и румынские войска захватили 600 пленных и уничтожили 25 танков... Большие потери советов на Дону. Уничтожены несколько сотен советских танков... Советские войска вторглись в оборонный фронт на Дону... В Сталинграде бои местного значения. Вражеские атаки между Волгой и Доном и в Сталинграде отбиты. Уничтожено 54 советских танка... Все атаки танков и пехоты между Волгой и Доном отбиты, уничтожено 247 танков»* [14]. В условиях стремительно сужавшегося кольца окружения нацистская цензура уже не отрицала факта продвижения советских войск вглубь немецких позиций, очевидно, понимая, что поражение неминуемо.

В то же время в период с декабря 1942 г. по начало февраля 1943 г. «Новое життя» (№№ 48–72) полно победоносных сводок: *«Между Волгой и Доном уничтожено 75 танков, захвачено 2 тыс. пленных. Атаки советов отбиты... Местные атаки между Волгой и Доном разбиты об оборону немецких и итальянских войск... Большие кровавые потери врага на Донском фронте... Советы между Волгой и Доном отброшены снова назад. Враг потерял 50 танков... Атака врага не удалась... Вражеские атаки разбиты. В жестокой борьбе уничтожено и захвачено 65 танков, 30 пушек... Враг отбит на всем Донском фронте»* [15]. Тем временем, советские войска, отразив мощное немецкое контрнаступление, приступили к ликвидации окруженных войск противника, успешно завершив его уничтожение к 2 февраля 1943 г. Таким образом, Сталинградская битва закончилась полным поражением для рейха. Но оккупационная пресса Ворошиловградской области за две недели до капитуляции 6-й армии Паулюса размещала такие статьи, как: «Германия побеждает», «Лживые аргументы врага», «Ошибка жидовства», «Жидовский мировой заговор», «Наше право быть достойным победы» и др. [16]. Однако внимательный читатель мог заметить, что чем громче становилась победная риторика в оккупационной прессе, тем меньше печаталось материалов, непосредственно посвященных конкретным боям на сталинградско-донском направлении.

В номере от 3 февраля (№ 70), т.е. на следующий день после завершения сражения – снова победные религии: *«Успешный ход оборонной борьбы*

на среднем Доне. Атаки советов отбиты с кровавыми потерями для врага... В Сталинграде ситуация не изменилась: мужество оборонцев не сломлено. Атаки врага отбиты» [17]. В исключительной абсурдности данных утверждений жители Ворошиловграда могли убедиться уже через два дня, когда 5 февраля авангард 1-й гвардейской армии генерал-лейтенанта Д.Д. Лелюшенко с боем взял городской аэропорт и занял окраины областного центра. Наконец, в № 71 от 5 февраля «Нове життя» вынуждено было указать то, о чем ворошиловградцы и так уже догадывались: *«В Сталинграде после сильной арт-подготовки многократно превышающими силами враг приступил к атаке последнего бастиона оборонцев тракторного завода. Ночью ему удалось во многих местах прорвать доселе связанное оборонное кольцо 11-го армейского корпуса и ворваться в него... На Донецком фронте попытки прорваться превосходящими силами отражены»* [18]. Оккупантам уже было не до объективности в прессе. Полным ходом шла эвакуация хозяйственно-управленческих структур из города. Редакция «Нового життя» также готовилась к отступлению. В последнем номере газеты, напечатанном в областном центре 7 февраля 1943 г. (№ 72), речь шла о боях на Доне и Северском Донце. Завершался номер посланием фюрера к немецкому народу (в связи с 10-й годовщиной прихода к власти) [19].

Уже пребывая в эвакуации в Запорожской области, «Нове життя» возобновила свою работу. В номере от 15 февраля 1943 г. в рубрике «Чрезвычайное сообщение» читателям наконец-то сообщили о постигшей рейх сталинградской катастрофе: *«Шестая армия, верная своей присяге до последнего вдоха, побеждена вражеским превосходством и неблагоприятными обстоятельствами. Призыв сдаться был дважды гордо отброшен. Генералы, офицеры и солдаты боролись плечом к плечу до последнего патрона. Ее судьбу разделили 2 румынские дивизии, один хорватский полк, которые верные боевому братству с немецкой армией до последнего выполнили свой долг. Еще не время описывать ход операции, которая привела к такому итогу»* [20].

Сталинградская победа позволила начать широкомасштабное наступление на воронежско-ворошиловградском направлении. 14 февраля 1943 г. Ворошиловград был освобожден. Эта операция была отмечена как пример взятия хорошо укрепленного крупного промышленного центра, где впервые применили ночную атаку силами дивизии. До этого Красная армия ночью не атаковала такими силами. По этому поводу Наркомат обороны СССР выпустил специальную брошюру [21].

Таким образом, анализируя освещение Сталинградской битвы на страницах оккупационной прессы Ворошиловграда, следует отметить, что на начальном этапе развитие событий в целом показано относительно реалистично. Однако со второй половины сражения, когда ситуация кардинально изменилась, геббельсовская пропаганда размещала на страницах областной прессы откровенную дезинформацию, не оказывавшую какого-либо влияния

на общество. Можно говорить о полном поражении Третьего рейха как на полях сражений, так и на страницах прессы.

Примечания:

1. Орлов Ю.Я. Крах немецко-фашистской пропаганды в период войны против СССР. М., 1985; Кондакова Н.И. Идеологическая победа над фашизмом 1941–1945 гг. М., 1982; Комков Г.Д. На идеологическом фронте Великой Отечественной... 1941–1945. М., 1983.
2. Комаров Д.Е. Пресса германских властей на оккупированной территории СССР // Отечественные архивы. 2005. № 2. С. 44–52; Доронина Н.В. Нацистская пропаганда на оккупированных территориях Ставрополя и Кубани в 1942–1943 гг.: цели, особенности, крах. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005.
3. Михайлюк М.В. Агітаційно-пропагандистська діяльність органів німецької окупаційної влади серед населення України (1941–1944 рр.). Дисс... канд. іст. наук. К., 2006; Титаренко Д.М. Преса Східної України періоду німецько-фашистської окупації як історичне джерело (1941–1943 рр.). Автореф. дисс... канд. іст. наук. Донецьк, 2002; Его же: Звіти батальйону пропаганди У як джерело з питання про вплив нацистської пропаганди на населення окупованої України. URL: <http://www.kby.kiev.ua/komitet/conference/Tytarenko.pdf>; Его же. Нацистська пропаганда в окупованому Донбасі: цілі, засоби, умови діяльності. URL: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/nsid/2009_17_18/09titarenko.htm.
4. Гальдер Ф. Военный дневник (Июнь 1941 – сентябрь 1942). М.–Владимир, 2010. С. 657.
5. См.: Титаренко Д. Нацистська пропаганда...
6. Гитлер А. Моя борьба. Харьков, 2003. С. 240.
7. См.: Титаренко Д. Нацистська пропаганда...
8. Государственный архив Луганской области. Ф. Р-1755. Оп. 1. Д. 1. Л. 1а.
9. Там же. Л. 2.
10. Там же. Л. 3–6, 10.
11. Там же. Л. 21.
12. Там же. Л. 23, 41.
13. Там же. Л. 81.
14. Там же. Л. 85–90.
15. Там же. Л. 98–171.
16. Там же. Л. 156.
17. Там же. Л. 169.
18. Там же. Л. 170.
19. Там же. Л. 171.
20. Там же. Д. 3. Л. 12.
21. Бои за Ворошиловград. Сб. материалов по изучению опыта войны. Вып. 9, ноябрь-декабрь 1943 г. М., 1944.

С.А. Шпагин

**НАВЯЗАННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ:
ТЕМАТИКА ГАЗЕТЫ «ГОЛОС РОСТОВА»
КАК ОТРАЖЕНИЕ ОККУПАЦИОННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ (АВГУСТ 1942 – ФЕВРАЛЬ 1943 гг.)**

Тематика повседневности как составная и важная характеристика состояния общества в конкретно-исторический период позволяет точнее понять смысл, как данного периода, так и узловых событий, имеющих самостоятельный характер. XX век был богат на трагические события, формировавшие условия повседневного поведения человека в экстремальных условиях. Естественно, что эта проблематика стала предметом различных исследований. В частности, речь идет о «четыре монстрах Питирима Сорокина» – революции, войне, голоде и эпидемии, проанализированных им в 1942 г. [1]. Общим для этих «монстров» П. Сорокин видел «поляризацию этико-религиозных последствий» [2]. Отталкиваясь от этого методологического положения, можно высказать гипотезу применительно к поставленной проблеме: навязывание оккупационными властями в экстремальных условиях для всех сторон ситуации видимой обыденности создает также поляризацию в этико-моральной, идеологической и с учетом реалий 1940-х гг., в религиозной сфере. Точнее, речь идет о феномене фрагментации обыденной жизни, повседневности, представлявшей из себя набор стратегий выживания и морально-этических взлетов и падений. Вот эта формируемая и принимаемая или не принимаемая экстремальная реальность и имеется в виду под понятием «навязанная повседневность».

Навязанная повседневность в данном случае – это создание и поддержание с помощью материалов газеты «Голос Ростова» представления нормальности жизни в условиях оккупации. Иными словами, речь не идет о повседневности, в которой человек в какой-то степени самостоятелен в выборе линии поведения в навязанных условиях. Здесь условия навязаны всем участникам процесса. Навязываемая реальность не связана со стратегиями выживания. Она ориентирована в будущее на основе потерянных в прошлой войне ценностей. Это конструирование реальности на основе идеологии реванша, на основе ценностей не столько оккупантов, сколько реанимация реваншистами некогда общих для жителей Дона ценностей.

Потребности в навязывании представления нормальности оккупации гражданскому населению в других странах и в другие периоды не было. В странах Западной Европы сам характер оккупации не требовал этого, ибо не был связан с попытками изменения цивилизационной системы и угрозами для жизни. Отличие в данном случае объясняется спецификой мотивации нацистами вторжения в СССР как освобождения от «жидо-большевистского

режима» и участием в создании представления о продолжении Гражданской войны против большевиков представителей белой эмиграции и местных коллаборационистов. В результате усиленно моделировалась желаемая ситуация утерянной в годы Гражданской войны победы над большевиками, последствия правления которых в стране и на Дону в особенности, действительно, вызывали негативную оценку части населения.

Подобный подход важен не только для уточнения деталей повседневной жизни гражданского населения полиэтнического города, но и реального отношения к представителям исторического реванша. Ведь материалы «Голоса Ростова» в значительной степени отражали точку зрения реванша эмигрантов, пошедших на сотрудничество с немцами, пошедших на сотрудничество с нацистской Германией. Строго говоря, часть авторов материалов «Голоса Ростова» нельзя называть коллаборационистами, поскольку они, проиграв Гражданскую войну, покинули Дон и жили в Германии, не являясь гражданами СССР. Другое дело, состав редакции, сформированный из местных журналистов, писавших заметки в газету. Соотношение местных материалов и присланных из Германии сегодня выявить сложно, как и авторство статей, поскольку часть публикаций подписана явно псевдонимами. Но именно позиция реванша, а не коллаборационизма, как раз и составляла основное содержание навязываемой реальности. Реальности России и Дона, утраченной как писавшими, так и читавшими в 1920 г. Оккупация Дона в 1941–1943 гг. представлялась как неизбежное зло, вытекавшее из преступлений «жидо-большевистского режима».

Учитывая актуальность проблемы системного реванша сегодня [3], в том числе, и применительно к оценкам характера Второй мировой войны [4], тема навязанной повседневности, формирование с ее помощью виртуальной реальности, представляется весьма актуальной. Данный методологический подход может быть использован для анализа не только алармистских эпох истории, но и при рассмотрении кризисных ситуаций в обществе, недооценивающих бытовые аспекты повседневности своих членов, не имеющих подпитки в виде мобилизующих обстоятельств, как выживание в годы войн и оккупаций.

Надо отметить, что тема повседневности в переломные моменты сегодня весьма востребована [5]. Из недавних исследований, имеющих отношение к заявленной теме, можно выделить раздел о коллаборационизме как стратегии выживания в коллективной монографии, посвященной повседневному миру советского человека [6] и материалы секции «Стратегии выживания советского человека в условиях военного времени» на международной конференции в Институте социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН в Ростове-на-Дону в июне 2011 г. [7].

Роль оккупационной прессы как исторического источника при анализе различных аспектов жизни советских людей в годы Великой Отечественной войны также неоднократно становилась предметом анализа [8], в том числе, и сама газета «Голос Ростова» [9], преимущественно в контексте Холокоста

[10]. В целом, газета «Голос Ростова» – орган управления бургомистра, издававшаяся с августа 1942 г. по февраль 1943 г. в Ростове-на-Дону, уже использовалась в исследованиях как источник [11], упоминалась в воспоминаниях ростовчан о периоде оккупации города [12] и фигурирует в местном «фольклоре» блогеров [13].

В условиях относительно длительного периода оккупации крупного города в ходе максимально идеологизированной войны газета должна была выступать как инструмент навязывания определенной идеологии, к которой могло быть изначально отрицательное отношение. Важно отметить, что эта заочная дискуссия о большевизме, как основной политической теме, была адресована внутреннему диалогу писавших и читавших. При этом с оккупантами и тем более с нацизмом связывалось лишь настоящее, но не будущее. Основной материал касался критики большевизма, его вины, в том числе и за неудачи в войне с Германией. Но применительно к будущему России и Дона в полной мере работал принцип навязанной повседневности – оно представлялось точно без большевиков, и возможно, без оккупантов.

Одновременно газета могла нести в себе и элементы обычной функции информирования населения и служить, таким образом, источником информации, как о методах, так и, в меньшей степени, об эффективности конструирования рассматриваемой нами навязываемой повседневности. Газеты оккупационных властей в политике навязанной повседневности для гражданского населения занимали важное место. Русская эмиграционная газета «Новое слово» (Берлин) писала, что в освобожденных восточных областях выходило 140 газет на 9 языках: 7 на немецком, 15 на эстонском, 21 на латышском, 11 на литовском, 1 на польском, 6 на белорусском, 18 на русском, 60 на украинском и 1 на татарском. В ближайшее время предполагался выход еще 50 газет [14]. Как видим, русскоязычные газеты не составляли большинства и это важный аспект для понимания некоторой эксклюзивности ситуации на Дону. Речь идет о том, что Дон играл некоторое время роль небольшевистского анклава до 1920 г. и имел в управлявших органах гражданские административные структуры, выполнявшие, в определенном смысле, роль государственных. При этом речь не шла об антирусском сепаратизме, как в некоторых бывших частях империи. Дон привлекал противников большевистского режима в Москве, но Область Всевеликого войска Донского опиралась на исторический прецедент самостоятельности, а не была просто местом сбора покидавших Россию представителей белого движения, как Крым. Это и создавало некую взаимную повседневность, навязывавшуюся гражданскому населению немцами, донской эмиграцией, антикоммунистически настроенными коллаборационистами и возможно, подпольем.

Необходимо учитывать и то, что на небольшой территории региона Дона, Кубани и соседней Украины (Мариуполь, например) издавалось еще несколько аналогичных газет: «Новое слово» (орган управления бургомистра города Таганрога, 1941–1943), «Новочеркасский вестник» (орган управления город-

ской управы, 1942–1943), «Донская волна» (станция Константиновская, 1942), «Казак» (1943–1944), «Казачьи думы» (станция Романовская, 1942), «Казачья земля» (1944) [15]. Для сравнения отметим, что на освобожденных территориях СССР издавалось 920 газет (48 краевых и областных и 872 районных) [16].

Формированию нормальности повседневной жизни должны были способствовать как рубрики газеты, так и тематика, лексика, нюансы подачи материалов. Это делало газету весьма эклектичной и как ни странно, мало эффективной с точки зрения интересов оккупационных властей. В интересах управления бургомистра города, отчасти и горожан, публиковались официальные объявления и материалы, касавшиеся повседневной жизни города.

О составе авторов отчасти можно судить по характеру публикаций. Официальные и редакционные материалы, скорее всего, писали штатные журналисты, перешедшие на службу в редакцию из различных местных газет. Этот факт отмечали ростовчане, пережившие оккупацию города. Именно эти материалы несли на себе налет советского стиля. Типичный пример – совмещение информации, агитации и скрытой угрозы: *«Все, как один, откликнемся на призыв нашего Бургомистра, снести теплые вещи для частей армии-Освободительницы и доблестным сынам Тихого Дона, бьющихся за нашу свободу и счастье!»* [17]. Аналогична подача информации о распоряжении бургомистра об охране зеленых насаждений в садах, бульварах, предполагавшего суровые кары за неисполнение [18]. Информация об открытии в помещении детсада № 1 административных служб городской гражданской власти должна была создать впечатление самоуправления и вселить в жителей некую уверенность в условиях оккупации [19].

Уверенность в стабильности экономического положения формировала «советская» форма подачи материала. Приведем некоторые заголовки: «Передовой район Ростовского округа: Родионово-Несветайской завершил хлебоуборку», «Отличились колхозы “Труд крестьянина” и “Труд хлебороба”». [20]. Характерен анонс Покровской ярмарки 11–19 октября 1942 г. [21]. Тонкость заключается в том, что традиционное для Ростова наименование «Покровский» для городского сквера, сети магазинов, ярмарок и т.д. вновь вернулось лишь после распада СССР.

Важный аспект – пусть и небольшое, но явно бросающееся в глаза различие в интересах вернувшихся на Дон эмигрантов, сотрудничавших с газетой советских журналистов и оккупационных властей. Пример попытки совместить указанные выше тенденции – статья «Донцы-казаки – на борьбу с большевизмом. Материал из станицы Багаевской» [22]. В отличие от ярко антибольшевистских материалов эмигрантов, здесь упор сделан на традиционные региональные ценности в духе реванша за проигранную Гражданскую войну. Действительно, не зная даты, можно представить себе такую публикацию и в 1920 г., никак не связанную с интересами оккупантов.

Ссылка не на оккупационные власти, а на местные органы самоуправления очень показательна. Так, информация о церковной жизни города, в которой

упоминается о богослужениях в трех церквях, а также ремонте и восстановительных работах в трех других, дана со ссылкой на управление Благочинного [23]. Информация об арестах коммунистов в Швеции вообще выглядит как обвинение капиталистов, а не политика в интересах Третьего рейха и нацизма [24]. Деликатная информация о ситуации на оккупированных территориях СССР также подается в духе советской пропаганды [25].

Интересно, что информация о боевых действиях по возможности носит не эмоциональный характер: «Восточный фронт. Битва в Сталинграде. Бои под Ржевом и Ленинградом» [26]. И совсем удивительным выглядит материал о Г.К. Жукове, пусть даже содержащий резкую критику его действий в плане жестокости по отношению к советским солдатам [27].

В целом, перед нами скрытая борьба с использованием информационных технологий того времени, дающая нам не только представление о навязанной реальности, которую можно восстановить, но главное, об идеологии и возможных действиях сил исторического реванша, которые с помощью Германии надеялись восстановить небольшевистский Дон, не подчиненный Москве и Берлину. Сюжет, востребованный в сегодняшних дискуссиях.

Примечания:

1. См.: Санов В.В. Четыре монстра Питирима Сорокина // Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий: Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. СПб., 2012. С. 5.
2. Сорокин П.А. Человек и общество... С. 71.
3. См.: Шпагин С.А. Роль системного реваншизма в формировании международного имиджа России // Современная Россия и мир: Альтернативы развития. (Международный имидж России в XXI веке). Барнаул, 2007.
4. Гриневич В. Неприборкане різноголосся. Друга світова війна і суспільно-політичні настрої в Україні, 1939 – червень 1941 рр. Київ – Дніпропетровськ, 2012; Гриневич В. Пам'ять Другої світової війни в Україні і Європі в контексті суспільних цінностей. URL: https://dl.dropbox.com/u/50114536/dys_book.pdf.
5. См.: Багдасарян С.Д., Скорик А.П. Крестьянская повседневность эпохи нэпа: досуг и праздники в южнороссийской деревне в 1920-е годы. Новочеркасск, 2012.
6. Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.Л. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д, 2011. С. 324–335.
7. См.: Война в истории и судьбах народов юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны): Материалы науч. конф. (1–2 июня 2011 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2011. С. 236–301.
8. См.: Альтман И.А. Холокост в прессе на оккупированной территории СССР // Тень Холокоста (Материалы II международ. симпозиума «Уроки Холокоста и современная Россия». М., 1998. С. 37–41.

9. См.: Шпагин С.А. Опыт преподавания истории Холокоста в Ростовском государственном университете // Тень Холокоста... С. 227–229.
10. Предварительные итоги изучения проблематики Холокоста на оккупированной территории СССР, в том числе, ее региональный аспект, подведены в публикациях отечественных исследователей. См.: Кропачев С.А., Кринко Е.Ф. Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. М., 2012. С. 268–293.
11. См.: Смирнов В.В. Ростов под тенью свастики. Ростов н/Д, 2006 и др.
12. См. воспоминания ростовчанина Эмиля Айзенштарка, умершего недавно в Израиле о составе редакции: Айзенштарк Э. Возвращение в Ростов. URL: <http://www.proza.ru/2008/07/23/483>; Интересны воспоминания профессора Т. Хазагеров о содержании газеты. См.: Смирнов В.В. Ростов под сенью свастики...
13. Казак Максимка Темерянин. Запись в блоге: Makskozak. Воскресенье, 24 июля 2011. URL: <http://www.diary.ru/~Makskozak/p164639952.htm?oam>.
14. Цит. по: Голос Ростова. 1942. 22 октября. № 32.
15. Информация, возможно, не полная.
16. Великая Отечественная война. Энциклопедия. М., 1985. С. 546–547.
17. Голос Ростова. 1942. 26 сентября. № 21.
18. Там же. 22 сентября. № 19.
19. Там же.
20. Там же. 20 сентября. № 18.
21. Там же. 9 октября. № 26.
22. Донцы-казаки – на борьбу с большевизмом. Материал из ст. Багаевской // Там же. 26 сентября. № 21.
23. Там же. 16 сентября. № 16.
24. Там же. 26 сентября. № 21.
25. Восстановление Украины // Там же. 13 октября. № 27.
26. Там же. 25 сентября. № 21.
27. Григорий Жуков. Портрет замнаркома обороны // Там же. 13 октября. № 27–28. С. 3.

П.Я. Циткилов

НОВОЧЕРКАССКИЙ ИНЖЕНЕРНО-МЕЛИОРАТИВНЫЙ ИНСТИТУТ В ПЕРИОД НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ (июль 1942 – февраль 1943 гг.)

В июле 1942 г. фашистские части и соединения, прорвав оборону советских войск, устремились по направлению к Ростову-на-Дону и Новочеркасску. Стремительное продвижение войск противника не позволило завершить плановую эвакуацию ряда предприятий и учебных заведений Новочеркасска. В последний момент перед оккупацией город удалось покинуть руководи-

телям Новочеркасского инженерно-мелиоративного института (НИМИ) и Новочеркасского индустриального института. Значительная часть студентов, научных работников двух вузов осталась в городе.

Вскоре после начала оккупации Новочеркасска (25 июля 1942 г.) немецкое командование объявило о продолжении работы высших учебных заведений, находившихся в городе и в его окрестностях. При этом оно преследовало следующие цели:

- во-первых, использовать научный потенциал вузовских коллективов для решения своих целей, включая задачи обеспечения вермахта;
- во-вторых, готовить инженерные кадры для индустрии и аграрного сектора Германии;
- в-третьих, получить пропагандистско-идеологический эффект, попытаться вызвать симпатии у населения к новой власти и к самим оккупантам как якобы освободителям народов СССР от тирании.

Немецким командованием было предписано директору сельскохозяйственного института профессору А.В. Знаменскому возобновить работу вуза и обеспечить в ближайшее время его объединение с другими сельскохозяйственными учебными заведениями Ростовской области (Азовско-Черноморским сельскохозяйственным институтом, НИМИ и Новочеркасским зооветеринарным институтом). В двадцатых числах августа 1942 г. в Новочеркасске с этой целью было проведено специальное межвузовское совещание научных работников. На нем говорилось о необходимости объединения и воссоздания Донского института сельского хозяйства и мелиорации, существовавшего до 1930 г. [1]. Целый ряд научных работников был с этим не согласен.

Сама постановка вопроса об объединении вузов определялась тем обстоятельством, что значительная часть оборудования и профессорско-преподавательского состава указанных институтов находилась в эвакуации. В планы немцев вовсе не входило их возвращение в Новочеркасск. Следовательно, они хотели объединить то, что осталось, с целью ускоренного восстановления аграрного потенциала области и дальнейшего его использования в интересах вермахта и Германии в целом. Кроме того, путем объединения разнопрофильных аграрных вузов немецкие власти намеревались существенно сократить состав преподавателей и студентов. Они полагали, что России, «освобожденной от диктата», не нужно много высококвалифицированных и грамотных в технологическом отношении специалистов. Ей достаточно в массовом количестве иметь лишь малообразованную рабочую силу. Однако эти планы оккупационных властей тогда не были реализованы.

В начале войны главный учебный корпус НИМИ был занят под госпиталь. Занятия проводились в институтском общежитии по улице Кирова, 108, в корпусах индустриального института. В главном корпусе инженерно-мелиоративному институту была предоставлена основная часть площади третьего этажа, часть площади в правом крыле второго этажа и полуподвальный этаж, а также помещения в зданиях горного и химического корпусов.

С первых дней немецкой оккупации начался грабеж германскими офицерами и солдатами оборудования, библиотечного фонда, другого имущества инженерно-мелиоративного и индустриального институтов. С целью предотвращения дальнейшего разграбления вузовского имущества инициативная группа институтских сотрудников 29 июля 1942 г. созвала собрание работников обоих вузов. На нем было избрано временное объединенное правление индустриального и инженерно-мелиоративного институтов. В его состав вошли: профессор индустриального и инженерно-мелиоративного институтов Г.П. Орленко – председатель правления; доцент индустриального института А.И. Иванченко – секретарь правления; доцент НИМИ Н.А. Степанов; ассистенты индустриального института К.Н. Шаповалов и П.Н. Васильченко [2]. Важнейшие задачи объединенного правления индустриального и инженерно-мелиоративного институтов в период оккупации заключались в сохранении вузовского имущества и преподавательских кадров, которые по разным причинам не сумели эвакуироваться из города. Немецкое командование, преследуя свои цели, не противодействовало работе правления.

С целью организации охраны вузовского имущества объединенным правлением было установлено дежурство в институтских помещениях. Для его несения привлекались научные работники и другие сотрудники вузов. Главный корпус НИМИ продолжал использоваться оккупантами в качестве госпиталя. В конце августа 1942 г. захватчиками был реквизирован и главный корпус Новочеркасского индустриального института. В нем разместился штаб военной группировки вермахта. Здесь была установлена германская охрана, а доступ в него работников институтов был закрыт. Благодаря настоятельным требованиям объединенного правления германская комендатура Новочеркасска дала разрешение собрать вузовское имущество и оборудование, поместив его в отдельных комнатах. НИМИ было предоставлено пять комнат в верхнем этаже главного корпуса индустриального института. За неделю основное вузовское имущество, включая библиотеку НИМИ, удалось разместить в выделенных комнатах. Для этого были привлечены почти все работники института, оставшиеся в Новочеркасске. Однако избежать хищения вузовского имущества все же не удалось.

В ноябре 1942 г. главный корпус Новочеркасского индустриального института со всеми помещениями был передан в ведение румынского командования. В это время участились случаи разграбления находившегося здесь имущества НИМИ. Сотрудники НИМИ решили воспользоваться переходным моментом, когда немецкая охрана в главном корпусе индустриального института была снята, а румынская еще не вступила в свои обязанности. Вузовское имущество, включая библиотеку, учебное оборудование, уцелевшую аппаратуру, лабораторную посуду, реактивы, значительную часть мебели перенесли из главного корпуса в свободные помещения корпуса энергетического факультета индустриального института.

С ноября 1942 г. по решению немецких властей в НИМИ были возобновлены занятия со студентами. Все сотрудники вуза, оставшиеся в городе, не получали зарплаты, но и не считались безработными. Институт функционировал, обеспечивая сохранность своего имущества. А поскольку сотрудники вуза числились работающими, то не могли быть подвергнуты принудительным работам и отправке в Германию.

Судя по архивным документам, учебный процесс в НИМИ в период немецкой оккупации продолжался лишь два месяца (ноябрь и декабрь 1942 г.). Из 23 доцентов инженерно-мелиоративного института, находившихся в Новочеркасске, 17 чел. вышли на работу [3]. Обучалось в те два месяца примерно 200 студентов. Все они были временно освобождены от явки на биржу труда. Именно в то время происходила массовая насильственная отправка молодежи в Германию. В конце 1942 – начале 1943 гг. в Новочеркасске были вывешены плакаты: «Германия призывает Вас! Поезжайте в прекрасную Германию! В Германии вы будете работать с рабочими других европейских стран и тем самым поможете выиграть войну против врагов всего мира – жидов и большевиков!». 1675 юношей и девушек Новочеркасска были угнаны тогда немцами в неволю в Германию [4]. Функционирование НИМИ позволило предотвратить отправку студентов на принудительные работы.

По воспоминаниям члена объединенного правления двух вузов по инженерно-мелиоративному институту доцента Н.А. Степанова, учебные занятия в НИМИ в условиях немецкой оккупации носили характер лишь видимости. Однако это позволило сохранить имущество вуза, размещенное в общежитии по улице Кирова и в корпусе энергетического факультета индустриального института. Именно здесь в основном проводились занятия со студентами НИМИ. В тот период в НИМИ были организованы курсы землемеров, что позволило не только материально поддержать часть преподавателей института, но и спасти от насильственной отправки в Германию почти 70 чел. [5].

Во время немецкой оккупации Новочеркасска работники НИМИ жили в значительной мере за счет выращенных ими на коллективных огородах продуктов. Сотрудники и студенты вуза получали также овощи из учебного хозяйства института, расположенного на станции Персиановка. Это происходило вопреки приказам германских властей, в соответствии с которыми вся продукция, включая овощи, должна была поступать в распоряжение немецкой комендатуры [6].

Не прекращал работу в период оккупации и Южный научно-исследовательский институт гидротехники и мелиорации. Доминирующим направлением его деятельности оставалось изучение проблем орошаемого земледелия. В институте продолжали работать старшие научные сотрудники Будько, Прокофьев, Дукмасов, Андреев. Директором института являлся Несохлев [7]. Работа сотрудников института позволила сохранить от раз-

грабления немецкими захватчиками оборудования почвенной лаборатории, части библиотечного фонда, научно-технического архива и другого имущества.

Оккупация Новочеркасска нанесла НИМИ большой материальный ущерб. Гитлеровцы разрушили и разграбили многие лаборатории, сильно пострадала научная библиотека. Кафедра строительного дела и графики лишилась своей чертежной. Оккупанты сожгли студенческое общежитие на Пушкинской улице, разрушили общежитие на Комитетской улице. Значительно пострадало студенческое общежитие на улице Революции. Особенно большой ущерб был нанесен учебно-опытному хозяйству «Донлесхоз». Здесь были вырублены лесные насаждения на площадях с общим запасом древесины в 53 760 кубометров. По самым скромным подсчетам, ущерб НИМИ, причиненный немецкой оккупацией, составил 630 тыс. руб. (в ценах того времени) [8]. Специальная комиссия НИМИ, занимавшаяся такими подсчетами в 1943 г., определила еще более крупную сумму ущерба в 1 252 тыс. руб. [9].

13 февраля 1943 г. Новочеркасск был освобожден от фашистских захватчиков. Под мощными ударами Красной армии враг отступил. Поскольку многие новочеркасцы голодали, советское командование приняло решение оставить жителям города 1,2 тыс. т зерна [10]. Государственная комиссия, расследовавшая злодеяния гитлеровцев в Новочеркасске за период его оккупации, установила, что только в подвалах гестапо было замучено и убито 1070 чел., среди которых была и группа коммунистов – подпольщиков во главе с заместителя председателя горисполкома Василием Григорьевичем Кривопустенко. Почти сразу после захвата Новочеркасска фашисты провели «санитарную чистку» в городе. Грузовики-фургоны регулярно вывозили из Новочеркасска престарелых обитателей Дома инвалидов, детей-калек из приютов, больных, состоявших на учете в туберкулезном диспансере, психиатрическом и венерологическом диспансерах. Немецкие врачи объясняли населению, что все эти больные отправлены на лечение в Германию. На самом деле все они были расстреляны. Гитлеровцы штыками добили тяжело раненых красноармейцев в санитарном эвакуационном поезде, «застрявшем» под Новочеркасском. Таким же образом они «прочистили» и городские больницы [11].

Уже на пятый день после освобождения Новочеркасска от оккупации городские власти в числе одной из важнейших задач определили начало работы высших учебных заведений. 18 февраля 1943 г. городская газета «Знамя коммуны» сообщала, что приоритетной проблемой является возобновление работы вузов и школ, разрушенных немцами [12]. На основании распоряжения городского совета депутатов трудящихся 18 февраля 1943 г. исполняющим обязанности директора НИМИ был назначен Ф.Г. Севостьянов. Его приказом от 20 февраля старший научный сотрудник А.И. Дукмасов был зачислен исполнявшим обязанности доцента кафедры сельскохозяйственной мелиорации и одновременно стал исполнявшим обязанности директора

учебно-опытного хозяйства института в Персиановке. На основании телеграфного распоряжения Наркомата земледелия СССР от 19 февраля 1943 г. директор «Донлеспхоза» Клестов, находившийся в эвакуации на Алтае, был командирован 5 марта в Новочеркасск для восстановления хозяйства, сильно пострадавшего от военных действий и немецкой оккупации.

В связи с возобновлением работы НИМИ с 27 февраля 1943 г. были отозваны из отпуска без сохранения содержания 22 научных работника и 8 работников вспомогательного персонала [13]. В числе первых находились профессора Г.П. Орленко, А.Ф. Флеров, доценты Н.А. Степанов, Н.А. Золотарев, К.С. Гарин, М.М. Савин и другие. Н.А. Степанов вскоре был назначен деканом лесомелиоративного факультета, а Е.И. Степанов стал деканом гидротехнического факультета НИМИ. На основании распоряжения горисполкома начало работы в НИМИ было установлено с 8 часов утра, а окончание в 16 часов (без перерыва).

С 1 апреля 1943 г. к исполнению обязанностей директора НИМИ приступил И.С. Хоменко, прибывший через Москву со станции Шипуново Алтайского края. Соответствующее распоряжение было принято Наркоматом земледелия СССР. Начался процесс восстановления многих вузовских помещений, пострадавших в период немецкой оккупации.

В заключение следует отметить, что НИМИ с честью выдержал трудные испытания в годы Великой Отечественной войны. В тех тяжелых условиях коллективу вуза удалось мобилизовать силы на сохранение и восстановление института. Тем самым были созданы необходимые условия для дальнейшего развития мелиоративного вуза, являющегося сегодня важнейшей кузницей кадров-мелиораторов на юге Российской Федерации.

Примечания:

1. Волгин. Межвузовское совещание научных работников // Новочеркасский вестник. Орган городской управы. 1942. 25 августа.
2. Отчет бывшего члена Правления индустриального и инженерно-мелиоративного институтов Степанова Н.А. «О положении Новочеркасского инженерно-мелиоративного института за период времени германской оккупации (с 25 июля 1942 г. по 13 февраля 1943 г.)» // Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 81. Оп. 1. Д. 5. Л. 34–34об.
3. Материалы по Новочеркасскому инженерно-мелиоративному институту (1944–1945 гг.). Информационное сообщение, подготовленное директором НИМИ Хоменко И.С. // Архив музея истории Новочеркасской государственной мелиоративной академии (далее – НГМА).
4. Удовенко А.А. Черные дни немецко-фашистской оккупации в г. Новочеркасске // Знамя коммуны. 2003. 10–16 февраля.
5. Отчет бывшего члена Правления индустриального и инженерно-мелиоративного института Степанова Н.А. «О положении Новочеркасского инженерно-мелиоративного института в период времени германской оккупации (с 25 июля 1942 г. по 13 февраля 1943 г.)» // Новочеркасский филиал

- Государственного архива Ростовской области (далее – НФ ГАРО). Ф. Р-60. Оп. 1 Д. 16. Л. 3 об.
6. Там же.
 7. Старх Ар. Орошаемая земля // Новочеркасский вестник. 1942. 25 августа.
 8. Щеголев А.А. Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт в годы Великой отечественной войны (1941–1945 гг.) // Труды НИМИ. Т. X. Вып. 1. Новочеркасская научная мелиоративная школа за 50 лет Советской власти. Новочеркасск, 1967. С. 168.
 9. Акт Комиссии по определению ущерба, причиненного фашистскими захватчиками НИМИ за период немецкой оккупации от 13 сентября 1943 г. // НФ ГАРО. Ф. Р-60. Оп. 1 Д. 21. Л. 8 об.
 10. Кирсанов Е.И., Пониделко А.В. Новочеркасск – столица мирового казачества: история и современность. М., 2008. С. 597.
 11. Удовенко А.А. Указ соч.
 12. Освобожденный родной город // Знамя коммуны. 1943. 18 февраля.
 13. Приказ по НИМИ от 27 февраля 1943 г. // Архив НГМА. Приказы по Новочеркасскому инженерно-мелиоративному институту (18 февраля 1943–27 декабря 1943 гг.). Оп. 1-Л. Д. 76. Коробка 11. Л. 110.

С.В. Януш

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ «ОКОНЧАТЕЛЬНОГО РЕШЕНИЯ ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА» НА ТЕРРИТОРИИ ОРДЖОНИКИДЗЕВСКОГО КРАЯ В 1942–1943 гг.

Уже 70 лет отделяет нас от освобождения Северного Кавказа от немецко-фашистских захватчиков, но нельзя забывать преступления, совершенные нацистами на оккупированной территории. Много споров идет вокруг термина «Холокост», который обозначает массовое уничтожение «расово неполноценных» с точки зрения нацистов категорий населения. Конечно, не только еврейский народ пострадал от немецко-фашистских захватчиков, но и многие народы на оккупированной территории. Очевидно, что данный термин следует применять не только к еврейскому народу, но и тем народам, которые защищали евреев от уничтожения и сами подверглись массовым репрессиям. Несомненно, основной смысл этих страшных событий скрыт вовсе не в терминах, а в гигантских по своим масштабам преступлениях.

С первых же дней немецко-фашистской оккупации Орджоникидзевского (с 1943 г. – Ставропольского) края захватчики приступили к уничтожению еврейского населения, душевнобольных, цыган, коммунистов, военно-

пленных, советских и партийных лидеров. Для этой цели были выделены специальные карательные части. Уничтожением еврейского населения занимались члены зондеркоманды СС 10-а под руководством оберштурмбанфюрера СС Курта Кристмана. Проанализировав солидный массив документов, и мнения немногих свидетелей того времени в своей диссертационной работе, Е.А. Войтенко отмечает, что свои чудовищные злодеяния гитлеровцы начали именно с поголовного физического истребления еврейского населения края. Далее она правильно указывает, что с начала войны большинство мужского населения региона находилось на фронте, поэтому фашисты стали сразу уничтожать женщин, стариков и детей [1].

Надо сказать, что прорыв фашистских войск на Северный Кавказ был достаточно быстр и неожидан для советского командования. Здесь был глубокий тыл, и на момент оккупации, помимо постоянно проживавшего здесь еврейского населения, прибыло много эвакуированных представителей этого народа из Украины, Белоруссии, Крыма, Ленинграда и других районов страны. Вместе с научными и культурными учреждениями были эвакуированы ученые, врачи, деятели культуры. Они и стали первыми жертвами террора [2]. Захватывая каждый населенный пункт, немцы аккуратно и педантично, проводили регистрацию всех проживавших там евреев [3].

В Ворошиловске (в настоящее время – Ставрополь) разместился штаб айнзатцгруппы «D». Подразделения полиции безопасности самым тесным образом сотрудничали с фельдкомендатурами и ортскомендатурами, которые принимали самое активное участие в организации уничтожения еврейского населения. Управленческие органы немецко-фашистской администрации в городах Ессентуки и Кисловодске буквально через несколько дней после их захвата создали еврейские комитеты, призванные оказывать помощь оккупантам. Они участвовали в составлении списков населения, в том числе трудоспособного. Например, в городе Ессентуки было привлечено к различным тяжелым работам свыше 500 чел. [4]. Евреев посылали на тяжелые неоплачиваемые работы: на строительство аэродромов, грунтовых и шоссе-ных дорог; врачей и профессоров заставляли мести и убирать улицы. В то же время еврейскому населению была запрещена всякая оплачиваемая работа в учреждениях и на дому, занятия ремеслом и торговлей [5]. Большую часть посадили в тюрьмы, где их подвергли пыткам и издевательствам. Таким образом, еврейское население было обречено на голодное и невыносимое существование.

Под предлогом прохождения новой регистрации для переселения на новое место жительства, отправки в колонию или на постоянные работы, еврейское население собиралось в определенном месте и отправлялось на уничтожение. Тела замученных людей сбрасывали в общие могилы, которые зачастую рыли себе сами жертвы. Такие страшные преступления происходили во всех населенных пунктах Ставропольского края. Евреев, не явившихся на реги-

страцию, оккупанты находили на квартирах и улицах, грузили в специально оборудованные машины, вывозили за город и расстреливали.

Страшным свидетельством преступлений фашистов стал противотанковый ров на окраине города Минеральные Воды. Сюда свозили для уничтожения еврейское население со всех городов Минераловодской курортной группы [6]. После освобождения города от фашистов, проведя раскопки, следственная комиссия установила: *«В противотанковом рву, расположенном в двух с половиной километрах к западу от города Минеральные Воды, против стекольного завода, было уничтожено 6300 человек»* [7].

В городе Ставрополе 12 августа 1942 г. фашисты вывезли в район аэродрома 3,5 тыс. жителей еврейской национальности и расстреляли их из автоматов. Через несколько дней, 15 августа, были вывезены на территорию психиатрической больницы еще 500 граждан еврейской национальности, которых расстреляли и зарыли в силосных ямах. Таким образом, только в 4 городах Ставропольского края нацисты уничтожили свыше 11 тыс. евреев: в Ставрополе – 4 тыс. чел., в Пятигорске – 2,8 тыс. чел., в Ессентуках – 2483 чел., в Кисловодске – 1,8 тыс. чел. В городе Ессентуки – единственном из всех городов Кавказских Минеральных Вод – было создано своеобразное гетто: в здании школы в течение 1,5 месяцев находилось около 500 евреев.

В акте Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее – ЧГК) говорилось, что в селе Богдановке Курского (ныне – Степновского) района нацисты 25 сентября 1942 г. *«истребили все население двух местных колхозов, состоявших из горских евреев, в количестве 850 человек, включая сюда женщин, детей и стариков»* [8]. То, что случилось с горскими евреями (татами) в селе Богдановка, достаточно нетипично. Фашистские руководители, проводя политику «заигрывания» с кавказскими народами, достаточно долго не принимали радикальные решения относительно этой группы населения. Только при отступлении с Кавказа была предпринята попытка уничтожения горских евреев.

Изучая материалы и документы по совершенным фашистскими захватчиками преступлениям, необходимо сказать о ситуации, которая сложилась с преподавателями и учеными ставропольских вузов. Многие из них оказались на территории края вынужденно и ждали своей очереди на эвакуацию за Каспий. В Ставропольском государственном медицинском университете (далее – СтГМУ) под руководством доктора исторических наук А.В. Карташева ведется научно-исследовательская работа, посвященная этому периоду. В своих публикациях на основе документов архива СтГМУ и Государственного архива Ставропольского края он расширил и уточнил списки погибших, которые страдали множеством неточностей, восстановил

отдельные события, относящиеся к деятельности медицинского вуза при фашистском режиме [9]. Благодаря его усилиям собраны и опубликованы воспоминания родственников уничтоженных сотрудников, проживающих в различных уголках мира, очевидцев оккупации и сорванной эвакуации вуза. На сайте СтГМУ размещен документальный фильм под названием «Семестр, которого не было». В Музее истории университета им собраны уникальные экспонаты и фотографии жертв фашистских репрессий.

Среди них:

- Р.И. Полонская – профессор кафедры нормальной анатомии, доктор медицинских наук, вместе с ней погибли ее отец и мать;
- Л.Б. Каменко – доцент кафедры биологии, с дочерью;
- Р.М. Майзлиш – доцент кафедры госпитальной терапии, кандидат медицинских наук;
- Э.А. Блехман – ассистент кафедры общей химии, с отцом;
- С.Я. Идашкина – ассистент кафедры оперативной хирургии;
- Э.М. Гаркави-Эпштейн – ассистент кафедры факультетской терапии, с мужем и сыном;
- М.Я. Лидерман – ассистент кафедры нервных болезней с женой, матерью и ребенком;
- С.С. Линецкая – ассистент кафедры глазных болезней;
- Р.М. Гуревич – ординатор факультета терапии с ребенком;
- П.Г. Каменко – старший лаборант кафедры гистологии;
- Л.И. Жукова – лаборантка кафедры физики с двумя детьми;
- Э.С. Якобсон – препаратор кафедры биохимии.

Достоверно известно, что при эвакуации часть сотрудников медицинского института, попав в окружение в Пятигорске и Кисловодске, была там уничтожена. Среди погибших находились как крупные специалисты, так и молодые ученые. 19 сентября 1942 г. была схвачена группа научных сотрудников медицинского института: Ф.М. Бриккер – профессор кафедры патологической физиологии, доктор медицинских наук, с женой и дочерью; Я.С. Шварцман – профессор кафедры факультативной терапии, с женой; Г.С. Барг – профессор кафедры микробиологии, доктор медицинских наук, с женой и дочерью; Н.М. Безчинская – профессор кафедры общей терапии, доктор медицинских наук; А.Б. Френкель – профессор кафедры госпитальной хирургии, доктор медицинских наук, с женой и дочерью; Е.М. Виленский – доцент кафедры психиатрии, кандидат медицинских наук; Х.А. Люблинская – ассистент кафедры госпитальной хирургии; И.А. Люблинский – доцент кафедры кожно-венерических болезней, с матерью. Все они были казнены 20 сентября путем удушения ядовитым газом по дороге в лес [10]. Всего в медицинском институте Ставрополя за 5,5 месяцев оккупации немецко-фашистские палачи замучили 72 чел. – 33 сотрудников и 39 членов их семейств [11].

В августе 1942 г. были убиты нацистами сотрудники Сельскохозяйственного института: заведующий кафедрой физиологии животных, доцент

и председатель месткома М.К. Крымский с 10-летним сыном, работник библиотеки Е.Х. Островская, жена преподавателя кафедры марксизма-ленинизма Е.А. Родименко, с двумя девочками 3 и 14 лет и стариками-родителями; сотрудник института Г.В. Баранов, студент 4-го курса зоологического факультета П.Н. Золотаревский, жена сына сотрудницы института А.А. Высоцкой Регина Григорьевна с девочкой 3 лет. Всего погибло 11 чел. [12].

В августе 1942 г. нацисты и местная полиция убивали евреев (в основном эвакуированных) в Буденновске – несколько сотен человек; в районном центре Георгиевске – 1,1 тыс. чел. (еще несколько десятков специалистов и детей-полукровок здесь расстреляли в декабре 1942 г.). Казни проводились в селах и станицах края: 55 чел. в станице Александрийской Александрийско-Обиленского (ныне – Георгиевского) района; 26 чел. в селе Алексеевском Благодарненского района; 170 чел. в станице Боргустанской Предгорного района; 185 чел. в станице Горячеводской Пятигорского района [13]; 118 чел. в селе Московском [14] и 14 чел. в селе Изобильном Изобильненского района [15]; 185 чел. в селе Дмитриевском Красногвардейского района; 112 чел. в селе Донском Труновского района [16]; 54 чел. в селе Ипатово Благодарненского района [17]; 41 чел. в станице Марьинской Апполонского района; 17 чел. в районном центре селе Гофицком. Итого: свыше 2350 чел., а вместе с евреями Ставрополя – свыше 6350 чел. в 13 населенных пунктах.

В сентябре карательные акции были проведены в городах Железноводске – убито свыше 100 чел., и Черкесске – 820 жертв [18]. Евреев в этом месяце также убивали в станицах и селах края: 55 чел. в станице Александровской Георгиевского района; более 150 беженцев (есть сведения о 675 расстрелянных) в селе Арзгир; 161 чел. в селе Безопасном Труновского района [19]; 850 чел. в селе Богдановке Степновского района [20]; 360 чел. в селе Дивном Апанасенковского района; около 200 эвакуированных в поселке Зеленокумск Пятигорского района. Продолжились расстрелы в селе Ипатово – 86 местных евреев; 62 чел. – в селе Ново-Крестьянском Воронцово-Александрийского района; 303 чел. в селе Михайловке Ворошиловского района; около 550 чел. (из них опознано 240 чел.) в станице Новотроицкой Егорлыкского района; около 540 чел. в районном центре станице Новоалександровской; свыше 200 чел. в районном центре селе Солдато-Александровском; 480 чел. в районном центре селе Степном. Здесь евреи были отравлены газом в «душегубках». Число жертв в этих 15 населенных пунктах составило свыше 5 тыс. чел. Если добавить жертвы в Пятигорске, Кисловодске и Ессентуках (6,6 тыс. чел.), то общая сумма потерь еврейского населения составит 11,8 тыс. чел. в 18 населенных пунктах (в одном из них расстрел был повторный).

В октябре были уничтожены последние евреи в Ессентуках – 483 чел.; проведены расстрелы в районном центре станице Курской – 250 чел.; в стани-

це Григориаполисской Новоалександровского района – около 150 чел.; в селе Ипатово – 86 местных жителей. Всего 969 евреев в 4 населенных пунктах (в двух из них казни прошли повторно).

В ноябре каратели выявили и уничтожили 74 евреев в селе Благодатном Шпаковского района; свыше 40 чел. (еще несколько человек были убиты в августе) в районном центре селе Труновке. На этот месяц приходится наименьшее количество еврейских жертв в крае – всего 114 чел. в двух городах.

В декабре 1942 г. были убиты евреи в станице Зеленчукской – 180 чел. В селе Дмитриевском Красногвардейского района 20 декабря 1942 г. было казнено 150 евреев. Продолжилось уничтожение евреев в станице Горячеводской – 150 жертв. В селе Соломинка Степновского района оккупанты убили 39 чел.; в Нижнем Архызе Карачаевской автономной области – 20 детей-сирот. Итого: 538 евреев в 5 городах.

Кроме того, ряд репрессивных акций документирован без указания точной даты. В актах ЧГК о еврейских жертвах в селе Благодарном – 168 эвакуированных, селах Новоселецком и Чернолесском Новоселецкого района – соответственно 99 и 35 чел. – назван только год (1942), но точная дата совершения казни не известна. В Теберде в декабре 1942 г., по другим данным – в августе 1942 г. или январе 1943 г. – и Микоян-Шахаре (ныне – Карачаевск) Карачаевской автономной области в январе 1943 г. убили, соответственно, 285 и 62 еврея. Всего же, по имеющимся свидетельствам, без указания точных дат, в 6 населенных пунктах на рубеже 1942–1943 г. было уничтожено около 1,5 тыс. евреев.

Одновременно с гражданами еврейской национальности завоеватели начали уничтожать душевнобольных. Всего было изъято и убито 660 чел. [21] Свидетельскими показаниями и актами местных комиссий ЧГК (всего по краю составлено 110 актов) установлено, что немцы уничтожили в Ставропольском крае 277 военнослужащих.

Всего на территории Ставропольского края было уничтожено 31 645 мирных граждан. Значительную их часть – около 19,7 тыс. чел. – составляют жертвы Холокоста. Основные карательные акции прошли в августе-сентябре 1942 г., когда было истреблено 18 150 евреев. Кроме того, еще примерно 1,5 тыс. чел., в основном беженцы, не были учтены в архивных материалах. Таким образом, общее число уничтоженных евреев Ставропольского края составляет около 25 тыс. чел. [22]. Таковы страшные итоги фашистской агрессии только в границах одного края, а ведь эти события происходили на всей захваченной фашистами территории нашей страны.

В послевоенное время исследователями и учеными из разных стран мира проведена колоссальная работа по расследованию и раскрытию преступлений нацистов и их сообщников. Среди них хотелось бы отметить И.А. Альтмана, К. Фефермана, посвятивших ряд своих работ изучению проблем Холокоста и восстановлению исторической памяти о нем в постсоветское время. Е.Ф. Кринко и С.А. Кропачев рассмотрели становление отече-

ственной историографии холокоста и проблемы определения численности его жертв [23]. Несомненно, что их работа будет полезна для дальнейших исследований проблемы Холокоста на Ставрополье и в других регионах России. В рамках данной публикации невозможно перечислить всех авторов, посвятивших свои научные и человеческие изыскания этим страшным и трагичным страницам истории войны, но одно, несомненно, что такое забывать нельзя.

Уже более 70 лет прошло с начала Холокоста на территории СССР. В местах казней возвели мемориалы, установили памятники. На государственном уровне прошли траурные мероприятия в Киеве. Память о Холокосте отметили и во многих городах России. Но необходимо постоянно напоминать, особенно молодежи, опасность нацистской идеологии и ее последователей, когда жертвами нового геноцида может стать любой народ. Уходят годы, но память о погибших должна сохраняться в сердцах людей.

Примечания:

1. Войтенко Е.А. Холокост на Юге России в период Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.): Дисс... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005.
2. Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 – январь 1943 гг.): документы и материалы. Ставрополь, 2000. С. 26.
3. Государственный архив Ставропольского края. Ф. Р-1368. Оп. 1. Д. 133. Л. 2.
4. Там же. Д. 84. Л. 13об.
5. Там же. Д. 142. Л. 170.
6. Там же. Д. 269. Л. 2.
7. Там же. Д. 270. Л. 6.
8. Там же. Д. 89. Л. 4.
9. Карташев А.В., Пахомов В.Н. Ставропольский медицинский институт в годы войны // На рубежах Кавказа: сб. докладов. Ставрополь, 2010. С. 43–53.
10. ГАСК. Ф. Р-1368. Оп. 1. Д. 165а. Л. 46–48об.
11. Там же. Л. 46.
12. Там же. Л. 47.
13. Там же. Д. 151. Л. 19.
14. Там же. Д. 76. Л. 9.
15. Там же. Л. 1.
16. Там же. Д. 179. Л. 1–3.
17. Там же. Д. 78. л. 1.
18. Там же. Д. 190. Л. 10–11.
19. Там же. Д. 179. Л. 1–3.
20. Там же. Д. 89. Л. 1–10.
21. Ставрополье в период оккупации... С. 89–90.
22. Альтман И.А. Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. М., 2002. С. 281.
23. См.: Кропачев С.А., Кринко Е.Ф. Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. М., 2012. С. 268–293

Т.Г. Курбат

УНИЧТОЖЕНИЕ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ (1941–1943 гг.)*

Нападение нацистской Германии на СССР положило начало долгому и кровопролитному конфликту. Особенность данного противостояния состояла в том, что эта война была направлена не только на завоевание новых территорий и экономических богатств государства, но и на уничтожение советского населения. В результате быстрого продвижения немецко-фашистских войск огромные территории СССР оказались захвачены противником. Такая печальная участь не обошла и Ростовскую область, оккупация которой началась 8 октября 1941 г. [1] и продолжалась до 30 августа 1943 г. В этот период в наиболее трагическом положении оказалось еврейское население области. В соответствии с расовыми и идеологическими установками, пропагандировавшимися в нацистской Германии, евреи не имели права на существование и поэтому подлежали полному физическому уничтожению не только в рейхе, но и на оккупированных территориях СССР.

По данным Всесоюзной переписи 1939 г., в Ростовской области проживало 2 892 580 чел., в том числе 33 024 еврея. Традиционно евреи проживали в городах: в Ростове-на-Дону – 27 039 чел., в Таганроге – 3124 чел., в Шахтах – 303 чел., в Новочеркасске – 673 чел., в Каменске-Шахтинском – 197 чел., в Батайске – 186 чел., в Миллерово – 71 чел., в Красном Сулине – 54 чел., в Сальске – 37 чел. (и 31 чел. в поселке «Гигант»), в Азове – 69 чел. [2]. Лишь незначительное количество евреев проживало в сельских районах области – 912 чел. [3]. С началом Великой Отечественной войны и, особенно, перед оккупацией, численность евреев заметно выросла за счет притока еврейских беженцев с захваченных западных регионов страны.

Первая акция массового уничтожения еврейского населения на территории области прошла в г. Таганроге, который был оккупирован 17 октября 1941 г. Проведению данной акции предшествовал ряд «организационных мероприятий». По инициативе ортскоменданта города майора Альберти в первые дни после захвата Таганрога на уличных столбах и зданиях был вывешен приказ об обязательной регистрации всего еврейского населения города. Данный приказ обязывал всех евреев носить повязки со звездой Давида. Следующим шагом городских властей стало распространение воззва-

* Статья подготовлена в рамках проекта «Сражения в большой излучине Дона (май 1942 г. – август 1943 г.) и их значение в Великой Отечественной войне» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтнического макрорегиона в условиях роста напряженности» на 2012–2014 гг.

ния, обращенного к еврейскому населению. Оригинал воззвания не сохранился. По мнению местных историков, оно полностью соответствовало воззванию, которое впоследствии появилось в других городах области, в частности, в Ростове-на-Дону [4]. В тексте воззвания говорилось, что *«в последние дни имелись случаи актов насилия по отношению к еврейскому населению со стороны жителей-неевреев»* [5]. Поэтому оккупационные власти приняли решение о переселении евреев в специально отведенный для них район города.

26 октября всем жителям города еврейской национальности, несмотря на возраст и пол, а также лицам из смешанных браков предписывалось явиться к 6 часам утра на Владимирскую площадь к зданию школы № 26 для *«дальнейшего переселения»*. Вероятно, многие евреи знали о том, что с ними произойдет. Так, в своих свидетельских показаниях таганрожец Михайлов, работник завода «Красный котельщик», рассказывал о *«девочке, 17–18 лет, еврейке Коган. Она ходила на работу и непрерывно плакала в ожидании горькой участи»* [6].

В день назначенного сбора еврейского населения на Владимирской площади оккупанты выставили плотное оцепление из сотрудников полиции и немецких солдат. Посторонним лицам вход на площадь был запрещен под угрозой расстрела. Перед тем, как отправить евреев к месту казни, у них были изъяты все ценные вещи, наличные деньги, а также багаж, взятый с собой для обустройства на новом месте. Кроме того, люди должны были сдать ключи от квартир с точным указанием адреса. После этого часть людей была построена в колонны и отправлена пешком к месту казни, другая часть обреченных двинулась в путь на машинах. Михайлов предполагал, что было уничтожено 7 или 8 тыс. чел. [7].

Массовый расстрел еврейского населения Таганрога, а в последующем и во всех городах и районах области проводило специально созданное для этих целей подразделение – зондеркоманда СС-10а, находившаяся в подчинении айнцагруппы «Д» [8]. Вместе с немцами в расстрелах участвовали и советские граждане, служившие в полиции. Место для проведения массового расстрела евреев Таганрога было выбрано на западной окраине города в песчаных карьерах у завода им. Дмитрова. Стоит отметить, что оккупанты стремились скрыть проведение данной акции от остальной части жителей города и близлежащих сел. Так, по свидетельству А.И. Кущева, накануне расстрела около 7–8 часов утра явился немецкий офицер и приказал ему и его семье немедленно покинуть дом и уйти на расстояние 2–3 км и не возвращаться до 5 часов вечера [9]. Но, несмотря на все меры предосторожности, скрыть масштабы своих злодеяний немецко-фашистским захватчикам не удалось. Вечером того же дня жители города знали, о том, что произошло с евреями.

Расстрел обреченных проводился следующим способом: люди подводились к краю ямы и расстреливались из пистолета в затылок. Наиболее изощренно уничтожались еврейские дети. А.И. Куцев, рассказывал о расстреле

еврейского населения г. Таганрога, упоминал, что *«видел детей в балке, которые были видимо, умерщвлены каким-то другим способом, т.к. на этих детях я не видел крови и вообще признаков расстреляния, но видел на трупах этих детей на верхней губе что-то такое “желтое”»* [10].

После уничтожения большей части еврейского населения Таганрога, явившего на сборный пункт, по городу прокатились облавы с целью розыска евреев, не пришедших на сборные пункты в назначенный день. Выявленные, в основном с помощью местных жителей, евреи были также расстреляны в Петрушинской балке.

21 ноября 1941 г. немецкие войска захватили г. Ростов-на-Дону, но спустя неделю советские войска освободили город. В результате кратковременности пребывания войск вермахта в городе еврейское население не пострадало. По словам С.Я. Кремянской, находившейся в этот период времени в городе, *«немецко-фашистские захватчики ничего не успели сделать, потому что не пришло гестапо, не зондеркоманда, никого не было. Тем не менее, объявление, что евреи должны прийти, уже наклеили»* [11]. Но документы свидетельствуют об обратном. Так, в акте, составленном 30 ноября 1941 г., отмечается, что как только немцы ворвались в город, они сразу принялись грабить и издеваться над горожанами. Особенно жестоко захватчики обращались с евреями: *«только в доме на 36-й линии около детского сада убили 60 жителей-евреев»* [12]. Всего за период первой оккупации Ростова-на-Дону было предположительно уничтожено не более 100 евреев [13].

С началом летнего наступления на Кавказ войскам вермахта удалось захватить г. Ростов-на-Дону во второй раз, а также практически полностью оккупировать всю территорию области за исключением части Верхнедонского и Вешенского районов. В результате этого евреи, находившиеся на территории области, были обречены на уничтожение.

После событий первой оккупации города, а также в связи с распространением слухов об уничтожении еврейского населения Таганрога часть ростовских евреев покинула город, несмотря на распоряжение ростовского военного коменданта, майора Борща от 13 февраля 1942 г. о запрете выезда из города жителей без пропусков [14]. Но подавляющее большинство по ряду причин приняло решение остаться. Одной из них было недоверие к распространявшимся слухам о немецкой жестокости, тем более, что в памяти у ростовчан, переживших длительное пребывание немецких войск в городе в конце Первой мировой войны, остались о них положительные воспоминания. Кроме того, многие не решались бросить свои дома и все нажитое имущество. Большинство евреев составляли старики, женщины и дети, для которых переезд на далекие расстояния был практически не возможен. Кроме того, в результате первой успешной наступательной операции Красной армии и освобождения Ростова-на-Дону 29 ноября 1941 г. многие эвакуировавшиеся евреи приняли решение вернуться обратно в город [15].

Подготовительные мероприятия, предшествовавшие массовому уничтожению жителей Ростова-на-Дону, во многом были сходны с уже ранее отработанной схемой в Таганроге. По приказу коменданта города генерала Киттеля все евреи должны были зарегистрироваться, а также носить нарукавные повязки со звездой Давида. Также в приказе сообщалось о создании еврейского совета старейшин, который возглавлял доктор Лурье, чья роль была по сути номинальной. Больше ни в одном городе области такие советы не создавались. Само создание такого совета, очевидно, носило пропагандистский характер и имело целью ввести в заблуждение еврейское население города, и без того напуганное внезапной оккупацией, а также слухами о расправе над евреями Таганрога. Первое и единственное поручение немецких властей, за выполнение которого были ответственны члены совета, стала регистрация евреев Ростова. За подписью руководителя совета старейшин вышло и воззвание к евреям города с текстом, аналогичным таганрогскому воззванию, с просьбой переселяться в специально отведенный для них район города. Сам факт того, что представителям еврейской общины Ростова предоставлялось право участвовать в принятии ключевых решений, касавшихся судьбы еврейского населения города, несомненно, вызывал чувство защищенности.

Немецкие оккупационные власти заранее готовились к проведению карательной акции. Местом ее проведения они выбрали юго-западную окраину города, недалеко от поселка Змиевка-2. Для подготовки рвов за несколько дней до регистрации евреев сюда были пригнаны 300 советских военнопленных. После того, как работы были окончены, они были расстреляны в подготовленных ямах. Перед проведением акции уничтожения жители поселка были выселены специальным приказом немецких властей города под предлогом проведения учебных стрельб [16].

Массовое уничтожение еврейского населения г. Ростова-на-Дону было назначено на 11 августа 1942 г. В указанный день все евреи обоих полов и всех возрастов обязаны были пребыть на сборные пункты с ценными вещами, деньгами и сдать ключи от занимаемых ими квартир. По свидетельствам очевидцев, *«среди собранных евреев ходили русские предатели и успокаивали: что Вы волнуетесь, Вас никто не тронет, расстреливать Вас не будут. Вот в Таганроге все евреи живут за городом и работают. Поверьте нам, мы сами из Таганрога»* [17]. К месту казни люди шли пешком, доставлялись на машинах, и в «душегубках». Взрослое население расстреливалось из автоматов и пистолетов, а дети умерщвлялись таким же способом, как и в Таганроге, путем смазывания губ ядом. Еще несколько дней, после того как были расстреляны евреи, жители поселка Змиевка-2 слышали стоны раненых и заживо погребенных людей.

Кроме Таганрога и Ростова-на-Дону подобным способом уничтожалось еврейское население и в других городах области: Шахтах, Сальске, Азове. Перед расстрелом немецко-фашистские захватчики издевались над обреченными. Так, например, в г. Шахты *«конвоируя еврейское население на расстрел,*

немцы заставляли стариков и женщин на улице танцевать и петь, хлопать в ладоши, подталкивая отстававших стариков и больных» [18].

Несмотря на то, что евреи традиционно проживали в городах, на момент оккупации большое количество людей данной национальности оказались застигнутыми оккупантами в сельских районах области. Это объясняется тем, что беженцы еврейской национальности из ранее оккупированных территорий СССР и евреи, проживавшие на территории области, пытались уйти от немецко-фашистских войск далее на юг страны, но в результате быстрого продвижения войск вермахта не успели этого сделать. Поэтому уничтожение евреев проходило и в сельских районах области. Стоит отметить, что нет достоверных данных о том, как и в каком количестве уничтожались евреи в районах области. Это обусловлено тем, что при составлении актов об убийствах населения в сельской местности достаточно часто употребляется формулировка «мирные советские граждане», которая исключает возможность восстановления национальной принадлежности жертв. Кроме того, местные жители сельских районов, даже зная о массовых расстрелах, не всегда могли точно указать национальную принадлежность жертв.

В настоящее время спорным вопросом является точное количество жертв нацистского режима среди еврейского населения области. Например, существуют несколько документов, в которых приводятся различные число жертв расстрелянных на Петрушенской косе. Так, в документах Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее – ЧГК), указывается цифра в 1,8 тыс. чел. [19]. В свидетельствах очевидцев массового уничтожения евреев варьируются цифры от 1,5 до 6,5–7 тыс. чел. Еще более сложная ситуация складывается с определением количества жертв в Ростове-на-Дону. Отдельные исследователи полагают, что жертвами немецко-фашистского террора стало свыше 30–32 тыс. евреев [20], тогда как в протоколах ЧГК указывается 15–18 тыс. расстрелянных евреев [21]. Всего же, по данным, приведенным И.А. Альтманом, в Ростовской области в период оккупации было уничтожено не менее 22 тыс. евреев [22], но данная цифра не является окончательной.

Изучение трагедии евреев на территории Ростовской области в период ее оккупации тесно связана с установлением точной численности погибших. Прежде всего, потому, что с началом войны не было установлено точное количество прибывших сюда беженцев еврейской национальности, а также эвакуировавшихся евреев-жителей области. Кроме того, до настоящего времени не найдены списки евреев, составленные захватчиками во время их регистрации. В тоже время свидетельские показания не дают исчерпывающей информации о количестве жертв. Данный вопрос остается открытым и ждет своих исследователей.

Примечания:

1. Ростовской области – 70 лет (1937–2007 гг.). Сб. документов. Ростов н/Д, 2007. С. 37.
2. Мовшович Е.В. Очерки истории евреев на Дону. Ростов н/Д, 2011. С. 156.
3. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги М., 1992. С. 64.
4. Гонтмахер М.А. Евреи на донской земле. История. Факты. Биографии. Ростов н/Д, 1999. С. 350.
5. Мовшович Е.В. Указ. соч. С. 135.
6. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-7021. Оп. 40. Д. 11. Л. 54.
7. Там же.
8. Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). Майкоп, 2000. С. 84.
9. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 40. Д. 11. Л. 16.
10. Там же. Л. 17 об.
11. Респондент: Кремянская Сильвия Яковлевна, 1926 г.р. Записана Т.Г. Курбат, Т.П. Хлыниной 16 октября 2012 г. в Ростове-на-Дону.
12. Документы обвиняют. Холокост: свидетельства Красной армии. М., 1996. С. 81.
13. Мовшович Е.В. Указ. соч. С. 139.
14. Там же.
15. Холокост на территории СССР. Энциклопедия. М., 2009. С. 867.
16. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–3об.
17. Там же.
18. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 9. Л. 110.
19. Там же. Л. 64.
20. Мовшович Е.В. Указ. соч. С. 148.
21. ГАРО Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 30. Л. 2об.
22. Альтман И. Жертвы ненависти. Холокост в СССР. 1941–1945. М., 2002. С. 276.

Г.Ф. Вершинин

О СУДЬБЕ ДЕТЕЙ ТАГАНРОГСКИХ ПРИУТОВ

В совет ветеранов ОАО «Таганрогский НИИ связи» обратилась Майя Андреевна Курасова (Мальцева), свидетель фашистской оккупации в Таганроге. В начале Великой Отечественной войны ее мать умерла, а отец был призван на фронт. В результате она оказалась в одном из детских домов г. Таганрога. Ее история заслуживает внимания и является важной для сбережения памяти о войне для нынешних поколений.

Майе Андреевне удалось сохранить киноплёнку, снятую в 1943 г. фронтовым кинооператором Владимиром Сущинским об освобождении таганрогских детей из фашистской неволи. Сам Владимир Сущинский [1] вскоре погиб, но, благодаря ему, осталось не имеющее цены свидетельство тех тягот и лишений, которые выпали на долю детей военного поколения. Творческой студией совета ветеранов на основе оцифрованных материалов с полученной киноплёнки был создан короткий документальный фильм «Дети Таганрога. Оккупация и война», размещенный в открытом доступе в социальной сети YouTube [2].

Обстоятельства сложились так, что детские дома г. Таганрога не были эвакуированы. В условиях оккупации они были переименованы в приюты и попали под опеку надзирателей из зондеркоманды СС-10а [3]. По логике их действий стало очевидным, что детей планировали вывезти в Германию. К лету 1943 г. пришел приказ о запрещении покидать территории приютов как взрослым (персоналу), так и детям. Приютов в городе насчитывалось четыре. Они располагались: № 1 – по улице Чехова, 49, № 2 – по улице Петровской, 89, № 3 – по улице Розы Люксембург, 153/1, № 4 – по улице Розы Люксембург, 12. Майя Курасова оказалась в приюте № 4. Картина пребывания детей в приютах в дни оккупации содержала жуткие сцены ужасов. Однажды немецкий военнослужащий заставил ребенка, стащившего у него булку хлеба, рыть себе могилу. Все это происходило под непрерывный плач видевших эту сцену других детей.

Приют № 2 на улице Петровской находился рядом отделением полиции, и дети вынуждены были наблюдать сцены пыток, в том числе и их собственной воспитательницы. Ее затем расстреляли в Петрушинской балке, но она успела уговорить полицейского спасти своего подлежащего экзекуции ребенка. В балке полицейский вытолкнул в кустарник девочку и велел молчать ей во время расстрела. Ребенок до самого утра просидел в кустах у места казни. Утром там ее нашел полицейский и привел в приют.

27 июня 1943 г. детей привезли к входу в городской парк, расположенному напротив Дома учителя. Среди документов таганрогского бургомистра в Таганрогском филиале Государственного архива Ростовской области (далее – ТФ ГАРО) сохранились списки детей и взрослых, подлежащих отправке немцами из приютов № 2 и № 4 [4]. Дети были в возрасте от 1,5 до 12 лет. Здесь произвели переключку, посадили детей в грузовики и повезли на станцию Амвросиевка. Там пересадили в товарный вагон и отправили до станции Васильевка. Далее их два месяца везли на подводах. 27 августа детей привезли в село Великая Лепетиха Херсонской области.

Там, на Днепре стоял немецкий госпитальный пароход. Из детей решили сделать доноров крови для немецких офицеров. Первоначально детей разместили в здании банка. И сразу же под видом прививок от брюшного тифа у них начался забор крови. Большинство детей, как и Майя Курасова, при этом теряли сознание, но немцев это не останавливало. Подробности этой

бесчеловечной акции описаны журналистами в ряде печатных и электронных изданий [5].

Дальнейшие многократные попытки отправить детей в Германию успеха не имели. Наступали советские войска, и дети оказались в эпицентре кромешного ада. В результате бомбежек часть взрослых и детей погибла, а многие, как и М.А. Курасова, получили контузию.

Сложившаяся в то время оперативная обстановка на Днестре свидетельствовала о тяжелейших боях и многочисленных потерях. Детей решили переместить в подвал старой мельницы. Здесь начался наиболее опасный для их дальнейшего выживания период, когда они жили на самообеспечении. Старшие дети ходили по селу и выпрашивали у местных жителей продовольствие. Приносили то, чем могло с ними делиться голодавшее украинское село, в основном, овес и кукурузу.

В подвале мельницы имелась крупорушка. Для ее работы нужен был взрослый мужчина. Дети управлялись с ней только втроем. Из принесенных продуктов готовили кашу, а воду дети приносили из Днестра. Поскольку река находилась в районе боевых действий, ее постоянно не хватало. В подвале имелась буржуйка, которую топили только ночью. Она служила единственным средством для санитарной обработки. Детей раздевали и прямо на нее с одежды смахивали вшей. Таков был незамысловатый быт детей с осени 1943 г. по 8 февраля 1944 г.

У Майи Андреевны есть трогательное стихотворение «Елочка 44 г.», написанное в январе 1983 г. [6]. Оно о новогоднем празднике, который был организован ими самостоятельно. Приведу его фрагмент:

*Сто десять суток в подземелье,
Где за село шёл жаркий бой,
Мы елочку забыть не смеем,
Что отмечали той зимой.*

*Измучены неволей горькой,
И обездолены судьбой,
Держались в подземелье стойко
И не показывали боль.*

*Решили мы устроить елку,
Игрушки стали рисовать,
Старались все устроить толком,
Пытались петь и танцевать.*

*Всплывали мира дни в сознаньи,
Где образ мамы дорогой,
Мы с нею елку украшали,
И захотелось всем домой.*

*Чтобы к тебе явилась мама,
Подарок к елочке дала,
Прижала к сердцу и сказала:
«Крепись, малыш, пройдет беда!»*

*На весь подвал светил огарок,
Как затемненная луна,
Вручили няни нам подарок –
Комочек хлеба из зерна.*

Елка представляла собой сухое дерево. В качестве игрушек использовали рисунки детей и украшения, которые немцы выбросили по завершению католической пасхи. Каждый ребенок в качестве новогоднего подарка получил припасенный взрослыми комочек хлеба.

Местные партизаны знали о судьбе детей. Передали взрослым, что принимаются необходимые меры. И вот ночью 7 февраля к ним постучали. Это была группа разведчиков 306-го стрелкового полка 109-й гвардейской стрелковой дивизии. Руководил группой таганрожец старший сержант Владимир Давидович Цибулькин. С ним были еще двое разведчиков – Саломин и Михайлов. Разведчики попросили всех вести себя тихо и подождать. Проверялась информация, о том, что немцы пытаются минировать подвал и взорвать его перед отступлением. Подвал был действительно заминирован, а подходы к нему контролировала немецкая снайперская группа. Нужно было спасти детей.

Необходимые меры были приняты, и 8 февраля село освободили советские войска. В числе освободителей оказался выпускник ВГИКА фронтовой оператор В.А. Сущинский. Появился трогательный документальный сюжет, который лег в основу различных публикаций и стал одним из свидетельств на Нюрнбергском процессе. На нем представлен быт детей в подвале и их освобождение. Самых маленьких разобрали местные жители, раненых унесли в госпиталь на носилках. Другие вышли встречать освободителей сами. Их слезы мало кого могут оставить равнодушными.

Тяжкие испытания, которые выпали на долю детей войны, дают нам право обратиться к органам власти о внесении в наше законодательство соответствующих инициатив, направленных на проявление к этой категории наших граждан дополнительного внимания со стороны государства. На сегодняшний день в живых мало осталось свидетелей описанных событий. Считаю уместным поставить вопрос об увековечивании памяти о детях таганрогских приютов, их воспитателях и освободителях путем установления в их честь в Таганроге на ДOME учителя (ныне Молодежный центр) мемориальной доски с соответствующей надписью. Ведь именно там, на улице Петровской, 89, находился один из приютов во время войны, где происходили описанные события.

Автор выражает благодарность Ростовской киностудии за оцифровку киноплёнки, позволившей сделать на ее основе документальный фильм, а также В.П. Морозову за практическую помощь в реализации проекта.

Примечания:

1. Остроумова С.С. Фронтовой оператор Владимир Сущинский // Фронтовой кинорепортаж. М., 1977; Сайт музея военного кинооператора Владимира Александровича Сущинского. URL: <http://museum.lic4sar.schoolrm.ru/>.
2. Социальная сеть YouTube. URL: http://youtu.be/P4b_aiDYLbc.
3. Ратник В.И. Таганрог в годы Великой Отечественной войны // Таганрог. Энциклопедия. Таганрог, 2008. С. 128–134.
4. ТФ ГАРО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 192.
5. Трибушная Л. Николай Соляник: «Маленького Петю фашист сапогом раздавил, как паучка, прямо на моих глазах» // Факты. 2007. 10 мая; Овдин В. Юные узники войны // Еженедельник 2000. Вып. № 15 (410). 11–17 апреля 2008 г. URL: <http://2000.net.ua/2000/svoboda-slova/realii/38264>.
6. Курасова М. Елочка 44 года. Общенациональный сервер поэзии. URL: <http://stihi.ru/2009/11/13/3570>.

Н.К. Петрова

История «Молодой гвардии» (г. Краснодар): взгляд через 70 лет

Понятие времени весьма субъективно. Для истории 70 лет может показаться и кратким мгновением, и длительным периодом. Осенью 2012 г. исполнилось 70 лет с момента создания комсомольско-молодежной подпольной организации «Молодая гвардия», которая действовала в период временной оккупации г. Краснодона в годы Великой Отечественной войны. Почти все члены этой организации были арестованы, подвергнуты пыткам, а затем расстреляны или сброшены живыми в шурф шахты № 5.

«Молодая гвардия» – одна из многих подпольных организаций, которая возникла по инициативе самой молодежи, без организующей и руководящей роли партийных инстанций. Действовала она всего несколько месяцев. Возраст молодых подпольщиков составлял от 14 до 29 лет. Среди них были еще учившиеся в школе и только что окончившие ее, студенты, военнослужащие, бежавшие из плена и вернувшиеся в Краснодар. Это была интернациональная организация: в ее составе были русские, украинцы, белорусы, молдаванин, евреи, азербайджанец, армянин. Всех их объединило одно желание – бороться с оккупантами своей Родины.

Особенностью «Молодой гвардии» является то, что после освобождения г. Краснодона ее деятельность стала широко известна в стране, о ней не

замалчивали долгие годы, как это было с другими организациями. В книге воспоминаний бывшего Председателя КГБ СССР, а во время расследования истории «Молодой гвардии» – секретаря ЦК ЛКСМУ В.Е. Семичастного верно дано объяснение причин сохранения ее известности. В.Е. Семичастный писал, что если бы Н.С. Хрущев *«напрямую не обратился к Сталину, эта организация, как и многие подобные ей, канула бы в неизвестность, попав на проверку в МГБ (Министерство государственной безопасности – так назывались органы государственной безопасности с 1943 года до самой смерти Сталина)». А там сразу: кто кого предал, кто кому изменил и т.д. И это могло тянуться годами! Но поскольку указы были подготовлены своевременно и подписаны быстро Хрущевым и Сталиным, дело завершилось благополучно»*. Далее автор воспоминаний, отметив, что *«членов “Молодой гвардии” наградили еще во время войны»*, писал: *«Правда, были и издержки: например, в число славных молодогвардейцев не попал В. Третьякевич»* [1].

С общим объяснением В.Е. Семичастного можно согласиться. Но нельзя согласиться с одним – с подходом к «издержкам»: Виктор Третьякевич, один из организаторов «Молодой гвардии», не только не попал в список молодогвардейцев в 1943 г., а затем в уточненный и дополненный список составленный в конце 1940-х гг. Ворошиловградским обкомом КП(б)У. Рядом с фамилией В. Третьякевича по ложному навету до 1959 г. витало обвинение в том, что он предал членов своей организации. И это не одна «издержка» в истории «Молодой гвардии».

Вообще-то полная история этой организации до сих пор не написана. В целом ряде опубликованных работ кратко излагаются действия членов «Молодой гвардии», дается характеристика членов ее штаба по наградным документам 1943 г., описывается роль коммунистов в руководстве организацией. Но так ли все это было? А если не так, то почему все идет по установившимся правилам?

Многие документы долгое время были не известны. В начале XXI в. была предпринята попытка пересмотреть историю «Молодой гвардии» от первого о ней упоминания. В 2003 г. вышел в свет сборник документов и материалов, включающий подлинные документы, которые могут быть использованы в качестве источника для изучения не только самой организации, но и советского общества 1940–1990-х гг. в целом [2].

История подпольной организации «Молодая гвардия» долгие годы была для журналистов, писателей, для всех, кого волновали проблемы воспитания молодежи, благодарным материалом, дающим примеры мужества, патриотизма, служения народу, яркие образцы для подражания. К сожалению, в настоящее время, с распадом СССР, интерес к этой истории упал. В настоящее время историю «Молодой гвардии» некоторые специалисты называют «локальной историей, не имеющей широкого звучания» [3]. Остается только сожалеть, что это мнение существует и отчасти реализуется на практике. Социологические опросы свидетельствуют о том, что многие представители

современной молодежи уже не знают, кто такие молодогвардейцы, что это за подпольная организация «Молодая гвардия» и кто написал роман, посвященный ее борьбе в годы войны [4].

Не думая о том, что о них будут думать потомки, молодогвардейцы делали то, что могли, что было им по силам: разоблачали дезинформацию, распространявшуюся оккупантами на советской земле, вселяли в народ веру в неизбежный разгром захватчиков, добывали оружие, чтобы в нужный момент приступить к открытой вооруженной борьбе. Члены организации писали от руки или печатали в примитивной типографии листовки, распространяли сводки Совинформбюро, в ночь на 7 ноября 1942 г. вывесили красные флаги на зданиях школ, жандармерии и других учреждениях. Флаги были пошиты девушками вручную из белой ткани, затем окрашены в алый цвет – цвет, который для ребят символизировал свободу.

По решению штаба «Молодой гвардии» было сожжено здание немецкой биржи труда со всеми документами, освобождены из концентрационного лагеря свыше 80 советских военнопленных. Отбито стадо скота из 500 голов, предназначенное к вывозу в Германию. В канун 1943 г. было совершено нападение на немецкие машины, которые везли оккупантам новогодние подарки и почту. Подарки ребята унесли с собой, почту сожгли, а остальное спрятали, планируя переправить затем на базу, созданную для партизанской борьбы.

Эта последняя акция ускорила разгром «Молодой гвардии», за которой уже не первый месяц охотились краснодонская полиция и жандармерия вместе с немецкими, итальянскими и румынскими спецслужбами Ворошиловграда, Красного Луча, Ровеньки и Сталино (ныне Донецк). А затем были зверские, поистине средневековые пытки. Начальник полиции Соликовский старался изо всех сил. До неузнаваемости изуродовали Ивана Земнухова. Евгения Мошкова обливали водой, выводили на улицу, потом оттаивали на печке и вели на допрос. Сергею Тюленину прижигали рану на руке раскаленным прутком. Ульяну Громову подвешивали к потолку за косы...

Казнили их у шахты № 5-бис. В ночь на 15 января расстреляли и затем сбросили в шурф первую группу молодогвардейцев, причем некоторых из них бросали в шахту живыми. Среди них был и В. Третьякевич – один из организаторов «Молодой гвардии». До 31 января палачи расправились с остальными арестованными, молодогвардейцами, в числе которых был и С. Тюленин. Олега Кошерева задержали 22 января 1943 г. около станции Картушино. На дороге его остановили полицаи, обыскали, нашли пистолет, избили и под конвоем отправили в Ровеньки. Там его снова обыскали и под подкладкой пальто нашли два бланка временных членских билетов и самодельную печать «Молодой гвардии». Начальник полиции узнал юношу, оказавшегося племянником его знакомого. Когда Кошерева допрашивали и били, Олег выкрикивал, что он комиссар «Молодой гвардии». За шесть дней допросов он посидел. В Ровеньках пытали также Любовь Шевцову, Семена Остапенко, Виктора

Субботина и Дмитрия Огурцова. Олега Кошевого расстреляли 26 января, а Любовь Шевцову – в ночь на 9 февраля.

После освобождения Краснодона 1 марта 1943 г. в парке имени Комсомола с утра до вечера шли похороны 49 молодогвардейцев. А потом «Молодая гвардия» и ее история стали легендой, символом советского патриотизма, материалом для агитационно-пропагандистской работы среди молодежи. Так уже было с Николаем Гастелло, Зоей Космодемьянской, Александром Матросовым. Теперь героями стали и самые активные молодогвардейцы. Первое сообщение о них поступило в партийные и комсомольские органы Украины уже 31 марта 1943 г. Первый секретарь ЦК ЛКСМУ В.С. Костенко доложил по фронтовому «ВЧ» Н.С. Хрущеву о «Молодой гвардии». Тот дал команду: *«Возьмите образец, как мы пишем И.В. Сталину – напишите текст и приложите указы о награждении»*. Костенко, вспоминая об этом летом 1992 г., сказал: *«Мы, т. е. ЦК, подготовили и принесли. Хрущев взял в руки и спросил: “Все здесь правильно?” Получив утвердительный ответ, Хрущев, не читая, подписал все документы»*. Так был подготовлен главный документ о «Молодой гвардии» – записка Хрущева на имя Сталина от 8 сентября 1943 г. [5].

Как известно, Н.С. Хрущев питал особенно теплые чувства к Донбассу, где он проходил свои трудовые «университеты». Поэтому он принял сообщение о «Молодой гвардии» близко к сердцу. В записке Хрущева на имя Сталина подчеркивалось, что *«вся деятельность «Молодой гвардии» способствовала усилению сопротивления населения оккупантам, вселяла веру в неизбежность разгрома немцев и восстановления Советской власти»* [6]. В записке ничего не говорилось о партийном руководстве работой молодогвардейцев. Однако в этот документ уже была заложена и определенная дезинформация, касавшаяся состава руководства молодежной организации. Создателями «Молодой гвардии» были названы О. Кошевой, И. Земнухов и С. Тюленин, тогда как В. Третьякевич и В. Левашов в записке на имя Сталина не фигурировали и соответственно к награждению представлены не были.

Сталин поддержал предложение украинского лидера о посмертном награждении героев «Молодой гвардии». Записка Хрущева со сталинской резолюцией пошла к Председателю Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинину. Решение было быстрым. Указ о награждении Калинин подписал уже на следующий день – 13 сентября 1943 г. О. Кошевому, И. Земнухову, У. Громовой, С. Тюленину и Л. Шевцовой посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Был награжден ряд других молодогвардейцев и мать О. Кошевого – Е.Н. Кошечкина (она получила орден Отечественной войны 2-й степени – за активную помощь, оказанную «Молодой гвардии»). Об этом сообщила 15 сентября газета «Правда».

Родителям, дети которых посмертно были награждены, этот Указ Президиума Верховного Совета СССР принес временное облегчение от сознания того, что о погибших сыновьях и дочерях помнят. Но ненадол-

го. В народе, как это всегда бывает, стали обсуждать, кто и за что получил награды, так как многие из тех, кто погиб, не получили даже медалей. Одновременно «изучение вопроса» вели и спецслужбы, активно искавшие предателя, выдавшего организацию.

Не улучшило, а скорее обострило обстановку в Краснодаре посещение города известным писателем А.А. Фадеевым. Впервые, по горячим следам, после сообщения о «Молодой гвардии» о ней написали очерк журналисты А. Гуторович и В. Лясковский. А.А. Фадеев также в 1943 г. создал яркий очерк «Бессмертие». Затем на документальной основе он написал роман «Молодая гвардия». А. А. Фадеев сознательно нарушил неписанный закон творчества, согласно которому братья за создание произведений о важнейших исторических событиях следовало лишь после того, как они отойдут в далекое прошлое. В результате в его романе историческая действительность смешалась с вымыслом, приобрела художественную форму, но вместе с тем утратила и часть своей достоверности.

Информация о том, что происходило в городе в период оккупации, как создавалась и что сделала «Молодая гвардия», попала к писателю от Е.Н. Кошевой, ярко и убедительно пересказавшей все то, что она слышала от других, что знала сама. ЦК ВЛКСМ предоставило Фадееву обширный документальный материал. Писатель беседовал с работниками следственных органов. Материалы, как заявлял Фадеев, произвели на него огромное впечатление и были положены в основу романа.

Еще до выхода в свет романа его главы печатались на страницах газеты «Комсомольская правда» и в ряде журналов, поступавших в действующую армию. Книга сражалась в прямом смысле слова на фронтах Великой Отечественной войны. Весь роман был написан за год и 9 месяцев, окончен 18 декабря 1945 г. и в 1946 г. вышел отдельным изданием. В июне того же года автор получил Государственную премию 1-й степени.

Тираж романа разошелся мгновенно. В Донбассе спрос на произведение превышал предложение – книг в магазинах не хватало. Но вскоре наряду с восторженными отзывами о «Молодой гвардии» хлынул поток вопросов к местной партийной власти, к писателю, в различные инстанции. Это объясняется тем, что краснодонцы приняли роман «Молодая гвардия», как историю деятельности организации, молодежного подполья их родного города. Люди, чьи дети погибли, не находили о них упоминания, или написанное не совпадало с той реальностью, которую они помнили, что порождало их возмущение искажением действительности. Особенно точным совпадением образа Евгения Стаховича – человека, предавшего организацию, с портретом Виктора Третьякевича, который был одним из организаторов «Молодой гвардии».

Однако В. Третьякевич не был предателем, как вообще не было какого-то одного изменника, провалившего «Молодую гвардию». Показания, которые содержали какую-либо информацию о деятельности организации, дали на

допросах под пытками несколько молодогвардейцев (не будем забывать, что это были совсем молодые ребята), но это не означает, что их можно считать предателями. Только 14 декабря 1960 г. в «Правде» появилась заметка «Отважный сын Краснодона», посвященная посмертному награждению В. Третьякевича орденом Отечественной войны 1-й степени. Чрез 16 лет награда нашла одного из руководителей «Молодой гвардии», ставшего жертвой клеветы.

История с реабилитацией В. Третьякевича показывает, как сложно было снять с человека навешенный на него ярлык. Не менее трудно было доказать, что составленный в 1943 г. в ЦК ВЛКСМ с учетом информации советских спецслужб список молодогвардейцев неполон, что в нем есть пробелы, с которыми трудно смириться родным и близким погибших членов «Молодой гвардии». До сих пор подвиг А.В. Ковалева, бывшего кумира молодогвардейцев, не отмечен даже медалью «Партизану Отечественной войны». Нет в списке героев и Юрия Полянского, хотя его тело было поднято в феврале 1943 г. из шурфа шахты и захоронено в братской могиле 1 марта 1943 г. Между тем представитель ЦК ВЛКСМ Торицын объявил его почему-то «пропавшим без вести», руководствуясь тем, что его сестру Серафиму заподозрили в предательстве еще одной группы подпольщиков под руководством М. Щищенко и Н.Сумского, которая действовала в Краснодоне в составе «Молодой гвардии» [7].

Мешала установлению причастности к организации и версия, согласно которой причиной провала и разгрома «Молодой гвардии» было предательство среди самих молодогвардейцев. Одним из первых после освобождения города был арестован Г. Почепцов. О том, что он, якобы, предатель, сообщил бывший следователь М.Е. Кулешов. Первое время Почепцова вызывали в следственные органы, допрашивали, но отпускали. На допросах он путался в ответах, не знал даже, как называлась подпольная организация: «Молот» или «Молодая гвардия». Он не знал, кто был кем в организации, он знал только свою «пятерку». В ходе допросов вспомнили, что его дядя, родственник отца, служил в полиции, а о том, что его отчима – коммуниста Громова, как и всю семью, преследовала полиция, знать не захотели. По совету все того же Кулешова Почепцов, уставший от допросов с применением физического воздействия, «признался» в предательстве. Он надеялся, что на заключительном заседании суда откажется, объяснится и ему поверят. Но... шла война. 15-летний Г. Почепцов был обречен на смерть, обвинен *без улик* в предательстве своих друзей.

Затем в число подозреваемых в предательстве молодогвардейцев попали не только некоторые ее члены, но и многие юноши и девушки, не имевшие к организации никакого отношения. История и художественная линия романа «боролись» друг с другом. 1970–1990-е гг. – это период особой активности. В эти годы остро встал вопрос о восстановлении доброго имени В. Третьякевича, его роли в организации и деятельности «Молодой гвардии».

Остро ставился вопрос о преувеличенной роли О. Кошевого в руководстве организацией «Молодая гвардия». Эти и другие проблемы пытались обсудить и решить оставшиеся в живых молодогвардейцы. Все вместе ни разу не собирались. Ни сами, ни ЦК ВЛКСМ, ни ЦК ЛКСМУ не догадались проявить такую инициативу. Молодогвардейцы, оставшиеся в живых, по-разному оценивали роль и место О. Кошевого и В. Третьякевича в работе «Молодой гвардии». Сегодня никого из них нет в живых.

Роман А.А. Фадеева – это документ эпохи. В нем отражены мысли и чувства молодежи военного времени, их характеры. Это произведение вошло в золотой фонд советской литературы, соединив в себе документальную правду и художественное осмысление. Сам А.А. Фадеев по этому поводу говорил: *«Хотя герои моего романа носят действительные имена и фамилии, я писал не действительную историю “Молодой гвардии”, а художественное произведение, в котором много вымышленного и даже есть вымышленные лица. Роман имеет на это право»* [8]. Однако многими, в том числе и историками, этот роман воспринимался как канонизированная история организации. Были годы, когда считалась крамольной сама мысль что-то уточнить или в чем-то усомниться.

История «Молодой гвардии» – это долгий и трудный поиск истины, причем сейчас это делать не легче, чем раньше: ведь сегодня история «Молодой гвардии» – это часть истории самостийной Украины. Но у нас была одна Великая Отечественная война, которая объединила все народы для разгрома врага, и «Молодая гвардия» – это часть нашего общего исторического прошлого, в котором важно отделить правду от художественного вымысла, отдать должное всем тем молодым людям, которые сражались с врагом, восстановить забытые или поспешно вычеркнутые чьей-то рукой добрые имена молодогвардейцев. Не будем забывать, что долгие годы люди, побывавшие в оккупации, старались не вспоминать об этом периоде жизни и предпочитали помалкивать, чтобы не оказаться за колючей проволокой. Действительность советского общества по отношению к уцелевшим участникам подполья порой была суровой, и требовала доказать, почему ты выжил, что помогло тебе спастись. Отвечать на эти вопросы было непросто: мешала подозрительность тех, кому было доверено устанавливать истину. Об этом не раз писалось в работах историков.

Хочется надеяться, что может быть, в связи с «круглой датой» создания «Молодой гвардии» будут отмечены наградами суверенной Украины те участники подполья, которые ранее не получили правительственных наград СССР. В течение 1990-х гг. не раз на страницах печати высказывалось предложение о ходатайстве перед правительством Украины о награждении организатора подполья «Молодая гвардия» Виктора Иосифовича Третьякевича высшей наградой суверенной Украины. Если это произойдет, то будет дополнительной страницей к истории «Молодой гвардии», но не последней. Поиск истины, как показывает история подполья г. Краснодона – это сложный путь

к правде, особенно, когда прошли годы, когда ушли в мир иной люди, знавшие о «Молодой гвардии». Но истина тем и хороша, что рано или поздно она будет установлена. Она нужна людям, как нить, связующая поколения, как очищение от скверны, как свидетельство того, что память о «Молодой гвардии» будет жить. Должна жить.

Примечания:

1. Семичастный В.Е. Беспокойное сердце. М., 2002. С. 51.
2. «Молодая гвардия» (г. Краснодон) – художественный образ и историческая реальность. М., 2003.
3. Там же. С. 4.
4. Там же. С. 5.
5. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. М-100. Оп. 1. Д. 38. Л. 64.
6. Там же. Ф. 71. Оп. 22. Д. 932. Л. 2.
7. Там же. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 341. Л. 31.
8. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1628. Оп. 2. Д. 89. Л. 2.

А.П. Стасюк

**«Молодая гвардия»:
СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

Великая Отечественная война занимает особое место в исторической судьбе России. Сохранение памяти о войне, ее событиях, героях и символах – важнейшая государственная и общественная задача. Агрессия нацистской Германии и ее союзников в годы Второй мировой войны сопровождалась установлением оккупационного режима в захваченных странах, вызывая ответное протестное движение населения, получившее название антифашистского Сопротивления. К настоящему времени термин «Сопротивление» приобрел устойчивый характер как научное понятие, подчеркивающее общность и массовость движения по борьбе с захватчиками в разных странах в годы Второй мировой войны [1].

Одной из наиболее крупных и известных молодежных организаций народного Сопротивления на оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны, была «Молодая гвардия». Она действовала в сентябре 1942 г. – январе 1943 г. в городе Краснодон Ворошиловградской (в настоящее время – Луганской) области Украинской ССР и насчитывала более 100 молодых людей, в большинстве своем комсомольцев. Командиром «Молодой гвардии» был И. Туркенич, комиссаром – В. Третьякевич, начальником штаба – И. Земнухов.

Члены «Молодой гвардии» выпустили и распространили более 5 тыс. листовок, участвовали вместе с подпольщиками-коммунистами в проведении диверсий в электромеханических мастерских, устроили поджог здания биржи труда, где хранились списки людей, предназначенных к вывозу в Германию, чем спасли около 2 тыс. чел. от угона на принудительные работы. Всего за период с сентября по декабрь было осуществлено 39 операций. Молодогвардейцы готовились устроить вооруженное восстание в Краснодоне, чтобы разбить немецкий гарнизон и присоединиться к наступающим частям Красной армии, но организация была раскрыта. После жестоких пыток 80 чел. были казнены – сброшены в шурф шахты и расстреляны [2].

После освобождения Краснодона в 1943 г. поднятые из шурфатела героев похоронили в братской могиле на центральной площади города и установили скромный обелиск. Пятерым молодогвардейцам в 1943 г. и И. Туркеничу в 1990 г. было присвоено звание Героя Советского Союза, трое награждены орденом Красного Знамени, 35 – орденом Отечественной войны 1-й степени, шестеро – орденом Красной Звезды, 66 – медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени. Подвиг молодогвардейцев – один из самых ярких примеров мужества советских граждан в борьбе с врагом в годы Великой Отечественной войны.

В память о «Молодой гвардии» и ее героях были названы населенные пункты, совхозы и колхозы, улицы, корабли, шахты и библиотеки, установлены памятники. Уже в сентябре 1945 г. был объявлен конкурс на лучший проект памятника молодогвардейцам. Лучшим был признан проект луганских скульпторов В.И. Мухина, В.И. Агибалова, В.Х. Федченко. Архитектурная часть проекта была разработана А.А. Сидоренко (г. Киев). 12 сентября 1954 г. состоялось торжественное открытие монумента «Клятва». В 1965 г. рядом с братской могилой была установлена гранитная стела «Скорбящая мать» как символ скорби матерей Краснодона о безвременно погибших сыновьях и дочерях (авторы – скульпторы П.И. Кизиев, А.А. Редькин, А.Ф. Самусь, архитектор Г.Г. Головченко). 2 октября 1982 г. к 40-летию создания «Молодой гвардии» был воздвигнут памятник «Непокоренные» на месте казни советских патриотов (создатели – скульпторы Н.В. Можаяев, Н.Н. Щербаков, Г.К. Слепцов, архитекторы В.Г. Десятничук, М.Г. Булкин) [3].

Особенно широкую известность «Молодая гвардия» приобрела после выхода романа А.А. Фадеева и снятого по нему художественному фильму С.А. Герасимова. Однако к моменту выхода книги и фильма не все вопросы создания и разоблачения «Молодой гвардии» были известны, а по ряду из них существовали ошибочные представления. В частности, считалось, что молодогвардейцев выдал В. Третьякевич, которого на самом деле в процессе расследования оговорил арестованный следователь полиции Краснодона М. Кулешов. В результате только в 1960 г. героически погибший комиссар

«Молодой гвардии»» В. Третьякевич был посмертно награжден Указом Президиума Верховного Совета СССР орденом Отечественной войны 1-й степени.

Дискутировались вопросы о роли партийных органов в организации и руководстве «Молодой гвардии», ее составе и численности, а также причинах разгрома: имело ли место предательство или свою роль сыграло превосходство нацистских спецслужб? В последние годы в украинской историографии появились публикации, стремящиеся доказать, что главную роль в борьбе с оккупантами играли вовсе не молодогвардейцы и другие партизаны и подпольщики, связанные с ВКП(б) и ВЛКСМ, а отряды ОУН. Очевидно, что они продиктовано новым политическим заказом и поиском «собственных» героев как основы для выработки национальной идентичности. В любом случае, существующие «белые пятна» и продолжающиеся дискуссии вокруг «Молодой гвардии» не могут умалить героизма ее участников, отдавших свои жизни в борьбе с врагом за независимость Родины.

Деятельность «Молодой гвардии» нашла отражение и в музейной практике. Ей посвящены Краснодарский областной музей «Молодая гвардия», музей «Памяти павших» в г. Ровеньки. По данным, собранным А.В. Дружининой, к 1991 г. были созданы 331 музей и постоянная выставка, носившие имя «Молодой гвардии». Они были созданы даже за пределами СССР: в школе русского посольства г. Женевы и в советской школе № 2 г. Улан-Батор Монгольской Народной Республики. Обычно толчком к созданию музеев, посвященных жизни и боевой деятельности молодогвардейцев, являлось не столько знакомство с романом А.А. Фадеева, сколько поездка в Краснодар, где молодогвардейцы давали клятву на верность Родине [4].

В последующем большинство музеев прекратило существование. В настоящее время в России продолжают свою работу не более 10 музеев «Молодой гвардии». Среди них и школьный исторический музей МБОУ СОШ № 32 имени «Молодой гвардии» Октябрьского района г. Ростова-на-Дону, за вклад в патриотическую работу удостоенный звания народного музея. Сохранение памяти о «Молодой гвардии» в Ростове-на-Дону представляется особенно важным в связи с тем, что многие ее участники родились, проживали или учились в населенных пунктах, входящих в настоящее время в Ростовскую область (Г.М. Арутюнянц, В.М. Борисов, В.С. Гуков и др.).

В целом, в Российской Федерации уделяется определенное внимание вопросам увековечивания памяти о героях народного Сопротивления в годы Великой Отечественной войны. С 2010 г. отмечается специальная памятная дата – День партизан и подпольщиков (29 июня), данной теме посвящены специальные музейные экспозиции, десятки памятников и мемориалов, тысячи работ различных авторов, произведений искусства, художественной литературы и кинематографа. Необходимы соответствующие изменения в справочных, научно-популярных и других изданиях, которые позволят уйти от искажений в освещении истории «Молодой гвардии».

Примечания:

1. При подготовке статьи использовались материалы экспертного заключения, подготовленного зам. директора ИСЭГИ ЮНЦ РАН, д.и.н. Е.Ф. Кринко по обращению Ростовского городского клуба молодежи и ветеранов «Патриот».
2. «Молодая гвардия» (г. Краснодар) – художественный образ и историческая реальность. Сб. документов и материалов. М., 2003.
3. Луганщина: памятники и памятные места. Луганск, 2007.
4. О школьных музеях «Молодой гвардии». URL: <http://www.fire-of-war.ru/mg/o-musee.htm>.

Е.В. Дьякова

**УЧАСТИЕ ПАРТИЗАН В БОЯХ С ГИТЛЕРОВСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ
ВЕСНОЙ – ЛЕТОМ 1942 г.**

Среди решающих битв Великой Отечественной войны особое место занимают сражения на территории Украинской ССР в мае – августе 1942 г. Эти битвы в советской историографии практически не освещались. О них писали историки в многотомных трудах (таких, как «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.» и «История второй мировой войны (1939–1945 гг.)») и журналисты в местной прессе. Но ни те, ни другие не акцентировали внимания на трагических последствиях этих столкновений. Историкам приходилось упоминать о событиях лета 1942 г., чтобы объяснить появление немцев на Кавказе и под Сталинградом. А журналисты областных и районных газет рассказывали о подвигах бойцов и офицеров Красной армии в этих боях. Но специально события весны – лета 1942 г. не изучались. Причиной такого отношения к этим событиям следует считать поражения, понесенные в них частями и соединениями РККА, поставившие страну на грань поражения, и выход вермахта к Волге и Кавказу.

Детальное изучение битв на востоке Украины началось относительно недавно – на рубеже XX–XXI вв. Поэтому некоторые аспекты исследования данной проблемы еще полностью не раскрыты. К таким вопросам относится и участие партизанских формирований в боевых действиях указанного периода. Целью данной статьи является рассмотреть участие харьковских и донбасских партизан в боях весны – лета 1942 г.

Боевые действия на харьковском направлении начались 12 мая и продолжались до начала августа 1942 г., когда советские войска отступили до Сталинграда и Кавказа. Захват гитлеровскими войсками восточной части Харьковской области в литературе упоминается под кодовым названием операции «Фридрикус-2» [1]. В связи с отступлением частей

РККА из Донбасса – Сталинской (ныне Донецкой) и Ворошиловградской (ныне Луганской) областей – проводились Воронежско-Ворошиловградская (28 июня – 6 июля) и Донбасская оборонительная (7–24 июля) операции.

Еще накануне Харьковской битвы в немецкий тыл было переброшено 19 харьковских партизанских отрядов общей численностью в 336 чел. [2]. Но из-за плотности войск противника не все смогли перейти линию фронта. Несколько отрядов осталась на советской территории, принимая участия в боях вместе с частями регулярной Красной армии. Уже 12 мая участвовал в боях за освобождение сел в своем районе Змиевский партизанский отряд № 65 (командир Я.А. Брехунец). На следующий день в бой вступили партизанские группы Сахновщанского и Красноградского районов. Народные мстители не только били врага, но и вели разведку, проводили подразделения красноармейцев в тыл врага с целью его окружения.

17 мая противник неожиданно из района Славянска – Краматорска контратаковал и через пять дней окружил три советских армии. Кольцо было настолько плотным, что вырваться из него оказалось практически невозможно. Только 22 тыс. чел. из 300 тыс. окруженных советских солдат и офицеров сумели прорваться к своим [3]. В такой ситуации во вражеский тыл были направлены: 20 мая – Нововодолажский партизанский отряд (командир – С.О. Лыба), 22 мая – Ворошиловградский отряд им. С.М. Буденного (командир – Герой Советского Союза И.И. Копёнкин) и группа краснокутских партизан, 23 мая – Изюмский отряд № 2 им. Хрущева (командир – А.М. Сало). Возобновили свою деятельность Барвенковский отряд (командир – М.К. Бородин), Липецкая и Чугуевская партизанско-диверсионные группы (командиры, соответственно, И.Н. Парнюк и Г.И. Нагорный).

В связи с окружением советских войск в районе Барвенково и Лозовой задачи партизан изменились: если раньше они вместе с регулярными частями РККА освобождали населенные пункты, то теперь должны были выполнять характерные для партизанской борьбы функции: совершать диверсии, взрывать штабы и склады противника, уничтожать оккупантов и предателей, а также помогать красноармейцам выходить из окружения. В то же время следует отметить, что изменились и условия борьбы. На территории, насыщенной гитлеровцами и попавшими в окружение красноармейцами, партизанам трудно было эффективно выполнять поставленные перед ними задачи. Бойцы и офицеры РККА, пытаясь спастись от плена или смерти, переодевались в гражданскую одежду. Поэтому гитлеровцы арестовывали всех мужчин без разбора, встречавшихся на их пути. Среди попадавших в плен было много партизан.

Несмотря на тяжелые условия, народные мстители пытались продолжать борьбу с оккупантами. Так, Липецкая группа помогла выйти из окружения 177-му стрелковому полку [4]. Командиры Нововодолажского и Ворошиловградского им. Буденного отрядов решили действовать совместно. Они нападали на подразделения вермахта и полицейские отряды, совер-

пали диверсии на коммуникациях врага. 30 мая мстители напали на лагерь военнопленных и освободили около 200 чел., часть из которых вступила в отряд [5].

Чтобы сохранить свои отряды, И.И. Копёнкин и С.О. Лыба пытались избежать столкновений с крупными силами противника, вступая в вооруженные схватки с небольшими отрядами вермахта или полицейских. Но это не всегда удавалось. 11 июня гитлеровцы окружили Краснокутский лес, в котором разместились отряды. Их силы значительно превышали численность партизан. И хотя, по разным источникам, они разнятся, можно предположить, что против 100 партизан действовали не менее 200 немцев, имевших на вооружении 2 средних танка, 4 противотанковых орудия и миномета [6]. Бой продолжался несколько часов. Оказавшись в плотном кольце, командиры отдали приказ бойцам разбиться на группы по 5 чел. и прорываться из окружения. Только незначительная часть партизан выжила. Их потери в бою составляли 40 чел. Часть партизан попала в плен (среди них и командир Герой Советского Союза И.И. Копёнкин). Судьба вырвавшихся из окружения партизан сложилась по-разному. Несколько человек в октябре 1942 г. присоединились к Волчанскому отряду им. Щорса (командир – И.А. Шепелев), который в это время был переброшен на оккупированную территорию. Некоторые вернулись домой, отказавшись от борьбы с врагом, а часть дошла до Сталинграда в надежде перейти линию фронта и выйти в советский тыл [7].

Липецкая партизанско-диверсионная группа передислоцировалась в Курскую область [8], а Чугуевская группа вместе с войсками отошла к Сталинграду, ее бойцы вступили в одно из подразделений Красной армии [9]. Летом 1942 г. на Харьковщине остались Изюмский, Барвенковский и Балаклеевский отряды. Несмотря на отчаяние от поражения и преследования карателей, смельчаки совершали диверсии против оккупантов, убивали гитлеровцев и их пособников, дезертиров РККА.

С активизацией военных действий в Донбассе началось формирование партизанских отрядов. Некоторые уже имели боевой опыт, приобретенный в 1941 г., поэтому в числе первых были переброшены на театр боевых действий летом 1942 г. В мае – июле в Сталинской и Ворошиловградской областях были сформированы и переброшены в тыл противника 11 партизанских отрядов [10]. Формированием большинства донбасских отрядов занимался недавно созданный Украинский штаб партизанского движения. Среди отличившихся отрядов этого региона следует отметить Славянский (командир – М.И. Карнаухов) и Краснолиманский (командир – Я.И. Сиворонов).

Славянские партизаны уже в мае 1942 г. активизировали борьбу с врагом. В этом месяце оккупанты попытались уничтожить отряд, применив авиацию [11]. Части партизан удалось спастись, отойдя к селу Дробышево. Несмотря на преследования гитлеровцев, бойцы партизанского отряда принимали участие в освобождении населенных пунктов, сборе и передаче советскому командованию разведывательных данных. 20 мая был создан

Краснолиманский отряд [12]. Вскоре он перешел в подчинение Наркомата обороны СССР (от Наркомата внутренних дел СССР) и стал выполнять задания военного командования.

В ночь с 27 на 28 июля на дороге между Ворошиловградом и селом Верхняя Ольховка партизаны напали на немецкую колонну и уничтожили 15 автомашин, одну бронемашину и около 60 солдат и офицеров вермахта [13]. После этого отряд скрылся в Кременском лесу. Узнав о месте дислокации народных мстителей, оккупанты попытались уничтожить отряд, но партизанам удавалось избежать ликвидации. Народные мстители постоянно избегали окружения, передвигаясь с места на место. За август произошло пять схваток смельчаков с гитлеровцами. В этом же месяце в отряд вступили окруженцы, и он увеличился до 356 чел. [14] (вначале насчитывал 76 чел. [15]).

8 июля ушел на оккупированную врагом территорию отряд под командованием Г.А. Ищенко (Галайды). Активно действовали Лисичанский отряд (командир – И.Г. Чаплин), Иловайская диверсионно-разведывательная группа (командир – П.П. Мачкарин) и другие партизанские отряды.

Одним из главных методов борьбы донбасских партизан были рейды по вражеским тылам. Территория региона бедна на лесные массивы, поэтому большинство отрядов дислоцировалась в Славянском и Краснолиманском районах Сталинской области. А для совершения диверсий партизаны проводили рейды по другим районам Харьковской, Сталинской и Ворошиловградской областей. В ходе таких рейдов смельчаки совершали диверсии на вражеских коммуникациях, подрывали склады с боеприпасами и продовольствием, уничтожали оккупантов и предателей Родины.

Сравнивая ситуацию, в которой оказались харьковские и донбасские партизаны, можно увидеть общее и различное в их борьбе. Общим было то, что все они боролись в условиях беспорядочного отступления советских войск и большой концентрации войск противника. При захвате территории оккупанты стремились как можно быстрее подавить сопротивление местного населения и уничтожить оказавшихся в окружении красноармейцев. При этом они использовали как свои специально сформированные для этого карательные отряды, так и отряды полицейских, сформированные из коллаборационистов.

Различными же были условия вступления в боевые действия народных мстителей. Харьковские партизаны начинали борьбу вместе с частями Красной армии, когда те наступали и освобождали родную землю. Донбасские мстители вступали в борьбу уже в условиях отступления советских войск. Следует отметить и разницу в психологическом настрое партизан: харьковские познали горечь поражений почти моментально после радости победы, среди них господствовало отчаяние, тогда как их донбасские соратники морально уже были подготовлены к борьбе в условиях окружения.

Летом 1942 г. и харьковские, и донбасские партизаны понесли большие потери. Прекратили существование 25 харьковских отрядов (не только из-за

разгрома, но и из-за отступления в советский тыл и расформирования). В ходе боев внушительными были потери командного состава харьковских отрядов: скончался от ран С.О. Лыба, пропали без вести Я.А. Брехунец и Д.В. Донцов (отряд Управления НКВД), попали в плен Герой Советского Союза И.И. Копёнкин, А.К. Кондратьев (Сахновщинский), Я.И. Пузиков (Староверовский). Психически заболел командир Змиевского отряда И.С. Любченко [16]. Среди донбасских командиров погиб И.Г. Чаплин [17].

Таким образом, в ходе боевых действия мая – августа 1942 г. были задействованы значительные силы партизан Харьковской, Ворошиловградской и Сталинской областей. Они не только принимали участие в освобождении населенных пунктов, но и выполняли свои прямые обязанности – совершали диверсии на коммуникациях противника, взрывали склады с продовольствием и вооружением, уничтожали оккупантов и их пособников.

Примечания:

1. Исаев А. Краткий курс истории ВОВ. Наступление маршала Шапошникова. М., 2005.
2. Государственный архив Харьковской области. Ф. П-2. Оп. 31. Д. 4. Л. 159–160.
3. Козак В.М. Через тяжкі випробування: Харківщина в роки Великої Вітчизняної війни 1941–1945 рр. // Книга Пам'яті України. Харківська область. Т. 1. Харків, 1994. С. 25.
4. Государственный архив Харьковской области (далее – ГАХО). Ф. П-2. Оп. 31. Д. 2. Л. 128.
5. Там же. Д. 2. Л. 97.
6. Там же. Д. 2. Л. 98. Д. 39. Л. 28.
7. Там же. Д. 39. Л. 39, 61об.
8. Там же. Д. 37. Л. 22–22об.
9. Зинченко А. Партизаны Чугуева // Красная звезда. Общественно-информационная газета Чугуевщины. Чугуев, Харьковская область. 2002. 21 сентября.
10. Бровар О.В. Партизанський та підпільний рух у Донбасі в роки Великої Вітчизняної війни (серпень 1941 – вересень 1943 рр.). Дисс... канд. іст. наук. Донецьк, 2003. Л. 80–97.
11. Там же. Л. 71.
12. Там же. Л. 82.
13. Там же. Л. 93.
14. Там же. Л. 84.
15. Там же. Л. 82.
16. ГАХО. Ф. П-2. Оп. 31. Д. 2. Л. 111.
17. Бровар О.В. Партизанський та підпільний рух у Донбасі в роки Великої Вітчизняної війни (серпень 1941 – вересень 1943 рр.). Дисс... канд. іст. наук. Донецьк, 2003. Л. 90.

Е.М. Самарина

**«ПОБЫВАЛ ОН И В НАЦИОНАЛЬНЫХ ГЕРОЯХ,
И В ПОДЛЫХ ПРЕДАТЕЛЯХ...»:
СУДЬБА МОЛОДОГВАРДЕЙЦА ВИКТОРА ТРЕТЬЯКЕВИЧА**

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. коснулась каждой семьи. Мой отец – Михаил Иосифович Третьякевич – был в партизанах. Его средний брат Владимир прошел всю войну от Кавказа до Германии, участник встречи на Эльбе. Младший брат Виктор, молодоговардеец, замучен фашистами и казнен в Краснодоне. Гибель Виктора – это трагедия нашей семьи, которую пришлось пережить дважды. После своей мученической смерти Виктор был оклеветан, стал жертвой мифологии, сочиненной на государственном уровне. Его братья стали братьями «предателя», их семьи всю жизнь испытывали глубокую боль и горечь.

Вспоминаю своих несчастных дедушку и бабушку Иосифа Кузьмича и Анну Иосифовну, на долю которых выпало тяжкое испытание – смерть 18-летнего сына – комиссара «Молодой Гвардии», клевета на него и забвение его имени как молодоговардейца на целых 16 лет. Мать молодоговардейца Сергея Тюленина Александра Васильевна не раз рассказывала об одном эпизоде: *«Когда награждали Золотой звездой Героя Советского Союза пятерых молодоговардейцев, то были приглашены в клуб им. Ленина все родители молодоговардейцев. Иосиф Кузьмич Третьякевич шел впереди нас с матерью Вити Анной Иосифовной. У входа в зал милиционер отстранил отца Вити, заявив: “А вам здесь делать нечего!”. У Иосифа Кузьмича подкосились ноги, и он упал. Мы помогли его донести до соседнего дома»* [1]. А ведь на глазах дедушки и бабушки у них в домике на «Шанхае» проходило зарождение и становление «Молодой Гвардии», они были свидетелями от первого до последнего заседания штаба.

Роман А.А. Фадеева «Молодая Гвардия» совершенно теряет свою ценность от того, что пропитан ложью. То, что случилось с Виктором, его переломанная судьба, лежит на совести многих людей. Приведу слова журналиста Кима Костенко: *«О судьбе Виктора писать бы не мне – Шекспиру. После своей поистине мученической смерти побывал он и в национальных героях, и в подлых предателях и снова в героях. Крутые зигзаги нашего общественного бытия прошли по нему бульдозером, и каждый оставлял свой след»* [2].

Когда враг подошел к Ворошиловграду в июле 1942 г., в городе был организован партизанский отряд под командованием Ивана Михайловича Яковенко. Комиссаром отряда был назначен старший брат Виктора Михаил. Виктор об этом узнал и стал тоже проситься в отряд. Он пошел к командиру, и его взяли связным. 14 июля 1942 г. отряд ушел в лес к Донцу, а 17 июля в 10 утра немцы уже заняли Ворошиловград. Вместе с молодежью отряда

Виктор принимал активное участие в боевых действиях. Но отряд просуществовал недолго. Немцы его обнаружили, и он был разбит. Виктор пришел в Ворошиловград, куда переехали из Краснодона его родители. Поскольку здесь было опасно находиться, он предложил им вернуться в свою хату в Краснодон. В конце августа он сначала сам туда ходил, останавливался у Володи Лукьянченко, а в сентябре и родители переехали.

В Краснодоне Виктор встретился со школьными друзьями, узнал, что в городе уже действует группа ребят. Он предложил всем собраться и на общем собрании по предложению Сергея Тюленина отряд назвали «Молодая гвардия», а Виктора избрали комиссаром отряда. Он по существу был и руководителем «Молодой гвардии». Иван Туркенич (судя по архивным материалам) появился в Краснодоне только в ноябре. По воспоминаниям оставшихся в живых молодогвардейцев, Виктор составлял планы действий отдельных групп не только в Краснодоне, но и в окружающих его поселках. Он часто ходил в близлежащие села и шахты для встречи с группами ребят.

В краснодонской газете, вышедшей вскоре после освобождения города, молодогвардеец Радий Юркин рассказал, что перед праздником 7 ноября 1942 г. в квартире Виктора заседал штаб «Молодой гвардии», где, по словам Радика, Виктор предложил вывесить красные флаги на больших зданиях города. Он также рассказал, как его принимали в комсомол в доме Виктора. Другие молодогвардейцы тоже говорили, что прием в комсомол проходил в сарае во дворе у Виктора, (а не у Кошевого, как написано у А.А. Фадеева, где жили немцы). Ольга Иванцова, член «Молодой гвардии», подробно рассказала брату Виктора Владимиру, как он организовал угон скота у немцев, для чего разработал подробный план действий. По ее словам, текст клятвы был написан Виктором. Конечно, он не один все делал, а вместе с товарищами, но во многих случаях был организатором и руководителем.

Родители Виктора рассказывали, что в их хате часто собирались молодогвардейцы, а он их просил в это время подежурить во дворе, чтоб неожиданно не зашли полицейские. Чтоб не очень бросались в глаза немцам сборы молодежи, по предложению Евгения Мошкова ребята организовали в клубе кружки. Виктор руководил струнным кружком. И сейчас в музее в Краснодоне есть список участников кружка, подписанный его рукой.

Различные действия молодогвардейцев против фашистов, листовки, которые они везде распространяли, заставляли полицию искать исполнителей. 1 января 1943 г. арестовали Мошкова, Третьякевича и Земнухова. Узнав об этом и испугавшись за себя, один из участников «Молодой гвардии» передал в полицию список многих ее членов. Пошли аресты молодежи. В камерах над ними издевались – били и пытали. Полиция узнала, что Виктор был одним из руководителей, и зверски его пытала.

Стойкое поведение Виктора в застенках полиции подтвердили на следствии в 1946 г. бывшие старшие следователи полиции Усачев и Черенков, которые пытали молодогвардейцев. 15 января 1943 г. первую партию ребят

повезли на казнь к шурфу заброшенной шахты, в том числе и Виктора. Черенков показал, что истязания не сломили Виктора и, более того, когда его сбрасывали в шурф, он схватил начальника полиции Захарова и пытался сбросить его вместе с собой. Но его ударил по голове рукояткой пистолета полицейский, и Виктора бросили в шурф еще живым.

14 февраля 1943 г. Краснодар и Ворошиловград были освобождены Красной армией от фашистов. 28 февраля достали из шурфа последних молодогвардейцев. Одним из последних был Виктор. Как и другие молодогвардейцы, он был сильно покалечен. Их похоронили на площади у парка. 15 марта на их могиле выступал И. Туркенич. В своей речи он называл Виктора комиссаром «Молодой гвардии», а в завершение сказал: *«А тебе, Витя, клянусь, что не один десяток фашистов уничтожу за тебя!»*. Это слышали все, кто был на митинге.

Впоследствии по навету людей, работавших с немцами, Виктора обвинили в предательстве «Молодой гвардии». Пойманный в Краснодаре после прихода Красной армии следователь Кулешов, рассчитывая запутать следы своих кровавых злодеяний и выгородить соучастников, оклеветал многих молодогвардейцев, в том числе и Виктора, назвав его предателем «Молодой гвардии». Это была ложь и провокация, рассчитанные на то, что подлинному предателю удастся скрыться, а клевета на комиссара будет иметь более сильное воздействие. 16 лет имя Виктора было вычеркнуто из рядов «Молодой гвардии», а комиссаром стали называть члена штаба организации Олега Кошевого.

Когда, наконец, перед судом предстали заместитель начальника полиции Подтынный и несколько его подручных, были найдены достоверные документы, специальная комиссия установила полную непричастность Виктора к гибели «Молодой гвардии». Все вымыслы недоброжелателей меркнут, потому что сам Витя их перечеркнул последними секундами своей жизни, когда он, истерзанный пытками, перед шурфом шахты бросился на врагов, пытаясь увлечь их с собой. Пусть это ему не удалось – его сбросили живым в шахту, но он – не предатель!

Постановлением бюро Луганского обкома от 10 февраля 1959 г. Виктор был реабилитирован. Вышел указ о награждении его орденом Отечественной войны 1-й степени. Еще в 1943 г. пятеро членов штаба «Молодой гвардии» получили посмертно звание Героя Советского Союза. К этому вспоминаются слова оставшегося в живых молодогвардейца, члена штаба, Василия Левашова: *«Я считаю, что шестым Героем должен быть он, Виктор, наш комиссар – яркая, магнитная личность»* [3]. В 1965 г. в с. Ясенки Курской области, где Виктор родился, был открыт ему памятник, как комиссару «Молодой гвардии». На открытии присутствовали молодогвардейцы Василий Левашов, Анатолий Лопухов и Радий Юркин.

Много комиссий работало по изучению деятельности «Молодой гвардии», и все они сделали вывод, что организатором и комиссаром «Молодой гвардии» был В. Третьякевич. Эти материалы находятся в Российском государ-

ственном архиве социальной и политической истории и включены в сборник документов [4].

Вспоминаю, как летом 1947 г. мы узнали, что набирают желающих сниматься в массовках в фильме Сергея Герасимова «Молодая гвардия». Нам, школьницам, конечно, это показалось интересным. И мы, три подруги, поехали на съемки к Донцу. Какие-то девушки под импровизированной крышей регистрировали участников массовки. Когда я назвала свою фамилию, они удивленно уставились на меня и спросили, не родственница ли я Виктору Третьякевичу. Я сказала: «Да!» и гордо на них посмотрела.

Толпы людей расположились на пыльной траве на большом пространстве около балки. Снимали сцены эвакуации и отступления. Очень активный и симпатичный был режиссер Генрих Богданович Оганесян. Он мелькал одновременно в разных местах. На нас троих он тоже обратил внимание, время от времени подбегал дать указания, в конце концов, привел нас корову, чтоб мы отступали с нею. Снимались такие сцены:

– Валько (артист С. Бондарчук) взбирался на полуторку и кричал с украинским акцентом: «Товарищи! В первую очередь женщин и детей!»

– Ваня Земнухов и Жора Арутюнянц идут в толпе, а с ними в плащ-накидке идет запыленный майор. Он произносит сбивчиво слова: «Ребята, да вы не знаете, какие вы ребята!».

Они шли по тропинке, сбегая в ложбину, а за ними катилась камера. Все сцены повторялись десятки раз, и нам уже становилось неинтересно их смотреть. Арутюнянца играл симпатичный артист Мгеладзе. Во время перерыва мы подозвали его к нашему месту и угостили красивыми красными яблоками. Он взял, поблагодарил и даже смутился. Этот эпизод поднял наше настроение.

Устраивались взрывы, огонь, летели вверх щепки, и вся толпа медленно шла вниз, к Донцу. Было жарко и пыльно. Верхом на лошади среди толпы разъезжал артист Глеб Романов, который в фильме играет Ивана Туркенича. А здесь, как нам сказали, он был помощником режиссера. За работу нам выдали по 50 руб.

Потом в центральной печати партия раскритиковала фильм за сцены паники и отступления, и весь наш труд пропал даром. Мы не попали на экран, наши массовые сцены были вырезаны.

Перед возвращением в Ворошиловград нас завезли в Краснодар. Прямо на улице возле старого здания музея собралась толпа вокруг матери Сергея Тюленина Александры Васильевны. Тут были и артисты. Она, в белом платочке, как на митинге размахивала кулаком и кричала: «*Комиссаром был Третьякевич, а не Кошевой! У Фадеева вранье! Я знаю, я сидела в полиции! Комиссаром был Третьякевич!*». И повторяла это много раз в разных вариантах. Толпа вокруг нее увеличивалась, все смотрели удивленно, молча. Я переглянулась со своими подругами, у нас в глазах стояли слезы. И у меня в душе что-то поднялось, затрепетало, готовы были вырваться рыдания, теснились какие-то

громкие слова. Мне хотелось крикнуть, чтоб услышали все: *«Витя! Дорогой наш Витя! Будь спокоен! Мы ни на минуту не сомневались в тебе! Верили, что в груди твоей билось до конца честное сердце настоящего героя!»*.

Однако, несмотря на архивные материалы, в новейших справочных изданиях [5], а также в новом фильме «Последняя исповедь» (2006), фигурируют версии романа А.А. Фадеева, везде руководящая роль приписывается О. Кошевому. Его же называют комиссаром. При составлении энциклопедий, как ни странно, историки не смотрят архивные документы, а ссылаются на беллетристику, такую, как «Повесть о сыне» Е.Н. Кошевой.

Мое беспокойство связано с тем, что до сих пор не принято мер, чтоб восстановить имя Виктора Третьякевича достойно его роли в деятельности «Молодой гвардии». Давно назрела необходимость это сделать. Нельзя допускать повторения ошибок в новых справочных материалах, фильмах, передачах.

Примечания:

1. Семистяга В.Ф., Козовский ЮМ. Жизнь, смерть и бессмертие Виктора Третьякевича // Жизнь Луганска. 1993. Сентябрь. № 39 (142).
2. Яковлева Т. На весах правды. Беседа с журналистов Кимом Костенко о том, как было восстановлено имя молодого гвардейца Виктора Третьякевича // Комсомольская правда. 1989. 5 января.
3. Белоусов М. Седьмая нота // Смена [Ленинград]. 1987. 30 сентября.
4. «Молодая гвардия» – художественный вымысел и историческая реальность. М., 2003.
5. Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 2003; Новая российская энциклопедия. Т. 9. М., 2011.

О.И. Столбовская

СУДЬБЫ ПАРТИЗАН МАТВЕЕВО-КУРГАНСКОГО РАЙОНА

История партизанского движения Великой Отечественной войны менее известна, чем военные действия ввиду его изначально скрытой подготовки и ведения. Поэтому и сегодня исследователей ждет немало открытий и трудностей при изучении этого явления. Занявшись историей партизанского отряда, действовавшего на территории Матвеево-Курганского района с начала оккупации в 1941 г., мы с учениками МБОУ Матвеево-Курганской сош № 1 изучили материалы Районного архива Администрации Матвеево-Курганского района, записывали воспоминания родственников партизан, изучили публикации местной прессы разных лет. В результате нам стала известна судьба некоторых членов партизанского отряда Матвеево-Курганского района.

Партизанский отряд в Матвеево-Курганском районе начал формироваться в конце сентября 1941 г. Руководителей района за неделю до оккупации вызвали в обком партии и объявили, что они мобилизованы в партизаны. При этом они сдали свои документы, партийные и комсомольские билеты на хранение. Александра Александровна Хайло показала нам справку, выданную ей в обкоме партии в 1943 г., где указывалось, что ее комсомольский билет находится на хранении. Командиром был назначен первый секретарь райкома партии Григорий Степанович Токарев, начальником штаба – секретарь районного исполкома Василий Ильич Афионов. Комиссаров по разным спискам было два – Константин Михайлович Китченко и Александр Григорьевич Гудзенко. Возможно, они выполняли эти обязанности в разное время [1].

В качестве рядовых бойцов в отряд тоже были включены достаточно известные в районе люди – председатели колхозов, руководители районных предприятий, члены бюро райкома партии. А.А. Хайло попала в отряд как член бюро райкома ВЛКСМ. Ей и Нине Гончаровой поручили работать в Больше-Кирсановке, разносить листовки, выполнять разные поручения секретаря райкома партии А.Г. Гудзенко. Все эти люди часто выступали на собраниях, митингах, общались с большим количеством людей. Существовал определенный риск, что им будет трудно оставаться незаметными, вообще как-то передвигаться по занятой врагом территории в условиях оккупации.

Ценным кадром для отряда оказался Василий Михайлович Скрипников, председатель Староротовского колхоза, свободно владевший немецким языком. С самого начала предполагалась, что он будет работать в немецкой комендатуре, чтобы снабжать отряд информацией. То, что подготовку подполья в районе не удалось сделать тайной, подтверждает письмо бывшего жителя Староротовки, лично знавшего В.И. Скрипникова, Э. Э. Бема (депортирован в Сибирь в начале сентября 1941 г. сегодня проживает в Германии.): *«Кроме Скрипникова для подпольной работы оставили и других, в частности Дадонова. С его сыном я немножко дружил, а его мать часто общалась с моей. Жили они в крайнем доме Ротовки № 3. Его отца, после начала войны, часто вызывали в Курган, но в армию не брали. В сентябре 1941 г. низко над горизонтом, по вечерам, сверкали зарницы, доносился тревожный гул. Дадонова доверчиво поделилась с моей матерью о том, что ее мужа не возьмут в армию, а оставят для выполнения каких-то заданий. К ним подъезжала чужая телега, чужие озабоченные мужчины привозили или увозили что-то накрытое брезентом»* [2].

В Районном архиве Администрации Матвеево-Курганского района хранятся списки отряда, датированные 3 апреля, 19 июля, 13 октября 1942 г. и 1 мая 1944 г. Все списки подписаны вторым секретарем райкома ВКП(б) С.Т. Соловьёвым, за исключением списка от 13 октября 1942 г. Эти списки составлялись тогда, когда отряд уже перестал существовать и перечисляют разных людей, повторяется только фамилия Токарева. Всего упоминается 33 фамилии, но имена ряда партизан не указаны. Например, не упоминают-

ся Дадонов, о котором пишет Бем, и Гончарова, о которой говорила Хайло. Нет в списках и фамилии Скрипникова. Видимо, в этом сказалась неосведомленность Соловьёва, так как Токарев уже находился в эвакуации, а, возможно, и какие-то личные счеты, так как Надежда Васильевна Серикова (Скрипникова) рассказывала о неприязненных отношениях ее семьи с некоторыми партийными работниками. Неясно также, члены какого отряда – первого или второго – указаны в самом позднем списке от 1 мая? [3].

17 октября 1941 г. началась первая оккупация района. Партизаны стали действовать. По мнению исследователей, «особенно ценными были их сведения о дислокации немецких войск. В этом партизаны оказывали большую помощь командованию советских частей» [4]. Они сжигали немецкие машины с боеприпасами и обмундированием, портили телефонную связь, переправляли через фронт сведения разведывательного характера. Где же они скрывались, ведь ноябрь – довольно холодное время года, и лесов в нашей местности нет? Об этом говорят воспоминания Е.Г. Добрица: *«Я в первую оккупацию жила у родителей мужа на хуторе Добрицы. Тесть сделал на доме двойной фронто́н, то есть на чердаке была потайная комната, которую никак было не видно – ни с улицы, ни с чердака. Там сделали нары, и там прятались пять человек – партизаны. Среди них были Гудзенко Александр (он был наш родственник – муж тети моего мужа), Афионов Василий (позже он был руководителем Таганрогского подполья), Скрипников, Китченко и еще один, не помню, кто, все бывшие руководители района. Они по ночам уходили на свои дела, а днем скрывались у нас. Знаю, что они взорвали два эшелона с немцами в Закадычном, а что еще, не знаю. У нас полный двор немцев, а на чердаке партизаны. Очень страшно было. Мы им стирали, кормили их. Пятеро мужиков, не шутка! Большой был риск, а у нас дети малые. Еды не хватало, мы даже побирались одно время. Скрывали их месяца четыре»* [5].

Еще одна пятерка под командованием Г.С. Токарева скрывалась в меловых карьерах в селе Машлыкино. Местные жители укрывали их, приносили еду и теплую одежду, но это село было дальше от стратегических объектов – районного центра, железной дороги, поэтому они имели меньше возможностей для партизанской работы. Часть партизан была вынуждена скрываться, практически так и не приступив к активным действиям. Другие члены отряда обеспечивали связь, были «явочниками» – держали дома с явками.

О существовании партизанского отряда в Матвеево-Курганском районе известно из книги Г. Гофмана «Герои Таганрога». Судьба отряда в нем описана верно: «Подполье было плохо организовано: люди проверены наспех, слабо знали друг друга. Василию неожиданно для него самого предложили остаться в Матвеево Кургане до прихода немцев. Он был утвержден в должности начальника штаба подпольной организации.

Конспирация подпольщиками почти не соблюдалась, о тайнике с оружием знали почти все. Не было ничего удивительного, что немцы на второй день после своего прихода уже обнаружили этот тайник. Один из подпольщиков

оказался предателем и выдал немцам оружие. На собрании было решено из Матвеева Кургана уходить. Некоторые ушли в Шахты, другие подались через фронт к своим. Так курганское подполье перестало существовать» [6]. Г. Гофман, хоть и писал художественное произведение, причины провала Матвеево-Курганского партизанского отряда охарактеризовал совершенно верно: отряд был плохо организован, не продумана система связи между пятерками. Они слабо представляли, что им нужно делать. Люди собирались в этот отряд по принципу «проверенных партийцев». Это означало, что они хорошо чувствовали, куда «дует ветер», поэтому уцелели во время «чисток». Одновременно это обстоятельство породило между ними недоверие, и они разбрелись, кто куда, в поисках безопасного места. Важными стали личные отношения – кто с кем дружил, общался, тот тому и доверял. Но о собрании партизан перед роспуском отряда больше сведений нет, и это кажется сомнительным. Члены отряда не доверяли друг другу, прятались, где могли. Как они собрались в таком случае вместе?

Н.В. Серикова рассказала, что семьи Афонова и Скрипниковых до войны дружили, общались, ездили друг к другу в гости. Хорошо знали друг друга и жены: *«Жена Афонова осталась в Кургане, он женился здесь, и сын у них был два года. Здесь у нее стояла рация. Афонов в Таганрог перебрался, а она здесь, и рация в подвале. Жену здесь чуть не расстреляли, выдали ее, что муж коммунист и начальник в райкоме, но обошлось, в полициях одноклассник ее был, отпустил. Только стало ей опасно здесь жить. И повезла она ему рацию в Таганрог на тачке. Картошки сверху насытала и сына посадила. Патрули немецкие останавливают, а она на хлопца показывает, дескать, его кормить надо, в город везу картошку. Так и привезла нашу курганскую рацию в Таганрог»* [7]. Опыт борьбы в партизанах, пусть неудачный, а также наличие рации и были решающим аргументом в назначении В.И. Афонова командиром всего таганрогского подполья. В Матвеево-Курганском районе он сохранил связь только с В.М. Скрипниковым. Командир Г.С. Токарев, А.А. Хайло и остальные уцелевшие члены партизанского отряда выбирались после его разгрома через линию фронта малыми группами, через плавни и по льду Таганрогского залива. После этого они были эвакуированы в Ставропольский край.

Позднее, в июле 1942 г., ввиду наступления немецких войск, была предпринята попытка создания второго отряда из 18 чел. под руководством С.Н. Соловьёва. Этот отряд был лучше вооружен, чем созданный в сентябре 1941 г., имел 20 винтовок, пулемет Дяттерева, мины, гранаты, 50 кг аммонита, действовал какое-то недолгое время в тылу противника, в основном, сосредоточившись на диверсионной работе [8].

Интересен способ переправы через фронт в декабре 1941 г. семьи Скрипниковых. Его дочь Н.В. Серикова рассказывала: *«Отец и Гудзенко получили задание после того, как фронт опять приблизился, перебраться на ту сторону дальше, разведку вести и к немцам внедриться. Гудзенко должен*

был тоже с ним быть, но пошел отдельно. Отцу надо было ехать в Ленинский совхоз (при немцах – хозяйство № 15). А мама в Полтаве. Он послал за нами парня. Им дали такой документ, что парень один перевез нас через фронт, ехали на телеге, свободно, днем, и наши солдаты-разведчики через фронт помогли перебраться» [9]. Можно сделать вывод о том, что советское командование придавало большое значение деятельности В.М. Скрипникова, а его семья с маленькими детьми была важной составной частью его роли в немецком тылу.

Судьба А.Г. Гудзенко долго оставалась неизвестной. Он был тяжело ранен, переправляясь через реку Миус по заданию отряда, его спасли местные жители, долго лечили. Затем он попал в действующую часть, воевал. Во время войны семью Гудзенко, как и других партийных работников, эвакуировали в Ставропольский край. Писем от мужа и отца они не получали всю войну. И вот 8 мая 1945 г. пришла похоронка, прислали вещи А.Г. Гудзенко. Оказывается, он погиб 12 февраля 1945 г. в Германии, в семье хранится удостоверение о награждении капитана А.Г. Гудзенко орденом Отечественной войны 2-й степени посмертно [10].

Видимо, тесные дружеские связи оставшихся членов отряда В.М. Скрипникова с В.И. Афоновым возобновились достаточно быстро. Скрипников помогал таганрогским подпольщикам с продовольствием, оружием, боеприпасами. Н.В. Серикова рассказывала: *«Он снабжал подполье. Надо было доставать взрывчатку. Отец ездил в Донецк Украинский, там на продукты менял взрывчатку, горючее, передавал Афонову» [11].*

Также Скрипников занимался освобождением советских солдат из Ново-Николаевского лагеря, помогал им скрыться. По словам Н.В. Сериковой: *«Это при немцах было не один раз, я помню. Вот мамка его собирает на работу, управляющий ведь, рубашка, костюм, все, как полагается, наглаживает. Перед обедом приходит в трусах – по огороду скрывается. Где одежда? Отдал человеку, надо было ему, а у меня еще есть. Последнюю рубашку мог с себя отдать, такой души человек. 28 человек смог отец спасти от лагеря наших военнопленных, пристраивал под видом мужей и сыновей к надежным людям, они на немцев в хозяйстве работали, спасались» [12].* Эти сведения подтвердились письмом группы военнопленных из 4-го механизированного корпуса, копия которого хранится в староротовской библиотеке. В нем, в частности, говорится: *«Мы, военнопленные 4-го мехкорпуса, во время прорыва в Анастасиевку попали в окружение и находились на территории совхоза имени Ленина. Управляющий Скрипников Василий Михайлович, когда полевая жандармерия забирала всех военнопленных в лагерь, спас всех военнопленных, выдал документы, снабжал продуктами питания. И с нашей стороны было замечено, что Скрипников В.М. связан с Таганрогским отрядом партизан, которых также снабжал продуктами. Мы одобряем его действия у немцев во время нашего пребывания в совхозе. Мы были спасены только им. Лейтенанты Крайнюков, Обижаев, Кругленко, Никулин и ещё 18 подписей» [13].* Именно

это письмо они вручили Елизавете Митрофановне Скрипниковой после освобождения района, чтобы она могла доказать, что ее муж не был предателем. Оригинал письма позже Е.М. Скрипникова сдала в райком партии, но сохранилась копия.

В.И. Афионов, командир таганрогского подполья, был арестован, как и В.М. Скрипников. По воспоминаниям Н.В. Сериковой: *«Отца 8 мая арестовали, а к нам поставили гестапо, и нас гестапо охраняло до 29 августа. Сменялись круглосуточно. Ждали, вдруг кто связной от подполье придет. И пришел гестаповец утром рано и сказал чисто по-русски, то дзеркатал, а то чисто по-русски: “Собирайся. Иди”. И взял мамкин подол, положил туда Ваську, нас с Женькой за руки и поволок в поле. Думали, расстреливать ведет. А он толкнул, велел идти дальше. “Иди!” Вывел по окопам и толкнул в поле. Мать с нами за руки идет и ждет, что будет стрелять в спину. Идет и идет. А потом оглянулась – а он ушел. Светает едва, так рано. А вокруг гроыхает. Фронт идет. Потом узнали, что в то утро нас на расстрел готовились. Тут дед один, был раньше партгором. И он нас спрятал в небольшую ямку, там заложил сверху навозом, дал кувшин молока и кусок хлеба. Сидим, ждем. Сушь была, пыль столбом, ветер гнал ее, даже в яме на зубах пыль. А вшей было тогда много. Мать сидит, вшей ковыряет у нас в платишках, ждем, что будет. Тут дед нагибается к нам, говорит: “Там немцы в подштанниках бегут”. Так фронт за нами и прошел стороной»* [14].

О том, что В.М. Скрипникова расстреляли 12 июля 1943 г. в числе 120 героев таганрогского подполья, семья узнала уже после освобождения, в сентябре 1943 г. Н.В. Серикова вспоминает: *«Нам передали после расстрела отца его вещи – рубашку вышитую, галифе и шинель. Мать поняла, что он расстрелян. Потом подтвердили из Таганрога знакомые. Потом брат рубашку и галифе носил, а мать себе стала шинель перешивать. И нашла зашитый в швах партбилет. Она с ним побежала к партгору Драчуку, в отчаянии отдала ему билет, чтобы рты закрыть. Упрекали ее, что муж предатель, она все время в отчаянии жила. Горячая была, ткнула ему и убежала. А он видно, Токареву передал. И она потом одумалась, пошла к нему, говорит, отдай память о муже – партбилет, а он отказался: “Не брал у тебя ничего”. Мать им все, что о нем оставалось, передала, а они в райкоме уничтожили, и посмотреть, чтобы вспомнить, теперь нечего»* [15]. Из-за вспыльчивости жены В. Скрипникова не осталось почти никаких доказательств того, что ее муж не был предателем. Родственники В.М. Скрипникова впоследствии очень долго добивались справедливости, чтобы его признали героем.

Матвеево-Курганский партизанский отряд просуществовал недолго, но его история, судьбы его участников существенно обогащают наши представления о Великой Отечественной войне. Однако остается еще много неясных вопросов с составом партизан, до сих пор не известны судьбы многих членов отряда. История Матвеево-Курганского партизанского отряда все еще ожидает своих исследователей.

Примечания:

1. Районный архив Администрации Матвеево-Курганского района. Ф. 3. Оп. 1. Д. 65. Л. 2.
2. Из письма Бема Эвальда Эдуардовича, 1929 г.р., О.И. Столбовской от 5 апреля 2012 г.
3. Матвеево-Курганский архив. Ф. 3. Оп. 1. Д. 65. Л. 10.
4. Корольченко А. Миусские рубежи. Очерки о местах боевой славы. Ростов н/Д, 1971. С. 9.
5. Респондент: Добрица Екатерина Григорьевна, 1922 г.р. Записана О.И. Столбовской в поселке Матвеев Курган Ростовской области в августе 2004 г.
6. Гофман Г. Герои Таганрога. Ростов н/Д, 1975. С. 85–86.
7. Респондент: Серикова (Скрипникова) Надежда Васильевна, 1936 г.р. Записана О.И. Столбовской в селе Староротовка Матвеево-Курганского района Ростовской области в августе 2012 г.
8. Матвеево-Курганский архив. Ф. 3. Оп. 1. Д. 65. Л. 1.
9. Респондент: Серикова (Скрипникова) Надежда Васильевна...
10. Отважный воин // Звезда. 1975. 27 мая.
11. Респондент: Серикова (Скрипникова) Надежда Васильевна...
12. Там же.
13. По материалам Староротовской библиотеки.
14. Респондент: Серикова (Скрипникова) Надежда Васильевна...
15. Там же.

РАЗДЕЛ 3

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ, ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА

А.С. Сеньявский

ФЕНОМЕН МАССОВОГО ГЕРОИЗМА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И РОЛЬ ИДЕОЛОГИИ И ПРОПАГАНДЫ В ЕГО ФОРМИРОВАНИИ*

Героизм – позитивно и высоко оцениваемое социальное поведение человека, проявляющего готовность жертвовать главными личными ценностями (вплоть до самой жизни) во имя общих интересов и совершающего подвиг. Как правило, это экстраординарное для истории поведение, которое сохраняется в памяти поколений данного социума (этноса, народа, государства). Некоторые из исторических героев проходят в памяти народов через века и тысячелетия, превращаясь в образцы поведения в экстремальных ситуациях, формируя национальный характер. Еще реже – проявление коллективного героизма, остающееся в памяти потомков, иногда – всего человечества (например, «триста спартанцев» – античных героев Греции). Явление же массового героизма – поистине уникально для человеческой истории.

Таким явлением стал феномен массового героизма в период Великой Отечественной войны, которая, как ни одна война в истории, вызвала к жизни готовность к самопожертвованию миллионов советских людей, вставших на защиту Отечества. Несомненно, в зарождении этого феномена решающую роль сыграл сам характер войны против фашистского агрессора – не на жизнь, а на смерть, против реальной угрозы ликвидации России как страны и цивилизации, уничтожения ее народов. Чрезвычайная ситуация войны с беспощадным и могучим агрессором, поставившим СССР и его народы на грань уничтожения, сплотила советских людей в их общем сознании выбора:

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект №11-01-00363а.

или война до победы, или гибель. В полной мере это сознание пришло не сразу, а после жестоких поражений начала войны, зверств немецко-фашистских оккупантов на занятых территориях.

Немалое значение имела и общественная система, открывшая большинству народа, бывшим низам общества, путь к образованию, повышению социального статуса, уровня и качества жизни, что обеспечивало восприятие власти как «своей». К началу войны морально-психологическая ситуация в обществе была существенно иной, гораздо более сложной и разнообразной. И в ее складывании было несколько измерений: социальное, возрастное, психологическое, идеологическое, и др.

Во-первых, социальное. Революция, Гражданская война, двадцать лет советской власти с переходом от политики «военного коммунизма» к НЭПу и далее к форсированному строительству социализма, с мобилизационной моделью экономики, далеко не добровольной коллективизацией, ускоренной индустриализацией, культурной революцией, уравнительными тенденциями в распределении – все это радикально «перепахало» постреволюционное российское общество. С одной стороны, ликвидация прежних элитарных слоев (дворянского и купеческого сословий, основных фрагментов буржуазных классов) во многом нивелировало социальную структуру, поставило человека труда (подавляющее большинство населения) на вершину социальной пирамиды, оказавшейся «перевернутой», открыло шлюзы для мощной социальной мобильности низов и повышения их социального статуса (из сельских жителей в горожане, из крестьян – в рабочие, из всех категорий работников физического труда – в интеллигенцию и руководители и т.д.). Для всех категорий трудящихся открылись невиданные ранее перспективы. Советскую власть, давшую землю крестьянам, развернувшую мощные стройки индустриализации, требовавшей все больше квалифицированных и образованных работников и специалистов, открывшую доступ к обучению, получению образования вплоть до высшего, поддержало большинство населения. С другой стороны, в стране оказалось немало людей, понесших ущерб от новой политики – «бывших», лишившихся прав, собственности, а нередко и средств к существованию, имевших погибших или эмигрировавших родственников; раскулаченных, репрессированных, выселенных и сосланных в отдаленные регионы (что стало одним из источников такого масштабного явления в годы войны, как коллаборационизм). Категории обиженных советской властью были разнообразны – от аристократов до бывших коммунистов, но их было намного меньше, чем тех, кто получил социальный выигрыш. И хотя общество не являлось социально «монолитным», но было намного более социально однородным, нежели перед Первой мировой войной, мотивы участия в которой для десятков миллионов людей оказались весьма невяжны. Теперь их дети готовы были защищать «завоевания Великого Октября», свою страну и свою власть. И Красная армия была действительно народной, а не сословной, не кастовой как до революции.

Во-вторых, демографическое измерение, а точнее, возрастное. К 1941 г. при советской власти выросли целые поколения молодых людей, родившихся в 1922–1927 гг., которые, собственно, и вынесли на своих плечах основную тяжесть войны. Кадровая армия, состоявшая из зрелых людей, была в основном выбита, полегла, попала в плен в первые месяцы войны, сдерживая натиск фашистских войск на восток. Юноши 18–20 лет составили костяк армии, отбрасывавшей врага на запад, вплоть до Берлина. Это было поколение людей, уже вкусивших плоды революционных преобразований и получивших советское воспитание, а значит, соответствующее мировоззрение, в основе которого лежала коммунистическая идеология, советский патриотизм, установки готовности к самопожертвованию – «и в труде, и в бою».

Несомненно, идеология и эффективная пропаганда внесли свой весомый вклад в формирование феномена массового героизма. Они четко обозначили жизненные ценности, поставленные агрессией под угрозу, ориентировали на всенародное сопротивление врагу, мобилизовали на борьбу и показывали образцы жертвенного, героического поведения для всех и каждого. Но чтобы эффективно реализовать свои функции, идеология и пропаганда в условиях *такой* войны должны были претерпеть значительные изменения, приспособиться к решению текущих судьбоносных задач. И война действительно внесла соответствующие коррективы в советскую идеологию и пропаганду.

Советская идеология декларировала цели строительства социализма и коммунизма, классовый подход был в ней системообразующим, как одну из ключевых ценностей она провозглашала победу мировой пролетарской революции. Вместе с тем, за два десятилетия, к началу 1940-х гг. произошло смещение акцентов с одних элементов идеологии на другие: возобладала концепция о возможности победы социализма в одной отдельно взятой стране, а мировое революционное и пролетарское движение, при сохранении прежней фразеологии, стало рассматриваться как инструмент обеспечения государственных интересов СССР.

Советский человек и, в частности, советский солдат был воспитан в классовой пролетарской идеологии, через призму которой формировалось их отношение к различным сторонам жизни в своей стране и в мире. Через эту призму перед войной их ориентировали воспринимать врага, вычленив рабочего и крестьянина, отделяя их от «господ-эксплуататоров». Но были и более глубинные, выработанные столетиями механизмы национальной психологии русского народа и народов, включенных в его цивилизационную орбиту, и в их ряду способность морально-психологической мобилизации в условиях внешней угрозы. Целенаправленная идеологическая подготовка к войне не противоречила этим архетипическим механизмам, а напротив, накладываясь на них, оказывала весьма эффективное воздействие, формируя у населения психологическую установку на готовность к отпору внешней агрессии.

С началом Великой Отечественной войны эта установка оказалась способной относительно быстро нейтрализовать ряд негативных для моби-

лизирующей функции факторов: неожиданную смену и дезориентирующее влияние ситуационной пропаганды непосредственно в канун войны, когда фашистская Германия официально рассматривалась как союзник, не собиравшийся нападать на СССР; тяжелое кадровое и моральное состояние армии в результате предвоенных репрессий; переоценку собственных сил и возможностей и недооценку потенциального противника, в том числе как следствие пропагандистских воздействий; классовые иллюзии о поддержке СССР пролетариатом Европы и особенно Германии в случае внешней агрессии; и др. Эти надежды на «классовую сознательность» германского пролетариата были мгновенно развеяны с началом фашистской агрессии. Ответом на нее стал всплеск патриотических настроений, который, несомненно, стал одним из решающих факторов перелома хода войны, начавшейся для СССР предельно драматично. Сотни тысяч добровольцев готовы были отправиться на фронт. Традиционным для судьбоносных войн России, когда на ее территорию вторгался агрессор, было и создание народных ополчений.

В отличие от Первой мировой, справедливый, оборонительный характер Великой Отечественной войны был очевиден. Основная масса населения понимала, за что идет война, и готова была к самопожертвованию, длительным тяготам и лишениям во имя Победы. В обществе существовало гораздо меньше социальных противоречий, и можно говорить в значительной степени о его морально-психологическом единстве относительно базовых ценностей (национальная независимость, рост экономики и благосостояния, социальная справедливость, и др.). Не всеми разделялись партийные установки на социалистическое строительство, но сама социалистическая идея в результате успехов первых пятилеток обрела широкую популярность. При этом характер фашистской агрессии, нацеленной на порабощение и истребление целых народов, обусловил особую ожесточенность сопротивления.

Еще в самом начале войны, когда враг вероломно вторгся в пределы страны, начался новый этап существенной трансформации советской идеологии, что было вызвано угрозой существованию советского государства, а вследствие этого необходимостью мобилизации дополнительных внесистемных ресурсов. В области массового сознания они лежали за пределами господствовавшей идеологии, которая вынуждена была инкорпорировать их в свой состав, приспособив к общим системным принципам. Такой подход предполагал перенесение акцента с классовости на государственно-патриотические идеи, с «пролетарского интернационализма» на национально-государственные ценности, обращение к историческим национально-государственным традициям, национальному самосознанию и религиозному сознанию.

И властью была найдена та единственно точная патриотическая тональность, которая сохранялась на всем протяжении Великой Отечественной. Она стала одним из решающих факторов поддержания морально-психологического состояния в стране, которое в основном оставалось высоким даже при неблагоприятном для СССР развертывании событий на фронтах. Существенную роль

в этом сыграла корректировка официальных идеологических формул, сместивших акценты с идеи классовой борьбы на национально-государственное единство в противостоянии агрессору, на единство власти, армии и народа [1]. Даже ключевой пропагандистский лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» был вытеснен лозунгом «Смерть немецким оккупантам!».

Потери советских войск были огромны. Уже в первый месяц войны безвозвратные потери составили 1 млн чел., из них 700 тыс. пленными. Территория СССР, занятая вермахтом, превысила 1,5 млн кв. км – в три раза больше территории Франции [2]. Война приобретала характер смертельной схватки с врагом не только существовавшей системы и государства, но и населявших СССР народов, действительно становилась Отечественной и национально-освободительной [3].

В тяжелейший период начала войны, ставший шоком для страны, народа и власти, И.В. Сталин обратился к национальным чувствам русского народа, назвав войну против фашистской Германии великой, всенародной, Отечественной, а в драматический период, когда враг стоял у стен Москвы, вспомнил ключевые имена деятелей русской истории: Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова [4]. Классовые лозунги заменялись патриотическими. Приказом наркома обороны СССР 18 сентября 1941 г. ряд дивизий за боевые подвиги были переименованы в гвардейские.

К концу ноября 1941 г. наступательный порыв вражеских войск иссяк, они перешли к обороне. Главная цель начального периода войны – «Выстоять!» – была выполнена в значительной мере благодаря морально-психологической стойкости народа. В битве под Москвой войска Красной армии победили превосходившие по численности в 1,4–1,6 раза силы противника [5]. Таким образом, истоки Победы были заложены уже в самом начале войны, когда врагу не удалось сломить моральный дух народа, сумевшего выстоять в тяжелом испытании 1941 г. [6].

Идеологические изменения проявлялись не только в речах руководителей государства и политических лозунгах. Были учреждены воинские награды, носившие имена прославленных русских полководцев и флотоводцев (ордена Александра Невского, Суворова, Кутузова, Нахимова, медаль Ушакова). Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 января 1943 г. для личного состава РККА были введены новые знаки различия – погоны.

Введение формы, напоминавшей дореволюционную, возвращение золотых погон вместе со словом «офицер» являлось символическим изменением отношения к русским воинским традициям и к русскому офицерству, что нашло в целом позитивный отклик в массовом сознании. Эти символические новации имели целью позиционировать советское государство, в отличие от первых послереволюционных лет, не как антипода всей предшествующей истории России, а как естественного преемника и наследника, защищающего вековые ценности цивилизации и населяющих страну народов.

Смещение акцентов на патриотические мотивы затронуло, помимо области классовых отношений, и национальные. В мае 1943 г. было принято решение о роспуске Коминтерна, что отражало фактический провал идеологии пролетарского интернационализма: пролетариат фашистских государств воевал против страны «пролетарской диктатуры». В своих речах И.В. Сталин все чаще обращался именно к русскому народу, к его традициям, героическим событиям и историческим символам, а после разгрома фашистской Германии, особо отмечая жертвенность, стойкий характер и терпение русского народа, провозгласил тост за его здоровье, *«потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза»* [7]. Таким образом, в ходе Великой Отечественной войны патриотизм (наряду с коммунизмом) официально был включен как неотъемлемая часть в советскую идеологию.

Важным аспектом идеологической трансформации стала область религиозного сознания. Начался трудный и постепенный процесс нормализации отношений с православной церковью, которая в первый же день войны 22 июня 1941 г. благословила всех православных на защиту Родины. Со своей стороны государство меняло политику в отношении церкви: не препятствовало верующим отмечать церковные праздники, не закрывало православные храмы и приходы. Для взаимодействия правительства и церкви при Совнаркоме СССР был создан Совет по делам Русской православной церкви. В сентябре 1943 г. был образован Священный Синод, а митрополит Сергей избран Патриархом Московским и всея Руси. Происходила определенная нормализация отношений и с рядом других конфессий.

Чрезвычайно важное значение имели идеолого-пропагандистские институты контроля над армией и обществом, которых не было у царской власти (партия, комсомол, разветвленная система общественных организаций, в армии – сначала комиссары, а позже политработники, органы госбезопасности, они же карательные институты). Правительственные установки с самого начала войны переводились в ясные, чеканные формулы и лозунги, которые обычно формулировались И.В. Сталиным и доводились до сведения каждого бойца, а в тылу – до каждого гражданина. «Наше дело правое, – победа будет за нами!» – убеждало народ в справедливом характере войны со стороны СССР и внушало уверенность в неизбежности Победы. «Все силы народа – на разгром врага!», «Все для фронта, все для Победы», – было смыслом мобилизации народа в советском тылу. «Смерть немецким оккупантам» – было установкой для бойцов РККА.

Основным механизмом внедрения идеологических формул, выработавшихся «на высшем уровне», в массовое армейское сознание, являлись средства партийно-политической и агитационно-пропагандистской работы в войсках. При этом постоянно осуществлялся контроль за настроениями в армейской среде, «обратная связь», позволявшая корректировать действия политико-пропагандистского аппарата, повышать эффективность его воздей-

ствия, устранять «возмутителей спокойствия», отслеживать и пресекать нежелательные настроения. И здесь политические органы тесно взаимодействовали с карательными – СМЕРШем, особым отделом, военным трибуналом.

Особое значение имела пропаганда примеров героического поведения. Обращение к героическим примерам, целенаправленно представлявшимся как образец для массового подражания – важный момент в поддержании духа войск. Особенностью его в годы Великой Отечественной войны была беспрецедентная роль государства в формировании символов [8]. Поэтому его символообразующая роль оказалась столь действенной и эффективной, а совокупность сформированных символов – объективно необходимой и адекватной стоявшим на разных этапах войны задачам. Учитывая, что интересы государства и народа, системы и общества в этот период совпадали в главном, в выживании страны перед лицом смертельной опасности, можно считать, что и пропагандистская машина обслуживала прежде всего национально-государственные интересы. Созданные во время войны символы представляли собой сочетание подлинных событий, отраженных в «зеркале пропаганды». Органы пропаганды отбирали и шлифовали факты, создавая *символы* как отвлеченно-обобщенные примеры для подражания. Только единичные имена могли врезаться в память миллионов, став образцом. Но героями становились сотни тысяч людей.

Идеологический фактор в войне не только смыкался и переплетался с психологическим, но нередко оказывался ведущим: от сильной, «грамотной» идеологической мотивации войны, от интенсивности и точности «политико-воспитательной работы» напрямую зависело морально-психологическое состояние войск [9]. Идеология формировала фундаментальные мировоззренческие установки, а пропаганда обеспечивала морально-психологическую мобилизацию на борьбу с врагом, обращалась к чувствам людей, к образному мышлению, предъявляла образцы поведения для массового подражания на фронте и в тылу. Смертельная опасность, нависшая над страной с началом войны, привела в действие глубинные психологические механизмы, которые не раз в российской истории спасали страну, находившуюся на краю пропасти. Произошел подъем всех моральных сил народа, оказались задействованы его вековые традиции, готовность к самоотверженности, самоотречению и самопожертвованию во имя спасения своей страны. Массовый героизм проявляли не сотни и тысячи, а миллионы людей, не только на фронтах, но и в тылу.

Идеология претерпела резкую трансформацию, задвинув на задний план классово-космополитические установки и переориентировавшись на национально-государственные, патриотические. Трансформированная идеология выполнила свою задачу, обеспечив мобилизацию народа на сопротивление агрессору, достаточно прочное единство фронта и тыла даже в самый трудный период войны, когда ни огромные потери, ни временные поражения не смогли поколебать доверие народа к власти. Вероятно, только куму-

лятивный эффект от взаимодействия мобилизующей советской идеологии, мощного пропагандистского воздействия и мобилизационного потенциала психологии народа мог спасти страну в почти безнадежной, катастрофической ситуации начала войны, помог выстоять в многолетнем противостоянии чрезвычайно сильному, беспощадному и фанатичному врагу.

Примечания:

1. Подробнее см.: Сенявский А.С. Советская идеология в годы Великой Отечественной войны: стабильность и элементы трансформации // Сторінки воєнної історії України. Зб. наук. ст. Вип. 6. Київ, 2002. С. 16–19.
2. Кульков Е., Мягков М., Ржешевский О. Война 1941–1945. Факты и документы. М., 2001. С. 55–56.
3. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С. 264.
4. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 15, 40.
5. Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. М., 1984. С. 123.
6. См.: Сенявская Е.С. Предчувствия и реалии войны: массовое сознание в СССР до и после 22 июня 1941 г. // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2011. № 2(20). С. 18–28.
7. Сталин И.В. Указ. соч. С. 196–197.
8. Сенявская Е.С. 1941–1945. Фронтовое поколение: историко-психологическое исследование. М., 1995. С. 126–127.
9. См. подробнее: Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Идеология войны и психология народа // Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2010. С. 122–235.

Е.Ф. Кринко

ВЕРА И СУЕВЕРИЯ ФРОНТОВИКОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

Религиозная жизнь советского человека долгие годы оставалась одной из наименее исследованных проблем истории Великой Отечественной войны. Только в последние два десятилетия в ее изучении наметился существенный перелом, выразившийся в появлении целого ряда обобщающих и специальных исследований. В основном они посвящены институциональным взаимоотношениям власти и церкви в условиях военного времени, а также развитию

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 12-01-00127а «Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945)».

религиозной жизни на оккупированных советских территориях [1]. В то же время вопросы, связанные с верой и суевериями у фронтовиков и той роли, которую они играли в их жизни, остаются за редким исключением недостаточно разработанными [2].

Необходимо учитывать, что военнослужащие действующей армии в 1941–1945 гг. представляли собой особую социальную группу в составе советского общества. Тем не менее на их представлениях не могли не сказываться ценности социальной среды, в которой происходило духовно-нравственное становление и формирование личностных качеств будущих комбатантов. Это обуславливает целесообразность обращения к степени религиозности всего советского населения перед Великой Отечественной войной, нашедшей отражение в материалах Всесоюзной переписи населения СССР 1937 г. В ходе ее подготовки советские граждане старше 16 лет должны были определить свое отношение к религии, а верующие – назвать свое вероисповедание. Ранее статистики считали подобный вопрос некорректным, но при подготовке переписи его вписал лично И.В. Сталин, которому никто не стал возражать. Вероятно, советское руководство после двух десятилетий откровенно антирелигиозной политики рассчитывало получить подтверждения полной победы атеизма в стране, но эти ожидания не подтвердились. Согласно результатам переписи, верующих среди лиц в возрасте 16 лет и старше в СССР оказалось 55,3 млн чел. (56,7 %). При этом христианами признали себя 43,79 % опрошенных (почти 80 % всех верующих), в том числе: православными – 42,29 %, григорианами – 0,14 %, католиками – 0,49 %, протестантами – 0,47 %, старообрядцами – 0,4 %. Мусульманами – 8,39 %, иудеями – 0,29 %, буддистами – 0,08 %, сторонниками традиционных верований – 3,62 %. Неверующих оказалось 42,2 млн чел. (43,3 %). В действительности верующих было больше: 20 % опрошиваемых вообще уклонились от ответа на вопрос о религии, а часть, очевидно, дала неискренние ответы, опасаясь возможных преследований [3].

Особый интерес вызывают данные переписи об отношении к религии представителей различных возрастных когорт. Среди верующих преобладали люди старших возрастов, а каждая более молодая когорта населения СССР проявляла значительно меньшую религиозность по сравнению с предыдущей. Например, в возрастной группе 20–29 лет православные составили 32,7 %, мусульмане – 7,1 %, в то время как атеисты – 55,3 %. В возрастной группе 16–19 лет православные составили 25 %, мусульмане – 5,5 %, а атеисты – уже 62,3 %. Верующие также преобладали среди неграмотных и женщин (на 100 православных женщин приходился всего 51 мужчина) [4].

Результаты переписи признали неудовлетворительными и засекретили, а при проведении Всесоюзной переписи населения СССР 1939 г. вопрос о религии был исключен из переписного листа. Тем не менее можно уверенно считать, что к началу Великой Отечественной войны более половины населения страны составляли верующие. В Вооруженных силах СССР количество

верующих было меньше, чем в стране в целом, поскольку в них служили преимущественно мужчины молодого и зрелого возраста. В 1941 г. на военной службе находились юноши 1919–1922 гг. рождения, которым в 1937 г. было по 15–18 лет – представители демографической группы, в которой были наиболее сильны атеистические воззрения. К тому же сама служба в рядах РККА также оказывала соответствующее воздействие на формирование материалистического мировоззрения у молодых людей.

Однако доля верующих в Вооруженных силах СССР оставалась весьма значительной. Об этом свидетельствуют материалы книги эмигранта В.М. Зензинова, основанной на письмах, собранных у погибших советских красноармейцев в годы советско-финской войны 1939–1940 гг. и беседах с советскими военнопленными. Всего им было собрано и использовано 542 письма, при этом только в одном из них, по словам автора, «религиозный момент трактуется специально и в том именно духе, какого требовала четверть вековая антирелигиозная правительственная пропаганда». В большинстве остальных писем нередко встречаются обращения к Богу, призывы о Божьей помощи, родительские благословения: «и не всегда все это носит один лишь бытовой характер, проявление укоренившейся с детских лет привычки. В этих привычных, видимо, выражениях чувствуется иной раз и подлинное религиозное чувство» [5].

С началом войны была проведена мобилизация военнообязанных 1905–1918 гг. рождения, в августе 1941 г. – дополнительная мобилизация военнообязанных 1890–1904 гг. рождения. Вместе с ними призывали призывников 1923 г.р., а в 1942–1945 гг. – призывников 1924–1927 гг. Всего за годы войны действительную военную службу проходили 29 575 тыс. чел., вместе с кадровым составом – 34,5 млн чел. В результате мобилизации старших возрастов количество верующих в армии существенно возросло. Призывники 1922–1927 гг., среди которых доля верующих была меньше, составляли 6 568 059 чел. [6] или менее 1/5 общей численности советских военнослужащих.

Разумеется, возраст не является единственным показателем, определявшим отношение участников войны к религии, существенное значение имело также их социальное происхождение, полученное воспитание, выполнявшие на фронте профессиональные и политические функции. А.П. Толстиков вспоминал: *«Дедушка мой кубанский казак, бабушка донская, они сильно верующие были. Поэтому и нам привили [веру]. Мы никто не курили, пьем по великим праздникам, Пасху всегда соблюдали, Рождество»*. Далее он отмечал, что среди окружавших его солдат *«верующие были, были среди нас. Кушать садятся, крестились. Но честно сказать, я сначала крестился, а потом забыл. Как-то все это отходит, отходит, потом я был секретарем комсомольской организации»* [7]. Другие участники войны категорично заявляют: *«Не было никакой поповщины... Все были атеистами»* [8]. Третьи, отмечая: *«Мы же атеисты... Да, атеисты. Поэтому каких-то (как их назвать?..) амулетов,*

талисманов не было. У нас такого и в мозгах не было», признают, что в части были верующие, несмотря на всю политическую работу комиссаров: *«Может, кто-то тайно. Может, кому-то и крестик вешали дома... верующие-то были. Но никто это не рекламировал. Это было в индивидуальном порядке... потому что, вот, политрук, вот он рассказывает лекцию, потом замполитрука был. Они все время вели работу»* [9].

Среди городской молодежи верующих было значительно меньше, чем среди сельской. Краснодарец С.Г. Дробязко, призванный в РККА в возрасте 17 лет в июле 1942 г. и практически сразу попавший под обстрел, увидел, как одна группа таких же, как он, новобранцев *«часто останавливается»*. При первых попытках приблизиться его с угрозами отгоняли, но затем Дробязко удалось разглядеть, *«что при остановках они заглядывают в тоненькую синюю ученическую тетрадку»*. В тетрадке *«оказалась переписанной не то молитва, не то заговор от пуль»*. По словам мемуариста, он *«о такой галиматье раньше читал только в книгах и был ошеломлен, встретившись с людьми, верившими в нее. В голове не укладывалось, что в наше время молодые грамотные ребята могут верить в чушь. А они стали предлагать мне переписать молитвы и передавать их знакомым ребятам. Я отказался, сказав, что не верю в эту ерунду. Они меня обругали и рассеялись в кустах»* [10].

Опасения верующих были во многом обусловлены гонениями предшествующих лет. Вследствие крайней ограниченности личного пространства на фронте открытое выражение религиозных чувств встречало нередко затруднения, а то и непонимание сослуживцев. Как правило, к Богу обращались в самую трудную минуту, когда возникала непосредственная угроза жизни. Именно тогда в памяти возникали, казалось бы, давно забытые молитвы и обряды: *«У меня случай вот такой был: ... "Фердинанд" – немецкое самоходное орудие ползет прямо на меня... лежу, и вырвалось у меня "Спаси Господи" или "Помоги Господи" [смеется]. И "Фердинанд" остановился»* [11].

Трудности военной службы, гибель боевых товарищей, переносимые физические и нравственные страдания вынуждали многих военнослужащих искать духовной поддержки, которую традиционно давала религия. Один из бойцов писал матери из госпиталя, в который попал после *«мясорубки»* в сентябре 1942 г. под Сталинградом: *«Прошу тебя, сходи за меня в церковь, помолись за меня... и поставь несколько свечей перед иконой. Помолись богу за скорейшее окончание войны, многострадающий русский народ, за новый мир»*. Другой раненый, описав тяготы невыносимого бытия, давал близким такое напутствие: *«Жена и дети, как-нибудь живите, видно мое такое счастье – что даст господь»* [12]. В сочетании с критикой советского руководства за положение в тылу и на фронте подобные проявления религиозных чувств рассматривались военной цензурой как *«антисоветские настроения»*, хотя в ходе перлюстрации выделялась и отдельная группа религиозных писем негативного характера. Количество их, впрочем, было невелико: из 190 367 писем, обработанных военной цензурой особого отдела НКВД Сталинградского фронта

с 15 по 31 июля 1942 г., отрицательные высказывания были отмечены в 2600, в том числе только в 19 – религиозные [13].

Шанс на более свободное выражение религиозных чувств получили советские военнопленные в лагерях на территории Третьего рейха (в отличие от огромного большинства тех, кто находился на оккупированной территории СССР в лагерях, обычно размещавшихся в совершенно непригодных для этого местах, а чаще просто на открытом пространстве). Русская православная церковь за рубежом попыталась взять на себя духовное окормление советских военнопленных в немецких лагерях: *«Некоторые священники сообщали о своих впечатлениях в лагерях русских военнопленных и пришли к единому мнению, что устроенные ими богослужения посещали 90–95 % обитателей лагеря. Вообще можно говорить о сильной религиозности военнопленных»*. Однако руководство Германии не было заинтересовано в поощрении религиозных чувств советских военнопленных, а нацистские лагеря стали настоящими машинами по их массовому уничтожению [14].

В свою очередь, советское руководство, учитывая, что церковь с начала войны заняла патриотическую позицию, пошло на смягчение своей прежней политики. Спустя несколько месяцев после начала войны были разрешены сборы средств, сняты ограничения на проведение массовых богослужений и церемоний, стали открываться молитвенные здания, расширился выпуск церковной литературы, закрылись все антирелигиозные периодические издания. После встречи с И.В. Сталиным высших иерархов Русской православной церкви 4 сентября 1943 г. были разрешены избрание патриарха и открытие церквей. Но в действующей армии перемены не были столь заметны. Политические органы не поощряли распространение религиозных представлений среди фронтовиков. Специально изучавший данный вопрос А.Ю. Безугольный отмечал, что ему не удалось обнаружить «ни одного свидетельства какой-либо поддержки армейскими воспитательными органами религиозных обращений, поступающих из тыла и вообще сколь-нибудь серьезного отношения к религиозности воинов Красной армии» [15]. Однако военному командованию пришлось все-таки считаться с религиозными чувствами верующих на фронте, не только христиан, но и мусульман, в частности, учитывать, что они не употребляли в пищу свинину. А 2 ноября 1944 г. в Главное политическое управление РККА с 4-го Украинского фронта поступила телеграмма с просьбой *«в самом срочном порядке выслать материалы Синода для произнесения проповедей в день празднования годовщины Октября, а также ряд других руководящих материалов Православной Церкви»* [16].

Гораздо более широкое распространение, чем уже забытые многими религиозные догматы, на фронте получили различные суеверия и приметы, отвергавшиеся церковью, но признававшиеся нередко и верующими, и неверующими. Так, мать С.Г. Дробязко, провожая его, *«состригла в конверт прядь... черных кудрявых волос»* [17]. Она должна была напоминать о сыне,

а их сохранение позволяло надеяться на его возвращение. Истоки этих действий уходят далеко в прошлое: в фольклоре отрезанные волосы выступают заместителем самого человека. Вполне вероятно, это не осознавалось ни женщиной, совершавшей привычный обряд, ни, тем более, ее сыном, не одобрявшим религиозные воззрения своих сослуживцев. Фольклорист-фронтовик Л.Н. Пушкарев, собравший немало материалов по данному вопросу, утверждал: «В армии были и атеисты, и искренне верующие люди, но мне лично ни разу не приходилось сталкиваться с тем, что люди молились бы перед боем. Если это и делалось, то молча, про себя. Чаще я встречался с бытовым суеверием, с бытовой религиозностью, с необъяснимой верой в потусторонние (но отнюдь не обязательно божественные!) силы. Чаще всего это была вера в судьбу, в рок, в необъяснимые факты» [18].

Большинство примет на войне было связано непосредственно с боем. Как правило, они запрещали совершать фронтовикам определенные действия с целью уберечь их в бою. Часть примет и суеверий сохранялась на протяжении столетий, переходя из поколения в поколение. К ним, например, относится привычка надевать чистое белье перед боем, унаследованная красноармейцами еще от солдат Русской императорской армии и объяснявшаяся как гигиеническими – чтобы при возможном ранении в рану не попала грязь, так и религиозными соображениями – в случае смерти предстать в чистом перед Богом. Опытные бойцы также предпочитали много не есть перед боем, поскольку ранение в брюшную полость при пустом желудке менее опасно, чем полное. Другие приметы имеют скорее иррациональный характер. В частности, перед боем нельзя было ругаться матом, дарить что-то «на память», думать о плохом, трагическом, приближая смерть. Видимо, поэтому бойцы перед боем предпочитали заниматься механической работой: чистить оружие и форму, писали письма домой, но не сообщали о предстоявшем. После боя нельзя было надевать вещи погибших бойцов, что, впрочем, часто нарушалось вследствие нехватки обмундирования и обуви, а также показывать на своем теле места, куда был ранен товарищ, чтобы не произошло подобное. Одно из самых распространенных суеверий было связано со смертными медальонами, в которые военнослужащие должны были вкладывать сведения о себе. Считалось, что заполнив листки медальона, бойцы сами подписывали себе приговор, и многие выбрасывали «смертники» или использовали не по назначению, храня махорку, спички или иголки.

Многие матери и жены давали уходившим на фронте детям и мужьям написанную от руки на листе бумаги молитву «Живые помощи» (90-й псалом). Защитая в ворот гимнастерки или подкладку шинели, молитва была призвана выполнять значение оберега, защищать ее обладателя от гибели. По воспоминаниям Л.М. Карпеевой, она, несмотря на комсомольский билет, не раз обращалась во время войны к Богу, и всю войну проносила в кармане такую молитву: *«У меня были “живые помощи”. Когда я уходила в армию, мне мама дала “Живые помощи”, они у меня и сейчас до сих пор лежат. А папа:*

“Что я буду с твоими «Живыми помощами»?”. Папе не повезло, а мне повезло». Она давала молитву переписать своим однополчанам, и считает, что та помогала ей в трудные минуты [19]. А медсестра В.М. Мухортова читала эту молитву раненым по их просьбе: «*Меня всегда очень уважали, я всегда с ранеными была в окопах, и говорили: “Медсестра, давай, читай молитву”. В окопах...*». Листок с молитвой написала мать и «*положила в карманчик, пришла карманчик в гимнастерке и положила*». Ее сын, ссылаясь на предыдущие рассказы матери, отмечал, что молитва «*заговоренная была... ее на фронте даже не контузило ни разу. Все время на передовой. Кроме обморожения ничего. Это потому, что молитва была зашитая, которую мама дала. И вот солдаты с ее батареи говорили: “Вон, пошла санинструктор с батареи, пойдём с ней, ее не убьют и нас заодно”*» [20]. О чудесном спасении благодаря 90-му псалму рассказывают и другие участники войны [21]. Немало красноармейцев использовало в качестве амулетов и оберегов не только предметы культа (иконы, молитвы, кресты), но и фотокарточки, письма, подарки родных и близких. Нередко в таком качестве использовалось переписанное от руки стихотворение К. Симонова «Жди меня», которому придавалось магическое значение [22].

Суеверия и приметы фронтовиков разнообразны, поэтому представляет интерес опыт их систематизации. Е.С. Сеньявская выделяет их следующие основные типы: а) система запретов на определенные действия накануне боевых действий; б) выполнение определенных ритуалов после возвращения из боя; в) традиции и обычаи в отношении памяти и вещей погибших; г) хранение амулетов и талисманов (не обязательно религиозных символов, хотя часто талисманами служили ладанки и нательные крестики; д) молитвы (как традиционные, так и самодеятельные); е) коллективные привычки, выработанные по принципу целесообразности и закреплённые традициями боевого подразделения; ж) придание рациональным действиям дополнительного мистического обоснования; з) традиции воинского коллектива, связанные с военной специальностью» [23].

Таким образом, война способствовала подъёму веры у военнослужащих действующей армии, а также распространению у них различных суеверий. Несмотря на все свои содержательные отличия, как признанные церковью обряды и молитвы, так и отвергаемые ею приметы и суеверия стали необходимыми способами психологической адаптации фронтовиков к экстремальным условиям военного времени.

Примечания:

1. Васильева О.Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001; Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961. М., 1999; Шкаровский М.В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2007; Дело мира и любви. Очерки истории и культуры Православия на Кубани. Краснодар, 2009;

- Сулаев И.Х. Государство и мусульманское духовенство в Дагестане: история взаимоотношений (1917–1991 гг.). Махачкала, 2009 и др.
2. Сениявская Е.С. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М., 1999 и др.
 3. Жиромская В.Б. Религиозность народа в 1937 году (по материалам Всесоюзной переписи населения) // Исторический вестник. 2000. № 5.
 4. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги. М., 1991.
 5. Зензинов В.М. Встречи с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию. 1939–1940. Нью-Йорк, 1944. С. 274–275.
 6. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010. С. 36–37.
 7. Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. Материалы и исследования. СПб., 2008. С. 75, 76.
 8. Респондент: Жуган Николай Павлович, 1917 г.р. Записан И.Г. Тажидиновой 25 октября 2012 г. в г. Краснодаре.
 9. Респондент: Бирюков Владимир Ильич, 1923 г.р. Записан И.Г. Тажидиновой 6 ноября 2012 г. в г. Краснодаре.
 10. Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. С. 75.
 11. Дробязко С.Г. Путь солдата. С боями от Кубани до Днепра. 1942–1944. М., 2008. С. 37.
 12. Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 267–268.
 13. Там же. С. 161.
 14. Шкаровский М.В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2007. С. 272.
 15. Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная Армия. 1918–1945 годы. М., 2007. С. 271.
 16. Всемирная история: Вторая мировая война. Итоги Второй мировой войны. М., 2001. С. 312.
 17. Дробязко С.Г. Указ. соч. С. 7.
 18. Пушкарев Л.Н. Источники по изучению менталитета участников войны (на примере Великой Отечественной) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 323–324.
 19. Респондент: Карпеева Лидия Михайловна, 1923 г.р. Записана Т.Г. Курбат, Т.П. Хлыниной в Ростове-на-Дону, 29 сентября 2012 г.
 20. Респондент: Мухортова Валентина Мефодьевна, 1922 г.р. Записана Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат с участием В.М. Мухортова в Ростове-на-Дону 18 мая 2011 г.
 21. Городова М. Девяностый // Российская газета. Неделя. 2008. 8 мая.
 22. Пушкарев Л.Н. Указ. соч. С. 323.
 23. Сениявская Е.С. Солдатские суеверия на войне как пример стратегии выживания // Война в истории и судьбах народов юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны). Материалы Международ. науч. конф. (1–2 июня 2011 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2011. С. 239.

Т.П. Хлынина

Жилищная политика советского государства накануне и в годы Великой Отечественной войны*

«Квартирный вопрос», по остроумному замечанию М. Зощенко, испробивший не одно поколение москвичей, на протяжении всей советской эпохи оставался одной из наиболее острых и болезненно воспринимаемых обществом социальных проблем. Его острота была результатом всеобщего дефицита жилого фонда, доставшегося молодому пролетарскому государству в наследство от предыдущего «антинародного режима» [1], а болезненность обуславливалась стремительным превращением жилья в условное социальное благо и средство наказания [2]. Вместе с тем, определяемая не только экономическими возможностями власти, но и ее идеологическими предпочтениями, жилищная политика становилась действенным механизмом формирования пространства повседневной жизни человека с ее причудливыми нормами коллективного общежития и границами «своего/чужого». Классическим воплощением этой причудливости на долгие годы оказалась советская коммунальная квартира, находившаяся в государственной собственности и заселяемая в соответствии с нормативами жилой площади, положенной на одного человека: *«О чем вспоминаем мы, прежде всего, говоря о советской повседневности? Для меня ответ очевиден. Явлением, которое необыкновенно полно и ярко характеризует советскую повседневную жизнь, была коммунальная квартира, коммуналка»* [3]. Присущее ей сочетание отдельного и общего, родственного и соседского создавала особую атмосферу *«скандала и локтя»*, которая не только лишала человека, казалось бы, естественного права на приватность и конституционно гарантированную неприкосновенность жилья [4], но и обеспечивала, правда, не всегда реализуемую, но, тем не менее, сохранявшуюся возможность взаимопомощи и поддержки: *«И папа поехал через Ростов и заехал, а у нас Варвара Ивановна, как мы уехали, так ничего с места не сдвинулось. Варвара Ивановна живет, все сохраняет. Полтора соседа было, все сохранили»* [5]. В воспоминаниях многих респондентов, в настоящее время уже живущих в собственных квартирах, вынужденное коммунальное соседство не доставляло больших неудобств, а в ряде случаев запоминалось особой деликатностью отношений: *«Я хочу сказать, что у нас всегда хорошо складывались, я же не случайно взялась писать за свою маму, которая сорок лет прожила в этой квартире. И за это время*

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 12-01-00127 «Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945)».

сменились четверо или пятеро соседей. Причем люди совершенно разные, разный социальный слой, разный состав семьи, разные характеры и никогда ни с кем не ссорились, не скандалили, ничего такого не было. Это все от людей зависит» [6].

Свое победоносное шествие по стране коммуналки начали с национализации жилья и, пережив его демунципализацию в начале 1920-х гг., завершившуюся появлением кооперативных коттеджей, составили к 1941 г. большую часть жилищного фонда страны. Однако, несмотря на стремление официальной власти к предельной централизации жилищной сферы и ее убежденности в незыблемости основ коммунального быта, жилищная политика в рассматриваемый период времени не была столь однозначной. Ее отклонения от намеченной генеральной линии определялись, помимо всего прочего, и нежеланием советского человека *«выставлять напоказ всю свою жизнь в ее мельчайших подробностях» [7].*

Одним из следствий подобного нежелания стали так и не прижившиеся в стране дома-коммуны. Предыстория их возникновения оказалась тесно связанной с развернувшейся в конце 1920-х гг. дискуссией о том, каким должно быть рабочее жилище. Именно тогда возникла идея о невозможности совмещения старой формы и нового содержания: *«Приходится строить новый быт в старых жилищах. Полученный в наследство от старого строя жилищный фонд насквозь пропитан замшелой стариной переживших свою экономическую эпоху форм быта – каждый дом строился с таким расчетом, чтобы всякая семья имела возможность вести совершенно изолированное домашнее хозяйство».* Новый тип жилья должен был обеспечить коллективизацию быта, а ее воплощением виделись дома-коммуны, принципиальными характеристиками которых становились *«выделение из квартиры функций питания, воспитания детей и стирки»*, а также требование, согласно которому *«каждый должен жить на началах строжайшей регламентации и подчинения правилам внутреннего распорядка» [8].* По замечанию М. Близнаковой, *«большинство победивших проектов были слишком фантастическими для имевшегося экономического уровня».* И если даже они все-таки реализовывались, *«то очень скоро общественный характер рекреационных зон сводился на “нет” тем, что жильцы не стремились обобществлять свою частную жизнь, и семейные ценности возобладали над общественным устройством» [9].*

Наглядным тому подтверждением являлась судьба Социалистического города в Нижнем Новгороде, планировавшегося как поселение-коммуна с обобществленным бытом, коллективными формами жилища – домами-коммунами на 1 тыс. чел. каждый. Проект предусматривал наряду с жилыми корпусами строительство двух яслей и одного детского сада, а также общественно-культурного центра. Дома-коммуны предполагали возрастной принцип их заселения: центральный корпус предназначался для школьников. По обе стороны от него располагались два корпуса молодежи. Вправо

и влево к этим корпусам примыкали еще по два здания для взрослых, имевших детей. Наряду с жилыми комнатами, в каждом корпусе размещался красный уголок для коллективного отдыха. Общие кухни, туалеты и ванны предусматривались поэтажно. Осенью 1930 г. началось заселение города с так и не построенными яслями и детским садом. Многие корпуса не были обеспечены водой и отоплением, находились в состоянии незавершенных отделочных работ. Само заселение происходило с нарушением принятых ранее норм: так, в квартиры, предусмотренные на 1 чел. и составлявшие 9 кв. м., вселялись семьи из 3–4 чел. Не произошло и реорганизации быта: места коллективного пользования по большей своей части становились полем столкновения различных жизненных практик и ценностных представлений жильцов [10].

Вместе с тем, многие довоенные постройки несли на себе неуволнимое для наших современников очарование многолюдности и «скученности» быта: *«Ох, уж эти довоенные нахичеванские дворы! Малонаселенные, с одноэтажными флигельками и квартирками, утопающими в зелени. У каждого соседа беседка или веранда и обязательно с кроватью. На калитке висел один почтовый ящик для всех жильцов, и каждый сосед, проходя мимо, заглядывал в него, и спешил сообщить, кому пришла почта. Где-то в сторонке, сложенная из кирпича печурка, на которой готовили обеды, распространяя вкусные запахи на весь двор; но многие пользовались примусами на общей кухне»* [11]. Именно эта скученность, зачастую лишавшая человека возможности уединения и превращавшая его жизнь в «спектакль по Мейерхольду», спасла жизнь в годы войны многим людям. Так, коммунальные кухни, в одночасье превратившиеся в *«места, где грелись все и видели, кто и чем питался»*, становились источниками взаимопомощи и моральной поддержки. Известны случаи, когда соседи оказывались единственными кормильцами для тех, кто потерял всех своих близких: в блокадном Ленинграде они отоваривали карточки, ухаживали за обитателями «выморочных» квартир, устраивали в приюты осиротевших детей [12].

1930-е гг. прошли под знаком возвращения советскому человеку утраченного вкуса к нетиповому жилью. Появившиеся в тот период времени «сталинки», обещавшие в перспективе стать *«штучными дворцами для рабочих»*, таковыми оказались только для номенклатурных работников, представителей технической и творческой интеллигенции. «Дома для начальников» в отличие от их рядовых аналогов, строившихся по преимуществу для рабочих, имели хорошую планировку, предусматривавшую кабинеты и детские, библиотеки и комнаты для прислуги, просторные кухни, отдельные санузлы и подсобные помещения. Их общая жилая площадь составляла от 32 кв. м. для однокомнатной до 110 кв. м. – для четырехкомнатной квартир. Строившиеся, как правило, по специальным проектам, номенклатурные «сталинки» часто оказывались архитектурными достопримечательностями городов и длительное время расценивались одним

из самых удачных жилищных проектов советской эпохи. Значительно уступавшие им как в метраже, так и по степени удобств (во многих не предусматривались горячая вода и ванны) рабочие «сталинки» изначально планировались под коммунальное заселение. Расположенные на окраинах городов и полностью лишённые какого-то ни было декоративного убранства, они образовывали обезличенные жилые массивы, придавая, тем самым, жилищной политике характерный для нее в целом отпечаток строительного прагматизма. Первоначальная идея о том, что ни одно здание сталинской застройки (по крайней мере, в Москве) не будет повторять другое, уже к концу 1930-х гг. сменилась необходимостью перехода к серийному сборному домостроению.

Однако, несмотря на все проводившиеся эксперименты и добросовестный поиск властью решения жилищного вопроса, жилья, не говоря уже о его качестве, катастрофически не хватало. По сведениям, приводимым И.Б. Орловым, *«правительственные учреждения утопали в просьбах и жалобах граждан на отсутствие подходящего жилища. Тридцатилетний ленинградский рабочий, пять лет проживший в коридоре, умолял В.М. Молотова дать ему комнату для "построения в ней личной жизни", а дети одной московской рабочей семьи из шести человек просили не вселять их в каморку под лестницей, без окон, общей площадью 6 квадратных метров»* [13]. Наиболее нетерпеливые и отчаявшиеся добиться реальной помощи от местных властей писали жалобы в высшие инстанции страны. Житель г. Майкопа Ф.А. Кашин, неоднократно сталкивавшийся с *«равнодушием власти к его жилищному вопросу»*, обратился с письмом к И.В. Сталину, где подробно изложил все перипетии своих бытовых неурядиц. Письмо, в соответствии с практикой того времени, было перенаправлено тому же городскому исполнительному комитету, который, по мнению Ф.А. Кашина, *«в течение многих месяцев пренебрегал его законными интересами»* [14].

По мере своих возможностей соответствующие органы власти пытались разобраться в каждом конкретном случае, учитывая не только характер поступавшей просьбы, но и возможности наличного жилищного фонда. Так, ответственный редактор Адыгейской областной редакции радиовещания, переехавший в Майкоп из Краснодара в 1936 г. в числе других работников областных организаций, просил городской исполком *«войти в его крайне стесненные обстоятельства и обеспечить минимальными условиями жизни»*. Ответ горисполкома, последовавший буквально через неделю, обращал внимание истца на отсутствие свободных квартир и зачислял его в общую очередь.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах» управление всем государственным жилищным фондом было возложено на местные советы, предприятия и учреждения, в ведении которых находились жилые дома. Спустя три года началась борьба с самовольным строитель-

ством в городах, рабочих, курортных и дачных поселках. Сосредоточив в своих руках всю проектную (в 1931 г. был принят запрет на частное проектирование) и строительную деятельность, государство, тем самым, не только лишало граждан возможности самостоятельного решения жилищного вопроса, но и ставило его в зависимость от довольно скромных бюджетов местных органов власти и торгово-промышленных предприятий. К 1940 г. городской жилищный фонд СССР насчитывал 421 млн кв. м., в то время как официально зарегистрированное городское население, согласно переписи 1939 г., составляло 56,1 млн чел. По оценкам исследователей, *«этого было недостаточно для того, чтобы улучшить жилищные условия граждан»* [15], на каждого из которых, согласно той же переписи, в различных уголках страны приходилось от 4,5 до 8 кв. м.

Основными типами жилья в рассматриваемый период времени являлись *«землянки, бараки, барские квартиры, разгороженные на пеналы, или, как предел мечтаний, кооперативные или государственные ячейки “с удобствами” (вода и отопление), на две – три семьи вроде нашей ростовской...»* [16]. Об их состоянии сохранились самые разные воспоминания, общим местом которых, пожалуй, выступают предельная простота внутреннего убранства городских квартир, многолюдность и неприглядность быта сельского жилья: *«В квартире было мало мебели, все по-довоенному скромно и необыкновенно чисто. В квартире на стене висели вышитые Колей рисунки»* [17]. *«Оказались в станице Николаевской. Втроем у хозяйки-казачки (я, Толик, Тимка). Одна маленькая комнатка, земляной пол, две семьи – теснота – всего вместе с нами 5 взрослых, 6 малышей, с гигиеной так же, как и на х. Калинине»* [18]. Впрочем, не обходилось и без исключений. И.М. Калабухова, сравнивая на страницах своих воспоминаний квартиру родителей с домом ее детской приятельницы, отмечает, что подобное положение дел не всегда зависело от материального достатка семьи. Многое определялось сложившимися представлениями об уюте, а также отношением к красивым, но в принципе бесполезным безделицам: *«Первое, главное, заветное место – кресло-качалка... Всякие необыкновенные вещи (на письменном столе): луна в толстой медной оправе на медной же ручке, янтарный мундштук, костяной нож для разрезания бумаги, гусиное перо, которым я уверена, никто не писал...»* [19].

Резкое ухудшение и без того далеких от нормальных жилищных условий началось уже в первые месяцы войны. Оккупация части советской территории, эвакуация населения в восточные районы страны, а также уничтожение в ходе активных боевых действия части жилищного фонда повлекли за собою новую волну уплотнений: *«С каждым предприятием приезжали специалисты, рабочие, их семьи. Всех их надо было где-то устроить. Началось так называемое уплотнение – в квартиры, в частные дома уральцев вселялись приехавшие»* [20]. Жилищные комиссии исполкомов городов, подвергшихся разрушениям, проводили ежедневные обследования состоя-

ния жилищного фонда и решали вопросы, связанные с судьбами людей, лишившихся крова. В их обязанности входило и улучшение жилищных условий горожан, предусматривавшее запись их неотложных нужд, оказание посильной помощи в подвозе дров, восстановлении выбитых окон, поврежденного водоснабжения. Нередко по инициативе советского и партийного руководства городов эти задачи решались посредством привлечения общественности. В Ленинграде недолгое время действовали комсомольские бытовые отряды. Бойцы отряда Приморского района, созданного в январе 1942 г., *«убирали комнаты, привозили воду и дрова, попили печь, устраивали детей в детдома. Известен случай, когда они отремонтировали помещение столовой»* [21].

Не менее напряженной оказывалась и работа муниципальных органов власти освобожденных территорий. Возвращение прежних ответственных квартиросъемщиков с фронта, эвакуации, а зачастую и из мест административной высылки обостряло нерешенный в предыдущие годы жилищный вопрос и связанное с ним обеспечение земель многочисленных домовладений. Так, Майкопский городской исполком с 1943 г. до начала 1960-х гг. не мог решить *«окончательно запутавшееся в годы войны жилищное положение дел»*. Вот один из наиболее типичных и распространенных в практике его работы случаев. 8 февраля 1952 г. в горисполком поступило заявление от Ю.К. Кашиной, в прошлом воспитанницы детского дома, оказавшейся замужем за «изменником Родины» и высланной на этом основании в 1944 г. из города с двумя детьми сроком на 5 лет. Истица просила вернуть принадлежавшую ей когда-то долю домовладения, ссылаясь на соответствующие документы и не подтвердившуюся вину мужа. Просьба так и не была удовлетворена по причинам *«неясности сути самого дела и перегруженности канцелярии исполкома»* [22]. В принципе, отдавая должное работе органов власти, люди подозревали их в некоем лукавстве и нечестности. Показательно, что даже в столь трудное и, казалось бы, всех поровнявшее время современниками отмечалась сохранявшаяся несправедливость в распределении тех же ордеров на новое жилье взамен разбомбленных комнат, определении первоочередности нуждавшихся в улучшении жилищных условий.

Жилищная политика рассматриваемого периода времени складывалась под воздействием самых различных обстоятельств, определяющим среди которых являлось сложное взаимодействие текущих идеологических предпочтений и экономических возможностей власти. Представления о ней как «орудии управления людьми» или же показателе лояльности последних правящему режиму не исчерпывают всего многообразия ее проявлений. Накануне и в годы войны в ней наиболее отчетливо проявились черты государственного патернализма, нашедшего понимания и поддержку у большинства населения страны, не склонного к драматизации складывавшейся жилищной ситуации.

Примечания:

1. По статистике, средняя обеспеченность жилой площадью в городах России в 1913 г. составляла 4,5 кв. м., а городской жилой фонд страны насчитывал 180 млн кв. м. Из них 80 % приходилось на одноэтажные деревянные и малоразмерные дома, подавляющее большинство которых было лишено элементарных удобств и принадлежало частным лицам. URL: Грудницына Л.Ю. Жилищная политика в России. URL: <http://nash-kronshtadt.ru/gorozhaninu/domovye-komitety/zhilishhnaja-politika-v-rossii-proshloe-i-budushhee.html>.
2. Меерович М. Наказание жилищем. Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. М., 2008.
3. Беззубцев-Кондаков А. Наш человек в коммуналке. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2005/10/be15.html>.
4. Согласно статье 128 Конституции СССР 1936 г., «неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняются законом». См.: Конституция СССР 1936 года («сталинская»). URL: <http://www.greatflags.ru/dokumentyi/konstitutsiya-sssr-1936-goda-stalinskaya-.tekst.html>.
5. Респондент: Кремянская Сильвия Яковлевна, 1926 г.р. Записана Т.Г. Курбат, Т.П. Хлыниной в Ростове-на-Дону 16 октября 2012 г.
6. Респондент: Калабухова Инна Николаевна, 1933 г.р. Записана Е.Ф. Кринко в Ростове-на-Дону 19 октября 2012 г.
7. Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. М., 2002. С. 65.
8. Жилищные и градостроительные принципы, традиции, концепции и подходы. URL: http://www.rusdb.ru/dom/researches/town-planning_principles.
9. Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. С. 66.
10. Жилищные и градостроительные принципы, традиции, концепции и подходы.
11. Галустян В. Мой Нахичеван. Таганрог, 2011. С. 5.
12. Яров С.В. Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. М., 2012. С. 366–379.
13. Орлов И. Жилищная политика советской власти в первое послереволюционное десятилетие. URL: <http://www.pseudology.org/chtivo/ZhiliePolicy.htm>.
14. Государственное учреждение «Национальный архив Республики Адыгея» (далее – ГУ НАРА). Ф. Р-79. Оп. 3. Д. 507. Л. 3.
15. Грудницына Л.Ю. Указ. соч.
16. Калабухова И.Н. В прощании и в прощеньи. М., 2008. С. 40.
17. Галустян В. Указ. соч. С. 13.
18. ГУ НАРА. Ф. Р-855. Оп. 1. Д. 52. Л. 4об.–5.
19. Калабухова И.Н. Указ. соч. С. 99.
20. Жукова Ю.К. Девушка со снайперской винтовкой. Воспоминания выпускницы Центральной женской школы снайперской подготовки. 1944–1945 гг. М., 2006. С. 12–13.
21. Яров С.В. Указ. соч. С. 552.
22. ГУ НАРА. Ф. Р-79. Оп. 3. Д. 507. Л. 3.

Е.С. Сеньявская

ЖЕНЩИНА НА ФРОНТЕ: ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ К «МУЖСКОМУ БЫТУ ВОЙНЫ»*

Важный ракурс фронтовой повседневности Великой Отечественной – массовое, по сравнению со всеми предшествующими войнами, участие в ней женщин. После революции политика советского государства в женском вопросе, направленная на вовлечение женщин в общественное производство, способствовала быстрому развитию эмансипации со всеми ее последствиями. Массовые комсомольские призывы, наборы и мобилизации под лозунгами «Девушки – на трактор!», «Девушки – в авиацию!», «Девушки – на комсомольскую стройку!» и т.д. явились своего рода психологической подготовкой к массовому участию советских женщин в грядущей войне, которая вошла в историю как Великая Отечественная. С ее началом сотни тысяч женщин устремились в армию, не желая отставать от мужчин, чувствуя, что способны наравне с ними вынести все тяготы воинской службы, а главное – утверждая за собой равные с ними права на защиту Отечества.

Глубокий патриотизм поколения, воспитанного на героических символах недавнего революционного прошлого, но имевшего в большинстве своем книжно-романтические представления о войне, отличал и тех 17–18-летних девочек, которые осаждали военкоматы с требованием немедленно отправить их на фронт. Вот что записала в своем дневнике 27 мая 1943 г. летчица 46-го гвардейского Таманского женского авиаполка ночных бомбардировщиков Галина Докутович: *«Помню 10 октября 1941 г. Москва. В этот день в ЦК ВЛКСМ было особенно шумно и многолюдно. И, главное, здесь были почти одни девушки. Пришли они со всех концов столицы – из институтов, с учреждений, с заводов. Девушки были разные – задорные, шумные, и спокойные, сдержанные; коротко стриженные и с длинными толстыми косами; механики, парашютистки, пилоты и просто комсомолки, никогда не знавшие авиации. Они по очереди заходили в комнату, где за столом сидел человек в защитной гимнастике. “Твердо решили идти на фронт?” “Да!” “А вас не смущает, что трудно будет?” “Нет!”» [1].*

Они были готовы к подвигу, но не были готовы к армейским будням, и то, с чем им пришлось столкнуться на войне, оказалось для них неожиданностью. Гражданскому человеку всегда трудно перестроиться «на военный лад», женщине – особенно. Армейская дисциплина, солдатская форма на много размеров больше, мужское окружение, тяжелые физические нагрузки – все это явилось нелегким испытанием. Но это была именно та «будничная вещественность войны, о которой они, когда просились на фронт, не подо-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 11-01-00363а.

зревали» [2]. Потом был и сам фронт – со смертью и кровью, с ежеминутной опасностью и *«вечно преследующим, но скрываемым страхом»* [3]. Потом, спустя годы, те, кто выжил, признаются: *«Когда помотришь на войну нашими, бабьими глазами, так она страшнее страшного»* [4]. Потом они сами будут удивляться тому, что смогли все это выдержать. И послевоенная психологическая реабилитация у женщин будет проходить сложнее, чем у мужчин: слишком велики для женской психики подобные эмоциональные нагрузки. *«Мужчина, он мог вынести, – вспоминала бывший снайпер Т.М. Степанова, – Он все-таки мужчина. А вот как женщина могла, я сама не знаю. Я теперь, как только вспомню, то меня ужас охватывает, а тогда все могла: и спать рядом с убитым, и сама стреляла, и кровь видела, очень помню, что на снегу запах крови как-то особенно сильный... Вот я говорю, и мне уже плохо... А тогда ничего, тогда все могла»* [5]. Вернувшись с фронта, в кругу своих ровесниц они чувствовали себя намного старше, потому что смотрели на жизнь совсем другими глазами – глазами, видевшими смерть. *«Душа моя была уставшая», –* скажет об этом состоянии санинструктор О.Я. Омельченко [6].

Феномен участия женщины в войне сложен уже в силу особенностей женской психологии, а значит, и восприятия ею фронтовой действительности. *«Женская память охватывает тот материк человеческих чувств на войне, который обычно ускользает от мужского внимания, – подчеркивала автор книги «У войны – не женское лицо» Светлана Алексиевич, – Если мужчину война захватывала, как действие, то женщина чувствовала и переносила ее иначе в силу своей женской психологии: бомбежка, смерть, страдание – для нее еще не вся война. Женщина сильнее ощущала, опять-таки в силу своих психологических и физиологических особенностей, перегрузки войны – физические и моральные, она труднее переносила “мужской” быт войны»* [7]. В сущности, то, что пришлось увидеть, пережить и делать на войне женщине, было чудовищным противоречием ее женскому естеству.

Другая сторона феномена – неоднозначное отношение военного мужского большинства, да и общественного мнения в целом к присутствию женщины в боевой обстановке, в армии вообще. Психологи отмечают у женщин более тонкую нервную организацию, чем у мужчин. Самой природой заложена в женщине функция материнства, продолжения человеческого рода. Женщина дает жизнь. Тем противоестественнее кажется словосочетание *«женщина-солдат», женщина, несущая смерть.*

В период Великой Отечественной в армии служило, по разным данным, от 800 тыс. до 1 млн женщин, а просилось на фронт еще больше. Не все они оказались на передовой: были и вспомогательные службы, на которых требовалось заменить ушедших на фронт мужчин, и службы *«чисто женские»*, как, например, в банно-прачечных отрядах. Наше сознание спокойно воспринимает женщину-телефонистку, радистку, связистку; врача или медсестру; повара или пекаря; шофера и регулировщицу, т.е. те профессии, которые не связаны с необходимостью убивать. Но женщина-летчик, снайпер, стрелок,

автоматчик, зенитчица, танкист и кавалерист, матрос и десантница, – это уже нечто иное. Жестокая необходимость толкнула ее на этот шаг, желание самой защищать Отечество от беспощадного врага, обрушившегося на ее землю, ее дом, ее детей. Священное право! Но все равно у многих мужчин было чувство вины за то, что воюют девчонки, а вместе с ним – смешанное чувство восхищения и отчуждения. *«Когда я слышал, что наши медицинские сестры, попав в окружение, отстреливались, защищая раненых бойцов, потому что раненые беспомощны, как дети, я это понимал, – вспоминал ветеран войны М. Кочетков, – но когда две женщины ползут кого-то убивать со “снайперкой” на нейтральной полосе – это все-таки “охота”... Хотя я сам был снайпером. И сам стрелял... Но я же мужчина... В разведку я, может быть, с такой и пошел, а в жены бы не взял»* [8].

Но не только это «несоответствие» женской природы и представлений о ней тому жестокому, но неизбежному, что требовала от них служба в армии, на фронте, вызывало противоречивое отношение к женщинам на войне. Чисто мужское окружение, в котором им приходилось находиться в течение длительного времени, создавало немало проблем. С одной стороны, для солдат, надолго оторванных от семьи, в том их существовании, где, по словам Давида Самойлова, *«насущной потребностью были категории дома и пренебрежения смертью, – единственным проблеском тепла и нежности была женщина»*, а потому *«была величайшая потребность духовного созерцания женщины, приобщения ее к миру»*, *«потому так усердно писали молодые солдаты письма незнакомым “заочницам”, так ожидали ответного письма, так бережно носили фотографии в том карманчике гимнастерки, через который пуля пробивает сердце»* [9]. Об этой потребности «духовного созерцания женщины» на фронте вспоминают и сами фронтовички. *«Женщина на войне... Это что-то такое, о чем еще нет человеческих слов, – говорила бывшая санинструктор О.В. Корж. – Если мужчины видели женщину на передовой, у них лица другими становились, даже звук женского голоса их преображал»* [10]. По мнению многих, присутствие женщины на войне, особенно перед лицом опасности, облагораживало человека, который был рядом, делало его *«намного более храбрым»* [11].

Но существовала и другая сторона проблемы, ставшая темой сплетен и анекдотов, породившая насмешливо-презрительный термин ППЖ (походно-полевая жена). *«Пусть простят меня фронтовички, – вспоминал ветеран войны Н.С. Посылаев, – но говорить буду о том, что видел сам. Как правило, женщины, попавшие на фронт, вскоре становились любовницами офицеров. А как иначе: если женщина сама по себе, домогательствам не будет конца. Иное дело, если при ком-то... “Походно-полевые жены” были практически у всех офицеров, кроме “Ваньки-взводного”. Они все время с солдатами, им нигде и некогда заниматься любовью»* [12].

Да, такое тоже было. Но вот что характерно: особенно охотно злословили по этому поводу в тылу – те, кто сами предпочитали отсиживаться подальше

от передовой за спинами тех же девчонок, ушедших на фронт добровольцами. На войне было всякое, и женщины были разные, но «*о римском падении нравов во время войны твердили только сукины дети, покупавшие любовь у голодных за банку американской колбасы*» [13]. Интересен тот факт, что фронтовая мораль гораздо строже осуждала неверную жену, оставшуюся дома и изменившую мужу-фронтовику с «тыловой крысой», чем мимолетную подругу, по-женски пожалевшую солдата, идущего на смерть. Тема осуждения женской неверности звучала и во фронтовом фольклоре. Так, всем известная песня «Огонек» на стихи М. Исаковского имела распространение не только в виде традиционного рассказа о девушке, верно ждавшей с фронта своего жениха, но и в прямо противоположном варианте, в котором она изменяла другу и отказывала ему, когда он возвращался домой инвалидом [14]. Подобные варианты-перевертыши имели и такие песни, как «Темная ночь», «Моя любимая» и некоторые другие.

Женский взгляд на проблему «взаимоотношения полов» во время войны находим в дневнике Г. Докутович. 11 марта 1943 г. она записала, находясь на лечении в санатории Ессентуки: «*А кругом что делается! Женщины совсем сходят с ума, на шею вешаются. Чуть утро – уже ходят под окнами. А вечером теряют всякий стыд, просто приходят к санаторию и приглашают мужчин в кино, в театр. Целой толпой ожидают у входа. Ребята, конечно, не теряются. И вот здесь-то я вижу, какая разница в отношении к нам и к “этим” женщинам. Наш полк все ребята глубоко уважают. И не только как боевых товарищей, но именно как девушек, которые не торгуют своей честью и совестью, не продают свои чувства, преданность. Некоторые ребята с улыбкой говорят – “После войны мы приедем в ваш полк жениться”. К “этим” женщинам они ходят. Но потом сами же говорят друг другу: “Ты к «трофейным» ходил? Ходил. Так не смей же прикасаться к нашим девушкам...”*» [15]. Но уже 31 мая 1943 г., видимо, лично столкнувшись с домогательствами кого-то из армейского начальства, записала с горечью: «*Как все-таки противно все кругом. Даже большие умные командиры – подлецы и развратники! Просто страшно и нелепо, как может в одном человеке уживаться все вместе... Нельзя презирать такого человека, потому что это хороший человек, сильный человек. (А сильных вообще нельзя презирать). Правдивый человек, с большой русской душой. И в то же время другое, нехорошее. Как быть?..*» [16]

Рождались на фронте и подлинные, возвышенные чувства, самая искренняя любовь, особенно трагичная потому, что у нее не было будущего, – слишком часто смерть разлучала влюбленных. Но тем и сильна жизнь, что даже под пулями заставляла людей любить, мечтать о счастье, побеждать смерть. И осуждать их за это из далекого тыла, пусть голодного, холодного, но все-таки безопасного, было куда безнравственнее.

О том, как непросто складывались на войне женские судьбы, свидетельствует подборка писем женщин-военнослужащих, обнаруженная нами в делах политотдела 19-й армии за февраль 1945 г. Эти копии были сняты военной

цензурой и «проанализированы» работниками политотдела «*для улучшения партийно-политической работы среди женщин Армии*» [17]. В них, как в зеркале, отражается вся трагедия женщины на войне, те горькие, порой неприглядные стороны, о которых не принято говорить. Спектр мыслей, чувств, настроений авторов писем чрезвычайно широк, они предельно искренни и интимны, явно не предполагая бесцеремонного вмешательства политорганов в свою личную жизнь. Тем большим контрастом выступают пометки военной цензуры, присвоившей себе право красным и синим карандашом отмечать то, что, по ее мнению, являлось свидетельством «*патриотического подъема*» или, напротив, «*упадка духа*». И выводы политотдела, выдергивавшего цитаты из контекста, придавая им подчас прямо противоположный смысл. И приписки авторства несуществующим лицам, чтобы продемонстрировать начальству масштаб «работы», как будто ею «охвачено» большее число женщин, чем на самом деле. И сами рекомендации «*по устранению недостатков в воспитательной работе среди девушек*». Все это выглядит нелепо и вместе с тем цинично.

Среди многих других сюжетов в письмах женщин-военнослужащих ярко и многосторонне раскрывается проблема взаимоотношений мужчин и женщин на фронте. Так, 22 февраля 1945 г. Екатерина Охрименко писала матери: «*Милая мамочка, сообщаю, что я еще жива и здорова, живу хорошо, нахожусь в боевых условиях... Мамочка, не беспокойся за меня, для меня сейчас все хорошо мальчики, потому что и я для них хороша. Я каждую минуточку вырываю для того, чтоб им помочь, постирать, полатать, а главное, что держу себя очень скромно, а потому меня зовут все ребята любимчиком. Правда, мамуся, есть много ребят хороших и каждый уговаривает дружить, но нет, мамуся, держусь и дружу только, как с товарищами и люблю, как братьев, а они меня, как сестру. А в армии, если дружить, то через неделю и замуж выйдешь. Маня дружит, так он еще ни черта не понимает, мальчуган. Правда, мамочка, есть у меня на примете хорошенький паренек, и любит он меня, и я его люблю, но тайно. Я только смеюсь ему в глаза, чтобы не приставал ко мне со своей дружбой, а за глаза сама люблю его. У него, мамочка, своя легковая машина и уже чемоданы набиты трофеями, одеждой и обувью, и все для меня. Так что, полюбим мы всерьез друг друга, когда кончим врага. Так что замуж в армии я не собираюсь. А с мужем замечательным приеду домой. С тем, мамочка, до свидания. Гроза гремит и гудит с воздуха, с земли, кругом война*» [18].

Весьма откровенное письмо о своих взаимоотношениях с высоким армейским начальником, гораздо старше ее по возрасту, написала 19 февраля 1945 г. подруге М.П. Анненкова, с горечью признававшая: «*Ох, как трудно здесь найти действительно верного человека, действительно, это все делается необдуманно с нашей стороны, только после мы начинаем каяться (это я о себе лично говорю)... Меня ... почему-то тревожит этот вопрос, все чаще мне кажется, что жизнь у меня пропащая, испорчена, и найти себе хорошего человека я не смогу... Война идет к концу, а я, пожалуй, останусь "на бобах"*»

и больше ничего... Остаться бы только не калеккой... Хотя бы голову свою спасти и ноги не потерять, а то тогда и подавно ни один черт не посмотрит на уroda...» [19].

Очень трезво по поводу фронтовых романов высказалась 22 февраля 1945 г. в письме к подруге М.С. Колужная: *«...Теперь о личной своей жизни. Жизнь протекает моя безынтересно и перспектив никаких не строю, так как в это время строить их нельзя. Так сама жизнь построена. Сегодня мы можем быть вместе, а завтра нас разделяет большое пространство» [20].* В тот же день другая девушка, С. Човгун писала домой: *«Ребята у нас очень хорошие, командование тоже хорошее. Вообще, я службой довольна. Романов у нас много может быть, но я стараюсь кругом и около, но быть в стороне» [21].*

Горькое и искреннее письмо написала 23 февраля 1945 г. Г.А. Ярцева младшему брату: *«Война... Опять бой... Опять работа, переживания и лишения. ... Как надоело все, как хочется жить по-человечески, хорошо. Без войны, без вечно преследующего, но скрываемого страха. Уже два года, как я на фронте, и никак не привыкну к этой жизни. Снаряды, мины, шум “ишаков”, гул самолетов – это кошмары мои. Никогда в жизни я не забуду эти два года. Эстония, Литва, Латвия, Польша, а скоро Германия. Куда привела меня моя военная жизнь. Ты можешь меня понять, если переживал чувство унижения, оскорбления своего “я”, своего достоинства. Я, боец, выполняю все приказания каких-то сержантиков, людей, которые никоим образом в мирное время не могли даже быть знакомыми со мной. А здесь я выполняю то, что мне прикажут...»* Далее она писала о том, как попыталась устроить свою личную жизнь и *«получила возможность выбраться из этого пекла»* (беременных женщин-военнослужащих демобилизовывали и отправляли домой): *«Миша!.. Порой готова на все! За мной ухаживали мужчины. Я видела их жадные, пошлые взгляды, я понимала, что здесь, среди этих людей, этой обстановки нет настоящих чувств. Я искала, я ждала 2 года... И я нашла теперь человека, который заменил мне все в жизни. Военный, фронтовой друг. Всегда и везде я чувствую его неустанную заботу, его любовь. После 18–20-часовой работы я иду к нему, я отдыхаю у него... Я забываюсь с ним... Миша, поймешь ли ты всю тяжесть моей жизни... Борьба чувства долга, чести с простыми человеческими чувствами. Я верю Владимиру, Миша, верю. Хочу, чтобы и ты верил и уважал того человека, коего я люблю... Прости и не осуждай свою сестру. Слишком ломан и странен ее жизненный путь, слишком запоздала ее любовь. Я вышла замуж... Формально оформить его сейчас нет возможности. Миша, дело не в формальности, а в глубине и искренности чувств. Будем реально смотреть на вещи. Теперь у меня есть возможность выбраться из этого пекла. Представь, этот шаг стоит моей жертвы... Миша, славный, пиши мне, не осуждай меня. Что ждет меня дальше... Я верю в лучшее будущее, верю Владимиру. Пиши, что хорошего в Свердловске. Скоро ли я приеду домой, ты примешь меня и не отвернешься. И будешь любить моего малыша, твоего племяшку...» [22].*

В заключение хочется привести слова К. Симонова: *«Мы, говоря о мужчинах на войне, привыкли все-таки, беря в соображение все обстоятельства, главным считать, однако, то, как воюет этот человек. О женщинах на войне почему-то иногда начинают рассуждения совсем с другого. Не думаю, чтобы это было правильно»* [23]. Бывшие солдаты с благодарностью вспоминают своих подружек, сестренек, которые выволакивали их раненых с поля боя, выхаживали в медсанбатах и госпиталях, сражались с ними рядом в одном строю. Женщина-друг, соратник, боевой товарищ, делившая все тяготы войны наравне с мужчинами, воспринималась ими с подлинным уважением. Вот как отзывался о девушках-санинструкторах фронтовик Д.Ф. Златкин: *«Женщинам, конечно, очень трудно было, особенно этим маленьким девочкам, которые искали романтику в войне. Она вынесла на себе столько... Да, она достойна похвалы, награды. Это адская работа – под пулями выносить раненых... Эти женщины – бойцы, настоящие бойцы, не мыльный пузырь. Я перед такими преклоняюсь. Они достойны чего угодно... Или женщины-снайперы... У нее десятки убитых на счету... Конечно, таким женщинам надо низко кланяться»* [24].

За заслуги в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны свыше 150 тыс. женщин были награждены боевыми орденами и медалями [25].

Примечания:

1. Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны (далее – БГМИВОВ). Инв. 36792.
2. Алексиевич С. У войны – не женское лицо. Минск, 1985. С. 101.
3. Центральный архив Министерства обороны (далее – ЦАМО РФ). Ф. 372. Оп. 6570. Д. 46. Л. 84.
4. Алексиевич С. Указ. соч. С. 61.
5. Там же. С. 58.
6. Там же. С. 166.
7. Там же. С. 61–62.
8. Там же. С. 117.
9. Самойлов Д. Люди одного варианта. Из военных записок // Аврора. 1990. № 2. С. 77.
10. Алексиевич С. Указ. соч. С. 176–177.
11. Симонов К. Разные дни войны. Дневник писателя. М., 1975. С. 225–226.
12. Как жили на фронте // Аргументы и факты. 1995. № 18–19.
13. Самойлов Д. Указ. соч. С. 77.
14. См.: Пушкирев Л.Н. По дорогам войны. Воспоминания фольклориста-фронтовика. М., 1995. С. 98–99; Сенявская Е.С. 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995. С. 170–171, 176.
15. БГМИВОВ. Инв. 36792.
16. Там же.

17. ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 58.
18. Там же. Л. 90–91.
19. Там же. Л. 85.
20. Там же. Л. 87.
21. Там же. Л. 93.
22. Там же. Л. 84.
23. Слова, пришедшие из боя. Статьи. Диалоги. Письма. М., 1985. Вып. 2. С. 98.
24. Респондент: Златкин Даниил Федорович, 1912 г.р. Записан Е.С. Сенинской в Москве 16 июня 1997 г.
25. Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 270.

И.Г. Тажидинова

ЖЕНЩИНЫ В АРМИИ: СВИДЕТЕЛЬСТВА МУЖЧИН-КОМБАТАНТОВ (1941–1945 гг.)*

Тема «женского» присутствия в Красной армии в период Великой Отечественной войны изучена столь поверхностно, что затруднительно перечислить все ее аспекты, нуждающиеся в прояснении. Даже количественные данные о женщинах-военнослужащих в 1941–1945 гг. известны весьма приблизительно. К проблематике, касающейся фронтовых связей (т.е. любви и секса на войне), сексуальных посягательств и насилия в Красной армии достаточно трудно подступиться и сегодня, даже располагая соответствующими источниками, так как требуется особая взвешенность и деликатность в ее рассмотрении. Собственно, многие проблемы повседневного существования советских комбатантов, связанные с ценностными ориентациями, чувственными переживаниями, психологией внутриармейских отношений и военного быта стали занимать исследователей относительно недавно.

По мнению Д. Гланца, «одним из наиболее неясных и спорных вопросов относительно состава Красной Армии времен войны» является то, в какой мере ГКО и НКО призывали и использовали женщин в качестве военнослужащих на боевых и небоевых ролях. В этой связи он замечает, что вплоть до самого недавнего времени большинство советских и российских исследований игнорировали боевой вклад женщин, предпочитая сосредоточиваться на их деятельности в качестве санитарок и шоферов, но, прежде всего, роли женщин в советской экономике в годы войны. По официальным данным, более 550 тыс. женщин были призваны в ПВО, медико-санитарную службу, войска

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 12-01-00127а «Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945 гг.)».

связи, дорожную службу и на другие небоевые специальности, служили в качестве снайперов, в трех женских авиаполках. Однако Гланц, опираясь на официальные документы, а также косвенные данные, предполагает, что число женщин в военной форме превышало 1 млн чел. [1]. Р.Р. Хисамутдинова и А.Г. Алексеева подтверждают, что особенно много женщин насчитывалось в медицинской службе, в частях ПВО и службах регулирования движения на фронтовых дорогах, указывая, что 95 % женщин, служивших в РККА в годы войны, находились в возрасте до 30 лет [2].

Мобилизация женщин в РККА была связана с истощением людских ресурсов, ощутимым с зимы 1941/1942 гг. Исследователи подчеркивают, что изначально это был процесс замены мужчин в небоевых частях призванными на службу женщинами. Высвободившихся мужчин планировалось использовать как подкрепление для боевых частей на фронте, и такое замещение, судя по всему, приветствовалось фронтовиками. Летом 1942 г. военный переводчик В.И. Стеженский занес в свой дневник одобрительную запись: *«У нас тут будет пополнение. Всех тыловых крыс заменяют женщинами. Давно пора, а то нарастили себе животы, наплодили писаришек и холуев»* [3].

Хотя среди женщин в годы войны были снайперы и разведчики, танкисты и летчики, но, в большинстве своем, женский контингент заменил военнослужащих-мужчин на должностях радистов и радиотелеграфистов, телефонистов и писарей, поваров и кладовщиков, работников полевой почты и экспедиторов, слесарей и техников, прочего обслуживающего состава. Герой Советского Союза, генерал-майор авиации Н.П. Жуган, в войну летавший на дальнем бомбардировщике Ил-4, вспоминает, что рядом служило немало женщин. *«Бомбы подвешивали женщины. Были прибористами, меняли приборы на самолетах. Но больше – бомбы подвешивали. Шофера были женщины. Везли нас»* [4]. Офицер-пехотинец А.З. Лебединцев приводит данные, что в 1943 г. в его полку насчитывалось *«десять медичек, две радистки, стряпуха и писарь»*, а в конце года полк пополнился 14 украинками, пережившими оккупацию (две стали поварами, остальные – телефонистками в роте связи) [5].

Безусловно, большинство должностей, на которые направлялись женщины, имели небоевой характер, но, по предположению Гланца, «некоторые, вероятно, были и боевыми». В любом случае, даже в тыловых частях и учреждениях, на достаточном удалении от передовых позиций, женщины подвергали свою жизнь серьезной, порой смертельной опасности. На это обратил внимание О.В. Бредихин, в войну служивший разведчиком. Он рассказал, что женщин в войсках оказывалось тем больше, чем дальше от переднего края находились определенные подразделения и службы. Например, это касалось банно-прачечного батальона, где были исключительно женщины, или хлебопекарен, располагавшихся в *«штабе дивизии и дальше»*. *«Туда стекалось все из госпиталей. Там они приводили в порядок, что-то починяли, что-то шили, что-то стирали, латали. Там женщин было полно, но это ж было от переднего*

края минимум 15 км, а максимум – километров 20. И тоже их бомбили точно также. И точно также они гибли там. Хлебопекарня, там женщины работали. Вот санитарная рота – это уже в полку. Там уже тоже врачи были. Они обрабатывали, отправляли. Это почти на переднем крае. А вот прямо... где самое-самое... там не было никого». На переднем крае могла быть женщина-санинструктор, однако лично ему, вопреки тиражированному кинофильмами о войне образу, приходилось сталкиваться, в основном, «с мужиками-санинструкторами». Резюмирует по этому поводу так: «Вытаскивали раненых. Че там женщина может сделать? Ну, это были единичные тетки, которые были храбрые...» [6].

То, что девушки и женщины, прибывавшие на фронт, чтобы служить на боевых ролях, довольно часто перемещались на роли небоевые, было связано, в том числе, с осознанием женщинами трудностей фронтовой жизни, невозможности для себя вписаться в ее реалии. О.В. Бредихин рассказал о том, что когда в штаб бригады прибыло 20 девушек-снайперов, до того полгода обучавшихся на курсах, это произвело на мужчин-военнослужащих сильный эффект, однако пополнение задержалось на передовой ненадолго: «Стреляли они, может, и хорошо... Вот к нам попало в полк 5. Через месяц одна стреляла; снайпером была. Одна. А четверо сразу исчезли. Через неделю-две. Та – телефонистка в штабе батальона, та – телефонистка в штабе полка. [Смеется]. Хотя приехали как снайперы. Они, когда в обстановку эту вошли, они вообще этого не смогли. Одна из пяти была, которая занималась снайперским делом». В то же время Бредихин вспоминает о большом числе зенитчиц: «Знаете, где больше всего женщин было? В зенитных батареях. Полностью расчет артиллерийский. Самолеты сбивали. И наводчики. Много было артиллерийских дивизионов, где сплошные девчата были» [7].

Воюющие девчонки, по словам Е.С. Сеньявской, вызывали у многих мужчин чувство вины, а вместе с тем смесь восхищения и отчуждения. Ветеран войны М. Кочетков делился размышлениями на эту тему: «Когда две женщины ползут кого-то убивать со “снайперкой” на нейтральной полосе – это все-таки “охота”... Хотя я сам был снайпером. И сам стрелял... Но я же мужчина... В разведку я, может быть, с такой и пошел, а в жены бы не взял» [8]. Восприятие женщин-военнослужащих мужчинами, действительно, проходило сквозь призму стереотипных представлений о типично женском. Поэтому отмечалось небезразличное отношение мужчин к внешнему облику женщин, служивших рядом.

А.З. Лебединцев специально останавливается на неудобствах в одежде, которые вынуждены были терпеть на протяжении войны женщины-военнослужащие. Как исключение выделяет «одеяния» очень небольшого числа женщин «только в штабах, в 1941 и в 1945 годах в летнюю пору». «Но если спуститься до полковых и батальонных штабов, медицинских рот и рот связи, да еще в зимне-весеннее время, да на дорогах, разбитых гусеницами целой танковой армии, то вид наших женщин без содрогания не вспомнить

даже теперь, 57 лет спустя после Победы», – пишет он. По воспоминаниям Лебединцева, визуально определить местонахождение талии или бюста в тех условиях, когда женщины были одеты по-зимнему, т.е. в солдатские кальсоны, бязевые нижние мужские рубахи, ватные брюки, телогрейки, было практически невозможно. За своеобразие нарядов связистки и медички даже получили прозвище полковых «толстушек» [9].

Отзывы о внешнем облике фронтовичек отдают прохладой, чувствуется, что мужчины не особенно вдавались в подробности того, как сложно было женщинам поддерживать себя в порядке. Иные из мужчин демонстрировали достаточно высокий уровень запросов не только к внешнему виду женщин, но и к их интеллектуальным и моральным качествам. Спустя полгода фронтовой жизни переводчик В. Раскин (1921 г.р., до войны – ленинградский студент) оценивал ситуацию с женским контингентом так: *«Девушек нет, несколько военфельдшеров в юбках не спасает положения: количество ничтожно, да и качество не на высоте». Конкуренцию с «мирными» девушками «военные» выдерживали с трудом. Раскин, весной 1944 г. по случаю оказавшийся в Ленинграде, писал в письме близкой подруге: «Когда два года кряду пришлось видеть сплошь сапоги да полушубки с ватными штанами, то чудом стала женщина в туфлях и шелковом платье. По совести говоря, надоела эта бесконечная “девушка в солдатских сапогах”, перестала она быть новой. Как хотите, а в туфельках красивее» [10].*

По письмам фронтовиков чувствуется, насколько они сомневались в том, что в армии есть место женщине. Однако примечательно, что физические перегрузки женщин-военнослужащих или их неприспособленность к фронтовой обстановке назывались в ряду негативных факторов совсем не так часто, как характер отношений, которые складывались между полами в армейских условиях в военное время. Красноармейцы разных чинов, возрастов и уровня образования, сторонники традиционных и передовых взглядов выражали, по сути, сходную позицию. И состояла она в том, что женщине на фронте чрезвычайно трудно сохранить свое достоинство, моральный облик. Капитан-артиллерист И.С. Горохов в переписке с женой искренне переживал о судьбе общей знакомой: *«От Лильки тоже получил письмо. Как-то она жить будет в армии? Я знаю многих девушек, находящихся на фронте и вижу, как избаловались некоторые из них. Пиши ей чаще, поддерживай в ней любовь к чистой девичьей жизни до окончания войны» [11].*

Ближних женщин, стоявших на пороге выбора, пугали фронтовыми трудностями, а нередко и тем, что прекратят с ними отношения. Когда тема ухода на фронт всплыла в переписке разведчика В. Баранова (1924 г.р.) с его 17-летней невестой, то юноша предостерег девушку от такого шага в категоричной форме: *«Конечно, девушка девушке рознь, но факт остается неоспоримым. Я вижу здесь, как они “перерождаются”, хоть геройские подвиги на фронте, как составную часть жизни, нельзя отнять у них. Уж не в армию ли едешь ты, Дуся? Если в один из дней случится это – ты потеряна для меня навсегда» [12].*

Командир танка, гвардии лейтенант И.С. Украинцев без особых успехов пытался примириться с тем, что его любимая девушка служит старшим лейтенантом медицинской службы в особом учебном танковом полку и собирается на фронт. Рассказывая о фронтовом быте, намекал ей на свои сомнения: *«Жечь костры – нельзя. Приходится... завидовать медикам, расположившимся в палатке с большими начальниками»*. Из писем И.С. Украинцева, дневника В.И. Стеженского и других источников ясно, что к медперсоналу нередко клеились нелестные ярлыки *«эрзац-солдат»* и *«постельных принадлежностей»* [13].

В то же время мужчины, как правило, отрицали наличие и даже возможность сексуальных отношений на передовой. Пытаясь преодолеть недоверие жены, капитан И.С. Горохов писал: *«Кто воюет непосредственно на передовых позициях великих сражений, тот сохраняет в душе своей образ родной жены, деточек любимых, тот чист сердцем своим. Забывают же подруг своих, детей своих те, кто сытно жрет, изящно одевается – кто тащится в обозе за великими сражениями»* [14]. В.А. Казаков, называющий себя в воспоминаниях *«фронтовым солдатом»*, также подтверждает, что аморальное, а порой и циничное поведение некоторых офицеров в отношении девушек-санинструкторов и фельдшеров воинских частей наблюдалось именно во вторых эшелонах обороны: *«Я думал, насколько трудно служить в армии порядочным девушкам, которые не хотят исполнять прихоти офицеров и ложиться с ними в постель по первому требованию. Я видел настоящих патриотов, которые искренне хотели служить Родине, а не быть “подстилками” или ППЖ, как их обычно называли фронтовики»*. Казаков признает героизм *«сестричек»*, вытаскивавших на своих хрупких плечах с поля боя под огнем противника не только раненых красноармейцев, но и их оружие. Однако в его памяти осталось и то, что присутствие женщин в армии провоцировало дуэли, скандалы, интриги [15].

Вопиющие случаи сексуальных домогательств в отношении женщин-военнослужащих отложились в памяти фронтовиков, найдя отражение в мемуарах, опубликованных в последние годы. Н.Н. Никулин, прошедший войну рядовым солдатом, вспоминает о *«неком полковнике Волкове»*, который имел обыкновение дефилировать вдоль строя и отбирать приглянувшихся из женского пополнения. За сопротивление полагалась *«губа»* – холодная землянка, питание хлебом и водой. А.В. Пыльцын, в годы войны служивший в офицерском штрафбате, рассказывает об одном *«выдающемся»* штрафнике, *«осужденном, как теперь сказали бы, за сексуальное домогательство и половое насилие в особо извращенном виде»*. За насилие и шантаж этот майор, начальник одной из тыловых служб, получил 10 лет лишения свободы с заменой 3 месяцами штрафного батальона, что признавалось Пыльцыным и его сослуживцами в высшей степени справедливым [16].

Однако мужчинам из числа начальства отнюдь не обязательно было применять *«грубый нажим»*, так как истосковавшиеся по человеческим (т.е.

выходящим за рамки армейских) отношениям женщины проявляли слабость к *«изысканным ухаживаниям»*. Никулин, который ведет речь не о *«голодных солдатах»*, а именно о командных чинах, вспоминает, что *«среди множества кавалеров были удалцы на любой вкус: и спеть, и сплясать, и красно поговорить, а для образованных – почитать Блока или Лермонтова»*. *«И ехали девушки домой с прибавлением семейства. В нашей части из пятидесяти прибывших в 1942 году к концу войны осталось только два солдата прекрасного пола»* [17].

Никулину вторит Л. Рабичев, утверждающий, что женская судьба в армии в условиях военного времени часто складывалась по такой траектории: в первые месяцы женщина упорно отстаивала свое достоинство, а потом влюблялась в солдата или лейтенанта, которого старший по чину офицер начинал *«изводить»*, и, в конце концов, не было у женщины другого выхода, как вступить в сексуальные отношения с этим *«подлецом»*. Тем не менее, у того же Рабичева можно встретить трезвое суждение о том, что стать *«ППЖ»* (походно-полевой женой) – это был один из *«самых лучших»* выходов для женщины на фронте, особенно если иметь в виду полевую спутницу генерала (*«похуже – полковника (генерал отнимет)»*) [18]. Как минимум, можно было избавиться от притязаний других мужчин-военнослужащих, как максимум – обеспечить себе нормальные или даже привилегированные условия существования (одежду, еду, жилье и пр.). Симптоматично, что такой лояльный взгляд встречается почти исключительно в воспоминаниях фронтовиков, тогда как в письмах и дневниках военного периода обнаружить положительные отзывы о ППЖ едва ли возможно. Видимо, некоторые фронтовики смягчились в своем отношении к ППЖ (по большей части, презрительном) уже по прошествии времени, после определенных размышлений на эту тему. *«В армии могла спокойно жить только та женщина, которая имела постоянного покровителя, иначе ухаживания принимали совершенно невыносимую форму»*, – заявлял в своих воспоминаниях И.М. Дьяконов [19].

Источники личного происхождения позволяют судить, что мужчин-военнослужащих в *«походно-полевых романах»* их командиров раздражало следующее: во-первых, откровенность подобных связей (а иными они в армейской среде в условиях военного времени быть и не могли), и, во-вторых, особенности поведения женщин, находившихся в подобном статусе (развращенность, избалованность). Более или менее взвешенное суждение о явлении ППЖ, довольно точно схватывающее долгое время остававшуюся вне поля зрения чувственную его сторону, приводит Никулин: *«Действительно, у Лидии Николаевны, говоря штатским языком, был роман с комдивом. А говоря по-армейски, она была ППЖ комдива...»* [20]. Таким образом, мемуаристом признается искренность и естественность подобной связи, вероятно, основанной на взаимном чувстве, и в мирных условиях достойной называться *«романом»*. Да, собственно, само наименование *«жена»* говорит в пользу того, что такого рода отношения, во многих случаях, были серьез-

ными и устойчивыми, хотя чаще всего с окончанием войны и прерывались. А.З. Лебединцев упоминает, что поскольку у большинства офицеров были «довоенные семьи», к которым они вернулись, то именно из-за нежелательности встреч с бывшими фронтовыми подругами часть ветеранов отказалась от посещения сборов однополчан [21].

«Присутствие женщин имело огромное значение в этом большом скоплении молодых мужчин, лишенных нормального женского общества», – констатировал И.М. Дьяконов [22]. Происходило «оживление» мужского коллектива, в нем «прекращался мат и прочие вольности». Кроме того, женщина, пользовавшаяся уважением однополчан, могла повести в атаку не хуже политрука. Лебединцев вспоминает о лейтенанте Шуре Масловой (Переваровой), комсорге стрелкового полка: «Она не раз поднимала роты в атаку, когда взводный лейтенант не мог сам оторвать от земли зеленых новобранцев. А перед ней они пасовали. Да, и она жила с полковым особистом Переваровым. Приезжала в подмосковные Химки рожать к матери, оставляла бабушке внука-младенца и свой денежный аттестат фронтового содержания на прокорм по карточкам, а сама снова возвращалась в строй» [23].

Так или иначе, фронтовые женщины (в телогрейках или в подогнанной по фигуре форме) глубоко врезались в память своих сослуживцев. В воспоминаниях, написанных полвека и более спустя после войны, некоторые из них посчитали важным вывести их образы, но, прежде всего, сказать о том, как непросто далось женщине пребывание в Красной армии в 1941–1945 гг. «Понимал я, – напишет «задним числом» Л. Рабичев, – как трудно было существовать этим восемнадцатилетним девочкам на фронте, в условиях почти полного отсутствия гигиены, в одежде, не приспособленной к боевым действиям, в чулках, которые то рвались, то сползали, в кирзовых сапогах, которые то промокали, то натирали ноги, в юбках, которые мешали бегать и у одних были слишком длинные, а у других слишком короткие, когда никто из солдат и офицеров прохода не давал, а были среди них не только влюбленные мальчики, но и изощренные садисты» [24]. Оценивая положение женщины в РККА в 1941–1945 гг., нельзя не учитывать отношения к ней мужского большинства. Источники личного происхождения свидетельствуют, что мужчина, выступавший в роли сослуживца или командира, мог облегчить пребывание женщины в армии, содействовать ее адаптации к фронтовым условиям, но он мог и осложнить ее положение, вплоть до крайностей.

Примечания:

1. Гланц Д. Восставшие из пепла. Как Красная Армия 1941 года превратилась в Армию Победы. М., 2009. С. 297–298, 303–304.
2. Хисамутдинова Р.Р., Алексеева А.Г. Повседневная жизнь женщин-фронтовиков по их воспоминаниям // Россия в Отечественных войнах: Сб. ст. Оренбург, 2012. С. 317.
3. Стеженский В.И. Солдатский дневник: военные страницы. М., 2005. С. 55.

4. Респондент: Жуган Николай Павлович, 1917 г.р. Записан И.Г. Тажидиновой в г. Краснодаре 25 октября 2012 г.
5. Лебединцев А.З., Мухин Ю.А. Отцы-командиры. М., 2004. С. 500.
6. Респондент: Бредихин Олег Васильевич, 1925 г.р. Записан И.Г. Тажидиновой в г. Краснодаре 23 октября 2012 г.
7. Там же.
8. Алексиевич С. У войны не женское лицо... Документальная проза. Минск, 1985. С. 117; Сенявская Е.С. Женские судьбы сквозь призму военной цензуры // Военно-исторический архив. 2001. № 7(22). С. 38.
9. Лебединцев А.З., Мухин Ю.А. Указ. соч. С. 509, 506–507.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1400. Л. 18, 106.
11. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 6217. Оп. 6. Д. 13. Л. 15.
12. Письма Великой Отечественной (из фондов ГУ «ЦДНИТО»): Сб. документов. Тамбов, 2005. С. 155.
13. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1208. Л. 42–42об., 53; Стеженский В.И. Указ. соч. С. 145.
14. ЦАНО. Ф. 6217. Оп. 6. Д. 13. Л. 32.
15. Казаков В.А. Воспоминания и размышления солдата о войне. М., 2002. С. 98, 99, 110.
16. Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. СПб., 2008. С. 37; Пыльцын А.В. Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина. СПб., 2003. С. 67–68.
17. Никулин Н.Н. Указ. соч. С. 36–37.
18. Рабичев Л. «Война все спишет»: мемуары, иллюстрации, документы, письма. М., 2008. С. 168.
19. Дьяконов И.М. Книга воспоминаний. СПб., 1995. С. 551.
20. Никулин Н.Н. Указ. соч. С. 159.
21. Лебединцев А.З., Мухин Ю.А. Указ. соч. С. 512.
22. Дьяконов И.М. Указ. соч. С. 551.
23. Лебединцев А.З., Мухин Ю.А. Указ. соч. С. 506.
24. Рабичев Л. Указ. соч. С. 168.

В.В. Смеюха

ЖЕНСКИЕ ПИСЬМА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ПРЕССЕ (НА ПРИМЕРЕ «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ»)

Письма периода Великой Отечественной войны являются важным историческим материалом, способствующим как воссозданию военных событий 1941–1945 гг., так и изучению особенностей быта, личностно-эмоциональной среды индивидов, находившихся в условиях боевых действий и в тылу.

Сегодня исторические источники личного происхождения представляют интерес для ученых [1], рассматривается также и гендерный аспект личной переписки [2]. Изучение содержания женских писем помогает выявлению гендерных трансформаций в условиях войны, отражает роль женщины в политических, экономических, культурных процессах обозначенного периода, детализирует особенности семейной, хозяйственной и чувственно-эмоциональной сферы.

В 1941–1945 гг. личные письма публиковались в периодических изданиях. Переписка является средством межличностной коммуникации, однако распространение ее содержания через каналы массовой информации позволяет не только популяризировать содержание письма среди многочисленных читательских структур, но и использовать его с целью привлечения внимания к проблемно-тематическим аспектам, управления эмоциональным состоянием аудитории, ориентирования на реализацию определенных задач.

Военные письма являлись важным элементом пропагандистской деятельности. Причем метод воздействия на аудиторию посредством публикации писем использовался как советской, так и немецкой стороной (например, в 1941 г. в Берлине вышла книга В. Диверрге «Советский Союз глазами германских солдат. Письма с Востока»). Наиболее эффективным средством пропаганды в 1941–1945 гг. являлась печать: листовки, плакаты, а также газеты и журналы можно было распространять в тех условиях, где не могли функционировать визуальные и аудиальные коммуникации. Кроме того, печатная продукция передавалась от читателя к читателю, что увеличивало время ее воздействия и охват потенциальной аудитории. В СССР периодической печати военного периода уделялось значительное внимание: был утвержден перечень изданий, расширилась сеть военных газет, увеличился штат военных корреспондентов [3].

Письма публиковались во многих периодических изданиях рассматриваемого периода. Исследователь советской военной пропаганды Н.М. Галимуллина оценивает роль размещения личной переписки в СМИ следующим образом: «Особое место в системе военной пропаганды в годы войны занимала работа с солдатскими письмами, обеспечивающая интерактивность процесса. Создавалась так называемая обратная связь: пропагандисты, используя внештатных авторов в качестве соавторов, публикуя письма бойцов, как бы втягивали их в дискуссию, вызывая еще больший интерес к СМИ. При этом работа с письмами читателей не ограничивалась лишь их публикацией. Необходимо было добиться и реагирования компетентных лиц и органов на них» [4]. Однако публикация писем в прессе помогала реализации еще нескольких задач: во-первых, письма освещали ход войны, подробности жизни военнослужащих и гражданских лиц, во-вторых, личная переписка способствовала формированию патриотических, антифашистских настроений. В роли авторов писем выступали рядовые бойцы, граждане тыла – представители массовой аудитории, вызывавшие доверие у читателей.

Газета «Комсомольская правда» была учреждена в 1925 г. с целью освещения деятельности комсомола и позиционировалась как издание советской молодежи. В годы Великой Отечественной войны публиковала фронтовые сводки, военные очерки, письма. Раздел писем, представленный в издании, имел рубрики, названия которых отражали характеристики адресантов (территорию, на которой они находились, возраст, профессию), время написания: «Письма из действующей армии», «Письма детей и воспитателей детдомов», «Письма из освобожденных районов», «Предмайские письма с фронта и из тыла» и др.

В письмах, авторами которых являлись женщины, можно выделить несколько структурных составляющих, оказывавших эмоциональное воздействие на аудиторию. Во-первых, адресант. Женщины, ассоциировавшиеся с традиционными ролями жены, матери, продолжательницы рода, в период войны сражались на фронте наравне с мужчинами. Происходило нарушение привычных для гендерного порядка норм, что привлекало внимание читателей, укрепляло героические настроения как мужской, так и женской аудитории. Женщины, оставшиеся в тылу, включались в те профессиональные сферы, где особо ощущалась нехватка трудовых ресурсов, увеличился объем работ, выполнявшихся женским населением. Например, по данным статистики, за 1941–1945 гг. число женщин-фрезеровщиков возросло в 1,4 раза, токарей – в 2 раза, слесарей – в 3, шоферов – в 8 раз; в 1940–1944 гг. численность женщин среди председателей колхозов увеличилась с 3,1 до 14,7 % [5]. Изменение форм женского труда, повышение значимости женской деятельности для фронта и тыла вели к позиционированию таких качеств, как сила, мужество, стойкость, ответственность.

Во-вторых, содержание писем. Авторы рассматривали в переписке те вопросы, которые затрагивали непосредственные интересы адресатов (дом, семья, работа, дети) и, соответственно, вызывали определенные чувства, и мотивировали последующие поведенческие установки. Письма, размещенные в газете «Комсомольская правда», авторами которых были женщины, включали следующие тематические аспекты, привлекающие внимание массовой аудитории:

1. Информирование о трудовых успехах, помощи фронту: *«Мы решили, что каждый комсомолец в нынешнем году выработает не менее 300 трудодней. Засеем свою комсомольскую полоску для вас, родные наши защитники. Соберем с нее высокий урожай в фонд Красной Армии»* [6]; *«Сколько веселых концертов было устроено в палате, сколько прочтено стихов, спето песенок...»* [7].

2. Описание жизни родственников, близких, тех, чье состояние вызывает переживания у индивида: *«О нас, дочка, не беспокойся. Все у нас дома в порядке, все живы-здоровы. Лена и Лека учатся. Я работаю день и ночь, ты ведь меня знаешь, я и в мирное время работала не покладая рук, а сейчас приходится так, что я по три дня дома не бываю. Однажды Лена расплакалась вечером. Спрашиваю: “Что случилось?” А она говорит: “Ты нас забыла совсем,*

по три дня не приходишь". Ну, я ей объяснила, что так надо» [8]; «Придешь домой вся разбитая, а тут надо еще хозяйством заняться, чтобы было чем-нибудь детей накормить» [9].

3. Сообщение о разорении личного и общественного хозяйства, краже имущества немецкими солдатами: «Как только немцы пришли, они сразу забрали наших семь овец, поросенка и 25 кур и все имущество, которое ты нажил честным трудом...» [10]; «Немцы отобрали у нас быка, всех кур и уток. Отобрали также картофель и часть твоей одежды. Но еще больше болит душа за наше колхозное добро. Ты ведь помнишь, какой богатый у нас был колхоз, а вот теперь мы стали нищие. Немцы все вывезли, даже колхозную пасеку разграбили. Свиноарник они уничтожили, амбар для зерна и другие надстройки тоже» [11].

4. Рассказ об угрозе жизни членов семьи, близких: «Вдруг, откуда ни возьмись, налетают семь немецких самолетов и начинают бить по эшелону. Выбежать никто не успел. Я держала сына на руках, когда пули со свистом начали прошивать потолок вагона. Бросив Игоря на вещи в угол, я прикрыла его своим телом. Если бы вы знали, как было жалко малытку в эту минуту! Я почувствовала боль в ноге. Посмотрела – кровь. Лежавшую рядом со мной женщину ранило в бедро. Ее кровь залила мне всю спину, пришлось сбросить мокрое пальто. Несчастная подружка умерла» [12].

5. Оповещение о гибели родственников, близких людей, описание их смерти: «Однажды партизаны оборвали немецкий кабель. Немцы стали искать виновников. Пришли они и к нам. На беду Витя как-то подобрал на улице кусочек старого кабеля. Придравшись к этому, немцы требовали, чтобы мама им выдала Витю. Мама сказала, что она не знает, где он. Тогда они забрали маму и расстреляли ее» [13]; «...мама пошла в Дубровку к бабушке. Там у нас были зарыты вещи. Она хотела отрыть вещи и принести. Но она не вернулась, а пришла бабушка и рассказала, что маму и Володю убило. Через пять дней бабушка умерла, и я осталась одна» [14].

6. Описание массовых убийств, злодеяний, учиненных немецкими солдатами: «Я видела своими глазами, как погибают советские военнопленные. Мне довелось побывать в Лозовой, и я видела, как из лагеря выносили по 60–80 трупов в сутки... Население немцы насильно угоняют в Германию. Особенно много угнали девушек. Там они живут как на каторге» [15]; «Немцы заставляли нас под палкой работать на них» [16].

7. Информирование о военной жизни: «Весь наш взвод – женский и почти весь комсомольский»; «Тут же под носом у врага проходит военная подготовка молодежи. В этом году в наш отряд уже влилось 150 человек» [17].

8. Представление душевных переживаний от разлуки с мужем, отцом, детьми: «Родной мой! Двадцать месяцев я живу мыслями о тебе. И вот сегодня весточка дошла до меня» [18]; «Хочется мне, родная, повидать тебя, тепло, горячо обнять» [19]; «Дорогой отец! Вот уже полгода мы ничего не знаем о тебе. Я верю, что если ты жив, то эти строчки дойдут до тебя» [20].

Так как письма, публиковавшиеся в прессе, являлись средством пропаганды, то соответственно, редакция издания практиковала метод информационного отбора – печатались письма, содержание которых помогало реализации конкретных задач. Анализ писем, вышедших в газете «Комсомольская правда», позволяет сделать вывод о том, определенная часть личной переписки была создана авторами специально для публикации в СМИ. Текст личного письма позволял включать в него следующие элементы пропаганды:

1. Формирование образа врага, использование при его описании слов с негативным оттенком: *«Папа, бей фашистских собак»* [21]; *«Пусть эта немецкая сволочь знает, что все мы как один помогаем фронту»* [22]; *«Пусть они, проклятые, содрогнутся от твоей мести, пусть земля под ними горит, поглощая эту падаль!»* [23].

2. Создание образа героя – советского солдата, освободителя, защитника: *«Болят у меня за тебя душа, за всех наших родных бойцов и командиров. Все наши мысли и дела направлены к тому, чтобы принести как можно больше пользы фронту, помочь нашим дорогим бойцам быстро уничтожить подлых фашистов»* [24]; *«И вот теперь в нашем доме родные красноармейцы. Я то плачу, то смеюсь от радости»* [25]; *«Иосиф сделал большой подвиг, уничтожив 47 офицеров, и командир его подтвердил этот подвиг, прислав мне записку»* [26].

3. Использование призывов к определенным действиям, указаний: *«Терпеливо до последнего часа войны исполняй свой долг перед Родиной»* [27]; *«Будь и впредь беспощаден к проклятым немцам»* [28]; *«Быстрее освобождайте советскую Украину»* [29]; *«Смело громите проклятых врагов!»* [30]; *«Убей столько фрицев, сколько букв в этих словах»* [31].

4. Эмоционализация событий и призывов: *«Милый Константин! Бей немцев еще безжалостнее, всей своей силой, всем своим умом. Отплати им за каждую мою слезу, которую я пролила в дни своих страшных скитаний по лесам Белоруссии»* [32]; *«Сердце болит, когда вспоминаешь, как много еще маленьких славных советских ребятишек живет под немецким ярмом в постоянном страхе за свою жизнь. Скорее освободите их!»* [33].

5. Повтор информации. В письмах часто используются одни и те же идеи: сражаться с врагом, отомстить ему, освободить родину; употребляются схожие призывы.

6. Политизация содержания писем, идеализация роли партии: *«Встретимся и отпразднуем радостно победу, отпразднуем вместе со всей Родиной, со всем народом, вместе с нашим дорогим товарищем Сталиным... Я уверена, что ты не смалодушничает, не струсил, ты – моя дорогая, милая дочь и дочь нашей Родины и партии»* [34].

7. Введение в текст письма идей военной политики: *«Смотри только не давайся немцам в руки»* [35]; *«Папа, очень тебя прошу: никогда не попадайся в руки проклятому немцу! Если уж окружают тебя в бою и девайся*

некуда, лучше прими смерть от последней пули, но не сдавайся, немцы все равно замучат» [36]. Как известно, в соответствии с Приказом Ставки ВГК от 16 августа 1941 г. № 270 советские военнослужащие, попавшие в плен, считались дезертирами, репрессии предпринимались по отношению к членам их семей. Именно данный документ обыгрывался пропагандой в личных письмах – сами родственники настаивали на том, что их отцы, мужья, дети должны умереть героями, а не оказаться в числе предателей.

Использование писем в пропагандистской работе подтверждает то, что газета размещала письма, переданные в редакцию с оккупированных территорий. Так, 3 марта 1943 г. в «Комсомольской правде» было напечатано письмо девочки Вали, проживавшей на территории Украины. Она писала своему отцу, рассказывала о жестокости фашистов и призывала быстрее освободить ее от захватчиков. Письма, публиковавшиеся в газете, часто сопровождалось предисловием, послесловием, в которых сообщалось об истории получения редакцией письма, жизни адресата, адресанта, что усиливало степень информационного воздействия на читателей. Например, письмо матери, адресованное санитарке Галине, предваряло обращение в редакцию ее однополчан: *«Дорогие товарищи из редакции! Нам хочется, чтобы советская молодежь узнала о замечательных русских женщинах – воине Галине Петровне Максимовой и ее матери... Когда мы читали это письмо, бойцы говорили: “Вот такие у нас замечательные матери. За таких не жалко и жизнь отдать”»* [37].

Редакция газеты, публикуя письма, реализовывала не только информационную, пропагандистскую функции, но и организаторскую. Она действовала в переписке новых участников: размещались письма школьников, девушек, которые хотели переписываться с бойцами. Переписка с военнослужащими представлялась сотрудниками издания, как важная и почетная миссия: *«Девушки завода «Каучук» решили завязать переписку с фронтовиками. Вот уже почти год, как дружеские письма соединяют отдаленных многими сотнями километров бойцов с юными жительницами столицы. Представитель части, с которой переписываются девушки, привез письмо, адресованное незнакомой девушке, лучшей работнице завода. Это письмо по праву было вручено 19-летней Любе Ивановой – бригадиру лучшей комсомольско-молодежной бригады»* [38]. В газете публиковались письма, которые отправлялись вместе с посылками в армию – редакция показывала пример конкретной помощи фронту: *«Дорогие товарищи краснофлотцы! Посылаю вам свой небольшой подарочек. ...бейте же все вражье, что встречается на вашем боевом посту»* [39]. Часто у писем не было конкретного адресата: сотрудники детсадов, детских домов писали о жизни ребят, чьи родители сражались на фронте.

В декабре 1941 г. редакция разместила в газете личные документы, дневники, письма немецких офицеров 25-й моторизованной дивизии, оставлен-

ные ими на поле боя. Были опубликованы выдержки из писем: *«Дорогой Фриц! Мы желаем и надеемся – хотя бы быстрее война с Россией пришла к концу. Мы должны тебе сообщить печальную новость: Карл Хепелер из Дюрвау убит. Папирос мы тебе послали лишь столько, сколько удалось достать. Твоя мать»*; *«Дорогой Фриц! Каждый день мы с болью в сердце ждем от тебя вестей, навсегда напрасно. У нас много лишений, мало еды и всегда опасность смерти. Твоя сестра Мета»*; *«Дорогой Альберт! Мне страшно подумать, что ты голодаешь, и я ничего не могу тебе послать. Дорогой Альберт! Будь всегда осторожен. Твоя мать»* [40]. В 1941 г. РККА потерпела ряд поражений, но зимой перешла в контрнаступление, и письма плененных немцев публиковались с целью показать, что ситуация в войне изменилась, и немецкие войска понесли потери. Помимо этого напечатанные в газете письма давали понять, что экономическое положение Германии ухудшилось.

Таким образом, личные письма, публиковавшиеся в прессе периода Великой Отечественной войны, являлись одним из видов военной пропаганды. Военные условия трансформировали гендерные модели поведения, и женские письма, печатавшиеся в СМИ, наглядно демонстрировали данные изменения, производя на аудиторию определенное эмоциональное воздействие. С одной стороны, женщины-авторы показывали, что нуждались в защите, с другой, описывали свои действия, которые свидетельствовали о женском мужестве и героизме. Текст женского письма, использовавшийся в целях пропаганды, позволял от имени матери, жены, дочери распространять политические, антифашистские идеи, лозунги и призывы. Личностно-гендерный фактор повышал степень воздействия пропаганды на аудиторию.

Примечания:

1. Бусленко Н.И. На ростовских рубежах: немецкие письма сорок первого года. Ростов н/Д, 2005; Иванов А.Ю. Анализ фронтовых писем периода Великой Отечественной войны в свете инновационных источниковедческих подходов // Вестник Чувашского университета. 2008. № 4. С. 37–41; Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г. Письма военного времени в архивном фонде Российской Федерации // Отечественные архивы. 2011. № 2. С. 87–96.
2. Матлина С.Е. «...Мой дорогой, дорогой друг!». Фронтовые письма Елизаветы Михайловны Семиградской Николаю Калининвичу Гудзию (1944–1945) // Вопросы культурологи. 2009. № 9. С. 28–33; Реброва И.В. «Женская» повседневность в проблемном поле Великой Отечественной войны // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 25–33.
3. Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики. М., 1999.
4. Галимуллина Н.М. Пропагандистское воздействие, направленное на Вооруженные силы в 1941–1945 гг.: основные формы // Вестник ВЭГУ. 2008. № 6. С. 30

5. Волкова Е.Ю. Женщины тыловых регионов России в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Автореф. дисс... д-ра ист. наук. СПб., 2008.
6. Темникова Л., Меньшикова Ш., Засыпкина Д. Комсомольская полоска // Комсомольская правда. 1943. 29 апреля. С. 3.
7. Петриковская А. Дядя Володя! Мы выполнили вашу просьбу. Письмо пионеров 19-й школы города Свердловска Герою Советского Союза В. Белоусову // Там же.
8. Твоя бабушка мама. Русские женщины // Там же. 16 марта. С. 3.
9. Твоя дочь Мария. Письмо отцу // Там же. 25 апреля. С. 3.
10. Там же.
11. Твое письмо дошло, Валя! // Там же. 3 марта. С. 3.
12. Твоя Лариса Б. 20 месяцев из жизни одной семьи // Там же.
13. Твоя дочь Мария. Указ. соч.
14. Литвякова Н. Как меня спасали. Фронтовику М. Литвякову // Там же. 27 марта. С. 3.
15. Твое письмо дошло, Валя!
16. Твоя дочь Мария. Указ. соч.
17. Аня Е. Через линию фронта. Письмо из вражеского тыла // Там же. 1942. 15 июля. С. 3.
18. Твоя Лариса Б. Указ. соч.
19. Твоя бабушка мама. Указ. соч.
20. Твоя дочь Мария. Указ. соч.
21. Твое письмо дошло, Валя!
22. Твоя бабушка мама. Указ. соч.
23. Твоя Лариса Б. Указ. соч.
24. Твоя бабушка мама. Указ. соч.
25. Твоя дочь Мария. Указ. соч.
26. Уколова А. 47 точек. История одной фотографии // Там же. 29 апреля. С. 3.
27. Твоя бабушка мама. Указ. соч.
28. Уколова А. Указ. соч.
29. Твое письмо дошло, Валя!
30. Шелопаева Н. Весточка из «Муравейника». Фронтовикам Павлу Николаевичу Пчелинцеву, Ефиму Петровичу Константинову, Михаилу Ивановичу Кириллину // Там же. 1943. 27 марта. С. 3.
31. Фомичева Э. Записки, вложенные в посылки // Там же. 29 апреля. С. 3.
32. Твоя Лариса Б. Указ. соч.
33. Шелопаева Н. Указ. соч.
34. Твоя дочь Мария. Указ. соч..
35. Твоя бабушка мама. Указ. соч.
36. Твое письмо дошло, Валя!
37. Сверликов С., Фисенко Г. Русские женщины // Там же. 1943. 16 марта. С. 3.
38. Как воюет наша бригада. Фронтовику 49-й Гвардейской танковой бригады Ивану Федоровичу Мыскину // Там же. 29 апреля. С. 3.
39. Рябинина Н. Записки, вложенные в посылки // Там же. С. 3.
40. О чем им пишут // Там же. 1941. 3 декабря. С. 3

И.М. Есип

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В НАРОДНОМ САМОДЕЯТЕЛЬНОМ ТВОРЧЕСТВЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ДОНБАССА)

Фольклор – это традиционное художественное творчество народа. Он включает в себя устные словесные произведения многих жанров: от басен (былин) до воинских песен, причетов, пословиц, поговорок, частушек, анекдотов. Фольклор народен по содержанию и стилю. Творцы фольклора многочисленны, что и определяет коллективную его природу, он выражает народные мысли и чувства. На каждое событие, значимое для общества, люди творчески реагировали, выражая свое отношение в песнях, анекдотах, поговорках или ярких словечках – присловьях.

Фольклор периода Великой Отечественной войны, несмотря на огромную исследовательскую работу, изучен еще недостаточно. В.Е. Гусев отмечает: «Нам явно недостает сведений об устной прозе и песенном творчестве узников фашистских концлагерей, а также интернированных военнопленных, о фольклоре населения оккупированных регионов, а также населения тыла и эвакуированных жителей из захваченных фашистской армией областей. Здесь предстоят еще и архивные разыскания, и полевые исследования» [1]. Данная работа представляет собой попытку рассмотреть один из аспектов народного фольклора Великой Отечественной войны – это женские образы, нашедшие отражение в песнях, поговорках, пословицах и самодеятельных стихах. Анализ фольклора военных лет позволяет нам больше узнать как о жизни отдельных индивидуумов, так и вообще о взаимоотношениях людей, объединенных всенародной бедой, реконструировать мировоззрение, менталитет, духовный мир человека в период Великой Отечественной войны.

В годы войны процессы создания и бытования устного народного творчества протекали особенно быстро. Фольклор периода Великой Отечественной войны – это произведения различных жанров: песенные, прозаические, афористические. Они создавались самими участниками событий и боев, тружениками фабрик и заводов, колхозных полей, партизанами, жителями временно оккупированных районов, узниками фашистских концлагерей и тюрем, девушками, насильно угнанными в гитлеровскую Германию. В этих произведениях нашли художественное отображение жизнь и борьба народов нашей страны, героизм защитников Отечества, вера в победу над фашистскими захватчиками, горечь отступления, радость победы, преданность Родине и предательство, верность в любви и любовные измены. Можно уподобить фольклор Великой Отечественной войны котлу, в котором переваривались,

перемешивались все народные традиции, а сама война обуславливала его тематику и придавала особый колорит фольклорным произведениям.

Особый раздел фольклора военных лет – фольклор полонянок: произведения, созданные девушками в фашистской неволе. В них выражена острая тоска по родине («*Жалко до слез родных берез*»). В песнях девушки жаловались на подневольную жизнь. На ногах у них кандалы, ранним утром немец-надзиратель поднимает их на работу криком: «*Авштей, авштей!*» А оставшиеся на родине матери изливали свое горе в причитаниях, которые война с фашистами наполнила новым содержанием.

*Ой, мамочко, моя рідна,
Як жити без роду.
Ні до кого прихилитись,
Хоч з мосту та воду...
На цьому писати кінчаю,
Мамо, ручку кріпко жму,
З любов'ю, з солодким поцілуєм
І до свіданія говорю [2].*

Фольклор тыла – произведения народного поэтического творчества, созданные и бытовавшие среди рабочих, колхозников и других тружеников тыловых районов. Его жанры – песни, причитания, частушки, легенды, предания, сказки. Фольклор тыла отразил патриотическое чувство народа. Лирические произведения запечатлели проникновенные образы девушек и женщин, стойко выдерживающих трудности военного времени. Их любовь к фронтовику сливалась с любовью к Родине. Наиболее распространенным жанром фольклорных произведений стали частушки – песенная летопись войны. Острые, искрометные, они отражали малейшие изменения в настроениях общества. В них, как в зеркале, отразились мысли и чувства людей, их боль и надежда, их быт и проблемы в военное время. Молодые девчата во время короткого отдыха сочиняли и пели частушки о своих девичьих проблемах:

*Ты, германец-иностранец, когда бросишь воевать?
Отпусти ребят на волю, девчат некуда девать.*

*Наши милые ребята ушли с немцем воевать.
Нам, девчонки, остается крепко их любить и ждать.*

*Ой, война, ты война, ты страдать заставила.
У девчат парней забрала, без мужей оставила.*

*Скоро кончится война, все поедут к женкам,
А погоны и ремни оставят ухажеркам.*

*Немец, немец, чужестранец, уходи скорей домой
Здесь ты уши потеряешь, у нас холодно зимой.*

Шутки и юмор спасали и поддерживали женщин после тяжелого изнурительного труда, когда они вынуждены были заменить ушедших на фронт мужчин. Особенно ярко это выразилось, опять же, в частушке:

*Ой, война, война, война, ты ж меня обидела,
Ты заставила любить, кого я ненавидела.*

*Девочки, война, война, девочки – победа,
Девочки, кого любить, – осталось три деда.*

*Если б не было войны, не было б Германии,
Кто б на эту шантрапу обращал внимание.*

*Девочки-девчоночки, не будьте гордоватые,
Любите раненых ребят, они не виноватые.*

Особый жанр составляют шахтерские частушки. После освобождения Донбасса встала остро проблема трудовых ресурсов и женщины, пришедшие на шахту, стали одним из главных персонажей этих народных произведений.

*Я горнячка круглолица,
Бравый конник – мой милоч.
Он в бою рубает фрицев,
Я – рубая уголек!
Ходит бабушка ворча:
– Ты сварила бы борща.
– Мне варить не хочется –
Я теперь проходчица!*

*Обушок мой, обушок,
Выстукай известие:
Пусть узнает мой дружок –
Выполнила двести я!
Я Петру на фронт писала,
Что две нормы нарубала.
Я рубала мирово –
За себя и за него [3].*

В декабре 1943 г. появились новые шахтерские частушки, посвященные женщинам-горнякам:

*Фрол Кузьмич строгаёт бревна,
Плотник опытный, толков:
Обучил на шахте ровно –
Шестерых учеников.
Мы, милёночек, с тобою
Повстречались в забое.
Не пришлось поговорить –
Я пришла тебя сменить.
Я пришла уголь рубить!*

*Таня с Маней, две молодки,
Отличились у лебедки.
Пожелаем мы добра
Фросе с Тосей у копра!
Отовсюду идут вести:
– Срочно выслан ваш заказ.
Дело доблести и чести –
Возродить родной Донбасс!!! [4].*

Фольклор рабочих (рабочий фольклор) – устные народные произведения, которые были созданы в рабочей среде или усвоены ею и переработаны настолько, что стали отражать духовные запросы именно этой среды. В отличие от частушки, фольклор рабочих не превратился в национальное явление. Его характерная особенность – локальность, замкнутость в пределах той или иной промышленной территории. Рабочие фабрик, заводов и рудников Донбасса почти не знали устных произведений друг друга.

У рабочих бытовали многие общенародные пословицы и поговорки, которые, как и повсюду в живой речи, приспосабливались к новым условиям. По их образцу создавались собственно рабочие изречения, специфичные по содержанию. В пословицах рабочих ценилось профессиональное мастерство и умение, подчеркивалось, что мастерству надо учиться. Пословицы рассказывали о тяжелых условиях жизни рабочего человека, а женская тематика становится очень популярной в эти годы в шахтерской среде.

*Муж – в бой, жена – в забой, сестра – у копра,
вся горняцкая семья уголь рубает –
фрицев бить помогает [5].*

*Твой муж и твой брат –
воин – шахтер.
Священный долг
жен и сестер –
Выполнить срочно
задание любое,
Как на поверхности,
так и в забое! [6].*

Процесс создания новых произведений рабочего фольклора также был своеобразным. В большинстве случаев они имели авторов – непрофессиональных поэтов-самоучек. Утратив связь с устной народной культурой, эти люди лишь поверхностно приобщились к культуре городской, книжной и пытались ей подражать, что не могло не сказаться на художественном уровне произведений. Вероятно, потому, что он был невысок, произведения рабочего фольклора не имели большого количества вариантов. Это хорошо демонстрирует стихотворение самодеятельного поэта Гранова, посвященное забойщицам шахты имени Феликса Кона – Татьяне Таратутиной и Наталье Самохваловой, которое появилось в декабре 1943 г.

*Танюше Таратутиной привет,
Спасибо Самохваловой Наташе!
На доску производственных побед
Занесены три первых нормы ваши.*

*Работает горнячка образцово
И знамя высоко она несет.
Друзья! Шахтерское вы дали слово
И сдержите: поднимите пятьсот!
Трудитесь обушком, на шахте твердо стоя,
Примером пусть послужит ваш закал.
Спасибо Новикову, мастеру забоя,
Что двух таких забойщиц воспитал! [7].*

Очень часто женский труд противопоставлялся мужскому. При этом показывалось, что женщины могли выполнять даже те работы, которые были не под силу некоторым мужчинам. Так, на шахте Алексеевская треста «Буденноуголь» забойщик Иосиф Барабан жаловался на то, что угольный пласт 37 см ему не по силам. В то же время девушка Мария Мартынова на том же пласте перевыполняет нормы. Данный случай не остался незамеченным. Поэт-самоучка Гранов тут же написал стихотворение:

<i>Дюжий дядя голосил:</i>	<i>Рядом с ним стоит девица,</i>
<i>– Охоньки да аханьки!</i>	<i>Усмехается, дивится:</i>
<i>Не хватает, дескать, сил,</i>	<i>– Я из этого пласта</i>
<i>Я сердечный, маханький!</i>	<i>Вырубая больше ста!</i>
<i>Я признаться, не горзд</i>	<i>Хоть ношу я две косы.</i>
<i>На такой зловердный пласт.</i>	<i>Не считаюсь слабой.</i>
<i>Порубаю, а потом –</i>	<i>При тебе хотя усы,</i>
<i>Сам весь день лежу пластом!</i>	<i>А... глядишь ты бабой! [8].</i>

Рабочий фольклор периода Великой Отечественной войны имел и четкую идеологическую направленность. В условиях военного времени кадровых рабочих в Донбассе катастрофически не хватало, а восстановление угольных шахт, металлургических предприятий необходимо было провести в самые кратчайшие сроки – фронту нужны были уголь и металл. Привлечь женщин к традиционно мужским профессиям забойщика, сталевара – вот главная задача, которая стояла перед партийным руководством региона. Количественные показатели в работе угольных предприятий напрямую зависели от привлечения женщин. Развернувшееся в Донбассе движение за овладение женщинами горняцких профессий получило освещение и в рабочем фольклоре. Часто стихотворные произведения были написаны как бы с линии фронта, в виде письма-послания для женщин и содержали конкретные пожелания. В этом отношении примечательно стихотворение, посвященное мастеру угля среди женщин – Марии Пековой, одной из первой женщин, которая не только спустилась в забой, но и стала перевыполнять нормы выработки.

*Письма, письма фронтовые,
Полевые штемпеля....
«... Здравствуй, Пекова Мария,
Мастер вырубки угля!
Сядь и с нами побеседуй,
Боевую песню спой.
Мы вчера большой победой
Завершили жаркий бой.
Фрицев крыли ураганным –
Пыль от них пошла кругом.
Ты прекрасно помогла нам
Закаленным обушком.
Так прими от нашей части
Поздравление – привет:*

*Ты из женщин – первый мастер,
Ты участница побед.
На горняцком женском слете
Много встретишь ты подруг.
Будешь ты в большом почете
И пожмешь немало рук.
Предложи им в помощь руку,
Научи без лишних слов, –
Чтоб прошли через науку
Сотни женщин-мастеров.
Званьем мастера увенчан
Трудовой шахтерский путь:
Будь же первой среди женщин.
Но единственной – не будь!» [9].*

Данное стихотворение существенно активизировало деятельность женщин. Так Александра Ананьева, ученица-забойщица на шахте № 19–20 Горловского района в вечернюю смену 7 января 1944 г. добилась выдающего успеха: за 8 часов работы выполнила норму на 900 % [10]. Почин был подхвачен и другими женщинами-горнячками. 31 января 1944 г. забойщица шахты № 19–20 Мария Гришутина нарубила за смену 40,6 т угля, выполнив задание на 1145 %. Тем самым она установила Вседонецкий рекорд не только среди женщин, но и среди мужчин [11]. Этот факт героического труда М. Гришутиной тут же нашел отражение в народном самодеятельном творчестве:

Мария – шахтерская дочь

*В доброй семье да в родном уюте,
Славный донецкий любя простор,
Вырастил дочку Семен Гришутин
Вырастил дочку себе шахтер.
Что ни толкуй, мол, ни говори я,
А похвалиться я ею не прочь:
Ай да Мария, ай да Мария,
Ай да Мария, шахтерская дочь.
Время, какое сейчас мы знаем,
Люди на фронте, в труде – любой,
Встала голубка моя родная.
Вместе со мною пошла в забой.
Что ни толкуй мол, ни говори я,
Родные все мы должны помочь.
Ну-ка, Мария, давай, Мария
Ай да Мария, шахтерская дочь.*

*Старый крепильщик с дочуркой шутит,
Шутки, баутки отца просты
Дочку родную Семен Гришутин
Учит, как надо рубать пласты.
Что ни толкуй мол, ни говори я,
Горловку дочка не опорочь.
Крепче, Мария! Смелей, Мария!
Ай да Мария, шахтерская дочь.
Дочке наука отцова в руку.
Это, во-первых, а во-вторых –
Опередила дочка науку,
Уголь рубает за десятерых.
Что ни толкуй мол, ни говори я,
Каждый гордиться тобой не прочь.
Ай да Мария, ай да Мария,
Ай да Мария, шахтерская дочь [12].*

В феврале 1944 г. среди горняков Донбасса был распространен новый почин: шахтеры обязывались в честь победы выполнять по две и более норм выработки за смену и торжественно подписывали письмо «великому вождю» Сталину. «Идеологическое подкрепление» последовало незамедлительно, а прием, используемый в данном стихотворном произведении, был традиционным – это своего рода письмо-наказ с фронта. Такой аргумент на женщин действовал на все 100 %:

Смелей, дорогая, рубай уголек!

*В холодной землянке шипит каганец;
С пером над бумагой склонился боец:
«...Письмо получил я четвертого дня.
Ты пишешь, что в лаве сменила меня.
Победы желанной салют недалек.
Смелей, дорогая, рубай уголек!
Вчера мне передан
твой свежий поклон:
К нам с грузом снарядов
пришел эшелон.
Он уголь донецкий дорогою жег –
Рубал этот уголь и твой обушок...
Под метким снарядом захватчик poleg.
Смелей, дорогая, рубай уголек!
Мой счет неуклонно растет и растет:
Итог на сегодня дошел до трехсот...*

*Ты пишешь, что крепко
скучаешь по мне.
И я тебя часто выдаю во сне.
Чтоб к сердцу скорее
прижать тебя смог,-
Смелей, дорогая, рубай уголек!» [13].*

Ответом стал самоотверженный труд женщин на угольных предприятиях Донбасса. 31 августа 1944 г. на шахте «Комсомолец» треста «Артемуголь» состоялось рабочее собрание, посвященное подписанию письма товарищу Сталину. Забойщица шахты «Кочегарка» М. Гришутина выполнила норму в первой смене на 400 %. Подписав письмо, она снова спустилась в шахту и выполнила сменное задание в ночной смене на 1375 %, установив новый рекорд в Донбассе и оставив далеко позади многих именитых шахтеров-мужчин [14].

Для женского народного творчества периода войны характерными стали темы помощи фронту и ожидания находящихся в армии родных. Эти произведения нередко имели форму письма или обращения к любимому: в них давался наказ смелее бить врага и скорее возвращаться с победой, рассказывалось о жизни и работе в тылу. Стихотворение Елены Панченко своему мужу, стало своего рода призывом ко всем мужьям от женщин Донбасса, их отчетом о работе на шахтах и заводах.

Фронтовику

*Здравствуй, милый мой! Привет горячий
Передать в письме тебе спешу –
И, желая боевой удачи,
О себе немножко напишу.
Дома все у нас благополучно,
Я теперь рубаю уголек.
С непривычки было несподручно,
Нынче обушок мой приналег.
А вчера я вырубил триста...
Ну, а так все хорошо у нас.
Школу мы восстановили быстро,
И Ванюша ходит в третий класс.
Получил с гостинцами пакетик,
Елка славная была у них.
И учитель сам его отметил:
Очень складно говорил он стих.
Дед еще упрямей стал, чем прежде.
– Не хочу, – твердит он, – даром жить!
Хоть пилите – говорит, хоть режьте,
Буду ночью шахту сторожить!*

*Будь здоров, мой милый! Поскорей
Воротись с победою домой...
Я у хаты встречу, как сумею;
Хорошо я встречу, мой родной! [15].*

Война, нарушившая мирную жизнь и труд советского народа, внесла в народное поэтическое творчество новые идеи, темы и образы; изменились и условия его создания и бытования. В воинских частях и партизанских отрядах, у копра и мартена, на заводах и шахтах распространялись разного рода рассказы, иногда и сказки, пословицы, меткие слова и особенно песни, о которых бывшие фронтовики вспоминают как о своих неизменных боевых спутниках. Именно в нем, народном самодеятельном творчестве, неразрывно соединились и скорбь по погибшим, и радость победы, и ненависть к врагу, и любовь к Родине, дому, и дружеское отношение к бойцам-однополчанам, и величие подвига, который совершили женщины, возрождая разрушенную страну.

В целом, фольклор периода Великой Отечественной войны, созданный в те «сороковые роковые», является своеобразной художественной летописью, отразившей дела и переживания отдельных людей в годы тяжелых испытаний. Его изучение и анализ помогут лучше понять и ощутить мировоззрение, повседневность чувств простых жителей, которые выживали, как могли, в это суровое время.

Примечания:

1. Гусев В.Е. Жив ли фольклор? // Живая старина. 1995. № 2. С. 11.
2. Государственный архив Донецкой области (далее – ГАДО). Ф. Р-4674. Оп. 1. Д. 3. Л. 215.
3. Там же. Д. 2. Л. 26.
4. Там же. Л. 30–31.
5. Там же. Л. 22.
6. Там же. Л. 24.
7. Там же. Л. 25.
8. Там же. Л. 59.
9. Там же. Л. 94.
10. Там же. Л. 98.
11. Там же. Л. 154.
12. Там же. Л. 159–160.
13. Там же. Л. 226.
14. Там же. Д. 9. Л. 44–45; Социалистический Донбасс. 1944. 3 сентября. № 174 (3037). С. 2.
15. ГАДО. Ф. Р-4674. Оп. 1. Д. 2. Л. 112.

А.П. Скорик

ФРОНТОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

В ноябре 1942 г. был образован 5-й Донской гвардейский казачий кавалерийский корпус. При формировании в него вошли: 11-я и 12-я Донские гвардейские кавалерийские дивизии, 63-я кавалерийская дивизия, 14-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк, 58-й артиллерийский полк ПВО, отдельный зенитный дивизион, отдельный минометный дивизион, отдельный противотанковый дивизион, 221-й танковый полк, полевой походный госпиталь, отдельный автосанитарный поезд, полевая почтовая станция [1]. Командиром 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса был назначен генерал-майор Ф.Г. Селиванов [2]. С ноября-декабря 1942 г. корпус участвовал в контрударах на правом крыле Северной группы Закавказского фронта. Вплоть до конца Великой Отечественной войны казачье соединение успешно выполняло поставленные командованием боевые задачи.

О боевом пути 5-го Донского гвардейского казачьего кавалерийского корпуса написано немало [3]. Мы хотели бы более детально остановиться на простых человеческих историях, связанных преимущественно с уроженцами Дона. Следует отметить, что в корпусе служили и достойно воевали представители многих народов. Ни в коей мере не умаляя их боевых заслуг, мы сконцентрировались на изучении вопросов, связанных именно с донскими казаками и приводим сюжет, когда точно известно, что его герой происходил родом из казачьей семьи, из конкретной донской станицы или хутора. Мы стремились выделить те фрагменты фронтового бытия, которые профессиональные исследователи обычно относят к актуальной истории повседневности.

Настоящее повествование основано на воспоминаниях воинов-гвардейцев, которые любезно предоставил в наше распоряжение ветеран корпуса Иван Георгиевич Скоморохов, почетный гражданин города Новочеркасска. При этом часть воспоминаний опубликована малым тиражом на средства самих участников Великой Отечественной войны [4], а другая часть рассказов о славном прошлом воинов-кавалеристов обобщена на основе неоднократных личных бесед с И.Г. Скомороховым [5].

Служили в 5-м гвардейском казачьем кавалерийском корпусе в 1943 г. двоюродные братья, донские казаки Гончаровы, родом из Семикаракорского района Ростовской области. Они оказались настолько разными людьми, что однополчане просто поражались такому жизненному различию и даже с трудом верили, что такое вообще может быть: *«Гавриле Александровичу лет тридцать. Высокий, стройный блондин, с выцветшими бровями и светлыми привлекательными глазами. Лицо немного вытянуто, щеки впалые, подбородок острый..., энергичный, подвижный, до самозабвения любил лошадей, а к артиллерийскому делу у него не лежала душа, да и не шибко грамотный был.*

Григорий же – полная противоположность: и ростом ниже, щуплый, очень замкнутый, какой-то отрешенный от людей и от окружавшего мира, трудно было представить, что его увлекало в жизни, даже к брату относился отчужденно» [6]. При пополнении корпуса к ним обоим приехали жены, да и надолго загостились, а когда казачки узнали, что корпус будет следовать через Семикаракорск, так стали упрашивать взять с собой. Однако пришлось с женщинами расстаться...

В приятные минуты фронтового отдыха казаки-гвардейцы любили послушать веселенькую песенку в исполнении 21-летнего лейтенанта Николая Чернова. Вот что он пел с особым блеском в глазах как сольную партию для однополчан:

*А брюнеточки – все кокеточки,
Хороши, когда юны,
А под сорок лет, разжигай, как печь,
Ложись хоть целую сажень дров.
Ах, рыжая бабенка, игривее котенка,
Куда ее не тронь, везде у ней огонь.
Она червонцев стоит, и так тебе устроит,
Что только крикнешь: «Ай! С рыжей бабой рай!»*

Конечно же, казаки-гвардейцы любили плясать под гармошку, использовать в зажигательных танцах свои шапки, равно как и петь другие, кроме упоминавшейся, песни. *«Вначале, как про себя, вполголоса задумчиво пели про Стеньку Разина, “Степь да степь кругом”, “Стоит гора высокая”, но постепенно голоса крепчали и, уже подхваченные всеми, будили ночную тишину»*. Или же, *«прикрываясь портянками от пышущего жара костра, сушили их и тихо про себя тянули песню “Эх, вы, кони мои вороны, черны вороны кони мои”»* [7]. А прославленный наводчик Александр Чернояров, желая потрафить понравившейся ему санинструктору Вере Левандровской, ловко переделал даже куплет известной советской песни:

*Гремела атака, и пули свистели,
И ровно строчил пулемет,
И Верочка наша в казачьей шинели
Горящей Каховкой пройдет!*

Интересный случай произошел с обычной маршевой ротой в районе Туапсе, направлявшейся для боевого пополнения пехотных частей. Роту внезапно остановил и провел строевой смотр известный на юге России герой Гражданской войны генерал-инспектор кавалерии РККА генерал-полковник О.И. Городовиков. Он приказал выйти из строя ростовчанам и краснодарцам, подходил к каждому, брал выше локтя за руку, пожимал и с акцентом, но

отчетливо говорил: «Выходи!» Так целая группа пополнения попала в казачью кавалерию, а потом и в 5-й гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус.

Не менее любопытна фронтовая история о том, как донские казаки *«диких монголоков обьезжали»*. Лошадей монгольской породы прислали в 5-й гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус из далекой и братской Монголии, передавшей их в помощь СССР, поскольку в годы Великой Отечественной войны быстро восстановить свое конское поголовье в нашей стране не удавалось. Монгольские лошади отличались непривычным коренастым сложением, относительно короткими ногами и большой головой, размером от 12 до 14 ладоней (121,92–142,24 см). Эти обстоятельства вызвали бурю эмоций у казаков, впервые столкнувшихся с такими «боевыми помощниками». Потом уже выяснилось, что «монголки» внешне имеют некоторое сходство с известной дикой лошадию Пржевальского, но в отличие от этой породы, их грива и хвост очень длинные, а их волосяные нити часто применяют для плетения канатов (ими стягивают монголы-кочевники конструкцию юрт); волосы хвоста традиционно используют для смычкового народного музыкального инструмента моринхура.

Копыта у «монголоков» очень устойчивы, поэтому лишь немногие лошади монгольской породы подкованы. Призадумались полковые кузнецы, как поступать с таким конским пополнением. Подседельным лошадям на родине в Монголии, как правило, стригут гриву, но в 5-й гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус попали по воле случая неостриженные лошади, поэтому они вызвали нескрываемое удивление воинов-кавалеристов, *«что-де за зверя к ним прислали»*. Среди «монголоков» встречаются самые разнообразные масти, чаще бывают гнедые и рыжие кони, а к такой масти лошади всаднику надо было еще привыкнуть.

Однако особо обьезжать «монголоков» казакам все же не пришлось, поскольку монгольская лошадь используется, прежде всего, как ездовая, помимо этого участвует в скачках, а как тягловый скот, как правило, не применяется. Монгольские лошади скромны, очень выносливы и сообразительны, хорошо ориентируются на бегу по пересеченной местности. Скаковые лошади способны с ребенком в седле пройти, не останавливаясь, на полном скаку более 35 км за короткое время. Они изначально обучены продолжать движение по заданной трассе, даже если их наездник случайно выпал из седла. В таком случае лошадь надо специально останавливать, и к этому качеству «монголки» так же следовало привыкнуть, равно как и к своеобразному свободолюбивому характеру животного. В Монголии большинство табунов пасется свободно на открытом воздухе круглый год (при температурах летом до +30°C и в зимнее время до -40°C) и пищу ищут самостоятельно. Как только лошадь ознакомилась с всадником, она тут же становилась спокойной, дружелюбной и очень надежной. Казаки-гвардейцы не сразу приноровились к характеру «монголоков», которые хорошо чувствовали подготовленность нового для них

всадника, и требовалось упорство и настойчивость, чтобы избранная лошадь признала своего хозяина. Вот тут-то курьезов было не избежать: и вылетали из седла, и чрезмерно согревали свою собственную «пятую точку», и ногой в стремя не попадали...

Ходил среди казаков 12-й гвардейской кавалерийской дивизии устойчивый слух (о нем, в частности, рассказывал В.Е. Давидович [8]), как *«какой-то цыган-разведчик из управления дивизии по имени Будулай увел с конюшни румынского короля Михая самого лучшего племенного арабского жеребца. Говорили, что потом конюх короля ездил по полкам дивизии и ему доверили осматривать весь конный состав. В одном из кавалерийских полков он как будто узнал своего питомца:*

– Походка, норов точь-в-точь нашего жеребца, а вот мастью не похож, – пожимал он плечами, выражая недоумение.

– Похожа свинья на ежа, только шерсть не такая, – между собой гоготали казаки в ответ» [9].

Об этом трагикомическом эпизоде, связанном с цыганом-разведчиком Будулаем и кражей королевского жеребца, подробно рассказывает в своем романе «Цыган» (ставшем основой для ряда кинолент) известный донской писатель А.В. Калинин, который прошел большой боевой путь с казаками 5-го Донского гвардейского кавалерийского корпуса в годы Великой Отечественной войны.

Этот сюжет раскрывается писателем во встрече главного героя Будулая с отставным генералом, начальником конезавода, которого очень волновала проблема улучшения племенного поголовья лошадей. Ему непременно хотелось узнать, куда же подевался тот королевский жеребец, к исчезновению которого явно были причастны казаки-разведчики 12-й кавалерийской дивизии 5-го корпуса, а именно среди них умело воевал и Будулай. Тогда необычное дело дошло до сведения командующего 3-м Украинским фронтом Ф.И. Толбухина. Командующий в наказание за то, что так и не разыскали жеребца, приказал командиру корпуса С.И. Горшкову и замполиту Н.И. Привалову залпом выбить по громадному бокалу чистого спирта. Причем, по воспоминаниям начальника конезавода, если Горшков догадался тут же забить спирт водой, то Привалов от выпитого чуть не задохнулся. В общем, за своих подчиненных пострадали командиры. Однако Будулай в разговоре так и не признался, кто и куда дел знатного коня. Начальник конезавода *«осуждающе посмотрел на Будулая, как если бы на нем и в самом деле лежала вина за то, что этого не случилось» [10].*

Служил в 5-м гвардейском казачьем корпусе заведующим делопроизводством лейтенант Кудряшов. *«Владимиру Дмитриевичу далеко за сорок, однако он тянется к молодежи не только по призванию учителя, но и по зову доброго сердца. До войны работал директором средней школы в городе Морозовске. В начале войны добровольно вступил в народное ополчение. Очень интеллигентный, образованный и безгранично добрый человек. Несмотря на*

возраст, сохранял живую стройную походку» [11]. лейтенант Кудряшов свои скромные, но весьма ответственные фронтовые обязанности выполнял умело и добросовестно.

Молоденький разведчик Павлик (Павел Александрович Аксенов) так же по стечению обстоятельств попал в 5-й гвардейский Донской кавалерийский казачий корпус. Он *«вырос у самого Дона – в хуторе Сусат, но лошадей не любил. А колхозная конюшня была рядом. Прикипел душой к технике, выучился на тракториста и от зари до зари в страдную пору – в поле..., а младший брат с ума сходил от коней. Верхов на них и на водопой, и на купание, и в ночную на выпас. Ну, не ирония судьбы? Он на фронт попал... шофером»*, а Павлика посадили *«верхом на кобылу»* [12]. Ох, и помучился он, пока привык к лошади. На фронте Павлик встретился с трактористом из хутора Золотаревка Семикаракорского района старшиной Владимиром Иосифовичем Клименко, с которым до войны работал в одной МТС. Хорошо исполнял обязанности комсорга полка в 5-м гвардейском Донском казачьем кавкорпусе казак Лозин Павел Никитович из станицы Кочетовской. Такие вот рядовые Великой Отечественной войны...

Одной из полковых строевых песен в корпусе была песня о ждущей невесте Елизавете. Когда казачье подразделение на лошадях трогалось в путь, и звучала команда «Запевай!», казаки весело и лихо пели:

*Ты ждешь Лизавета, от друга привета,
Ты не спишь до рассвета, все грустишь обо мне.
Одержим победу, к тебе я приеду
На горячем боевом коне!*

5-й корпус за боевые заслуги был удостоен почетного наименования Будапештский (5 апреля 1945 г.), награжден орденом Красного Знамени (12 февраля 1944 г.), ему объявлено 8 благодарностей Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина; около 32 тыс. его воинов награждены орденами и медалями, а 11 чел. удостоены высокого звания Героя Советского Союза. В составе Закавказского, Северо-Кавказского, Южного, 4-го, 2-го и 3-го Украинских фронтов участвовал в Битве за Кавказ, Ростовской, Донбасской, Мелитопольской, Корсунь-Шевченковской, Уманско-Ботошанской, Ясско-Кишиневской, Дебреценской, Будапештской, и Венской наступательных операциях. За годы Великой Отечественной войны воины-кавалеристы прошли боевой путь от предгорий Кавказа до Австрийских Альп. Корпус завершил войну под командованием генерал-лейтенанта Сергея Ильича Горшкова (1902–1993), донского казака из хутора Ольшанка станицы Урюпинской Хоперского округа Области Войска Донского. В мае 1946 г. директивой Генерального штаба Вооруженных сил СССР от 6 мая 1946 г. № Орг/1/118 корпус был переформирован в 5-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию.

О боевых заслугах воинов 5-го корпуса свидетельствует тот факт, что 206 его представителей участвовали в Параде Победы на Красной площади в составе колонны войск 3-го Украинского фронта. Среди них был и гвардии капитан Всеволод Евгеньевич Давидович, первый заместитель начальника штаба 43-го гвардейского ордена Богдана Хмельницкого 2-й степени Дебреценского Донского казачьего кавалерийского полка 12-й гвардейской Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени Корсунской Донской казачьей кавалерийской дивизии. В будущем – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации и наш незабвенный Учитель. Всеволод Евгеньевич подчеркивал исключительную важность участия донцов в Параде Победы [13]. 15 % казаков – участников Парада добровольно вступили в части корпуса еще в 1941 г. [14].

В целом, история 5-го гвардейского Краснознаменного Будапештского Донского казачьего кавалерийского корпуса – это не только неотделимая составная часть критикуемой сегодня советской истории, но и часть славной истории донского казачества, того его преобладающего большинства, которое плечом к плечу встало на защиту своей Родины в суровые годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и помогло стране отстоять свою свободу и независимость в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами. Эту историю даже во фронтовых деталях повседневности ни в коей мере забывать нельзя, ибо она есть неотъемлемая часть нашего общего славного исторического прошлого.

Примечания:

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 5 гв. кк. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.
2. Воскобойников Г.Л. Советская конница в Великой Отечественной войне. М., 2008. С. 117.
3. Райгородецкий Е.А. К Альпам. М., 1969; Овчаренко И.В. От Кавказских гор до Австрийских Альп. Ростов н/Д., 1972; Пятый Донской. Ростов н/Д., 1979; Горшков С.И., Овчаренко И.В. Донской гвардейский. Ростов н/Д, 1985 и др.
4. Скоморохов И.Г. На очной ставке с прошлым. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д, 2009. Кн. 1–2.
5. Респондент: Скоморохов Иван Георгиевич, 1920 г.р., записан А.П. Скориком в г. Новочеркасске Ростовской области в феврале 2012 г. и в марте 2013 г.
6. Скоморохов И.Г. На очной ставке с прошлым. Кн. 1. С. 144.
7. Там же. Кн. 1. С. 410. Кн. 2. С. 33.
8. Респондент: Давидович Всеволод Евгеньевич, 1922 г.р., записан А.П. Скориком в г. Ростове-на-Дону 10 мая 2009 г.
9. Скоморохов И.Г. На очной ставке с прошлым. Кн. 2. С. 223.
10. Калинин А. Цыган: Роман. Ростов н/Д., 2005. С. 107–108.
11. Скоморохов И.Г. Указ. соч. Кн. 1. С. 209.
12. Там же. Кн. 1. С. 304, 309.
13. Респондент: Давидович Всеволод Евгеньевич...
14. Воскобойников Г.Л. Указ. соч. С. 256.

Б. Физелер, Р. Марквик

«ВТОРОЙ ФРОНТ» В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ, 1941–1945 гг.: БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ ЖЕН И СЕМЕЙ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ В ЯРОСЛАВЛЕ*

Героический образ красноармейцев, ставший ответом на призыв Родины защитить ее в Великой Отечественной войне против фашизма, был призван лакировать суровую реальность жизни их жен и семей, которых они оставили на домашнем фронте. Пропаганда военного времени утверждала, что о солдатских семьях хорошо заботились. Но документы архивов Ярославля свидетельствуют, что женам и семьям обычных солдат и офицеров приходилось бороться за выживание на «втором» домашнем фронте, особенно когда они должны были заботиться о маленьких детях.

Не вызывает никаких сомнений, что жены и матери фронтовиков в Великой Отечественной войне были выбраны для других женщин, оставшихся в тылу, в качестве примеров патриотического самопожертвования и стойкости. «Правда» и «Красная звезда» на своих страницах часто публиковали призывы матерей, напутствовавших своих сыновей на борьбу с фашистами *«до последней капли крови»*. Пропаганда военного времени утверждала, что о семьях фронтовиков хорошо заботились. В реальности домашний фронт был вторым фронтом, где матери, жены и семьи фронтовиков часто боролись за выживание в условиях скудного режима питания, нехватки одежды, топлива, сложностей с жильем. Эти условия ухудшались с отступлением Красной армии и продолжали ухудшаться даже после побед в 1943 г. под Сталинградом и Курском [1].

Подобно всему Советскому Союзу, в прифронтовом Ярославле и Ярославской области условия жизни складывались под воздействием постоянного голода, характерного для большинства военных лет [2]. Для тех женщин, которые могли работать, основным источником выживания являлось само предприятие. Например, с 1941 г. по 1945 г. администрация лесной промышленности Ярославской области оказала помощь 10 работницам, чьи мужья были в армии, *«особенно нуждающимся семьям с малолетними детьми»*. *«За счет управления»*, эти семьи *«ежегодно обеспечивались»* дровами для отопления, огородами и семенным материалом, промышленными товарами, такими, как детские ботинки и галоши. Им также выделялись ссуды и займы, в том числе для приобретения домашнего скота [3].

Такая поддержка работавших жен фронтовиков позволяла им выжить, но и только. Вместе с тем, оказание материальной помощи привязывало этих женщин к предприятию, превращаясь в механизмы, способствовавшие выпол-

* Статья предоставлена на английском языке. Перевод д.и.н. Т.П. Хлыниной с участием и под научной редакцией д.и.н. Е.Ф. Кринко.

нению работы и социальной дисциплины: невыполнение или потеря работы лишали доступа к основным продуктам питания и товарам. И это делало женщин уязвимыми от «доброй воли» мужчин, преобладавших в системе управления. С самого начала войны у ярославской партийной организации и местных органов власти возникли серьезные трудности с обеспечением семей фронтовиков. Например, закрытое партийное собрание лесохозяйственной отрасли, состоявшееся через неделю после начала войны, безоговорочно осудило ее руководителя, отказавшего в предоставлении жилья жене с 18-месячным ребенком водителя предприятия, которого призвали на фронт. Руководитель объяснил свой отказ тем, что жилье было *«зарезервировано за управдомами и приезжими из районов»*. В результате мать и ребенок военнотружущего были вынуждены *«скитаться по городу»* [4].

Этот пример не единичен. Часто оказывалось, что отношение руководителей предприятия прямо зависело от того, могли ли сами семьи фронтовиков защитить свои права или нет. И они могли быть жестоко обмануты. Эту ситуацию хорошо проясняет отчаянная мольба, содержащаяся в письме матери двух маленьких детей Е. Виноградовой, работницы текстильной фабрики «Красный перевал» редактору областной газеты «Северный рабочий»: *«Муж в Красной армии. Было решение обкома партии, как уделять внимание на вопросы и нужды детей. У нас на фабрике зам. директора есть Волков В.Я. С какой просьбой не обратиться – вечный ответ “ничего не знаю”. Спрашивается, чем мы виноваты, что мы остались женщины одни с детьми. И кто же нам поможет, как не общественные организации... и администрация к запросам относится очень плохо. Я приведу факты. У меня нет ни полена дров. Я работаю целый день, выписать дров мне не могут до сих пор, с 28/III–1942 г. Квартира ужасно холодная и скверная и не топленая. Вот 8 день живу с детьми при температуре -8... Пусть заботятся о нас так, как заботятся о семьях своих и себе. Вот до чего доводят наши хозяйственники... На все вопросы и нужды семей красноармейских что мы... смогли жить спокойной и работать не ко... рук* [текст неразборчив – Б.Ф., Р.М.]» [5].

Когда все другие средства были исчерпаны, обращение к редактору «Северного рабочего» стало одним из способов получения продуктов питания и других товаров, которых были лишены жены не только солдат и офицеров, но и жены старшего и высшего командного состава. В конце декабря 1941 г. Е.С. Киселева, которая была эвакуирована со своей больной матерью и тремя детьми (один из них находился на грудном вскармливании), жаловалась, что, хотя они жили в колхозе Ярославской области в течение двух месяцев, они еще не получили никаких продуктов. *«Нет фондов»*, – было сказано Киселевой. Она обвинила мужчину – главу областного эвакуационного бюро – в обращении с ними *«безжалостно, по-бюрократически»*, за то, что он отрицал право ее и других жен командиров ходить в специальный военный магазин [военторг]: *«Тов. редактор! К этому тяжелому испытанию готовилась страна многие годы, готовились и колхозы, и неужели эти колхозы не в состоянии прокормить нас*

в это тяжелое время. Неужели наши дети должны быть лишены манной крупы и куска сахара, в то время, когда в стране эти продукты есть, когда местное население эти продукты получает. Почему нас жен командиров кадровых выбросили из снабжения военторга, разве наши мужья хуже воюют, чем тех, кто проживает в городах. Наконец, неужели нельзя выдать хоть детям такие продукты как: сахар, манная крупа, масло в норме по коммерческим ценам и мы за это бы сказали только большое спасибо» [6].

Мы не знаем, были ли удовлетворены эти отчаянные мольбы женщины, хотя председатель исполкома сухо заверил редактора, что *«эвакуированным оказана помощь, доставлены карточки и другие продукты» [7].*

Свидетельством того, что военные семьи, особенно если мать с малолетними детьми не могла работать, оказывались в *«крайне тяжелом материальном положении»*, является отчет партийной организации, написанный в разгар зимы, в январе 1943 г. Вера Сирова с тремя детьми в возрасте девяти, шести и четырех лет жила в крошечной однокомнатной квартире, находившейся в аварийном состоянии. Лишенная возможности работать, так как у детей не хватало *«обуви и одежды»*, она полностью зависела от получаемого ею как женой военнослужащего пособия в размере 150 руб. в месяц. В квартире было так холодно, что *«вода в самоваре, ведре и в кадке замерзала»*. Ей обещали привезти дрова, но они закончились к концу декабря. Отчаявшись, чтобы согреть детей, которые сидели около кухонной плиты, Сирова разбила и сожгла *«стол, скамейку, детскую кроватку... забор..., разные... отбросы»*. И снова молодая мать стала жертвой бюрократической халатности руководителей лесной промышленности. Она приходила к ним за помощью каждые два дня, но так ничего и не добилась. Секретарь партийной организации объявил *«строгое административное взыскание»* за *«бездушное отношение»* лицам, ответственным за положение Сировой [8].

Конечно, не все семьи военнослужащих были в таком отчаянном положении. Женщины, которые работали на заводах и в колхозах и которые перевыполняли нормы производства, были провозглашены образцами для подражания других женщин и вознаграждались соответствующим образом. В сентябре 1943 г. восемь жен и матерей фронтовиков в Галичском районе получили высокую оценку районного военкома за труд на своих местах и общий вклад в военные усилия. Среди них была Антонина Смирнова, жена офицера, эвакуированная из Ленинграда в 1941 г. В марте 1942 г. она закончила курсы трактористов Степановской машинной тракторной станции (МТС). Смирнову хвалили за то, что став трактористом, она выросла до бригадира тракторного отряда: *«В 1942 г. бригада тов. Смирновой была лучшей бригадой МТС и в 1943 году бригада... выполнила весеннего сева и подъема паров»*. Смирнову приветствовали не только как *«лучшего тракториста и бригадира тракторного отряда»*, ее также отмечали как образцового труженика тыла: *«не забывала о практической помощи фронту, и из своих скромных сбережений внесла 1 000 рублей на постройку танковой колонны жен фронтовиков» [9].*

Такие женщины, как Смирнова, превозносились партийной властью как образцы для жен фронтовиков, *«не работающих на производстве»*. Цель заключалась в том, чтобы поощрять работать других жен и матерей. Так они могли бы не только *«отдать свой долг Родине»*, но и жить в лучших условиях. Ярославский горком партии обещал улучшить продовольственное снабжение на встрече с 1200 *«женами фронтовиков и не работающих на производстве»* 10 августа 1943 г. Выступивших на встрече восемь *«лучших женщин – жен фронтовиков, заменивших своих мужей у станков предприятий»*, слушали *«с исключительным вниманием»*. Стахановка Марьшева рассказала, как она работала на том же самом заводе, что и ее муж, несмотря на наличие трех маленьких детей. И она привела последовавшее за этим вознаграждение: *«в первый месяц заработала 140 рублей, второй 300 руб., а теперь освоила производство и норму перевыполняет от 250 до 400 %, зарабатывая 1000 и больше рублей в месяц. Дети сыты, одеты. Работа не помешала огородам. Рассадил картофеля 600 кг. и 100 корней капусты. Тов. Марьшева призвала женщин своим трудом на производство помощи Красной армии скорей разгромить фашистских гадов»*. Согласно отчету горкома, в ответ на призыв Марьшевой 238 женщин вышли на работу в промышленность, а несколько сот других отправились собирать урожай в колхозы [10].

Советская пропаганда военного времени приветствовала фронтовиков как героев. Сталинское государство хвасталось, что заботилось о солдатских семьях, которые оставались в тылу. В действительности, советское государство и общество не имели возможностей заботиться об огромном количестве семей военнослужащих, нуждавшихся в помощи, особенно в крайне сложных военных условиях. Архивы Ярославля дают представление о тихом «втором» фронте, где жены и дети солдат и офицеров Красной армии боролись за выживание.

Примечания:

1. Barber J. Harrison M. The Soviet Home Front, 1941–1945: a social and economic history of the USSR in World War II . London, 1991. P. 78–79.
2. Girsig A., Hösler J. Finis Mundi im Hinterland. Erinnerungen russischer Frauen an die Kriegsauswirkungen in Jaroslavl' 1941 bis 1948 // Hösler J. und W. Kessler (Hrsg.). Finis Mundi – Endzeiten Und Weltenden Im Östlichen Europa. Festschrift Für Hans Lemberg Zum 65. Geburtstag. Stuttgart, 1998. S. 194.
3. Центр документации новейшей истории – Филиал «Государственный архив Ярославской области» (далее – ЦДНИ ГАЯО). Ф. 1590. Оп. 1. Д. 3. Л. 10, 10об.
4. Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 47.
5. ГАЯО. Ф. Р-2225. Оп. 1. Д. 267. Л. 144, 144об.
6. Там же. Оп. 1. Д. 381. Л. 38–39.
7. Там же. Оп. 1. Д. 381. Л. 38.
8. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 1590. Оп. 16. Д. 2. Л. 1–2.
9. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 1001. Л. 10.
10. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 1590. Оп. 1. Д. 2. Л. 36–7.

С.С. Белоусов

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ОРГАНИЗОВАННЫХ ФОРМ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ КАЛМЫКИИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Во второй половине 1920-х гг. в Калмыкии насчитывалось 28 православных религиозных организаций, однако к началу Великой Отечественной войны в результате развернутой государством мощной антирелигиозной компании все они были закрыты, поэтому религиозная жизнь верующих протекала в неорганизованных формах и в основном на бытовом уровне.

Начавшаяся война не затронула основ религиозной политики советского государства, но некоторые перемены в ней все-таки наметились. Так, почти прекратилась атеистическая пропаганда и открытые нападки на религию, травля и репрессии против служителей культа и верующих. Агрессия мощного внешнего врага потребовала максимальной консолидации всех слоев советского общества, в том числе дискриминируемых и преследуемых, и власти, чтобы окончательно не оттолкнуть от себя в верующих, вынуждены были несколько смягчить своё отношение к ним.

С первых дней войны Русская православная церковь заняла патриотическую позицию, призвав верующих подняться на борьбу врагом и приступив к оказанию посильной материальной помощи фронту. Вместе с тем православные ожидали от властей определенных послаблений в том жестком курсе, который те проводили в отношении РПЦ в последнее передвоенное десятилетие. Самым актуальным вопросом церковной жизни было восстановление церковных институтов, ликвидированных в ходе инициированной государством массовой антирелигиозной компании в конце 1920-х – 1930-х гг. В Калмыкии данная проблема была особенно актуальной, поскольку, как уже отмечалось, к началу 1940-х гг. в республике не осталось ни одной православной религиозной структуры. Восстановление легальных форм религиозной жизни для православного населения Калмыкии являлось одновременно вопросом сохранения здесь очагов православной веры, без которых у нее практически не было шансов на будущее развитие в республике.

Восстановление православных религиозных организаций в Калмыкии произошло в период немецкой оккупации. В отличие от коммунистов немцы проводили более гибкую религиозную политику. В целях завоевания симпатий верующих и привлечения их на свою сторону они разрешили им свободное отправление религиозных культов. Однако это не означало, что фашистское руководство искренне стремилось к поддержке РПЦ. Содержание германской религиозной политики на оккупированных территории в общих чертах сводилась к тому, чтобы с одной стороны использовать ее потенциал в пропагандистских целях для победы над СССР, с другой, не допустить ее

действительного возрождения, представлявшего, по мнению нацистских кругов, в глубинных основах реальную угрозу для установления нового мирового порядка. Перед германскими оккупационными властями была поставлена задача не препятствовать возрождению деятельности РПЦ, но в то же время и не инициировать ее.

Достаточно четко эта линия прослеживается в приказе Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии за подписью В. Кейтеля от 6 августа 1941 г.: *«Религиозную или церковную деятельность гражданского населения не следует ни поощрять, ни препятствовать ей»* [1]. В другом документе – оперативном приказе № 10 от 16 августа 1941 г. начальника Главного управления имперской безопасности Р. Гейдриха, подготовленного на основе июльских директив А. Гитлера, говорилось: *«О поощрении Православной Церкви также не может быть и речи. Там, где население занятых областей советской России желает религиозной опеки, и там, где без содействия местных германских властей имеется в распоряжении священник, можно допускать возобновление церковной деятельности. Ни в коем случае, однако, с германской стороны не должно явным образом оказываться содействие церковной жизни, устраиваться богослужения или проводиться массовые крещения»* [2]. Недоверие нацистских кругов к РПЦ проистекало из понимания ими исторического значения православия для российской государственности и русского народа. В документах германских властей встречаются такие выражения, как *«Православная Церковь... была сильным средством скрепления Российской империи»*, или *«В небольшевистских русских людях национальное сознание связано с глубоким религиозным чувством»* [3].

В результате веротерпимого характера религиозной политики немецких властей на оккупированных территориях началось возрождение религиозной жизни: возобновляли свою деятельность закрытые ранее храмы, формировалась церковная структура, стали свободно проводиться богослужения. В Калмыкии, большая часть которой к осени 1942 г. оказалась захваченной фашистами, оккупационные власти не препятствовали налаживанию религиозной жизни местного населения. В течение лета-осени 1942 г. возобновили религиозные службы православная церковь в селе Троицком, молитвенные дома в Элисте и в селе Приютном. В Элисте богослужения совершались в специально оборудованном местными жителями для этих целей помещении бывшей церковно-приходской школы, так как церковь городские власти незадолго до войны разобрали на материалы для постройки летнего театра. На первом богослужении в элистинском молитвенном доме, по свидетельству корреспондента оккупационной газеты «Свободная земля», присутствовало 400 чел.

Православным села Троицкого с церковным зданием повезло больше: до оккупации церковь использовалась под сельский клуб и потому практически сохранилась, если не считать снятого креста. При помощи немцев и сельского правления Троицкую церковь отремонтировали, а местное население обе-

спечило ее иконами, богослужебными книгами, подсвечниками. По данным упоминавшегося выше корреспондента, храм во время религиозных служб заполнялся верующими полностью. С 26 августа по конец декабря 1942 г. в нем было крещено более 600 детей [4].

Православные структуры восстанавливались и других улусах Калмыкии. Есть свидетельства о функционировании православного общества в административном центре Сарпинского улуса – селе Садовом. Оно находилось в зоне оккупации румынских войск, а румыны, которые по традиционному вероисповеданию также являются православными. Это обстоятельство, возможно, упростило для местного населения задачу открытия храма, куда приходили молиться и верующие румыны. После освобождения села частями РККА из ВЛКСМ были исключены три девушки, в вину которым в числе прочих обвинений ставилось и то, что они в период оккупации ходили в церковь и крестили детей [5].

В протоколах заседаний улусных организаций ВЛКСМ сообщается о существовании в период оккупации православных структур в селе Солёном и поселке Оргадык Западного улуса. В Солёном за *«регулярное посещение церкви»* была исключена из комсомола Е.А. Полонская [6], а П.И. Мерзликина и Е.Е. Симоленко из совхоза № 112 получили строгий выговор за то, что в праздник Пасхи 25 апреля 1943 г. заходили в церковь в Оргадыке помолиться [7]. Интересно, что в Оргадыке до оккупации никогда не существовало православной религиозной организации и не имелось ни одного культового сооружения.

Таким образом, в период немецкой оккупации, воспользовавшись терпимым отношением германских властей к религии, духовенство и верующие ряда населенных пунктов Калмыкии сумели за короткий срок наладить религиозную жизнь и расширить свое влияние на население. После освобождения Калмыкии от немецких оккупантов советским властям пришлось считаться с этим обстоятельством и воздержаться от крутых мер в отношении священников и религиозных обществ, открывшихся при немцах. В некоторых населенных пунктах возвратившиеся из эвакуации советские власти столкнулись с серьезной идеологической конкуренцией. Побывавший в освобожденном от немцев Яшалтинском улусе инструктор Калмыцкого обкома ВКП(б) Игнатов, характеризуя настроения его жителей, в докладной записке 23 июля 1943 г. секретарю обкома А. Ликодимову писал: *«Политико-моральное состояние колхозников не вполне здоровое. Организаторы религиозных культов ведут себя развязано и превосходят своей активной религиозной работой партийно-политическую работу по колхозам, которая стоит на очень низком уровне»* [8]. В качестве одного из доказательств он привел пример массового крещения священником населения колхоза имени 3-й пятилетки.

4 сентября 1943 г. в Кремле по инициативе И.В. Сталина состоялась историческая встреча с высшими православными иерархами, которая положила начало улучшению отношений между государством и РПЦ. После нее

был учрежден специальный орган для связи между правительством и православным руководством – Совет по делам Русской православной церкви. Он должен был осуществлять государственный надзор за деятельностью РПЦ на основе существовавшего законодательства о религиозных культах через центральный аппарат Совета и своих представителей (уполномоченных) на местах.

Несмотря на некоторое потепление отношений между властью и РПЦ, религиозная политика советского государства принципиально не изменилась. Установленная новая процедура регистрации и открытия храмов несколько не упростилась и позволяла государству по-прежнему контролировать и регламентировать этот процесс. Советская власть не была заинтересована в восстановлении в полном объеме религиозных организаций просто в силу своей природы. Кроме того, события войны показали, что Русская православная церковь даже после погрома, устроенного ей властью в 1920–1930-е гг., все еще продолжала сохранять большие потенции к развитию и способна была составить серьезную конкуренцию коммунистической идеологии. Понимая это, власти старались всячески воспрепятствовать восстановлению организационных форм жизни православного населения и под различными предлогами отказывали верующим в открытии и регистрации храмов и обществ.

Советское руководство не собиралось на деле выполнять данное высшим иерархам РПЦ на встрече 4 сентября 1943 г. обещание внимательно относиться к просьбам верующих об открытии церквей. Наоборот, местным советам и уполномоченным давались указания не допускать массовой регистрации религиозных обществ. Калмыкия в этом отношении ничем не отличалась от других регионов страны. После выхода 28 ноября 1943 г. постановления Совнаркома СССР «О порядке открытия церквей», верующие стали обращаться с ходатайствами о возобновлении деятельности закрытых ранее церквей. Уже в декабре 1943 г. в СНК КАССР поступили заявления от жителей сел Яшалты (ныне – село Солёное Яшалтинского района) и Троицкого с просьбами разрешить открыть у них церкви. Верующие этих селений просили передать им под богослужения здания бывших церквей [9]. По обоим случаям власти приняли отрицательные решения.

Более благосклонной судьба оказалась к элистинскому и приютненскому молитвенным домам. Оба открылись в период немецкой оккупации, и после освобождения Калмыкии советскими властями не были закрыты. Более того, руководители элистинского и приютненского молитвенных домов сумели добиться их регистрации по новому законодательству.

Элистинский молитвенный дом прошел регистрацию в 1944 г. и в том же году, 9 февраля, верующим по их просьбе Элистинский горисполком выделил здание бывшей церковно-приходской школы по улице Октябрьской [10]. Успешное завершение регистрации элистинскими верующими своего молитвенного дома стало возможным в результате стечения ряда благопри-

ятных обстоятельств. Давая разрешение на открытие молитвенного дома в Элисте, власти, безусловно, учитывали тот факт, что он был единственным функционирующим храмом в удаленной степной глубинке, где проживало значительное количество православного населения. На положительное решение вопроса в немалой степени повлияла стойкая позиция церковного актива, который в довоенное время упорно отстаивал свою церковь от закрытия, а когда это стало возможно, проявил большую настойчивость в возобновлении ее деятельности.

Религиозной жизнью православного общества руководили назначавшийся епископом священник и избиравшиеся на три года церковный совет и ревизионная комиссия. Каждый орган церковного самоуправления включал в себя по три человека, кроме того, существовала еще и так называемая «двадцатка» – 20 верующих активистов-учредителей молитвенного дома. Большинству из занимавших должности в органах церковного самоуправления было за 60 лет, и почти все они в силу своего возраста находились на пенсии или работали на скромных должностях, что делало их малоуязвимыми со стороны властей.

Отношения между верующими и властями оставались непростыми, последние вмешивались в дела православного общества и грубо нарушали законодательство. Так, 6 января 1945 г. работники степновского районного отделения милиции под предлогом поиска краденых вещей совершили незаконный обыск в молитвенном доме. Конфликт был улажен только после вмешательства начальника астраханского областного управления милиции Барсукова, который указал своим подчиненным на недопустимость подобных действий [11]. В другом случае городские власти попытались воспрепятствовать передаче в бесплатное пользование обществу молитвенного дома, и верующим, чтобы решить эту проблему, пришлось обращаться за помощью к уполномоченному П. Кулемину.

Подобных решений в пользу верующих было, однако, немного, чаще всего им под различными предлогами отказывали в просьбах. Особенно наглядно это проявлялось при регистрации религиозных обществ, на которую власти шли крайне неохотно. Среди населенных пунктов, отошедших в Астраханскую область после упразднения КАССР, в годы войны наиболее активно добивались регистрации и открытия церквей жители села Вышка Каспийского района, сел Оля, Яндыки и Караванного Лиманского района и села Троицкого Степновского района. В 1944–1945 гг. верующие перечисленных сел подали уполномоченному 7 заявлений об открытии церквей и молитвенных домов, но ни одно из них не было удовлетворено [12].

Верующим сел Яндыки, Оля и Вышка отказали по мотивам отсутствия у них церковных строений, которые были уничтожены в довоенный период; других свободных помещений у местной администрации как всегда не нашлось. В селах Караванном и Троицком таких веских мотивов для отклонения ходатайств не было, ибо храмы в них сохранились.

Храм в селе Караванном даже считался юридически не закрытым, хотя и не действовал с 1940 г. В предвоенные годы местным властям, несмотря на все усилия, не удалось поставить юридическую точку на его существовании. Сделать это не позволили жители села. По советскому законодательству для закрытия церкви необходимо было соблюсти процедуру утверждения этого решения общим собранием граждан, однако каждый раз голосование по этому вопросу заканчивалось в пользу сохранения храма. По этой причине церковь считалась не закрытой, а ключи от нее и храмовое имущество находились в распоряжении церковного совета [13]. С 1934 по 1940 гг. караванинская церковь действовала с перерывами, но в 1940 г. служения в ней из-за отсутствия священника прекратились окончательно. Примечательно, что с прекращением деятельности церковного причта церковный совет храма не распался и продолжал действовать, правда, его усилия теперь сводились в основном к сохранению здания церкви и его имущества. Церковные активисты организовывали моления в домах, религиозные шествия в главные религиозные праздники, приглашали священников для совершения религиозных обрядов. В селе, несмотря на запреты, отмечались все большие православные праздники: Пасха, Рождество Христово, Крещение, Масленица, Петров День. Для отправления религиозных обрядов венчания, крещения, освящения куличей караванинцы ездили в православные храмы Астрахани [14]. Когда в 1943 г. между правительством и РПЦ наметился диалог, церковные активисты организовали сбор подписей и выступили ходатаями перед властями о возобновлении деятельности церкви. В 1945 г. верующие села по своей инициативе и за свой счет, не спрашивая властей, отремонтировали храм, однако добиться разрешения на его открытие так и не смогли, хотя доводы в пользу положительного решения этого вопроса были основательными: это и наличие годного к богослужениям храма и отсутствие в Лиманском районе православных церквей.

Православный храм сохранился и в селе Троицком Степновского района. До 1945 г. он использовался под сельский клуб, и на этом основании верующим постоянно отказывали в просьбах вернуть им храм. В 1945 г. клуб переехал в новое здание, а церковь передали средней школе под складское помещение. Верующие возобновили свое ходатайство, но власти опять ответили отказом, сославшись на этот раз на ветхость церковного здания и на то, что на расстоянии 10–12 км от села в городе Степном (Элиста) функционирует православный молитвенный дом [15].

На попечении астраханского епископа Филиппа (Ставицкого) находились не только православные Астраханской области, но и Сталинградской. В эту область после упразднения калмыцкой автономии были переданы два улуса – Сарпинский и Малодербетовский. На территории двух улусов сохранились три церкви, но ни одна из них не действовала. В Малодербетовском районе одна из церквей использовалась под склад зерна, другая была свободна, но находилась под замком, в Сарпинском районе в здании единственной сохранившейся церкви располагалось *«культурно-просветительное учреждение»* [16].

В числе верующих Сталинградской области, подавших в годы войны заявления об открытии церквей, были жители сел Тундутово и Обильное. Верующие первого населенного пункта обращались в органы государственной власти в 1944 и в 1945 гг., второго – два раза в 1944 г. и один раз в 1945 г. [17].

В селе Обильном православных возглавлял член местной кустарной артели А.В. Кисленко: он организовал собрания и сбор подписей под заявлениями у своих односельчан и сам лично неоднократно встречался с представителями органов власти. Весной 1943 г. колхозники на одном из своих собраний подняли вопрос об открытии у них молитвенного дома и обещали приступить к сбору средств для фронта. На это решение военный комиссар Сарпинского улуса, член бюро улускома Починок наложил резолюцию следующего содержания: *«Председателю сельсовета. Срочно собрать и провести собрания по колхозам и кварталам, что церкви не были и не будут, что средства от дохода церкви на оборону не нужны. Выявить, кто подписал и этих лиц привлечь к ответственности»* [18]. Решение военкома даже первый секретарь калмыцкого обкома ВКП (б) Лаврентьев назвал *«неумным»*, а председатель обильнского сельсовета просто не стал его выполнять, сославшись на занятость полевыми работами.

На верующих села Обильного и впоследствии оказывалось большое давление с целью вынудить их отказаться от идеи открытия молитвенного дома. В 1945 г., например, после подачи очередного заявления всех пятерых участников данной акции вызвали в райисполком и заставили дать подписки в том, что они никем не уполномочивались ходатайствовать об открытии молитвенного дома, сделав это исключительно по своей инициативе и от своего имени [19].

Не имея возможности зарегистрироваться, православное население Сарпинского и Малодербетовского районов вынуждено было отправлять свои религиозные потребности втайне от властей. В селах Обильном и Садовом нелегальные церковные богослужения происходили по большим церковным праздникам (Пасха, Рождество Христово, Троица и др.). Обычно в праздничные дни верующие группами по 10–30 чел. собирались на одной из квартир и под руководством бывших монахинь, обосновавшихся в этих селах после закрытия монастырей, совершали богослужения. В Рождественский праздник дети и подростки ходили по дворам *«Христа славить»*, а под Новый год – *«колядовать»* [20].

На территории Калмыкии в годы войны помимо элистинского действовал еще один молитвенный дом. Он находился в селе Приютном и тоже открылся в годы немецкой оккупации. После упразднения КАССР село Приютное включили в Апанасенковский район Ставропольского края, а его православный приход соответственно перешёл в ведение Ставропольской епархии, которую в 1942 г. возглавил освобожденный из мест заключения архиепископ Антоний. Приютненский Крестовоздвиженский молитвенный дом был зарегистрирован Советом по делам РПЦ 18 февраля 1944 г. Для проведения бого-

служений и других церковных обрядов приютненское православное общество получило от сельского совета в бессрочное и бесплатное пользование саманный домик и сторожку. В домике могли разместиться во время службы до 300 чел., численность же верующих в селе Приютном на момент регистрации оценивалась местными властями примерно в 1 тыс. чел. [21].

Примечания:

1. Шкаровский М.В. Русская церковь и третий рейх. М., 2010. С. 55
2. Там же. С. 55.
3. Там же. С. 53–4.
4. Свободная земля. 1942. 20 декабря.
5. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). Ф. П-22. Оп. 1 Д. 123. Л. 2 об., 34, 37.
6. Там же. Д. 134. Л. 110
7. Там же. Д. 138. Л. 52–52 об.
8. Там же. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 842. Л. 106.
9. Там же. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1201. Л. 181
10. Там же. Ф. Р-18. Оп. 3. Д. 5. Л. 14 об.
11. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ.) Ф. Р-6991с. Оп. 1с. Д. 12. Л. 29.
12. Там же. Д. 97. Л. 14.
13. Там же. Д. 886. Л. 22.
14. Там же. Л. 24.
15. Там же. Д. 316. Л. 41.
16. Там же. Д. 350. Л. 150.
17. Там же. Д. 126. Л. 124.
18. НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 786. Л. 20.
19. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 12. Л. 101.
20. Там же. Д. 785. Л. 19.
21. НАРК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2154. Л. 73.

В.А. Агеева

**СТРАНИЦЫ ШКОЛЬНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
ГОРОДА N... в 1943–1945 гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ ЛИЧНОГО ДНЕВНИКА ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ
М.Е. ГАЛАХ-МУРАВЬЕВОЙ)**

История Великой Отечественной войны вызывала и продолжает вызывать огромный интерес научной общественности. Новый импульс обращения к данной теме во многом обусловлен стремлением «вернуть человека» в историю, преодолев ее «обезличивание», прислушаться к голосам

ушедших поколений, понять их способы мышления и мотивы поведения. В данной связи закономерным представляется перенос исследовательского внимания с «больших» структур, образующих общество, с военно-политических и дипломатических проблем на историю «обычных людей», однако не сводимую к бытовым зарисовкам. Обращение к сюжетам военной повседневности создает основы для понимания того, как отдельные социальные группы и общество в целом адаптировались к жизненным трудностям и преодолевали их.

Повседневность как историко-социальная категория представляет собой реальность, имеющую личностную ценность в качестве целостного жизненного мира. Несмотря на общность переживаемых процессов, различные социально-демографические группы создавали свой собственный жизненный мир, имевший определенные особенности. Жизненный мир подростков в годы Великой Отечественной войны представляется нам как совокупность устойчивых поведенческих моделей, установок и эмоционально-психологических реакций на события внешней среды. Как сложное многомерное явление он раскрывается через ключевые образы: домашнее и семейное пространство, школьные реалии и уличную жизнь.

Цель данной работы – реконструировать жизненные практики учащейся молодежи, пережившей немецко-фашистскую оккупацию, в контексте восстановления и развития советской школьной системы. Исследуя школьную повседневность после оккупации, мы обратились к дневниковым записям 1943–1945 гг. жительницы г. Таганрога М.Е. Галах-Муравьевой.

В дневниковом наследии Великой Отечественной войны залегают пласты информации разного рода. По спектру сюжетов, передающих настроения и жизненные ситуации человека на фронте и в тылу, обилию подробностей и затрагиваемых тем, дневники являются ценным, практически незаменимым источником. Практическая значимость дневника М.Е. Галах-Муравьевой заключается в возможности реконструировать типичную школьную повседневность городов, оказавшихся в немецко-фашистской оккупации, после их освобождения в контексте мировоззрения подростка, воспитанного в семье партийной и научной интеллигенции, пережившего ужасы «нового порядка», гибель родителей и являющегося представителем школьного и комсомольского актива. Несомненно, записи дневника носят субъективный характер и не могут быть абсолютно достоверным источником для воссоздания школьных практик затрагиваемого периода, в то же время его сюжетные линии и их оценка характерны для множества разноплановых документов военного времени, о чем свидетельствует проведенный источниковедческий анализ.

Душевно-психологическое состояние детей, переживших немецко-фашистскую оккупацию, отличалось от состояния детей советского тыла. С одной стороны, они попали под каток идеологической машины Третьего рейха. Нацисты, используя все возможные средства, старались вытравить из сознания молодежи идеалы советского воспитания, внушить ей отрицатель-

ное отношение к коммунистической партии и сделать послушным орудием в их руках. Это идеологическое воздействие оказало определенное отрицательное влияние на формирующееся мировоззрение юношества. С другой стороны, практически постоянное пребывание в состоянии опасности, вид искалеченных тел погибших и раненых, разрушения, пожары, гибель товарищей, родных, запредельные физические и душевные нагрузки несли в себе разрушающее, негативное воздействие на психику подрастающего поколения. Кроме того, у подростков появился новый опыт переживаний, связанный с совершением антигуманных действий, восприятием последствий своих и чужих антигуманных действий, противоречащих человеческой природе, морали и нравственности. Все эти факторы создавали дополнительные трудности адаптации подростков к жизни в освобожденных районах, а приобретенный ими негативный опыт требовал вытеснения.

Школа на заключительном этапе войны по-прежнему несла основную нагрузку по социализации подрастающего поколения и отчасти взяла на себя решение проблем его психологической реабилитации. Однако это была не плановая реабилитация с четкой программой, целями и задачами. Процессы вытеснения негативного опыта детей протекали в традиционных условиях идеологизированной учебно-воспитательной работы. В то же время учителя доступными им способами и средствами пытались оказывать, скорее всего, неосознанную психологическую помощь своим воспитанникам, вышедшим из деструктивной ситуации оккупационного периода.

В своем дневнике Маргарита Ефимовна так описывала свой первый день в школе, наступивший спустя почти два месяца после изгнания немецких войск из города *«20 октября 1943 г. ... И вот я опять в школе. Мечты и желания мои сбылись поступила в 7 класс. Как учиться и кормиться буду совершенно не представляю, и вообще не желаю думать о будущем, живу одним днем. Всецело поглощена учением. Вот я сижу за партой и слушаю объяснение учителей, вокруг знакомые лица товарищей (с которыми я училась до войны) и не знаю, как все они выросли и возмужали, просто не узнать. Я всецело отдаюсь объяснениям учителя для меня в данную минуту ничего более не существует...»* [1].

Включение подростков в жизнедеятельность школьных коллективов протекало в условиях разрухи, занятий в три смены, огромного дефицита классных помещений, плохой их освещенности и отопления, скученности и тесноты в классах, отсутствия всего самого необходимого для организации учебного процесса – канцелярских принадлежностей, тетрадей и учебников и т.д. *«2 октября 1944 г. Сегодня был первый день в школе. Наша школа находится все в том же помещении. Занимались в 3-ю смену. Света нет, нужно приносить коптилки. Вообще обстановка тяжелая, удручающая Школу не подготовили к учебному году, даже не выбелили. Правда думают перевести нашу школу в другое здание, но когда это будет пока неизвестно. Сидим втроем... Учителя ...почти все новые. Мы к ним не привыкли и они нам на первый*

взгляд не нравятся, особенно химичка прямо ведьма какая-то. На уроках так и сыплет формулами, да выражается таким химическим языком, что сидим, как одуревшие и ничего абсолютно не понимаем. Но, ничего стерпится слюбится. Классный руководитель у нас И.Л. Запорожец – душа человек...».

«9 ноября 1944 г. ...Как вспомню о нашем помещении холодном и темном помещении так и не хочется идти в школу. И когда уже нам дадут новое помещение...»

И только в январе 1945 г.: «наша школа, наконец, переехала в новое помещение (туда, где раньше была 15 школа) Мы все конечно, все вещи на своих собственных плечах, но все это делали с большим энтузиазмом, ибо всем уже так надоело старое угрюмое помещение, что мы готовы куда-нибудь, только бы не оставаться больше там...».

К будничным школьным ритуалам следует отнести активное участие подростков в общественной деятельности, в работе пионерской и комсомольской организациях, выполнявших задачи официальной социализации: «12 ноября 1943 г. ... В школе сейчас горячка. Организовываются всевозможные кружки, отряды. Вообще шума много, все бегают, суетятся, а толку мало. Ну, я конечно, как человек активный и без меня дело не освятится, влезла тоже туда. Я начальник кружка Красного креста и Полумесяца. Но самое главное вступаю в ВЛКСМ уже подала заявление и ожидаю бюро...».

Дневниковые записи Маргариты Ефимовны содержат много замечаний и оценок учащихся в контексте их отношений к исполнению общественных обязанностей и типичных представлений о моральном облике советского школьника. Очень часто встречаются строки критики и осуждения поведения сверстников: «6 ноября 1943 г. за два года разучились делать все. Некоторые проблески культуры, которые в последние годы начали было появляться у учеников, за эти 2 года совсем зачихали. Сердце сжимается при взгляде на учеников расхлябанных и распущенных – ведь они будущие строители коммунизма!...».

«29 ноября 1943 г...Сегодня пришла поздно из школы. Было закрытое собрание комсомольцев. На повестке дня перевыборы секретаря комсомольской организации... и о работе комсомольской организации. Собрание прошло довольно неудачно. Все сидели и “спали”, никто не мог и трех слов сказать. Очевидно потому, что все комсомольцы, ...поступившие только всего несколько месяцев назад в комсомол. Ели раскочкались под конец. На основании тайного голосования постановили избрать... О.Д. По-моему, она как никто более подойдет к этой “должности”, она девочка...очень энергичная...умеет завоевать авторитет среди товарищей. Один недостаток у нее – это дисциплина. Ее поведение на переменах и уроках переходит все пределы. На переменах она первая в драках и в сбивании с ног. А на уроках на нее находят приступы неудержимого смеха... Я просто не понимаю ее. Как будто и девочка умная, однако отчего этот глупый смех, не пойму... Что касается меня, то я... буду организатором класса, кроме того, я главный редактор стенгазеты. Вообще работы теперь

только отбавляй. Но я на все согласна лишь бы класс наш походил на класс. Не могу понять, что за ребята в нашем классе. Как будто бы уже достаточно взрослые, а ведут себя как дети, даже и того хуже. Просто сердце болит, когда смотришь на их отношение к ученью, к работе...».

Параллельно с сюжетами школьной жизни, быта в дневнике М.Е. Галах-Муравьевой нашли отражение мысли и рассуждения о военной действительности. Подростки наравне с взрослыми следили за событиями на фронтах, сопереживали советским войнам, среди которых были родственники, соседи, знакомые, ждали скорейшей победы над врагом: *«12 ноября 1943 г... Но вот... передают последние известия. Взят крупный промышленный центр Украины – Житомир. Радостное чувство охватывает меня. Почти каждый день Красная Армия берет все новые и новые города, приближаясь к границе. Я знаю, что далеко еще не конец, враг хитер и коварен. Но все-таки это приближает конец и поэтому радует меня...».*

«3 декабря 1943... что-то на фронте дела не ладны, я сводки последней не слышала, но говорят, что опять сданы наши населенные пункты. Меня это очень волнует, тем более что я не знаю чем это объяснить: то ли немцы опять воспрянули духом (что мало вероятно), то ли это просто стратегические соображения. По-моему последнее предположение наиболее вероятно...».

«4 мая 1944 г... на фронтах затишье уже около 14 дней, что всех и меня, в том числе страшно волнует...».

Война не только присутствовала в мыслях подрастающего поколения, она, несмотря на окончание немецко-фашистской оккупации, тем или иным образом продолжала влиять на школьную повседневность. Однако жизнь в тылу уже не воспринималась подростками только как серые будни, наполненные лишениями и испытаниями. Человеческому сознанию, особенно в юношеском возрасте, свойственно стремление вытеснить негативные переживания и опыт, сконцентрироваться на позитивных аспектах своего бытия, приносящих маленькие житейские радости.

Инструментом для снятия состояния тревожности и социального напряжения в структуре повседневности учащейся молоджи являлся досуг. Его содержание отражало как элементы школьной культурно-массовой работы, так и неформальные формы организации личного свободного времени.

Традиционно в школах отмечались советские праздники: Октябрьской революции, Сталинской конституции и т.д.: *«4 декабря 1943 г. сегодня день прошел в каком-то каламбуре... Только вошла в школу... Оля [комсорг – В.А.] сейчас же дала мне сотню поручений, не требующих никакого отлагательства. Я побежала скорей к Полине Георгиевне Ш. [учительница – В.А.]. Ведь завтра день Сталинской Конституции, а у нас до сих пор ничего не сделано. Оказывается П.Г. уже до моего приезда побеспокоилась о материале для Стенгазеты. Не хватало только одной заметки, поэтому я села и быстро написала о С.М. Кирове... Вечером остались ребята и девочки и выпустили стенгазету. В школе готовятся к вечеру (6–7–8 и 9 классы)...».*

К самым распространенным неформальным досуговым практикам подростков следует отнести походы в кино, театр, клубы, организацию камерными компаниями, в основном, под патефон, танцев у кого-нибудь дома. Описания впечатлений от посещения развлекательных мероприятий составляют более половины всех записей Маргариты Ефимовны, что вполне естественно для ее возрастной категории: *«20 октября 1943 г... сегодня было пять уроков... Разошлись рано еще не было пяти часов. Пошла в кино “Георгий Саакадзе”. Вещь историческая интересная. Показывается Грузия 17 веков разрозненная на отдельные княжества. Борьба народа возглавляемого Саакадзе против царей и князей. Фильм оставил хорошее впечатление...»*. *«8 ноября 1943 г.... Целый день в погоне за билетами в театр или в кино. Но все-таки достали на дневной себе в Гордрамтеатр и в Рот-Фронт на цыганский ансамбль. В театре шла “Коломба” посмеялись с Линой вдоволь...»*. *«3 декабря 1943 г.... Уже давно не была в кино (около недели)...»*.

Нашли отражение в дневнике М.Е. Галах-Муравьевой и перипетии дружеских взаимоотношений со сверстниками, и первые свидания и первая юношеская влюбленность, но это уже совсем другая история...

Примечания:

1. Здесь и далее цит.: Дневник военного времени жительницы г. Таганрога М.Е. Галах-Муравьевой // Музей истории, археологии и палеонтологии факультета истории и права ФГБОУ ВПО «ТГПИ имени А.П. Чехова» (орфография и пунктуация автора сохранены).

В.А. Селюнин

Железнодорожники юга России – фронту (1943 г.)

Отступая под ударами Красной армии с Северного Кавказа, гитлеровцы уделяли особое внимание разрушению железнодорожных объектов, хорошо понимая стратегическую важность целостности транспортных путей и средств для преследующего противника. Враг имел специальные приспособления и механизмы для уничтожения транспортных средств, снимал и увозил рельсы, шпалы, провода, годные столбы, сигнальные приборы. Разрушалось все, что не подлежало транспортировке, но представляло ценность.

Оккупанты разрушили на Северо-Кавказской железной дороге 94 % пути, 139 вокзалов, более 1 тыс. жилых домов, огромное количество складов, паровозо- и вагоноремонтные предприятия, депо и т.д. На участках Орджоникидзевской магистрали, находившихся в зонах оккупации или боевых действий, разрушения тоже были значительными. По неполным данным урон железных дорог региона в денежном выражении составил 2 млрд руб. [1].

Введение в строй разрушенных транспортных коммуникаций было крайне важным для страны и фронта. Возобновление движения транспортного конвейера в освобожденных от врага районах позволяло быстрее и эффективнее вести наступательные действия вооруженных сил, снабжать их всем необходимым, помогало ускорить возрождение разрушенной военной экономики и товарообмен регионов, провести реэвакуацию оборудования заводов и фабрик, социальной сферы, населения из тыловых районов. Железнодорожные войска и специальные формирования Наркомата путей сообщения СССР продвигались вслед за наступающими частями Красной армии. Они проводили первоочередные работы по ремонту основания полотна, монтажу железнодорожной колеи, путейского оборудования и строительству временных деревянных мостов. Это был труднейший, требующий огромного физического напряжения работающих производственный процесс.

Орджоникидзевский городской комитет обороны еще в ноябре 1942 г. отправил на участки Беслан – Махачкала и Беслан – Орджоникидзе строительные и монтажные бригады, автомобильный и конный транспорт. За короткий срок были введены в строй несколько мостовых сооружений, уложены десятки километров новых шпал и рельсовых ниток. Первые поезда из Орджоникидзе в направлении Махачкалы и Астрахани пошли 5 декабря 1942 г. Северо-Осетинская АССР получила транспортную связь с Закавказьем, Средней Азией и Поволжьем. Появилась возможность принимать воинские эшелоны и поезда с реэвакуированным оборудованием предприятий, людьми, продуктами питания, горючим, сырьем и т.д.

Отсутствие стальных магистралей за пределами автономной республики задерживало транспортировку подкреплений к линии боев. На головных участках Орджоникидзевской железной дороги и подходах к ним в январе 1943 г. скопилось значительное количество поездов с восстановительными средствами, предназначенными для соседней магистрали, воинских эшелонов. Возникли «пробки», мешавшие четкой организации движения. Предстояло в короткие сроки открыть транспортное сообщение с такими важными железнодорожными узлами, как Минеральные Воды, Невинномысская, Армавир, Краснодар, Тихорецкая, Батайск. Восстановительные участки были закреплены за районами, прилегавшими к железнодорожной магистрали. Районные, городские, краевые органы власти мобилизовали на восстановительные работы тысячи селян, конные подводы, тягловый скот, провели сбор шанцевого инструмента, организовали доставку на объекты горячего питания, трофейных армейских палаток. Организация труда осуществлялась на основе опыта, накопленного в ходе строительства оборонительных сооружений в 1941–1942 гг. Руководители органов власти ежедневно получали сводки об итогах выполненных работ и постоянно контактировали с представителями НКПС и командованием железнодорожных подразделений. Благодаря слаженной деятельности

заинтересованных сторон процесс возрождения транспортных объектов набирал силу.

Основное внимание восстановителей нацеливалось на воссоздание первоначально главной линии Северо-Кавказской дороги. На капитальное строительство железнодорожных объектов региона НКПС выделил в 1943 г. чуть более 20 млн руб. [2]. Это была крайне недостаточная сумма для организации масштабных восстановительных работ, которые велись преимущественно методом народной стройки. В феврале 1943 г. с Орджоникидзевской дороги на Северо-Кавказскую ежедневно передавалось только 5–6 составов, которые могли, в лучшем случае, на малой скорости дойти до Батайска. Отсутствие моста через Дон в районе Ростова делало эту станцию конечной [3].

Командование Южного фронта и Ростовский городской комитет обороны организовали возведение моста быстрыми темпами. На помощь армейским восстановительным подразделениям прибыли рабочие и служащие предприятий Ростова-на-Дону, Азова, Батайска, ряда сельских районов, транспортные средства. Условия работы были необыкновенно трудными: массированные вражеские бомбежки, неблагоприятная погода, скудное питание, отсутствие подъемных механизмов, недостаток строительных материалов. Но люди оказались сильнее обстоятельств. Движение поездов по восстановленному мосту было открыто 1 апреля 1943 г. Составы пошли от Невинномысской до Шахтной, а к концу первой декады – до Лихой. Начал действовать транзитный путь на Юго-Восточную и Московско-Донбасскую железные дороги, связавший южный регион с центральными районами страны и Поволжьем [4]. По мере развертывания восстановительных работ увеличился масштаб перевозок. Если с 15 марта по 15 апреля 1943 г. Орджоникидзевская дорога приняла с соседних магистралей 440 и отправила 456 составов, то в следующем месяце эти цифры соответственно увеличились до 568 и 564 [5].

Быстро уводя свои контингенты из пределов Северного Кавказа, гитлеровское командование было вынуждено бросить на стальных магистралях десятки тысяч вагонов, цистерн, платформ, паровозов, мешавших движению поездов. Чтобы скорее приспособить эти ценные трофеи для нужд регионального транспорта, требовалось заменить колесные пары европейского образца на отечественные. Для проведения этой трудоемкой и сложной работы управления Орджоникидзевской и Северо-Кавказской дорог создали передвижные мастерские, которым придавались малогабаритные электростанции, подъемные механизмы, специальные станки. За 1943 г. передвижные мастерские Северо-Кавказской железной дороги организовали доставку в вагоноремонтные пункты и депо десятков тысяч единиц подвижного состава. Из учтенных 12 872 вагонов европейского образца было отремонтировано 1579, отправлено на заводы и другие дороги 5965, списано 2105. К концу года 2440 вагонов были оснащены стандартными

колесными парами. Коллективы заводов и депо отремонтировали 6753 отечественных вагона [6].

К линии фронта региональный транспортный конвейер доставлял эшелоны, груженные резервными воинскими частями, боеприпасами, провиантом, техникой. Это были не только транзитные поезда, следовавшие из республик Закавказья, Средней Азии, тыловых районов России, но и составы, сформированные в промышленных центрах Северного Кавказа. Из Чечено-Ингушской АССР в летние месяцы 1943 г. ежедневно отправлялось в среднем 324 цистерны с горючим, из Дагестана – 602 цистерны. Нефтепромыслы и перерабатывающие предприятия Кубани загружали 100 цистерн [7]. Накануне наступления на решающих участках фронта армия и флот обладали запасами горючего, размещенного в прифронтовой зоне. В течение 9 месяцев 1943 г. труженики Орджоникидзевской дороги обладали переходящим Красным Знаменем НКПС и ВЦСПС, а за работу в ноябре этой высокой награды были удостоены работники Северо-Кавказской магистрали. Сотни работников получили ордена и медали, памятные знаки, премии [8].

После разгрома Новороссийской и Таманской войсковых группировок противника стало возможным восстановление железнодорожных веток Линейная – Новороссийск и Протока – Крымская. Во второй половине сентября 1943 г. местные власти мобилизовали на строительство 2,6 тыс. юношей и девушек Кубани. Особенно трудоемкими были работы в тоннелях, на которые записались добровольцами 400 чел., не уstraшившихся обвалов породы, выбросов воды и газов, сквозняков, нехватки механизмов. Патриоты добивались перевыполнения сменных заданий, смело шли на самые опасные участки, поддерживали друг друга. Лучшими среди строителей являлись Надежда Игнатенко, Мария Лазарева, Надежда Сокол, Наталья Романько, перевыполнявшие нормы в два-три раза.

Чтобы выполнить заказы ударной стройки, молодежь Краснодара, Тихорецкой, Армавира, Кропоткина решила ежедневно оставаться на рабочих местах сверхурочно. За короткое время железнодорожники краснодарского узла собрали 14 тыс. рельсовых костылей и 1 тыс. крепежных болтов. Большое количество деталей поставляли на возрождавшиеся ветки коллективы других узлов. Участники восстановления получили от молодежи Кубани 183 т металлических изделий, десятки тонн продовольствия, теплую одежду. Благодаря напряженному труду восстановителей, всесторонней помощи местного населения удалось сравнительно быстро ввести в строй магистрали. Первый состав вышел из Новороссийска в сторону Краснодара 30 октября 1943 г. К концу этого же года были выполнены первоочередные работы по обеспечению движения поездов на всех линиях Орджоникидзевской и Северо-Кавказской железных дорог [9].

Введение в строй транспортных магистралей сыграло стратегически важную роль в осуществлении наступательных операций Красной армии. Однако

восстановленные коммуникации в техническом отношении были весьма непрочными, не позволяли увеличивать скорость движения транспортных средств. Возможности маневрирования составами поездов на станциях были крайне ограниченными, не хватало сортировочных горок, запасных путей, погрузочных платформ, складов, средств сигнализации. При дефиците механизмов, инструмента, материалов преобладал физический труд, максимально использовались скрытые резервы, активизировалась рационализаторская мысль. Трудовой энтузиазм возрастал как ответ на фронтовые успехи Красной армии, а не как следствие введения на транспорте военного положения.

Темпы и эффективность возрождения железнодорожного хозяйства могли быть значительно выше, если бы работы велись в нормальных, мирных условиях. Но таких условий не было до осени 1943 г. на многих участках железнодорожной магистрали. Немало неприятностей доставляли вражеские летчики работникам станций Шахтной, Лихой, Крымской, Кавказской, Тихорецкой, Невинномысской. Но железнодорожники быстро устраняли последствия разрушений, и транспортные узлы возобновляли работу. Изгнание гитлеровцев из пределов Ростовской области и Краснодарского края явилось главной предпосылкой ускорения восстановительных мероприятий и интенсификации перевозок.

Начальник управления Орджоникидзевской железной дороги Х.Т. Восканов и его заместитель К.В. Ильченко были представлены к правительственным наградам. Правительство не обошло вниманием и работников Северо-Кавказской железной дороги, наградив коллектив Переходящим Красным Знаменем Государственного комитета обороны СССР и ВЦСПС, а также денежными премиями за успешную работу в марте 1943 г. [10].

Паровозникам региона приходилось нередко участвовать в длительных рейсах летом 1943 года. Транспортировка военных эшелонов всегда требовала от движенцев большого мужества и самообладания не только во время бомбежек, но и в ходе устранения поломок, приводивших к авариям. Далеко разнеслась весть о героическом рейсе одной из молодежных бригад Ростовского депо. Во время движения состава к линии фронта случилась авария: в топке паровоза провалилась колосниковая решетка. Чтобы исправить повреждение требовалось остановить поезд, потушить топку, дожидаясь, пока она остынет, а затем поставить упавшую решетку на место. Эта операция могла задержать воинский эшелон на несколько часов, помешать движению к фронту других поездов, сделать их неподвижной мишенью для вражеских самолетов. Помощник машиниста И. Матвиенко вызвался исправить повреждение на ходу поезда. Он обмотал лицо полотенцем, надел два бушлата, попросил товарищей, чтобы его окатили водой, и смело шагнул в раскаленную топку. Ценой невероятных усилий патриот устранил аварию, поезд продолжил путь и своевременно прибыл к месту назначения [11]. Трудовой подвиг И. Матвиенко был отмечен военным командованием

и руководством дороги. За период войны такой случай был едва ли не единственным в регионе.

Героизм одиночек всегда опирался на поддержку товарищей по работе, поэтому конечный производственный успех определялся слаженной деятельностью паровозных машинистов, их помощников, кочегаров. Многие сотни железнодорожников правительство наградило орденами и медалями, различными профессиональными знаками отличия. Звание Героев Социалистического Труда было присвоено мужественным людям, не дрогнувшим во фронтовой обстановке: начальнику станции Батайск К.Г. Мазурову, начальнику Крымской дистанции пути В.Т. Безуглову, старшему машинисту депо Армавира А.Х. Делову, электромеханику станции Котляревской А.Ф. Папуре [12].

Таким образом, трудящиеся Орджоникидзевской и Северо-Кавказской железных дорог сумели при помощи военизированных подразделений и местного населения в короткий срок провести первоочередные восстановительные работы, позволившие военному командованию использовать возможности регионального транспорта для окончательного изгнания врага с оккупированной им территории. Нехватка государственных инвестиций частично восполнялась за счет использования внутренних резервов региона и применения труда мобилизованного на разовые работы населения. Находясь на службе фронта и тыла, железнодорожники по-военному выполняли фронтовые задания и обеспечивали транспортные потребности возрождавшейся экономики южнороссийского региона. Трудовой героизм, который проявляли работники железнодорожного транспорта, был достойным вкладом патриотов в общенародную борьбу против агрессоров.

Примечания:

1. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-1880. Оп. 5. Д. 109. Л. 57.
2. Уходили на фронт эшелоны. М., 1974. С. 4.
3. ГАРО. Ф. Р-1880. Оп. 5. Д. 78. Л. 61.
4. Центральный государственный архив Республики Северной Осетии – Алании (далее – ЦГА РСО-А). Ф. Р-841. Оп. 1. Д. 36. Л. 56.
5. Там же.
6. Там же. Д. 38. Л. 407.
7. Центр документации новейшей истории Ставропольского края. Ф. 1. Оп. 2. Д. 243. Л. 45.
8. Там же. Д. 232. Л. 114–115.
9. ГАРО. Ф. Р-1880. Оп. 5. Д. 91. Л. 71. Д. 78. Л. 64, 68.
10. Селюнин В.А. Промышленность и транспорт юга России в войне 1941–1945 гг. Ростов н/Д, 1997. С. 297.
11. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 111. Оп. 1. Д. 7. Л. 47.
12. ЦГА РСО-А. Ф. Р-841. Оп. 1. Д. 38. Л. 408.

Н.В. Селюнина

Моряки и речники юга России в войсковых операциях 1943 г.

Разгром Сталинградской немецко-фашистской группировки положил начало коренному перелому в ходе битвы за Кавказ и в Великой Отечественной войне. На Северном Кавказе болевыми точками для советского командования оставались крупный черноморский порт Новороссийск и укрепления на Таманском полуострове, названные врагом «Голубой линией». Фашисты планировали надолго оставить в своих руках важнейший черноморский транспортный узел и внушительный материковый плацдарм, прикрывавший Крым и составлявший угрозу всему южному региону.

Осенью 1942 г. Красная армия вела кровопролитные бои с противником на горных перевалах в районе Туапсе и в районе новороссийских цементных заводов. Для ее обеспечения всем необходимым максимально использовались различные суда Черноморско-Азовского пароходства, доставлявшие из портов Аджарии и Абхазии военные грузы и воинские резервы в Сочи, Туапсе и Геленджик. Заметим, что Геленджик не имел подъездных железнодорожных путей и снабжался только морем. Таким образом, все воинские части, оборонявшие подходы к Черному морю, тесно взаимодействовали с водниками.

Штаб-квартира руководителей пароходства находилась в Сухуми, а в Сочи координировал действия моряков отдел водного транспорта Краснодарского крайкома ВКП(б), эвакуировавшегося в курортный город в июле 1942 г. Архивные документы свидетельствуют, что краевой партийный орган взаимодействовал с командованием Отдельной Приморской армии и Черноморского флота. Благодаря этому доставка военных грузов и людских контингентов к линии фронта осуществлялась с учетом потребностей оперативной обстановки.

За третий квартал 1942 г. гражданские моряки доставили в Туапсе 92 569 т грузов, а в Геленджик – 14 534 т [1]. Кадровую основу расширившегося Геленджикского порта составляли новороссийские моряки. Недостатка в опытных специалистах не было. Руководители порта к погрузо-разгрузочным работам систематически привлекали нестроевые воинские подразделения, которые быстро освоили специфику работ в ночное время при любой погоде. Враг стремился создавать непреодолимые препятствия, работе портовиков, организуя круглосуточные налеты авиации. Портовому хозяйству систематически наносился большой ущерб, но разрушения устранялись и фронтовая работа продолжалась.

Экипажи транспортных и различных вспомогательных судов тоже несли значительные потери. Враг широко использовал минирование традиционных фарватеров, большую угрозу для плавсредств создавали румынские тор-

педные катера. Поэтому передвижение судов по акватории в дневное время запрещалось, а для работы в ночные часы экипажи использовали различные маскировочные средства. К концу 1942 г. на Черноморском театре военных действий осталось лишь 19 гражданских кораблей суммарной грузоподъемностью 48 250 т, а в начале войны в строю находились 73 судна общей грузоподъемностью в 243 тыс. т [2]. Команды всех сохранившихся в строю гражданских судов работали по военным заданиям и обеспечивали преимущественное выполнение фронтовых приказов. Усиление централизации управления флотом благоприятно сказывалось на решении первостепенных по важности задач.

К началу 1943 г. в Геленджике были накоплены значительные материальные и людские резервы, позволявшие командованию сухопутных войск и военного флота более интенсивно готовиться к штурму Новороссийска. За достигнутые успехи в январе 1943 г. коллектив Черноморско-Азовского пароходства был награжден Переходящим Красным знаменем Наркомата морского флота СССР. Подобную награду дважды заслужили и портовики Туапсе (начальник порта А.И. Гоцуляк) [3].

Стремясь оказать помощь войскам 47-й армии в освобождении Новороссийска, командующий Черноморской группой войск Закавказского фронта И.Е. Петров и командующий Черноморским флотом Л.А. Владимирский решили с одобрения Ставки Верховного Главнокомандования провести крупную десантную операцию в районе Южной Озерейки и на Суджукской косе – на западном берегу Цемесской бухты. При успешном стечении обстоятельств захваченный плацдарм можно было использовать для удара по Новороссийску.

Высадка десанта осуществлялась в ненастную морозную ночь на 4 февраля 1943 г. Вместе с десантными кораблями в ней участвовали низкобортные суда и катера Черноморско-Азовского пароходства. В районе Южной Озерейки военные и гражданские суда попали под сильный огонь береговой артиллерии врага и были вынуждены вернуться в Геленджик. Сумели высадиться на берег только штурмовые отряды первого эшелона, в которых имелось до 1,5 тыс. десантников и 16 танков. Но эта группа не смогла удержать береговой участок, и была частично уничтожена врагом, а частично эвакуирована.

Одновременно в район поселка Станичка высадился десантный отряд под командованием майора Ц.Л. Куникова, состоявший из 800 чел. Часть бойцов была доставлена к берегу командами катеров «Смелый» и «Ашамба». Последнему вернуться на базу не удалось [4]. Штурм береговых укреплений вызвал в стане врага большую панику, и морякам удалось довольно быстро захватить плацдарм до 4 км по фронту и 2,5 км в глубину. Противник принял серию контрударов по десанникам, но в последующие ночи транспортники доставили на Суджукскую косу все основные силы, предназначенные для операции. Командование ввело в бой лучшие воинские части – 225-ю Краснознаменную бригаду морской пехоты под руководством полковника

А.С. Потапова и 83-ю бригаду морской пехоты Д.В. Красникова, 165-ю стрелковую бригаду, отдельный авиадесантный полк и части усиления.

С 15 февраля началась семимесячная оборона Малой земли – плацдарма площадью около 30 кв. км. И все это время экипажи судов Черноморско-Азовского пароходства доставляли защитникам свежие пополнения, вооружение, боеприпасы, обмундирование, строительные материалы, продовольствие, вывозили в тыл раненых и больных. В телеграмме на имя начальника пароходства командование Северо-Кавказского фронта благодарило за выполнение февральских заданий по снабжению защитников Малой земли и наградило орденами и медалями 37 моряков [5].

Военный журналист Герой Советского Союза С.А. Борзенко, участник обороны Малой земли, писал: *«Малая земля стала родиной мужества и отваги. Со всех сторон спешили туда отчаянные души, горевшие неугасимой местью. Тот, кто попадал на плацдарм под Новороссийск, становился героем. Там не было метра площади, куда бы не свалилась бомба, не упала мина или снаряд. Семь месяцев вражеские самолеты и пушки вдоль и поперек перепархивали землю, на которой не осталось ничего живого – ни зверей, ни птиц, ни деревьев, ни травы. Никого, кроме советских воинов»* [6].

Моряки, создавшие «дорогу жизни» от Геленджика до Малой земли, тоже были героями, выстояли и выполнили все задачи военного командования. Регулярно совершал рейсы из Геленджика на Малую землю экипаж парохода «Тракторист», состоявший из 44 чел., включая военную команду артиллеристов и пулеметчиков. За время боев «Тракторист», ведомый капитаном Н.Ф. Фомичевым, совершил 36 рейсов. Неоднократно в корпус судна попадали вражеские снаряды и мины, но повреждения устранялись экипажем и пароход вновь и вновь устремлялся в огненное пекло. Мужественными людьми, не терявшими самообладания в труднейших ситуациях, показали себя помощник капитана Н.А. Ковалев, старшина комендоров И.В. Кулинич, матрос И.В. Сычёвой и другие члены экипажа. «Тракторист» перевез для защитников Малой земли более 10 тыс. т военных грузов, свыше 20 тыс. бойцов и командиров, эвакуировал в тыл не меньше 6 тыс. раненых. За добросовестный труд и постоянную готовность к самопожертвованию коллектив парохода неоднократно получал выпелы и денежные премии наркомата и ГКО СССР [7].

В зоне боев успешно действовали экипаж парохода «Симеиз» (капитан И. Вечный), который отбуксировал в зону боев 27 барж, мотоботов, сейнеров с воинскими грузами и десантными частями [8]. Военное командование неоднократно отмечало ратные заслуги экипажей «Стахановец» (капитан В.Г. Собко), малотоннажных судов «Кибальчич», «Рица», «Вест», № 6 и многих других.

Командование Северо-Кавказского фронта высоко ценило деятельность гражданских моряков в операции по обеспечению защитников плацдарма на Малой земле. В телеграмме от 4 марта 1943 г. говорилось: «Отмечаем, что коллектив моряков и командование Черноморско-Азовского пароходства

февральский план перевозок наших грузов выполнили, тем самым обеспечили выполнение задач по снабжению. Претензий не имеем. Желаем дальнейших успехов в совместной работе» [9]. Правительство тоже высоко оценило ратный труд черноморцев. В апреле 1943 г. 53 моряка получили ордена и медали. Ордена Красной Звезды были удостоены начальник Черноморско-Азовского пароходства И.Г. Сырых, капитан судна «Кибальчич» Ф.И. Буриченко, кочегар А.И. Милиевский [10].

За июль – первую половину сентября 1943 г. суда совершили из Геленджика на Малую землю 71 рейс, доставив туда 1546 т различных грузов. Из каждого рейса суда возвращались в Геленджик и другие порты искалеченными вражескими пулями, снарядами, бомбами. Но экипажи тут же принимались ремонтировать плавсредства. Для заделки пробоин в корпусах судов в то время использовался высококачественный бетон, потому что металла и квалифицированных сварщиков не хватало. Портовики Геленджика обрабатывали за 11 месяцев 1943 г. 2128 различных крупных и малотоннажных судов с 55,6 тыс. т грузов. Эти достижения отмечались повышенными премиальными выплатами и наградами [11].

Донбасская наступательная операция советских войск, начавшаяся 13 августа 1943 г. явилась одной из главных предпосылок прорыва войсками Южного фронта сильно укрепленной вражеской миусской линии обороны. Наши войска освободили Таганрог 30 августа и начали продвижение на запад вдоль побережья Азовского моря. Стремительно развивалось наступление войск Центрального и Юго-Западного фронтов. По указанию Ставки ВГК предпринял решительные наступательные действия и Северо-Кавказский фронт, который вместе с Черноморским флотом начал в ночь на 10 сентября 1943 г. десантную операцию по овладению Новороссийском. В бой был направлен весь работоспособный флот.

Команды кораблей «Курск», «Димитров», «Пестель», «Ульянов», «Березина», «Шахтер», «В. Кутюрье», «Кремль», «Адлер», а также различных малых судов приняли на борт войска, технику, вооружение, боеприпасы и обеспечили высадку десантов у станицы Благовещенской и озера Соленого [12]. Следует отметить, что десантирование войск с крупных грузопассажирских кораблей было технически весьма сложным. Плавсредства не могли подходить близко к береговой полосе из-за малых глубин. Обычно капитаны судов использовали при десантировании немногочисленные шлюпки, рыбацкие лодки, самодельные плоты. Значительно эффективнее использовались для этой цели танкеры и портовые обслуживающие низкобортные суда. Во всех случаях десантники были вынуждены добираться вместе с тяжелым вооружением вплавь до берега. При этом утрачивалось немало боеприпасов, оружия, продовольствия и т.д. Враг неистово оборонялся, максимально использовав береговую артиллерию и авиационные соединения. Ценой больших потерь противник был разгромлен и выброшен из города 16 сентября 1943 г. Эта победа создала благоприятные условия

для завершения битвы за Кавказ, освобождения Таманского полуострова, а затем и Крыма.

После окончания боев за Новороссийск водники принимали участие в Керченско-Эльтигенской военной операции, проводившийся советским командованием с 31 октября по 11 декабря 1943 г. В штурме крымского берега участвовали 278 различных судов, экипажи которых высадили десант 1 ноября в районе Эльтигена и в ночь на 3 ноября – северо-восточнее Керчи. К 12 ноября советские войска очистили от врага северо-восточный выступ Керченского полуострова, но плацдарм у Эльтигена удержать не удалось. Водники эвакуировали десантников из этого района 10–11 декабря 1943 г. Наряду с моряками в этих боях участвовали экипажи речных судов Доно-Кубанского бассейна «Коммунар», «Троянский», «Ванда», «Краснофлотец», «Суворов» и семи барж. После небольшой модернизации в порту Темрюк капитанские рубки были обложены мешками с песком, на пароходы поставили пулеметы, экипажи речных плавсредств взяли на борт боевую технику, вооружение, боеприпасы, бойцов и стали выполнять фронтовые задачи.

Особенно отличилась команда донского парохода «Коммунар». Под руководством капитана М.Я. Князева экипаж работал в зоне кровопролитных боев 18 суток. За это время он доставил на крымский берег более 10 тыс. солдат и офицеров, около 1 тыс. лошадей с повозками, сотни тонн боеприпасов, снаряжения и продовольствия. Боевые награды получили механик Савинов, штурман Камогоров, боцман Шульгин, кочегары Морисов и Астафьев, рулевой Кулагин, матросы Саблин, Дырдина и Черногорова. Капитан М.Я. Князев был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

Героем Керченско-Эльтигенской операции стал помощник по политической части азовской паровой шаланды А. Чеченин. Он был авторитетным человеком на судне, подавал пример команде смелостью, находчивостью, выдержкой. После гибели капитана помполит встал у штурвала, несколько дней водил судно в районы боев и погиб на капитанском мостике. Посмертно А. Чеченин был удостоен высокой правительственной награды. Многие азовцы сложили головы за освобождение Крыма. По неполным данным в этих боях погибли 180 азовских моряков [13]. В период проведения Керченско-Эльтигенской операции кубанцы перевезли 7419 т воинских грузов. Это было большой помощью войскам, освобождавшим Крым [14]. Итогом работы черноморских тружеников за 1943 г. явилась перевозка 307 078 т грузов [15].

Предпосылками для налаживания нормальной работы воднотранспортного конвейера в Черноморско-Азовском бассейне явились разгром крымской группировки противника и освобождение Северного Причерноморья. Изгнание врага из Одессы и других украинских портов позволило возобновить деятельность флота на традиционных внутренних и экспортно-импортных морских линиях.

Таким образом, водники юга России внесли большой вклад в транспортное обеспечение операций по изгнанию врага из пределов региона. В ходе выполнения фронтовых приказов они проявляли высокую организованность, беспримерное мужество, стойкость и отвагу.

Примечания:

1. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 473. Оп. 1. Д. 43. Л. 60.
2. Там же. Д. 22. Л. 18.
3. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-7913. Оп. 13. Д. 224. Л. 10; Архив Федерального агентства Министерства речного транспорта (далее – АФА МРТ). Ф. 20. Оп. 5. Д. 40. Л. 50.
4. Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО). Ф. 92. Оп. 2. Д. 59. Л. 17.
5. АФА МРТ. Ф. 20. Оп. 5. Д. 40. Л. 126.
6. См.: Селюнина Н.В. Водный транспорт юга России в 1941–1945 гг. Ростов н/Д, 2004. С. 131.
7. ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 26. Д. 129. Л. 25; ГАОО. Ф. 92. Оп. 2. Д. 62. Л. 46.
8. АФА МРТ. Ф. 20. Оп. 5. Д. 40. Л. 126.
9. ГАОО. Ф. 92. Оп. 2. Д. 62. Л. 81.
10. Морской флот. 1943. 13 апреля.
11. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1774а. Оп. 1. Д. 3379. Л. 148.
12. АФА МРТ. Ф. 20. Оп. 5. Д. 40. Л. 92.
13. ГАРФ. Ф. Р-7913. Оп. 13. Д. 229. Л. 33.
14. ЦДНИКК. Ф. 1774а. Оп. 1. Д. 3379. Л. 109.
15. ГАОО. Ф. Р-1965. Оп. 9. Д. 3. Л. 3.

Е.Н. Бадмаева

Сельское хозяйство Калмыкии в годы Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война – один из самых драматических и тяжелых периодов российской истории, ее изучение было и остается одним из приоритетных направлений в исторической науке. Огромный вклад в приближение долгожданной Победы внесло российское крестьянство, самоотверженно выполнявшее важнейшую задачу обеспечения всего фронта и тыла сырьем и продовольствием. Все это проходило на фоне огромных материальных и людских потерь и многочисленных трудностей военного времени. В этой связи изучение проблем, связанных с развитием сельского хозяйства в военные годы в целом страны, так и ее отдельных регионов, представляет особую научную актуальность.

В годы войны часть территории страны была захвачена гитлеровскими оккупантами, вследствие этого колоссальная тяжесть по продовольственному обеспечению советских войск легла в основном на восточные районы страны. Вместе с тем, имелись территории, которые были частично заняты немецкими войсками, а частично на них сохранялась советская власть, действовали советские законы военного времени и решались вопросы продовольственного обеспечения Красной армии и мирного населения. Таковой была, в частности, Калмыцкая АССР, часть территории которой была захвачена летом 1942 г. и освобождена в декабре 1942 г. Социально-экономические процессы, происходившие в Калмыкии в военный период, не всегда были тождественны общесоюзным явлениям и имели специфику, обусловленную ее положением как региона, частично находившегося во временной оккупации, а затем последующей ликвидацией национальной государственности.

Накануне войны, в 1940 г. из общей численности населения СССР в 194,1 млн чел. сельские жители составляли 131 млн чел. или 67,5 %. Калмыцкая АССР была аграрным регионом, более 80 % ее населения составляли сельские жители. В 178 колхозах Калмыкии было объединено 98,7 % крестьянских хозяйств, имелось также 13 совхозов. Эти хозяйства содержали 99,8 % всего поголовья скота республики [1].

В решениях советского руководства в первые дни Великой Отечественной войны была определена программа перехода экономики на военные рельсы. Создание Государственного комитета обороны СССР, объединившего советскую исполнительную и законодательную власть и партийное руководство в стране, обеспечило планомерность и единство действий в деле мобилизации всех ресурсов народного хозяйства на нужды Великой Отечественной войны. По решению ГКО, основные центры сельского хозяйства были перенесены на Восток – в Казахстан и Сибирь. Если промышленность СССР поставляла РККА боевую технику, то сельское хозяйство обеспечивало фронт и тыл продовольствием. В 1941–1945 гг. в СССР существенно выросла потребность в товарном хлебе, особенно в действующей армии. Оперативное решение продовольственной проблемы в СССР в период Великой Отечественной войны в значительной степени стало возможно благодаря колхозному строю, обеспечившему высокую товарность и валовой урожай хлеба, сосредоточению основной массы товарного хлеба в руках государства, организовавшего правильный учет и распределение продовольствия.

Успехи в земледелии обеспечили в СССР к началу Великой Отечественной войны накопление значительных государственных резервов хлеба. Это создало устойчивость в снабжении Красной армии и населения продовольствием, несмотря на исключительные трудности военного времени и уменьшение заготовок хлеба в 1942 и 1943 гг. по сравнению с 1940 г. Только Калмыцкая АССР до конца марта 1942 г. поставила государству из урожая 1941 г. 60 626 т зерна (117 %) при увеличенном плане в 51 817 т [2].

В колхозах республики укреплялась трудовая дисциплина, на смену мобилизованным в действующую армию кадрам пришла новая рабочая сила. По сравнению с довоенным временем, она претерпела качественные изменения, в ней преобладали женщины и молодежь. Аграрная специфика республики предопределила преобладающую занятость женщин в этой отрасли. Именно благодаря их колоссальному труду и трудовой активности выполнялись все производственные планы, что давало возможность оказывать посильную помощь армии, эвакуированному населению, регионам, пострадавшим от оккупации. Вовлечение в производство огромного числа женщин стало одной из особенностей работы народного хозяйства в военный период. За это время более чем в два раза выросло количество женщин, вышедших на наиболее тяжелые участки работы. Доля женщин, участвовавших во всех видах сельскохозяйственной деятельности, поднялась до 66 %. Уже к ноябрю 1941 г. из калмыцких девушек было подготовлено 840 трактористок, 320 комбайнеров, 137 шоферов, 73 моториста и судоводителя [3]. С июля 1941 г. по июнь 1942 г. на руководящую партийную, советскую и хозяйственную работу было выдвинуто 2208 чел., вместо выбывших в действующую армию, в том числе 860 женщин, тогда как в довоенное время ответственные должности занимали всего 327 женщин [4].

Однако рост производительности труда не мог полностью восполнить ослабление технической базы сельского хозяйства, главным образом в освобожденных улусах Калмыкии, в связи с уменьшением парка тракторов, комбайнов, сельскохозяйственных машин и автомобилей, что поставило сельское хозяйство республики перед серьезными трудностями. Всего за 4 месяца оккупации республика понесла значительный ущерб, было разграблено и уничтожено 17 345 шт. сельхозинвентаря на сумму 10 216 650 руб. [5].

Серьезное ослабление технической базы сельского хозяйства после оккупации, уменьшение рабочей силы значительно повлияли на количестве заготавливаемого зерна, и не могли возместить потери посевных площадей в Калмыкии. Вместо 54 911 ц хлеба по плану сдачи колхозами в 1943 г., в хлебный фонд Красной армии фактически поступило 27 374 ц [6]. Произошли значительные сокращения урожая технических культур. К тому же сказались и неблагоприятные метеорологические условия: бесснежная зима 1942–1943 гг., отсутствие осадков в весенне-летний период 1943 г. и суховеи в период созревания хлебов. Все это привело к небывалой низкой урожайности зерновых и других сельскохозяйственных культур: подлежало уборке 125 579 га, а погибло 60 100 га посевов. Таким образом, фактически в 1943 г. было убрано 65 477 ц, валовой сбор зерна составил 86 314 ц, маслиничных культур – 3679 ц [7]. Хотя в целом 1943–1944 гг., по мнению ряда исследователей, в развитии сельского хозяйства всей страны во многих отношениях являются переломными годами. Начиная со второй половины 1943 г. быстрыми темпами шло восстановление сельского хозяй-

ства освобожденных районов. Именно в 1943 г. был получен самый низкий за все годы войны валовой объем сельскохозяйственной продукции, но крестьянство сумело дать стране 94,2 % всех хлебных заготовок в стране. Этого оказалось достаточно, чтобы обеспечить население и фронт необходимым продовольствием [8].

Помимо восстановления и развития земледелия особое внимание правительства уделялось животноводству. За годы войны значительно увеличенные поставки мяса, шерсти государству резко отразились на воспроизводстве стада: и в численности, и в размещении поголовья скота произошли серьезные изменения. В целом в СССР вследствие временной оккупации ряда сельскохозяйственных районов поголовье скота в 1942–1943 гг. уменьшилось по сравнению с 1941 г. В Калмыкии было уничтожено во время оккупации только рабочего скота 30 981 голов на сумму в 121 104 482 руб. Общая численность разграбленного, уничтоженного и погибшего скота составила 967 803 голов на сумму в 368 092 288 руб. [9]

В то же время колхозы восточных районов СССР с начала 1941 г. до начала 1943 г. увеличили поголовье рогатого скота с 1,4 млн голов до 2,5 млн голов, поголовье овец и коз – с 28,1 млн голов до 34,2 млн голов. Это связано в первую очередь с тем, что регионы, опасаясь оккупации и желая сохранить скот, в том числе Сталинградская область, Астраханский округ и Калмыцкая АССР, эвакуировали свой скот в Сибирь и Казахстан. Так, в связи с угрозой оккупации 29 августа 1942 г. руководство Калмыцкой АССР в спешном порядке приняло постановление «О мероприятиях по эвакуации скота, тракторов, сырья и другого имущества их прифронтовых районов», а 30 августа «О перегоне эвакуированного скота в Казахскую ССР». В это время отдельные районы республики были уже захвачены фашистами. По неточным данным, всего за время перегона скота от Волги до размещения в колхозах Казахской ССР официально числилось 481 546 голов скота. Потери перегоняемого скота определялись, прежде всего, падением поголовья в дороге, утерей и хищениями, сдачей на поставки Красной армии, массовыми эпидемиями, в том числе, чесоткой, ящуром, скудными кормами, неблагоприятными погодными условиями, неподготовленностью приемных пунктов в колхозах и совхозах Западно-Казахстанской, Гурьевской, Актюбинской, Чкаловской. На приемных пунктах было оставлено истощенного и подбитого скота 305 694 голов скота, сдано государству, в «Заготскот», воинским частям по чековым требованиям и распискам и другим государственным организациям 175852 голов скота [10]. Возвращено же в Калмыкию и колхозникам в 1943 г. после оккупации всего 1531 голов, в том числе, 121 лошадь, 225 голов крупного рогатого скота, 1078 овец и коз, 8 верблюдов [11].

Во время Великой Отечественной войны в Калмыкии изменилось соотношение между накоплением и потреблением и временно, на первом этапе существования военной экономики, уменьшились их абсолютные

размеры. По сравнению с довоенным 1940 г. производство совокупного общественного продукта республики в 1942 г. уменьшилось вследствие оккупации ряда земледельческих и животноводческих районов Калмыкии. Абсолютные размеры производственного потребления также уменьшились, хотя удельный вес остался без изменения. Фонд личного потребления населения несколько сократился. Удельный вес и размеры накопления временно снизились, хотя накопление продолжалось в течение всего периода войны.

В целом, в военные годы сельское хозяйство Калмыкии за счет внутреннего производства внесло свой посильный вклад в снабжение продовольствием и сырьем действующей армии и населения городов. Калмыцкое крестьянство смогло на максимально возможном уровне наладить на своей территории сельскохозяйственное производство, перестроить его на военные нужды. Многие селяне, несмотря на тяжелые условия жизни и труда, значительно перекрывали нормы по трудодням, по-хозяйски относились к социалистической собственности, подчас ценой жизни защищали ее, стоически переживали все тяготы военного времени. К сожалению, этот действительно героический трудовой подвиг в достижении экономической победы не был в полной мере оценен советским государством. Меры советской власти в отношении калмыцкого крестьянства, высылка всего калмыцкого народа в сибирскую ссылку полностью подорвали генофонд деревни, традиции калмыцких крестьян-скотоводов и разрушили некогда крепкие калмыцкие села, славившиеся качественной сельскохозяйственной продукцией.

Примечания:

1. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 1а. Л. 32; Ф. Р-131. Оп. 3. Д. 116. Л. 13.
2. НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 734. Л. 29.
3. НАРК. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 61. Л. 2.
4. НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 661. Л. 23, 185; Гладкова С.А. Работа тыла // Калмыкия в годы Великой Отечественной войны. Элиста, 2005. С. 47.
5. НАРК. Ф. П-68. Оп. 1. Д. 2. Л. 36.
6. НАРК. Ф. Р-131. Оп. 3. Д. 116. Л. 13.
7. Там же. Л. 12–13.
8. История советского крестьянства. М., 1987. Т. 3. С. 224.
9. НАРК. Ф. П-68. Оп. 1. Д. 2. Л. 36.
10. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста, 2009. Т. 2. С. 501; Горяев М.С. Эвакуация скота из Калмыкии в Казахскую АССР в августе-ноябре 1942 г. // Великая Отечественная война: события, люди, история. Сб. научных статей. Элиста, 2001. С. 102.
11. НАРК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1238. Л. 34–35.

Д.А. Панарин

Производственная деятельность совхозов Кубани и Ставрополя в условиях коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны

В период наступления немецко-фашистских войск и последующей затем оккупации совхозному производству Кубани и Ставрополя был нанесен громадный урон. Общий размер ущерба, нанесенного совхозам Ставрополя, составил 1 398 281 321 руб. [1]. В совхозах Краснодарского объединенного треста из 1551 тракторов, имевшихся до оккупации, сохранилось 924, при этом 236 требовали полного восстановления, а 698 – капитального и среднего ремонта. Из 1088 комбайнов сохранилось 813, из них требовали восстановления 533, капремонта – 280. Из 143 лобогреек в наличии было 107, все они требовали ремонта. Культиваторов сохранилось 928 из 1365, сеялок – 1072 из 1628, борон 10 618 из 12 487 [2].

После освобождения территории Кубани и Ставрополя от немецко-фашистских захватчиков важность задачи восстановления сельхозпроизводства была во многом продиктована необходимостью добиться улучшения продовольственного снабжения армии и населения в условиях начавшегося коренного перелома в ходе войны. Основные мероприятия по восстановлению деятельности совхозов были сформулированы 20 марта 1943 г. в приказе наркомата зерновых и животноводческих совхозов СССР «О возобновлении производственной деятельности совхозов в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Приказ предписывал директорам трестов и совхозов освобожденных районов, в том числе, Краснодарского и Ставропольского краев, обеспечить восстановление и возобновление производственной деятельности в тех совхозах, где имеются необходимые условия (наличие рабочей силы, построек, сельхозмашин и др.). В этих целях было решено организовать сбор и доставку на усадьбы совхозов тракторов, сельхозинвентаря, ремонтного оборудования, запасных частей и других материалов, а также семян и скота, принадлежащих совхозам. Во всех восстанавливаемых совхозах необходимо было обеспечить ремонт тракторов, сельхозинвентаря, подготовку семян и обучение кадров массовых квалификаций [3].

Из централизованных фондов на восстановление совхозов Краснодарского и Ставропольского краев, а также Сталинградского края, Ростовской области и Калмыцкой АССР СНК СССР выделил 60 млн руб. [4]. В том числе Краснодарскому объединенному тресту совхозов было отпущено в 1943 г. 2,7 млн руб. [5]. В дальнейшем свою помощь совхозам и МТС в восстановлении и ремонте тракторов, комбайнов и других сельхозмашин стали оказывать вступавшие в строй промышленные предприятия. С октября 1943 г. по май 1944 г. только Пятигорским мотороремонтным заводом, Черкесским заводом

«Молот» и заводом «Красный металлист» в Ставропольском крае было изготовлено и реставрировано 71 тыс. деталей к тракторам на сумму в 394 тыс. руб. [6].

Несмотря на принятые меры, количество имевшихся в совхозах в исправном состоянии тракторов и машин не могло обеспечить в полном объеме проведение полевых работ. Из 811 тракторов 48 совхозов Краснодарского объединенного треста совхозов, в том числе 152 гусеничных, 190 не прошли ремонта и требовали восстановительного ремонта, 361 – капитального ремонта, остальные 254 – текущего ремонта [7].

По окончании оккупации в совхозах Кубани и Ставрополья обострилась проблема нехватки рабочих кадров. Причина такой ситуации была связана с процессами дальнейшей мобилизации работников-мужчин, последствиями эвакуации населения, а также репрессиями немецко-фашистских оккупантов. Например, в совхозе «Кубань» Краснодарского края фашисты расстреляли 48 работников [8]. Многие работники совхозов не сразу и не в полном составе вернулись в свои совхозы, чтобы было связано с организационными трудностями и различными житейскими обстоятельствами.

В определенной степени проблема нехватки постоянных кадров в совхозах решалась за счет сезонных и временных рабочих. Во время уборочной кампании к проведению сельскохозяйственных работ, как и прежде, широко привлекалось не занятое в совхозном производстве население. В соответствии с приказом наркомата зерновых и животноводческих совхозов СССР от 20 марта 1943 г. директорам совхозов предоставлялось право привлекать к сельхозработам в обязательном порядке все трудоспособное население и подростков с 14-летнего возраста, проживавших на территории совхоза [9].

В это же время принимались меры по подготовке квалифицированных работников. В январе 1943 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР издали постановление «О подготовке трактористов, комбайнеров, механиков и бригадиров тракторных бригад для МТС и совхозов», которое предоставляло местным партийным и советским органам право призыва молодежи на курсы и школы механизации [10]. Были также организованы курсы для бригадиров, овощеводов, звеньевых, садов и пчеловодов. Так, за первое полугодие 1943 г. в Краснодарском крае из числа работников совхозов и колхозников прослушали курсы пчеловодов 1225 чел., бригадиров-овощеводов – 160 чел., звеньевых – 580 чел., бригадиров-овощеводов – 165 чел. и звеньевых садоводческих бригад – 379 чел. На курсах массовой агрозооветеринарной учебы было обучено 20 186 чел. [11].

Большую роль в активизации производственной деятельности коллективов совхозов играло социалистическое соревнование. В связи с этим наркомат зерновых и животноводческих совхозов СССР рекомендовал директорам совхозов широко организовать соревнование звеньев, бригад и ферм по выполнению плана сельского хозяйства на 1943 г. В этих целях всем руководителям совхозов было поручено немедленно развернуть широкую

волну соревнования между рабочими и служащими, оформляя взятые на себя обязательства в форму индивидуальных договоров. На базе последних формировались межцеховые договоры, а те в свою очередь служили основой для заключения договоров о соревновании между коллективами различных совхозов [12].

Одним из основных способов проведения весеннего сева, как и последующих мероприятий, стало совмещение в производственном процессе имеющихся у совхозов сельхозмашин и живого тягла, а также применение в широких масштабах ручного труда. В совхозах Краснодарского объединенного треста из 6418 голов рабочего скота в 1943 г. использовалось на полевых работах 2354 или 35,8 % от общего числа. При помощи живого тягла было вспахано 14 598 га или 11,4 % к общему объему работ, выполненных за период весеннего сева. Лучше других использовали живое тягло такие совхозы как Березанский, выполнивший 36,5 % всех работ, Щербиновский – 49 %, и Староминской – 28 % [13].

Большое значение в качественном проведении сева имело также соблюдение агротехнических норм. Положительный пример в этом отношении показывал Газырский зерносовхоз Гражданского района. Используя здесь при вспашке 20 тракторов производили глубокую вспашку и трехкратное боронование. Семена высевались рядовыми сеялками с равномерной заделкой в почву. Пропагандируя опыт данного совхоза краевая газета «Большевик» призывала: *«Руководители всех совхозов края обязаны, равняясь на передовые совхозы, мобилизовать своих рабочих, работников и специалистов на боевое проведение весеннего сева, на стахановский труд и помощь фронту»* [14].

В итоге совхозы Краснодарского объединенного треста совхозов посеяли 110 076 га, выполнив план сева на 137,9 % [15]. Совхозы Ставрополя, вместе с колхозами, в чрезвычайно тяжелых условиях, сумели посеять весной 1943 г. свыше 1,3 млн га зерновых, технических и других культур [16]. Но результаты сева не позволили добиться выполнения планов уборки и сдачи сельскохозяйственной продукции государству. К числу основных причин можно отнести ограниченность средств производства и людских ресурсов, плохую обеспеченность совхозов качественным посевным материалом, неудовлетворительное состояние озимых посевов, произведенных в период оккупации. Вследствие указанных причин, в большинстве совхозов Кубани и Ставрополя урожайность основных культур была значительно ниже плановых показателей. Так, в совхозах Краснодарского объединенного треста совхозов в среднем был получен урожай яровых зерновых 8 ц с га, а с озимыми – 6,5 ц с га. Не выше был урожай и в совхозах других наркоматов.

Вместе с тем, показатели по отдельным совхозам значительно отличались, что объясняется, прежде всего, различным уровнем организации производственного процесса. В совхозах, обеспечивших своевременную прополку зерновых и пропашных культур, был получен урожай намного выше среднего. К их числу относились совхозы Березанский, в котором урожайность соста-

вила 11,4 ц с га, Кропоткинский – 13,8 ц с га, «Кубань» – 13,6 ц с га. Совхозы, не соблюдавшие минимальных правил агротехники, получили весьма низкий урожай. Так, урожайность в Ново-Покровском совхозе составила 2,2 ц с га, в Ейском – 2,2 ц с га [17]. В Тахтамукайском совхозе № 15 Адыгейской автономной области урожай зерновых составил 21,4 % от плана, урожайность кукурузы – 1,7 ц с гектара вместо 15 по плану, урожайность проса – 20 кг вместо 15 ц [18].

Наряду с указанными недостатками в организации производственного процесса, низкие показатели уборки у ряда совхозов были связаны с серьезными нарушениями трудовой дисциплины. Например, в Лабинском совхозе выход на работу в некоторые дни составлял всего 15–20 % трудоспособного населения. Дисциплина настолько упала, что директор совхоза и управляющие отделениями по утрам заходили в каждую квартиру и уговаривали рабочих выйти на работу. Такое отношение к работе влияло и на показатели производительности труда. При норме в 0,2 га кукурузы в день многие сезонные рабочие убирали лишь 0,02 га, т.е. в десять раз меньше [19].

В конце июля 1943 г. наркомат зерновых и животноводческих совхозов СССР обратил внимание на крайне неудовлетворительное состояние хлебоуборки и хлебосдачи совхозами юга, убравшими к 25 июля 12 % ранних зерновых культур и выполнившими план хлебосдачи только на 1 %. Особенно критиковалась работа совхозов Ставропольского края [20].

В сентябре 1943 г. многие совхозы Ставропольского края вновь снизили темпы хлебосдачи: за третью пятидневку план вывоза хлеба был выполнен только на 23 %. Преодоление этой ситуации осуществлялось путем использования типичных для мобилизационной экономики средств и методов. В частности, приказом Ставропольского треста «Госглавптицепром» от 14 октября 1943 г. директорам птицекомбинатов и совхозов предписывалось установить повседневный контроль над расходом зерна и зерновых отходов на корм птице и скоту в строгом соответствии с установленными нормами расхода. Расход зерна и прочих видов концентрированных кормов без нарядов или сверх указанных в наряде количестве рассматривалось как разбазаривание со всеми вытекающими отсюда последствиями [21].

Несмотря на принятые меры, существенного улучшения в ходе хлебозаготовок не было достигнуто. Из плана в 23,4 млн пудов по Ставропольскому краю было сдано государству 12 979 тыс. пудов. При этом совхозы сдали 1137 тыс. пудов, или 66,8 %, а колхозы – 11 842 тыс. пудов, или 54,6 %. Из этого следует, что совхозы сумели добиться лучших результатов, чем колхозы, хотя и сильно отставали в выполнении плановых показателей [22].

Совхозы Краснодарского края уборку ранних колосовых завершили к 28 августа. К 15 ноября были убраны все зерновые культуры на площади 129 084 га, намолочено зерна 57181 т, из которого было сдано государству 28070 т. Подсолнечник был убран с площади в 7763 га [23]. Доставка зерна на элеваторы осуществлялась с большим трудом, ввиду острой нехватки машин

и живого тягла. Так, в 14 совхозах Крайсельхозтреста количество лошадей по сравнению с доокупационным периодом сократилось с 1485 до 414. В связи с этим, собранный урожай перевозился крайне медленно и подвергался порче. Особенно это касалось подсолнуха, заготовки которого к октябрю 1943 г. составили лишь 45 т или 22 % к плану [24]. План сдачи хлеба государству совхозами Краснодарского края также не был выполнен. Из 84 056 т было сдано 65 483 т или 77,8 % плана. Из 131 совхоза план хлебосдачи был перевыполнен только 40 хозяйствами, в том числе, Березанским, Газырским, «Кубань» и другими [25].

В результате восстановительных работ в конце 1943 г. возобновилась деятельность всех совхозов Кубани и Ставрополя. В Краснодарском крае в это время действовал 131 совхоз [26], а в Ставропольском крае – 65 совхозов. Большинство из них с каждым месяцем наращивало свой производственный потенциал. поголовье скота только в совхозах совхозтреста выросло на 14 160 голов, в том числе крупного рогатого скота – на 2741, овец и коз – на 9055, свиней – на 2364 головы. Всего в совхозах совхозтреста содержалось 11 336 голов крупного рогатого скота, 102 286 овец и коз, 8187 свиней. Совхозы Ставрополя, вместе с колхозами, в чрезвычайно тяжелых условиях, сумели заготовить для государства и армии 18,5 млн пудов зерна, 595 560 пудов мяса, 187 170 пудов шерсти, 234 тыс. ц молока, более 400 тыс. шт. кожсырья и много других сельскохозяйственных продуктов [27].

Продолжавшаяся война и объективные трудности восстановительного периода не позволили совхозам выйти на запланированные производственные показатели и добиться существенных результатов в расширении посевных площадей, возрождении животноводства и увеличению поставок государству продовольственной продукции.

Таким образом, в условиях коренного перелома в ходе войны произошло восстановление деятельности всех совхозов Кубани и Ставрополя. Благодаря самоотверженному труду коллективов совхозов, большой помощи, оказанной им со стороны государства и населения, совхозы региона сумели в короткий промежуток времени включиться в проведение сельскохозяйственных работ, обеспечив проведение сева и уборку урожая. Возобновление производственной деятельности совхозов Кубани и Ставрополя позволило существенно увеличить производство сельхозпродукции и, соответственно, улучшить снабжение продовольствием армии и населения тыла.

Примечания:

1. Ставрополье в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Сб. документов и материалов. Ставрополь, 1962. С. 115.
2. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1774а. Оп. 2. Д. 848. Л. 35–35об.
3. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-2634. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.

4. Большевик. 1943. 16 мая.
5. ЦДНИКК. Ф. 1774а. Оп. 2. Д. 846. Л. 1.
6. Ставрополье в Великой Отечественной войне... С. 423–424.
7. ЦДНИКК. Ф. 1774а. Оп. 2. Д. 848. Л. 100–101.
8. Труд, защиты себя. Профсоюзное движение на Кубани: история, опыт, уроки, личности. Краснодар, 1999. С. 209.
9. ГАСК. Ф. Р-2634. Оп. 1. Д. 2. Л. 180б.
10. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). Т. 3. М., 1968. С. 86–88.
11. Шебзухов М.Х. Тыл – фронту (Северо-Западный Кавказ в годы войны 1941–1945 гг.). Майкоп, 1993. С. 161.
12. ГАСК. Ф. Р-2634. Оп. 1. Д. 2. Л. 18–180б.
13. ЦДНИКК. Ф. 1774а. Оп. 2. Д. 846. Л. 4.
14. Большевик. 1943. 6 апреля.
15. ГАСК. Ф. Р-2634. Оп. 1. Д. 2. Л. 86.
16. Ставрополье в Великой Отечественной войне... С. 388–390.
17. ЦДНИКК. Ф. 1774а. Оп. 2. Д. 846. Л. 2–3.
18. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
19. ЦДНИКК. Ф. 1774а. Оп. 2. Д. 846. Л. 7.
20. ГАСК. Ф. Р-1378. Оп. 1. Д. 12. Л. 105.
21. ГАСК. Ф. Р-3834. Оп. 1. Д. 3. Л. 104.
22. Ставрополь: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях. Ставрополь, 2005. С. 178.
23. ЦДНИКК. Ф. 1774а. Оп. 2. Д. 848. Л. 102.
24. Там же. Л. 97.
25. ЦДНИКК. Ф. 1774а. Оп. 2. Д. 846. Л. 3–4.
26. Там же. Л. 1.
27. Ставрополье в Великой Отечественной войне. С. 388–390.

Е.В. Панарина

**Роль огородничества
в решении продовольственной проблемы
на Дону и Северном Кавказе
в годы Великой Отечественной войны**

В условиях войны произошло резкое обострение продовольственной проблемы. Захват врагом значительной части европейской территории страны, в большинстве районов которой преобладало производство сельскохозяйственной продукции, ограниченность материально-технической базы и кадровых ресурсов сельского хозяйства, резко сократили возможности продовольственного обеспечения населения. Даже в последний год войны валовой сбор

зерна был в два раза, сахарной свеклы – в три раза, картофеля – на одну треть меньше по сравнению с 1940 г. Все это привело к значительному сокращению производства пищевых продуктов в целом по стране: муки с 28,7 до 14,6 млн т, сахара – с 2165 до 465 тыс. т, мяса – с 1501 до 663 тыс. т, молочных продуктов – с 6,5 до 2,9 млн т, масла растительного – с 798 до 292 тыс. т [1].

Применявшееся в годы войны централизованное распределение хлеба и других видов продовольствия не позволяло в полной мере обеспечить потребности населения в продуктах питания. В связи с этим, большое значение в решении продовольственной проблемы приобрело привлечение дополнительных источников питания. Одним из них являлось индивидуальное и коллективное огородничество.

Советское правительство принимало меры по закреплению за предприятиями и учреждениями земельных участков для личного пользования работников, освобождение их от налогов и государственных поставок. Непосредственное руководство организацией огородного дела было возложено на профсоюзы. В январе 1942 г. Секретариат ВЦСПС поставил перед фабрично-заводскими комитетами задачу всемерно содействовать труженикам тыла в приобретении земельных участков. Через два месяца Президиум ВЦСПС принял решение об организации огородных комиссий на каждом предприятии, в каждом учреждении [2].

Вскоре на заседаниях фабрично-заводских и местных комитетов состоялись выборы огородных комиссий, в состав которых вошли от трех до семи профсоюзных активистов. Огородные комиссии добивались от местных органов власти выделения под огороды земельной площади, составляли списки желающих получить участок под огород и предоставляли его в пользование в соответствии с очередностью и принятыми нормами. Средний размер предоставляемого участка не превышал 876 кв. м. В задачи комиссий также входило приобретение семян и рассады, удобрений, осуществление контроля над качественной обработкой земли и уходом за посевами. Ежемесячно комиссии отчитывались о проделанной работе на общих профсоюзных собраниях. Такая целенаправленная работа в сочетании с широкой заинтересованностью населения в получении земельных участков привела к быстрому росту численности огородников. В 1942 г. в целом по стране огородничеством занимались уже около 5 млн рабочих и служащих. Семьи получили от своих огородов в этом году около 2 млн т картофеля и овощей [3].

На Дону и Северном Кавказе развитие огородничества было остановлено захватом врагом значительной территории региона. Вскоре после ее освобождения этот процесс возобновился с новой силой. Активизации работы по развитию огородничества способствовало постановление СНК СССР «О дальнейшем развитии индивидуального и коллективного огородничества рабочих и служащих в 1943 году». На предприятиях в этих целях: во-первых, широко разъяснялся порядок организации индивидуальных огородов; во-вторых, выявлялись рабочие и служащие, желавшие принять участие в обработке

индивидуальных огородов, в-третьих, пропагандировалось важнейшее значение, которое правительство придавало дальнейшему укреплению и развитию коллективного и индивидуального огородничества рабочих и служащих [4].

Непосредственное руководство этой работой осуществляли местные партийные и советские органы. Мероприятия по организации огородничества, как правило, рассматривались совместно с развитием подсобных хозяйств. Это свидетельствовало о стремлении властных структур использовать все возможные формы и средства активизации населения по самообеспечению продуктами питания. От местных органов требовалось обеспечить для этого все необходимые условия.

Прежде всего, после окончания оккупации городские и районные органы решали вопрос о выделении под огороды свободной земли. Уже через месяц после освобождения Краснодара крайисполком принял решение о выделении 100 га земли для индивидуальных огородов рабочим и служащим предприятий Краснодара [5]. Всего в Краснодарском крае численность огородников в 1943 г. составляла 219 тыс. чел., работавших на 23 тыс. га земли. Средние размеры огородного участка были здесь одними из самых крупных в стране и составляли 1050 кв. м. на одну семью [6].

По решению бюро Ростовского горкома ВКП(б) в октябре 1943 г. было решено выделить под огороды в пригородной зоне 3 тыс. га, предусмотрев необходимость отведения наиболее удобных и близко расположенных к городу участков [7]. Далее, в январе 1944 г. на заседании бюро были поставлены вопросы оказания помощи огородникам в период весеннего сева. Было решено организовать закупку семян, рассады, проверить наличие огороднического инвентаря и при необходимости организовать его ремонт. Кроме этого, для начинающих огородников создавались консультационные пункты по вопросам правильного пользования земельными участками [8]. В это же время Кабардино-Балкарского обком ВКП(б) принял решение о выделении для огородничества рабочих и служащих семян овощных культур и посадочного материала, организации на предприятиях производства ручного сельхозинвентаря [9].

Ответной реакцией населения стал настоящий ажиотаж в вопросе получения земельного участка. Он объяснялся острой нехваткой продуктов питания весной 1943 г. и перебоями в централизованном снабжении продовольствием. Например, в управление городского земельного хозяйства в Ростове-на-Дону в апреле 1944 г. поступило 60 тыс. заявлений на отвод земельных участков под индивидуальные огороды [10]. Спрос в данном случае превышал возможности городских властей, ограниченные нехваткой свободной земли в черте города. При недостатке городских земельных фондов использовались свободные земли близлежащих совхозов и колхозов, полосы отчуждения дорог. Для максимального удовлетворения всех заявок было принято решение о том, что размер земельного участка на одну семью не должен был превышать 0,15 га [11]. Однако и это не позволяло обеспечить землей большинство желающих.

В связи с этим, вопрос о наделении земельным участком решался в результате тщательного обследования огородными комиссиями материально-бытовых условий семей. Преимущественным правом получения участка пользовались семьи военнослужащих, наиболее нуждавшиеся члены коллективов и ветераны труда. В приведенном примере из 60 тыс. подавших заявления получили земельный участок 17 тыс. семей, а в 1945 г. число огородников в Ростове-на-Дону достигло 20 тыс. семей. Общая площадь отведенной земли составила 1687 га [12]. В Дагестанской АССР в 1944 г. насчитывалось до 25 тыс. семей рабочих и служащих, занимавшихся индивидуальным огородничеством [13].

Как уже отмечалось, непосредственной организацией огородного дела занимались профсоюзные организации. Партийные органы контролировали эту работу и периодически заслушивали профсоюзные комитеты на заседаниях партийных бюро различных уровней. В частности, на заседании бюро Ростовского обкома ВКП(б) в январе 1944 г. перед профсоюзными организациями были поставлены задачи организации борьбы за высокий урожай, обеспечения огородников семенами и инвентарем [14].

В своей практической работе фабрично-заводские и местные комитеты оказывали огородникам помощь по вспашке огородов, в приобретении посадочного материала и сельхозинвентаря, предоставлении транспорта для перевозки собранного урожая и решении других вопросов. Тем, кто не имел возможности обрабатывать огороды в связи с болезнью или преклонным возрастом, была организована помощь со стороны рабочих коллективов.

Серьезной проблемой для огородного дела стали многочисленные случаи воровства выращенного урожая. Воровством занимались самые разные категории граждан: от откровенно преступных элементов, сбывавших затем ворованную продукцию на рынке, до подростков, которых на этот шаг толкало хроническое недоедание. Страницы газетных публикаций были насыщены в летнее и осеннее время статьями и заметками, отражающими борьбу огородников за сохранение выращенного урожая. Ввиду того, что огородники, как правило, одновременно трудились на производстве, они были не в состоянии самостоятельно охранять свои посеы. Поэтому свои требования огородники обращали к милиции, хозяйственным руководителям и профсоюзам. Последние приняли определенные меры по предотвращению расхищения огородов. Пойманным ворах грозило наказание по статье 79 Уголовного Кодекса СССР, которое предусматривало лишение свободы, как и за хищение на предприятиях [15]. Таких случаев было достаточно много. Например, летом 1944 г. органами милиции были привлечены к ответственности ряд жителей Ростовской области, которые занимались хищением овощей с подсобных хозяйств и огородов [16].

В частности, к году лишения свободы в колонии для несовершеннолетних были приговорены трое подростков, совершивших кражу огурцов с огорода [17]. В Сальске суд приговорил к году тюремного заключения киномеханика,

который вырыл 36 кустов картофеля. Подобные наказания понесли расхитители огородов в г. Каменске, г. Шахты и других городах [18]. Применение столь жестких мер способствовало некоторому уменьшению случаев воровства урожая огородов, однако кардинального решения этой проблемы не произошло как во время войны, так и после ее окончания.

Несмотря на указанные выше объективные трудности, а также недостатки в организационной работе местных органов, количество огородников продолжало увеличиваться. Например, на Кубани в 1944 г. индивидуальные огороды имели 15 385 семей медицинских работников с земельной площадью в 1 983 га [19], а на Ставрополье – 11 264 семей с общей площадью земли в 611,5 га. Многие огородники добились высоких результатов работы. Так, врач химбакинститута г. Ставрополя Петрова, посадившая шесть ведер картофеля, собрала 600 кг, санитарка санатория № 2 г. Железноводска Устинова собрала 180 кг кукурузы при посеве в 800 г, картофеля – 180 кг при посеве 12 кг, фасоли – 40 кг при посадке 1 кг [20]. В это же время работница Ростовской столовой № 12 Бурилова собрала 120 кг картофеля, 50 кг кукурузы, 50 кг свеклы, 150 кг других культур [21].

В 1945 г. по стране число огородников достигло 18,6 млн чел. Со своих небольших участков они получали в сезон в среднем 515 кг картофеля и овощей. Всего за 1942–1945 гг. огородники собрали более 26 млн т картофеля и овощей [22]. Использование различных источников поступления продуктов питания позволило несколько ослабить продовольственную проблему. Однако по сравнению с довоенным временем уровень личного потребления продовольствия на душу населения снизился на 35–49 %. Такие продукты, как хлеб и мука, составляли в 1944 г. в бюджете питания лишь 83,5 % по сравнению с сентябрем 1940 г., сахар и кондитерские изделия – 22,4 %, мясо и мясопродукты – 59,5 % [23].

Таким образом, наряду с применением системы централизованного снабжения большое значение в решении проблемы обеспечения населения продуктами питания в годы войны имели дополнительные источники продовольствия. Среди них особое значение приобрело индивидуальное и коллективное огородничество, которое стало одной из основных форм самообеспечения жителей городов и поселков Дона и Северного Кавказа. Развитие огородничества позволило расширить рацион питания, что способствовало ослаблению продовольственной проблемы, поддержанию физических сил и здоровья населения.

Примечания:

1. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 541.
2. Советские профсоюзы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Сб. воспоминаний. М., 1975. С. 104–105.
3. Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны. М., 1988. С. 319.

4. Малышева Е.М. Испытание. Майкоп, 2000. С. 263.
5. Государственный архив Краснодарского края Ф. Р-687. Оп. 1. Д. 32. Л. 230.
6. Азашиков Г.Х. Адыгея в годы войны. Майкоп, 1998. С. 90.
7. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 13. Оп. 4. Д. 24. Л. 51об.
8. Там же. Д. 68. Л. 89.
9. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 44. Д. 395. Л. 89.
10. Молот. 1944. 10 апреля.
11. Там же. 1943. 16 апреля.
12. Там же. 1945. 7 апреля.
13. Дагестан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Махачкала, 1963. С. 140.
14. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 430. Л. 32об.
15. Армавирская коммуна. 1943. 14 июля.
16. Молот. 1944. 21 июля.
17. Там же. 1944. 7 августа.
18. Там же. 1944. 4 августа.
19. Государственный архив Ставропольского края. Ф. Р-1429. Оп. 1. Д. 8. Л. 32.
20. Там же. Ф. Р-2570. Оп. 2. Д. 2. Л. 183–184.
21. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-2377. Оп. 1. Д. 9. Л. 54.
22. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. Народ и война. М., 1999. С. 104.
23. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. С. 542.

О.В. Баженова

К ВОПРОСУ О ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ СНАБЖЕНИИ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ СТАЛИНГРАДА В 1941–1945 гг.

В 1941 г. Сталинград являлся одним из крупнейших промышленных центров юга европейской части Советского Союза, на территории которого действовало 126 предприятий [1] с общей численностью работников около 150 тыс. чел. [2]. В условиях начавшейся Великой Отечественной войны обеспечение трудящихся на предприятиях, осуществлявших выпуск различной продукции оборонного назначения, продуктами питания и товарами первой необходимости стало одной из важнейших задач в деятельности всех партийных, государственных, хозяйственных и общественных организаций региона. Трудности с наличием и поставками в первую очередь продовольствия до потребителя возникали ежедневно и ежечасно. Подчас от оперативного и компетентного разрешения появляющихся проблем непосредственно зави-

сели не только жизнь и здоровье трудящихся, но и рост оборонного производства страны.

Поступление продовольственных фондов на предприятия города шло по нескольким направлениям, соотношение которых менялось на протяжении войны, но структура оставалась неизменной:

- централизованное государственное снабжение (ОРСы – отделы рабочего снабжения, ТОРГи – торговые организации, руководившие торговыми предприятиями населенного пункта и т.п.);
- подсобные хозяйства предприятий, организаций и учреждений; организованные в 1940 г.;
- собственные коллективные или индивидуальные хозяйства горожан, огородничество;
- колхозный рынок [3].

Самыми крупными источниками поставок продуктов питания и товаров первой необходимости в ОРСы предприятий были общегосударственные фонды, однако уже в первые месяцы войны стало ясно, что их явно недостаточно. С целью недопущения голода 1 сентября 1941 г. на территории всей Сталинградской области была введена карточная система на хлеб, сахар и кондитерские изделия, а с 29 октября к списку нормированных продуктов добавились мясо, рыба, жиры, крупы и макаронные изделия [4]. Карточная система в определенной степени гарантировала населению получение необходимого минимума продуктов.

Параллельно развитие получило местное продовольственное снабжение, представленное в виде индивидуальных хозяйств горожан и подсобных хозяйств предприятий и учреждений. Последнее получило более широкое распространение по причине ценовой доступности производимых товаров. Отличительной чертой подсобных хозяйств стала тесная связь с промышленным предприятием или иной организацией, непосредственно заинтересованной в возможности дополнительного обеспечения продуктами питания своих работников [5]. Особое распространение подобный источник продовольственного обеспечения получил после принятия постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1942 г. «О порядке выделения пустующих земельных участков в городах и поселках, а также свободных земель госфонда для подсобных хозяйств и огородов рабочих и служащих» [6]. Так в 1942 г. в Сталинградской области было создано 76 подсобных хозяйств, практически полностью разрушенных в ходе Сталинградской битвы.

Первоочередной задачей, вставшей перед руководством Сталинграда, после 5-месячной осады, стало обеспечение продуктами питания рабочих, служащих и их семей. Для этого в ускоренном порядке весной 1943 г. были восстановлены ОРСы, которые организовывались на основании решения правительства и имели своей задачей обеспечить снабжение продовольственными товарами работников предприятий и членов их семей через восстанавливавшуюся хозяйственную сеть [7]. При этом нормированные товары про-

давались по карточкам, а ненормированные товары – по заборным книжкам, с отметкой в них о количестве полученного товара [8]. Такой порядок планирования содействовал преимущественному снабжению рабочих ведущих отраслей народного хозяйства.

Структура поступления продовольствия в ОРСы предприятий оставалась неизменной. Количество продовольственных фондов для предприятий, выделявшихся в централизованном порядке, рассчитывались из планового контингента работающих и установленных норм на питание. Деятельность ОРСов заключалась в получении, доставке и распределении продовольствия, поступающего из централизованных фондов среди рабочих своего предприятия или учреждения, а также в поиске дополнительных источников продовольствия. Прикрепленному контингенту разрешалось получать установленную норму продуктов либо через сеть общественного питания (столовые и диетстоловые), либо сухим пайком через магазин.

В Сталинграде на 24 мая 1943 г. насчитывалось 70 столовых, в том числе по ОРСам заводов и других хозяйственных субъектов – 40 столовых. В столовых заводов по карточкам получало питание свыше 26 тыс. чел. [9]. Работа столовых в 1943–1944 гг. была не налажена, готовили невкусно, а с рабочими разговаривали грубо [10]. В помещениях столовых было холодно и сыро [11], не велась борьба с мухами, не было горячей воды и не хватало посуды. По этой причине в 1944 г. Главное управление рабочего снабжения разослало для всех ОРСов предприятий инструкции, призванные улучшить рацион питания работающих [12]. Однако предписанные меры помогли мало. Осенью 1944 г. на столовые Сталинградского металлургического завода «Красный Октябрь» Главспецстали Наркомата тяжелой промышленности СССР поступали жалобы о том, что в рационе питания несколько месяцев присутствовала пшенная каша [13]. Жалобы на однообразную пищу продолжались и весной 1945 г. Однако, при всех своих недостатках столовые выполняли свою основную функцию, давали возможность осуществлять полноценное питание рабочим и служащим в условиях продолжавшейся войны.

Параллельно с основными столовыми при каждом предприятии существовали диетические, предназначенные для того, чтобы в них могли питаться рабочие, которым по медицинским показаниям был предписан специальный рацион питания. Однако диеты часто не соблюдались и больные питались по одному и тому же меню, что и здоровые рабочие [14].

Для правильности распределения фондов продовольствия, качества продовольственного снабжения рабочих и служащих на предприятиях проводились проверки. Так, например, произведенным обследованием в декабре 1943 г. на Сталинградском государственном машиностроительном заводе «Баррикады» (№ 221) Наркомата вооружения СССР было установлено, что выдача талонов на усиленные обеды и стахановские ужины была доверена второстепенным лицам, в связи с чем имелись случаи неправомерной выдачи обедов и ужинов, не велась роспись в получении питания [15]. В мае

1944 г. планово-экономическим отделом Наркомата лесной промышленности СССР был произведена проверка отчетности данных по контингентам снабжения. В ходе ее было установлено, что по ряду торговых продовольственных организаций количество рабочих и служащих, принятых на снабжение, значительно превышало их численность по отчетам. Расхождения между численностью работавших и отчетности по труду обнаружены, в частности на Сталинградском деревообрабатывающем комбинате им. В.В. Куйбышева Главного управления специальной деревообрабатывающей промышленности Наркомата лесной промышленности СССР. В отчете по труду указывалось 4,2 тыс. чел., а на снабжение по отчету было принято 9,6 тыс. чел. [16].

Вместе с основными нормами на питание были введены дополнительные, поступавшие из централизованных фондов снабжения. Отпуск таких продуктов, выделявшихся Наркоматом пищевой промышленности СССР, должен был производиться в строгом соответствии с полученными указаниями, которые предписывали использовать продукты, выделенные распоряжением правительства, только на улучшение общественного питания рабочих, ИТР и служащих предприятий. Для руководящего состава было введено так называемое литерное питание. Ответственным работникам наркоматов и центральных учреждений отпуск литерного и специального питания производился за счет централизованных фондов только при условии, если для этой цели ОРСу предприятия были спущены специальные лимиты, в их пределах отпускались литерные обеды по нормам литер «А» и «Б». В Сталинграде к литере «А» причислялись руководители городских организаций, к литере «Б» – ответственные работники городских организаций [17].

В условиях нехватки продовольствия из поставок централизованного снабжения важное место занимало установление дополнительных видов питания сверх карточек за счет продукции подсобных хозяйств. Продажа продуктов на дополнительное питание производилась только для работников предприятия по специально выдававшимся разовым талонам по норме, соответствовавшей норме рабочей карточки. Ежемесячно с сентября 1943 г. рабочим, занятым на восстановлении завода № 91 Главного управления Наркомата химической промышленности СССР, выделялись сверх нормы 500 вторых горячих обедов [18]. На Сталинградском заводе тяжелого крекингowego оборудования им. Петрова Главного управления нефтяного машиностроения ежедневно выделялось по нормам дополнительного питания 950 вторых горячих обедов, 33 – по литере «Б», 23 сухих пайка по особому списку [19]. Талоны на отпуск в столовой дополнительного питания печатались руководством предприятия и выдавались через карточное бюро предприятия только по распоряжению директора и учитывались как бланки строгой отчетности [20].

Еще одним способом решения продовольственной проблемы стало развитие индивидуального огородничества рабочих и служащих сталинградских предприятий. Под огороды выделялись пустующие земли. Благодаря подобной практике удалось в период восстановления хозяйства Сталинграда улуч-

шить обеспечение населения города продуктами питания без привлечения общегосударственных резервов.

Стоит также отметить, что в Сталинград направлялись продовольственные грузы, полученные СССР по ленд-лизу от западных союзников. Это объясняется тем, что восстановление Сталинграда было одной из наиболее важных задач советского правительства в 1943–1945 гг. Поэтому данные поставки осуществлялись даже с учетом ухудшения продовольственного снабжения действующей армии.

Кроме того, в 1943 г. большую роль сыграли «подарки» из других регионов СССР, которые направляли в Сталинград рабочие и колхозники. Прибывавшие продукты питания использовались в первую очередь для улучшения продовольственного снабжения больных и ослабленных рабочих.

Таким образом, в кризисных условиях войны советская командно-административная экономика продемонстрировала чрезвычайную гибкость и оперативность в принятии управленческих решений. Это позволило за минимальное время обеспечить восстановление разрушенной системы продовольственного снабжения в Сталинграде.

Примечания:

1. Сталинградская область (Физико-географический и экономико-географический обзор). Сталинград, 1958. С. 257.
2. Сталинградская область. Стат. сб. Сталинград, 1940. С. 174.
3. Пищулина С.Ю. К вопросу о централизованном продовольственном снабжении жителей Сталинграда в 1941–1943 гг. // Стрежень. Вып. 3. Волгоград, 2003. С. 49.
4. Чернявский У.Г. Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). М., 1964. С. 132.
5. Там же. С. 130–131.
6. Там же. С. 132.
7. Люшин С.П. Трудовой подвиг волгоградцев: Исторический очерк восстановления и развития города-героя 1943–1962 гг. Волгоград, 1963. С. 38.
8. Чернявский У.Г. Указ. соч. С. 81.
9. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. 71. Оп. 1. Д. 642. Л. 220.
10. Дела столовой № 4 // Красный Октябрь. 12 июня 1944. № 45. С. 2.
11. Вавиловский В. Вопросы начальнику ОРСа т. Вакулину // Красный Октябрь. 25 августа 1944. № 60. С. 2.
12. ГАВО. Ф. 2719. Оп. 1. Д. 2. Л. 10, 10об. Ф. 2674. Оп. 1. Д. 4. Л. 65, 65об. 83, 83об. 84, 84 об.
13. Карпатов И. Стандартное блюдо // Красный Октябрь. 1944. 7 октября. № 71. С. 2.
14. Постников О. Сигналы из цехов // Там же. 1944. 18 декабря. № 87. С. 2.
15. ГАВО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 290. Л. 156–158.

16. ГАВО. Ф. 2447. Оп. 1. Д. 2. Л. 114, 114об, 115.
17. Центр документации новейшей истории Волгоградской области. Ф. 71. Оп. 2. Д. 64. Л. 163.
18. Кутянин Л.И., Константинов Ю.Н. Волгоградское ОАО «Химпром»: Ретроспектива семидесятилетия (1931–2001 гг.). Волгоград, 2002. С. 47.
19. ГАВО. Ф. 2497. Оп. 3. Д. 2. Л. 1, 2, 2об, 7об.
20. ГАВО. Ф. 4791. Оп. 1. Д. 3. Л. 3, 4, 5.

А.Р. Чуха

УЧАСТИЕ ПРОМЫСЛОВОЙ КООПЕРАЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ КУБАНИ ТОВАРАМИ ПЕРВОЙ НЕОБХОДИМОСТИ В УСЛОВИЯХ КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА В ХОДЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Освобождение территории Краснодарского края от немецко-фашистских захватчиков происходило в условиях коренного перелома в ходе войны, сопровождаясь принятием оперативных мер по восстановлению разрушенного хозяйства. Важность выполнения этой задачи была продиктована как необходимостью включения производственного потенциала Кубани в изготовление продукции оборонного назначения, так и обеспечением повседневных нужд мирного населения. В передовой статье краевой газеты «Большевик» отмечалось: *«Братья и сестры! Теперь наша боевая задача – в короткий срок стереть кровавые следы присутствия гитлеровских разбойников на Кубани, быстрее восстановить разрушенное хозяйство. Наш святой долг – всеми мерами помочь красным воинам скорее разгромить фашистские орды, скорее освободить страну от гитлеровской нечисти»* [1].

В связи с этим, сразу после освобождения тех или иных районов местные органы осуществляли меры по возобновлению деятельности промышленных предприятий и производственных артелей. Следует отметить, что наиболее быстрые темпы восстановления демонстрировали мелкие формы производства, к которым принадлежали артели промысловой кооперации. Это объяснялось сравнительно небольшими затратами на оснащение производства товаров широкого потребления и привлечение гораздо меньшего, чем на крупных предприятиях, количества работников. Кроме того, с использованием довоенного опыта, артели умели достаточно быстро приспособиться к новым условиям своей деятельности и наладить выпуск наиболее востребованных населением видов продукции.

Уже в конце января 1943 г. краевые органы в качестве первостепенных задач промкооперации поставили возобновление всех действовавших до оккупации 300 артелей, которые должны были развернуть производственную

деятельность и немедленно приступить к выработке товаров широкого потребления. В освобожденных районах проводился учет и привлечение к работе всех мастеров, подбор энергичных руководителей, которые должны были взяться за восстановление производственных мастерских [2].

Действующие в годы войны мобилизационные механизмы позволяли использовать имевшиеся резервы для ликвидации возникавших в экономике слабых мест. В полной мере это относилось и к системе промышленной кооперации. Восстановление деятельности артелей происходило как за счет собственных усилий работников и местных средств, так и путем оказания помощи из государственного бюджета, перераспределения рабочей силы из других районов страны. На освобожденной территории Краснодарского края помощь в восстановлении артелей промкооперации оказывали также аналогичные артели ряда районов Черноморского побережья, не захваченных врагом. Здесь на протяжении всей войны не прекращалась деятельность местных артелей по производству товаров широкого потребления.

Так, в январе 1943 г. предприятия местной промышленности и промышленной кооперации городов и районов Черноморского побережья освоили выпуск ряда новых изделий широкого потребления. Артели промкооперации г. Сочи и Адлерского района организовали производство войлока для нужд местных колхозов. Адлерский промкомбинат наладил выпуск гончарной посуды, а Сочинский промкомбинат – металлических столовых ложек [3].

Вслед за Черноморским побережьем кооперативное производство стало быстро налаживаться и в освобожденных районах, способствуя, тем самым, восстановлению системы промышленной кооперации Краснодарского края. В феврале 1943 г. краевая газета «Большевик» отмечала: *«в Майкопе, Армавире, Кропоткине уже пущены в ход десятки кустарно-промышленных производств. Теперь очередь за остальными районами. Всюду, где есть хотя бы малейшая возможность, надо немедленно вводить в строй все, что можно и одновременно концентрировать силы и материальные ресурсы для восстановления разрушенных фабрик, заводов, электростанций, чтобы уже в ближайшее время они стали работать для фронта, для Победы»* [4].

Примером быстрого восстановления кооперативного производства является Краснодар, где к началу 1944 г. возобновилась деятельность, хотя и с неполной мощностью, 34 производственных артелей инвалидной и промышленной кооперации [5]. Использование местных ресурсов и сырья позволило артелям города в короткий срок наладить выпуск изделий, предназначенных для нужд населения. Так, артель «Пищепром» вырабатывала безалкогольные напитки, пудру, свечи, губную помаду; «Металлоштамп» – пуговицы, гвозди, косячки, ушки ведерные; «Универсал» – гончарную посуду, веревку, корзины, кошелки и ложки деревянные; им. Чапаева – игрушки, носки, бумагу

курительную; «Второй Пятилетки» – обувь; «Коопинтруд» – кожи, мыло, «Кубанская колодка» – сапожные колодки, каблуки, доски, прищепки [6]. Уже к апрелю 1943 г. артели промкооперации Краснодара стали вырабатывать такие необходимые для населения товары, как зубной порошок, одеколон, хозяйственное и туалетное мыло, пудру. Производственные возможности артелей позволяли им выпустить до конца года данной продукции на сумму более 0,5 млн руб. [7].

О разноплановой деятельности артелей также свидетельствуют данные о результатах работы лесопромысловой кооперации в первые месяцы освобождения территории края. Объем выпускавшейся продукции в июле 1943 г., по сравнению с мартом, увеличился здесь с 159 до 512 тыс. руб. Артели изготовили для колхозов Кубани 168 телег, 930 ободьев, 600 станков, 220 колес, много граблей, лопат, кровельной дроби. Было выпущено также 40 тыс. деревянных ложек, 2360 стульев и табуретов, 250 столов, десятки тысяч ученических ручек, линейек и угольников, пеналов, на 11 тыс. руб. детских игрушек и т.д. Передовиками производства являлись артели «Кизилпром», «Труд молодежи», «Ахметовская», «Красный Октябрь» [8].

Производственная деятельность артелей промысловой кооперации имела особенно большое значение в сельских районах Кубани. Помимо обеспечения колхозов и совхозов сельхозинвентарем, артели производили для населения различные товары первой необходимости. Например, в Лабинском районе артель «Гигант» изготавливала кузнечные изделия, артель «Надежда» восстановила выделку кожсырья [9]. В станице Удобной с первых дней после освобождения стала работать промартель «Кожкоопремонт», которая выделяла кожу и изготавливала обувь. За пять месяцев промартель изготовила для населения 1800 пар и отремонтировала 3550 пар обуви [10].

Повышенное внимание коллективов артелей уделялось изготовлению строительных материалов, что было связано с масштабным характером разрушений жилых построек на территории Кубани. Уже в сентябре 1943 г. предприятия местной промышленности и промкооперации выпустили 500 оконных переплетов с коробками и 100 дверей, для вновь строившихся и восстанавливавшихся домов. По собственной инициативе работников осуществлялся выпуск дверей и оконных переплетов на Тульском райпромышленном комбинате [11].

Восстановление кооперативного производства способствовало заметному увеличению объемов вырабатываемой продукции. Если в марте 1943 г. в г. Краснодаре было выпущено промышленных товаров на сумму 1620 тыс. руб., то в апреле уже на 2750 тыс. руб. Главную роль в производстве товаров широкого потребления играли артели промкооперации, тогда как предприятия местной промышленности работали с перебоями. Так, плохая организация труда была характерна для мельзавода № 3, завода им. Калинина, швейной фабрики и других крупных предприятий [12].

Всего на территории Кубани в конце 1943 г. производственную деятельность осуществляли 326 артелей, из которых 242 или 74 %) сумели выполнить производственный план. В целом по кооперативной промышленности выполнение плана составило 130,5 %. Для сравнения выполнение плана по промышленным предприятиям составило 111,5 %. Несмотря на достаточно быстрые темпы восстановления производства, показатели общего объема валовой продукции кооперативного производства в Краснодарском крае существенно отставали от довоенных, составляя 26,9 % к уровню 1940 г. [13].

Основными причинами медленного восстановления производственных мощностей артелей являлись объективные трудности послеоккупационной разрухи, недостаточность финансовых и материальных средств, выделявшихся из централизованных фондов, а также организационные недостатки в работе самих артелей. Например, краснодарская артель «Швейник» во втором квартале 1943 г. работала с перебоями, что привело к утере 225 человеко-дней. Работа по массовому пошиву не имела большой нагрузки, часто приходилось перестраиваться с одного вида изделий на другие, что объяснялось отсутствием сырья и прикладного материала [14].

Высокая себестоимость изготовленных для населения товаров влекла за собой повышение розничных цен. С учетом этого роста правительство вынуждено было установить предельные цены на основные виды товаров широкого потребления, превышение которых со стороны торгующих организаций влекло за собой административное и уголовное наказание. В целом, эти цены были доступны для большинства населения. Так, в апреле 1943 г. были утверждены предельные цены на вырабатывавшуюся артелями продукцию: сапоги мужские и женские хромовые – 150 руб., сапоги мужские и женские юфтевые – 90 руб., ботинки мужские и женские хромовые – 70 руб., ботинки мужские и женские яловые – 50 руб., ботинки мальчишковые хромовые и яловые – 35 руб., босоножки текстильные и кожаные – 30 руб., туфли детские хромовые – 17 руб. [15].

Достаточно невысоким был и установленный в это время прейскурант по ремонту одежды и обуви. Например, ремонт жестких кожтоваров осуществлялся по стоимости 5 руб. за кг, мягких кожтоваров – 25 коп; валенок взрослых – 50 руб., валенок детских – 30 руб.; упряжи новой в комплекте – 100 руб. [16]. Вместе с тем, количество производимых для населения товаров совершенно не соответствовало потребительскому спросу, что влекло за собой их острый дефицит и сопутствовавшие этому явления: спекуляцию, воровство, злоупотребления служебным положением руководителей артелей и союзов промкооперации. Еще одним серьезным недостатком являлось низкое качество производимой продукции. Многочисленные жалобы покупателей, критические статьи в краевой и районных газетах свидетельствуют о серьезных претензиях потребителей к артелям промкооперации, производившим товары первой необходимости.

В одной из таких статей, в частности, отмечалось, что *«слабый контроль за выпускаемыми товарами, отсутствие маркировки, безответственность*

отдельных руководителей привели к тому, что торговая сеть оказалась засорена негодной продукцией. Зачастую выпускается только то, что выгодно предприятиям, отчего, однако, отказывается покупатель. Колхозники тщетно ждут от них веревку, телегу, колесную мазь, скобяные изделия, вместо которых предлагаются ненужные товары. Особенно "отличились" бракоделы из артели промкооперации "Химпласт" и артели "Вторая пятилетка". Артель "Химпласт" выпустила домино, косточки которого так склеились, что не отдерешь. А чернильными приборами можно пользоваться только на северном полюсе, так как в хороший день они... плаваются. Кружки и ложки крайместпрома ржавые, с заусеницами, явно небезопасные при употреблении. Руководители крайкоопинсоюза в виде сюрприза преподнесли детям "игрушки", представляющие грубую, антихудожественную стряпню бракоделов» [17].

Несмотря на перевыполнение производственного плана 1943 г., промышленная кооперация Краснодарского края была далека от довоенных показателей своей деятельности. Низким оставалось и качество большинства товаров широкого потребления. Преодоление этих недостатков происходило на протяжении послевоенных лет, достигнув определенных результатов лишь к началу 1960-х гг., в условиях ликвидации системы промысловой кооперации и организации массового производства товаров широкого потребления на крупных государственных предприятиях.

Примечания:

1. Большевик. 1943. 13 февраля.
2. Там же. 29 января.
3. Там же. 3 января.
4. Там же. 11 февраля.
5. Екатеринодар – Краснодар. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар, 1993. С. 618.
6. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1774а. Оп. 2. Д. 1913. Л. 49.
7. Большевик. 1943. 20 апреля.
8. Там же. 3 сентября.
9. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Рассекреченные документы. Хроника событий: В 3 кн. Кн. 2. Ч. 1. 1943 год. Краснодар, 2003. С. 69–70.
10. Большевик. 1943. 27 июля.
11. Там же. 26 сентября.
12. Там же. 26 мая.
13. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-1378. Оп. 2. Д. 20. Л. 1.
14. ГАКК. Ф. Р-1435. Оп. 1. Д. 19. Л. 136об.
15. ГАКК. Ф. Р-1437. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
16. Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 3об.
17. Советская Кубань. 1944. 3 сентября.

И.В. Сковцова

Состояние промышленности Краснодарского края в 1941–1945 гг.

Тема экономики военного периода – одна из наиболее разрабатываемых в отечественной исторической науке. Исследователи рассматривали различные области народного хозяйства военного периода, перестройку всей системы хозяйства на военный лад, эвакуацию, восстановление, производственные процессы, организацию труда и другие вопросы. Реформирование российской экономики в последние годы делает актуальным обращение к историческому опыту функционирования экономической системы в экстремальных условиях.

Изучая экономику региона военного периода, определим 3 основных этапа развития в ее развитии:

- 1) июнь 1941 г. – август 1942 г. – период, предшествующий оккупации Северного Кавказа;
- 2) август 1942 г. – январь 1943 г. – оккупация;
- 3) январь 1943 г. – май 1945 г. – восстановления народного хозяйства.

На первом этапе основной задачей было обеспечение перевода экономики на военный лад. Возглавил этот процесс Государственный комитет обороны СССР. Главной задачей второго этапа стало разрушение предприятий, вывод из строя техники и оборудования, массовый саботаж рабочими оккупационных экономических мероприятий. Основной целью третьего этапа было восстановление экономической базы и строительство новых объектов.

При переводе экономики на военный лад основными являлись мобилизация производственных мощностей промышленных предприятий для нужд фронта; материальных ресурсов сельского хозяйства – на обеспечение всем необходимым армии и населения; перестройка работы транспортной системы; сверхцентрализация строительных мощностей на строительство военных заводов и кооперированных с ними предприятий; перестройка работы госаппарата в центре и на местах в интересах максимально четкой мобилизации всех сил на нужды обороны; мобилизация средств населения и народного хозяйства на дополнительное финансирование нужд армии и военного производства.

В первые месяцы войны произошли большие изменения в управленческой сфере страны и регионов. Энергетическая, нефтяная, горнорудная, угольная отрасли сохранили производство и наращивали выпуск сырья, а предприятия тяжелого машиностроения, металлообработки, легкой индустрии провели реконструкцию в нужных объемах и перепрофилировали производство на основе мобилизационных предписаний. Ряд предприятий пищевой промышленности наряду с выпуском основной продукции по собственной инициативе освоил выпуск продукции для фронта. Так, Адыгейский консервный

комбинат стал выпускать банки для горючей пасты, детали для минометов, патроны для мин. Краснодарский химико-технологический институт выпускал пять наименований оборонной продукции: ампулы с горючей смесью, взрыватели, запалы и другое [1].

Из 1685 промышленных предприятий Кубани к началу июня 1942 г. выпускали продукцию для фронта 1245 предприятий [2]. Особенностью перестроечного процесса в регионе была нехватка бюджетных средств, возмещавшихся максимальным использованием внутренних резервов предприятий и территорий. Рост производительности труда достигался посредством увеличения продолжительности рабочего дня и применением новаторства. На промышленных предприятиях региона развернулось движение за строжайшую экономию сырья, материалов, электроэнергии, перевыполнение сменных заданий.

Отличительная черта перестройки экономики региона на военный лад – формирование боевого арсенала, использовавшегося для снабжения войск южного фланга Красной армии. Специфика перевода на военный лад заключалась в том, что предприятия находились в различном подчинении: союзном, республиканском, краевом, районном. В отдельных случаях некоторые из них выполняли особые задания, возложенные на них властью еще до войны. Например, на Майкопском нефтекомбинате производилось специальное сырье для заводов Наркомата боеприпасов.

За первые месяцы войны среднесуточная добыча сырья в крае увеличилась с 229 до 625 т [3]. Снизилась себестоимость буровых работ за счет использования внутренних резервов производства. Ввод в строй новых скважин привел к резкому увеличению производства горючего. Значительно увеличилась мощность нефтеперегонных заводов в результате реконструкции и изменения технологий. Увеличилась выработка высокооктановых бензинов. Для привлечения к работе на предприятиях был объявлен призыв старых кадров (пенсионеров). К работе привлекались женщины. На нефтепроизводство Кубани было привлечено 1150 женщин. За освоение и выпуск специальной продукции для авиационной и танковой промышленности правительство наградило 52 работника нефтяной промышленности Краснодарского края орденами и медалями СССР.

В связи с наступлением противника в южном направлении перед руководством республик, краев и областей Северного Кавказа стал вопрос об эвакуации. Подготовка к эвакуации предприятий Краснодарского края началась вслед за постановлением ГКО № 1828 от 29 мая 1942 г. «О подготовке к выводу из строя предприятий “Майнефтекомбината”, выселении с территории Краснодарского края и Ростовской области лиц, социально опасных, немцев, румын, крымских татар и иностранных граждан».

Эвакуация из Краснодарского края началась в конце июля 1942 г., а в начале августа многие города края уже были заняты врагом. Для погрузки оборудования промышленных предприятий, их продукции, хлеба и других сельско-

хозяйственных товаров, машинного парка по первой очереди краю требовалось по 1 тыс. вагонов в день. 23 июля 1942 г. начальник УНКВД Краснодарского края подписал приказ «О спецмероприятиях по выводу из строя промобъектов г. Краснодара» [4]. Их насчитывалось 36. Тогда же началась эвакуация Майкопнефтикомбината – крупнейшего предприятия края. Резкое изменения обстановки на фронте не дало возможности выполнить намеченное [5].

Для подготовки к выводу из строя предприятий создавались специальные тройки в составе директора предприятия, работника НКВД, секретаря партийной организации. 28 июля началась эвакуация тракторов и моторов от комбайнов из северных районов края. Однако тракторы и комбайны до последнего момента использовались на полевых работах. Попытка перегнать их в безопасные места оказалась малоуспешной. Часть передавалась воинским частям, что-то успели спрятать в лесу, зарыть в землю, уничтожить [6]. В целом, следует отметить, что эвакуация в полном объеме не удалась.

Важное оборонное значение играла перевозка нефтепродуктов. В последнем квартале 1941 г. с Кубани было отправлено потребителям на 25 тыс. цистерн нефти больше, чем за два предыдущих [7]. После освобождения Краснодарского края от немецко-фашистских оккупантов ГКО издал постановление «О мероприятиях по восстановлению нефтяной промышленности Краснодарского края» (6 ноября 1943 г.). В 1944 г. правительство включило Краснодарский нефтекомбинат в перечень действующих и установило плановое задание.

Ущерб горнодобывающей и угольной отрасли также был велик. Быстрыми темпами шло восстановление металлургии. Для решения задач по восстановлению промышленности и транспорта нужно было решить кадровый вопрос, создать резерв рабочей силы. На 1 января 1943 г. общая численность рабочих и служащих промышленности Краснодарского и Ставропольского краев составляла около 40 тыс. чел, из них более 26 тыс. составляли женщины.

В начале 1943 г. число действовавших предприятий в различных районах Северного Кавказа составляло от 8 до 22 % по сравнению с довоенным периодом. К концу войны уровень промышленного производства составил на Кубани 27,7 %. Местное население быстрыми темпами ликвидировало последствия оккупации. Восстановление велось методом народной стройки, инициативно. Одновременно проводились эксплуатационные работы, что вело к ускорению производственных процессов. Но ни одной отрасли народного хозяйства не удалось достигнуть довоенного уровня. Лишь спустя 5 лет после Победы вышли на довоенный уровень промышленного производства.

Благодаря трудовому героизму работников тыла, продуманной системе организации, взаимопомощи всех республик СССР, удалось перевести народное хозяйство на военный лад в течение года, а затем начать быстрое восстановление. Этому способствовало и введение планового хозяйства, и жесткая административно-командная система с ее моральными, материальными и социальными издержками, патриотизм народов региона.

Примечания:

1. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1774а. Оп.1доп. Д. 18. Л. 70, 101. Оп. 2. Д. 166. Л. 192.
2. Малышева Е.М. Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Майкоп, 2000. С. 114.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.17. Оп. 88. Д. 60. Л. 55.
4. ЦДНИКК. Ф. 1774а. Оп. 2. Д. 500. Л. 52.
5. Там же. Оп. 2. Д. 324. Л. 10–11.
6. Там же. Оп. 2. Д. 457. Л. 30–30 об., 50–51.
7. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 43. Д. 963. Л. 71.

Л.В. Левендорская

**ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ
РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ
ПРИФРОНТОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ (ЯНВАРЬ – АВГУСТ 1943 г.)**

Прошло уже более 70 лет с тех пор, как война неожиданно прервала мирную жизнь советских граждан, круто отделив все вчерашнее от суровой действительности военного времени. На протяжении всех этих лет мы пытаемся понять и воссоздать исторически правдивую картину тех трагических событий. В современной России не ослабевает, а растет интерес не только к крупномасштабной эпопее войны, но и к отдельным ее страницам, датам, событиям, судьбам людей.

В настоящее время благодаря вводу в научный оборот большого массива архивных документов, ранее засекреченных и закрытых для широкого круга исследователей, появилась возможность более разносторонне и глубоко изучать историю Великой Отечественной войны, причем сам спектр исследуемых тем значительно расширился. Появилась возможность анализа отдельных сюжетов и событий войны на подлинных документальных материалах.

Цель данной работы – анализ работы Ростовского обкома ВКП(б) по ликвидации последствий оккупации в условиях непосредственной близости фронта. Исследование проводилось на основе документов фонда Р-9 Ростовского обкома КПСС, находящегося на хранении в ГКУ РО «Центр документации новейшей истории Ростовской области» (далее – ЦДНИРО). Документы фонда прошли рассекречивание. Данный фонд содержит управленческую документацию Ростовского обкома ВКП(б): стенограммы и протоколы партийных конференций, пленумов и заседаний бюро и секретариата обкома ВКП(б), справки о выполнении постановлений бюро обкома ВКП(б);

справки, информации, докладные записки в ЦК ВКП(б) и его отделы, в наркоматы о ходе выполнения постановлений, о работе и т.д.

В период Великой Отечественной войны Ростовская область и город Ростов-на-Дону дважды подвергались временной оккупации немецко-фашистскими войсками: с октября по ноябрь 1941 г. и с июля 1942 г. до середины февраля 1943 г. Город Таганрог, Анастасиевский (в настоящее время – в составе Матвеево-Курганского) и Фёдоровский (в настоящее время – в составе Неклиновского) районы были оккупированы с октября 1941 г. по август 1943 г. В период второй оккупации были временно захвачены почти все города и районы области, за исключением Вешенского и частично Верхне-Донского районов, которые находились в зоне боевых действий [1]. С середины декабря 1942 г. началось освобождение правобережных районов Верхнего Дона. Верхнедонской и Боковский районы были освобождены 18 декабря 1942 г. [2], Кашарский – 21 декабря [3], Базковский – 22 декабря [4]. С начала января 1943 г. началось освобождение северо-восточных и восточных районов области. Дубовский район был освобожден 1 января 1943 г. [5], Цимлянский – 5 января [6], Мартыновский – 7 января [7]. В результате Ростовской наступательной операции войск Южного фронта и Северной группы войск Закавказского фронта были освобождены северо-западные и центральные районы области и промышленные центры. Город Шахты был освобожден 12 февраля 1943 г., Новочеркасск и Каменск-Шахтинский – 13 февраля, Красный Сулин и Ростов-на-Дону – 14 февраля [8]. Продолжая наступление к западу от Ростова-на-Дону, войска Южного фронта 16–18 февраля вышли на реку Миус. Фронт стабилизировался [9].

До начала осени 1943 г. Ростовская область являлась прифронтовым районом, поэтому к традиционным трудностям освобожденных территорий добавлялись налеты вражеской авиации и бесконечные воздушные тревоги, артиллерийские обстрелы. Непосредственная близость фронта не позволяла развернуть работы по восстановлению всего разрушенного хозяйства области. По мере освобождения районов решались первоочередные задачи по восстановлению народного хозяйства и социально-культурной инфраструктуры. Уже 5 января 1943 г. было принято совместное постановление бюро Ростовского обкома ВКП(б) и облисполкома «О наведении порядка в районах, освобожденных от немецких оккупантов», наметившее 13 основных направлений работы по быстрейшей ликвидации последствий оккупации. В списке организационных мероприятий, направленных на восстановление разрушенного хозяйства, значились и пункты о возобновлении работы школ и лечебных учреждений (хотя бы в приспособленных помещениях), о проведении учета детей-сирот и беспризорных, организации для них временных интернатов с питанием [10].

26–27 февраля 1943 г. состоялся X пленум обкома ВКП(б), обсудивший задачи областной партийной организации в связи с освобождением Ростовской области от немецкой оккупации. Были определены конкретные

задачи по восстановлению промышленности, сельского хозяйства, культуры и науки; *«по приведению в порядок всех дорог, мостов, мельниц, хлебопекарен, мастерских и артелей для обслуживания частей Красной Армии...»* [11]. Ставился вопрос о снабжении городов продуктами сельского хозяйства, о налаживании системы общественного питания, особенно – детского.

Необходимо было в кратчайшие сроки осуществить мероприятия, без которых невозможно было вести наступательные действия Красной армии: обеспечить бесперебойный подвоз боеприпасов, продовольствия и снаряжения, восстановить оборонительные сооружения, мосты, железнодорожные пути, средства связи, обеспечить войска хлебом и другим продовольствием. С другой стороны, необходимо было немедленно начинать подготовку к весеннему севу.

Этому сложному периоду работы дана емкая характеристика в отчетном докладе Ростовского обкома ВКП(б) IV областной партийной конференции, состоявшейся 24 января 1945 г.: *«Период начального восстановления проходил так, что мы сами намечали всякого рода пути, и воздействие различных центральных органов – Наркоматов на нашу работу было, естественно, незначительным. Приходилось начинать с самых элементарных мероприятий, без которых нельзя жить: бороться за помещения, заводы, за хлеб, за свет, за такого рода элементарные вещи, без которых и работать нормально невозможно...»* [12].

Вот лишь некоторые вопросы, обсуждавшиеся на заседаниях бюро обкома ВКП(б) и по которым принимались решения в период с января по август 1943 г.:

- восстановление партийных организаций и организационно-партийная работа в районах, освобожденных от немецких оккупантов;
- отправка комсомольцев на сельскохозяйственные работы;
- неотложные меры по восстановлению хозяйства;
- восстановление автогужевых дорог и железной дороги;
- план сельскохозяйственных работ на 1943 г.;
- план весеннего сева на 1943 г.;
- восстановление предприятий пищевой промышленности;
- возобновление работы школ;
- восстановление рыбного хозяйства Ростовской области;
- состояние очистки города Ростова-на-Дону;
- возобновление работы собесов;
- организация летнего отдыха детей;
- организация комсомольской детской здравницы;
- работа детских домов;
- восстановление киносети;
- учет книжных фондов;
- работа техникумов;
- помощь в уборке урожая;
- работа дворников и другие [13].

26 июня 1943 г. Совет народных комиссаров СССР принял постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства города Ростова и Ростовской области», предусматривавшее восстановление в течение 1943 г. важнейших отраслей хозяйства и предприятий, обслуживавших непосредственно нужды фронта. 21 августа СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». XI пленум обкома ВКП(б), состоявшийся 30 августа 1943 г., проанализировал результаты выполнения постановления СНК СССР от 26 июня 1943 г., рассмотрел вопрос о ходе хлебозаготовок и обсудил постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. На основании решений пленума была разработана детальная программа деятельности городских и районных органов власти по восстановлению разрушенного хозяйства области на длительный период [14].

Разумеется, за пределами этой статьи осталось много аспектов, связанных с работой Ростовского обкома ВКП(б) по ликвидации последствий оккупации в условиях прифронтового положения, которые наиболее полно и многогранно раскрывают весь драматизм и сложность проделанной работы. Более широко и подробно эти вопросы можно раскрыть, изучив и введя в научный оборот рассекреченные документы фондов партийных и комсомольских органов городского и районного звена, находящиеся на хранении в ЦДНИРО.

Примечания:

1. ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 546. Л. 12.
2. Там же. Оп. 4. Д. 503. Л. 71, 72.
3. Там же. Л. 1, 46.
4. Там же. Оп. 1. Д. 419. Л. 40б.
5. Там же. Оп. 4. Д. 503. Л. 17.
6. Там же. Л. 80.
7. Там же. Оп. 1. Д. 419. Л. 49.
8. Там же. Оп. 4. Д. 503. Л. 1, 41, 64, 67, 70.
9. Маркусенко И.С. Дон в Великой Отечественной войне. Ростов н/Д, 1977. С. 107.
10. ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 354. Л. 199об, 200.
11. Там же. Д. 356. Л. 26–29.
12. Там же. Д. 546. Л. 14, 15.
13. Там же. Перечень вопросов, рассмотренных на заседаниях бюро и секретариата Ростовского обкома ВКП(б) в 1943 году. Л. 1–150.
14. Там же. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 357. Л. 1–28.

РАЗДЕЛ 4

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА КАК МЕСТО ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

А.В. Баранов

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЗАЦИИ

Актуальность темы в том, что историческая память о важнейших событиях прошлого, в числе которых – Великая Отечественная война, отражает состояние национальной идентичности, базовые ценности и ориентиры общества. Историческая память в большей степени характеризует мировоззрение современных людей, источники и технологии конструирования их представлений о прошлом, а не реальные исторические факты. Украина – фрагментированная страна, в которой различные региональные и этнические сообщества и поколения имеют, подчас, противоположные представления о Великой Отечественной войне. Историческая память, в зависимости от вектора ее изменений, может сближать Украину и Российскую Федерацию, либо дистанцировать их друг от друга.

Цель данной работы – выявить проблемы и риски политизации исторической памяти о Великой Отечественной войне в современной Украине. Это требует определить восприятие войны в общественном мнении, установить каналы конструирования исторической памяти. Источниковая основа работы включает в себя опубликованные материалы анкетных опросов, проведенных в Украине и в ее регионах [1]. Внимание уделено также текстам учебников и атласов [2], материалам периодической печати [3], выступлениям государственных лидеров [4] с 2005 по март 2013 гг.

Степень научной разработанности темы противоречива. В исследованиях историков С.В. Константинова, А.И. Ушакова [5], Е.Ф. Кринко [6], Г. Касьянова [7], Т. Пентер [8], Ф. Гольчевски [9] основное внимание уделено критике постсоветского мифотворчества в учебной литературе, анализу концепций и идеологием историографии. Социологи А. Портнов [10] и А. Тесля [11] определили изменения оценок прошлого в массовом

сознании украинского общества. Остаются малоизученными источники формирования исторических представлений, степень эффективности воздействия государственных и партийных трактовок истории на общественное мнение. Слабо учитывается контраст исторического самосознания в регионах Украины.

Методологическую основу работы составляет концепция исторической памяти, предложенная М. Хальбваксом [12], трактовка этнополитической мобилизации в русле конструктивизма [13]. Целенаправленное разрушение «образа прошлого», связанного с интересами реальных или вымышленных противников, имеет в действиях постсоветских историков, политиков, журналистов обратную сторону – сознательное конструирование новой исторической «картины мира». А.И. Миллер обобщает методы и идеологемы политизации истории, попыток ее государственного, этнократического или партийного контроля удачным термином «историческая политика» [14].

Проведем анализ опубликованных итогов социологических опросов. 1–5 апреля 2011 г. Украинский центр экономических и политических исследований имени Александра Разумкова провел анкетный опрос об отношении ко Дню Победы во всех регионах. Выборка составила 2009 респондентов старше 18 лет. Теоретическая погрешность выборки – 2,3 %. 70 % опрошенных сказали, что 9 мая «по-настоящему большой праздник», 24 % – «обычный праздник, как остальные официальные даты», 4 % – «не праздник, а обычный выходной» и 0,9 % полагали, что он должен быть рабочим днем [15]. 66 % согласились с тем, что нужно название «Великая Отечественная война». Название «Вторая мировая война» предпочитают 29 %, только 2 % предпочли вариант «немецко-советская война». Сторонников примирения советских и немецких ветеранов в Украине несколько больше (38 %), чем сторонников примирения ветеранов Красной армии и УПА (35 %).

Для того чтобы выяснить причины восприятия, полезно рассмотреть референтные группы, формирующие восприятие событий войны. Анкетный опрос, проведенный международным центром ИМАС-Интернешнл синхронно в нескольких странах Европы (2005), показал, что о военных жертвах в кругу семьи сообщают в России и на Украине по 60 % респондентов, в Германии и Австрии почти 40 %, в Польше и Словении 1/3, в Венгрии около 25 % и в Чехии – менее 20 %. Частые разговоры в семье о Второй мировой войне ведутся преимущественно на Украине (31 %) и в России (27 %). «Довольно хорошо информированными» о событиях войны считают себя по 72 % опрошенных в России и Украине, в Германии – 56 %, Австрии – 51 % [16]. Серьезные расхождения во мнениях внутри семьи относительно войны крайне редки в Чехии, России и Украине, что резко отличает эти страны от Германии, Австрии и Венгрии. Таким образом, семья выступает влиятельной референтной группой для формирования исторической памяти в Украине. К сожалению, мы не располагаем данными о различиях в исторической памяти поколений, что важно для более глубоких выводов.

Территориальные различия в оценке событий Великой Отечественной войны остаются определяющими для украинского общества. Их можно оценить по итогам анкетного опроса 2000 респондентов старше 18 лет, проведенного группой «Рейтинг» 25 сентября – 5 октября 2012 г. во всех регионах Украины [17]. Погрешность исследования составляла 2,2 %. Лишь 25 % опрошенных поддерживают идею признать ОУН-УПА борцами за независимость, а 51 % – не поддерживают, 26 % не определились с мнением. Вместе с тем, по сравнению с 2010 г. удельный вес положительно оценивших ОУН-УПА вырос с 20 до 23 %, а негативно – уменьшился с 61 до 51 %. Возросло и количество не определившихся.

Идея признать ОУН-УПА борцами за независимость Украины была поддержана более 60 % жителей Запада и лишь около 25 % жителей Центра и Севера страны. Почти 70 % жителей Донбасса и всего Юга не одобряют идею признать ОУН-УПА участниками борьбы за независимость Украины. Положительно оценивают ОУН-УПА больше в селах, чем в городах; молодежь, а не пожилые люди. Наибольшее количество не определившихся в оценках – среди молодежи [18].

Следует учитывать и специфику исторической памяти, существующую в полиэтничном сообществе Крыма. Восприятие событий Великой Отечественной войны в русско-украинском и крымско-татарском массовом сознании кардинально различается [19]. СМИ и учебная литература, по сути, формируют противоположные «образы войны» в восприятии славянского и крымско-татарского сообществ.

Перейдем к оценке официальной исторической политики Украины. В современной Украине оценка истории Великой Отечественной войны стала зависимой от позиционирования историков и публицистов: за союз с Россией или с Западом. Из этого следуют полярно противоположные установки: признавать участие УССР в разгроме нацизма советским государством либо противопоставлять интересы Украины и СССР. Украинцы представляются в такой схеме жертвой «радянської тоталітарної імперії», которая одинакова по пагубности с нацистской. Несовместимы ориентации публицистов Галичины, для которых Украинская повстанческая армия – герои борьбы за независимость, и публицистов Юга и Востока страны, которые сохраняют крайне негативную оценку «бандеровцев» [20].

В период президентства В.А. Ющенко (2005 – начало 2010 гг.) проводился курс ревизии роли Великой Отечественной войны в истории Украины. Это проявилось в действиях Национального института памяти, в ряде президентских указов о признании С. Бандеры и В. Шухевича Героями Украины, в предоставлении государственных льгот ветеранам УПА-УНСО, в рассмотрении образовательных программ и содержания учебной литературы. Но региональная фрагментация Украины еще в начале 1990-х гг. закрепила на Западе и Востоке страны противоположные стратегии исторической политики. Это объективно сдерживает возможности государственного контроля над

исторической памятью. Так, органы власти Львовской и Ивано-Франковской областей финансируют возведение памятников деятелям УПА-УНСО, переименовывают в их честь географические объекты. Напротив, председатель Луганского областного совета В. Голенко считал в 2009 г., что у законопроекта о признании действий УПА национально-освободительной борьбой нет перспектив. Он заявил: *«Это все равно, что всенародно признать Бандеру, эсэсовцев Шухевича и других коллаборационистов, которых осудил Нюрнбергский суд, героями... А принят будет, я надеюсь, другой проект: о запрете пропаганды фашизма и нацизма»* [21].

Историческая политика в период президентства В.Ф. Януковича характеризуется изменением приоритетов. В учебники благодаря усилиям министра Д. Табачника возвращен термин «Великая Отечественная война», в судебном порядке отменены указы предыдущего президента о прославлении Бандеры и Шухевича. Предпринята непоследовательная попытка признать советское знамя Победы [22]. Вместе с тем, провокационное избиение ветеранов Красной армии в Львове 9 мая 2011 г. осталось без внятного ответа власти неофашистам. Снижение рейтинга доверия В.Ф. Януковича и правящей Партии регионов заставляет органы власти уклоняться от обострения конфликта. Судя по интервью видного историка Ю. Шаповала «Радио Свобода», акцент делается на образ Украины – исторической жертвы воинственных соседей, на страданиях «простых людей» и деидеологизации памяти о войне [23].

Важный аспект – радикализация позиций ведущих партий и блоков Украины в отношении памяти о войне. Весной-осенью 2013 г. ожидается жесткая конфронтация националистов и коммунистов, русских движений по вопросу юбилея освобождения Украины от нацистской оккупации. Националисты заняли агрессивную позицию. Так, журнал «Украинский тыждень» формирует резко негативное отношение к освобождению Украины, о чем свидетельствуют заголовки статей: «Освобождение от Бухенвальда лагерями ГУЛАГа», «Кроваво-красная армия: РККА была неотъемлемым институтом преступного тоталитарного режима» и т.п. [24]. Заместитель председателя партии «Свобода», депутат Верховной Рады Ю. Сиротюк пояснил отношение к освобождению Украины цинично: *«Соседние империи рвали Украину на части, делили между собой. Одни оккупанты освобождали нашу территорию от других»*. Он подчеркнул, что его партия поставит «заслон новым проявлениям империализма и национального шовинизма». Его соратник, депутат Ю. Михальчишин, комментируя намерения «Русского блока» праздновать юбилей, заявил, что националисты преградят дорогу русским активистам: *«В Николаеве будет не русский марш, а русский фарш. Поверьте, такое мероприятие – это однозначно очередная провокация пятой колонны, которая продолжает действовать на нашей территории»* [25]. Со своей стороны, Коммунистическая партия Украины и общественные движения, выражающие интересы Востока и Юга страны, воспринимают позитивный образ Победы в войне как важную

составляющую своей идентичности. Они стремятся подкрепить свои позиции решениями местных органов управления, региональными референдумами. Но непоследовательная политика Партии регионов ограничивает возможности наступательного воздействия на общественное мнение.

Итак, историческая память о Великой Отечественной войне в общественном мнении Украины крайне противоречива. Образы войны на Западе страны полярно противоположны оценкам на Юге и Востоке, причем диалог сторон конфликта идентичности не ведется. Оценки «болевых точек» памяти о войне – значения Победы 1945 г. для Украины, оценки УПА-УНСО, депортации крымских татар постоянно являются фактором этнополитической и идеологической конфронтации. Каналы конструирования исторической памяти связаны, прежде всего, с внутрисемейной коммуникацией и СМИ. Государственная историческая политика в Украине крайне непоследовательна. Устойчивыми ее качествами можно назвать стремление обособить образ «Украины – жертвы тоталитаризма и агрессии» от образа многонационального советского государства. Вина за все трагические аспекты войны возлагается, как правило, на внешние силы. Президент В.Ф. Янукович и правящая Партия регионов не заинтересованы в коренном пересмотре данной схемы оценок истории, уступая подчас инициативу радикально-националистической оппозиции. Возможности положительной трансформации общественного мнения связаны с повышением ресурсов партий и движений на Юге и Востоке Украины, с активизацией их давления на государственную информационную политику.

Примечания:

1. 70 % українців вважають День перемоги великим святом. Цікава соціологія. URL: <http://www.istpravda.com.ua/articles/2011/04/29/37267/>; Вестник общественного мнения. М., 2009. № 3. С. 5; Украинцы не готовы признать ОУН-УПА борцами за независимость. URL: http://news.liga.net/news/politics/788680-ukraintsy_ne_gotovy_priznat_oun_upa_bortsami_za_nezavisimosti.htm.
2. Політична історія України: Навчальний посібник. 2-ге вид., допов. Київ, 2008. С. 365–382; Атлас з історії України (1939–2005 рр.). 11 клас. Київ, 2009. С. 2–6.
3. Лосєв І. Криваво-червона армія: РСЧА була невід'ємним інститутом злочинного тоталітарного режиму // Український тиждень. Київ, 2013. № 6 (274). 8–14 лютого. С. 50–52.
4. Ющенко: УПА – единственная сторона-победитель в ВОВ. URL: <http://www.aif.ua/politic/news/52556/6>; Янукович хочет отметить 70-летие победы в ВОВ на международном уровне. URL: <http://for-ua.com/politics/2013/04/03/162230.html>.
5. Константинов С.В., Ушаков А.И. История после истории. Образы России на постсоветском пространстве. М., 2001. С. 33–44, 137–142.
6. Кринко Е.Ф. Изучение Великой Отечественной войны в российской и украинской историографии: институциональный аспект // Былые годы. Сочи, 2012. № 2 (24). С. 69–77.

7. Касьянов Г. «Национализация» истории в Украине // Историческая политика в XXI веке: Сб. статей. М., 2012. С. 217–255.
8. Пентер Т. Українці та «Велика вітчизняна війна»: комплексність воєнних біографій // Україна. Процеси націотворення. Київ, 2011. С. 321–336.
9. Гольчевські Ф. Суперечлива традиція: ОУН/УПА та націотворення // Україна. Процеси націотворення. С. 307–320.
10. Портнов А. Украинские образы Второй мировой войны // Вестник общественного мнения. М., 2011. № 2 (108). Апрель-июнь. С. 86–92.
11. Тесля А.А. Социокультурная память и стратегии коммеморации Великой Отечественной войны // Мониторинг общественного мнения. 2005. № 2 (74). Апрель-июнь. URL: http://www.perspektivy.info/history/istoricheskaja_pamat_o_vtoroj_mirovoj_vojne_v_rossii_i_jevrope_2010-05-07.htm.
12. Хальбвасс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.
13. Ачкасов В.А., Бабаев С.А. «Мобилизованная этничность»: Этническое изменение политической культуры современной России. СПб., 2000. С. 41–49.
14. Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке: Сб. статей. М., 2012. С. 7–32.
15. 70 % українців вважають День перемоги великим святом...
16. Киршхофер А. фон. Население стран Европы о Второй мировой войне // Мониторинг общественного мнения. 2005. № 2 (74). С. 67–70.
17. Украинцы не готовы признать ОУН-УПА борцами за независимость.
18. Там же.
19. Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник. Симферополь, 2012. Вып. 16. С. 61–69, 184–194.
20. Гриневич В. Парадокс «освобождения»: Як формувався міф про радянське визволення України в роки Другої світової війни // Український тиждень. Київ, 2013. № 6 (274). 8–14 лютого. С. 54–55; Бесов А.Г. Кто и как формирует историческую память о ВОВ в современной Украине. URL: <http://komunity.ru/sutvremeni/kto-i-kak-formiruet-istoricheskuyu-pamyat-o-vov-v-sovremennoj-ukraine>.
21. Валерий Голенко: После ухода Ющенко настанет время антифашистских законов. URL: <http://antifashist.com/latest-news/111-golenko-nastanet-vremya-antifashistskih-zakonov.html>.
22. Табачник обещает вернуть в украинские учебники термин Великая Отечественная война. URL: <http://nam.kiev.ua/index.php?newsid=5345>.
23. Портников В., Шаповал Ю. Как меняется украинское представление об исторической памяти. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24092021.htm>.
24. Звільнення від Бухенвальда таборами ГУЛАГу: «Освобождение» України в роки Другої світової війни як форма легітимізації радянської влади // Український тиждень. Київ, 2013. № 6 (274). 8–14 лютого. С. 36–37; Лосев И. Криваво-червона армія: РСЧА була невід'ємним інститутом злочинного тоталітарного режиму.
25. Ивженко Т. Москалям обещают фарш вместо марша: «Свобода» и «Русский блок» собираются сойтись в рукопашной в Николаеве // Независимая газета. 2013. 28 марта.

И.Н. Гридина

«КОРЕННЫЙ ПЕРЕЛОМ» СОЗНАНИЯ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ОТНОШЕНИЯХ УКРАИНЫ И РОССИИ

Гуманитарный аспект современных взаимоотношений Украины и России осложнен многими внутри- и внешнеполитическими факторами. Не последнюю роль в них играет общая история – и как объективная реальность, в которой было много и хорошего, и плохого, и как наука, из-за которой разгораются самые настоящие «научные баталии», и как память, часто выступающая объектом политических манипуляций. Одним из самых противоречивых явлений в науке, морали, общественной и политической жизни и в Украине, и в России стала история и историческая память о наиболее значимом и трагическом событии XX в. – Великой Отечественной войне.

В Украине в изучении истории Великой Отечественной войне сложились две концепции (некоторые исследователи справедливо предпочитают называть их мифами, так как они вышли далеко за рамки академической исторической науки), которые раскалывают общество и порождают «исторические баталии» на политической арене. Первая концепция (миф) в контексте национально-политического проекта отстаивает националистическое видение последней войны, полностью отказываясь от дефиниций «великая и отечественная». Вторая в основном унаследовала традиции официальной советской историографии, отказавшись от руководящей и направляющей роли КПСС и обогатившись аргументами в ожесточенных дискуссиях с оппонентами – националистами (благодаря открытым архивам давали огромное количество фактов и тем и другим).

В современной России история Великой Отечественной войны и Победы играет огромную роль в создании позитивного образа советского прошлого, поэтому ее концепция поддерживается и защищается на государственном уровне от переписывания, как своими историками, так и историками других постсоветских стран. Вместе с тем, желание остаться вне идеологических и политических дискуссий плюс веяния новейших методологических подходов и жажда их внедрения создали сначала в российской, а потом и в украинской историографии широкий спектр исследований социальной истории войны. Но в данной статье (скорее даже не статье, а размышлениях) речь пойдет не о них, да и в принципе не об историографии Великой Отечественной войны, так как она, как правило, отражает социальный заказ в прямой или опосредованной форме [1]. Речь пойдет об исторической памяти, манипуляции с которой являются определенным фактором взаимовлияния в политических отношениях Украины

и России, а как следствие во многом определяют «температуру» отношений между их гражданами.

Историческая память определенным образом фокусирует сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим. Историческая память по сути дела является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания [2]. Именно поэтому историческая память нередко является ареной идеологических конфликтов и не только внутренних. Так получилось и с исторической памятью о последней войне, ценностные ориентиры которой оказались разными не только для граждан разных регионов Украины, но и стали поводом для обвинения украинской власти в проведении антироссийской политики.

В 2007 г. президент Виктор Ющенко присвоил звание Героя Украины главному командиру Украинской повстанческой армии в 1942–1950 гг. генерал-хорунжему Роману Шухевичу (посмертно) *«за выдающийся личный вклад в национально-освободительную борьбу за свободу и независимость Украины и по случаю 100-летия со дня рождения и 65-й годовщины создания Украинской повстанческой армии»*. А в 2010 г. за *«отстаивание национальной идеи и борьбу за независимое украинское государство»* звание Героя Украины было присвоено Степану Бандере. Именно это решение вызвало резко негативную оценку Министерства иностранных дел России, который квалифицировал его как одиозное, а вновь назначенный посол России в Украине в нарушение всех норм дипломатического протокола и этикета не вручал В. Ющенко верительные грамоты.

При этом российские политики не могли не понимать, что расколовший Украину указ В. Ющенко о присвоении звания героя Украины С. Бандере (67 % львовян оценивают его террористическую деятельность против Польши и борьбу против «советской оккупации» положительно, а 78 % дончан – категорически отрицательно, столь же различно отношение к деятельности самой УПА и необходимости признания ее воюющей стороной во время Второй мировой войны) был чистой воды политехнологией. В. Ющенко, достигший определенных договоренностей с В. Януковичем и играющий против Ю. Тимошенко, подписанием этого указа накануне первого тура президентских выборов 2010 г. способствовал не только консолидации вокруг себя национал-ориентированного электората запада, но и помог своему некогда ярому врагу мобилизовать и сплотить вокруг себя антинационалистически настроенное большинство. Чем нанес «электоральный ущерб» своей бывшей «оранжевой» союзнице, от которой отвернулись колеблющиеся и нерадикально настроенные части населения. На самом деле присвоение в 2007 г. звания Героя Украины соратнику Степана Бандеры Роману Шухевичу, более тесно сотрудничавшему с нацистами, не вызвало в обществе такого резонанса имен-

но потому, что не было «правильным» образом идеологически обставлено и раздуто [3].

А вот еще один пример манипуляции и политехнологий. Во время вышедшей 16 декабря 2010 г. в эфире российского телеканала «Россия-1» прямой линии с В. Путиным под названием «Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение», российский премьер заявил следующее, отвечая на вопрос одного из россиян: *«Теперь по поводу наших отношений с Украиной. Я позволю с вами не согласиться, когда вы сейчас сказали, что если бы мы были разделены, мы не победили бы в войне. Мы все равно победили бы, потому что мы страна победителей»*. По словам В. Путина, статистика времен Второй мировой войны свидетельствует, что наибольшие потери понесла именно РСФСР – более 70 %. *«Это означает, что война выиграна, не хочу никого обижать, за счет индустриальных ресурсов РФ. Это исторический факт, это все в документах»*, – сказал он [4].

Это заявление вызвало оживленное обсуждение в Украине вплоть до рассмотрения вопроса Верховной Радой. Однако вопреки царящему в обществе возмущению, Верховная Рада большинством голосов («за» проголосовало только 97 при необходимом минимуме 226) отказалась осудить заявление премьер-министра России В. Путина о роли Украины в Великой Отечественной войне. В так и не принятом заявлении парламента предлагалось отметить, что высказывания Путина нивелируют роль Украины и украинского народа в освобождении мира от фашизма, уменьшают украинский вклад в победу. Предлагалось также просить власти России не допускать спекуляции по гуманитарным темам и призвать руководство России с уважением относиться к трагическим страницам истории Украины. Отклонив проект постановления, Рада также отказалась обратиться к российским властям с призывом строить двусторонние отношения исключительно на основе глубокого взаимоуважения и равноправного партнерства. Министерство иностранных дел Украины расценило это заявление российского премьера как его личную позицию и не сочло необходимым дать ему официальную оценку.

Считаем абсолютно нецелесообразным обсуждать справедливость/несправедливость заявления В. Путина с точки зрения объективности исторической правды, так как оно вообще не находится в этой плоскости. Подобные заявления можно рассматривать и оценивать только с точки зрения морали и политики (собственно говоря, последняя и обусловила его появление). Ключевыми смыслами в этом заявлении были следующие: Россия может без Украины, а Украина – нет; Россия – страна-победительница по умолчанию.

Вышеприведенные примеры вольного манипулирования исторической памятью о последней войне в обеих странах (перечислить все в рамках одной статьи просто не представляется возможным), официальная и неофициальная реакция на них никоим образом не способствует оптимизации отношениям

граждан Украины и России, которые, по данным последних социологических исследований, заметно ухудшились [5].

Ярким примером этому может служить реакция украинских граждан на заявление В. Путина. Автором было изучено огромное количество комментариев на украинских форумах (среди них попадались и комментарии «гостей» из России), посвященных этому выступлению. Анализ одного из них, появившегося непосредственно после выхода передачи в эфир, хотелось бы представить [6]. В форуме был 181 комментарий. Среди них – 9 в той или иной мере в поддержку премьер-министра примерно следующего содержания: *«В. Путин сказал правду... Нынешняя (как и бывшая) националистическая Украина к России тотально враждебна»*. Интересно, что в ответ на возмущенные комментарии посетителей форума, один из них предложил зайти на российские форумы: *«Все как один согласны...»*. Действительно, просмотр российских форумов хоть и не однозначно, но подтвердил общую тенденцию поддержки заявления В. Путина. При этом существующая в то время ситуация в украинско-российских отношениях экстраполировалась на прошлое (примерно как в приведенном выше комментарии). Вместе с тем встречалось много комментариев, в которых посетителями форума сообщалось примерно следующее: *«вот только что принял шестой телефонный звонок из России (и уже около 10-ти сообщений в Одноклассниках) с извинениями...»*.

Опуская эпитеты в адрес В. Путина, интересны высказывания по поводу изменения к нему отношений после этого заявления (характерно, что для немалого количества украинских граждан в сравнении со своими «родными» политиками В. Путин часто выигрывал): *«Я раньше уважал этого человека, за то что он поднял Россию с колен, но этих его слов достаточно чтобы перечеркнуть мое отношение к этому человеку»*.

На фоне многочисленных комментариев, в которых «форумисты» пытались доказать несправедливость заявления В. Путина, в том числе и характерного *«мой дед воевал»*, наиболее показательной для нас является реакция граждан, сожалеющих о крушении своих надежд на братскую дружбу народов: *«До недавних пор у меня еще были какие-то сомнения, насчет “братских” отношений...», «Путин забил последний гвоздь в гроб дружеских отношений с Украиной...», «Печально все это... Мало того что народы разрывают извне, так еще и сами президенты наших стран стараются»* и т.п.

А далее хотелось бы привести результаты социологического исследования кампанией Research & Branding Group и украинским филиалом Института стран СНГ в рамках проекта «65 лет Великой Победы. Вторая мировая война глазами украинцев». Исследование было проведено в период с 13 по 22 апреля 2010 г. Сбор информации проводился методом личного интервью в 24 областях Украины и Автономной Республике Крым. Респонденты отбирались по квотной выборке, репрезентирующей взрослое население страны по месту проживания (область), полу и возрасту. Объем

выборочной совокупности составил 2076 чел. Ожидаемая средняя ошибка выборки составляет $\pm 2,2$ % [7].

Наибольший вклад в общую победу над нацизмом, по мнению жителей Украины, внесли украинский (98 %), русский (98 %) и белорусский (94 %) народы. Украинский (87 %), русский (78 %) и белорусский (56 %) народы, по мнению украинцев, понесли наибольшие потери от немецко-фашистских захватчиков. При этом в региональном разрезе оценка украинцами масштабов потерь русского и белорусского народов возрастала с Запада на Восток.

Подавляющее большинство респондентов (88 %) независимо от региона проживания считали, что большинство украинцев во время войны сражались на стороне Красной армии и СССР. При этом каждый десятый житель Западной Украины (12 %) считал, что украинцы сражались на стороне ОУН-УПА. Около половины респондентов (47 %) были согласны с тем, что воины УПА сражались на стороне Германии против СССР, а треть респондентов (36 %) были согласны с тем, что воины УПА сражались против Германии и СССР на стороне украинского народа. В региональном разрезе число респондентов, которые были согласны с первым утверждением, возрастало с Запада (19 %) на Юго-Восток Украины (63 %), а число согласных со вторым возрастало с Юго-Востока (18 %) на Запад Украины (61 %).

Для большинства украинцев (88 %) День Победы являлся большим праздником. При этом для трети жителей Западной Украины (29 %) это скорее обычный выходной день. Большинство жителей страны (87 %) считали, что День Победы – праздник общий для всех. Большинство украинцев (83 %) собирались праздновать День Победы. По мнению большинства украинцев (89 %), независимо от региона проживания, в Украине необходимо проводить парады, посвященные 65-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Автор статьи изначально не планировала комментировать ни форум, ни результаты социологического исследования. Но поставив эти материалы в обратной хронологии, хотелось бы задать риторический вопрос. Если бы опрос граждан Украины состоялся после заявления В. Путиной, каковы бы были его результаты?

В конце хотелось бы отметить, что не важно «кто первый начал». Важно, что историческая память становится заложницей большой политики – Черноморского флота, Крыма, таможенного и Евросоюза, НАТО, газа и т.д. и т.п. Важно, что в контексте каждой из этих проблем демаркируются даже не две Украины, одна из которых – за Великую Отечественную и Победу, а другая – за УПА и Бандеру, а сами люди по обе стороны границы.

Примечания:

1. Кринко Е.Ф. Изучение Великой Отечественной войны в российской и украинской историографии: институциональный аспект // Былые годы. Российский исторический журнал. 2012. № 2 (24). С. 74.

2. Ляшенко А. Историческая память украинцев: точки сближения и разрыва. Часть 1. Исторические личности. URL: <http://rb.com.ua/rus/analitics/socuum/7284/>.
3. Два берега одной реки. Статья аналитической группы кампании Research & Branding Group (Киев): URL: <http://rb.com.ua/rus/analitics/politics/6336>.
4. РИА Новости: URL: http://ria.ru/trend/Putin_call_in_show_20101216/#13655320907544&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration.
5. Гридина И.Н. «Чужие освободители» или «свои оккупанты»: как население Западной Украины воспринимало «советских» в 1939–1941 гг. // Былые годы. Российский исторический журнал. 2012. № 2 (24). С. 36.
6. Путин: Россия выиграла бы Великую Отечественную войну и без Украины. Информационное агентство «УНИАН». Форум: URL: <http://ru.tsn.ua/ukrayina/putin-rossiya-vyigrala-by-velikuyu-otechestvennuyu-voynu-i-bez-ukrainy.html>.
7. Результаты национального исследования «65 лет Великой Победы. Вторая мировая война глазами украинцев»: URL: <http://rb.com.ua/rus/projects/omnibus/5052>.

О.А. Васильева, Ю.Д. Гражданов

События Великой Отечественной войны на юге России в трудах современных азербайджанских исследователей

События Великой Отечественной войны оставили неизгладимый след в народной памяти. Однако реалии настоящего времени таковы, что полная картина трагедии, постигшей народы Советского Союза, ее масштабы все еще уточняются. При этом, как отмечает Е.Ф. Кринко, помимо того, что в последнее время значительно расширился доступ исследователей к источникам, были рассекречены и опубликованы многие архивные документы, «отличительной чертой постсоветской историографии является плюрализм мнений, оценок и подходов» [1].

В данной связи особый интерес представляют научные изыскания ученых Кавказа и Закавказья, касающиеся оценки происходивших там событий в период Второй мировой войны. Данный интерес вызван тем, что локальные историографии народов, входивших в состав бывшего СССР, концентрируются, прежде всего, на интересах собственных этносов и своих суверенных государств [2]. Отметим, что подобная тенденция отнюдь не является случайной. Она базируется на экзистенциальном страхе перед реальной или воображаемой угрозой гибели этнической общности вследствие утраты суверенитета, ассимиляции, депортации или геноцида [3]. Именно поэтому интерпретация событий, выводы и оценки кавказских ученых далеко не всегда отражают

утвердившуюся в общей российской историографии точку зрения на подходы при решении той или иной проблемы.

Так, например, коллективом авторитетных российских исследователей в составе А.Ю. Безугольного, Н.Ф. Бугая и Е.Ф. Кринко проделана значительная работа по выявлению и осмыслению основных тенденций в историографии истории Северного Кавказа в годы войны. Это позволило ученым сделать вывод о том, что различные аспекты участия горцев в войне, состояние социально-экономической сферы Северного Кавказа, проходившие там боевые действия, частичная оккупация региона и последующая депортация части народов «нашли свое отражение лишь в ряде общих и сравнительно немногочисленных специальных историографических работ, выполненных, как правило, на материалах всего региона в целом» [4]. Однако данный вывод нуждается в некоторых уточнениях.

Так, соглашаясь с авторами упомянутого исследования о немногочисленности подобного рода работ, отметим также и тот факт, что, во-первых, приводя в своих трудах тот или иной фактический материал, авторы далеко не всегда ссылаются на первоисточник. Это, с одной стороны, не позволяет убедиться читателю в объективности источника, использованного исследователем, а с другой стороны, фактически принуждает поверить автору на слово. В частности, в аннотации к монографии известного азербайджанского ученого и политического деятеля Э.Р. Исмаилова «Очерки по истории Азербайджана» отмечается, что «книга написана на основе значительного документального материала, содержащегося в опубликованных ранее научных исследованиях и обобщающих работах» [5].

В параграфе 4 «Азербайджан в 1941–1987 гг.» (раздел III) рассматривается в числе прочих вопросов и ситуация вокруг и в самой республике накануне и в период Великой Отечественной войны. При этом Э.Р. Исмаилов полагает, что «в советской и нынешней российской историографии крайне поверхностно говорится об основном смысле завязавшегося сражения на Кавказе и вокруг Сталинграда летом-осенью 1942 г.». В то же время в качестве основного и единственного аргумента он выдвигает только «стремление Германии перекрыть возможную доставку нефти и нефтепродуктов из Баку в распоряжение советских войск и на оборонные предприятия советского тыла» [6]. Однако отечественными исследователями неоднократно отмечалось со ссылками на источники, что конечной целью операции «Кавказ – Иран», разработанной немецким военным командованием, являлось не только овладение кавказскими нефтяными районами, но и занятие к сентябрю 1942 г. горных перевалов «на ирано-иракской границе для дальнейшего продвижения на Багдад» [7].

Современный бакинский ученый П.Г. оглы Дарибади на основе глубокого и всестороннего анализа научной литературы по вопросу планов различных, прежде всего, западноевропейских держав и нацистской Германии в отношении Кавказа выявил сложную систему взаимоотношений между различными

государствами, конкретные действия, предпринимавшиеся ведущими игроками в борьбе за установление своего господства в регионе, планировавшиеся результаты в процессе реализации разработанных военным командованием Германии операций «Брауншвейг», «Эдельвейс», «Шамиль», «Баядера» и др. [8]. Отметим, что в процессе реализации операции «Брауншвейг» «предусматривалось уничтожение советских войск западнее Дона, захват нефтеносных районов Кавказа и переход через Кавказский хребет с последующим выходом на Ближний и Средний Восток» [9].

П.Г. оглы Дарибади, основываясь на дневниковых записях Ф. Гальдера, дополнил и итоговые результаты операции «Эдельвейс», к достижению которых стремилась гитлеровская Германия и которые, в дополнение к сказанному, заключались во втягивании Турции в войну против СССР, полном уничтожении Черноморского флота и установлении на Черном море гегемонии германского военно-морского флота, нанесении удара по Англии «путем захвата ее восточных колоний», в частности Индии, для чего была разработана специальная операция «Баядера» [10]. В ходе реализации специальной парашютно-десантной операции «Шамиль» предусматривался не только захват нефтяных промыслов Северного Кавказа и нефтеперерабатывающих предприятий, но и организация восстаний местного населения [11].

Несколько прямолинейный взгляд Э.Р. Исмаилова на рассматриваемую проблему в какой-то мере обусловлен тем, что им была использована преимущесвенно литература, вышедшая в бакинских издательствах и изданная в издательствах Анкары [12].

Далее в этом же параграфе автор приводит многочисленные данные о количестве добытой нефти и объеме ее переработки, о продукции военного назначения, выпускавшейся в годы войны на республиканских предприятиях, о грузоперевозках. Заканчивается этот перечень более обтекаемыми показателями произведенной сельскохозяйственной продукции [13]. В тексте монографии почему-то отсутствуют указания на источник приведенных данных, что, в свою очередь, вызывает резонное недоумение и предполагает критическое отношение к ним со стороны исследователей.

Общеизвестно, что Азербайджанская ССР внесла весомый вклад в победу над общим врагом. Так, например, несмотря на 50 % сокращение численности бригад, работавших в нефтеперерабатывающей промышленности, республика в 1941 г. смогла несколько увеличить объем добываемой нефти (на 1310 тыс. т по сравнению с тем же периодом 1940 г.). Учитывая, что наносившиеся немецкой авиацией бомбовые удары по нефтегрузам, шедшим по Каспийскому морю, грозили в дальнейшем сокращением добычи нефти, бакинские нефтяники нашли оптимальный способ хранения нефти на территории концентрации нефтяного запаса республики: была начата перекачка нефти в горные ложины [14].

Наращивали темпы выпуска военной продукции и бакинские промышленные предприятия. Только за один месяц 1941 г. производство

50-мм минометов увеличилось в 6 раз, корпусов для ручных гранат – в 5 раз, автоматов ПППШ – в 20 раз [15]. Предприятия пищевой промышленности столицы республики отгрузили фронту за годы войны 1260 вагонов сухарей, 1100 вагонов макаронных изделий, 1300 вагонов табака и папирос. Легкая промышленность республики к 1942 г. производила для фронта 30 видов продукции [16]. За годы войны железнодорожники республики перевезли 1300 тыс. вагонов различных грузов [17]. Колхозники республики во время Сталинградской битвы собрали и передали в Фонд обороны страны из своих личных сбережений 170 млн руб. на постройку танковой колонны и эскадрильи самолетов [18]. Подобного рода примеры можно продолжать, однако анализ списка источников и литературы, приведенный Э.Р. Исмаиловым на русском языке, позволил выявить только один источник, который, предположительно, мог иметь отношение к рассматриваемому вопросу [19].

Избранный автором подход наблюдается и при анализе фактического материала об участии национальных военных формирований и непосредственно самих азербайджанцев в боевых действиях. Приводимые Э.Р. Исмаиловым цифры поначалу внушают оптимизм: «за годы войны из Азербайджана было призвано в ряды действующей армии 640 тыс. человек», «в первые недели войны 40 тыс. юношей и девушек республики подали заявления с просьбой отправить их на фронт», «до августа 1941 г. 123 тыс. жителей Азербайджана записались в отряды народного ополчения», «были созданы 87 истребительных батальонов, 1124 отрядов самообороны, 15-тысячный отряд противовоздушной обороны» [20]. Правда, остается только догадываться об источниках упомянутых автором сведений. Вышеприведенные факты частично подтверждаются данными, зафиксированными в энциклопедическом издании «Сталинградская битва». В частности, было найдено упоминание о сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны 681 тыс. жителей республики, создании 87 батальонов и 1123 отрядах самообороны [21].

В последующем автор указывает на низкий уровень готовности жителей Азербайджана к воинской службе, отсутствие у них воинской подготовки, слабое владение русской речью, недостаточную обеспеченность обмундированием и оружием азербайджанских военных формирований и т.д. Он объясняет негативные явления довоенными репрессиями, которым было подвергнуто командование Азербайджанской горнострелковой дивизии им. Орджоникидзе, что повлекло к утрате данным соединением боеспособности, просчетами советского руководства, связанными «с вопросами управления национальными, в частности, азербайджанскими воинскими формированиями». Говорит о «пренебрежительным и даже враждебном отношении многих командиров азербайджанских дивизий, бывших русскими по национальности, к азербайджанским солдатам», чем, в конечном итоге, и было вызвано дезертирство и сдача в плен солдат-азербайджанцев [22]. Однако и в этом случае

рассуждения автора не подкреплены конкретными ссылками, упоминаются лишь некие «многочисленные источники тех лет» [23].

Попытки Исмаилова преувеличить роль национальных формирований (77, 402, 416-я и 271-я азербайджанские дивизии) не подкреплены конкретными данными, несмотря на имеющиеся сведения об их формировании в качестве национальных стрелковых дивизий, а также их боевом пути от предгорий Кавказа до Прибалтики, Восточной Европы и Берлина [24]. При этом следует внести некоторые замечания по приведенным сведениям. Во-первых, о 271-й стрелковой дивизии в энциклопедическом издании «Сталинградская битва» упоминания отсутствуют, но называется 223-я национальная стрелковая дивизия. Во-вторых, в составе перечисленных дивизий «сражались представители всех национальностей, проживавших на территории республики», поэтому говорить об их формировании по этническому признаку не совсем корректно со стороны автора упомянутой монографии [25].

Вызывают также некоторые сомнения примеры героизма и доблести отдельных персоналий, упомянутых автором в анализируемом разделе монографии. Так, например, Э.Р. Исмаилов утверждает, что «азербайджанские воины проявили себя и в Сталинградском сражении», а в качестве примера приводит подвиг снайперской группы во главе с Балаогланом Аббасовым, которая «нанесла значительный урон врагу в живой силе, уничтожив за два месяца около трех тысяч солдат и офицеров противника» [26]. Однако в списке жителей республики различной этнической принадлежности, отличившихся в боях под Сталинградом, данная фамилия не упоминается вообще. Отсутствуют сведения об этом снайпере и в специальной статье энциклопедии, посвященной развитию снайперского движения в годы Великой Отечественной войны. Известный снайпер В.И. Зайцев, а впоследствии организованная и подготовленная им группа в составе 30 чел. за 4 месяца боев уничтожила 1126 солдат и офицеров противника [26]. В этой связи упоминание о 3 тыс. уничтоженных солдат и офицеров некоей снайперской азербайджанской группой выглядит несколько некорректно. Достоверность факта, приведенного Э.Р. Исмаиловым, явно нуждается в уточнении.

К сожалению, в целом данный параграф анализируемой монографии показал, что анализ представленных фактов крайне упрощен, а сами факты иногда служат не созданию объективной картины тех трагических событий, а направлены на своеобразную политическую мифологию роли и вклада кавказских этносов в победу советского народа в Великой Отечественной войне.

Следует также отметить, что и добросовестные в этом отношении историки также не всегда могут избежать подобного рода неточностей. В частности, опубликованная в 2012 г. монография Х.–М. Ибрагимбейли «Битва за Кавказ. Крах операции “Эдельвейс”», по сути, является переизданием работы 1977 г. «Крах “Эдельвейса» и Ближний Восток», принадлежащей перу того же автора, хотя и с небольшими изменениями. Издательство «Вече» изменило название монографии, считая, по всей видимости, упоминание о Ближнем

Востоке малосущественным, несмотря на то, что анализу внешне- и внутри-политической ситуации в сопредельных советскому Закавказью государствах (Ирану, Ираку и Турции), как во время, так и накануне немецкой экспансии на Восток, Ибрагимбейли уделил практически столько же внимания, сколько и описанию боевых действий. По тем же, видимо, соображениям из содержания вышедшей уже после смерти автора монографии была исключена важная глава, посвященная историографии ближневосточного вопроса с акцентом на планы Гитлера в отношении Индии. Поэтому порой проблематично быть объективным по поводу оценок, сделанных автором из-за редакторских купюр, которым подверглось сочинение исследователя.

В целом, труд Ибрагимбейли имеет определенные недостатки. В частности, ряд авторских оценок, преподносимых как бесспорная истина, сегодня подлежит критическому анализу, а порой и определенному пересмотру (упоминания терминов «германский империализм», «империалистические противоречия» и т.д.; рассуждения о разоблачении фальсификаций современной буржуазной историографии, касающихся битвы за Кавказ и связанных с ней военно-политических событий на Ближнем и Среднем Востоке; построение текста с учетом марксистско-ленинской методологии и т.д.) [28].

Там же, где весомых аргументов не хватало, автор внезапно переходил к патетике идеологического характера (например, «политические цели Советского Союза в Великой Отечественной войне... соответствовали назревшим потребностям общественного развития, выражали жизненные интересы строителей коммунистического общества и трудящихся всех континентов» или «патриотическое движение народов Северного Кавказа и Закавказья усиливалось по мере продвижения немецко-фашистских войск» [29] и др.). Вопросы горского коллаборационизма и его последствий обойдены серьезным вниманием автора [30], тогда как личности начальника политотдела 18-й армии Л.И. Брежнева и его персональной роли, а также участию горских народов, с видимым акцентом на азербайджанцев, в освобождении Кавказа придается большое значение [31].

Тем не менее, работа Ибрагимбейли заслуживает уважительного внимания и тщательного исследования как крупного вклада в историографию проблемы. Стоит отметить, что И. Мощанский, активно использующий в своих изысканиях материалы военных архивов, цитирует Ибрагимбейли буквально целыми страницами [32].

В данной работе предметом изучения выступали исследования, вышедшие на русском языке в последние десятилетия. Отметим, что выделенные тенденции характерны и для публикаций на азербайджанском языке, само количество которых достаточно невелико. Это свидетельствует о том, что в азербайджанской историографии тема Великой Отечественной войны стала терять свою актуальность по сравнению с другими сюжетами.

В целом, для азербайджанских исследователей во многом присущи те же направления, которые характерны для историографии Северного Кавказа

и отмечены А.Ю. Безугольным, Н.Ф. Бугаем, Е.Ф. Кринко: превалирование точек зрения на те или иные проблемы советской историографии с акцентом на роль партийных органов и отдельных партийных руководителей; использование литературы предшественников с минимальным использованием архивного материала или же с его трактовкой в духе марксистско-ленинской методологии; отбор фактического материала производится крайне избирательно, прежде всего, упор делается на престижные этногероико-патриотические сюжеты, что, безусловно, создает известный перекос в деле этнопатриотического воспитания молодежи и не способствует укреплению интернационализации, за торжество которой так радеют авторы [33]. Подобные подходы, используемые и азербайджанскими исследователями, не позволяют в должной мере ответить на многие вопросы, связанные с дальнейшей судьбой и реальным вкладом национальных воинских формирований в дело Победы советского народа в Великой Отечественной войне, а также создания действительно исторически правдивой и целостной картины тех лет. Следует отметить, что изучение историографии Великой Отечественной войны призвано поднять на качественно новый уровень не только исторические, но и историко-политологические исследования.

Примечания:

1. Кринко Е.Ф. Современная российская историография Великой Отечественной войны: итоги и перспективы изучения // Проблемы массовых политических репрессий в СССР: к 70-летию начала Великой Отечественной войны: Материалы VII Международ. науч. конф. Краснодар, 2012. С. 15.
2. Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 5.
3. Бибо И. О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств // Бибо И. О смысле европейского развития и другие работы. М., 2004. С. 155–262.
4. Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 2012. С. 10.
5. Исмаилов Э.Р. Очерки по истории Азербайджана. М., 2010. С. 2.
6. Там же. С. 327.
7. См., например: Ибрагимбейли Х.–М. Битва за Кавказ. Крах операции «Эдельвейс». М., 2012. С. 75–76; Широкоград А.Б. Каспий – русское озеро. Великий волжский путь. Большая нефть и большая политика. М., 2007. С. 263–265.
8. Дарибади П. Кавказ и Каспий в мировой истории и геополитике XXI века. М., 2010. С. 125–152.
9. Там же. С. 144.
10. Там же. С. 144; Энциклопедия Третьего рейха. М., 2005; Румянцев Ф.Я. Тайная война на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1972.
11. Энциклопедия Третьего рейха.
12. Исмаилов Э.Р. Указ. соч. С. 413–423.

13. Там же. С. 327, 328.
14. Сталинградская битва. Июль 1942–февраль 1943: энциклопедия. Волгоград, 2009. С. 30.
15. Там же. С. 30.
16. Там же. С. 31.
17. Там же. С. 31.
18. Там же. С. 31.
19. Мурадалиева Э.Б. Кровь земная – нефть Азербайджана и история. Кн. 1. Баку, 2005.
20. Исмаилов Э.Р. Указ. соч. С. 328.
21. Сталинградская битва. С. 30, 31.
22. Исмаилов Э.Р. Указ. соч. С. 328–330.
23. Там же. С. 330.
24. Сталинградская битва. С. 31.
25. Там же. С. 31.
26. Исмаилов Э.Р. Указ. соч. С. 332.
27. Сталинградская битва... С. 500.
28. Ибрагимбейли Х.–М. Указ. соч. С. 6, 9–10, 11, 12–13 и др.
29. Там же. С. 6, 98, 110, 295 и др.
30. Там же. С. 19–20, 238–241, 247–250, 255–257.
31. Там же. С. 95–97, 106–110, 118, 124–125, 210–216, 322–323 и др.
32. Мощанский И.Б. Оборона Кавказа. Великое отступление. 25 июля – 31 декабря 1942 года. М., 2010.
33. Безугольный А. Ю., Бугай Н. Ф., Кринко Е. Ф. Указ. соч. С. 372–373.

Ш.А. Гапуров, А.М. Бугаев

ДЕПОРТАЦИЯ ЧЕЧЕНСКОГО НАРОДА И ЕЕ ОСМЫСЛЕНИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Депортация 1944 г. в национальной истории чеченского народа является драмой, временем неизгладимой из его исторической памяти. И так цепко она будет держаться в его сознании не столько потому, что были невыносимо тяжелыми ее осязаемые последствия, а в силу того, что она явилась вопиющим актом циничной несправедливости. При этом он был осуществлен расчетливо в момент пика успешного наступления Красной армии практически по всей линии советско-германского фронта. Этот произвол и беззаконие, естественно, оскорбил чувства национального достоинства.

Известно, что генезис человеческого общества – это результат противоборства различных тенденций, череда не только закономерных, но и случайных и необратимых событий, явлений, в том числе и неподвластных разумному воздействию. Поэтому очевидно, что в процессе исторического

развития не исключены анахронизмы, обусловленные этими фатальными обстоятельствами. Но парадоксы, причины и следствия которых в силу своей абсурдности не поддаются здравому осмыслению, возникают, когда власть многонационального государства, общего для всех сплотившихся в его составе народов, в отношении отдельного или некоторых из них избирательно допускает преступный произвол. Эта достаточно откровенная бифуркация (если хотите, и полифуркация) вполне естественно порождает целый ряд вопросов, в том числе болезненных, когда-либо неизбежно требующих ясных ответов. Ситуация усугубляется, когда власть игнорирует их или пытается уклониться от откровенного признания былых ошибок и последовательного преодоления их последствий. Депортация целых народов, независимо от того кем и в каком государстве она была осуществлена, в том числе накануне, в годы Великой Отечественной войны и после нее – акт карательный. Причин, способных оправдать, объяснить или доказать ее целесообразность, не существуют. Поэтому в свое время советские лидеры Н.С. Хрущев, М.С. Горбачев, а позже Президент России Б.Н. Ельцин, понимавшие и принимавшие эту хрестоматийную истину, официально признали эти акции антиконституционными. Практически этой же позиции придерживаются и нынешние российские руководители В.В. Путин и Д.А. Медведев. Но, несмотря на это, искаженные стереотипы, порожденные сталинской национальной политикой и ее последствиями, еще живучи. И в последнее время их отрицательная энергетика, способная провоцировать «травматическое прошлое» (К. Бассиони), подпитывается изданиями отдельных авторов, тиражирующих свои спекулятивные измышления, во-первых, основанные на фактах, вырванных из исторического контекста, во-вторых, концептуально сконструированных таким образом, чтобы ввести в заблуждение массового обывателя, незнакомого с фактами [1]. Поэтому в этнической среде, особенно у молодежи, в первую очередь у тех, чьи родные и близкие в той или иной форме внесли вклад в сокрушительный разгром общего врага Отечества, закономерно возникает вопрос («тяготение к смыслу»): «Почему Сталин депортировал целые народы: стар и млад, женщин и мужчин, коммунистов и беспартийных, комсомольцев и советских чиновников, сотрудников НКВД и чекистов, участников революции и героев войн, инвалидов и новорожденных – всех поголовно?». Как отметил Д.А. Медведев, «память о национальных трагедиях так же священна, как память о победах» [2]. Поэтому стремление кого бы то ни было донести правду – «задача всегда актуальная, острозлободневная, имеющая много оттенков, нюансов...» [3].

До XX съезда КПСС и восстановления автономии Чечено-Ингушетии не только тема депортации чеченского народа, но и любое позитивное упоминание о нем в какой-либо форме было категорически запрещено (как и других народов, также подвергшихся ссылке). Хрущевская «оттепель» – некая «парабольшевистская либерализация», начавшаяся после разоблачения куль-

та личности Сталина и его последствий, бесспорно, дала очевидные плоды, в том числе и в сфере гуманитарных наук, включая и историографию.

Оживление интеллектуальной жизни некоторое время по инерции продолжалось и при Л.И. Брежневе. Вместе с тем в национальных республиках, восстановленных в соответствии с решениями XX съезда КПСС, особо заметных изменений в глубоком и всестороннем изучении местной истории не произошло. В Чечено-Ингушетии, автономия которой была восстановлена в январе 1957 г., вплоть до середины 1960-х гг. каких-либо фундаментальных исследований, нацеленных на серьезное осмысление проблем национальной истории, даже не было начато. Эпизодические попытки их «новаторских» интерпретаций сковывались жесткими рамками казенной методологии, стержневым принципом которой являлся принцип партийности. А темы, касающиеся периода Великой Отечественной войны, депортации чеченцев, их пребывания в 13-летней ссылке на чужбине, были строго табуированы. За весь полувековой период, который прошел после восстановления Чечено-Ингушской АССР, ее история с древнейших времен до новейшего времени в систематизированном изложении нашла отражение в двух томах «Очерков истории Чечено-Ингушской АССР». И только лишь в 2006–2008 гг. по инициативе АН Чеченской Республики были изданы два тома «Истории Чечни с древнейших времен до наших дней».

Безусловно, проблематика национальной истории, в том числе и периода Великой Отечественной войны, нашла освещение в многочисленных исследованиях отечественных авторов. Это монографические исследования и научные статьи В.А. Тишкова, Н. Ф. Бугая, А.Ю. Безугольного, Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлыниной, С.И. Линца и многих других. Важным событием в научном осмыслении ключевых событий периода Великой Отечественной войны стал выход новой книги «Война. Юг. Перелом (1942–1943 гг.)». Авторы – академик Г.Г. Матишов, В.И. Афанасенко, д.и.н. Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Новая концепция, предложенная авторами, вполне заслуживает, во-первых, одобрения, во-вторых, дальнейшего аргументированного исследования. Она не должна оставаться заявленной, продекларированной. Действительно, героическая оборона Кавказа, все народы которого оказали посильную помощь Красной армии, явилась поворотным рубежом в окончательном развенчании мифа о непобедимости гитлеровской военной армады. Более того, именно на Кавказе полное фиаско потерпели надежды фашистских вождей, рассчитывавших на активную поддержку местного населения, особенно казачества и горских народов.

За последние два десятилетия не только события текущего момента, но и проблематика исторического прошлого чеченского народа является одной из самых востребованных. В СМИ, тиражи которых составляют миллионы экземпляров, в тысячах книг она обсуждается с небывалым размахом. Естественно, этому очевидному явлению есть логическое объяснение. Чечня уже более двух десятилетий находится практически в эпицентре общественно-

политической жизни многонационального Российского государства. Поэтому немало и тех, кто ищет свое собственное оригинальное объяснение этого феномена, обращаясь и к страницам истории. Вызывает сожаление то, что наряду с серьезными попытками добросовестно разобраться в прошедшем и происходящем, находятся и такие авторы, которые целенаправленно не только искажают, но и фальсифицируют историю чеченского народа, в экзотическом зеркале пытаются представить его этнокультурные особенности, осознанно фабрикуют античеченские высказывания и клеветнические измышления. К таковым относятся, в частности произведения И. Пыхалова, А. Мартиросяна, М. Полторанина.

С нашей точки зрения, практически все, что выходит из-под пера И. Пыхалова, в основном, преследует цель оправдать деяния И. Сталина, реабилитировать его. Его книга «За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации – преступный произвол или справедливое возмездие», с 2008 г. переизданная неоднократно многотысячными тиражами, по сути, является попыткой оправдать чудовищное преступление сталинского режима – депортацию целых народов, в том числе и чеченского. Суть методологических принципов И. Пыхалова находит выражение в его утверждении о том, что «дореволюционную Россию нельзя рассматривать как колониальную державу, притеснявшую нерусских подданных». При этом он уверен в том, «что и чеченцы нашли бы со временем достойное место в семье российских народов». Но для этого, по его мнению, им следовало «отказаться от прежнего разбойного образа жизни». Таким образом, если согласиться с авторскими рассуждениями, то получается, что царские наместники вовсе не стремились покорить вольнолюбивых горцев, а пришли на Кавказ с благородной миссией: перевоспитать «туземцев», как эллины варваров. Видимо, и Сталин руководствовался этими же «благородными» целями. 17 ноября 1920 г. с трибуны съезда народов Терской области, отвечая на вопросы делегатов, он заявил: *«Автономия должна вас научить ходить на своих собственных ногах, в этом цель автономии»* [4]. Кстати, на этом же форуме Сталин говорил: *«Давая вам автономию, Россия тем самым возвращает вам те вольности, которые украли у вас кровопийцы цари и угнетатели царские генералы»* [5].

Так же «оригинальны» реконструкции И. Пыхалова исторических событий времен Гражданской войны и последующих лет. Любые действия чеченцев, в той или иной степени несогласующиеся с политикой официального режима – царского, временного, большевистского, красного, белого, зеленого – в понимании Пыхалова заслуживают лишь карающей оценки.

Касааясь темы депортации чеченцев и ингушей, И. Пыхалов убежден, что «большинство чеченцев и ингушей призывного возраста уклонились от воинской службы или дезертировали». При этом он склонен практически все взрослое чечено-ингушское население обвинить в пособничестве дезертирам, бандитам, в их укрывательстве, в недонесении. Вместе с тем он умышленно умалчивает о том, что уже с весны 1942 г. чеченцы и ингуши в соответствии

с директивами Государственного комитета обороны СССР были зачислены в списки т.н. «непризываемых национальностей». И. Пыхалов не сомневается в том, что «с точки зрения формальной законности кара, постигшая в 1944 году чеченцев и ингушей, была гораздо мягче той, что полагалась им согласно Уголовному Кодексу. Поскольку в этом случае практически все взрослое население следовало расстрелять или отправить в лагеря. После чего из республики по соображениям гуманности пришлось бы вывозить и детей» [6].

Не менее циничны выводы и другого автора, А. Мартиросяна, откровенно выступающего в роли апологета не только И. Сталина и Л. Берии, но и того тоталитарного режима, высшими руководителями которого они являлись. А. Мартиросян не скрывает, что он вдохновлен «потрясающе блестящей» книгой И. Пыхалова. Поэтому их суждения и выводы практически идентичны по всем параметрам. А. Мартиросян так же убежден в том, что если бы высшее советское руководство во главе со Сталиным «ввиду особой массовости всевозможных злодейских преступлений», совершенных в годы Великой Отечественной войны многочисленными представителями депортированных народов «с одобрения едва ли не абсолютного большинства самих же этих народов», приняли бы решение «поступить с этими негодьями и преступниками в строгом соответствии с действовавшим тогда законодательством и с учетом специфики военного времени, то к стенке пришлось бы ставить практически все мужское поголовье этих народов!» [7]. И А. Мартиросян не сомневается, что это было бы «действительно справедливое и более чем заслуженное возмездие» [8]. С учетом объема статьи мы вынуждены ограничиться этими констатациями. Но отметим, что автор до самого конца изложения собственных оценок последовательно продолжает подтасовку и фальсификацию фактов, преследуя ту же цель, что и И. Пыхалов: оправдать сталинско-бериевские преступления против целых народов.

С. И. Линец, занимающийся серьезным исследованием вклада народов юга России в разгром немецких агрессоров, использует следующие интересные данные: «К осени 1942 г. немецкая армия захватила территорию Северного Кавказа общей площадью около 240 тыс. кв. км. [территория Чечено-Ингушетии в то время – около 15,7 тыс. кв. км. – *Ш.Г., А.Б.*], на которой в это время проживало около 7 млн человек. По оценкам гитлеровцев на этих оккупированных землях находились 32 города из 36, существовавших на Северном Кавказе к лету 1942 г. В том числе: в Краснодарском крае – 13, в Ставропольском крае – 13, в Кабардино-Балкарии – 2, в Калмыкии – 1, в Северной Осетии – 2 и в Чечено-Ингушетии – 1». Общая численность населения Чечено-Ингушской АССР в рассматриваемое время не превышала 700 тыс. чел. (по переписи 1939 г.). На территории Чечено-Ингушской АССР был оккупирован небольшой городок нефтяников – Малгобек, который в настоящее время заслуженно носит почетное звание «Город воинской славы». Возникает закономерный вопрос: «Каким образом чеченцы и ингуши в массовом порядке могли сотрудничать с немецкими оккупантами, если

ее территория практически не была оккупирована и здесь не были созданы фашистские органы власти?» [9].

По данным архивных источников, только за три с половиной месяцев с начала войны особыми отделами НКВД и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла было задержано 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта. Из них оперативными заслонами особых отделов задержано 249 969 чел., заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла – 407 395 военнослужащих. Из этого числа по постановлениям особых отделов и по приговорам военных трибуналов было расстреляно 10 201 чел., из них 3321 чел. – перед строем [10].

По данным, которые приводит Н. Бугай (со ссылкой на сведения отдела борьбы с бандитизмом НКВД СССР), в 1941–1943 гг. в СССР была ликвидирована 7161 повстанческая группа (54 130 чел.), из них на Северном Кавказе – 963 группы (17 563 чел.). В первой половине 1944 г. в СССР было пресечено действие 1727 групп (10 994 чел.), из них на Северном Кавказе – 145 (3144 чел.) [11]. За три года войны численность дезертировавших и уклонившихся от службы в армии составила, соответственно, 1 210 224 чел. и 456 667 чел., а всего 1 666 891 чел. [12].

В справке, направленной 2 ноября 1944 г. в ЦК ВКП(б), первый секретарь Кабардинского обкома ВКП(б) Н.П. Мазин, избранный на эту должность в апреле 1944 г., а до этого возглавлявший Северо-Осетинский обком партии, информировал руководство о том, что жителями одного из горских районов в *«качестве подарка Гитлеру передан лучший племенной жеребец в золоченой сбруе и с дорогим седлом с серебряной отделкой»* [13]. Есть основание утверждать, что злополучного «белого коня» не дарил ни один из народов, в 1943–1944 гг. по ложному обвинению подвергнутых депортации.

В 2010 г. в Москве издана книга «Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса» тиражом 10 тыс. экземпляров. Автор – бывший ельцинский соратник М. Полторанин, занимавший посты министра и вице-премьера. Этот новоявленный знаток «чеченской души», задавшись целью дискредитировать вайнахские народы, тоже не брезгует никакими клеветническими измышлениями и фальсификациями. Он безапелляционно заявляет, что нападение фашистов на СССР вайнахи, т.е. чеченцы и ингуши, посчитали подарком Аллаха. При этом он утверждает, что за «первые три года войны около 63 тысяч вайнахов дезертировали из армии и уклонились от призыва, схоронившись в горах». Эту цифру выдумал некий Чуев. Ее недостоверность признает даже Пыхалов. Но, несмотря на это, на нее ссылается Полторанин [14].

Для названных авторов не имеют значения выводы XX съезда КПСС, последующие решения ЦК КПСС и Верховных Советов РСФСР и СССР. Если принять их логику, то несостоятельными нужно признать и все законодательные акты, принятые в 1980–1990-е гг. и направленные на реабилитацию жертв сталинских репрессий, в том числе и депортированных народов. Их труды подпитывают существующие этнические стереотипы, способствую-

щие разжиганию межнациональных противоречий. Поэтому объективная оценка исторических фактов имеет исключительно важное значение в плане не только академическом, но и практическом.

Примечания:

1. Пыхалов И. Великая оболганная война. М., 2005; Его же. За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации – преступный произвол или справедливое возмездие? М., 2008; Сеницын Ф.Л. За русский народ! Национальный вопрос в Великой Отечественной войне. М., 2010; Максудов С. Чеченцы и русские. Победы, поражения, потери. М., 2010.
2. Videоблог Дмитрия Медведева. URL: blog.kremlin.ru.
3. Байрамуков И.Х. Субъективный фактор в депортации и реабилитации карачаевского народа // Репрессированные народы: история и современность. Материалы республ. науч. конф. Карачаевск, 2003. С. 16.
4. Сталин И. Съезд народов Терской области 17 ноября 1920 г. // Соч. Т. 4. М., 1947. С. 406
5. Там же. С. 401.
6. Пыхалов И.В. За что Сталин выселял народы?... С. 295.
7. Мартиросян А. От славы к проклятиям. 1941–1943 гг. М., 2010. С. 217.
8. Там же.
9. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). 2-е, перераб. изд. Пятигорск, 2009. С. 171.
10. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 89. Оп. 18. Д. 8. Л. 1.
11. См.: Бугай Н.Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов. // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 33.
12. См.: Бугай Н.Ф., Броев Т.М., Броев Р.М. Советские курды: время перемен. М., 1993. С. 59, 60.
13. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 88. Д. 614. Л. 3.
14. Полторанин М. Власть в тротильном эквиваленте. Наследие царя Бориса. М., 2010. С. 196.

С.М. Сивков

**НОВЕЙШАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
НА КУБАНИ (2012–2013 гг.)**

Великая Отечественная война – одно из тех редких исторических событий, память о которых не стирается со временем. Все дальше и дальше уходят от нас июнь 1941 г. и коренной перелом в войне; все меньше остается среди нас победивших в той войне ветеранов. Однако память о событиях более чем

70-летней давности никуда не ушла; она остается с нами, порождая ожесточенные споры, влияя на общественные настроения и даже на международную политику.

Не ослабевает интерес к тем далеким событиям со стороны многих профессиональных историков и краеведов. Существенный вклад в развитие современной кубанской историографии Великой Отечественной войны сыграла Международная научная конференция «Народы России в Отечественных войнах», которая прошла 6–7 сентября 2012 г. в ЮНЦ РАН. В изданном к началу конференции сборнике были опубликованы многочисленные материалы по данной тематике, в том числе работа И.В. Киселева об отражении истории Кубани военного времени в картах [1]. О.В. Ратушняк рассмотрел проблему участия казаков в войне на стороне Третьего рейха [2]. М.Ю. Макаренко и Ю.В. Вшивцева обратили внимание на социально-экономическую политику оккупантов на территории Кубани [3]. С.А. Санеев раскрыл боевой путь 353-й стрелковой дивизии [4], Н.Ф. Бугай – участие кубанских казаков в строительстве транспортных коммуникаций в период Великой Отечественной войны и послевоенное время [5].

В коллективной монографии известных специалистов А.Ю. Безугольного, Н.Ф. Бугая, Е.Ф. Кринко получили осмысление вопросы историографии и источниковедения истории Великой Отечественной войны на Северном Кавказе, в том числе и на Кубани [6]. В ней показаны особенности организационно-мобилизационной работы в национальных регионах Северного Кавказа, практика приема горцев в ряды РККА, их деятельность в тылу и на фронте, социально-экономическая политика оккупантов и ее результаты, вопросы оккупации и коллаборационизма, а также депортации части северокавказских народов в годы войны. Монография снабжена довольно объемным списком источников и литературы, посвященной Великой Отечественной войны на Северном Кавказе.

Многие события той войны остались в человеческой памяти, в том числе оборонительные бои за Краснодар летом 1942 г. Серьезными испытаниями для кубанцев стала оборона Краснодара 7–14 августа частями 56-й армии Северо-Кавказского фронта. В 2013 г. издана небольшая книга Б. Оленского, рассказывающая об оборонительных боях в районе Краснодара с 1 по 17 августа 1942 г. [7]. Он также опубликовал об этом статью в газете «Краснодарские известия» [8].

На основе документов из фондов Южного, краевого и кустовых штабов партизанского движения, хранящихся в Центре документации новейшей истории Краснодарского края, материалов архивов Управления ФСБ России по Краснодарскому краю и воспоминаний участников партизанского движения подготовлен очерк «Партизаны Кубани». Здесь подробно рассматриваются обстановка в крае, сложившаяся перед его оккупацией, организация и деятельность партизанских отрядов. Авторскому коллективу удалось снабдить издание приложениями, содержащими сведения о партизанских отрядах

Краснодарского края, действовавших в период его оккупации фашистскими войсками в августе 1942 г. – сентябре 1943 г. и результатах их боевой работы. Данное издание – одна из первых попыток проведения глубокого анализа партизанского движения на Кубани на основе рассекреченных документов. В частности, в очерке отмечено участие в нем сотрудников органов государственной безопасности: «В 7 штабах партизанских кустов и 72 партизанских отрядах (из 86) было более 130 сотрудников государственной безопасности, причем 9 из них были заместителями командиров партизанских кустов, 4 – командирами партизанских отрядов и 57 – заместителями командиров партизанских отрядов (в основном по разведке и связи)» [9].

Е.И. Журавлев [10] и Н.А. Гаража [11] рассматривают различные аспекты политики нацистов на оккупированной территории Кубани: пропаганду и террор, деятельность коллаборационистов. В ряде публикаций рассматриваются вопросы восстановления разрушенного войной хозяйства. К ним можно отнести статьи Н.В. Селюниной [12], Е.Ю. Седого [13]. Работа П.И. Капустина посвящена роли органов НКВД в восстановлении экономики Кубани [14], а Н.А. Чугунцова раскрывает деятельность органов власти Северного Кавказа по обеспечению правопорядка в условиях Великой Отечественной войны [15].

Таким образом, интерес к событиям Великой Отечественной войны на Кубани не пропадает, о чем говорят упомянутые публикации, вышедшие в свет за последнее время. Хотя само количество работ по данной проблематике невелико.

Примечания:

1. Киселев И.В. Образ Великой Отечественной войны на Кубани в исторических картах // Народы юга России в Отечественных войнах. Материалы Международ. науч. конф. (6–7 сентября 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2012. С. 437–441.
2. Ратушняк О.В. Казаки на стороне Третьего рейха // Там же. С. 128–133.
3. Макаренко М.Ю., Вшивцева Ю.В. Социально-экономическая политика оккупационных властей на Кубани (1942–1943 гг.) // Там же. С. 192–197.
4. Санеев С.А. Рожденная в Новороссийске: боевой путь 353-й стрелковой дивизии // Там же. С. 96–100.
5. Бугай Н.Ф. Кубанские казаки в строительстве транспортных коммуникаций в период Великой Отечественной войны и послевоенное время // Там же. С. 103–106.
6. Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 2012.
7. Оленский Б. На краснодарских рубежах (оборонительные бои в районе Краснодара 1–17 августа 1942 г.). Краснодар, 2013.
8. Оленский Б. Бои за Краснодар // Краснодарские известия. 2012. 31 августа, 7 сентября.

9. Партизаны Кубани. По материалам архивов УФСБ Краснодарского края и Центра документации новейшей истории Краснодарского края. Краснодар, 2012.
10. Журавлев Е.И. Политика нацистов по развитию коллаборационизма и попытка ее реализации на Юге России в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Научная мысль Кавказа. 2012. № 1. С. 60–65.
11. Гаража Н.А. Пропаганда немецкой культуры в период оккупации Краснодарского края и Адыгейской автономной области как фактор добровольной вербовки восточных рабочих в третий рейх // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 4. С. 21–24.
12. Селюнина Н.В. Особенности восстановления материальной базы речного флота транспорта Юга России в период Великой Отечественной войны // Научная мысль Кавказа. 2012. № 2. С. 85–89.
13. Седой Е.Ю. Краснодарский край в восстановительный период 1943–1945 гг.: задачи и перспективы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 4. С. 47–48.
14. Капустин П.И. Роль органов НКВД в восстановлении экономики Кубани в 1942–1945 гг. // Там же. № 1. С. 39–42.
15. Чугунцова Н.А. Деятельность органов власти Северного Кавказа по обеспечению правопорядка в условиях Великой Отечественной войны // Там же. С. 92–98.

Л.А. Терушкин

ПОИСК И ИЗУЧЕНИЕ ФРОНТОВЫХ ПИСЕМ АРХИВОМ НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОГО ЦЕНТРА «ХОЛОКОСТ»

Поиск и изучение писем, дневников и других документов личного происхождения периода 1939–1945 гг. составляют одно из главных направлений деятельности Архива Научно-просветительного центра (НПЦ) «Холокост». На протяжении 20 лет эта работа ведется постоянно, прежде всего, в плане комплектования архива. Но последние 7–8 лет собирание, изучение и использование именно эпистолярных документов стало самостоятельным и целенаправленным.

Выход в свет двух выпусков сборника «Сохрани мои письма...» в 2007 и 2010 гг. [1], их широкое распространение и популяризация создали благоприятные условия для дальнейшего пополнения архива: с 2007 г. по 2013 г. из России и других бывших республик СССР, а также дальнего зарубежья поступило свыше 1,1 тыс. новых документов. При этом только часть из них служила продолжением ранее переданной переписки, большинство писем и дневников принадлежало новым авторам. Живой пример, что предоставленные материалы (письма, дневники, очерки, литературные наброски, сти-

хи, фотографии, личные вещи) не просто «осели» в фондах и коллекциях, оказался очень убедительным и продолжает работать до сих пор. Мы всегда старались найти какой-либо способ использовать поступившие документы (публикации, выставки, предоставление материалов исследователям – отечественным и зарубежным) и информировать об этом тех, от кого они поступили. Это способствовало тому, что пошла «цепная реакция» – к нам стали обращаться друзья и знакомые тех, чьи материалы изучались и использовались нами. Таким образом, Архив НПЦ «Холокост» пополнил не только существующие коллекции, но и получил еще ряд самостоятельных личных фондов.

Публикации писем способствовали тому, что некоторые их авторы написали воспоминания. Некоторые – Л.А. Гурвица, П.Л. Бограда – вышли отдельными изданиями при участии НПЦ «Холокост» [2]. Публикация письма партизанки Симы Кричевской [3] повлекла за собой ряд экспедиций сотрудников Архива НПЦ «Холокост» вместе с родственниками героини в Брянск для изучения подробностей ее подвига. Результатом стали выявление новых имен партизан-евреев, установление мемориальной доски в честь партизанок С. Кричевской и Е. Янек в одной из школ г. Брянска и подготовка книги о партизанах Бежицы (Брянска).

В сборник 2007 г. были помещены письма инженера М. Адливанкина, погибшего в январе 1942 г. под Москвой [4]. Они были предоставлены его дочерью Н. Адливанкиной в 2006 г. После публикации она передала в НПЦ «Холокост» архив своего отца – фронтовика А. Хавкина, автора-составителя ряда материалов для «Черной книги» И. Эренбурга. Именно в его архиве мы обнаружили рукопись «Положение евреев при “новом порядке” гитлеровских оккупантов в 1941–1943 гг.» педагога-подвижника и историка-краеведа Елены Ивановой (поселок Дубровка Брянской области). Сейчас эта книга вышла в серии «Российская библиотека Холокоста» [5].

При содействии коллег из Музея Рижского гетто и общины «Шамир» к нам поступила уникальная коллекция (почти 290 ед.) фронтовых писем Исаака Моисеевича Рабиновича (1911–1977) – известного в Риге до войны и в послевоенные годы ученого-математика, выдающегося популяризатора математических и астрономических знаний. Он успел вместе с семьей покинуть Ригу до прихода германских войск, сражался в рядах 201-й Латышской стрелковой дивизии. Как математик был направлен в топо-вычислительный взвод 220-го артиллерийского полка. В письме от 31 декабря 1941 г. жене в эвакуацию отмечал: *«Война – с точки зрения отдельного человека это Ужас с прописной буквы! И я в этом ужасе нахожусь уже порядочное время и убеждаюсь, что война с точки зрения нашего будущего это великая – святая вещь. Я собственными глазами видел ужасы, чинимые этими гуннами. Могу тебя заверить: газетные сообщения скорее преуменьшение, чем преувеличение того, что творят эти негодяи. И я очень несчастен, что физическая неразвитость не позволяет мне еще активнее участвовать в создании ужаса для фашистов.*

А мы их гоним. Гоним в шею, в хвост. Гоним чем и как попалю» [6]. После ранения, судя по письмам, в начале августа 1942 г. Рабинович стал рентгенотехником и рентгено-фотолаборантом – довольно «дефицитная» специальность в военно-медицинской службе в то время. Осенью 1944 г. был назначен главным рентгенотехником фронта.

В 2010–2012 гг. сотрудники Архива НПЦ «Холокост» проводили работу по поиску эпистолярных документов в государственных архивах в Биробиджане, Брянске, Томске. Они были обнаружены как в личных фондах, так и в тематических коллекциях. Так, в частично, к сожалению, сохранившемся фонде «Микрофонный материал Биробиджанского радиокомитета ЕАО за 1942» г. Государственного архива Еврейской автономной области (далее – ГАЕАО) нашлись распечатки радиопередач с использованием писем с фронта: *«Дорогие родители! Пишу это письмо с пути следования в город Калинин. Завтра думаю добраться до места и еще днем позже вступить опять в самую настоящую боевую жизнь. Здоровье мое хорошее. Опять начинаю, как и раньше громить врага. Первые девять месяцев войны для меня прошли не даром. На своем “расчетном счете” я имею уже не одного погребенного фрица. Счет, конечно, будет с каждым днем увеличиваться. Так что, если и не вернусь домой, то моя жизнь будет искуплена. На днях по радио слышал весточку о родном Биробиджане. Передавали сообщение об еврейском антифашистском митинге. Очень был рад услышать знакомые имена, передайте им всем привет от фронтовика-политрука Фуксмана. Когда возвращусь домой с победой, будет много о чем вам рассказать. Целую Вас всех. Сема»* [7].

На фронт уходили целыми семьями – отец, сыновья, дочери. В семье Карпуль из Ростова-на-Дону воевали (и, к счастью, вернулись живыми) трое. Борис ушел на фронт добровольцем 23 июня 1941 г., а закончил ее в звании подполковника. Его брат Яков – лейтенантом. Сестра Цецилия была военным врачом 3-го ранга. В письме из Ленинграда от 30 июня 1941 г. к родным в Ростов Я. Карпуль сообщал: *«Ты помнишь, мама, как жили евреи при царском режиме, как топтал, угнетал, калечил и убивал этот проклятый режим нас, евреев. Разве фашизм лучше, нет, он в сто крат жесточе, более изощренней в своих издевательствах над малыми нациями и народностями. А разве наши дети, наша радость жизни могут получить толику свободной мирной цветущей жизни – нет, никогда этого не может быть. Счастье наших детей должно быть нерушимо и мы – отцы, матери, сестры и братья должны своей грудью защищать эту жизнь для них»*.

Далее он писал: *«Я с радостью подал заявление 22.06. о посылке меня добровольцем на фронт. Сегодня ночью вызвали в военкомат. На днях я пойду в гущу тех. Кто рядом со мной будет отстаивать свободу нашей земли, счастье нашим дорогим детям. Как львы мы будем драться с озверевшим подлым врагом. Нет сомнения в том, что победа будет за нами, что враг будет уничтожен, что снова зацветет наша хорошая, наша прекрасная жизнь, жизнь*

свободных советских граждан. Десятки тысяч сынов и дочерей нашей Родины погибли в борьбе за это счастье, в борьбе за наше правое дело – но фашизма на нашей земле не бывать, не бывать никогда, Н И К О Г Д А. Прощайте мои дорогие, любимые, жаль только, что так нам и не удалось увидеться за четыре года разлуки» [8]. Автор этого, по сути прощального письма, вероятно, хотел как-то подготовить близких к тому, что мог не вернуться.

Заведующий кафедрой математики в одном из львовских вузов Алексей Гершгорн в начале войны командовал двумя огневыми взводами. Закончил войну майором, заместителем начальника штаба 5-й отдельной истребительно-противотанковой артиллерийской бригады. Его «Дневник сталинградца» – бесценное свидетельство непосредственного участника и очевидца событий. Первая часть дневника была начата в ноябре 1941 г. и закончена в августе 1943 г. Дневник и коллекция писем поступили от его родных из Израиля при активном содействии представителя НППЦ «Холокост» Г. Рейхмана. Приведем его фрагмент: «28 мая 1942 г. С утра вели пристрелку. Часа в 4 дня открыли беглый огонь по колонне. Как передали в НП наши снаряды попадали в цель. Прошла пара минут, и батарея выпустила около 40 снарядов. Когда с наблюдательного пункта передали, что мы “набили много фрицев” (излюбленное выражение комиссаров) меня сначала охватил восторг, а через несколько минут настроение резко изменилось. Черт знает что такое?! Ведь несомненно, что националистическими идеями проникнуты не одни главари фашистской партии и вина за пролитую иудейскую кровь падает и на широкие немецкие массы. Ведь почти достоверно, что мои сестры погибли, и, прежде всего, за то, что они иудеи, тем не менее в груди у меня нет ненависти к немцу, как к таковому. Черт знает, что за великий народ! Даже тогда, когда на арену истории он выступает как носитель зла, и тогда он, в известном смысле, внушает к себе уважение» [9].

Какое же место занимает «еврейская тема» в публикуемых документах? Действительно ли советские воины-евреи осознавали свою национальность и отношение нацистов ко всему еврейскому народу только тогда, когда оказывались в плену? Могли ли они не знать о фактах уничтожения и преследования евреев, освобождая города, где были гетто и лагеря смерти? Неужели не придавали этому значения, слушая обязательные рассказы политработников, читая с осени 1941 г. информации о Бабьем Яре, статьи И. Эренбурга, очерки А. Толстого и К. Симонова?

Большинство писем и дневников написаны в режиме «реального времени», в условиях военной цензуры и самоцензуры. На первый взгляд, они дают немного информации о еврейской самоидентификации в годы войны. Большинство авторов – молодые люди, окончившие нееврейские школы и вузы; многие – комсомольцы и члены коммунистической партии. Прежде всего – они патриоты своей страны, ненавидящие нацизм. Рядом с ними сражалось немало людей других национальностей, и у них тоже «враги сожгли родную хату, убили всю его семью».

Самоцензура отчетливо видна в дневниковых записях Э. Гурвича (сентябрь 1941 г.) [10]. Автор практически везде называет национальность своих нерусских товарищей по партизанскому рейду: «*татарин-крымчак Абибулаев*», «*отчаянный украинец Доценко*», «*поляк, москвич Экерт*». А вот Липский назван «*младшим лейтенантом*»; у Абрама Курдавера его очевидная национальность также не указана (как и автора дневника). А И. Рабинович постоянно перечисляет проходящих вместе с ним службу в Кирове рижан-евреев: «*Мы все так скучаем по Риге, что готовы на все, чтобы только поскорее вернуть ее назад в Союз*» [11].

О судьбах родных в оккупации и политике преследования евреев прямо или косвенно упоминают не более 20 % авторов. Тем ценнее те записи, которые показывают чувства и мысли о Холокосте части еврейских бойцов и командиров.

Окончивший еврейскую семилетку Гершгорн употребляет слова на идиш «*бен шлошим*» (тридцать) и его самоидентификация не вызывает сомнений. Этот дневник, пожалуй, самый «еврейский», хотя для сослуживцев бесстрашный командир артиллерийской самоходки явно свой. «*А ты совершенно не похож на еврея*», – сказал автору его фронтовой друг [12]. На третий день ведения дневника, в разгар битвы за Москву, автор задумался о судьбах своего народа: «*Ночью мне приснился какой-то странный и довольно грустный сон: я нахожусь в большом зале на каком-то собрании. Перед собравшимися выступает старая еврейская писательница. Она рассказывает об ужасах, которые немцы творят с еврейским населением... До утра я не спал, стараясь разрешить проклятую загадку: почему из всех народов Бог “выбрал” именно мой?*» [13]. Далее он сделал удивительный для советского офицера вывод: «*Ему нужна Земля, которой он, как тот великан, мог бы касаться, набираясь свежих сил*» [14].

Одессит Давид Гельф вспоминал осенью 1941 г.: «*Сегодня видел фильм “Профессор Мамлок”. Как жаль, что этих гадов мы не раздавили раньше. Как нужно жечь и убивать эту коричневую чуму – фашистов! Здесь я иногда встречаю одесситов, и глаза наливаются кровью, когда вспоминаешь о гнете и ужасах Одессы*» [15].

В Архиве НПЦ «Холокост» есть письма горских евреев (татов). Среди них выделяются письма одного из основоположников советской татской поэзии Мануваха Дадашева. С 1931 по 1933 гг. М. Дадашев учился в Москве на рабочем факультете при Московском институте философии, литературы и истории. В то время при Центральном издательстве была создана татская секция, а при ней – татский литературный кружок. Дадашев работал в молодежной газете «Комсомолец Дагестана», затем опять в редакции татской республиканской газеты «Захметкеш» ответственным секретарем. Несколько его писем были опубликованы в газете «Дагестанская правда» в ноябре 1943 г. уже после гибели Дадашева при освобождении Донецка: «*27.01.43... Вы не можете себе представить, друзья, как вы меня порадовали вестью об Авалумове. Итак,*

наш Хизгил участвовал в освобождении Пятигорска. Вы пишете, он занял второе место в полку по джигитовке. И где? В частях Кириченко, среди казаков! Тот самый маленький Хизгил, который сидел в Институте над рукописями и никогда не сидел на коне. Воистину война творит чудеса. Пишите подробнее о его ранах, о лечении, обо всем» [16].

В письме из освобожденного Ростова родным в Дербент он сообщал: *«18.02.43. Да, товарищи, вы можете мне завидовать. Настали наконец-то дни нашего праздника, и мы, испытавшие горечь отступления в полной мере наслаждаемся нашей победой. Милый друг, я и передать тебе не могу радости и счастья, которые пережил за два дня пребывания Ростове. Нас целовали на улицах девушки, нас носили на руках. Ради одних только этих дней стоило мучиться, страдать, переживать все невзгоды. Я счастлив, и только чудовищные следы зверства немцев отравляют радость победы. Они разрушали все. В зоологическом саду 14 тысяч расстрелянных евреев Ростова. Я видел, и в ненависти сжимал кулаки. Женщины и дети, дети, дети... Было только желание у нас отомстить! И было только утешение – это трупы немцев, которые мы видим повсюду. Целые горы трупов. Я видел, как из некоторых из них вездесущие ростовские мальчишки укрепили язвительные таблички: “Завоеватели Ростова!” Видел, как труп фрица грызли собаки. Смотрел и радовался...» [17].*

Поиск и изучение эпистолярных источников важны не только в научных и образовательных целях, но и для увековечивания памяти о героях и жертвах. Публикации писем погибших воинов помогают в поиске их родных и близких. Поступившее в Архив НПЦ «Холокост» в 1998 г. и опубликованное в 2005 г. в московской газете «Еврейское слово» и в 2007 г. в сборнике письмо рядового Мони Шмирина, пропавшего без вести в боях под Киевом в 1941 г., помогло в 2011 г., когда были найдены и опознаны останки солдата, найти его родственников в США.

При изучении документов военных лет мы стремимся максимально уточнить биографические сведения об авторе и адресатах, найти их фото, сведения о жизни до войны, прохождении службы, эвакуации родных. Иногда при этом случаются самые неожиданные открытия, как на фронтовых дорогах пересекаются судьбы самых разных людей (рядовых и довольно известных). Так, во время боев за освобождение Брянска и Рославля в 1943 г. у деревни Рубеженка в ночь с 13 на 14 сентября 1943 г. 18 воинов 8-й роты 718-го стрелкового полка 139-й стрелковой дивизии 10-й армии Западного фронта овладели господствующей высотой и ценою своих жизней удержали ее. Состав штурмовой группы, сформированной по добровольному принципу, был интернациональным. Бок о бок в неравном бою на высоте сражались русские, украинцы, евреи, татарин, осетин. Это о них поэт М. Матусовский и композитор В. Баснер написали песню «На безымянной высоте», прозвучавшую в 1963 г. 16 сентября 1966 г. автор слов и композитор были в числе приглашенных на открытия памятника. На одной из его граней навечно высечены имена шестнадцати «солдат из песни». Среди них – сержант Борис

Давыдович Кигель. А несколько писем Б. Кигеля, присланные его дочерью Татьяной Борисовной были в 2005 г. опубликованы в газете «Еврейское слово». Тогда в 2004–2005 гг. НПЦ «Холокост» организовал сбор и публикацию писем в преддверии 60-летия Победы. По следам многих из этих публикаций мы работаем и сегодня.

При участии сотрудников Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН мы встречались с Т.Б. Кигель, проживающей в Ростове-на Дону. Она рассказала о встречах с М. Матусовским и В. Баснером, когда те писали песню и передала нам 13 сохранившихся писем отца. Почти все из них написаны по дороге на фронт – путь из Новосибирска, где формировалась дивизия, занял много времени. В Новосибирске, куда семья Кигеля эвакуировалась с Украины, оставались его жена и две дочери. Так, из Уфы 28 августа 1943 г. было направлено следующее письмо: *«Здравствуйте мои дорогие котеньки, Леленька и Танюша.*

Еду четверо суток. Вчера перевалили Урал, двинулись значительно медленнее. Вторые сутки идет дождь, протекает потолок почти надо мной, и сегодня думаю не расслабиться ночью. На остановке с моим приятелем Васей два дня варили кашу, едим с одного котелка, сдружились хорошо и решили не расставаться и там, куда это будет возможно... скоро смогу сообщить мой адрес, о вас, любимые мои, думаю, как о самом большом счастье. Не забудьте сфотографироваться и первым письмом послать карточку. Целую моих родных крепко, крепко, крепко, крепко».

Следующее письмо было отправлено 4 сентября 1943 г.: *«Здравствуйте мои любимые дорогие Лелюшка и Танюша. Сегодня 4.9. прибыл на передовую линию, завтра идем в бой. Доехали хорошо, чувствую себя тоже хорошо. Писать постараюсь чаще. Целую крепко-крепко. Любящий вас папка Боря. Мой адрес: Полевая почта 29500»* [19]. До подвига оставалось 10 дней.

В третий выпуск сборника «Сохрани мои письма...» включены 5 дневников и более 200 писем 65 авторов из 7 стран: России, Германии, Израиля, Канады, Латвии, США, Украины. Письма и открытки некоторых из них приведены в качестве иллюстраций. Почти все эти источники в подлинниках, либо в отсканированных копиях хранятся в Архиве НПЦ «Холокост». В публикацию включены также документы из Музея еврейского наследия и Холокоста на Поклонной горе, копии писем, фотографии и изобразительные материалы из государственных архивов и музеев и коллекций еврейских общин из Биробиджана, Великого Новгорода, Томска и других городов России.

Примечания:

1. «Сохрани мои письма...». Сб. писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. М., 2007; «Сохрани мои письма...». Сб. писем евреев периода Великой Отечественной войны. М., 2010.

2. Гурвиц Л.А. Воспоминания фронтового радиста. От КВ-радиостанции – до морских крылатых ракет. СПб., 2008; Боград П.Л. От Заполярья до Венгрии. Записки двадцатичетырехлетнего подполковника. 1941–1945. М., 2009.
3. «Сохрани мои письма...». Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. С. 98.
4. Там же. С. 106–107
5. Иванова Е. Вызывая огонь на себя. Ростов н/Д, 2012.
6. Архив НПЦ «Холокост». Ф. 34. Оп. 1. Ед. хр. 123.
7. ГАЕАО. Ф. 78. Оп. 3. Д. 1. Л. 167
8. Архив НПЦ «Холокост». Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 76.
9. «Сохрани мои письма...». Сб. писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 3. М., 2013. С. 205.
10. Архив НПЦ «Холокост». Ф. 29. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 2.
11. Там же. Ф. 34. Оп. 1. Ед. хр. 160. Л. 1.
12. «Сохрани мои письма...». Сб. писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 3. С. 207.
13. Там же. С. 208–209.
14. Там же. С. 208.
15. Там же. С. 175.
16. Архив НПЦ «Холокост». Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 1.
17. Там же. Л. 4
18. «Сохрани мои письма...». Сб. писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 3. С. 296.

С.А. Хубулова

Осетинская народная песня о героях Великой Отечественной войны

Каждая эпоха нашла отражение в песенной традиции осетинского народа. Это с полным правом относится и периоду Великой Отечественной войны. В осетинском народном творчестве и литературе тема борьбы за свободу имеет свою богатую историю, она органически связана с идеями социальной справедливости, борьбы за свободу личности, за ее национальное, общественное и индивидуальное достоинство.

В народно-поэтическом творчестве осетин среди других жанров богатством исторического содержания отличается историко-героическая песня, в которой идея борьбы является господствующей, источником ее героического пафоса. «Героическая песня, – писал В.И. Абаев, – с давних пор и до сегодняшнего дня является излюбленным и наиболее распространенным видом песенного творчества и песенного исполнения осетинского народа. Наряду с нартовским героическим эпосом героическая песня не только

служила основной формой, в которую выливалось художественное творчество народа, но и выполняла большую воспитательную миссию. На героях этих песен молодежь училась тем качествам, которые составляют идеал свободолюбивого горца: любовь к вольности и независимости, сознанию своего человеческого достоинства, протесту против всякой несправедливости, мужеству, смелости и отваге, тому подлинно героическому духу, который всегда и без колебаний предпочитает славную смерть позору и унижению» [1].

Композиция осетинской народной героической песни весьма оригинальна и интересна. В тексте песни обычно дается только самая общая оценка событий, выражающаяся в обращенных к герою патетических лирических восклицаниях, при этом не всегда взаимосвязанных. Недостаток информативного содержания текста восполняется народными преданиями о воспеваемых в песне героях и событиях. Именно эти предания и раскрывают не только исторические события, отображенные в песне, но и ее сюжет, неотчетливо выступающий в самой песне [2].

Главная цель самого песенного текста – не повествовательная. Его задача – вызвать у слушателей определенную эмоциональную реакцию, способствующую нарастанию драматического пафоса. Авторитет народной песни непрекаем. Удостоиться похвалы поэта было мечтой любого осетина, который больше всего дорожил песенным признанием своего мужества. Героическая песня всегда основана на реальном событии. Это отчетливо проявилось и в период Великой Отечественной войны.

Известие о начале Великой Отечественной войны всколыхнуло все население Осетии. 23 июня 1941 г. в г. Орджоникидзе (в настоящее время – Владикавказ) состоялся 50-тысячный митинг, который продемонстрировал решимость населения оказать достойный отпор врагу. Уже в первый день руководство республики приняло решение о подготовке оборонительных сооружений: было начато строительство глубоко эшелонированной линии по берегам рек Терек – Баксан, в предгорьях и на перевалах Главного Кавказского хребта, в котором приняло участие свыше 30 тыс. уроженцев Северной Осетии. 25 октября был образован Орджоникидзевский комитет обороны. Создавались истребительные батальоны, отряды МПВО, два полка народного ополчения. Только в первые месяцы войны через военкоматы на фронт было призвано более 40 тыс. чел. из Северо-Осетинской АССР. В результате мобилизации, объявленной 23 июня 1941 г. в Юго-Осетинской АО, добровольцами на фронт ушли 893 чел.

Всеобщий народный порыв стал приметой военного времени. Народы Осетии гордятся солдатами и офицерами, которые проявили мужество на полях войны. Среди них генерал армии дважды Герой Советского Союза и Герой Монгольской Республики И.А. Плиев, генерал армии Герой Советского Союза Г.И. Хетагуров, генерал-полковник Герой Советского Союза Х.Д. Мамсуров, майор В.С. Чочиев, генерал-майор Л. Сланов, генерал-

лейтенант А. Харебов и многие другие. Многим из этих славных воинов были посвящены героические песни.

Песни возникали из потребности выразить в поэтической форме преданность родной земле, ненависть к врагам. Традиция агитационных песен восходит к годам Гражданской войны. Все они имели цель сплотить народ перед лицом грозящей опасности. В песнях первого периода Великой Отечественной войны звучат призывные лозунги: «Война началась, борьба началась!». В этом отношении очень интересна «Песня советских героев». В зачине песни певцы передают состояние тревоги, опасности за судьбу своей родины. Призыв партии – встать на защиту страны стал священным и для молодежи Осетии. Для составителей этой песни был совершенно ясен общенародный характер отображаемых событий. Они понимали, что только в единении всех советских народов возможна победа. Из второй части песни явствует, что немцы изгнаны с территории Осетии. Здесь же выражается благодарность всем народам страны, которые оказали большую помощь в изгнании врага.

Прославление конкретных людей – такова основная тема песен другой группы, существенно дополняющих традиционный героический жанр осетинской народной песни. Они строятся в большинстве своем по одному плану. Сначала описание места рождения главного действующего лица, затем драматическое повествование или монолог героя. В заключение певец либо сочувствует герою, если тот погиб, либо выражает гордость за совершенный воином подвиг.

Много народных песен связано с именем Героя Советского Союза Энвера Ахсарова, погибшего в неравном бою с фашистами. Хочется обратить внимание на историческую правдивость событий, изложенных в одной из таких песен. Во фронтовой газете «За нашу Советскую Родину» описывались события, связанные с подвигом Ахсарова: «Ахсаров был в самой гуще боя. Вот он уложил в упор из пистолета двух фашистских офицеров...» [3]. В песне этот факт отражен следующими словами:

*Борьба обострилась, ой, обострилась.
Мужественный Энвер рубил своим мечом,
двум фашистским офицерам снес он головы, ой!*

Полны глубоким лиризмом строки песни, в которых Энвер прощается с родными, друзьями:

*Война началась...
Молодежь Осетии на зов партии с оружием в руках
Без страха как скала встала.
Не бойтесь матери. Не бойтесь отцы,
Не бойтесь друзья. Не бойтесь ровесники.
Мы с победой, с радостью возвратимся.[4]*

В песне много удачных сравнений, например, в последней строке сказители использовали известную пословицу «Лучше смерть, чем позорная жизнь».

Наибольшей популярностью в Осетии пользуются песни об Иссе Александровиче Плиеве, дважды Герое Советского Союза. Нет такого осетинского села, где бы не знали и не пели о нем песни. Для всех этих песен характерно прославление личности генерала Плиева, его подвигов. Певцы старались создать образ героя, используя все богатство осетинской песенной поэтики, стараясь как можно больше приблизить его боевую деятельность к обстановке, в которой жила Осетия в годы войны. Военная биография И.А. Плиева проходила далеко от Осетии, но певцы часто пользовались его именем, его военной доблестью, когда речь заходила об Осетии, когда нужно было поднять дух бойцов, которые сражались, например, в районе с. Майрамадаг.

В песнях описываются боевые подвиги героя, дается их оценка. Певец из с. Джимара Биби Каллагов выражает все это особенно ярко. Он старался представить необычайную, нартовскую смелость Плиева. Даже при чтении текста песни ощущаешь высокий пафос, желание певца выразить свою гордость, свое отношение к герою. Плиев представляется автору песни скачущим впереди огромного войска и вдохновляющим его своими призывами. Это не только поэтический образ героя. Здесь выражены и черты достоверности в действиях полководца. В книге воспоминаний Героя Советского Союза И.М. Дзусова описан такой случай из боевой биографии 1-й гвардейской конно-механизированной группы И.А. Плиева во время Одесско-Бугской операции: *«Были случаи, когда за сутки под ним падало от изнеможения или вражеской пули по три коня. Всюду он сам отдавал приказы, наводил порядок в войсках, вселял в солдат дух бодрости. Как-то раз в тяжелейшей обстановке Плиеву пришел приказ из ставки бросать лошадей и мелкими группами выходить из окружения. Он гордо ответил: “Сюда я приехал на коне, на коне и уйду! Только не домой, а на запад!”»*[5]. Таким предстает Плиев и в песнях:

*Героическая молодежь начинает вон в Берлине стрельбу...
Плиев Исса впереди их,
впереди их, ой!
Ой, горе вам, кровопийцы,
Исса вынул меч Курдалагона,
От дыхания его коня у фашистов,
Падают, как листья, шапки с голов.[6].*

Исса – обладатель меча Курдалагона – знаменитого кузнеца, изготавливавшего мечи, равных которым не было ни по прочности, ни по силе удара. С этим мечом прошел, как поется в песне, Исса до Берлина.

Сказители и певцы, создавая цикл героических песен об И.А. Плиеве, внесли в них ряд традиционных приемов песенного жанра. Таковы клятва героя перед уходом на фронт, строки, посвященные прославлению героя, пожелания счастья. Самую священную клятву – клятву землей – дает Исса, отправляясь на фронт:

*Пусть не впрок мне будет чурек, который
Я ел на осетинкой земле так сладко,
если я когда-нибудь буду равнодушно слушать
С гор, где я родился,
О бесчинствах врагов, стон моей земли.[7].*

В одной из народных песен о Плиеве ее создатель в сугубо повествовательной форме запечатлел в определенной последовательности все его подвиги. Это произведение имеет мало общего с героическим песенным жанром. В нем нет взволнованности и эмоциональности, оно гораздо ближе к историко-эпическому жанру. В то же время новое содержание дано здесь в соответствии с традиционным методом создания героических печен, в соединении с живой тканью осетинской народной поэзии. Все это придает песне глубоко национальный характер.

Героические песни сложили о семи братьях Газдановых, которые сложили свои головы во славу родины. Производит большое эмоциональное впечатление и песня о пяти братьях Каллаговых, которые также погибли. Песня сразу же настраивает на минорный лад – рисует образ мчащегося черного всадника – вестника горя и печали. Затем сообщалось, кому эта песня посвящена:

*О пяти сыновьях Каллагова Татари
В Кадгароне составили героическую песню...*

Каждый из сыновей говорит о цели своей жизни. За словами братьев мы чувствуем великую их силу, любовь к своей Родине, к своим односельчанам. Предпоследний куплет певцы посвятили матери, не дождавшейся своих сыновей. И, наконец, последний куплет выполняет композиционную завершенности:

*По берегу Фиагдона – черная крапива...
По дороге из города в Ардон
Пяти сыновьям Татари поставили
траурные черные флаги!
Ой борьба! [8]*

Сильное впечатление оставляют произведения, посвященные мужеству женщин-горянок. Одна из них посвящена Чабахан Басиевой. Осенью

1942 г. немецкие войска оккупировали некоторые районы Северной Осетии. В г. Алагир немцы арестовали учительницу Ч. Басиеву и предложили ей организовать выпуск фашистской газеты на осетинском языке. Чабахан отказалась работать на врагов и заявила им, что скорее готова умереть, чем сотрудничать. Гестаповцы подвергли ее жестокому истязаниям, а затем расстреляли. Зверски были замучены также брат и мать Басиевой.

*Вечно будет жить твое имя на земле Осетии. Ей!
От жалости к тебе земля наша стонет,
Ой, твое солнце закатилось, ох, горе мне,
В добрый путь, Чабахан Басиева, ей! [9]*

Осетинские народные песни представляют собой исторический источник, которым можно пользоваться для изучения национального характера, мировоззрения, психологии, этики осетинского народа. Каждый из образов, которым посвящены песни, носит ярко выраженную национальную окраску. Герои поставлены в определенные взаимоотношения, их связывают узы товарищества, братства. В идейном и психологическом плане это отличает песни о героях Великой Отечественной войны от дореволюционных, в которых обычно воплощается страдательное начало.

Осетинский песенный фольклор тесно связан с многовековыми традициями художественного мышления народа. Факт преемственности и отбора традиций, их своеобразного применения очень ярко отразился в песнях времен войны. Осетинские народные песни о героях войны являются замечательным источником, оказывающим сильное воспитательное воздействие на молодежь. Сильное образное отражение мужества и героизма наших воинов в деле защиты родной земли не может оставить равнодушным никого.

Примечания:

1. Абаев В.И. Осетинская традиционная героическая песня // Осетинские народные песни. М., 1964. С. 21.
2. Сатцаев Э.Б. Осетинские народные песни. Владикавказ, 2006. С. 6.
3. За нашу Советскую Родину. Сб. статей. Орджоникидзе, 1957. С. 30.
4. Ирон адæмон зарджытæ (Осетинские народные песни). М., 1960. С. 112
5. Антология осетинской поэзии. М., 1960. С. 62
6. Ирон адæмон зарджытæ...С. 127
7. Осетинские народные песни. М., 1964. С. 21
8. Мах дуг. 1962. № 5.
9. Габисова С.З. Осетинские народные песни // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе, 1971. Т. XXVIII . С. 335.

С.А. Раздольский

САМАЯ МИРНАЯ ПРОФЕССИЯ НА ВОЙНЕ (из воспоминаний родителей)

В сентябре 1941 г. войска вермахта приближались к Харькову. В городе и его окрестностях шла подготовка к обороне, принимались меры, направленные на быстрый и организованный вывоз в тыл оборудования заводов и фабрик. Эвакуация промышленного оборудования, ценностей, мирного населения проходила и через село Рубежное Волчанского района Харьковской области, где в то время жила Наташа Мелашич (в будущем ставшая Натальей Никитовной Раздольской – моей мамой). Накануне Великой Отечественной войны она окончила семь классов и собиралась продолжать учебу дальше, но нападение Германии сорвало все планы. Когда началась Великая Отечественная война, 188 жителей села Рубежного ушли на фронт [1].

С октября 1941 г. по июнь 1942 г. прямо через село проходила линия фронта, в результате чего оно было полностью разрушено. К этому времени советские войска завязали упорные бои, чтобы остановить наступление гитлеровцев на рубеже реки Северный Донец. Узкая полоса леса вдоль берега превратилась в арену ожесточенных схваток. Она вся насквозь простреливалась огнем орудий и минометов.

На глазах Наташи немцы сожгли село, расстреливали и вешали советских военнопленных и мирных граждан. Ей, еще совсем девочке, хотелось хоть чем-то помочь двум своим старшим братьям, воевавшим на фронтах Великой Отечественной войны. Она часто думала о том, как найти партизан, чтобы принять активное участие в освобождении родной страны от жестокого врага. Осенью 1942 г. немцы объявили о всеобщей мобилизации и отправке на принудительные работы в Германию советской молодежи 1922–1927 гг. рождения. За неявку на приемный пункт, согласно распоряжению генерального уполномоченного по вербовке рабочей силы, виновные должны были быть строго наказаны, вплоть до расстрела.

Полицай – сельские ребята в возрасте 16–18 лет – помогали немцам в проведении мобилизации. Наташа и ее сестра Анюта успели спрятаться в соседском подвале, который представлял собой простую яму для хранения картошки, накрытую крышкой. Так и просидели они там двое суток. Неизвестно, чем все это могло закончиться, если бы не случай.

Через дорогу от дома, где прятались девочки, жил неприметный старичок, не вызывавший подозрения у немцев. По ночам к нему регулярно приходили наши разведчики, он сообщал о расположении противника, о размещении огневых точек, показывал, как изменяются немецкие боевые позиции. Узнав о том, что у соседки в подвале прячутся девочки, он попросил разведчиков перевести сестер через линию фронта, спасти их от угона в Германию. Разрешение на это было получено.

Часть села, примыкавшая к реке, вернее то, что от него осталось, служила нейтральной полосой. Почти вся эта территория была заминирована. Но разведчики знали проход через минные поля, по которому и переправили сестер в расположение наших войск. По воспоминаниям мамы: *«Когда мы переходили минное поле, немцы нас заметили и начали обстрел. Мы прижмемся к земле, полежим, потом перебежками вперед. Снова прижмемся, полежим – так и проскочили до реки. На берегу нас ждали»* [2]. После переправы девушек отправили в село Писаревка, где располагались советские части. Вначале, как полагалось, они прошли проверку. Только после этого попали в расположение 48-й гвардейской стрелковой дивизии. Сначала сестер направили на работу в медсанбат, где они помогали кормить и ухаживать за ранеными.

Официально призванная на воинскую службу Бурлуцким дивизионным военкоматом, Наташа получила назначение рядовым хлебопеком в 388-ю полевую хлебопекарню 264-й стрелковой дивизии (3-го формирования), которая за боевые заслуги 20 октября 1942 г. была преобразована в 48-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Семнадцатилетняя девчонка на себе носила мешки с мукой, воду для замеса теста, формы, в которых выпекался хлеб. Работать приходилось в две-три смены: неважно, шло наступление или нет, хлеб был нужен всегда. Боевая обстановка складывалась так, что учиться профессии приходилось на месте. Командиром полевой хлебопекарни, в которую попала Наташа, был бывший начальник Харьковского хлебозавода старший лейтенант Муцмахер. Это был настоящий мастер, специалист своего дела. Он и учил всему новобранцев. К концу войны ему присвоили звание капитана.

С начала войны советское командование, понимая значение полноценного горячего питания военнослужащих во время боевых действий, организовывало курсы для работников полевых кухонь. Главный печатный орган Наркомата обороны СССР газета «Красная звезда» писала: *«Прибывающие с фронтов на курсы работники изучают технику приготовления горячей пищи, хлебопечения, складское хозяйство, учет и отчетность, товароведение и другие дисциплины. Курсы имеют учебные хлебопекарню и кухню для варки пищи. Центральные курсы подготовили из числа женщин-добровольцев первую партию поваров-инструкторов для частей действующей армии. Практические занятия проходили в поле в условиях, приближенных к боевой обстановке. Из писем, поступающих с фронтов, видно, что повара-женщины в полевых условиях успешно справляются со своими обязанностями»* [3].

Во время войны питание бойцов находилось под постоянным контролем командиров и политработников [4]. «Красная звезда» отмечала: *«Физически крепкий, здоровый, сытый воин гораздо лучше подготовлен к борьбе, к усилиям и напряжению, чем тот, кого терзает недуг или голод. Поэтому первейшая обязанность всякого командира, от низшего до самого высшего звания – неустанно, денно и нощно заботиться о питании и здоровье бойцов. Такая заботливость будет высоко оценена самими бойцами и в максимальной степени подымет авторитет командира»* [5].

Служба хлебопека заключалась в том, чтобы замешивать хлеб, носить дрова и металлические формы для хлеба, таскать мешки с мукой по 50 кг весом. Работа была не из легких. Тесто месили, как правило, вдвоем. Если было холодно, тесто приходилось укутывать. В полевых условиях в любое время года жили и работали в палатках или строениях, в которых чаще всего оставались одни стены. Здесь ставили печи, заготавливали дрова.

«Помню один случай, – вспоминала мать, – когда на передовой было критическое положение. Из нашего подразделения забрали всех мужчин – мастеров хлебопечения. Через два дня они погибли. Хорошие были ребята, труженики. Нам пришлось научиться обходиться без них. Бывало так, что от работы кожа на руках вся полопается до костей, а месить надо: замешивали-то хлеб только вручную» [6]. Если на фронте поступал приказ об остановке войск, тыловые службы в любой ситуации должны были накормить солдат. Складывали печь, разводили костер, пекли хлеб, в большом котле варили первые блюда, кашу и чай. При этом транспорт в подразделении был один – лошади. Передвигаться приходилось своим ходом, грузились и ехали ближе к передовой. *«Однажды у нас появилась трофейная немецкая печка на колесах. Мы называли ее “выручалка”. Загружаешь туда тесто в формах – время подошло – остановились – выгрузили готовый хлеб, и загружаешь следующую партию, а дивизия в это время продолжает наступать»* [7].

Когда дивизия передвигалась по железной дороге на переформирование, приходилось работать на открытых платформах и на полном ходу печь хлеб. Во время остановок приезжали представители рот и забирали сухой паек вместе с горячим хлебом: *«Получалось не так, чтобы много, но печь приходилось даже на колесах»* [8]. Часто приходилось пробираться и самим на передовую под обстрелом, чтобы доставить бойцам и командирам продовольствие.

После того, как Наталья освоила профессию пекаря, ее назначили поваром, хотя в подразделении были женщины и постарше, и поопытней, а ей шел всего восемнадцатый год. Между тем, весна 1943 г. была очень тяжелой. Стояла отвратительная погода, дивизия наступала на Кривой Рог с жестокими боями. В условиях непролазной грязи солдаты выносили пушки на руках. Во время сильного минометного обстрела села Агновка, под Кривым Рогом, Наталью серьезно ранило в ногу. Ее отправили в медсанбат: *«Операцию делал наш дивизионный хирург Артамошин, он вытащил несколько осколков, точно не помню сколько. Месяц находилась в медсанбате, потом направили в Харьков на вторую операцию. В Харькове хирург сказал: “Тут мы не можем удалить все, рядом сухожилие, будешь с палочкой ходить всю жизнь. Осколок оставили”. После Харькова я вернулась в свою полевую хлебопекарню»* [9]. Этот осколок так и остался в ноге на всю жизнь.

После возвращения из Харькова Наталью перевели в административно-хозяйственную часть (АХЧ). Ее подразделение располагалось при штабе дивизии. В АХЧ была столовая, которая готовила еду для офицеров штаба. Теперь после приготовления обедов Наташе приходилось в термосах везти

пищу на наблюдательный пункт (НП). Штаб и НП располагались обычно в 2–3 км. друг от друга, недалеко от передовой. Тогда она и встретила свою вторую половину – Александра Борисовича Раздольского. Вот как он вспоминает эту встречу: *«Меня контузило. Попал в госпиталь. После излечения возвращался в свою дивизию. Снег, холодно. Смотрю, а по дороге едут сани, запряженные лошадьми. Знакомая девушка ими управляет. Подумал: “Это же она нам обеды привозит на наблюдательный пункт дивизии”. Попросился довести. Вот так и познакомились. Не знаю, почему я ей понравился, ведь у меня все лицо было распухшее, забинтованное, как арбуз. Наверно, смешно выглядел. Да только сердце не обманешь. Вместе дошли до Берлина. Опасности были на каждом шагу»* [10].

Еще одно яркое впечатление оставило само наступление на Берлин: *«Это было в Восточной Пруссии, когда я однажды попала под сильный обстрел. Я привезла еду в штаб, который размещался в двухэтажном доме. Приехала, успела накормить ребят в подвале дома. Только поели, поднялись наверх – началась такая стрельба, такой артобстрел. Снарядом разрушило весь второй этаж. Все ребята, находившиеся на втором этаже, погибли. Здесь и лошадь мою убило, на которой я приехала. Было очень страшно»* [11].

От верной смерти Наташу не раз спасали счастливые обстоятельства и сослуживцы. Однажды спасителем оказался ординарец командира дивизии: *«Помню, ехала на наблюдательный пункт. Стояла удивительная тишина, нигде не стреляют. Мне никто не говорил, где находится НП, сообщали только направление. Удивительно, но я всегда находила верную дорогу, приезжала точно на место. Я еду, не знаю куда. Смотрю, стоит здание. Подъехала, привязала свою лошадку к дереву, захожу. Дверь открываю – и тут ординарец Жорка Громов меня за руку резко хватает и бросает в сторону. И тут же трассирующие пули по стенке. Где-то сидел снайпер и вел прицельную стрельбу. Меня выругали: “Ты зачем приехала?! Зачем наблюдательный пункт нам рассекретила?!” Захожу в подвал – тут мне досталось от командира нашей 48-й дивизии Глеба Николаевича [Корчикова], который вместе с шифровальщиком вел наблюдение через стереотрубу за противником. Передовая находилась на расстоянии не больше километра»* [12]. Этим шифровальщиком и был мой будущий отец – Александр Борисович Раздольский [13].

Приближалась Победа. 2 мая 1945 г. 48-я гвардейская стрелковая дивизия находилась в Берлине. Наталья отправилась в подвал огромного дома, чтобы взять несколько полотенец. Там располагался немецкий склад, от пола до потолка забитый тканями, обувью: *«Чего там только не было – изобилие»* [14]. Но солдатам, не разрешали брать ничего, кроме того, что помещалось в вещевой мешок. На второй день она снова пошла к подвалу, чтобы набрать салфеток и полотенец. Но подвал был уже заперт, а над головой просвистели пули – стреляли откуда-то сверху из окон: *«Это было 2 мая.*

А числа десятого был отдан приказ, чтобы наша дивизия выдвигалась на Прагу. В Праге нас встречала молодежь с цветами. Войны как таковой уже не было, бывали отдельные бои, и когда погибали наши ребята, было очень обидно» [15].

По окончании Великой Отечественной войны 48-я гвардейская стрелковая дивизия своим ходом направилась в город Лида в Западной Белоруссии. Передвигались, кто на чем мог: кто на машинах, кто на лошадях. Прибыв в место постоянного расположения, Наталья осталась служить в АХЧ, потом ее перевели в полевую хлебопекарню, назначили кладовщиком. Здесь она отпускала готовую продукцию. 24 декабря 1945 г. Наташа была снята с воинского учета лидским городским военкоматом. А 3 января 1946 г. Наталья Мелашич и Александр Раздольский зарегистрировали свой брак в загсе белорусского города Гродно.

Свою военную службу Наталья Никитовна Мелашич начала в звании рядового, а закончила гвардии сержантом. Участвовала в освобождении Харькова, Кривого Рога, Бреста, Седлеца, Праги, во взятии Берлина. За освобождение Кривого Рога дивизия, в которой она служила, получила наименование Криворожской, была награждена орденами Красного Знамени, Суворова и Кутузова. К концу войны дивизия стала именоваться 48-й гвардейской Краснознаменной Криворожской орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизией. За военные подвиги орденами были награждены и входившие в ее состав части. Один из полков после взятия Берлина стал именоваться Берлинским, а саперный батальон за освобождение Бреста – Брестским. За время боевых действий Н.Н. Мелашич была награждена орденом Красной звезды, медалями «За боевые заслуги», «За участие в героическом штурме и взятии Кенигсберга», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

По окончании войны Н.Н. Мелашич осталась верна на всю жизнь профессии, полученной на фронте. В течение длительного времени, вплоть до самой пенсии, она работала поваром в детском саду мебельного объединения «Дружба» в г. Майкопе. Но теперь уже кормила вкусными обедами не бойцов и командиров РККА, а детей. На заслуженный отдых ушла в 1985 г.

В советской историографии и мемуаристике широко освещались подвиги и героизм, проявленный гражданами СССР в годы Великой Отечественной войны. Но в этих публикациях крайне редко можно встретить описания переживаний бойцов и командиров, их психологического состояния. Как правило, данные работы носят идеологизированный характер, не позволяя воссоздать атмосферу военного времени, переживания советских военнослужащих. В значительной степени эти задачи позволяет решить обращение к устным источникам – рассказам таких участников войны, как мои родители. Их взгляд направлен не «сверху», из штабов, а «снизу», позволяя восстановить солдатскую правду о событиях Великой Отечественной войны.

Примечания:

1. История городов и сел. Харьковская область. Волчанский район. Рубежное. URL: <http://ukrssr.ru/Harkovskja.obl/Volczanskij.rajon/Rubezhnoe.html>.
2. Респондент: Раздольская Наталья Никитовна, 1925 г.р.. Записана С.А. Раздольским 23 февраля 2013 г. в г. Майкопе.
3. Курсы войсковых поваров. Калининский фронт, 28 мая // Красная Звезда. 1943. 1 июня.
4. Об организации и практиках питания военнослужащих РККА в годы Великой Отечественной войны см. подробнее: Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г. Питание военнослужащих в 1941–1945 гг. // Вопросы истории. 2012. № 5. С. 39–54.
5. Осипов К. Отеческая забота великих русских полководцев о быте солдата // Красная Звезда. 1943. 30 мая.
6. Респондент: Раздольская Наталья Никитовна...
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Респондент: Раздольский Александр Борисович, 1922 г.р. Записан С.А. Раздольским 23 февраля 2013 г. в г. Майкопе.
11. Респондент: Раздольская Наталья Никитовна...
12. Там же.
13. Подробнее о службе А.Б. Раздольского см.: Раздольский С.А. «Воспоминания шифровальщика о Великой Отечественной войне // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: Материалы Международ. науч. конф. (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог). Ростов н/Д, 2010. С. 57–62.
14. Респондент: Раздольская Наталья Никитовна...
15. Там же.

Е.М. Белецкая

**ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В РАССКАЗАХ М.А. АНДРИАСОВА**

События Великой Отечественной войны продолжают привлекать внимание исследователей; при этом применяются новые подходы, используются новые источники. Одно из направлений связано с анализом представлений о войне в массовом сознании, фольклоре, профессиональной историографии и художественных образах [1]. Коренному перелому в ходе войны предшествовали годы оккупации, тяжелых поражений и трагических потерь. Однако героические подвиги советских людей на фронтах и в тылу приближали разгром фашизма. Об этом писали по горячим следам военные

корреспонденты, вспоминали участники Великой Отечественной войны и ее свидетели.

Несомненный интерес представляют сборники рассказов, жанровая природа которых приближается к очерку. Литературные произведения выстроены в них по замыслу автора в определенном порядке. Вместе с тем они различаются по тематике, характеру персонажей, месту и времени описываемых событий, что дает возможность анализировать их в той или иной последовательности. Наиболее приемлемым методом исследования является нарративный анализ, который обеспечивает многоаспектность рассмотрения текста, в том числе дискурс повествователя (как изложение событий, так и высказывание оценок, мнений, комментариев и т.д.) и персонажей. Многообразны и прагматические функции нарратива: идентификационная (говорящий идентифицирует себя как члена определенного социума), информационная, дидактическая (связанная с тем, что говорящий как член социума передает собеседнику некую систему ценностей) и другие [2].

Прагматические функции нарратива способствуют и созданию образа самого автора. Сведения о М.А. Андриасове, авторе сборника рассказов «Считайте меня живым...», который является предметом данного исследования, весьма скупы, хотя лицо автора в отношении к героям, в оценке событий, его встречи с родственниками и друзьями героев отражены в повествовании. Читатель узнает, что родной город автора – Ростов-на-Дону, где родилась и Майя Пелигванова (рассказ «Она – из “Молодой гвардии”»); там же он познакомился в 1960 г. с Героем Советского Союза, летчиком П.Ф. Клятом (рассказ «Крутая бьет волна...»); что он являлся членом ростовской литературной организации. Вместе с советскими войсками 31 января 1943 г. М.А. Андриасов вошел в Майкоп – *«черный от пожаров, полуразрушенный, прижатый горем к земле»*, а в феврале его рассказ о подвиге Жени Попова, расстрелянного в день своего рождения, появился в «Комсомольской правде». О том, что автор рассказа был военным корреспондентом этой газеты, сообщается в письме матери героя, М.С. Поповой, в котором она приглашала его в Майкоп через 26 лет [3].

Сборник рассказов М.А. Андриасова посвящен событиям Великой Отечественной войны, происходившим на юге России в 1941–1943 гг. Исключение составляет первый рассказ – о героях Гражданской войны Ф. Подтелкове и М. Кривошлыкове, возглавлявших революционное казачество, над которыми учинили зверскую расправу белогвардейцы в мае 1918 г., однако он выполняет важную функцию, обозначенную в названии («След поколений»). Задача рассказчика – показать преемственность героизма, готовности отдать свою жизнь в борьбе с врагами. Здесь же сформулированы вопросы, которые волновали автора, когда писательская судьба сталкивала его с лучшими сынами Отчизны или когда он шел по следам павших, ушедших в бессмертие: *«Что такое героизм? Подвиг? В чем состоит существо*

священных традиций русской воинской славы, передаваемых из поколения в поколение и преумножаемых каждым из них?» [4].

Озаглавлен сборник так же, как один из рассказов, посвященный поэту, которого автор называет выдающимся сыном адыгейского народа – журналисту, политруку, Герою Советского Союза Хусену Андрухаеву. Ценой своей жизни он прикрыл отход бойцов, а последней гранатой взорвал себя. Так называлась и книга самобытных боевых стихов адыгейского поэта, вышедшая благодаря К. Жанэ в Майкопе уже после войны. Ее открывает стихотворение «Я буду петь». Это поэзия, полная жизни: *«И если мне трудно придется в бою – /Я песню свою до конца допою, /Мне с нею и смерть не страшна»*. В заключительной фразе автор рассказа подчеркивает, что поэт *«выполнил свой сыновний долг перед Родиной. И потому удивительно правомочно название его звучащих в сердце стихов “Считайте меня живым...”*. Он остался живым в своих стихах!» [5].

Авторская концепция, таким образом, связана с темой памяти о героическом прошлом, значение которой с годами увеличивается. Несмотря на широкий спектр эмоций, вызванных войной, у ныне живущих людей, историческая память рассматривается как отражение в самосознании и ментальности народа духовных ценностей и коллективных представлений исторической эпохи [6].

Героями рассказов являются люди разных национальностей; они сражаются на суше и в море, в действующей армии и в тылу врага. Это солдаты и мирные жители занятых немцами городов, взрослые и дети. Среди героев – Александр Пастухов («Санька Бескозырник»), смысленный парнишка Шурка («В осажденном городе»), третьеклассник Владик Каширин из приморского города, разминировавший продовольственный склад и награжденный за этот воинский подвиг медалью «За отвагу» («Пятьдесят два запала»), и многие другие.

Что же ведет человека к подвигу? Вот выдержки из писем летчика Л.С. Чапчахова с фронта родителям. Первое письмо датировано 5 сентября 1941 г.: *«Живу сейчас одной целью – побыстрее разделаться с непрошенными “гостями”, избавить нашу землю от фашистской нечисти, как можно лучше выполнить свой долг перед Родиной. Дорогие старики, вы можете не краснеть за своего сына»*. В следующем письме, написанном 6 марта 1942 г., появляется новый мотив: *«Видел трупы женщин, детей, стариков, замученных фашистами. Стал злее биться. В каждый вылет мишу фашистам, мишу и буду мстить за все их злодеяния» [7].*

Другой летчик, Платон Клята, равнялся на своего однопольчанина, направившего пылавшую машину на наполненные бензином цистерны противника. Он *«поклонился служить Родине, как Гастелло» [8]*. За мужество, отвагу и храбрость в августе 1944 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Среди его наград два ордена Ленина, орден Александра Невского, два ордена боевого Красного Знамени, орден Красной Звезды, многие медали.

Нередко повествование заканчивает авторская оценка подвига: «Я *рас-сказал легенду о красавице Нице и правду о Сашеньке Назадзе. Правда сильнее легенды*» [9]. В рассказе «Арсен неугомонный» смерть застала героя, военного корреспондента, поэта А. Оганесяна, который прошел от предгорий Кавказа до Бреслау, за две недели до Победы. В последнем абзаце рассказа приведены стихи, написанные Арсеном за два года до войны, заключительные строки которых запомнились автору на всю жизнь: «*Если тучи придут, будет день грозовой, – /Наготове винтовка и штык. /Если пуля сразит, я умру, как герой, – /Ты живи и ликуй, Айреник* [с армянского означает «Отчизна» – Е.Б.]/», и авторское резюме: «*Он сдержал свое слово*» [10].

Нарратив рассказа «В Красновке опаленной...» [11] преимущественно информационный; начинается он с описания величественного мемориала в поселке Тарасовском Ростовской области, посвященного 13 Героям Советского Союза. На рассвете 15 января 1943 г. в атаку поднялся 130-й стрелковый полк 44-й гвардейской стрелковой дивизии. На пути у него находились проволочные заграждения, минные поля, доты, дзоты и ледяной вал, возведенный по приказу немецкого генерал-лейтенанта фон Шредера. Но даже он не остановил наступление роты, которой командовал гвардии лейтенант Ликунов. Понеся большие потери, советские воины прорвались через казавшиеся неприступными немецкие позиции и захватили три небольших домика на окраине поселка. Два офицера, три младших командира, восемь рядовых (автор перечисляет всех поименно) стояли насмерть, удерживая этот рубеж. Советская пехота подошла, когда никого из них не осталась в живых, опоздав буквально на минуты. Заканчивают рассказ о 13 героях стихи уроженца донской земли, фронтового поэта Алексея Недогонова, опубликованные 11 апреля в многотиражной газете 44-й гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизии «Боевой путь»:

*Когда Информбюро о наступлении
Повествовало в хронике войны,
Когда на запад шли подразделения,
Боями штурмовыми стеснены,
В январский день, в упрямстве непреклонном,
Разя врага, за каждый дюйм земли
Тяжелый бой в Красновке опаленной
Тринадцать наших воинов вели.
Вторые сутки в стуже ледяного
И злого ветра – дьявольский напор!
Гвардейцы храбрые Ивана Ликунова
Красновку брали приступом, в упор...[12].*

Информационная функция авторского нарратива (перечень наград, подробности в описании военных действий, приведенные даты и факты), как

видно из примеров, сочетается с эмоциональной оценкой событий, проза дополняется фрагментами стихотворений и песен.

Подвиги совершались не только на фронте, но и на оккупированной территории. В обстоятельной монографии «Вчера была война» В.А. Волошин и В.И. Ратник всесторонне раскрывают материалы, связанные с жизнью Таганрога в годы немецко-фашистской оккупации [13]. Эта тема присутствует и в рассказах М.А. Андриасова, повествующих о подпольщиках Майкопа, Таганрога и Краснодона.

В рассказе «День рождения героя», создавая художественный образ Жени Попова и его друзей-одноклассников, которые резали телефонные провода, соединявшие немецкие воинские учреждения, автор подчеркивает, что, спасая товарищей, мальчик остался один. Немцы стали его обыскивать. Трагизм ситуации подчеркнут риторическим восклицанием автора: *«Ах, Женя, Женя! Как же ты забыл про клещи в кармане твоего пальто?!»* Его начали избивать, угрожали расстрелом, если не назовет имена своих товарищей, но он твердо отвечал: *«Провода резал я один»* [14].

В образе его матери показан и страх за сына, и то, что она ценит его заботу о других – о мальчишке лет десяти, тоже заключенном, о ней самой. Он издали, идя под конвоем рядом с другими на восстановление разбитых дорог, пытался жестами что-то подсказать ей, прикладывая к уху ладонь, свернутую чашечкой. Она не сразу догадалась, что надо спрятать наушники к приемнику, который собирал сын, потому что в любой момент могут нагрянуть гестаповцы с обыском [15].

Четырнадцатилетнего Женю расстреляли в день его рождения, 17 января 1943 г. Рассказ о подвиге юного героя появился в «Комсомольской правде», затем был перепечатан «Пионерской правдой» и многими фронтовыми газетами. О значении этих публикаций читатели узнают со слов демобилизованного солдата, попутчика матери Жени, возвращавшегося из армии в 1946 г. Он вспомнил про «одного хлопца», о котором перед атакой читал солдатам политрук: *«Был он из Майкопа. Пионер. Немецкие провода связи клещами рвал. Фашисты его расстреляли. Мы прочитали про подвиг парнишки, и все бойцы поклялись отомстить за него. Вы про такого не слышали? Звали его Женя Попов...»* [16].

События Великой Отечественной войны в рассказах нередко перемежаются с послевоенными; возникает тема памяти поколений, обозначаются места памяти. Это бюст героя-пионера в школьном дворе и цветы возле памятника. Это школьный праздник, который проводится ежегодно и собирает бывших одноклассников и товарищей героя. Это сама школа, в которой он учился и которая носит его имя – *«живой памятник тому, кого мы не в силах и не вправе забывать, – мальчику-солдату Евгению Попову»* [17].

В ростовской школе № 13 память о герое-летчике, парне из армянского села Мец-Сала, закреплена надписью на мемориальной доске: *«В этой школе учился Герой Советского Союза Чапчахов Л. С., героически погибший*

в боях с немецко-фашистскими захватчиками в 1942 году» [18]. На донском берегу поставлен обелиск, напоминающим ростовчанам о подвиге политрука Александры Назадзе. В память о ней ростовский горисполком присвоил ее имя улице Пролетарской, на которой она погибла. Ей посвящены стихи, написанные известным абхазским поэтом Иваном Торбой, которые приведены в рассказе «Дочь Абхазии» [19].

Память человека хранит поступки людей, бескорыстно помогавших ему в экстремальных ситуациях. Тема благодарности за спасение становится основной в рассказе «Двадцать лет спустя». При уничтожении огневой точки немцев, обнаруженной накануне разведчиками, был ранен Павел Луцковский. Его спасли две женщины: втащили в дом, перевязали рану, переодели, опасаясь немцев. После войны Луцковский долго разыскивал своих спасительниц. Помогли пионеры, следопыты третьей железнодорожной школы г. Ростова: они нашли Вассу Тихоновну Шилину на Портовой улице в доме № 34, а в соседнем доме – семью Григоренковых, и встреча состоялась. Дидактическая функция нарратива здесь очевидна, как и в других рассказах. Автор последовательно выстраивает систему ценностей, определявших героическое поведение людей в экстремальных обстоятельствах. Убедительность повествованию придают имена реальных людей, их адреса, письма. При этом тексты писем представляют собой примеры разных дискурсов, способных конструировать социальный мир коммуникантов – передавать особенности речи, психологическое состояние. Для сравнения – два письма, адресованных машинисту из Сольвычегодска:

1) от Вассы Тихоновны: *«Я часто вспоминаю незабываемые февральские дни 1943 года, наших бойцов-освободителей и думаю – хорошо бы посмотреть теперь на нашего с Григоренчихой “крестного” сына. Павлик, дорогой, очень прошу Вас, приезжайте к нам!»;*

2) от ростовских пионеров: *«Дорогой Павел Федорович! Вашу просьбу мы выполнили и разыскали женщину, которая спасла Вам жизнь. Мы побывали у нее дома, и она рассказала нам о том, как Вы сражались за наш родной Ростов. Мы очень благодарны ей – настоящей советской патриотке, которая смело пошла на смертельную опасность, но сберегла солдата для Родины, да еще в то в то грозное военное время. И Вам спасибо за то, что Вы воевали за нас. Мы, пионеры, даем слово, что вырастем такими же отважными и честными людьми, как Васса Тихоновна и как Вы, Павел Федорович! Непременно приезжайте к нам в гости!»* [20].

Письма военных лет, которые до последнего времени использовались в исследованиях о войне эпизодически, избирательно и иллюстративно, в контексте историко-антропологического подхода современной историографии имеют огромный потенциал [21]. Приводятся тексты писем, адресованных преимущественно родителям и членам семьи, и в рассказах сборника «Считайте меня живым...». Это три письма летчика Л.С. Чапчахова и письмо его жене с официальным сообщением о гибели мужа и присвоении ему зва-

ния Героя Советского Союза, подписанное М.И. Калинин; письмо Саши Назадзе, которая заботится не только о себе, но и об односельчанах: *«Очень прошу тебя, мамочка, часть моих денег по аттестату отдавай соседским детям, отцы которых воюют на фронте»* [22].

Не менее ценными являются и другие тексты, введенные в рассказы: записки из гестапо, надписи на стене («Мама, крепись...»), стихи, прочитанные перед расстрелом: *«Друзья, не печальтесь, друзья, веселее! / Солнце свободы над Доном встанет... / Мы не погибнем, мы смерти сильнее, / Правду никто никогда не убьет!»* Автор приводит клятву комсомольцев-подпольщиков, их *«призывные огненные слова»* под сводками Советского информбюро: *«Родные таганрожцы! Не склоняйте головы перед жестоким врагом! Спротивляйтесь! Всегда помните: любые ваши патриотические подвиги – большие или малые – будут подрывать вражеский тыл, и этим вы окажите помощь родной Красной Армии, ускорите ее приход!»* [23]. Статьи, опубликованные стихи, документы придают достоверность художественному повествованию.

Значительную роль выполняют в сборнике эпитафии. Рассказ о члене «Молодой гвардии» Майе Пегливановой предваряют строки из стихотворения Михаила Светлова, в которых создан собирательный героический образ:

*...Наши девушки, ремешком
Подпоясывая шинели,
С песней падали под ножом,
На высоких кострах горели.
Так же колокол ровно бил,
Затихая у барабана...
В каждом братстве больших могил
Похоронена наша Жанна* [24].

Строка того же поэта является эпитафией к рассказу «Двадцать лет спустя» (*«Ночь стоит у взорванного моста...»*). В качестве эпитафии использовались слова из песни (рассказ «Крутая бьет волна...»), надпись на обелиске: *«Никто не забыт и ничто не забыто»* («Звезда Семена Морозова»), которую подтверждает сообщение о присвоении Морозову звания Героя Советского Союза в 1965 г. и заключительная фраза рассказа: *«Нетленная слава героев»*.

О Семене (Николае) Морозове, возглавлявшем комсомольское подполье в Таганроге, написано немало [25]. К причинам провала подполья исследователи относят отсутствие опыта и предварительной специальной подготовки, многочисленность организации, что повысило вероятность проникновения в ее ряды «чуждых, неустойчивых членов, агентов и провокаторов», наконец, отсутствие материальной базы и налаженной связи [26]. Перечисляя основные события в жизни Таганрога, связанные с деятельностью молодежной подпольной организации (митинг в городском театре накануне оккупации, поджоги, взрывы комендатуры, вагонов с боеприпасами, уничтожение вражеских

солдат и офицеров и предателей), автор рассказа «Звезда Семена Морозова» подчеркивает, что подпольщики-комсомольцы, несмотря на аресты, жестокие пытки, расстрелы товарищей, продолжали бороться с фашистами до самого освобождения города в августе 1943 г. Они оказали активную помощь советским войскам: разминировали депо и железнодорожную линию, сохранили электростанцию на металлургическом заводе.

Таким образом, рассказы М.А. Андриасова, основанные на реальных событиях, написанные часто по горячим следам, сохранили для истории немало дополнительных подробностей, конкретных деталей, подтвержденных письменными источниками и устными рассказами героев и свидетелей Великой Отечественной войны. Сборник рассказов «Считайте меня живым...» являет свидетельства трагических обстоятельств, которые не сломили участников борьбы против оккупантов. Ценой своей жизни они приблизили освобождение. Героический пафос трагических событий, как и художественная форма повествования, усиливает эмоциональное воздействие на читателей, особенно детей и подростков, так как в борьбе против фашистов участвовали их сверстники.

Особое значение в рассказах придается истокам героизма и теме преемственности поколений. Память о героях-земляках воплощается в традиционных школьных праздниках, в проведении торжественных ритуалов в местах памяти; в рассказах, стихах и песнях, посвященных героям. Фактический материал, изложенный в сборнике, является ценным и для истории, и для воспитания подрастающего поколения, ведь и сегодня память о героическом прошлом продолжает оставаться интегрирующим началом российского общества, залогом сохранения связи поколений.

Примечания:

1. Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: материалы Международ. науч. конф. (28–29 апреля 2010 г, Ростов-на-Дону–Таганрог). Ростов н/Д, 2010. С. 5.
2. Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. М., 2011. С. 95, 98, 101.
3. Андриасов М.А. «Считайте меня живым...»: Рассказы. Ростов н/Д, 1985. С. 19, 37, 61, 45–46, 55–56.
4. Там же. С. 3.
5. Там же. С. 66.
6. Гриценко Г.Д., Газарян М.В. Память о Великой Отечественной войне как основа духовного единства российского общества // Война в истории и судьбах народов юга России (к 70-летию Великой Отечественной войны): материалы Международ. науч. конф. (1–2 июня 2011 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2011. С. 307.
7. Андриасов М.А. Указ. соч. С. 14–15.
8. Там же. С. 34.
9. Там же. С. 45.

10. Там же. С. 63.
11. Там же. С. 67–76.
12. Там же. С. 76.
13. Волошин В.А., Ратник В.И. Вчера была война. Таганрог в годы немецко-фашистской оккупации (октябрь 1941 – август 1943 гг.). Таганрог, 2008.
14. Андриасов М.А. Указ. соч. С. 48.
15. Там же. С. 54–55.
16. Там же. С. 56.
17. Там же.
18. Там же. С. 16.
19. Там же. С. 44–45.
20. Там же. С. 24.
21. Тажидинова И.Г. Взаимоотношения фронтовиков с родителями: из опыта Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Семья в традиционном и современном обществе: этнокультурный и социально-исторический опыт: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2013. С. 115.
22. Андриасов М.А. Указ. соч. С. 14–15, 42.
23. Там же. С. 53, 31, 29.
24. Там же. С. 19.
25. Волошин В.А., Ратник В.И. Указ. соч.; Ратник В.И. Таганрогское подполье: причины провала // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества. С. 280–283.
26. Там же. С. 283.

Г. Рейхман

ОТРАЖЕНИЕ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ ИЗРАИЛЯ ИСТОРИИ ХОЛОКОСТА И СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТИ О НЕМ НА ЮГЕ РОССИИ

Современная русскоязычная пресса Израиля – ценный источник изучения трагедии евреев в годы Второй мировой войны и сохранения памяти о ней в современном обществе. Вызванная к жизни большой волной репатриации – Алии (эмиграции) 1990-х гг., она представляет собой не просто дайджест зарубежной и российской периодической печати, но и самостоятельный феномен, достойный изучения. В ней отражаются процессы осознания израильским обществом масштаба Холокоста и сопричастности к нему евреев бывшего СССР и стран постсоветского пространства – СНГ и Балтии, роли Красной армии в разгроме германского нацизма, без чего невозможно было возрождение Еврейского государства. Следует отметить, что отражение темы Холокоста и героизма европейского еврейства в русскоязычной израильской прессе за более чем двадцатилетний срок (до 1989 г. в Израиле существова-

ла, как регулярное периодическое издание, всего одна русскоязычная газета «Наша страна», со временем прекратившая свое существование) уже привлекли внимания профессиональных историков, использовавших ее как источник в своих исследованиях [1].

В конце 1990-х гг. в Израиле выходило пять ежедневных русскоязычных газет: «Время», «Вести», «Наша страна», «Новости недели» и «24 часа». Сегодня остались две основные газеты, заслуживающие внимания. Это ежедневная газета «Вести» с еженедельными («Ветеран и воин», «Вести-2», «Окна») и местными региональными приложениями («Вести – Юг», «Вести – Север», «Вести – Иерусалим»). И еженедельная, а еще несколько лет назад ежедневная газета «Новости недели», также с приложениями («Еврейский камертон», «Время НН» и «Джерузалем пост», содержащим переводы с английского на русский язык из одноименной израильской газеты, совладельцем которой является концерн русскоязычных газет «Новости»).

Аудитория остальных газет полностью «ушла» в электронные СМИ [2]. Серьезным конкурентом «бумажной прессы» стал в последние годы Интернет. Ряд современных публикаций по истории Второй мировой войны и Холокоста нередко представляет собой полные или частичные заимствования из израильских, международных, российских и других постсоветских бумажных и электронных СМИ.

Данная работа посвящена отражению в израильской русскоязычной прессе проблематики Холокоста и героизма евреев в годы Второй мировой войны на юге России за последние годы, что обусловлено возросшим количеством публикаций по данной теме. В периодических печатных изданиях не раз публиковались разнообразные материалы, рассказывающие о гибели евреев на юге России в период нацистской оккупации. В частности, в середине августа 2009 г. в российских электронных СМИ, а затем и в израильской «бумажной» периодике сообщалось об обнаружении «черными копателями» захоронения не менее 15 жертв нацистской расстрельной команды в пригороде Ставрополя – Русском лесу. Израильская периодика на русском языке, дополненная выдержками из документов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР и фрагментами из монографии И.А. Альтмана [3], дает читателям представление о размахе тотального уничтожения нацистами евреев в данном регионе. В публикации «Еврейские находки Русского леса» приводится реакция Российского еврейского конгресса (РЕК) и Научно-просветительного центра (НПЦ) «Холокост» в виде их совместного заявления от 26 августа 2009 г. Спустя месяц была опубликована уже расширенная информация о результатах посещения Ставрополя сопредседателем НПЦ «Холокост» И. Альтманом и раввином Московской мемориальной синагоги на Поклонной горе А. Фейгиным [4].

Немало публикаций доказывают «сопричастность» к трагедии Холокоста на Северном Кавказе горских евреев [5]. Они вводят свидетельства очевидцев, документы, публикуют материалы энциклопедии «Холокост на территории СССР» [6], посвященные трагедии горских евреев Северного Кавказа. В частности, приводится судьба Людмилы Бельхияевой (Дигиловой), семью которой из 7 чел. нацисты убили в селе Богдановка Ставропольского края 24 сентября 1942 г., живьем сбросив в колодец. Ее, малышку, спасли соседи, не выдав нацистам. Имен и фамилий своих спасителей она не помнит.

В значительной степени указанные публикации выполняют практические задачи, связанные со стремлением добиться изменений в существующем законе о выплате компенсаций горским евреям, пережившим Холокост в Нальчике, на Северном Кавказе и на юге России в целом [7]. Однако эта точка зрения вызывает несогласие ряда других авторов [8].

Не раз публиковались в русскоязычных СМИ Израиля и документальные источники по рассматриваемой проблеме, в том числе воспоминания бывших узников гетто и концлагерей, беженцев. Из них можно узнать о политике нацистов на оккупированных территориях, об отношении нееврейского населения к евреям, о коллаборационизме местных жителей и спасении обреченных, о героической борьбе евреев в составе подпольных групп и партизанских отрядах. Необходимо отметить, что количество публикаций воспоминаний людей, переживших Холокост непосредственно на юге России, никогда не было слишком велико. Наибольшее количество опубликованных в прессе воспоминаний малолетних узников концлагерей и гетто приходится на Транснистрию, на «штетлы» Винницкой области в зоне румынской оккупации, где зверства сменились прагматичным подходом к «окончательному решению еврейского вопроса». Иное дело – юг России, где и количество евреев было меньше, и гетто не существовало, а в сплошной зоне расстрелов выживали лишь единицы.

Поэтому особую ценность представляют подробные воспоминания Якова Круга, пережившего вместе с родителями первую оккупацию в Ростове-на-Дону, а вторую – в станицах Краснодарского края [9]. Ему посвящен целый ряд публикаций в печати [10]. В последние годы в прессе стали появляться исповеди беженцев, объединившихся в общественные организации. Так, публикация А. Шаталова показывает войну глазами десятилетнего ребенка, пережившего жестокий стресс во время жестоких немецких бомбежек Воронежа в июне-июле 1942 г. [11].

Значительный интерес представляют воспоминания Ф. Тененбаума. Они позволяют проследить маршрут бегства еврейской семьи Тененбаум из Западной Украины до Ставрополя, где судьба свела ее с семьей учителя математики А. Кононова. Именно жене последнего, немке по национальности, было суждено стать спасительницей матери и сына Тенебаум в период нацистской оккупации края до прихода Красной армии. Автор свидетельствует о зверском уничтожении в селе Левокумском Буденновского района

Ставропольского края эскадрой казаков, находившихся на службе у нацистов, не менее 300–400 евреев [12].

Немало внимания уделяется Праведникам мира – неевреям, спасшим евреев в годы войны, рискуя собственной жизнью. В частности, в приложении «Ветеран и воин» к газете «Вести» опубликован материал о подвиге уроженца Ставропольского края военного врача И. Алексеева, спасшего К. Рутштейна в лагере военнопленных и удостоенного звания Праведника мира в 2008 г. (посмертно) [13]. О судьбах спасенного Праведником мира Сергеем Метревели Эмиля Зигеля – еврейского подростка, беженца из Днепропетровска, чьи родители погибли в Кисловодске в сентябре 1942 г., ныне живущего в Израиле и участвовавшего в торжественно-траурных мероприятиях в Ставрополе в 2012 г., а также брата и сестры Лидии и Александра Гершкович, чьи мать и младшая сестра погибли в селе Арзгир, упоминается в материалах, посвященных мероприятиям РЕК и НППЦ «Холокост» в Ростовской области, Краснодарском крае и Ставрополе [14].

В то же время сведения отдельных газетных публикаций, в основе которых лежат электронные источники, нуждаются в дополнительном подтверждении. В частности, это касается материала о спасении еврейских детей из блокадного Ленинграда в черкесском ауле Бесленей [15]. Российский НППЦ «Холокост» обращался в 2008 г. по данному вопросу в Управление по делам архивов Краснодарского края, но пока документальных подтверждений данному факту не нашлось.

В последние годы число публикаций воспоминаний непосредственных участников и очевидцев событий военного времени сокращается. Это обусловлено постепенным уходом из жизни поколения, пережившего Холокост, ветеранов и инвалидов Второй мировой войны, блокадников и тружеников советского тыла. Поэтому необходимо торопиться, «пока есть у кого спросить». Публикация воспоминаний обязана стать приоритетным направлением периодических израильских русскоязычных изданий.

Тема Холокоста неотделима от участия воинов – евреев в боях на юге России. Публикации о судьбах участников битвы за Кавказ и Сталинград И. Пакера [16], Ю. Винокура [17], М. Инкелеса [18], Б. Копанского [19], Е. Ошеров [20], Г. Лесина [21] различны по форме (очерки, а также рецензии на книги и т.д.) и по содержанию. Их герои воевали на южном участке советско-германского фронта, своим ратным трудом, и в обороне, и в наступлении приближая Победу. Благодаря этим публикациям раскрывается значимость подвига Красной армии и воевавших в ее составе военнослужащих-евреев.

Еще один круг вопросов посвящен сохранению памяти о Холокосте на юге России. В прессе было опубликовано совместное заявление РЕК и НППЦ «Холокост» о необходимости объединить усилия всех еврейских организаций на постсоветском пространстве с целью воплощения в жизнь проекта «Вернуть достоинство». Суть проекта – в выполнении долга перед памятью всех невинно убиенных – разыск могил, приведение их в соответствие

с еврейской традицией и законами государств постсоветского пространства, на территории которых они находятся и т.д. [22].

Широко освещалось проведение в августе 2012 г. в Ростове-на-Дону Международного форума памяти Холокоста и жертв фашизма в России и 7-й Международной научной конференции «Уроки Холокоста и современная Россия» на тему «История Холокоста на Северном Кавказе и судьбы еврейской интеллигенции в годы Второй мировой войны», посвященной 70-летию массового уничтожения евреев России в годы Холокоста и гибели выдающегося психоаналитика Сабины Шпильерин, расстрелянной в Змиевской балке [23].

Систематически освещается деятельность Российского НПЦ «Холокост» на юге России. Из относительно недавних публикаций можно отметить сообщение о трехдневном семинаре для преподавателей еврейских школ и руководителей общинных центров СНГ в Пятигорске [24]. Публиковалась информация о поездке сопредседателя Российского НПЦ «Холокост» И. Алтмана в Кабардино-Балкарскую Республику по вопросу об увековечении памяти об этом важном событии в Нальчике [25], в Северную Осетию [26] а также интервью с К. Феферманом, выступавшим на Международной конференции в «Яд Вашем» в декабре 2012 г., посвященной осмыслению военнополитических событий 1942 г. и их влияния на процесс «окончательного решения “еврейского вопроса”» [27].

Израильская русскоязычная пресса не осталась в стороне и от мемориального конфликта вокруг Змиевской балки в Ростове-на-Дону. В ней были опубликованы совместное заявление Российского НПЦ «Холокост», РЕК и Московского бюро по правам человека, конкретно-исторический материал (в основном, из энциклопедии «Холокост на территории СССР»). В ряде газетных статей была приведена нелицеприятная оценка действий ростовских властей живущим в Израиле Я. Кругом, чьи родные бабушка и дедушка покоятся в Змиевской балке, а внучка и правнуки живут в Ростове-на-Дону [28]. Вскоре после суда, отказавшего осенью 2012 г. представителям РЕК в иске к ростовским властям о признании незаконной замены мемориальной таблички в Змиевской балке, израильская пресса перепечатала статью корреспондента информационного интернет-агентства АЕН (Агентства еврейских новостей) С. Чарного с заявлением руководителя пресс-службы РЕК М. Савина [29].

Израильская русскоязычная бумажная пресса также выступает в роли «промоутера» предстоящих мемориальных мероприятий, посвященных сохранению памяти о Холокосте на юге России. Так, обе русскоязычные газеты – «Вести» и «Новости недели» сообщили о предстоящей в «Яд Вашем» встрече российского кинорежиссера-документалиста Ю. Калугина, автора фильма о трагедии Змиевской балки, с репатриантами из Ростова [30].

Проведенный анализ свидетельствует, что публикации по рассматриваемой проблеме разнообразны по форме, содержанию, жанрам и способам пода-

чи информации. В них немало внимания уделяется поискам ранее неизвестных захоронений погибших евреев, возведению памятников и обелисков на местах Холокоста на территории юга России. Основной контингент внештатных авторов (помимо немногочисленных штатных сотрудников редакций) – люди, как правило, пожилого возраста, с законченным высшим и средним специальным образованием. Некоторые на добровольных началах исполняют обязанности пресс-секретарей ветеранских и других общественных организаций. Основными читателями являются представители «маргинального» (45–50 лет) и «уходящего» (старше 70 лет) поколений.

Историкам и журналистам следует научиться применять лучшие достижения интернет-технологий для сохранения этого важного пласта источников, а также максимально рационально использовать газетную площадь для введения новых, еще не опубликованных документов, писем военного времени – текстов и фоторепродукций, так как публикации от этого только выигрывают. К сожалению, молодые русскоязычные израильские историки, занимающиеся проблематикой Второй мировой войны и Холокоста, за редким исключением, не спешат делиться научными достижениями с общественностью, предоставлять информацию о них ведущим русскоязычным СМИ. Между тем, именно СМИ выступают популяризирующим посредником между «сухой» и строгой академической наукой и широкой читательской аудиторией.

Существует и еще одна проблема. Русскоязычные израильские бумажные СМИ стоят перед очевидной перспективой исчезновения. Газеты «доживают» последние десятилетия, и спасти их невозможно, таковы законы рынка. Следует приложить силы для сохранения накопленного ими наследия – путем создания тематической выборки, дигитализации (оцифровке) и размещения материалов в Интернете, что сделает их более доступными для исследователей. Иначе существует опасность того, что данные источники будут безнадежно утрачены.

Примечания:

1. Смиловицкий Л. Катастрофа евреев в Белоруссии. 1941–1944 гг. Тель-Авив, 2000; Шнеер А. Плен. В 2 т. Иерусалим, 2003.
2. Эпштейн А. Израильская пресса отличается от российской. URL: <http://www.advertology.ru/article60925.htm>.
3. Альтман И.А. Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941–1945 гг. М., 2002.
4. Кулагина Н. Память и скорбь евреев Ставрополя // Ветеран и воин. Приложение к газете «Вести». 2010. 7 июля. С. 9. Данный материал – перепечатка из сообщения интернет-агентства АЕН; Рейхман Г. Еврейские находки Русского леса // Ветеран и воин. 2009. 16 сентября. С. 4–5; Его же. Вернуть достоинство // Ветеран и воин. 2009. 7 октября. С. 2.
5. Рейхман Г. По кровавому счету Холокоста // Время НН. Приложение к газете «Новости недели». 2010. 15 апреля.

6. Холокост на территории СССР. Энциклопедия. М., 2009.
7. Рейхман Г. Узники Нальчикского гетто // Вести – Юг. Приложение к газете «Вести». 2010. 29 апреля. С. 4.
8. Ляховицкий Ю. Без спасения – нет вознаграждения // Новости недели. 2011. 9 июня. С. 33.
9. Круг Я. Повесть о подаренной жизни. 2-е изд., доп. и перераб. Тель-Авив, 2012.
10. Рейхман Г. «Желтая звезда» из кубанской станицы // Ветеран и воин. 2011. 4 мая. С. 4–5; его же. Книга, востребованная в России // Вести – Юг. 2012. 19 июля. С. 10; Гершелев Г. Уроки Холокоста. Змиевская балка (о 2-м издании книги Я. Крута) // Время НН. 2012. 19 июля. С. 10.
11. Шаталов А. Эвакуация. Как это было // Еврейский камертон. Приложение к газете «Новости недели». 2011. 10 февраля. С. 4–5.
12. Тененбаум Ф. Рядом со смертью // Ветеран и воин. 2009. 14 января. С. 9–11; то же // Еврейский камертон. 2009. 15 января. С. 2–3.
13. Рутштейн К. Мой спаситель Иван Алексеев // Ветеран и воин. 2009. 23 сентября. С. 3. Пример спасения русскими по национальности врачами советских военнопленных-евреев не единичен, о чем свидетельствует недавно переданное в Российский НПЦ «Холокост» письменное свидетельство бывшего военнопленного В.Л. Эпильранд-Васильева (1912–1989). Его спас от расстрела в 324-м шталаге (Гродно, Беларусь) русский хирург Б.С. Иванов, сделавший ему перед ликвидацией лагеря операцию по натяжению (наращению) крайней плоти.
14. Рейхман Г. Отдавая дань памяти погибших // Ветеран и воин. 2012. 17 октября. С. 4–5, 9.
15. Черкесы, спасшие еврейских детей: «Зачем нас очерняют?» // Ветеран и воин. 2009. 25 ноября. С. 3.
16. Иткинсон В. Страницы жизни фронтовой // Ветеран и воин. 2010. 28 мая. С. 2, 9.
17. Рейхман Г. «Считаю, что жил я не напрасно...» (О судьбе и книге Юды Винокура) // Ветеран и воин. 2010. 20 октября. С. 6–7.
18. Погуляевский Я. Артиллерист Черноморского флота // Ветеран и воин. 2010. 8 декабря. С. 2–3.
19. Погуляевский Я. Солдатская дружба // Ветеран и воин. 2011. 23 марта. С. 3.
20. Ринский М. Война и победы Ефима Ошера // Ветеран и воин. 2012. 15 февраля. С. 8–9.
21. Лесин Г. Война – экзаменатор название // Ветеран и воин. 2012. 9 мая. С. 4–5.
22. Рейхман Г. Вернуть достоинство // Ветеран и воин. 2009. 7 октября. С. 2–4; Представляет интерес в этой связи и публикация журналиста Я. Зубарева «Бабы Яры России. С пресс-конференции президента РЕК Юрия Каннера» // Время НН. 2009. 31 декабря. С. 6.
23. Рейхман Г. В Ростове отмечают память жертв Холокоста // Ветеран и воин. 2012. 12 августа. С. 6.
24. Рейхман Г. Уроки Холокоста: Северный Кавказ // Ветеран и воин. 2010. 13 октября. С. 3.

25. Рейхман Г. В память о спасителях и спасенных // Время НН. 2012. 4 октября. С. 6.
26. Рейхман Г. Память на всех одна // Вести. 2012. 11 октября. С. 3; Посвящается детям – жертвам террора и Холокоста. По материалам Российского Центра «Холокост» // Время НН. 2012. 11 октября. С. 6.
27. Рейхман Г. Восстанавливая историческую справедливость // Время НН. 2013. 31 января. С. 8–9.
28. Рейхман Г. Змиевская балка: свободно от евреев? // Вести. 2011. 22 декабря. С. 13; Его же. Эхо Змиевской балки // Время НН. 2 февраля. С. 7.
29. Чарный С. Конфликт некорректностей // Ветеран и воин. 2012. 21 ноября. С. 3.
30. Калугин Ю. «Считаю это своим долгом» // Вести. 2013. 7 февраля. С. 11; Его же. Любое, самое скромное свидетельство бесценно // Новости недели. 2013. 28 марта. С. 3; Рейхман Г. Яд Вашем как место встречи // Вести. 2013. 28 марта. С. 11.

И.В. Кедрова

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ФЕДЕРАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ И МЕМОРИАЛАХ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ЭКСКУРСИОННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Согласно действующему законодательству выделяют памятники истории и культуры федерального, регионального и местного значения. В Ростовской области на учете во Всероссийском обществе охраны памятников истории и культуры состоит более 8 тыс. достопримечательностей, имеющих статус федерального значения [1]. Среди них только 6 памятников посвящены событиям Великой Отечественной войны. Они относятся к трем категориям:

- 4 памятника и мемориала воинской славы, из которых 2 – братская могила и памятник курсантам, погибшим в войне, находятся на территории закрытых учреждений Ростова-на-Дону (санаторий на улице Ленина, 215 и территория бывшего Ростовского военного института ракетных войск (Ростовского артиллерийского училища), что делает их недоступными для массового посещения экскурсантами, а 2 – обелиск 248-й стрелковой дивизии и стела Героям-комсомольцам – доступны для осмотра в Ростове-на-Дону;
- 2 мемориальных комплекса и памятных места – место расстрела жителей Таганрога («Балка смерти» – село Петрушино) и братская могила воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны в Монастырском

урочище (станция Старочеркасская, Аксайский район), доступные для осмотра;

- 2 монументальных памятника – Маршалу Советского Союза трижды Герою Советского Союза С.М. Будённому, дважды Герою Советского Союза генералу армии Д.Д. Лелюшенко в Ростове-на-Дону [2].

Всего в Ростовской области насчитывается 1712 военно-мемориальных объектов, среди которых 68 – памятники регионального, а все остальные – местного значения [3]. В качестве экскурсионных объектов, иллюстрирующих события войны, могут использоваться:

- улицы и площади городов и поселков;
- здания и сооружения, связанные с данными историческими событиями;
- скульптурные памятники, установленные в честь событий или знаменитых людей;
- экспозиции краеведческих музеев [4].

Чтобы оценить возможности использования историко-культурных комплексов для экскурсионных целей используют ранжирование культурных комплексов по их месту в мировой и отечественной культуре экспертным путем, а также по такому показателю, как наличие необходимого и достаточного времени для осмотра памятников, т.е. степени организации объекта для показа. По степени организации объекты подразделяются на специально организованные и неорганизованные для показа. Организованные объекты являются основными в экскурсиях, а неорганизованные – дополнительными [5].

Среди 68 памятников регионального значения можно выделить три большие группы. К группе памятники о событиях и людях можно отнести:

1. Памятники освободителям:

- стела на площади у заводоуправления «Красный котельщик» в городе Таганрог;
- 3 обелиска – металлургам в городе Таганрог; в городе Каменск-Шахтинский; морякам десанникам, курсантам, защищавшим Самбекские высоты;
- 19 бюстов героев – дважды Герою Советского Союза П.Д. Гулаеву в городе Аксай; Герою Советского Союза И.К. Голубцу в Таганроге; Героям Советского Союза Г.А. Сорокину, И.И. Клещеву, Г.К. Петровой и Маршалу Советского Союза В.Д. Соколовскому в Новочеркасске; Героям Советского Союза Л.В. Кондратьеву, Н.И. Гулимову, Ц.Л. Куникову в Азове; Маршалу Советского Союза дважды Герою Советского Союза П.К. Кошевому в Волгодонске; Герою Советского Союза Я.П. Теличенко в станице Боковской; дважды Герою Советского Союза И.И. Фесину в хуторе Муравлев Каменского района; Герою Советского Союза С.Ф. Мельнику в хуторе Кондаков Константиновского района; Маршалу Советского Союза дважды Герою Советского Союза

А.А. Гречко в селе Куйбышево; маршалу авиации дважды Герою Советского Союза П.С. Кутахову в селе Малокирсановка Матвеево-Курганского района; Герою Советского Союза П.А. Маркуце в селе Криворожье Миллеровского района; дважды Герою Советского Союза Е.Н. Ефимову в Миллерово;

- памятник летчикам в городе Миллерово;
- памятник погибшим танкистам в городе Миллерово.

Все вышеперечисленные объекты можно отнести к организованным для показа, что непосредственно используется на маршрутах обзорных городских, но чаще тематических экскурсий.

2. Братские могилы и захоронения:

- в городе Таганроге;
- 3 в городе Новочеркасске (включая поселок Хотунок);
- на кладбище в селе Гуляй-Борисовка;
- 3 в Каменском районе – в станице Богдановской, в хуторах Самбуров и Плешаков;
- в рабочем поселке Мартыновка;
- воинам Гражданской и Великой Отечественной войн в городе Пролетарске.

Вышеперечисленные объекты требуют дополнительного изучения для внесения их в список основных (организованных) или дополнительных (неорганизованных).

3. Мемориальные комплексы:

- парк Победы в поселке Лиховском Каменск-Шахтинского района;
- мемориальный комплекс «Кумженская роща» в Ростове-на-Дону;
- мемориальный комплекс памяти жертв фашизма в Змиевской балке Ростова-на-Дону;
- памятник героям прорыва Миус-фронта и освобождения Таганрога на развилке шоссе у села Самбек;
- мемориал Славы в селе Чалтырь Мясниковского района;
- пантеон Славы в селе Крым Мясниковского района [6].

Все комплексы относятся к категории организованных объектов показа, при этом наибольшую аттрактивность для экскурсий представляют мемориалы «Кумженская роща», памяти жертв фашизма в Змиевской балке и героям прорыва Миус-фронта. Они используются как отдельные объекты в одноименных экскурсиях для любого контингента экскурсантов.

Вторая группа представлена военной техникой, зданиями, оборонительными сооружениями, где непосредственно проходили боевые действия:

1. Боевая техника военного времени:

- монумент «Катюша» – хутор Дудукалов Егорлыкский район;
- 5 монументов «Танк» (Т-34) – в станице Егорлыкской, рабочем поселке Зимовники, селе Куйбышево, в районе маслозавода города Миллерово, в городе Батайск;

- памятник на Артиллерийском кургане в честь героев битвы за Ростов-на-Дону в 1941 г. к западу от села Большие Салы Мясниковского района;
- 2 памятника военным автомобилистам (автомобиль ЗИС-5) – в городе Каменск-Шахтинский, «Переправа» в городе Аксай;
- памятник Азовской военной флотилии на площади Речного вокзала в городе Азов.

Подлинная боевая техника среди всех военных объектов наиболее привлекательна для знакомства с ней экскурсантов и обладает повышенной эмоциональной значимостью. Но имеет частичную доступность для контактного знакомства, что соответствовало идеологическим нормам СССР.

2. Здания предприятия, учреждения, в которых жили, работали или учились прославленные воины:

- дом, в котором жил Витя Черевичкин, Ростов-на-Дону;
- здания железнодорожной больницы, в котором размещался подпольный госпиталь в 1942 г.; гостиницы «Нью-Йорк», на котором было водружено знамя освобождения Новочеркасска от фашистских захватчиков; средней школы № 5 (бывшей городской мужской гимназии № 11), в которой учился Герой Советского Союза Г.А. Сорокин в Новочеркасске;
- здание, в котором в мае-июне 1942 г. размещался штаб Южного фронта, а в июле-декабре 1945–1946 гг. штаб 5-го Донского казачьего кавалерийского корпуса в городе Каменске-Шахтинске;
- три здания и блиндаж, в которых находилось командование и штаб Юго-Западного фронта в 1943 г. в городе Новошахтинске,
- мемориальная квартира, в которой жил Герой Советского Союза Н.К. Голубец; место первого митинга после освобождения города в Таганроге;
- генерала Дударева в городе Аксае.

Указанные объекты требуют дополнительного изучения для внесения их в список основных (организованных) или дополнительных (неорганизованных) при включении в маршруты обзорных или тематических экскурсий.

3. Памятник оборонительного зодчества – дот в Ростове-на-Дону, (мостовой переход у железнодорожной станции «1130 км») – труднодоступен и не организован для показа.

Третью группу образуют памятники в честь юбилеев Победы:

- памятник 40 лет Победы в городе Волгодонске;
- стела Победы, парк Победы и фонтан Победы в городе Волгодонске.

Начальная классификация историко-культурных объектов требует дальнейшей углубленной оценки с целью их использования в тематических военно-исторических экскурсиях с учетом дифференцированного подхода.

Все это позволяет сделать следующие выводы:

1. Компактное расположение памятников в западной, северо-западной и юго-восточной частях Ростовской области представляется очень удобным для разработки и проведения экскурсий.

2. Четыре из шести памятников федерального значения доступны для массового знакомства туристов круглогодично, но разномасштабны по своему виду: братская могила воинов в Монастырском урочище и бюсты Героям Советского Союза, а также обелиск 248-й стрелковой дивизии неравнозначны по степени аттрактивности для туристов.

3. Все памятники местного значения являются объектами изучения и экскурсионного показа и могут входить в маршруты обзорных экскурсий (по району, по поселку и т.п.) для учащихся начальной и средней школы или быть самостоятельными объектами военного туризма.

4. Анализ местных экскурсионных объектов военно-исторической тематики позволит наметить пути формирования туристских образов районов Ростовской области. В связи с этим особую важность приобретает разработка маршрутов путешествий как способа знакомства с территорией.

5. Территории памятников федерального и регионального значения может использоваться в качестве проведения реконструкций исторических битв, что повысит их аттрактивность, историческую ценность, устойчивость к рекреационным нагрузкам.

6. В перечень экскурсий на военно-историческую тему, предлагаемых туристскими фирмами Ростовской области (например, «К кургану бессмертия», «Здесь проходила война», «Эхо минувшей войны», «Легендарные рубежи Миус-фронта») включены в основном памятники регионального и больше местного значения. Чаще всего, данные экскурсии проводятся перед очередными датами праздников 9 мая, 14 февраля, 21 ноября, в основном, для учащихся средних классов или первых курсов вузов.

Примечания:

1. Долженко Г.П., Белорусова С.А. Туризм в равнинной части Юга России Ростов н/Д, 2008. С. 78.
2. Ильин В.Г., Минасян Л.А. Донская земля: историко-культурное и природное наследие. Ростов н/Д, 2005. С. 102.
3. Официальный портал Правительства Ростовской области URL: <http://www.mvip.donland.ru>.
4. Долженко Г.П. Экскурсионное дело. Ростов н/Д, 2006. С. 65–66.
5. Климанова О.А., Тельнова Н.О. // Природный и историко-культурный потенциал региона как основа формирования туристского образа территории // Современные проблемы сервиса и туризма. 2008. № 3. С. 49–55.
6. Ильин В.Г., Минасян Л.А. Указ. соч.

Р.И. Хандожко

Мемориализация Великой Отечественной войны в городских муниципальных практиках: упорядочение захоронений, монументальная коммеморация, топонимика (Ростов-на-Дону, 1943–1965)

После освобождения Ростова-на-Дону 14 февраля 1943 г. и установления в городе советской власти вновь созданному исполкому Совета народных депутатов предстояло решить ряд задач, связанных с восстановлением инфраструктуры, приведением жизни города в нормальный ритм, выполнить первичную работу по учету людских и материальных потерь и планированию первого этапа реконструкции.

Распоряжение № 1 исполкома Ростовского городского совета депутатов трудящихся от 16 февраля 1943 г. предписывало *«организовать уборку трупов на территории района – трупы погибших бойцов и расстрелянного населения подвести к братской могиле в сквер им. Буденного. Трупы лошадей и убитых немецко-фашистских бандитов вывести на конское кладбище»* [1]. А в распоряжении № 7 от 20 февраля 1943 г. содержались указания *«в 5-дневный срок восстановить на улицах города надписи с прежними наименованиями улиц и площадей и уничтожить надписи на немецком языке»*, а также все вывески немецко-фашистских учреждений [2].

За этими прагматическими шагами городской власти можно обнаружить и важный политический смысл. Они должны были восстановить символический контроль над городским пространством, маркировать переход города в новый статус и зафиксировать определенные оценки оккупационного опыта. Таким образом, работа по созданию образа войны в массовом сознании началась еще до ее окончания, что оказало значительное влияние на последующие варианты политики памяти.

Уже после первого освобождения Ростова в ноябре 1941 г. на одном из мест уничтожения мирного населения (в парке имени Фрунзе) был установлен скромный обелиск, оно оформилось как братское кладбище и начало функционировать в качестве места памяти. Сразу после 14 февраля 1943 г. и на протяжении всего послевоенного периода ростовские власти регулярно обсуждали вопросы увековечения памяти жертв и героев войны и установки мемориальных объектов и принимали соответствующие решения. Одним из спорных мест памяти в Ростове-на-Дону стала Змиевская балка, в которой осуществлялось уничтожение гражданского населения в период оккупации. Она была включена в число официальных братских кладбищ, и сразу после войны здесь был установлен стандартный памятник с фигурами двух солдат Советской армии со знаменем [3].

Характерными чертами первого этапа мемориализации (приблизительно до конца 1950-х гг.) являлись, с одной стороны, скромные масштабы финансирования, а с другой – отнесение данного рода деятельности скорее к вопросам благоустройства городской территории, нежели к идеологически значимым аспектам городской политики. В ряде случаев инициатива по увековечению тех или иных героев шла «снизу». Так, 18 мая 1943 г. горисполком на основании ходатайства Н-ской части принял решение «Об установке памятников на братских могилах бойцов и командиров, павших смертью храбрых в боях за освобождение г. Ростова-на-Дону от немецко-фашистских захватчиков» [4]. Памятники предполагалось ставить деревянные, финансирование ограничивалось 3 тыс. руб. из собственных накоплений Треста похоронного обслуживания.

В 1940-е – начале 1950-х гг. установка типовых памятников на братских могилах осуществляется в разных частях г. Ростова-на-Дону и населенных пунктах области. В 1947 г. было принято решение об установке гранитного памятника у общей братской могилы на Братском кладбище, двух индивидуальных памятников на могилах полковников Жарикова и Андреева, 12 мемориальных досок в память о бойцах Ростовского полка народного ополчения [5]. В 1951 г. в парке имени Конной Армии был установлен металлический обелиск с надписью «Здесь похоронены советские патриоты, зверски замученные немецко-фашистскими палачами в феврале 1943 года» [6].

Наряду с установкой надгробных памятников, совмещавших в себе функции семейных и коллективных коммеморативных объектов, важным трендом послевоенного периода вплоть до начала 1960-х гг. была централизация, или «укрупнение» братских могил. Официально признавая наличие в городе трех или четырех братских кладбищ, советское руководство во 2-й половине 1940-х – начале 1950-х годов проводило целенаправленную политику переноса туда малых и индивидуальных захоронений [7]. С одной стороны, этот процесс отвечал задачам благоустройства городской территории, поскольку исполкомы райсоветов не имели достаточно сил и средств, чтобы обеспечить надлежащий уход за имевшимися в городе (садах, парках, скверах) местами погребения. С другой стороны, символический смысл данных акций состоял в выводе «знаков смерти» за пределы публичных пространств и ограничении их легитимного присутствия изолированными зонами. Такое административное перераспределение мест памяти можно интерпретировать как попытку обретения контроля над прошлым, шаг на пути к государственному присвоению памяти о войне и превращению ее в особый политический институт.

Вместе с тем, длительное время централизация кладбищ была проблемной точкой городской политики. Уже в 1961 г. на заседании горисполкома дискутировался вопрос об этичности перемещения могил. Товарищ Федоров ссылаясь на личный опыт обосновывал необходимость внимательного и осторожного обращения с захоронениями времен войны: *«Это не простое дело. Говорят: индивидуальная могила. Надо понять, что человек*

убит во время войны, он здесь захоронен, а его родные и близкие разбросаны в разных городах. Бывают случаи: знают, что захоронен здесь, а приезжаяют могилы нет. Такой случай был и со мной. Я приехал в Великие Луки, зная, что там могила моего товарища. А ее там нет. Это тоже приобретает политическую окраску. Это не такой простой вопрос. Нужно считаться с людьми. Люди, которые проживают за пределами города Ростова, помнят о воинах Великой Отечественной войны, которые сложили свои головы за Родину, и свято хранят память о них. Мы взяли целый ряд могилок и перенесли. Но если перенесли так нужно их там в известном порядке захоронить, а дальше уже стоять на той точке зрения, что нужно все благоустроить и делать так, чтобы память о них хранилась в веках» [8]. Другие участники заседания также отмечали остроту и конфликтность данного вопроса: «По Кировскому парку был скандал от родственников. Я принимала участие по решению Исполкома по проверке могил в связи с решением Совета Министров и очень трудно вышла из положения» (тов. Яковлева); «мы перенесли могил двадцать... эту работу произвели ночью» (тов. Паласанянц) [9]. Основными мотивами оставались, однако, не пожелания фронтовиков, а соображения удобства, за которыми могло скрываться и стремление убрать с глаз эти знаки травмы, изолировать их.

С конца 1950-х и в первой половине 1960-х гг. коммеморативная активность ростовских властей заметно усилилась, что было связано и с общественным подъемом периода «оттепели», и с переходом определенного поколенческого рубежа (юноши и девушки, не знавшие войны, вступали во взрослую жизнь). В 1959 г. у памятника в парке им. Фрунзе был зажжен вечный огонь, это место стало функционировать как площадка для массовых митингов [10]. В 1961 г. был установлен памятник Вите Черевичкину, ростовскому пионеру-герою, а в 1965 г. его имя получил один из городских парков [11]. В 1965 г. были установлены мемориальные доски А.Т. Каратаеву, А.Л. Кривоносу, М.А. Гаккелю, В.П. Бондаренко, Ц.Л. Куникову, А.А. Бельгину, Л.С. Чапчахову; на углу улиц Верхненольной и 1-й Советской – на месте расстрела 90 жителей в ноябре 1941 г.; на здании Механического техникума – на месте дислокации штаба 339-й Ростовской стрелковой дивизии; в районе городской тюрьмы – на месте расстрела 1,5 тыс. жителей г. Ростова-на-Дону [12].

Помимо коммеморации в монументальных формах функцию увековечения памяти о войне выполняли переименование существующих улиц Ростова и присвоение новым улицам имен героев Великой Отечественной войны. В 1945–1953 гг. практика переименований еще не была четко регламентирована, происходила в значительной мере стихийно. В 1958 г. был составлен перечень всех переименованных улиц. Значительное число улиц получили имена героев Великой Отечественной войны, связанных с Ростовом и областью: Васильченко, Скачкова, Деревянко, Поповского, Самошкина, Югова, Малюгиной, Текучева, Макарова, Нестерова,

Юфимцева (большинство – бойцы Ростовского стрелкового полка народного ополчения); общесоюзных героев: Шевцовой, Матросова, Чайкиной, Кошеного, Карбышева; были введены «военные» наименования общего плана: Батарейная, Фронтная, Армейская, Народного Ополчения, пер. Защитный [13]. В 1962 г. появилась улица Герасименко [14], в 1965 г. – улицы Чапчахова, Гаккеля, Бондаренко, Евдокимова, Сержантова, Кулагина, Арефьева, Горбачева, Богданова [15].

Итогом двадцатилетия в Ростове-на-Дону стало успешное приведение братских могил к благоустроенному виду, выделение специальных зон, связанных с культом Великой Отечественной войны и их включение в коммеморативный цикл в качестве площадок для проведения пропагандистских мероприятий. К 1965 г. в практике установки памятников и городской топонимике в основном сложился местный пантеон героев Великой Отечественной войны.

Таким образом, после войны до середины 1950-х гг. на уровне муниципальных практик происходило упорядочение городского пространства, его символическое означивание, превращение мест памяти, связанных с войной, в коммеморативные объекты. Затем в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. на смену «сталинской» версии войны пришла идеологическая конструкция «народной» войны, в которой концепция партийного лидерства была интегрирована с «массовой» памятью, активизированной через практики персональной вовлеченности. Важное место в функционировании данной модели занимала интенсификация использования городской среды в целях конструирования гражданской солидарности, социального единства советского общества.

Примечания:

1. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 1817. Оп. 3. Д. 21. Л. 3.
2. Там же. Л. 18.
3. Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М., 2009. С. 866.
4. ГАРО. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 4. Л. 99.
5. Там же. Д. 138. Л. 213.
6. Обелиск в парке имени Первой Конной армии // Молот. 1951. 13 сентября. С. 4.
7. ГАРО. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 138. Л. 213 (1947). Оп. 4. Д. 812. Л. 105 (1961).
8. ГАРО. Ф. 1817. Оп. 4. Д. 812. Л. 108.
9. Там же.
10. Огонь вечной славы // Вечерний Ростов. 1959. 9 мая. С. 3.
11. ГАРО. Ф. 1817. Оп. 4. Д. 1072. Л. 175.
12. Там же. Л. 174–175.
13. ГАРО. Ф. 4329. Оп. 1. Д. 180. Л. 4–7.
14. ГАРО. Ф. 1817. Оп. 4. Д. 881. Л. 76.
15. Там же. Д. 1074. Л. 32. Д. 1072. Л. 173.

Н.Г. Судоргин

КОМПЛЕКСНАЯ МУЗЕЕФИКАЦИЯ ТЕРРИТОРИЙ – ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ВОСПРОИЗВОДСТВА ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Ростовская область обладает уникальным сочетанием объектов историко-культурного наследия, охватывающим практически все этапы развития человеческого цивилизации. Это богатство позволяет разрабатывать комплексные проекты в сфере сохранения и популяризации наследия, одним из центральных элементов которых могут быть памятники, мемориалы и музейные экспозиции, посвященные событиям периода Великой Отечественной войны. Такие проекты могут охватывать значительные территории, включающие несколько муниципальных образований, сотни культурных и природных объектов посещения, создавая условия для развития новых отраслей деятельности в сельских поселениях. Данные подходы соответствуют положениям «Государственной стратегии формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации» [1], современным представлениям о маркетинге и брендинге территорий [2]. Музеефикация территорий подразумевает вовлечение в целенаправленную деятельность по повышению воспитательного и познавательного уровня всей совокупности объектов историко-культурного наследия, музеев и достопримечательных мест на больших территориях путем формирования сетевой организации и создания благоприятных условий для развития туристско-экскурсионного обслуживания в целом, особенно такой сферы, как познавательное обслуживание.

С учетом нахождения объектов, связанных с событиями Великой Отечественной войны на сельских территориях Ростовской области, следует обратить внимание и на растущий интерес общественности и властных структур к сельскому туризму и этнографическим реконструкциям. Примером, где может быть реализован такой комплексный подход, является подготавливаемый к реализации проект создания нового музея в районе мемориального комплекса на реке Самбеке. Его экспозиция должна охватить все основные события, происходившие в период Великой Отечественной войны на территории Ростовской области. Историко-познавательный маршрут «Миусская стрела» [3] может включать наряду с Самбекским мемориалом и новым музеем другие музеи, памятники, этнографические и археологические объекты в зависимости от аудитории и тематики экскурсий.

Детальный анализ объективной необходимости в комплексных проектах целесообразно осуществить на примере указанного маршрута «Миусская стрела». Он охватывает практически весь Запад Ростовской области, территории 5 или 7 (в зависимости от конкретной конфигурации) муниципальных образований, всю линию советско-германского противостояния на

Миусско-Самбекских рубежах в пределах Ростовской области. Здесь уже имеется несколько десятков объектов посещения, связанных с событиями с событиями Великой Отечественной войны. В тоже время инфраструктура приема, размещения, питания и познавательного обслуживания практически отсутствует. С учетом того, что большая часть указанных территорий относится к категории депрессивных, очевидно, что содержание объектов историко-культурного значения является значительным бременем для отвечающих за них структур. С появлением нового музея в Самбеке, который будет располагаться за пределами поселений, поиск устойчивой экономической модели для системы объектов, находящихся на вышеуказанной территории становится еще более актуальным. В настоящее время эффективное функционирование для большинства музеев является пока лишь идеалом. Социально доступная стоимость входных билетов, отсутствие дополнительных услуг и требуемого количества привлекательной сувенирной продукции заведомо делает невозможным выход музеев на самоокупаемость без качественного изменения ситуации. Аналогичная ситуация возникает и при изолированном рассмотрении сегментов, связанных с природно-ландшафтными, рекреационными и этнографическими объектами посещения. Т.е., построение устойчивой модели, способной к саморазвитию, должно основываться на максимальной интеграции нескольких сегментов, даже, на первый взгляд, не связанных логически между собой. Проще найти новое креативное решение, чем пытаться оптимизировать уже исчерпавшие себя механизмы.

Продуктивным решением может стать комплексная музеефикация территории и развитие сельского туризма, как направления, включающего весь комплекс рекреационных и познавательных услуг. Именно на такой основе возможно проведение экономической оптимизации для данной территории. При этом необходимые затраты на поддержание и создание новых памятников, мемориалов и музеев, популяризацию объектов, развитие туризма и экскурсионного обслуживания будут относиться ко всем более узким сегментам с возможностью возникновения синергетических эффектов и логистической оптимизации. В дальнейшем создаются условия для специализации, повышения качества и разнообразия познавательных услуг, увеличения числа вариаций маршрута. Создание новых секторов занятости также будет способствовать развитию у местного уважения к историческому прошлому, заинтересованности в сохранении и популяризации наследия, развития поискового движения.

Рассмотрим конкретные механизмы реализации изложенного подхода с учетом опыта организации и проведения более ограниченных по масштабу программ и мероприятий. По итогам анализа результатов исследований, экспедиций и круглых столов, проведенных в 2007–2013 г., выявлено, что наиболее значимыми являются темы Великой Отечественной войны или аграрной истории Ростовской области. Последняя тема стала логической основой для построения историко-познавательного маршрута «Миусская

стрела». Целесообразно ограничить указанными темами и круг примеров-обоснований.

В рамках реализации социально-ориентированной программы «Содействие сохранению и популяризации мемориального комплекс «Кумженская роща» [4], осуществляемой Региональной общественной организацией по сохранению историко-культурного наследия Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (РОО СИКН ВООПИиК) при содействии Министерства внутренней и информационной политики Ростовской области, была организована серия мероприятий о сражениях за Ростов-на-Дону в период Великой Отечественной войны для специалистов, общественности и СМИ. На них рассматривались вопросы, связанные не только с физическим сохранением объектов, но и обеспечением выполнения ими в современных условиях воспитательной роли как средств монументальной пропаганды, носителей исторической информации, мест проведения массовых мероприятий, тематических выставок, познавательных экскурсий, реконструкторских и реставрационных работ, выездных семинаров. Также были организованы серия фотовыставок и показ документальных киноматериалов, иллюстрирующих накал боев на подступах Ростова-на-Дону и на его улицах.

При этом выяснилось, что каждая рассматриваемая тема достаточно объемна, способна принести новые находки, особенно если привлекать к дискуссиям и к интервью непосредственных участников событий и специалистов, иллюстрировать мероприятия визуальными материалами. Параллельно, путем анкетирования, телефонных опросов и выпуска серии радиопередач на «Радио ДонТР» проводилось изучение общественного мнения. Также были организованы выезды на объекты, где проводились публичные мероприятия и мониторинг их текущего состояния. С участием студентов были организованы работы по приведению в порядок элементов мемориального комплекса «Кумженская роща».

В сентябре-октябре 2012 г. были организованы инфотуры для СМИ Ростовской области и сотрудников-краеведов Донской государственной публичной библиотеки, а также специальная акция по девизом «Поддержи отечественную историю», направленная на активизацию работ по приведению в порядок мемориального комплекса, прилегающей территории и обозначению его новых границ, согласно измененному паспорту объекта историко-культурного наследия.

В рамках реализации вышеуказанной программы в результате консультаций в Министерстве культуры Ростовской области по вопросу создания управляющих структур для развития объектов историко-культурного наследия, пока не имеющих эффективного пользователя и необходимой инфраструктуры, возникла идея создания Центра военно-исторической и этнографической реконструкции. В основе этой идеи лежит возможность практической деятельности по музеефикации путем установки на территориях, примыкающих к объектам, легких сборных выставочных павильонов,

не требующих фундамента, но обеспечивающих условия для хранения экспонатов и инвентаря, а также для размещения автономных охранных систем и электропитания. В целом, аналогичную стадию проходил в начальный период своего существования и один из крупнейших музейных комплексов области – археологический музей-заповедник «Танаис» [5]. Второй составляющей данной идеи является желание военно-патриотических объединений иметь стабильные площадки для осуществления натуральных исторических реконструкций и демонстрации движущейся боевой техники. В настоящее время в Ростовской области такой возможности на регулярной основе у них нет. Для мемориального комплекса «Кумженская роща» необходимость создания Центра обусловлена отсутствием здесь музея, который был неотъемлемой частью архитектурного замысла при его проектировании и строительстве.

Вышеуказанные подходы лежат в основе разрабатываемой концепции Центра военно-исторической и этнографической реконструкции. После изучения ситуации, анализа перспектив функционирования этого важнейшего с точки зрения памяти о событиях 1941–1943 гг. объекта историко-культурного наследия, а также последующего обсуждения с ветеранами-участниками событий, авторами мемориального комплекса, представителями административных структур областного, городского и районного уровня, военно-исторических и других общественных объединений, казачества, краеведами, общественностью и СМИ был сделан вывод о целесообразности создания Центра исторических и этнографических реконструкций в виде специализированной структуры на базе мемориального комплекса «Кумженская роща». Его функциями могут стать обеспечение порядка на объекте и прилегающей территории, организация памятных мероприятий на объекте, развитие туристического потенциала, формирование реквизита для проведения тематических выставок и их организация, проведение натуральных исторических реконструкций, создание на основе облегченных конструкций, экспонатов и образцов военной техники стационарного тематического комплекса, посвященного знаковым событиям нашей истории.

В основу концепции Центра военно-исторической и этнографической реконструкции также можно положить идеи, реализованные в рамках туристического комплекса «Атамань» в Темрюкском районе Краснодарского края, где объект «Лысая гора», посвященный героическим боям за Таманский полуостров, достаточно удачно сочетается с полномасштабной этнографической реконструкцией казачьей станицы.

В целях практического подтверждения привлекательности замысла для молодежи, ветеранов и СМИ 13 октября 2012 г. в рамках акции «Поддержи отечественную историю» РОО СИКН ВООПИиК совместно с Южно-Российским институтом-филиалом Российской академии народного хозяйства и государственной службы организовала презентацию Центра. Во время презентации в сборном павильоне, установленном на площадке возле пилонов мемориального комплекса «Кумженская роща», была развернута фотовы-

ставка «Ростов 1941–1942: время испытаний», прошла встреча с участником боев за Ростов в 1941–1942 гг. А.М. Карагозовым. По мнению всех участников акции, мероприятие продемонстрировало перспективность идеи Центра. Концепция Центра поддержана профильным комитетом Законодательного собрания Ростовской области. Центр может стать пилотной структурой по реализации аналогичных проектов на других крупных объектах историко-культурного значения.

Вместе с тем, с учетом значительного количества объектов и большой территории их размещения требуется рационально подойти к имеющимся ресурсам и организовать работу таких структур по сетевому принципу. В качестве обоснования этого принципа можно опереться на опыт реализации социально-ориентированной программы «В поисках исчезающего мира: научно-образовательное путешествие по загадкам и тайнам аграрной истории Ростовской области» [6], поддержанной Министерством внутренней и информационной политики Ростовской области. В рамках программы была разработана серия новых историко-образовательных маршрутов. Одним из них является упоминавшийся маршрут «Миусская стрела», начинающийся в хуторе Недвиговка, проходящий через Таганрог, Миусский полуостров и продолжающийся вдоль реки Миус до Куйбышевского района Ростовской области. Дополненный территориями Западной части Ростова-на-Дону и Мясниковского района Ростовской области, а по всей протяженности – объектами, посвященными событиям Великой Отечественной войне, а также новым музеем на реке Самбек, данный маршрут может считаться в целом соответствующим основным параметрам, необходимым для формирования сетевых структур. В содержание деятельности такой сети может входить создание новых и модернизация существующих историко-образовательных маршрутов, организация и методическая проработка исторических и этнографических реконструкций, содействие развитию инфраструктуры приема и обслуживания туристов и экскурсантов. При реализации указанных выше программ сформировалась базовая рабочая группа с участием представителей Южного федерального университета, администрации Куйбышевского района, представителей Археологического музея-заповедника «Танаис», субъектов туристической деятельности и общественных объединений, которая может организовывать взаимодействие заинтересованных сторон.

Анализ потенциальных целевых групп маршрута «Миусская стрела» и Центра военно-исторической и этнографической реконструкции показывает, что среди них могут быть следующие категории туристов и экскурсантов: школьники, студенты профильных направлений, молодежь и другие лица, интересующаяся активным отдыхом, историей, краеведением, военной и этнографической тематикой, природными ландшафтами, сельским бытом, экологичными продуктами и местами проживания. Оптимальная группа по работе на маршруте может включать экскурсовода, аниматоров и реквизито-

ров, специалистов-методистов по группам объектов, оснащенных информационными материалами, реализаторов сувенирной, печатной и медиапродукции. Необходимо разработать альтернативные логистические схемы, которые бы обеспечили возможность неоднократного посещения маршрута одной и той же аудиторией.

Перспективы дальнейшей работы также связаны с потенциальным участием в реализации комплексного проекта ЮФУ через организационную интеграцию, включающую развитие туристической инфраструктуры на основе структур ЮФУ, АМЗ «Танаис» и Донского военно-исторического музея, компактно расположенных на западе хутора Недвиговка. Это позволит осуществить комплексный территориально-отраслевой проект, охватывающий, по меньшей мере, 5 муниципальных образований и включающий сферы музеефикации, популяризации и использования объектов историко-культурного наследия, развития туристической инфраструктуры, а также смежных отраслей, включая производство качественных и экологичных продуктов питания, рекреационных зон и структур, социальной сфере сельских территорий.

В настоящее время разрабатывается обоснование эффективности предложений по всему комплексу направлений, включая повышение притока посетителей из зарубежных европейских стран и кадрового обеспечения. В целях проработки представленных направлений в 2013 г. предполагается провести серию научно-практических мероприятий по вопросам музеефикации больших территорий Ростовской области на основе кластерной методологии и связанных с этим механизмов развития туризма как отрасли экономики.

Примечания:

1. Государственная стратегия формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации // Наследие и современность. Информационный сборник. Вып 13. М., 2006. С. 4–100.
2. Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. СПб., 2005; Панкрухин А.П. Маркетинг территорий. СПб., 2006; Динни К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. М., 2013. С. 336.
3. Судоргин Н.Г., Чеснок В.Ф. Историко-образовательные маршруты. Социально-ориентированной программа «В поисках исчезающего мира: научно-образовательное путешествие по загадкам и тайнам аграрной истории Ростовской области». Ростов н/Д, 2012.
4. Гончарова Г.А., Судоргин Н.Г. Творческий отчет о реализации социально-ориентированной программы «Содействие в сохранении и популяризации мемориального комплекса «Кумженская роща». Ростов н/Д, 2012.
5. Чеснок В.Ф. Танаис в круге земном. 2-е изд. Ростов н/Д, 2007.
6. Судоргин Н.Г., Чеснок В.Ф. Творческий отчет о реализации социально-ориентированной программы «В поисках исчезающего мира: научно-образовательное путешествие по загадкам и тайнам аграрной истории Ростовской области». Ростов н/Д, 2012.

И.В. Гаркуша

Роль частных музеев в формировании исторической памяти и культуры (на примере Таганрогского военно-исторического музея)

Многие из современных коллекционеров, движимые не просто духом собирательства, а стремлением к сохранению великой истории великой страны, всегда имели духовно-интеллектуальные предпосылки для изучения жизни русского, советского, российского народа и наиболее значимых явлений в истории России. В свою очередь, многие известные музеи мира имеют ядром своей коллекции предметы старины именно из частных коллекций. Исторические музеи, созданные в любой период развития нашей страны, всегда осознавали значимость сохранения культурного наследия, передачи его потомкам и повышения культуры населения региона в целом.

Путем накопления исторических ценностей культура движется вперед. Большие и маленькие памятники духовной культуры, собранные в музейную коллекцию, позволяют не только иметь общее представление о событиях давно минувших лет, но и изучать историю более углубленно и досконально, что наполняет коллекционирование более значимым культурным смыслом. Следование традициям коллекционирования, участие в формировании исторического сознания части общества, проведение просветительской работы – все это вызывает у истинных коллекционеров потребность в публичной демонстрации предметов своих коллекций.

И здесь коллекционирование как культурно-социальный феномен позволяет не только раскрыться личности собирателя, отразить его вкусы, интересы и способности, но и понять уровень культуры и восприимчивости общества к предлагаемым ценностям. Благодаря вложенным материальным средствам (зачастую немалым), приложенным усилиям частных коллекционеров формировался и продолжает формироваться музейный фонд России. С увеличением экономического потенциала России и ее жителей количество частных коллекций, обретающих статус музеев, неуклонно увеличивается, так как растет стремление собирателей к самовыражению в масштабах города, региона и страны в целом.

Если рассматривать предпосылки и историю возникновения частной коллекции на примере Таганрогского военно-исторического музея, то здесь все достаточно просто. Создавая коллекцию (вначале это были старинные автомобили и мотоциклы), мы не знали о культурных порывах известных коллекционеров и меценатов прошлой эпохи, но ощущали огромную потребность сделать что-то значимое для своего родного города, для своей Родины. И, начав с пары-тройки экспонатов, через пять лет пришли к созданию пусть пока еще не очень большого, но полноценного музея, которым можем гордиться.

Работая в семейном бизнесе на семейном предприятии «ЮГ-Художественнаяковка», создатели музея часто бывали на выставках, в музеях и культурных мероприятиях, проводимых в нашей стране и за рубежом. Анализ увиденного, собственный художественный вкус и эстетические пристрастия позволили выработать концепцию развития музея, основных направлений его культурно-просветительской деятельности. Тема создания военно-патриотической экспозиции оказалась особенно актуальной в преддверии празднования знаменательных дат, связанных с Великой Отечественной войной. Таганрогский военно-исторический музей распахнул свои двери в канун 65-летия Победы советского народа 6 мая 2010 г. Оформленная экспозиция стала достойным вкладом в культурное развитие города.

Большая часть экспозиции Таганрогского военно-исторического музея посвящена Великой Отечественной войне. В городе воинской славы, находившемся на Миус-фронте, с хорошо развитым подпольем, это закономерно и оправданно, ведь многие поколения горожан помнят, какой ценой досталась тогда победа. К сожалению, объем подаваемых в средней школе материалов о Великой Отечественной войне настолько мал, что лишь проводимые в музее экскурсии могут всколыхнуть детские сердца, привлечь и увлечь новыми знаниями, полученными у героических экспонатов.

В музее нет неоригинальных вещей – только подлинники. Именно предметы с героическим прошлым вызывают у школьников и взрослых посетителей неподдельный интерес. Нелишне отметить, что, по нашим наблюдениям, школьники младших классов с большей заинтересованностью подходят к пониманию истории Великой Отечественной войны и к практическим занятиям по разборке и сборке макетов оружия. У старшеклассников этой заинтересованности уже нет, хотя именно они – будущие защитники нашей Родины. Очевидно, любовь к военной истории и желание служить в Российской армии нужно начинать формировать еще в начальной школе, возрождая военно-спортивные игры «Орленок», «Зарница» и другие.

Кроме большого удовлетворения от успехов в создании музея, культурных мероприятий, проводимых в городе, участия в мероприятиях и реконструкциях исторических событий в других городах, мы почувствовали тяжелое бремя финансовых затрат, легших на плечи и кошельки основателей музея. Понимая, что доход от продажи билетов не покрывает и десятой части необходимых для нормального функционирования и развития музея расходов, тем не менее, продолжаем формировать музейную экспозицию. Взяв на себя обязанности государственной важности по развитию культуры как исторически унаследованного опыта поколений, ощутили, насколько необходимы более существенные финансовые вливания в эту сферу. Несмотря на то, что музей участвует в выставках и мероприятиях не только в Таганроге, но и в других регионах, остро стоит вопрос о дополнительном финансировании многих проектов. Ведь при достойном финансировании из бюджета любого уровня сотрудники музея смогли бы осуществить гораздо более значимые

и более масштабные проекты, прославляющие город Таганрог, Ростовскую область и Россию. Вложения в культуру пусть и не заметны сразу в виде финансовой прибыли, но в конечном итоге возвращаются региону повышением уровня культуры его жителей, их уровня интеллектуального развития и самосознания. Да и среди самих людей в настоящее время заметен явно возросший интерес к культурному наследию. Но все это при условии правильной и интересной подачи культурного материала.

В данный момент перед Таганрогским военно-историческим музеем, как и перед многими другими частными музеями, стоит дилемма – остаться просто музейной коллекцией, тешущей самолюбие самого собирателя и узкого круга лиц, или стать полноценным учреждением культуры, приносящим весомый вклад в культурное развитие общества. Второй путь почетен и благороден, но дорогостоящ. Здесь решающее слово – за руководителями муниципального, областного и федерального уровней, заинтересованными в развитии культуры страны и ее народа. Динамика появления частных музеев в России явно свидетельствует о прогрессирующих культурных потребностях «снизу». Важно, чтобы их дела и «дум высокое стремление» были замечены и по достоинству отмечены «сверху».

И.Ю. Стреляев

ДОНСКОЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ – МУЗЕЙ ЖИВОЙ ИСТОРИИ

В современной информационной среде музей как учреждение культуры приобретает особое значение. В период, когда количество информации удваивается, в среднем, раз в пять лет, а в Интернете можно найти практически любую информацию, музей становится носителем особых знаний – знаний о материальной культуре. Где еще, как не в музее, можно увидеть подлинные экспонаты или их точные копии. В настоящее время возрастает интерес именно к подобным носителям информации, поскольку предметы материальной культуры гораздо реже имеют двойное толкование и не подвержены политической моде. Самое главное в новой концепции музея – возможность не только увидеть, но и прикоснуться к истории, поддержать ее в руках, в прямом смысле слова. Можно долго говорить о достоинствах танка Т-34, но лишь когда увидишь его воочию и сравнишь с германскими танками, по-настоящему оценишь подвиг советских танкистов. И взятый в руки настоящий ППШ-41 позволяет сразу понять, насколько был тяжел труд пехотинца. В Западной Европе такое направление музейной деятельности получило название «living history» – «живая история». В рамках подобных проектов создаются целые

ожившие деревни викингов, римские города, позволяющие лучше почувствовать историю и дающие возможность увидеть все так, как если бы вы воспользовались машиной времени. Огромный успех подобных музеев на Западе позволяет и нам надеяться на успех данной концепции.

Еще одной важной функцией музея становится организация натуральных военно-исторических реконструкций и фестивалей, привлекающих большое количество зрителей. Например, реконструкция Бородинского сражения в 2012 г. собрала 200 тыс. зрителей. Использование во время реконструкции массогабаритных моделей и муляжей делает участие в подобных мероприятиях безопасным и увлекательным, а привлечение страйкбольных технологий вполне может возродить традиции проведения популярной в советское время игры «Зарница», которая являлась для молодежи прекрасной подготовкой к службе в армии.

В 2006 г. группой энтузиастов военной истории Донского края в Ростовской области было зарегистрировано негосударственное учреждение культуры «Донской военно-исторический музей». Официально основные цели создания музея сформулированы так: содействие в реализации государственных программ патриотического воспитания граждан России, военно-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, восстановление традиций уважительного отношения к истории Российского государства, организация и проведение военно-патриотических мероприятий, как силами музея, так и при взаимодействии с государственными, административными и общественными организациями и учреждениями. Задача музея – наглядно и правдиво показывать и разъяснять историческое значение тех или иных событий, вовлекая в процесс изучения истории страны, региона возможно большее количество людей, особенно подрастающего поколения.

Экспозиция музея начиналась с одной 45-мм пушки образца 1937 г., а спустя всего семь лет его коллекция превысила 50 единиц техники, среди которой редчайшие экспонаты, как, например, единственный восстановленный в России легковой автомобиль ГАЗ М-1 «Фаэтон». Из года в год коллективом музея ведется целенаправленная непрерывающаяся работа по восстановлению техники и образцов вооружения различных стран и эпох. На сегодняшний день Донской военно-исторический музей имеет самую большую коллекцию действующей техники (более 30 единиц) в России и постоянно пополняет ее. Действующая техника – это предмет особой гордости сотрудников музея. Но не только поэтому он является музеем «живой истории», а еще и потому, что каждый работник музея – специалист по конкретной эпохе и может рассказать гораздо больше и полнее, чем любой экскурсовод, а личное участие в историях появления или восстановления экспонатов дополняет строгие факты интереснейшими подробностями.

Ежегодное участие Донского военно-исторического музея в праздновании Дня Победы стало доброй традицией и популярным мероприятием в жизни города. Выставляя на обозрение в различных районах Ростова-на-Дону до

20 единиц военной техники, коллектив музея проводит огромную просветительскую работу. Исторические викторины, ставшие еще одним обязательным атрибутом выездной экспозиции, дают гостям праздника возможность проверить свое знание истории нашей Родины и получить за правильные ответы призы – документальные фильмы, снятые видеостудией Донского военно-исторического музея. С 2006 г. на базе проводимых реконструкций создано более 40 документальных военно-исторических фильмов, военно-патриотических роликов, а также видеоклипов авторских патриотических песен, созданных творческой группой музея. Изготовленные музеем видеодиски бесплатно распространяются в учебных заведениях, воинских частях, трудовых коллективах, общественных и патриотических организациях, демонстрируются на каналах телевидения Ростовской области. Общий тираж превысил 30 тыс. экземпляров. Весь видеоматериал находится в свободном доступе сайте музея на сайте: www.donskoy-muzeu.ru.

Основными социально значимыми и масштабными мероприятиями Донского военно-исторического музея являются военно-исторические реконструкции различных исторических эпох. С 2006 г. Донской военно-исторический музей организовал и принял участие более чем в 100 военно-исторических мероприятиях на территории Ростовской области, Российской Федерации, стран СНГ, Восточной и Западной Европы. В 2008 г. на реконструкции, посвященной 65-ой годовщине освобождения Ростовской области от немецко-фашистских захватчиков, число участников и зрителей составило более 30 тыс. чел. Всего же за время деятельности музея численность зрительской аудитории превысила 1 млн чел.

Музей принимает участие в организации и проведении ежегодных областных выставок «Вахта памяти воинской славы», где посетители имеют возможность узнать больше об истории Донского края, освобождении г. Ростова-на-Дону, о сражениях Великой Отечественной войны, событиях войны в Афганистане, о службе в современной армии. Также музей принимает участие во всероссийских выставках в Москве в выставочных комплексах Манежа и на Поклонной горе, представляя часть своей экспозиции гостям мероприятий.

Музей ведет активную патриотическую работу с допризывной и призывной молодежью, военнослужащими и членами их семей, организует и проводит творческие мероприятия военно-патриотической направленности, участвует в организации и проведении мероприятий по увековечиванию памяти погибших воинов, освещает роль армии в жизни советского и Российского государств, участия Северо-Кавказского военного округа в Великой Отечественной войне, помогает ветеранам войны, действующим частям и подразделениям Южного военного округа.

В современной концепции музея одним из важнейших условий успешной и плодотворной деятельности становится наличие координационного совета или просто Совета музея. В Донском военно-историческом музее создан

такой совет, состоящий из группы энтузиастов военной истории, специалистов, группы профессиональных историков-консультантов и представителей различных военно-исторических клубов. А вся совместная деятельность переросла в Донское военно-историческое движение.

В своей деятельности Донской военно-исторический музей взаимодействует с Правительством Ростовской области в лице Министерства культуры, Комитета по молодежной политике, Министерства общего и профессионального образования, с Военным комиссариатом Ростовской области, Администрацией г. Ростова-на-Дону и его управлением культуры, а также региональным отделением ДОСААФ России, Управлением ФСБ России по Ростовской области, региональным командованием Внутренних войск МВД России по Южному федеральному округу, штабом Южного военного округа, Главным управлением МВД России по Ростовской области, Ростовской-на-Дону Епархией Русской православной церкви, Войсковым казачьим обществом «Всевеликое войско Донское», Российским государственным военным историко-культурным центром при Правительстве Российской Федерации. Активное взаимодействие осуществляется с общественными и патриотическими организациями: Ростовским региональным представительством Всероссийской общественной организацией ветеранов войны и военной службы, Ростовским городским советом ветеранов войны, Областным союзом ветеранов Афганистана, ветеранской организацией «Боевое братство».

Деятельность Донского военно-исторического музея высоко оценена государственными, административными, силовыми структурами и общественными организациями: четверо сотрудников музея награждены медалью «Патриот России», вручено более 40 медалей и нагрудных знаков за вклад в военно-патриотическую работу. Донской музей отмечен более чем 50 благодарственными письмами, дипломами и грамотами за активную военно-патриотическую работу и работу с молодежью.

В планах Донского военно-исторического музея на 2013 г. более 25 различных военно-патриотических мероприятий. Одним из наиболее значимых и масштабных является военно-историческая реконструкция, посвященная 70-летию освобождения Ростовской области от немецко-фашистских захватчиков «Прорыв Миус-фронта».

Информационный прогресс XXI в. делает невозможным старые формы работы с молодежью. Поэтому следующим этапом развития музея неизбежно становится переход от информационно-знаниевой системы к креативно-когнитивной. На смену преподавателю или экскурсоводу в музей, который просто служил транслятором информации, должен прийти новый тип передачи знаний, когда главным становится вовлечение молодежи (обучающихся) в процесс получения знаний и навыков по их критическому отбору, умению извлекать информацию и проводить критический анализ получаемой информации. Проблема подачи материала, изложения различных точек зрения на события истории должна побудить посетителя к дальнейшему процессу

получения знаний. Экспозиция музея будет носить многоуровневый характер. Например, самый простой уровень информации должен включать яркие зрительные образы – диорамы, манекены, масштабные фигуры. Данный уровень вполне доступен для школьников младших классов. Следующий уровень содержит проблемный материал, который может излагаться в виде таблиц, схем, диаграмм, дающих, например, сравнительный анализ состояния бронетанковых войск на начальный период Великой Отечественной войны. Вопрос или проблема должны содержаться либо в самой экспозиции, либо формулироваться в устной форме экскурсоводом. Третий уровень предназначен для специалистов и знатоков военной истории. Этот уровень предполагает глубокое проникновение в специфику проблемы. Например, на отдельном мониторе дается дополнительная информация об оборотной стороне тех или иных экспонатов, внутренний вид и устройство технических объектов. Там же могут содержаться чертежи, схемы и параметры рассматриваемых объектов, с возможностью скачать эту информацию на электронный носитель экскурсанта.

Донской военно-исторический музей постоянно развивается, совершенствуя методы работы, и приглашает к сотрудничеству все организации, заинтересованные в духовно-нравственном воспитании граждан Российской Федерации и увековечивании исторической памяти нашего Отечества.

В.И. Чуцков

РАБОТА ОБЩЕСТВЕННЫХ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО УВЕКОВЕЧИВАНИЮ ПАМЯТИ ВОИНОВ, ПОГИБШИХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Современная ситуация в стране и в мире вызывает необходимость более детального и правдивого изучения истории Великой Отечественной войны, ратного подвига Рабоче-крестьянской Красной армии в борьбе с фашистской Германией, мужества, героизма и жертвенности всего советского народа. Требуется активное вовлечение в историко-патриотическую работу с молодежью представителей различных органов государственной, региональной, муниципальной власти, бизнеса, общественных организаций.

Отсутствие единой государственной политики в сфере патриотического воспитания привело к утрате складывавшихся не одно десятилетие приоритетов, самих стимулов служения Родине и ее защиты. Резкое социальное разделение общества еще сильнее обострило эти процессы. Кинематограф в последние годы создает негативный образ советского солдата времен Великой Отечественной войны, который перестал быть образцом для под-

ражания. Это место в глазах современной молодежи заняли профессиональные спортсмены, представители шоу-бизнеса, герои иностранных фильмов. О необходимости сохранения памяти о Великой Отечественной войне писал ветеран Вооруженных сил России, генерал-майор в отставке А.А. Кочеров: «Сегодня трудно оспаривать факт, что истоки современного российского патриотизма во многом связаны с духовным наследием Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В канун 70-летия Победы особенно следует сказать о патриотическом подвиге нашего народа и армии. Никогда еще в истории Российского многонационального государства не было такого массового интернационального сплочения всех его граждан, такого мощного проявления патриотических чувств, самопожертвования и всеобщего стремления отстоять свободу и независимость Родины, как в период смертельной схватки с фашизмом в 1941–1945 гг. Ведь речь тогда шла не только о самом существовании России (в лице Советского Союза), но и о жизни и смерти всех наций и народностей, населяющих ее просторы. Более того, стоял вопрос и о спасении всей мировой цивилизации от угрозы ее полного уничтожения. И лишь советский народ и его Вооруженные силы оказались способными остановить, переломить и сокрушить ударные силы агрессоров» [1].

В данной ситуации возрастает роль общественных патриотических организаций, занимающихся увековечиванием памяти погибших воинов. В рамках данной деятельности сформировались различные направления работы: научно-архивное, поисковое, реконструкторское, издательское, видео-документальное, духовно-окармливающее, реставрационно-мемориальное, военно-туристическое, творческое, массово-патриотическое. Ростовские общественные патриотические организации играют немаловажную роль в реализации всех указанных направлений работы на материалах Великой Отечественной войны как важнейшего места исторической памяти юга России.

В вопросах научно-архивной работы практически все организации, занимающиеся историей Великой Отечественной войны, обращаются за консультациями в Южный научный центр Российской академии наук (председатель – академик РАН Г.Г. Матишов) и входящий в него Институт социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН. Научный сотрудник лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН В.И. Афанасенко входит непосредственно в состав нескольких общественных патриотических организаций. Заинтересованным организациям предоставляются справки о различных исторических событиях Великой Отечественной войны, участвовавших в них воинских частях и соединениях.

Два раза в год в Ростовской области проходят поисковые вахты памяти в местах боев в годы Великой Отечественной войны. По итогам поисковых мероприятий собранный исторический материал обобщается, систематизируется, анализируется и передается в ЮНЦ РАН, областной военный комиссариат и всем заинтересованным в этой информации организациям. Активной

поисковой работой занимаются военно-патриотический клуб «Рысь» (руководитель – А.Л. Жуков), поисковое объединение «Миус-Фронт» (руководитель – А.Ю. Кудряков), областной поисковый клуб «Память – Поиск» (руководитель – В.К. Щербанов).

На основе документов и с учетом итогов проведения поисковых мероприятий проводятся военно-исторические реконструкции. Так, в 2008 г. в Матвеево-Курганском районе состоялась реконструкция, посвященная освобождению Ростовской области, одним из сюжетов которой был подвиг старшего сержанта 905-го стрелкового полка 248-й стрелковой дивизии П.Г. Пудовкина, который закрыл своей грудью амбразуру вражеского пулемета при прорыве немецкой оборонительной линии у села Петрополье. Постоянным автором и организатором проведения военно-исторических реконструкций является директор Донского военно-исторического музея И.Ю. Стреляев.

Издательское направление представлено публикацией научных трудов сотрудников ЮНЦ РАН и ИСЭГИ ЮНЦ РАН, поисковиков, ветеранов Великой Отечественной войны и других исследователей, посвященных боям на юге России в 1941–1943 гг.

Эффективным и доступным широким общественным слоям направлением работы является создание документальных видеоматериалов. Они создаются на основе реальных событий Великой Отечественной войны, сопровождаются комментариями профессиональных историков, ветеранов, фрагментами военной хроники, современных военно-исторических реконструкций. Короткометражные ролики и видеоклипы позволяют донести до зрителей необходимую информацию о реальных событиях. К настоящему времени Донским военно-историческим музеем создано около тридцати документальных фильмов, видеороликов, музыкальных видеоклипов о Великой Отечественной войне.

По благословению митрополита Ростовского и Новочеркасского Меркурия духовное окормление работы в деле увековечивания памяти погибших воинов осуществляет Ростовская-на-Дону Епархия. Священнослужители принимают участие в совершении поминальных литургий и молебнов по погибшим во время перезахоронений и в местах, где проходили бои в годы Великой Отечественной войны. Эта работа организуется и проводится руководителем епархиального отдела по взаимоотношениям церкви и общества, настоятелем прихода святого Георгия Победоносца протоиереем о. Валерием (Волощуком).

Документы архивов и итоги вахт памяти дают возможность определить места наиболее ярких сражений, установить факты воинских подвигов советских воинов с целью увековечивания их в виде установки памятников, памятных знаков, поклонных крестов, восстановления разрушенных воинских захоронений. В этой работе активное участие принимают Ростовское региональное отделение Всероссийской общественной организации ветера-

нов войны и воинской службы, Ростовский духовно-патриотический центр Святого Георгия Победоносца, поисковое объединение «Миус-Фронт», военно-патриотический клуб «Рысь», ЮНЦ РАН, ИСЭГИ ЮНЦ РАН, Донской военно-исторический музей, региональное отделение Российского государственного военного историко-культурного центра при Правительстве Российской Федерации по Ростовской области, региональное отделение ДОСААФ России по Ростовской области, поисковый клуб «Дон», областной военный комиссариат. Общественными организациями проводится работа по восстановлению воинских захоронений. Установлен памятный крест в месте прорыва Миус-фронта у села Русского в Куйбышевском районе, два памятных знака в Матвеево-Курганском и Куйбышевском районах, восстановлен памятный знак у села Рясного, Матвеево-Курганского района, восстановлено воинское захоронение «Могила неизвестного матроса» в поселке Рогожкино, Азовского района. Активную помощь в деле увековечивания памяти оказывают ООО «Родос» (директор – Ю.Д. Сыркин), Межрегиональное общественное патриотическое движение «Наследники победы» (руководитель – В.В. Колякин). Силами общественных организаций проводятся поездки по местам боев учащейся молодежи и их родителей.

Образ всенародного подвига побуждает творческих людей к написанию новых стихов и песен, посвященных Великой Отечественной войне. Так, автором данной работы к 65-летию Победы издан песенно-поэтический сборник «Путь к Победе», в него вошло поэтическое повествование о Великой Отечественной войне «Переключка». Стихи и рассказы о войне пишут В.И. Афанасенко, А.Ю. Кудряков и другие авторы.

Ежегодно проходят фестивали военно-патриотической песни, выставки «Вахта памяти воинской славы», «Ростов-на-Дону – город первого удара», проводятся патриотические мероприятия, приуроченные к определенным историческим датам, организуются встречи с ветеранами, автопробеги и полевые выходы. Все направления деятельности реализуются при поддержке Российского государственного военного историко-культурного центра при Правительстве Российской Федерации, Регионального отделения ДОСААФ России по Ростовской области, Ростовского регионального отделения Российского комитета ветеранов войны и воинской службы, Министерства общего и профессионального образования Ростовской области, управлений культуры и образования администрации г. Ростова-на-Дону, Ростовской-на-Дону Епархии, представительства дирекции ралли-рейд «Шелковый путь» серии «Дакар» по Южному федеральному округу, штаба ЮВО, окружного и гарнизонного домов офицеров. По итогам проведения мероприятий число участников и зрителей превысило 1 млн чел. Заметен рост патриотической активности и духовного совершенства молодежи, принимающей участие в организации и проведении мероприятий и присутствующей на них в качестве зрителей.

Становится очевидной необходимость взаимодействия всех учреждений и организаций, заинтересованных в сохранении исторической памяти

о Великой Отечественной войне. Это обуславливает необходимость создания единого органа, призванного систематизировать всю информацию о событиях, происходивших в годы Великой Отечественной войны на юге России, анализировать и давать научную оценку результатам поисковых вахт памяти, создавать методический материал для дополнения существующих образовательных программ в учебных заведениях, издавать научные работы и воспоминания ветеранов. Такой объединяющий орган может быть создан при ЮНЦ РАН с привлечением к его работе представителей общественных патриотических и религиозных организаций. Реализация данной инициативы приобретает особую актуальность в связи с приближающимся 70-летием Победы в Великой Отечественной войне.

Примечания:

1. Кочеров А.А. Патриотизм и безопасность России // Патриот отечества. 2013. № 3.

В.М. Юрченко

**Память о Великой Отечественной войне
в контексте патриотического воспитания
студенческой молодежи на Юге России**

Построение гражданской нации есть необходимое условие безопасности полиэтнических государств. Как подчеркивает С. Маркедонов, прекращение дезинтеграции страны, достижение не провозглашаемого, а реального единства правового, политического и социально-экономического пространства станет необратимым лишь в том случае, если у всех граждан Российской Федерации выработается ощущение принадлежности к России не на основе кровного родства, а на основе историко-культурной общности [1]. Позитивные, объединяющие общероссийские ценности еще предстоит утверждать. Президент России В.В. Путин на встрече с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодежи 12 сентября 2012 г. в г. Краснодаре, оценивая значимость данной темы, отметил, что «это разговор о самом главном: о ценностях, о нравственных основах, на которых мы можем и должны строить нашу жизнь, воспитывать детей, развивать общество, в конечном итоге укреплять нашу страну» [2].

Президент страны поднял вопрос о воспитании молодежи, о настоящем, не казенном патриотизме, о нравственных основах, ценностях, на которых мы должны строить нашу жизнь, обозначил проблемы – поиск живых,

эффективных форм воспитательной работы, связь воспитания и образования. Как отметил В.В. Путин, необходимо говорить о воспитательной роли системы образования, о современных подходах к преподаванию таких базовых предметов, как история, русский язык, литература, культура народов России, основы традиционных религий. Сюда можно добавить весь гуманитарный блок, в том числе социологию, политологию, право.

Разговор, начатый президентом страны в Краснодаре, получил свое продолжение на I и II Всероссийских конгрессах проректоров по воспитательной работе вузов (21–23 сентября 2012 г. и 15–17 марта 2013 г., г. Москва). В Резолюции II конгресса отмечено, что, участвуя в реализации Государственной молодежной политики и руководствуясь положениями Послания Президента Федеральному Собранию от 12 декабря 2012 г., профессиональное сообщество проректоров по воспитательной работе сосредотачивает свое внимание на следующих приоритетных направлениях: гражданское образование и патриотическое воспитание студенческой молодежи как условие сохранения национальной и духовной идентичности, сбережение исторической памяти Отечества; развитие социокультурной среды вузов через пропаганду общественных ценностей, развитие физической культуры и спорта, утверждение моды на здоровый образ жизни; активизация студенческого самоуправления, поддержка позитивных молодежных субкультур, совершенствование форм и методов подготовки студенческого актива, механизмов адаптации первокурсников; формирование действенных форм взаимодействия с работодателями.

Большой опыт формирования гражданских качеств личности студенческой молодежи накоплен в Кубанском государственном университете. Проблемам воспитания в КубГУ в последние годы уделяется особое внимание, и развитие студенческого самоуправления обозначено как одно из приоритетных направлений развития вуза. И в этом процессе значимая роль отводится памяти о Великой Отечественной войне.

Свою концепцию воспитательной работы с молодежью мы вложили в заявку на участие в конкурсном отборе Программ развития деятельности студенческих объединений вузов, который проводило Министерство образования и науки Российской Федерации весной 2012 г. Университет вошел в число победителей этого конкурса и получил право на финансирование нашей программы на 2012–2013 гг. в размере 40 млн руб. Накопленный опыт патриотической работы и новые возможности, которые предоставила Программа, позволили провести большую организационно-методическую работу по подготовке к созданию Центра патриотического воспитания.

Ключевым элементом реализации Программы является развитие патриотизма у студенческой молодежи. В университете действует Клуб военно-патриотического воспитания, созданный более года назад по инициативе студентов двух факультетов – географического и управления и психологии. В ближайшее время он будет преобразован в Центр военно-патриотического

воспитания, который будет координировать работу в разных направлениях: научно-исследовательском, поисковом, творческом, спортивном, осуществлять связь студентов с ветеранами, с активом музея. Само создание Клуба военно-патриотического воспитания в университете имеет интересную предысторию: 15 февраля прошлого года, в очередную годовщину вывода войск из Афганистана, ребята возложили цветы к памятнику «Сынам Кубани, павшим в Афганистане», а затем встретились с Героем России полковником Е. Шендриком. Рассказы участника военных событий и подвиги ребят на создание клуба, а его почетным президентом они единогласно избрали Е. Шендрика.

Важным элементом патриотического воспитания является участие студентов в научных конкурсах, имеющих большое познавательное и воспитательное значение. Так, студенты КубГУ уже второй год активно участвуют в краевом конкурсе студенческих научно-исследовательских работ «Великая Отечественная война в судьбе моей семьи». В 2012 г. победителем конкурса стала студентка факультета истории, социологии и международных отношений КубГУ Е. Канашина. В своей работе она писала: *«Из нашей семьи семь человек принимали участие в боях с немецко-фашистскими оккупантами. В Белоруссии погиб мой прапрадед, а шестеро дожили до светлого дня Победы»*. Интересные работы поданы студентами КубГУ для участия в краевом конкурсе и в этом году.

Сегодня Е. Канашина работает над дипломным проектом, героем которого будет преподаватель КубГУ – ветеран Великой Отечественной войны, заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор А.П. Чугаев, которому в этом году исполняется 90 лет. И сегодня А.П. Чугаев интересными рассказами о военных дорогах, своей активной гражданской позицией, как и его коллеги-ветераны профессора А.А. Хмыров, Е.А. Дегтерев, В.Н. Тюрин, Г.С. Гужин, Д.Г. Щербина, К.М. Мартыненко, доценты В.П. Кузьменко, В.С. Демченков, Н.Н. Давыдов, воспитывают в молодежи тот настоящий патриотизм, то чувство гордости за свою страну, которые служат молодым лучшей наукой.

В рамках Программы (направление военно-патриотического воспитания) прошли: акция «Мальчишки – равнение на ветеранов», круглый стол «За веру, Кубань и Отечество!», мероприятие «Поколение – рядом», экскурсии в город-герой Новороссийск. В ноябре прошлого года и в начале нынешнего были организованы поездки для студентов университета в город-герой Волгоград с посещением памятных мест, встречами с участниками Сталинградской битвы. Побывав в Волгоградском государственном университете, ребята узнали, что в великом сражении, определившем перелом в Великой Отечественной войне, героически сражались и бойцы Краснодарского особого курсантского полка. Теперь они решили разыскать о них какие-либо сведения. В ближайших планах – поездка в станицу Тбилисскую, где участники Клуба военно-патриотического воспитания

встретятся с племянником Героя Советского Союза И.М. Якубина, ушедшего на фронт слушателем подготовительного отделения физико-математического факультета. В прошлом году, участвуя в федеральном проекте «Наша общая победа», молодые люди сделали 20 видеороликов с рассказами ветеранов о жизненном пути [3].

Связь науки и патриотического воспитания также осуществляется через проведение в университете научно-исследовательской конференции «Столыпинские чтения». В 2012 г. состоялись первые Столыпинские чтения, которые способствовали гражданскому и патриотическому воспитанию студентов, изучению наследия П.А. Столыпина, популяризации идей столыпинской модернизации. Вопросы патриотического воспитания студенческой молодежи недавно были рассмотрены и на международном круглом столе «Историческая память в политическом пространстве современной России (к 70-летию разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом)», в котором приняла участие делегация КубГУ.

Посещение таких памятных мест, как Мамаев курган, Панорама Сталинградской битвы, музейный комплекс, где был пленен фельдмаршал Паулюс – все это играет в воспитательном процессе значительную, может быть, даже определяющую роль. Президент В.В. Путин, принимая участие в мероприятиях, посвященных 70-летию разгрома немецко-фашистских войск в Сталинградской битве, сказал: «Патриотизм – это не что другое, как любовь к Родине. Без этого ни одна страна существовать не может: она просто растворится как кусочек сахара в этом чае... И до тех пор, пока мы с уважением будем относиться к самим себе, своей истории, будем относиться с уважением и любовью к своей Родине, к своему языку и к своей культуре, к своей исторической памяти, – Россия всегда будет непобедимой» [4].

К 70-летию разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом была проведена фотовыставка по итогам состоявшейся поездки в Волгоград, принято решение не просто периодически посылать туда наших студентов, а совместно со студентами ВолГУ проводить обсуждение увиденного, острых проблем, связанных с историей Великой Отечественной войны, молодежной политикой, модернизационными процессами. Студенты-члены Клуба творческой молодежи КубГУ подготовили праздничный концерт, посвященный 67-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Создана стрелковая секция и секция выживания в экстремальных ситуациях, подготовлена материально-техническая база для их работы.

Среди других мероприятий, направленных на патриотическое воспитание студенческой молодежи, можно отметить молодежный форум «Политическая партия и молодой человек», проведенный в целях развития системы молодежного самоуправления, молодежного парламентаризма и обмена опытом молодежных лидеров. Интенсивно развивается деятельность политического клуба «Клуб Парламентских дебатов КубГУ», регуляр-

но проводятся турниры и тренинги по дебатам среди студентов и молодых ученых, состоялся открытый городской Кубок по парламентским дебатам «Кубик–2012». На общеуниверситетском фестивале национальных культур в рамках Открытого Фестиваля молодежных творческих инициатив «Этажи» демонстрировались достижения ежемесячных творческих мероприятий российских и иностранных студентов КубГУ, на факультетах открыто 26 национальных гостиных. В рамках реализации Программы созданы студенческая конфликтологическая служба, студенческое консультативное правовое бюро, социологическая и психологическая исследовательские группы по вопросам адаптации и трудоустройства студенческой молодежи в полиэтничном обществе.

Программа реализовывалась в обстановке гласности, информационной открытости, вовлеченности добровольцев в ее мероприятия. Она была размещена на сайтах КубГУ и Министерства образования и науки Российской Федерации. Ход реализации широко освещался в средствах массовой информации – видеосюжетах на ТВ, газетах, журналах, информационных интернет-порталах. Реализация Программы позволила КубГУ значительно повысить эффективность деятельности студенческих объединений и создать новые, привлечь значительное число студентов к научно-исследовательской работе, к волонтерской деятельности, активизировать воспитательную работу по укреплению межнациональных связей, пропаганде культурных ценностей, толерантности, развитию гражданственности и патриотизма в студенческой среде. По итогам первого года реализации Программы наш вуз вошел в первую тройку по России в области волонтерства и стал первым в Южном федеральном округе по патриотическому воспитанию. После стихийных бедствий в Крымском районе и поселке Новомихайловском более 800 студентов КубГУ сразу откликнулись на призыв о помощи пострадавшим районам и участвовали в ликвидации последствий наводнений.

Таким образом, формирование гражданских качеств личности российской молодежи имеет важное значение для обеспечения национальной безопасности страны. Исследования, проведенные коллективом кафедры политологии и политического управления в рамках проекта «Информационная безопасность в полиэтничном социуме (на материалах ЮФО)» [5] (руководитель – доктор философских наук, профессор В.М. Юрченко) показали, что обязательным условием, необходимых для снижения деструктивной конфликтности полиэтнической среды Юга России, является проведение грамотной и креативной информационной политики, направленной на формирование патриотизма, духовного богатства, сплоченности и дружелюбия людей, независимо от этнической принадлежности.

Представляется, что опыт Кубанского государственного университета будет востребован не только в вузах Краснодарского края. Он позволит сформировать личность, способную разрешать возникающие проблемы, адаптиро-

ваться к изменяющимся социально-экономическим и политическим условиям, представлять и защищать свои интересы, уважая интересы и права других людей, хорошо знать историю своей страны и любить свое Отечество.

Примечания:

1. Маркедонов С. Кондопога: системный кризис российской национальной политики? // Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии. М., 2007. С. 15.
2. Встреча Президента РФ с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодежи 12 сентября 2012 г., г. Краснодар. URL: <http://news.kremlin.ru/news/16470/print>.
3. Назарова Е. Любовь к Отечеству сильна, когда крепка связь поколений // Краснодарские известия. 2013. 22 февраля.
4. Выступление на праздничном концерте, посвященном 70-летию победы в Сталинградской битве. URL: <http://президент.рф/%D0%B2%D1%8B%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F/17416>.
5. Проблемы устойчивого развития региона: информационная безопасность полиэтнического социума (на материалах Юга России). Краснодар, 2011.

Т.А. Степаничева

История Великой Отечественной войны

в названиях ростовских улиц:

ВОССОЗДАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

в информационно-коммуникативной среде

14 февраля 2013 г. в г. Ростове-на-Дону отметили 70-летнюю годовщину освобождения города от немецко-фашистских захватчиков. Именно к данной дате приурочили проведение памятной акции ростовчанки Т. Степаничева, М. Скорик и Т. Павлова – они решили отметить памятными знаками улицы, названные в честь освободителей города и участников Великой Отечественной войны. Конечный срок акции, обозначенный ее инициаторами – 22 июня 2013 г.

Изначально главной идеей проекта являлось привлечение внимания жителей города к его истории и культуре. В социальных сетях, в «ВКонтакте» и «Facebook», были созданы специальные группы, в которых планировалось обнародовать информацию о людях, в память о которых названы улицы, указывать на карте их местоположение и размещать фотографии современного состояния улиц, которые бы присылались новыми участниками группы. Однако позже программа была расширена. Организаторы решили выйти

с акцией на улицы города. За свой собственный счет стали изготавливать памятные таблички с фотографией героев, их краткой биографией и названием акции. Проект получил название «[У]Лица Победы». В углу каждой таблички размещается QR код со ссылкой на мероприятие в «Facebook».

Поначалу новые участники группы, представители социальных сетей, не проявляли интереса к непосредственному участию в акции, однако их поведение начало меняться после первого проведенного мероприятия на улице. 14 февраля организаторы вышли на улицы Герасименко и Мадояна, где были установлены первые таблички. Весь процесс сопровождался онлайн-репортажем в сетях «Facebook» и «ВКонтакте». Данные трансляции превратились в неотъемлемую часть работы группы «[У]Лица Победы».

Акция привлекла внимание широкой аудитории, количество участников группы увеличилось. Кроме того, к акции подключились студенты Ростовского художественного училища им. М.Б. Грекова, а также ученики нескольких школ и их преподаватели, которые смогли связаться с организаторами мероприятия непосредственно через социальные сети. Благодаря социальным сетям о проекте узнали журналисты местных СМИ. Публикации об акции были размещены на сайтах «Российской газеты», «Молот», «Ростов официальный», «Городской репортер», «Файл-РФ», «Новости@mail.ru», «Diplom.161.ru». Анализируя статьи в СМИ, можно выявить ряд схожих моментов в позиционировании деятельности участников проекта. Во-первых, происходит акцентирование внимания на гражданской инициативности группы и независимости акции от администрации города. Во-вторых, выявляется важность формирования патриотических настроений в молодежной среде (возраст всех организаторов проекта – 22 года). И, в-третьих, рассматривается необходимость увековечивания памяти героев Великой Отечественной войны.

Реакция жителей города на сам проект и его участников была различной. Можно выделить три группы ростовчан, демонстрировавших различное отношение к акции. Большая часть граждан знала, чьим именем названа их улица, отнеслись к действиям участников группы с одобрением, некоторые предлагали помощь в размещении табличек на собственных домах. Часто звучали слова благодарности от людей разного возраста: и от молодых, которые помогали крепить таблички, и от пожилых, делившихся историческими воспоминаниями. Представители второй группы не знали, в честь кого названа улица, на которой они проживают, и при этом не желали, чтобы на их доме появилась памятная табличка. Представители третьей группы также не знали истории названия своей улицы, но к акции отнеслись положительно и предлагали свою помощь.

Комментарии в группах, в социальных сетях, также носят различный характер. Преподаватель Ростовского художественного училища им. М.Б. Грекова отметила в своем комментарии в сети «ВКонтакте»: *«Плохо только то, что вспоминаем погибших героев только по праздникам. А за год*

никто, кроме родственников людей, похороненных рядом с братской могилой, не ухаживает [за ней]. В прошлом году у памятника Саше Чебанову отбили кусок гранита и залили отработкой. Мы еле отчистили. Раньше мы с бабулей ухаживали за всей аллеей, а теперь я одна» [1].

У определенной части аудитории вызвало недовольство размещение информации о проспектах Ворошилова и Буденного. Один из участников группы в «Facebook» настаивал на переоценке значимости политических фигур военного периода, что демонстрирует распространение настроения аудиторного сегмента, недовольного тем, что историческая действительность была интерпретирована в определенных политических целях. Как пишет В.В. Панков: «Историческая память в какой-то мере восстанавливает необходимую для социума связь с прошлым, которую обеспечивала традиция, но в современном динамичном обществе даже “изобретенная”, т.е. определяемая настоящим, традиция перестает работать, ей на смену приходит социально детерминированная “историческая память”. В этой связи в исторических сочинениях успешно утвердился еще один аспект темы – “политика памяти”. Он связан с анализом роли политического проекта и соответственно заказа в формировании и закреплении достаточно конкретных знаний о прошлом, обеспечивающих определенные социально-политические цели, задачи и ценности общества» [2].

Участники группы в сети пишут слова благодарности и за опубликованную информацию, и за размещение табличек. Другие высказывают пожелание присоединиться или сожалеют, что по каким-то причинам не могут этого сделать. Публикуются комментарии, авторы которых рассказывают об участниках Великой Отечественной войны в их семьях.

В г. Ростове-на-Дону 111 улиц носят имена участников Великой Отечественной войны. У участников проекта возникли определенные трудности в связи с масштабом работ. Был составлен график посещения улиц. Интернет-карты «Google», «Яндекс» и карты в печатном варианте не содержали информации о месторасположении 5 улиц, в связи с чем в группах, в «ВКонтакте» и «Facebook», было размещено обращение с просьбой помочь в поиске необходимых улиц.

Проект, реализуемый ростовскими девушками, характеризуется научной и культурной значимостью. Проводится изучение топонимики города, связанной с его историей. Современные исследователи отмечают, что «топонимика России, вобравшая в себя память людей об именах и событиях, отражающая наиболее значимые вехи в истории страны, является не только своеобразным источником историко-географических исследований, но и ценным объектом нематериального культурного наследия» [3].

Таким образом, акция «[У]Лица Победы», связанная с историей и культурой г. Ростова-на-Дону, стала возможной благодаря использованию новейших медийных коммуникаций. Работа участников группы продолжается, регулярно в сети появляются отчеты о ее деятельности. Проект, направленный на восстановление исторической памяти города, привлек себе общественное внимание.

Примечания:

1. «[У]Лица Победы» // Вконтакте. 29.03.2013. URL: [http://vk.com/ulica.pobedi?w=wall-49522972_2 %2Fall](http://vk.com/ulica.pobedi?w=wall-49522972_2%2Fall).
2. Панков В.В. Проблема рационального и иррационального в историческом познании. Автореф. дисс... канд. философ. наук. Магнитогорск, 2006. С. 15.
3. Шульгина О.В., Шульгина Д.П. Топонимика как объект нематериального наследия, связанного с Отечественной войной 1812 года в России // Исторические исследования. 2012. № 1.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агеева Валентина Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент (Таганрогский государственный педагогический институт им. А.П. Чехова)

Артюхин Юрий Владимирович – кандидат географических наук (ООО НПЦ «Берегозащита», г. Краснодар)

Афанасенко Владимир Иванович (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН – ИСЭГИ ЮНЦ РАН)

Бадмаева Екатерина Николаевна – доктор исторических наук, доцент (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Баженов Александр Юрьевич – кандидат экономических наук (Научно-исследовательский отдел «Волгоградпатриотцентр»)

Баженова Олеся Владимировна (Волгоградский государственный университет)

Баранов Андрей Владимирович – доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор (Кубанский государственный университет)

Безугольный Алексей Юрьевич – кандидат исторических наук (НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации)

Белецкая Екатерина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент (Тверской государственный университет)

Белоусов Сергей Степанович – кандидат исторических наук, доцент (ИСЭГИ ЮНЦ РАН)

Богданов Геннадий Александрович – кандидат исторических наук, доцент (Армавирская государственная педагогическая академия)

Бугаев Абдула Махмудович – кандидат исторических наук (Академия наук Чеченской Республики)

Васильева Ольга Арнольдовна – кандидат политических наук (Современная гуманитарная академия, Волгоградский филиал)

Вершинин Геннадий Федорович (Совет ветеранов первичной организации ОАО «Таганрогский НИИ связи» Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов)

Гапуров Шахрудин Айдиевич – доктор исторических наук, профессор (Академия наук Чеченской Республики)

Гаркуша Игорь Викторович (Таганрогский военно-исторический музей)
Гражданов Юрий Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор
(Современная гуманитарная академия, Волгоградский филиал)

Гридина Ирина Николаевна – доктор исторических наук, профессор
(Донецкий национальный университет, Украина)

Гришин Виктор Владимирович – генерал-майор авиации, заслуженный
военный летчик СССР (Союз ветеранов войны и военной службы 4-й воз-
душной армии ВВС и ПВО)

Дружинина Алёна Валерьевна (Центральная городская библиотека им.
А.И. Солженицына города-курорта Кисловодска)

Дьякова Елена Васильевна (Харьковский национальный педагогический
университет, Украина)

Есип Игорь Михайлович – кандидат исторических наук, доцент
(Донецкий национальный университет, Украина)

Иванцов Игорь Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент
(Краснодарский государственный университет культуры и искусств)

Кашеварова Наталия Григорьевна – кандидат исторических наук
(Институт истории Украины Национальной академии наук Украины)

Кедрова Ирина Владимировна – кандидат педагогических наук
(Ростовский технологический институт сервиса и туризма (филиал) Южно-
Российского государственного университета экономики и сервиса)

Киселев Илья Викторович – кандидат исторических наук (Колледж пра-
ва, экономики и управления, г. Краснодар)

Кислицын Сергей Алексеевич – доктор исторических наук, профессор
(Южно-Российский институт – филиал Российской академии народного хозяй-
ства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

Ковалев Борис Николаевич – доктор исторических наук, профессор
(Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого)

Кринко Евгений Федорович – доктор исторических наук (ИСЭГИ
ЮНЦ РАН)

Кудряков Андрей Юрьевич (Поисковое объединение «Миус-Фронт»)

Курбат Татьяна Георгиевна (ИСЭГИ ЮНЦ РАН)

Левендорская Людмила Валентиновна (Центр документации новейшей
истории Ростовской области)

Линец Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор
(Пятигорский государственный лингвистический университет)

Максимов Константин Николаевич – доктор исторических наук, про-
фессор (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Марквик Роджер – доктор истории, профессор (Университет Ньюкасла,
г. Ньюкасл, Австралия)

Матишов Геннадий Григорьевич – академик (ЮНЦ РАН)

Невежин Владимир Александрович – доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)

Очиров Уташ Борисович – доктор исторических наук, доцент (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Панарин Дмитрий Андреевич (Армавирская государственная педагогическая академия)

Панарина Елена Владимировна – доктор исторических наук, доцент (Армавирская государственная педагогическая академия)

Петрова Нина Константиновна – доктор исторических наук (Институт российской истории РАН)

Раздольский Сергей Александрович – доктор философских наук, доцент (ИСЭГИ ЮНЦ РАН)

Ратушняк Олег Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент (Кубанский государственный университет)

Рейхман Григорий (Российский научно-просветительный центр «Холокост», г. Ашдод, Израиль)

Роменский Анатолий Филиппович (Социально-реабилитационный центр Куйбышевского района Ростовской области)

Самарина Елена Михайловна – пенсионерка, племянница молодогвардейца В.И. Третьякевича (г. Дзержинск Нижегородской области)

Санеев Сергей Александрович (Новороссийское городское историческое общество)

Санин Дмитрий Николаевич (Поисковый отряд «Поиск»)

Селюнин Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор (Таганрогский государственный педагогический институт им. А.П. Чехова)

Селюнина Наталья Владимировна – доктор исторических наук, доцент (Таганрогский государственный педагогический институт им. А.П. Чехова)

Семистяга Владимир Федорович – кандидат исторических наук, доцент (Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко)

Сенявский Александр Спартакович – доктор исторических наук (Институт российской истории РАН)

Сенявская Елена Спартаковна – доктор исторических наук (Институт российской истории РАН)

Сивков Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент (Южный институт менеджмента, г. Краснодар)

Скворцова Ирина Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент (Кубанский государственный технологический университет)

Скорик Александр Павлович – доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор (Южно-Российский государственный технический университет (Новочеркасский политехнический институт))

Смеюха Виктория Вячеславовна – доктор филологических наук, доцент (Южный федеральный университет)

Стасюк Александр Павлович (Ростовский городской клуб молодежи и ветеранов «Патриот»)

Степаничева Татьяна Александровна (Ростовский филиал Клуба политического действия «4 ноября»)

Столбовская Ольга Ивановна (Средняя общеобразовательная школа № 1 Матвеево-Курганского района Ростовской области)

Стреляев Иван Юрьевич (Донской военно-исторический музей)

Судоргин Николай Геннадьевич – кандидат химических наук (Региональный общественный фонд содействия социально-экономическому развитию «Танаис»)

Тажидинова Ирина Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент (Кубанский государственный университет)

Татарinov Игорь Евгеньевич – кандидат исторических наук (Луганский институт Межрегиональной академии управления персоналом, Украина)

Терушкин Леонид Абрамович (Российский научно-просветительный центр «Холокост»)

Тетуев Алим Инзрелович – доктор исторических наук (Институт гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра РАН)

Титаренко Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент (Донецкий юридический институт, Украина)

Трут Владимир Петрович – доктор исторических наук, профессор (Южный федеральный университет)

Физилер Беата – доктор истории, профессор (Университет Генриха Гейне, г. Дюссельдорф, Германия)

Хлынина Татьяна Павловна – доктор исторических наук (ИСЭГИ ЮНЦ РАН)

Хандожко Роман Игоревич – кандидат исторических наук (Донской государственный технический университет)

Хубулова Светлана Алексеевна – доктор исторических наук, профессор (Северо-Осетинский государственный университет)

Циткилов Петр Яковлевич – доктор исторических наук, профессор (Новочеркасская государственная мелиоративная академия)

Чуцков Виктор Иванович (Ростовский духовно-патриотический центр святого Георгия Победоносца)

Чуха Аслан Рамазанович (Армавирская государственная педагогическая академия)

Шпагин Сергей Алексеевич (Южный федеральный университет)

Юрченко Виктор Михайлович – доктор философских наук, профессор (Кубанский государственный университет)

Яновский Вячеслав Сергеевич – кандидат исторических наук (Ставропольский государственный педагогический институт, г. Ессентуки)

Януш Сергей Владимирович – доктор исторических наук, профессор (Ставропольский государственный аграрный университет)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
-------------------	---

РАЗДЕЛ 1. НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ИСТОЧНИКИ В ИЗУЧЕНИИ КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

<i>Матишов Г.Г.</i> Роль сражений на Кавказе и под Сталинградом в коренном переломе в Великой Отечественной войне	8
<i>Афанасенко В.И.</i> Забытые «котлы» июля 1942 г.	14
<i>Линец С.И.</i> Строительство оборонительных сооружений на Северном Кавказе и их использование Красной армией в ходе оборонительных боев в 1942 г.	21
<i>Богданов Г.А.</i> Битва за Кавказ и ее историческое значение.	29
<i>Безугольный А.Ю.</i> Заоблачный фронт: боевые действия советских войск в районе Эльбруса в 1942 г.	33
<i>Роменский А.Ф.</i> Пять попыток прорыва Миус-фронта.	38
<i>Кудряков А.Ю.</i> Действия штурмовых групп при прорыве Миус-фронта: по материалам поисковых военно-археологических исследований	45
<i>Баженов А.Ю.</i> Формирование частей народного ополчения из населения казачьих районов Сталинградской области в 1941–1942 гг.	48
<i>Очилов У.Б.</i> Военные мобилизации в Калмыцкой АССР в 1941–1943 гг.	53
<i>Максимов К.Н.</i> Калмыки-военнопленные в Великой Отечественной войне.	60
<i>Киселев И.В.</i> Словацкая моторизованная дивизия в боях на Кубани (август 1942 г. – февраль 1943 г.)	67
<i>Трут В.П.</i> Курская битва: известные события и неизвестные факты.	73
<i>Ковалев Б.Н.</i> Коренной перелом в Великой Отечественной войне и испанские солдаты на Восточном фронте	78
<i>Артюхин Ю.В.</i> Ейская военно-морская база: становление и участие в боевых действиях в 1941–1943 гг.	85

Санин Д.Н. Бой за станицу Егорлыкскую 23–25 января 1943 г.	92
Гришин В.В. Золотые Звезды Александра Ивановича Покрышкина (к 100-летию со дня рождения легендарного аса Второй мировой войны)	96
Санеев С.А. Девушки в небе Новороссийска	103
Невежин В.А. Сталинская «стратегия банкета»: дипломатические приемы в Кремле в честь союзников (1943 г.)	108
Кислицын С.А. Двинский Б.А. во главе Ростовской области накануне и во время Великой Отечественной войны	114

РАЗДЕЛ 2. ОКУПАЦИЯ, СОПРОТИВЛЕНИЕ И КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ

Семистяга В.Ф. Советско-германское противостояние в приграничных регионах УССР и РСФСР накануне и во время Сталинградской битвы	121
Тетуев А.И. Коллаборационизм в Кабардино-Балкарской АССР и депортация балкарского народа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	128
Ратушняк О.В. Казачий стан: от создания до выдачи	135
Титаренко Д.Н. Совещание 18 декабря 1942 г. в Министерстве оккупированных восточных областей: попытка преодолеть кризис	140
Кашеварова Н.Г. Ростов-на-Дону в 1942–1943 гг. в донесениях сотрудников Оперативного штаба Розенберга	146
Дружинина А.В. Обстановка в Краснодаре в период немецко-фашистской оккупации (июль 1942 – февраль 1943 гг.)	153
Яновский В.С. Эвакуация населения поселка Нижний Баксан летом – осенью 1942 г.	160
Иванцов И.Г. Оккупация города Краснодара в воспоминаниях его жителей	165
Татарinov И.Е. Отражение Сталинградской битвы на страницах оккупационной прессы (по материалам газет Ворошиловградской области)	169
Шпагин С.А. Навязанная повседневность: тематика газеты «Голос Ростова» как отражение оккупационной действительности в Ростове-на-Дону (август 1942 – февраль 1943 гг.)	177
Циткилов П.Я. Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт в период немецкой оккупации (июль 1942 – февраль 1943 гг.)	182
Януш С.В. Осуществление «окончательного решения еврейского вопроса» на территории Орджоникидзевского края в 1942–1943 гг.	188

Курбат Т.Г. Уничтожение немецко-фашистскими захватчиками еврейского населения Ростовской области (1941–1943 гг.)	195
Вершинин Г.Ф. О судьбе детей таганрогских приютов	200
Петрова Н.К. История «Молодой гвардии» (г. Краснодар): взгляд через 70 лет	204
Стасюк А.П. «Молодая гвардия»: сохранение исторической памяти	211
Дьякова Е.В. Участие партизан в боях с гитлеровскими захватчиками весной – летом 1942 г.	214
Самарина Е.М. «Побывал он и в национальных героях, и в подлых предателях...»: судьба молодогвардейца Виктора Третьякевича	219
Столбовская О.И. Судьбы партизан Матвеево-Курганского района	223

РАЗДЕЛ 3. ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ, ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА

Сенявский А.С. Феномен массового героизма в период Великой Отечественной войны и роль идеологии и пропаганды в его формировании.	230
Кринко Е.Ф. Вера и суеверия фронтовиков в годы Великой Отечественной войны	237
Хлынина Т.П. Жилищная политика советского государства накануне и в годы Великой Отечественной войны	245
Сенявская Е.С. Женщина на фронте: проблемы психологической адаптации к «мужскому быту войны»	252
Тажидинова И.Г. Женщины в армии: свидетельства мужчин-комбатантов (1941–1945 гг.)	259
Смеюха В.В. Женские письма Великой Отечественной войны в прессе (на примере «Комсомольской правды»)	266
Есип И.М. Женские образы в народном самодеятельном творчестве в годы Великой Отечественной войны (на материалах Донбасса)	274
Скорик А.П. Фронтовая повседневность донских казаков	283
Физелер Б., Марквик Р. «Второй фронт» в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг.: борьба за выживание жен и семей красноармейцев в Ярославле	289
Белоусов С.С. Восстановление организованных форм религиозной жизни православного населения Калмыкии в период Великой Отечественной войны	293
Агеева В.А. Страницы школьной повседневности города N... в 1943–1945 гг. (на материалах личного дневника военного времени М.Е. Галах-Муравьевой)	300

Селюнин В.А. Железнодорожники юга России – фронту (1943 г.).....	305
Селюнина Н.В. Моряки и речники юга России в войсковых операциях 1943 г.....	311
Бадмаева Е.Н. Сельское хозяйство Калмыкии в годы Великой Отечественной войны.....	316
Панарин Д.А. Производственная деятельность совхозов Кубани и Ставрополя в условиях коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны.....	321
Панарина Е.В. Роль огородничества в решении продовольственной проблемы на Дону и Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны.....	326
Баженова О.В. К вопросу о продовольственном снабжении рабочих и служащих на предприятиях Сталинграда в 1941–1945 гг.....	331
Чуха А.Р. Участие промысловой кооперации в обеспечении населения Кубани товарами первой необходимости в условиях коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны.....	336
Скворцова И.В. Состояние промышленности Краснодарского края в 1941–1945 гг.....	341
Левендорская Л.В. Восстановление народного хозяйства и социально-культурной инфраструктуры Ростовской области в условиях прифронтового положения (январь – август 1943 г.).....	344

РАЗДЕЛ 4. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА КАК МЕСТО ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Баранов А.В. Историческая память украинского общества о Великой Отечественной войне: проблемы политизации.....	348
Гридина И.Н. «Коренной перелом» сознания: историческая память о Великой Отечественной войне в отношениях Украины и России.....	354
Васильева О.А., Гражданов Ю.Д. События Великой Отечественной войны на юге России в трудах современных азербайджанских исследователей.....	359
Гапуров Ш.А., Бугаев А.М. Депортация чеченского народа и ее осмысление в отечественной историографии.....	366
Сивков С.М. Новейшая историография Великой Отечественной войны на Кубани (2012–2013 гг.).....	372
Терушкин Л.А. Поиск и изучение фронтовых писем Архивом Научно-просветительного центра «Холокост».....	375
Хубулова С.А. Осетинская народная песня о героях Великой Отечественной войны.....	382

Раздольский С.А. Самая мирная профессия на войне (из воспоминаний родителей)	388
Белецкая Е.М. Герои Великой Отечественной войны в рассказах М.А. Андриасова	393
Рейхман Г. Отражение в русскоязычных СМИ Израиля истории Холокоста и сохранения памяти о нем на юге России.	401
Кедрова И.В. Великая Отечественная война в федеральных и региональных памятниках и мемориалах Ростовской области и возможности их экскурсионного использования.	408
Хандожко Р.И. Мемориализация Великой Отечественной войны в городских муниципальных практиках: упорядочение захоронений, монументальная коммеморация, топонимика (Ростов-на-Дону, 1943–1965).	413
Судоргин Н.Г. Комплексная музеефикация территорий – эффективный механизм воспроизводства памяти о Великой Отечественной войне	417
Гаркуша И.В. Роль частных музеев в формировании исторической памяти и культуры (на примере Таганрогского военно-исторического музея). ...	423
Стреляев И.Ю. Донской военно-исторический музей – музей живой истории.	425
Чуцков В.И. Работа общественных патриотических организаций по увековечиванию памяти воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны	429
Юрченко В.М. Память о Великой Отечественной войне в контексте патриотического воспитания студенческой молодежи на Юге России. ...	433
Степаничева Т.А. История Великой Отечественной войны в названиях ростовских улиц: воссоздание исторической памяти в информационно-коммуникативной среде.	438
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	442

TABLE OF CONTENTS

Academician RAS Matishov, G.G. Foreword	5
--	---

SECTION 1. NEW APPROACHES AND SOURCES TO STUDY THE TURNING-POINT IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

Matishov, G.G. The role of the battles of the Caucasus and Stalingrad in the turning-point of the Great Patriotic War	8
Afanasenko, V.I. «The forgotten pockets» of July 1942.....	14
Linets, S.I. The construction of defences in the Northern Caucasus and their use by the Red Army during the defensive battles of 1942.....	21
Bogdanov, G.A. The Battle of the Caucasus and its historical importance.....	29
Bezugol'nyi, A.Yu. The front beyond the clouds: military operations of the Soviet troops in the area of Elbrus in 1942	33
Romenskyi, A.F. Five attempts to break through the Mius Front Line	38
Kudryakov, A.Yu. The assault troops (groups) during the breakthrough of the Mius Front Line: based on the materials of search military-archaeological studies	45
Bazhenov, A.Yu. Formation of people's volunteer corps of the population of the Cossack areas of Stalingrad Region in 1941–1942	48
Ochirov, U.B. Wartime mobilizations in Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic in 1941–1943.....	53
Maksimov, K.N. The Kalmyk prisoners of war in the Great Patriotic War.....	60
Kiselev, I.V. The Slovak Motorized Division in combat operations in the Kuban Region (August 1942 – February 1943).....	67
Trut, V.P. The Battle of Kursk: known events and unknown facts	73
Kovalev, B.N. The turning-point in the Great Patriotic War and Spanish soldiers at the Eastern Front	78
Artyukhin, Yu.V. Yeysk Naval Base: formation and participation in the military operations of 1941–1943.....	85
Sanin, D.N. The fight for the Cossack village (stanitsa) of Egorlykская of 23–25 January 1943.....	92
Grishin, V.V. The Hero of the Soviet Union Golden Stars of Alexander Ivanovich Pokryshkin (100-year birth anniversary of the legendary ace of the Great Patriotic War).....	96

Saneev, S.A. The girls-pilots in the sky over Novorossisk	103
Nevezhin, V.A. The Stalin's «Strategy of Banquet»: diplomatic receptions in the Kremlin in honour of the Allies (1943)	108
Kislitsin, S.A. B.A. Dvinsky at the head of Rostov Region on the eve of and during the Great Patriotic War	114

SECTION 2. OCCUPATION, RESISTANCE, AND COLLABORATIONISM

Semistyaga, V.F. The Soviet-German confrontation in the neighbouring areas of Ukrainian Soviet Socialist Republic and Russian Soviet Federative Socialist Republic on the eve of and during the Battle of Stalingrad	121
Tetuev, A.I. Collaborationism in Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic and deportation of the Balkar people during the Great Patriotic War (1941–1945)	128
Ratushnyak, O.V. The Cossack camp: from formation to extradition of the Cossacks	135
Titarenko, D.N. The meeting of 18 December 1942 at the Reich Ministry for the Occupied Eastern Territories (Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete): an endeavour to overcome the crisis	140
Kashevarova, N.G. Rostov-on-Don in 1942–1943 in the reports and messages of employees of the Reichsleiter Rosenberg Taskforce (Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg)	146
Druzhinina, A.V. Situation in Krasnodon during the German-fascist occupation (July 1942 – February 1943)	153
Yanovsky, V.S. Evacuation of population of the settlement of Nizhnyi Baksan in summer-autumn of 1942	160
Ivantsov, I.G. The occupation of Krasnodar in the memories of its dwellers	165
Tatarinov, I.E. Reflection of the Battle of Stalingrad in the press of the occupation period (based on the materials of the newspapers of Voroshilovgrad Region)	169
Shpagin, S.A. Imposed everyday life: the themes of the Golos of Rostov (The Voice of Rostov) Newspaper as a reflection of occupation reality in Rostov-on-Don (August 1942 – February 1943)	177
Tsitkilov, P.Ya. Novochoerkassk Engineering-Reclamation Institute during the German occupation (July 1942 – February 1943)	182
Yanush, S.V. Implementation of the Final Solution of the Jewish Question (Die Endlösung der Judenfrage) on the territory of Ordzhonikidze Krai in 1942–1943	188

Kurbat, T.G. Extermination of the Jewish population of Rostov Region by the German-fascist occupants (1941–1943)	195
Vershinin, G.F. On the fate of children of Taganrog children's homes and orphanages	200
Petrova, N.K. The history of the Young Guard (the town of Krasnodon): a view 70 years after.....	204
Stasyuk, A.P. The Young Guard: preservation of historical memory	211
D'yakova, E.V. Participation of the partisans in the fights against the Hitlerite invaders in spring-summer of 1942.....	214
Samarina, E.M. «He was treated both as a national hero and a vile traitor...»: the destiny of Victor Tret'yakevich, the Young Guard member	219
Stolbovskaya, O.I. Destinies of the partisans of Matveev-Kurgan District....	223

SECTION 3. MILITARY ECONOMICS, EVERYDAY LIFE, AND MASS CONSCIOUSNESS

Senyavsky, A.S. A phenomenon of mass heroism during the Great Patriotic war and the role of ideology and propaganda in its formation	230
Krinko, E.F. The faith and superstitions of the front-line soldiers during the Great Patriotic War	237
Khlynina, T.P. The housing policy of the Soviet State on the eve of and during the Great Patriotic War	345
Senyavskaya, E.S. A woman at the front-line: the problems of psychological adaptation to «men's war life».....	252
Tazhidinova, I.G. Women in the army: evidences of men-combatants (1941–1945)	259
Smeyukha, V.V. Women's letters during the Great Patriotic War in the press (the Komsomol'skaya Pravda Newspaper being exemplified).....	266
Esip, I.M. Female images in the popular/folk art and amateur work during the Great Patriotic War (based on the Donbas materials and data)	274
Skorik, A.P. The front-line everyday life of the Don Cossacks.....	283
Fieseler, B. and Markwick, R. «The second front» in the Great Patriotic War (1941–1945): the struggle for survival by the Red Army men's wives and families in Yaroslavl	289
Belousov, S.S. Restoration of the organized forms of religious life of the Orthodox population of Kalmykia during the Great Patriotic War	293
Ageeva, V.A. The pages of school everyday life in the city of N... in 1943–1945 (based on the personal diary of the war period of M.E. Galakh-Muravyeva)	300

Selyunin, V.A. Railwaymen of the South of Russia for the front (1943)	305
Selyunina, N.M. Seamen and river transport workers of the South of Russia in military operations of 1943	311
Badmaeva, E.N. Agriculture of Kalmykia during the Great Patriotic War.	316
Panarin, D.A. Production activities of the sovkhozes of the Kuban and Stavropol Regions under the conditions of the turning-point in the Great Patriotic War.	321
Panarina, E.V. The role of market-gardening in solving of the food problem in the Don Region and the Northern Caucasus during the Great Patriotic War	326
Bazhenova, O.V. On the food supply issues of Stalingrad enterprises' workers and employees in 1941–1945	331
Chukho, A.R. The role of producers' co-operative society in providing the Kuban Region population with essential goods under the conditions of the turning-point in the Great Patriotic War	336
Skvortsova, I.V. The state of industry of Krasnodar Krai in 1941–1945.	341
Levendorskaya, L.V. The restoration of economics and social-cultural infrastructure of Rostov Region under the forward area conditions (January-August 1943)	344

SECTION 4. THE GREAT PATRIOTIC WAR AS THE SPACE OF HISTORICAL MEMORY

Gridina, I.N. «The turning-point» in consciousness: historical memory of the Great Patriotic War in the relations between Ukraine and Russia.	348
Baranov, A.V. Historical memory of the contemporary Ukrainian society of the Great Patriotic War: the problems of politicization	354
Vasilyeva, O.A. and Grazhdanov, Yu.D. Events of the Great Patriotic War in the South of Russia in the works by contemporary Azerbaijan researchers.	359
Gapurov, Sh.A. and Bugaev, A.M. Deportation of the Chechen people and its comprehension in the national historiography	366
Sivkov, S.M. The latest historiography of the Great Patriotic War in the Kuban Region (2012–2013)	372
Terushkin, L.A. Searches for and study of the letters from the front by the researchers from the Archives of the Holocaust Scientific-Educational Centre	375
Khubulova, S.A. The Ossetian folk song about the heroes of the Great Patriotic War.	382
Razdol'sky, S.A. The most peaceful profession at war (based on parents' memories)	388

Beletskaya, E.M. The heroes of the Great Patriotic War in the short stories by M.A. Andriasov	393
Reichman, G. Reflection of the Holocaust history in the Russian-language mass media of Israel and preservation of the Holocaust memory in the South of Russia.	401
Kedrova, I.V. The Great Patriotic War in the federal and regional monuments and memorials of Rostov Region and possibilities of their excursion potential.	408
Khandozhko, R.I. Memorialisation of the Great Patriotic War in urban municipal practices: regulation of burial places, monumental commemoration, and toponymy (Rostov-on-Don, 1943–1965) ...	413
Sudorgin, N.G. An integrated museumification of territories – an effective reproduction mechanism of historical memory of the Great Patriotic War	417
Garkusha, I.V. The role of private museums in the formation of historical memory and culture (Taganrog Military-Historical Museum being exemplified)	423
Strelyaev, I.Yu. The Don Military-Historical Museum – a museum of living history	425
Chutskov, V.I. Activities of the public patriotic organizations on the perpetuation of the memory of the soldiers killed during the Great Patriotic War	429
Yurchenko, V.M. The memory of the Great Patriotic War in the context of patriotic education of students in the South of Russia.	433
Stepanicheva, T.A. The history of the Great Patriotic War in the street names of Rostov-on-Don: reconstruction of historical memory in the informational-communicational milieu	438
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	442

Научное издание

**КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ:
к 70-летию освобождения Дона
и Северного Кавказа**

Материалы Международной научной конференции
(г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.)

Техническая редакция *А.А. Яковлева*
Верстка *И.В. Кубеш*
Перевод *Р.Г. Михалюк*
Дизайн обложки *Я.Ю. Яковлева*

Подписано в печать 20.05.2013
Формат 70 × 100/16. Бумага офсетная
Печать цифровая
Усл. печ. л. 37. Тираж 150 экз.

Издательство ЮНЦ РАН
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Тел. (863) 250-98-21

Отпечатано DSM Group

ИП Лункина Н.В. Св-во № 002418081
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Седова, 9, тел. (863) 263-57-66
e-mail: dsmgroupp@mail.ru